«НЕКОГДА» ЛЕГКО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «НИКОГДА»!

ФАНТАСТИКА И АФОРИСТИКА

Научная фантастика в жанре афоризма, максимы и рефлексии

МОСКВА – 2021 г.

Настоящая публикация подготовлена к печати Павлом Гелевой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.

Гелева П.А. «НЕКОГДА» ЛЕГКО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «НИКОГДА»! Фантастика и афористика.

В книге собраны афоризмы, максимы, сентенции и рефлексии, авторами которых являются писатели-фантасты. Материал сборника представлен в виде авторских рубрик, размещённых в алфавитном порядке. Эта книга – парад великих имён: Жюль Верн, Герберт Уэллс, Артур Конан-Дойль, Карел Чапек, Станислав Лем, Иван Ефремов, братья Стругацкие, Артур Кларк, Айзек Азимов, Рэй Брэдбери, Дмитрий Биленкин, Север Гансовский, Владимир Михайлов, Гарри Гаррисон, Кобо Абэ, Лао Шэ, Курт Воннегут, Фредерик Хойл, Роберт Хейнлейн, Клиффорд Саймак, Сергей Жемайтис, Павел Багряк, Илья Варшавский, Владимир Савченко, Павел Вежинов, Николай Дашкиев, Франсис Карсак, Герберт Циргибель, Анатолий Днепров и многие-многие другие. И это не только великие имена, но и великие мысли. Издание адресовано всем ценителям афористического жанра. Большинство вещей публикуется впервые. Читатели, несомненно, найдут для себя здесь много поучительного и интересного.

© Общий замысел, отбор материала, редакция, (частично) перевод и секвенция афоризмов: П.А. Гелевà

ЭКСПЛИКАЦИЯ

Данная книга представляет научную фантастику и авторов НФ-жанра под очень необычным углом зрения. Это не романы, не повести, не рассказы, а максимы и рефлексии, отобранные автором-составителем из этих романов, рассказов, повестей и пьес.

О достоинствах и преимуществах афоризма как литературного жанра в последние годы, да и прежде, написано и сказано более чем достаточно, и нам, по всей видимости, нет нужды добавлять что-то ещё от себя. Всевозможные сборники афоризмов издавались во всех странах и на всех существующих языках. Более того, они вполне успешно распродавались, так что даже издателям – этой наиболее отсталой и невежественной части культурного населения – стало ясно, что книги эти стоило и стоит печатать и распространять.

Книга не преследует цели устроить «парад великих имён», хотя таковой по ходу дела, разумеется, составляется сам собой, её задача – *парад великих мыслей*. И это принципиально важно, так как позволит любителям жанра узнать новые и неожиданные имена. Произведение, выпускаемое в свет, – и автор честно предупреждает об этом – не является очередной порцией разжижающей мозги болтовни, как это часто теперь в книжном мире бывает. Здесь собраны *руководства к действию*, здесь слова человеческой мудрости явлены во всей своей силе, величии и красоте.

Стоит упомянуть, что высказывания и суждения русскоязычных авторов только в очень редких случаях подвергались какой-то редакции или сокращениям, которых порой могли потребовать законы афористического жанра. Что касается иноязычных авторов, то в тех случаях, когда нам приходилось пользоваться ранее сделанными русскими переводами, а не своими собственными, слишком многое мы были вынуждены переделывать, редактировать, сокращать и делать стяжки с целью привести полученные фрагменты в соответствие с требованиями жанра максимы и рефлексии.

Общий принцип, в согласии с которым составлена данная подборка изречений писателей-фантастов, заключается, прежде всего, в том, что материал в ней представляет собой *авторские рубрики*, каждая из которых является *организованной* и *структурированной системой,* ничто здесь не свалено, что называется, «в кучу». Сентенции, по мере возможности, вытекают одна из другой в соответствии с плодотворным правилом Гельвеция, гласящим: «переход от одной мысли к другой происходит плавно и производит то же действие, что и основание волн».

Структурирование произведения, выстраивание (по мере возможности, которую доставляет наличествующий материал) отдельных и случайных афоризмов друг за другом в смысловые цепочки представляет существенную трудность. В самом деле, гораздо легче составлять такие сборники по какому-нибудь нелепому и формальному принципу, как это делают сегодняшние авторы подобных опусов. Самый излюбленный их приём *словарной статьи*, когда сентенции механически следуют одна за другою по алфавитному признаку, в зависимости от первой и второй буквы, с которых начинается первое слово изречения. Автору не стыдно признаться, что он никогда не следовал столь недобросовестным ухищрениям, потому что результат их оказывается неизменно плачевен: полученное таким способом собрание предложений можно будет назвать чем угодно, но только не *литературным произведением*.

Цифры в круглых скобках в конце каждой сентенции являются ни в коем случае не ссылками, как то думается некоторым, а просто порядковым номером, помогающим впоследствии находить то, что читателю понравилось. Поставлены оне не в начале, как то обычно делается, а в конце потому, что это (так автор позволяет себе сие называть) – *неназойливая нумерация.* Неназойлива она потому, что не отвлекает внимание читающего от самой мысли, как то неизбежно происходит, если цифра предваряет самую мысль.

В приведённых авторских рубриках, когда оне достигали значительного объёма, мысли того или иного писателя представлены как некая сумма, и поэтому, разумеется, не делается никаких попыток показать, как того хотелось бы некоторым, эволюцию мышления того или иного автора. Это было бы не к месту и не может соответствовать задачам данного сборника.

Надобно также предупредить, что автор и издатель оставляет за собой право дальнейшего совершенствования своего труда: расширения существующих рубрик и создания новых.

П.Г.

Москва. 1 сентября 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Абрамов ……..….

С.А. Абрамов ……..…….

К. Абэ …….

А. Азимов …….

Г. Альтов ……..

П.Р. Амнуэль ……..…….

П. Андерсон …….

П. Багряк ……...……..…….

А.Д. Балабуха …….…….

В.Е. Бахнов …….…….

А.Р. Беляев ……..…….

В.П. Бережной …….……..…….

А. Бертрам-Чандлер …….…….

А. Бестер ……..

Д.А. Биленкин ……..……..…….

Р. Блох …….……..…….

А.С. Бородыня …….

Р. Брэдбери ……..…….

К. Булычёв …….……..….

П. Буль …….

И.И. Варшавский ……...…….

П. Вежинов ……..…….

Ж. Верн …….

К. Воннегут …….……..…….

Дж. Ганн ……..…….

С.Ф. Гансовский …….

Г. Гаррисон …….……..…….

Х. Гернсбек …….……..…….

В.В. Головачёв …….

Г.С. Гор …….…….

А.А. Горбовский ……...…….

В.В. Григорьев …….

А.Г. Громова …….

Е.А. Грушко ……..…….

Г.И. Гуревич …….

Н.А. Дашкиев ……...…….

Л. Дель Рей ……..…….

Р.Ф. Джоунс …….…….

А. Днепров …….

Е.А. Дрозд …….…….

Ф.Я. Дымов ……..…….

М.Т. Емцев …….

И.А. Ефремов …….

Р. Желязны …….

С.Г. Жемайтис ……..…….

В.Н. Журавлёва …….

Б.В. Зубков …….

А.П. Казанцев …….

Ф. Карсак …….....……

Г. Каттнер .....

В. Кернбах …….…….

Д. Киз …….…….

Г.Д. Килуорт …….

А. Кларк …….

Ж. Клейн ……..…….

А.Л. Колпаков …….…….

В.Д. Колупаев ……..…….

С. Комацу …….…….

А. Конан-Дойль ……...…….

Р. Крон ……..…….

Э. Кросс …….

Лао Шэ …….

О.Н. Ларионова ……..…….

С. Лем ……..…….

И.Б. Лукодьянов …….

А.Л. Львов .....

Г.А. Максимов ……..…….

В.И. Малов ……..

Э. Манов …….…….…….

Г.С. Мартынов …….…….

Р. Мерль ……

В.Д. Михайлов …….

В.Н. Михановский …….…….

У. Моррисон …….

Х. Мюллер …….

В.А. Назаров …….

Й. Несвадба .....

Н.Е. Нильсен .....

В.А. Обручев …….

Л.А. Обухова …….

Б. Олдисс …….

С.И. Павлов …….…….

Л.Н. Панасенко .....

Е.И. Парнов …….….

Р.Г. Подольный …….

Ф. Пол ……..…….

А.Л. Полещук …….…….

Дж.Б. Пристли …….

М.Г. Пухов ……...…….

Н.В. Разговоров ……...

Э.Ф. Рассел ……..…….

К. Раш …….

В.А. Ревич ……..……..

И.М. Росоховатский ……...…….

В.М. Рыбаков ……..…….

В.И. Савченко …….…….

К. Саймак …….…….

Дж. Самнер-Элби …….

А. Селлингс ……..…….

Р. Сильверберг …….

К. Симонян ……..……

С.А. Снегов ……...…….

Н.В. Соколова ……..…….

Т. Старджон ……..…….

Братья Стругацкие …….…….

У. Тенн ……..…….

А.К. Тесленко ……..…….

К.Х. Тушель ……...…….

Дж . Уиндэм …….…….

Б. Ульбрих .....

Г. Уэллс …….

В.М. Фалеев ……..….

Г.Ю. Филановский ……..…….

У. Форсчен …….

Л.С. Хачатурьянц …….…….

Р. Хейнлейн ……..…….

Ф. Хойл ……..……

К.Э. Циолковский .....

Г. Циргибель …….

К. Чапек …….…….

А.И. Шалимов ……..……

А. Шаров ……

А.Л. Шейкин ……..……..

Р. Шекли …….

Т. Шерред ……....……..

Б.Г. Штерн ……..……..

В.И. Щербаков ……...……

Л.Г. Эджубов ……..…….

З.Ю. Юрьев ……..

Р.Ф. Янг ……...……

А. И. А б р а м о в

(1900 – 1985 гг.)

Многое удивительное в жизни начинается с пустяков. (1)

Зря потраченное время обходится слишком дорого, и платить за это по справедливости должен виноватый. (2)

Говорят, с годами приходит опыт, но часто он переходит в привычку всё сокращать и упрощать. (3)

Да что вообще мы знаем о времени? Одни считают его четвёртым измерением, другие – материальной субстанцией. Смешно! (4)

Парадоксы времени будут докучать нам, пока оно не откроет нам своих тайн: произвольно оно или упорядочено, непрерывно или скачкообразно, конечно или бесконечно. И есть ли у него начало или наше прошлое так же безгранично, как и будущее. (5)

Люди живут не ропща и не жалуясь, потому что роптать бесполезно, а жаловаться некому. (6)

Случайные попутчики в случайном мире не могут иметь ни жалости друг к другу, ни желания помочь. (7)

Старая, обветшалая догма – *каждый умирает в одиночку*. И никому нет дела до этих «одиночек». Одним больше, одним меньше – кому их считать? (8)

Как ни лжива история, а она очень лжива, в датах она обычно не врёт, и это единственное её достоинство. (9)

Хочешь управлять людьми – ищи пороки, а не добродетели – таково мнение тирана. (10)

Это уже типично английская черта – страх показаться смешным. (11)

Идеальные условия для контакта: равенство сторон, преодолённый языковой барьер и взаимная заинтересованность. (12)

Мы созданы для одного, но поразному. Одно – это наслаждение жизнью, разное – в понимании такого наслаждения. (13)

Ешь, пей, радуйся – это и есть обычное человеческое счастье. Ничего нового. Скудость интересов, животная возбудимость, шаблонность мышления, ничтожная продуктивность информации. Много их, тех, кому не нужен головной мозг, кому достаточно спинного. (14)

Сама по себе стабильность не может дать радости жизни. Радость – в преодолении трудностей. И преодолевая трудности в вечном поиске нового, мы не стоим на месте, а движем жизнь вперёд. (15)

Встреча с неведомым ошеломляет, и вряд ли ошеломлённый человек способен задавать разумные вопросы. (16)

Как всё-таки недалёк человек: венец творения, «хозяин жизни», а ткни его в непонятное – и застрял на месте: ни дохну́ть, ни сдвинуться. (17)

Не считай себя пешкой на шахматной доске, на которой кто-то разыгрывает свою партию. (18)

Капризная и непрочная штука, эта человеческая память: как дешёвый будильник, иногда звенит, когда это совсем не нужно, и молчит, когда вы так на него надеетесь. (19)

Память человеческая никогда не воспроизводит увиденного абсолютно точно. Особенно в мелочах. Что-то смазано, что-то тускнеет. (20)

Можно вспомнить не обязательно страшное, ведь были и счастливые дни в нашей жизни. Только стоит ли оживлять то, что умерло давно и бесповоротно? Вредная затейка. (21)

В конце концов, человеческий мозг – это только информационная машина, подчиняющаяся всеобщим законам управления и связи. (22)

Информация – это только информация, как бы ни был велик её объём. Способность к обобщениям и выводам – вот что такое мышление. (23)

Акт суждения – основа мышления – немыслим без самоорганизующейся системы памяти. (24)

Память – это не только накопление информации. Это и отбор, и кодирование, и оценка, и управление, когда из хранилища извлекается нужная информация, и забвение, когда информация уже не нужна, и тактическое её использование, и стратегические ресурсы. (25)

Разумность любого мира определяется путями совершенствования разума, постоянством и непрерывностью этого процесса. (26)

Разум ведёт к истине долгим извилистым путём, воображение легко взбирается на вершину горы. Только воображение подсказывает, как раскрыть идеал, то, чего ещё нет, но что должно быть. (27)

Развитое воображение – прекрасное качество и для художника, и для учёного. (28)

Для того, чтобы обдумать мысль о возможности изменить что-либо, нужно не только время, нужны смелость ума, сила воображения и логика выводов. (29)

Шахматы – это приблизительная модель творческого мышления человека. (30)

Следует избегать смятения мыслей и чувств, а для этого надо воспитывать в человеке безмятежность духа и уверенность в своей правоте, высокую самооценку и высокий уровень притязаний. (31)

Внушение не бывает случайным, внушением ниоткуда. Оно всегда направлено от индуктора к перципиенту. (32)

Если б вы только знали, сколько ещё тугодумов в науке, давно потерявших право называться учёными! (33)

Учёный мир примерно одинаков во всех странах: архаисты и новаторы. И почему-то всегда архаистов оказывается больше и упрямство их ожесточённее. (34)

Учёные – самый недоверчивый народ в мире. (35)

Нет более бюрократических и консервативных организаций, чем официозные «храмы науки». (36)

Парадокс: невежество процветает именно среди учёных, потому что нет больших невежд, чем специалисты вне своих узких областей знаний. (37)

Диссертация – это ещё не синоним призвания. (38)

Нынче интересы науки сродни интересам коммерции. (39)

Алчность глушит здравый смысл, ярость опаляет разум. (40)

Принято считать, что учёные делятся на классиков и романтиков. Классики – это те, кто развивает новое на основе старого, прочно утвердившегося в науке. А романтики – это мечтатели. Они интересуются смежными, даже весьма отдалёнными областями знания. Они выдвигают новое не только на основе старого, но чаще всего с помощью совершенно неожиданных ассоциаций. И только романтики могут смело и безрассудно грешить против разума. (41)

Едва ли стоит считать грубостью сомнение в том, что тебе выдают за истину. (42)

Истина – это оптимальный вариант достоверности. Только параметры разные. У одних – вера, у других – опыт, у третьих – логика. Хорошо, когда у вас все три – это предел вероятности. (43)

Только науки могут дать нам не иллюзорное, а подлинное знание о мире, под небом которого мы живём. (44)

Любому замечательному открытию всегда предшествует неожиданная, озаряющая мысль. (45)

Великое качество экспериментатора – умение ждать. (46)

Трудно рассчитывать каждый шаг в незнаемом. Тем более, что дорога в незнаемое изобилует ухабами. (47)

Избегайте ошибок и заблуждений: многие могут оказаться непоправимыми. (48)

Никто не поймёт системы, не зная принципа, на котором она построена. (49)

Гипотезы не возникают на пустом месте, им нужна точка опоры. (50)

Гипотеза хороша, когда она базируется на том, что уже познано и допустимо на основе уже познанного. Нельзя допустить скорость, превышающую световую, нельзя извлечь корень квадратный из минус единицы. (51)

У любой гипотезы есть предел вероятности. (52)

Миллионы людей способны предполагать всякое, но лишь немногие – невозможное, и только единицы угадывают в нём истинное. (53)

Если то, что ты видишь, противоречит законам природы, значит, виноват и ошибаешься ты, а не природа. (54)

Любое открытие может быть повторено в таких же лабораторных условиях. (55)

Наука на любит чудес. (56)

Люди приемлют чудеса только в цирке, а чудеса без участия иллюзиониста их пугают. (57)

Чудеса не нуждаются в свидетелях. Это не преступление. (58)

Чтобы признать возможность невероятного, мистики не требуется. Достаточно математики. (59)

Наш уровень допускает необъяснимое, но он предполагает, что объяснения будут даны в ходе дальнейшего научного прогресса. (60)

Если есть и чудеса, и призраки, то наука – это вздор и слабое самоутешение. (61)

Знание – это качество и количество полученной и переработанной информации. (62)

Разносторонность интересов, несомненно, заслуживает уважения. (63)

Премудрость одна, а мудростей много. (64)

В конце концов, непознаваемое приближается к ещё не познанному. (65)

В техническом проекте вертолёта столько же битов информации, сколько их в самом вертолёте. (66)

Отдавая часть своей информации, человек должен получить что-то взамен. (67)

Множество нерешённых проблем в науке можно решить на основе уже найденного и открытого. Нужно только объединение знаний, координация усилий, умножение памяти – своего рода мемориальный взрыв. (68)

Пусть спрашивают. Каждый вопрос и ответ – это путь к постижению непознанного, накоплению неиссякаемого и пределам, которых нет. (69)

Парадоксы возникают тогда, когда наука вплотную подходит к неизвестному. (70)

Раз иллюзия, два иллюзия, а три – простите, не верю. (71)

Научная информация иногда может служить делам и замыслам, от науки далёким. (72)

Книга – это не только свиток пергамента или стопка бумажных страниц, испещрённых рукописными или типографскими знаками, но и гигантское скопление мыслей, чувств, образов и ассоциаций. (73)

Образы из книг памятны и живучи. (74)

В каждом человеке живёт поэт. Поэт умирает, человек продолжает жить. Если поэт выживает, это можно считать аномалией. (75)

Человеческий коллектив – это не сумма отдельных личностей, город – не сумма зданий, а технический уровень жизни современного человека – не сумма вещей, его окружающих. (76)

Тысяча робких старичков ничего стоящего не придумают. (77)

Природа создаёт не порядок, а беспорядок. Оставьте ей участок земли – она превратит его в джунгли. Только человек может вырастить сад. Только человек может создать разумное изобилие. (78)

Бесспорно, что никакая моделирующая система не может создать модель структуры более сложной, чем она сама. (79)

При встрече с неземной жизнью мы можем попросту её не узнать. (80)

Одна цивилизация лишь тогда превосходит другую, когда превосходит её не только технически, но и духовно. (81)

Обработка информации ещё не синоним мышления. (82)

Почему мысль выражается в словах, порой совсем непонятных? Почему в слове всегда какая-то тайна? (83)

Процесс мышления у нас неразрывно связан со словом. (84)

Журналисты любят эту игру в «непонимайку», когда задают не прямые, а окольные, наводящие вопросы, выуживая нужную и ненужную информацию: с умелой подкраской им и ненужная пригодится. (85)

Глупость всегда безнаказанна в маске. (86)

Наши беседы подчас напоминают разговоры строителей вавилонской башни, так и не достроивших её из-за взаимного непонимания. (87)

Если нет взаимопонимания, знак равенства невозможен. (88)

Тайна сковывает и отделяет связанных ею от общества. (89)

Не всякий может выдержать песенный говорок безголосого шансонье, не расстающегося с микрофоном. (90)

Большой поэт глупых слов не придумывает. (91)

Наивность всегда смешна. Она – свойство инфантилизма. (92)

Главное в человеке – не всегда лучшее. (93)

Чем крупнее игра, тем интереснее игрокам. (94)

Не надо отрицать непредвиденное, а надо уметь предвидеть. (95)

Если то, что задумано, затем продумано, выверено и рассчитано, а потом выполнено с такой же точностью, случайностей не бывает. (96)

Платят хорошо – ещё не значит, что жить хорошо. (97)

Труд – естественная функция жизни, как потребность двигаться, видеть, дышать. Но человек порой вкладывает в свой труд и нечто новое – творчество, озарение, нежность. (98)

Человек, как известно, начинается с труда и совершенствует его вместе с разумом. (99)

В обществе, культивирующем запойное безделье и коллективный идиотизм, ни мысль, ни разум, ни истина не в почёте. (100)

Каждому по потребностям? Кучка властьимущих подлецов всегда по-своему понимает этот принцип. Потребности у них – будь здоров! А народу – дырка от бублика. (101)

Уничтожение дармоедов и возвеличивание труда – вот постоянная тенденция истории. Жить – значит работать. Всякий труд благороден, и благороден лишь один труд, а не безделье. Ведь самое прекрасное в мире нашем то, что создано трудом, умной человеческой рукой, и все наши мысли, все идеи возникают из трудового процесса. Это истины, знакомые любому разумному существу. (102)

Труд является источником наслаждения для человека. Но труд не отупляющий и бессодержательный, требующий такого же отупляющего и бессодержательного отдыха, а труд творческий. Заниматься нетворческим трудом – предназначение машины. (103)

Утомляет не труд, утомляет безделье. Труд по душе – это творчество, а творчество не даёт наслаждения только бесталанному. (104)

Кому придёт в голову платить за явление природы? Мы же не платим за дождь или ветер. (105)

Всякое новое предприятие, которое сулит деньги, требует денег сегодня и сейчас нуждается в деньгах. (106)

Мундиры изнашиваются скорее, чем люди. (107)

Смелость хороша, пока не становится глупостью. А глупость отнюдь не способствует долголетию. (108)

Опасных свидетелей не оставляют в живых. (109)

Принято считать, что приказы не обсуждаются, а выполняются. Но одного выполнения мало. Требуется и понимание того, что приказано, и уважение к приказу. (110)

Любопытство – стимул не очень-то уважительный. (111)

Главный признак человеческого деяния – целесообразность. (112)

Волевой человек всегда стремится побороть свою слабость. (113)

За доверие надо платить доверием. Это закон. (114)

Можно спрятать глаза, но нельзя спрятать выделяющейся, как пот, вульгарности. (115)

Слава начинается с фамилии. (116)

Бывают удачи обиднее неудач. (117)

Профессия журналиста – это напористость и бесцеремонность, она допускает невежество в любой области знания. (118)

Профессиональная цельность людьми, чуждыми данной профессии, воспринимается как ограниченность. (119)

Не убивать же человека за то, что он кому-то не нравится. Этак мы полмира перестреляем. (120)

Клопов морят, гадюк давят, а мерзавцев вешают. И в этом случае пуля вместо петли – даже гуманно. (121)

У богов нет друзей. (122)

Что такое страх? Нервное возбуждение перед возможностью перестать жить или потерять что-то невосполнимое. Но есть и другой страх – не успеть, не достать, не справиться. (123)

Где и когда человек раскрывается наиболее полно? В нестандартных аварийных условиях. (124)

Проверить себя на прочность – это всегда помогает. (125)

У сильного человека подавленные эмоции стабильнее освобождённых. (126)

Самое неприятное чувство – чувство собственной беспомощности. (127)

Консерватизм везде граничит с отсталостью. Отсталость – с замшелостью. (128)

Пытаясь острить, надо хотя бы обладать чувством юмора. (129)

Глупо откровенничать с посторонним человеком, ещё глупее раздражаться. (130)

Некоторая доза юмора – лишь обычное средство самозащиты. (131)

Пожилые, много видевшие и усталые люди говорят не спеша, без неприязни, но и без особой симпатии к собеседнику, однотонно и, скорее, задумчиво, чем равнодушно. (132)

Тишина сковывает губы, настораживая мысль. (133)

Если человек не разобрался в своих заблуждениях, он продолжает упрямиться. (134)

Самый обыкновенный, убеждённый в своей правоте человек не сразу согласится с вами, если вы переубедили его, а подумает, много раз подумает, прежде чем признаться в своей ошибке. (135)

Человек, даже подсознательно убеждённый, сознательно может всё же ещё спорить, возражать, защищаться, протестовать. На него давит эмоциональный груз ложного самолюбия, самоуверенности, заносчивости, упрямства, эгоистического нежелания сознаться в своей ошибке. (136)

Любопытство – безотказная, с точки зрения мошенников и злоумышленников, черта. Она лишает человека бдительности. (137)

Уверенность в собственной безопасности гипнотизирует и расслабляет. (138)

Иной не терпит глупости в брюках, но снисходителен к глупости в юбке. (139)

Гений вынужденного одиночества – это мыслительная галактика. (140)

Философия – наука наук. (141)

Гении умирают вместе со своим веком. (142)

Талант – это труд. (143)

Всякое обучение – и это нужно подчеркнуть – зависит прежде всего от учителей. (144)

Для созревания личности обучающегося необходимо знание науки наук – философии. (145)

Недостаток нашего образования в том, что поэты всё дальше уходят от математики, а математики от поэзии. (146)

Религиозный дурман и рекламное мракобесие изо дня в день отравляют человеческую психику. (147)

Лжепророки и фанатики из легенды творят догму, а из догмы – власть. Больше они ни на что не способны. (148)

Проповедуя смирение, порождают насилие. (149)

Конфликт с совестью, если есть эта совесть, редко проходит бесследно. Воспоминание всегда мучительно. (150)

Человек не единственный хозяин своей жизни, пока у него есть отец или мать. (151)

Как бы ни была совершенна машина, всегда, особенно в пределах, близких к вечности, могут возникнуть ситуации, требующие решений, доступных только человеческому уму. (152)

Надежда – это уже половина успеха. (153)

Бессмертие – это прямая, проведённая в бесконечность. (154)

Венец наслаждения – покой. (155)

С. А. А б р а м о в

(1944 г.р.)

Талант всегда честен, если это – талант. (1)

Время – не только строгий, но и справедливый судья. Истина, конечно, весьма банальная, но и банальную истину никто не отменял. (2)

Талант есть сумма качеств, данных природой и скорректированных личностью. (3)

Если ты личность, то ты не нуждаешься в самоутверждении. (4)

Чувство баланса, умение быть осторожным *на грани* редко когда подводит. (5)

Время ожидания опасности – самое долгое время в мире. Текучее, липкое. (6)

В хирургической палате перед операцией минуты кажутся часами. (7)

Ожидание – всегда нервотрёпка. И когда ждёшь окончания дела, исход которого беспокоит, или приговора врача, или просто свидания с девушкой, на которое она опаздывает, и ты не отрываясь следишь за бегом минутной стрелки, сердце бьётся всё чаще с каждой секундой. (8)

Риск – это та зыбкая грань, за которой – неизвестность, а значит – опасность. Опасность провала, просчёта, неудачи. Опасность для жизни, наконец. Но зато победа в обстоятельствах, неподвластных прогнозам, – вдвойне, втройне сладка. А если ты её рассчитал – свою победу, – запрограммировал, заранее выстроил, то цена ей невелика. Скукой веет от неё. (9)

Ощущение уверенности в себе, кристальной ясности мыслей возникает именно в момент опасности, в состоянии стресса, и ты поступаешь так, как должен поступить, и никак иначе, и твоё решение – самое верное, единственное. (10)

Болтовня любому делу вредит, даже самому простенькому, это всякий может легко на собственном опыте постичь. (11)

Кто вообще тянет нас за язык, когда общеизвестно: молчание – золото? Не потому ли и рупь у нас золотым запасом не обеспечен, что разменяли мы наше молчание на медные пятачки? (12)

Подвиг не рассуждение, а действие. Поэтому он и не любит лишних слов и всячески их избегает. (13)

Людей, способных на поступок, – не на подвиг, нет, на обыкновенный человеческий поступок, не влезающий в рамки всякого рода умных инструкций и правил! – в нашей державе с гулькин нос. (14)

С безоблачного детства, с яслей и детсадов всех стригут под одну гребёнку, учат не высовываться, не лезть в пекло поперёк батьки, а сам батька тоже в пекло не рвётся, подавая растущей смене наглядный урок осторожности. (15)

Нежелание принимать экспресс-решение логично рождает неумение его принимать. Опять-таки никто и не умеет. (16)

В мире всеобщего выпендрёжа любая естественность тоже покажется выпендрёжем. Только изощрённым. Особо опасным... (17)

Дефицит простоты в человеческих отношениях рождает неверие в неё, незнание её, даже боязнь. Это – как чёрная икра: сто лет её не пробовал, а угостили на халяву – невкусной покажется. Потому что отвык. А привык к накрахмаленной колбасе, которая скверно прикидывается мясной. (18)

Не забывайте, что сытый человек – добрый человек. (19)

Вечерний альтруизм по утрам превращается в свою противоположность. (20)

Чего только не сделаешь ради любимой цели – обрести покой! (21)

В каждой из наших милых и шибко передовых женщин живёт Эллочка-людоедка, для которой волшебный блеск бендеровского ситечка порой куда дороже приземлённого гласа разума. (22)

Разведчик привык к неожиданностям, ему не положено открыто выражать свои эмоции – удивление, страх или радость, он всегда собран и готов к самому удивительному, чего и предположить не мог. (23)

Разведчик, как шахматист, не вспоминает уже сделанных ходов, а рассчитывает варианты дальнейших. (24)

Вырастить и воспитать ещё не значит отнять право мыслить по-своему. (25)

У так называемых руководителей «по призванию» редко когда голова на плечах имеется. (26)

Похвала – даже за ерунду – очень стимулирует любую деятельность. (27)

Быть оптимистом – это ненавидеть нытиков и перестраховщиков, истово верить в успех дела, за которое берёшься. А разве можно иначе? Ведь тогда и браться не стоит. (28)

Материальное благополучие часто приводит к морально-этическому бесправию. (29)

Для богатого человека счастье – это не наличие денег, а возможность их делать. (30)

Деньги могут дать власть, но власть – это не деньги. Её капитал – сила. (31)

Под маской всесильного повелителя обычно скрывается обыкновенная человеческая трусость. (32)

То или иное государство подчас как гнилое яблоко: снаружи румянится, внутри – труха. (33)

Общественность иногда и можно разбудить от спячки, но только такое событие большая редкость. (34)

Поощряемые государством навыки: не мысли самостоятельно, доверяй ведущим тебя, пресекай крамолу даже у себя дома и не жди, когда на тебя донесут, – доноси первым. (35)

От подозрений до улик – меньше шага. (36)

Правда всегда убедительней любого вымысла. (37)

Полная секретность и прямой обман идут рука об руку. (38)

Быстро, всё быстро: быстро есть, быстро передвигаться, быстро спать, быстро жить, не успеешь оглянуться – поезд жизни уйдёт, и ты останешься один на пустой станции, догоняй, пытайся – где там! (39)

Квартира в современном многоквартирном доме – это ученический пенал, увеличенный до размеров человеческого роста. (40)

Мы живём среди барьеров, мы отгораживаемся друг от друга стенами, одеждой, словами, мы превратили свою жизнь в дурной театр, от колосников до авансцены набитый декорациями, в которых не то чтоб жить – роль играть трудно. (41)

Барьеры в самом человеке – самобарьеры – страшнее всего. Мы сжигаем себя сотнями запретов: этого нельзя, то неприлично, пятое вредно, десятое бесполезно. (42)

Железное «надо» давным-давно вытеснило из нашей коммунальной жизни сладкое «хочу!» и вплотную подбирается к самоуверенному «могу». (43)

Хочу, но нельзя. Могу, но не стоит. Надо, надо, надо! Куда ни повернёшься – надо, чувачок. Куда ни подашься – надо, кисонька. А если я хочу? Хоти. Хотеть пока не запрещено, но лучше на надо, потому что разрыв между желанием и необходимостью вызывает дискомфорт в хрупкой человеческой душе. Лучше хотеть сразу то, что надо. (44)

И всё это не вне, а внутри каждого из нас. Въелось, вросло, вжилось, угнездилось. Держава может не беспокоиться за своих дочерей и сынов: когда она, держава, прикажет быть героем, у нас героем становится любой. Героями становятся даже без приказов сверху, героизм прямо-таки выдавливается из любого, как паста из тюбика, поскольку жизнь повсеместно требует. (45)

Героизм – осознанная необходимость, философская категория. И все кругом твердят: «Есть!» – безо всякого «надо». Нигде ни хрена нет, а все орут: «Есть!» (46)

На кой строить будущее на таком говённом фундаменте, каким, к чорту, светлым оно будет, если у его строителей урчит в животе? (47)

Доброта в любом мире, в любой планетной или даже звёздной системе – та лакмусовая бумажка, которая проверяет способность человека *хотеть*. (48)

Слово «хочу» есть признак душевной свободы, особенно, если «хочу» подкреплено «могу». (49)

«Светлое будущее» должно складываться из кирпичиков каждодневного «надо». Надо мне, надо всем, надо Родине родной. (50)

В этом прекрасном свободном мире обычно отсутствует одна маленькая деталь – свобода. (51)

Действуй, рискуй ежечасно, добывай себе эту свободу, но помни: в газетах тебя не прославят, в песнях не воспоют, имя твоё в речах не рассиропят. (52)

У нас, на нашей планете, философий – как собак нерезаных, и все разные, и все гавкают: кто кого переорёт. А общей нету. (53)

У нас дураков лелеют и холят. У нас обвешивают их медалями и обшивают лампасами. Мы живём в большой стране дураков, и нам стараются ещё и поле чудес всучить. (54)

Мудрый сказал: хотеть значит мочь, а мы так не умеем, не научились. Зато мы можем так, как не хотим. И здорово можем, лучше всех во вселенной. (55)

Все наши желания можно пересчитать по пальцам, они просты и неинтересны пришельцам со звёзд. (56)

Заветное желание многих: отоспаться, вырубиться на триста-четыреста минут из суровой действительности, которую, кроме как во сне, и видеть-то больно. (57)

Проблема потребления в первой её фазе – это когда едят не вдоволь, одеты не в радость, счастливы не от души. (58)

Закон всегда молчит, когда умеют его обходить. (59)

Кого могут волновать новости дня? Кто-то куда-то приехал, кто-то кого-то встретил, кто-то что-то подписал. (60)

Всяким прогрессом движут интуиция и интерес. (61)

В официальной науке говоруны подчас стоят больше молчальников. (62)

Любая научная теория на самом деле лишь робкая попытка постучаться в толстую стену, за которой – неизвестность загадка, ночь... (63)

«Этого не может быть, потому что не может быть никогда!» – по такой логике рассуждают лишь досужие сплетницы на лавочке у подъезда. Нет такой формулы! Всё может быть, если это «всё» – наука, а не мистика. (64)

Природа антинаучной быть не может. (65)

У людей, скажем прямо, имеет незаконное место подспудно-необъяснимый страх перед чудом, которое происходит у них на глазах и которое трудно оприходовать по научному ведомству. (66)

В науке и в жизни ко всему нужно относиться с иронией: так легче скрыть невежество и прослыть большим знатоком. (67)

Где граница между наукой и мистикой? То, что поддаётся научному объяснению, – наука. Удобное положение. А если завтра оно объяснит какое-нибудь мистическое явление? Мол, так и так: научное обоснование, графики и таблицы, точный эксперимент и – никакой мистики. Такое бывает? Ещё как бывает! Все сегодняшние достижения цивилизации когда-то показались бы мистикой даже самому просвещённому человеку. Электрическая лампочка? Ересь, фокусы! Искусственное сердце? На костёр еретика-врача! (68)

Всякий эксперимент, тем более опасный, необходимо продумывать до мелочей, предусматривать любые случайности, рассчитывать их и даже планировать наперёд. (69)

Суть фантастики, как и всей литературы, показывать человека – не только таким, каков он есть, но и таким, каков он будет, каков он должен быть. (70)

У каждого считающего себя писателем есть Учитель. Именно так – с самой-пресамой заглавной буквы. У кого-то – заочный (или заочные!), не ведающие даже о том, что каким-то хитрым образом повлияли на чьё-то умение составлять русские слова в более-менее складные фразы. Список Учителей в этом случае может быть безразмерным. (71)

Люблю здоровый лаконизм, когда он не тормозит разговора. (72)

Каким лёгким оказывается всё в мире, когда тебе только двадцать с небольшим и из всех трудностей перед тобой – лишь хроническая нехватка денег на всякие студенческие радости! (73)

Перспектива одинокой голодной старости мало кого тревожит в тридцать или сорок лет. (74)

Руки и волосы первыми свидетельствуют об утраченной молодости. (75)

У всякой игры есть конец. (76)

Время всегда было сильнее нас. Только фантасты в своих книгах вольно подчиняли его людям, обходились с ним, как со старым будильником: захотел – на час подвинул, захотел – вовсе остановил. Но и с фантастами время не чикается, и сами они помирают, и книги ненадолго переживают их... (77)

К. А б э

(1924 – 1993 гг.)

Думать об опасностях значит унижать самого себя. (1)

На самом-то деле уже и то смешно, что будущее должно быть с каким-то там «измом». (2)

Мирное, тихое будущее, сотканное из маленьких радостей и маленьких печалей, не представляет собой ничего особенно интересного. (3)

Человеку трудно представить себе будущее иначе, как продолжение повседневного. (4)

Предсказание – не сказка. Это логическое заключение, выведенное исключительно из фактов. (5)

Нет идеи опаснее, чем возведение предсказания в абсолют. (6)

Стеснять общество предсказаниями противоречит принципам либерализма. (7)

Область предсказаний всегда ограничена, и эффективность предположений обычно обратно пропорциональна величине минувшего промежутка времени и теряется ускоренно. (8)

На восходящей ветви кривой человек всегда полон самых радужных надежд. (9)

Предсказанием достойно называться лишь то, в основе чего заложено понятие о нравственности. (10)

Больше всего я опасаюсь, что вера в возможность предсказаний подорвёт нашу нравственность. (11)

Захочется ли жить, если действительно узнаешь своё будущее? Вот в чём вопрос. (12)

Куски будущего, вырванные из целого, производят впечатление гротеска. Так представитель какого-то первобытного народа, впервые очутившись в современном городе и увидев гигантские здания, готов подумать, что это – бойни для людей. (13)

Будущее может изменить настоящему – об этом не следует забывать. (14)

У будущего, которое ещё даже не началось, нет права судить настоящее. (15)

Борьба за выживание подчас оказывается стимулом гораздо более сильным, чем стремление к свободе и внешнему благополучию. (16)

Цепь крепче, чем свобода. (17)

Чудовищное противоречие нашего существования: пока мы молоды, мы вынуждены работать, а едва успеваем обеспечить себя, как наступает старость. (18)

Нет чувства более основательного, нежели ощущение непрерывности обыденного. (19)

Не знаю, на скольких столбах держится мир, но по крайней мере три из них – это, наверное, темнота, невежество и тупость. (20)

Повседневное является всего лишь изнанкой реальности. (21)

«Среднему» человеку весьма важно верить в прочность своего ощущения непрерывности этого повседневного бытия. (22)

Нечего сочувствовать человеку, который неспособен осознать своё несчастье. (23)

Людей обыкновенных, ничем не примечательных на вид слишком много. (24)

Обычные данные, которыми заполняются анкеты и полицейские документы – возраст, место рождения, профессия, краткая биография, характер, тип лица и тому подобное – настолько поверхностны, что ничем не могут помочь, когда дело идёт об анатомировании человеческой личности. (25)

Самый ужасный из призраков – это чуть изменённый лик хорошо знакомого человека. (26)

Куда ни шло, если фигура злодея возникает перед тобой из мрака неизвестности. Гораздо страшнее обнаружить, что ты жил с ним бок о бок и ни о чём не подозревал. (27)

В нашей деятельности, похожей на страшный сон, есть ли смысл, который снимает страх? (28)

Чем больше мы барахтаемся, тем больше увязаем. (29)

Для человека важнее всего не общество, а сам человек. Если человеку скверно, то что толку в самом идеальном обществе? (30)

Самый важный секрет использования нанятых тобой людей – вселить в них подозрительность. (31)

Не узнав характера человека, с которым собираешься заключить сделку, невозможно прийти к соглашению. (32)

В последнее время любая шушера называется «директором фирмы». Сейчас такой век, что каждый сборщик утиля размахивает перед твоим носом визитной карточкой, где сказано: «Президент акционерного общества *Восточная утилизация*». (33)

Когда есть люди, согласные платить, появляются цены. А таких понятий, как афера или жульничество, вообще не существует. (34)

Толчея возникает не потому, что скапливаются люди, а люди скапливаются потому, что возникает толчея. (35)

Не люблю людей. Я – один. И преимущество моё в том, что в отличие от многих я хорошо это понимаю. (36)

Сны смотрят в одиночку. (37)

Бескрайнее ночное небо без звёзд или крохотное пространство под натянутым на голову одеялом – в обоих случаях тьма одна и та же. Темнота сама по себе не имеет размеров. (38)

Я не терплю быть как все. (39)

Лицо и душа находятся в совершенно определённой зависимости. (40)

Лицо человека – это его совесть. Если надеть маску, то тогда легко упрятать совесть, а значит, можно решиться на что угодно, вплоть до преступления. (41)

А если каждый воспользуется маской, чтобы стать кем-то другим, тогда все преступления не будут иметь лица – маска скроет истинные намерения каждого человека. (42)

В этом безразличном и безликом мире действительно ничего не остаётся, кроме как пропасть без вести, надеть маску или стать человеком-ящиком, глядящим на мир из своей картонной скорлупы. (43)

Крепость есть крепость, даже если она бумажная. Не хочешь видеть то, что тебе противно, – сиди в ней и не выходи никуда. (44)

Даже простым ножом можно зазубрить меч. (45)

Сломать часы может и младенец, а вот чтобы сконструировать часовой механизм, требуется специальное мастерство. (46)

Неопытному велосипедисту нет покоя, пока он не летит сломя голову всё равно куда. (47)

В далёких пейзажах всегда царит порядок. И самое фантастическое происшествие не может выйти за рамки порядка, присущего далёкому пейзажу. (48)

Посади пингвина в горячий источник – он сразу взбесится. (49)

Если бы вдруг появилась говорящая лошадь, она, конечно, пользовалась бы большой популярностью, но если бы такая лошадь заявила, что хочет вступить в брак с женщиной или сделаться мэром города, – это, безусловно, возмутило бы общественное мнение. (50)

Собаку, которая ластится к первому встречному, любят только дети. (51)

Преданность – это способность по запаху находить настоящего хозяина. (52)

Блох учить для блошиного цирка – и то спину наломаешь. (53)

Человеку, страдающему амнезией, всё кажется исполненным загадочного смысла. (54)

Даже в аду деньги заплатишь – в рай попадёшь. (55)

Ходить и колебаться, не зная, на что решиться, можно до бесконечности. (56)

Если провалился первый проект, надо взамен его немедленно выдвинуть новый. (57)

Бывают случаи, когда нужно понимать без объяснений. (58)

Почему человек во что бы то ни стало должен жить? На самом деле люди живут не потому, что могут объяснить такие вещи. Напротив, они задумываются над такими вещами именно потому, что живут. (59)

Неужели человек имеет обязательства только потому, что существует? (60)

Если человек выносит жизнь не по невежеству своему, а потому, что жизнь сама по себе является таким важным делом, то как мы смеем допускать аборты? (61)

Детей не рожают, они рождаются. (62)

Рассуждая о недопустимости абортов, легко можно дойти и до абсурда. Например, объявить убийцами всех женщин и мужчин, которые имеют физическую возможность зачать ребёнка, но уклоняются от этого. (63)

Как ни трудно провести грань между абортом и детоубийством, но ещё труднее определить грань между абортом и противозачаточными мерами. Да, человек есть существо, наделённое будущим, убийство есть зло, потому что отнимает у человека это будущее, однако будущее всегда и всюду есть тень настоящего времени. Ну кто же несёт ответственность за будущее тех, у кого нет даже этого настоящего? Это было бы уходом от действительности под предлогом ответственности. (64)

Будущее – это не сухая схема, а неистово жестокий зверь, обладающий своей, независимой от настоящего волей. (65)

В споре между отцами и детьми судят всегда дети. Созданные судят создателей, что бы там создатели ни думали, это, вероятно, закон действительности. (66)

С возрастом женщины перестают быть милыми. (67)

Из выжидания и наблюдения сенсации не получится. (68)

Может быть, слово «познать» означает в действительности не «увидеть порядок и закономерность», а «обнаружить хаос»? (69)

При выборе оружия исходят из предположения, каким будет бой, и в то же время сам выбор предопределяет его характер. (70)

Когда поймут, что ядерная война началась, она уже будет окончена. (71)

В ядерной войне воздух погибнет первым. (72)

Политический прогноз и предсказание судьбы индивидуума в каком-то смысле противостоят друг другу. (73)

Вещей и явлений, не имеющих отношения к политике, не так уж много. (74)

Политика – это вроде паутины: чем больше стараешься от неё избавиться, тем сильнее она опутывает. (75)

Людям всегда хочется болеть за какую-нибудь команду. Подъём флага – умелый способ сыграть на этой слабости. (76)

Всякий закон всегда направлен на защиту свершившихся фактов. (77)

Лишь революция способна убить государство. (78)

Каждый невиновен, пока не оказался под судом. (79)

Известно, что чем тщательнее преступление спланировано, тем легче поймать виновника за хвост. (80)

Убийство не может быть разумным, в каких бы благородных целях оно ни совершалось. (81)

Убийство является злом не потому, что отнимает у человека его бренную плоть, а потому, что отнимает будущее. Мы часто говорим: жизнь бесценна. По сути, под жизнью мы понимаем будущее. (82)

Преступление перед будущим в отличие от преступления перед настоящим и прошлым является существенным и решающим. (83)

Правда всегда привлекает. (84)

Глупо посвятить себя тому, что и сам толком не можешь объяснить. (85)

Нет ничего более устрашающего, нежели невежество. (86)

Недаром говорят, что хитрый мошенник старается укрыть большую ложь в куче мелких. (87)

Когда путеводных нитей много, то пусть существует столько правд, сколько путеводных нитей. (88)

Люди согласны, чтобы их водили за нос, – только бы было интересно. (89)

Настоящая шутка производит большее впечатление, если при этом сохраняют серьёзность. (90)

Педагогический эффект важнее правды. (91)

Родители для птенца – это просто клювы, приносящие еду. (92)

Руководить детьми, формировать их нужно не только во время учёбы, но и во время игр. (93)

На что годится знание, которым ни с кем нельзя поделиться? (94)

Наш способ мышления – вот кто наш настоящий враг. (95)

Наши эмоции воздействуют на нервную систему гораздо сильнее, чем мысль. (96)

Машина – это логика. (97)

Цифры, если уметь их читать, могут рассказать много интересного. (98)

Программирование есть не что иное, как превращение качественной реальности в реальность количественную. (99)

Человек, даже со своим мозгом, ни на что не пригоден без образования и опыта. Точно так же и «мыслящая» машина. Опыт необходим, это пища для мозга. (100)

Всё дело в том, чтобы оставаться настойчивым и целеустремлённым. (101)

* * *

Уже то смешно, что будущее непременно должно быть каким-то «-измом». (2)

Стеснять общество предсказаниями противоречило бы принципам либерализма. (7)

Куски будущего, вырванные из целого, производят впечатление гротеска. Говорят, что представитель какого-то первобытного народа, впервые оказавшись в современном городе и увидев гигинтские здания, подумал, что это бойни для людей. (13)

А. А з и м о в

(1920 – 1992 гг.)

Чем длиннее жизнь, тем больше человек дорожит ею. (1)

Какая жалость, что даже в вечности нельзя продлить мгновенье! (2)

Со мною к старости иди, всё лучшее ждёт впереди; жизни конец, если ты упустил начало. (3)

Иногда люди сваливают собственные неудачи на общество и требуют переделать города, потому что не могут переделать самих себя. (4)

Толпа всегда следует по линии наименьшего сопротивления. (5)

На службе общительность и умение ладить с людьми значат больше, чем личные способности человека. (6)

Когда не можешь принять участия в общем веселье, тобой поневоле овладевает чувство одиночества. (7)

Существует нечто даже более возвышенное, чем понятия о справедливости, которые так трудно усвоить некоторым. Например, человеческое побуждение, называемое жалостью, человеческий поступок, называемый прощением. (8)

Любая система, которая позволяет кучке людей принимать решения за всё человечество, выбирать за человечество его будущее, неизбежно приводит к тому, что высшим благом начинают считать умеренность и безопасность – синонимы посредственности. (9)

Всегда полезно подвергнуть прошлое политика, ратующего за реформы, подробному изучению. (10)

Бюрократия разрастается, чтобы поспеть за потребностями разрастающейся бюрократии. (11)

За благородными целями, увы, могут скрываться совершенно иные мотивы и побуждения, в которых люди не отдают себе отчёта. (12)

Почему, ну почему в некрологах пишут всегда несусветную чушь? Они делают из человека гения, и только потому, что его хватила кондрашка! (13)

Жажда славы из-за неутолённости становится непомерной. (14)

Не властен смертный над собой, его свобода признак злой. (15)

Дай человеку волю, и он, по моему разумению, даже из сырой тряпки выжмет целый потоп! (16)

Если люди любят друг друга, то не всё ли равно, чем вызвана эта любовь? (17)

Бурные вспышки страсти совсем не главное в браке. Спокойные минуты вдвоём с любимой таят в себе столько прелести. (18)

Странная штука человеческий разум: он упорствует и надеется даже тогда, когда надежды нет и не может быть. (19)

Единственная достойная репутация – это безупречность. (20)

Уверенность всегда вознаграждается. Схватись отважно за крапиву – она врагу дубинкой покажется. (21)

Чтобы добиться успеха, недостаточно просто предвидеть, нужно ещё уметь импровизировать. (22)

Всё получается очень просто, если знаешь, как делать. (23)

Обработка! После обработки обыкновенное стекло становится линзой мощнейшего телескопа. (24)

Паника до добра не доведёт. (25)

Бороться с собственным унынием – безнадёжное занятие; всё равно что сражаться с зыбучими песками, грозя им маленьким прутиком. (26)

Ни один человек, как бы философски настроен он ни был, не может без боли отказаться от привилегий, когда-то прежде им полученных. (27)

Предрассудки никак не могут сочетаться с высоким уровнем культуры. (28)

Хорошо бы, если б реклама была только способом привлечь внимание, развеять сомнения, пробудить интерес. Так ведь нет же! Реклама – ещё и препротивная глупость. И как странно, что находятся дураки, которые верят бахвальству человека, расхваливающего собственную продукцию. Неужели он сознается в её недостатках или воздержится от преувеличений? (29)

Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведёт к истине. (30)

Косвенные улики позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. (31)

Если убийца сам руководит расследованием, это даёт ему большие преимущества. (32)

Один беспрецедентный факт влечёт за собой другой. Только начни менять законы, не успеешь и оглянуться, как наступит хаос. (33)

Может поражать серьёзность обвинения – если оно правда, или крайнее безрассудство обвинителей – если обвинение ложно. (34)

Строго логическим рассуждением можно доказать всё, что угодно, – смотря какие принять исходные постулаты. Постулаты всегда основаны на допущении и закреплены верой. Ничто во вселенной не может поколебать их. (35)

Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи. (36)

Затрагивать в разговоре самые непопулярные или непризнанные точки зрения – это своеобразная моральная компенсация неудачника. (37)

Выскажи вслух то, что тебя пугает, и это явление, потеряв ореол таинственности, покажется обыденным и простым. (38)

В волшебной стране теней «может быть» играют в прятки с «если». (39)

Замечательное чувство – знать, что ты сам строишь мир. (40)

Нельзя сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори!» Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». (41)

Земля не вечный и единственный приют человечества, а всего лишь его колыбель, отправная точка бесконечного приключения. (42)

Любые размышления приводят к предвзятым идеям; любое знание автоматически искажает видение мира, и никакие попытки сохранить объективность ему уже не помогут. (43)

В наших учебниках ничего нет. Наша наука – это просто масса собранных фактов, кое-как скреплённых подобием теории. Всё это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. (44)

Дело ведь не только в знаниях. Не менее важен эффект от самих изменений, от расширения горизонтов. (45)

Бесцельное расширение знаний ведёт к снижению эффективности. (46)

Предположим, что мы достаточно мудры, чтобы узнавать и знать, однако ещё недостаточно мудры, чтобы контролировать свой процесс познания и сами знания, а потому используем их себе во вред. Даже если и так, знание всё равно лучше, чем невежество. Лучше знать, даже если знание очень скоро повлечёт за собой гибель, чем обрести вечную жизнь ценой тусклого, скотского непонимания Вселенной, которая невидимо для нас бурлит во всём своём волшебстве. (47)

Из любопытства человек пойдёт на что угодно. (48)

Есть люди, которые считают, что лучше свой собственный путь в ад, чем чужая дорога в рай. (49)

Мы вечно топчемся на грани неизведанного и пытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно это и делает нас людьми! (50)

Существует множество вещей, с которыми мы свыкаемся, не понимая их. (51)

Представление о том, что реальность не является чем-то установившимся, вечным и нерушимым, что она подвержена непрерывным изменениям, не из тех, которые легко укладываются в сознании человека. (52)

Учёный ничего не принимает на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. (53)

Чем важнее и фундаментальнее проверяемое свойство, тем проще используемое оборудование. (54)

Физикам всегда требуется много дорогостоящего оборудования. Вот математики просят деньги только на бумагу, карандаши и ластики. А философы ещё лучше: им даже ластики не нужны. (55)

Закорючки математических формул не всегда служат самым лучшим утешением перед лицом фактов. (56)

Компьютор начисто лишён чувства праведности и никогда не уверен в своей правоте. (57)

Ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его. (58)

Разница между человеком и роботом, вероятно, не так важна, как разница между интеллектом и отсутствием интеллекта. (59)

Нельзя построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в том, что людям дороже всего. Мы не можем наделить робота чувством прекрасного, сознанием эстетических и религиозных ценностей. Его искусственный мозг не в силах ни на йоту оторваться от совершенного практицизма. (60)

Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. (61)

Смысл научной фантастики в сознании того, что наука может менять современное общество, и в желании узнать, в чём будет заключаться очередная перемена. (62)

Первыми футурологами были писатели-фантасты, первой футурологией была научная фантастика, и писатели этого жанра не забыли своего первородства. Трудно найти футуролога, который не увлекался бы научной фантастикой. Это, конечно, неизбежно. (63)

Человек, не интересующийся будущим и считающий научно-фантастическую литературу вздором, неизбежно придёт к атрофии воображения и никогда не сможет увидеть, что же ждёт его впереди. (64)

Любой миф можно превратить в фантастический рассказ, заменив вмешательство богов вмешательством науки. (65)

Единственный способ заставить писателя не писать – это культ сорок пятого калибра. (66)

Если врач скажет, что мне осталось жить пять минут, я не буду рвать на себе волосы. Просто я стану печатать на машинке немного быстрее. (67)

Пятьдесят лет – ничуть не долгий срок, если это ваше прошлое. О них думаешь, как это они так быстро пролетели. (68)

Пусть книга – вещь давняя, для нас она в то же время и самая совершенная, и читателей от неё ничто не может отлучить. Таким образом, вопреки всем заявлениям о кассетах и компьюторах, писатели не выйдут из моды никогда и не уйдут в безвестность. (69)

Писанием книг богатства, возможно, и не наживёшь (в конце концов, что такое деньги?), но профессия эта будет существовать всегда. (70)

Уничтожение того, чего не должно быть, т.е. уничтожение зла, не столь оправдано и желательно, как обращение этого зла в добро. (71)

Первое правило диетики: если это вкусно, значит, это вредно для вас. (72)

Бессонница – это когда не можешь спать, даже когда уже пора просыпаться. (73)

Слепая вера при прозрении разлетается вдребезги, и её уже не склеишь вновь. (74)

Каждый волен верить, во что он хочет. Я только против того, чтобы заставлять всех верить во что-то одно. (75)

Пытаюсь ли я найти Бога? Бог умнее меня. Пусть попробует найти меня сам. (76)

Господь любит нас всех, но ни от одного из нас не в восторге. (77)

Когда наши потомки увидят пустыню, в которую мы превратили Землю, какое оправдание они найдут для нас? (78)

Если рост населения в мире продолжится современными темпами, то через две тысячи лет человечество будет весить больше, чем вся наша планета. (79)

Расы стареют точно так же, как и люди. (80)

Род людской выживет, если смелее будет смотреть в лицо настоящему, а не держаться за прошлое, если будет иметь мужество принимать исторические изменения, а не противоборствовать им. (81)

История достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать. Люди на Земле должны дружить. Не думаю, что можно заставить всех людей любить друг друга, но я желал бы уничтожить ненависть между людьми. (82)

* * *

Умеренность и безопасность – это синонимы посредственности. (9)

Г. С. А л ь т о в

(1926 – 1998 гг.)

Мир устроен слишком плохо, чтобы любоваться им. (1)

Всё созданное человеком несёт на себе отпечаток человеческой судьбы. Города, машины, книги рождаются и стареют – иногда быстрее, иногда медленнее, – узнают славу и забвение. (2)

Важно, чтобы человек перестал зависеть от множества быстро стареющих вещей. (3)

Меридианы на экваторе параллельны друг другу: они, наверное, не подозревают о существовании полюса и думают, что пересекутся где-то в бесконечности. (4)

Наш мир может существовать только в развитии. Если он замкнётся в каких-то границах, вырождение неизбежно. (5)

Издали всякая проблема кажется не очень сложной. (6)

Когда рушатся горы – это страшно, однако во сто крат страшнее, когда рушатся привычные, казавшиеся незыблемыми представления. (7)

Инерцию всегда трудно преодолевать. (8)

В потоке воды каждая частица движется по-своему, однако все вместе текут в одну сторону. (9)

Никто так плохо не знает женщину, как человек, влюблённый в неё. (10)

Внешность человека – как фасад здания. Можно пересчитать все кирпичи и понятия не иметь о душе, о тех страстях, радостях и горестях, которые живут за непроницаемой стеной. (11)

Первое дело – как первая любовь: навсегда остаётся тоска по тому, что ты когда-то мог делать, а теперь только видишь со стороны. (12)

Секреты производства всегда ценнее продуктов производства. (13)

Прогресс безжалостен. Отстанешь на шаг – и это необратимо: разрыв будет всё время увеличиваться. Чуть раньше или чуть позже, но обязательно отстанешь... И уже не будет настоящей жизни. (14)

В поражении есть вкус горечи и чувство тяжести. (15)

В той или иной мере солидность присуща каждому человеку. И она никуда не может деться. Закон сохранения солидности: сколько её убудет во внешнем поведении, столько прибудет в делах. И наоборот. (16)

Бывают в жизни человека минуты, когда он принимает клятву перед самим собой. И хотя никто не слышит таких клятв, оне самые нерушимые. (17)

Одно дело теоретически допустить какое-то положение, а другое – принять все вытекающие отсюда следствия. (18)

В юном возрасте каждое изречение кажется полным глубокого смысла. (19)

Вы думаете, инерция мысли – так уж плохо? В сущности, это память о порядке, о взаимосвязи явлений. А воображение, фантазия – это антипамять. Память говорит: сначала «а», потом «б». А антипамять нашёптывает: а если сначала «б», потом «а»? (20)

Животному не нужна фантазия, она бы только мешала, путала бы информацию о реальном мире. Воображение, фантазия – чисто человеческие качества. Они самые молодые, они ещё не окрепли, им приходится преодолевать сопротивление древней привычки к неизменному порядку вещей. (21)

Схемы всегда агрессивны: оне работают по принципу «или-или», третьего для них не дано. (22)

Старея, схемы становятся особенно нетерпимыми. Уже не «или-или», не «можно так и можно этак», а «надо только так» и «надо только этак». (23)

Понять ошибки ещё не значит их исправить. Так и мы: многое поняли, но ничего не исправили. (24)

Есть вопросы, имеющие ехидное свойство появляться задолго до того времени, когда на них можно ответить. (25)

Мы поневоле прогнозируем количественно: увеличиваем то, что уже есть. Так Эдгар По описывал будущее воздухоплавание как громадный воздушный шар на две тысячи пассажиров. Очень характерная ошибка. А надо предвидеть новое качество. Надо знать – когда оно появится и что даст. (26)

Каждый человек рождается со способностью приобретать способности. И, если кто-то может стать гением, значит, в принципе гениальность доступна всем. (27)

Какое-то африканское племя выделывало горшки из глины, содержащей уран. Из поколения в поколение лепили горшки. Через руки этих людей прошло такое количество урана, что энергии – если бы её удалось выделить – хватило бы на электризацию половины африканского континента. Но племя видело в глине только обыкновенную глину... Почти так мы используем свой мозг. На уровне лепки горшков. А когда кто-то работает как надо, мы изумляемся: ах, смотрите, ах, гений... Утверждаю: уровень, который мы называем гениальным, – это и есть или, вернее, не есть, а должен быть нормальный уровень работы человеческого мозга. (28)

Сущность гения в том, что он может махнуть рукой на проделанную им работу и начать с нуля. (29)

Талант делает то, что может. Гений делает невозможное. (30)

Учитель должен всё знать, учитель должен всё уметь, учитель всегда должен быть впереди. Иначе какой он учитель? (31)

Поступи правильно: отключись от суеты, спокойно подумай – и найдёшь решение. (32)

Специализация – самый древний и самый основной закон общества, а социальные законы ничуть не слабее физических. (33)

Специализация – ключ к решению очень многих проблем, и человечество открывает этим ключом дверь за дверью и идёт вперёд, не заботясь о том, что где-то позади него двери захлопываются. (34)

Узкому специалисту, даже владеющему журналистским мастерством, чаще всего не о чем рассказывать. Такой специалист имеет дело с крохотным кусочком проблемы, с какой-то одной её микрогранью. (35)

«Ах, всё плохо!» или «Ах, всё хорошо!» – это истеричность, оправдывающая или прикрывающая ничегонеделание. (36)

Кто работает, тот знает, что никто не сделает за него его работу. (37)

Праздность и мудрость несовместимы. (38)

Труд не только очеловечил наших далёких предков, труд продолжает формировать человека. (39)

Проскользнуть в науку можно – это дело ловкости. Однако никакая ловкость не поможет бесплатно сделать что-то в науке. (40)

У меня много знакомых, так или иначе связанных с наукой. Я попытался представить, что произойдёт, если им объявят: «Братцы, платить вам будем, как в многотрудные времена славного Галилея!» (41)

Нет чувства острее чем то, которое испытываешь, приближаясь к открытию. (42)

Что важнее в открытии – сам момент открытия или предшествующая ему напряжённая работа? (43)

Самая главная находка – это путь, по которому надо идти. (44)

Для исследователя нет ничего опаснее предвзятого мнения. Азбучная истина, которую мы хорошо помним, когда речь идёт о чужом предвзятом мнении. (45)

Элементарный психологический барьер: человек не решается перешагнуть через общепризнанное. Даже в голову не приходит усомниться в прописной истине – она такая привычная, такая надёжная. (46)

А вдруг выгодно верить в осуществимость того, что сегодня считается неосуществимым? (47)

Пытаясь создать новое, неизбежно вступаешь в конфликт с научными истинами своего времени. И надо, преодолевая неудачи, ежедневно, ежечасно доказывать себе: нет, все ошибаются, а ты прав, ты должен быть прав... (48)

Если идею ругают слишком долго и обстоятельно, это верный признак, что к ней стоит присмотреться. (49)

Первооткрывателю всегда трудно. (50)

«Пока ничего не получается». Спасительное слово – «пока». Оно подразумевает, что в дальнейшем обязательно получится. (51)

Отрасли техники тесно связаны между собой и взаимно друг друга обусловливают. (52)

Подобно тому как палеонтолог по одной кости восстанавливает облик вымерших животных, так и инженер может по одному техническому факту сделать довольно точные выводы об уровне развития техники. (53)

Нельзя сравнивать несравнимое. Что больше – квадратный метр или секунда? Бессмысленный вопрос. (54)

Просто невозможно придумать такую задачу, которая когда-нибудь не будет решена. (55)

Человек с задатками блестящего теоретика к практике, как правило, равнодушен. (56)

Теория должна непрерывно обновляться. Если, создав теорию, не видишь, что в ней можно сломать и перестроить, – пора уходить. (57)

Высшая степень знания – это когда человек не только хранит в памяти неисчислимое количество фактов, но и чувствует их глубинное движение, ощущает их очень сложную и тонкую взаимосвязь. (58)

Есть такое отношение к науке: хорошо бы, мол, получить побольше всего такого – и чтоб безопасненько, с гарантией блаженного спокойствия. Мещанство чистейшей воды. Науку вечно будет штормить – только держись! И хорошо. Человек в общем создан для бури. (59)

Есть три типа идей: признанные идеи; идеи, не успевшие получить признания, но ещё и не отвергнутые; идеи, осуществление которых считается невозможным. (60)

Бесцельные идеи, как бы увлекательны оне ни были, оказываются бесплодными. (61)

Смело берите «невозможные» идеи, ломающие наши представления о мире, меняйте их, сталкивайте между собой, развивайте, а затем смотрите – вписывается ли полученное в общую картину мироздания. И если не вписывается, начинайте сначала. И потом ещё и ещё, пока не увидите: да, так может быть! (62)

Идеи всегда рождаются «сомнительными»; ни одна смелая идея – ни в науке, ни в фантастике – не была сразу признана абсолютно верной. Идеи растут, испытываются жизнью, и если оне верны, со временем крепнут и выживают. Без слабых и писклявых новорождённых не было бы зрелых людей. Нелепо «отменять» новорождённых только потому, что есть сомнения в их будущем. (63)

Хорошая фантастика подобна многоступенчатой ракете: идеи первой ступени поднимают ввысь вторую ступень, третью, четвёртую. (64)

Потребительская мудрость гласит: «Хорошие булки произрастают на хороших деревьях, а плохие – на плохих». И оспаривать её бесполезно, потому что потребитель не способен задуматься над природой вещей. Для него и литература только «продукт». (65)

Только время выносит окончательный приговор произведению искусства. Но тот, кто создал это произведение, уже не слышит приговора. (66)

Искусство, наверное, прекратилось бы, если бы однажды можно было сразу всё сказать. (67)

Искусство всегда жило человеческими масштабами. Вот любовь... Два человека любят друг друга – и сколько об этом написано книг, изваяно статуй, сколько создано музыки... Во

все времена и на все случаи. И так с ревностью, со скупостью, со смелостью. Анализ страстей был доведён до микроскопической точности. (68)

Чтобы создать произведение искусства, ещё недостаточно таланта, возможности, времени. Подобно тому как водород и кислород остаются холодной смесью газов, пока не пробежит взрывающая их электрическая искра, в душе художника тоже должен сверкнуть огонь, вызванный каким-то событием. Только тогда из смеси самых разнородных факторов возникает нечто такое, что властно заставляет взяться за кисть, резец или перо. (69)

Даже для гениального архитектора есть какой-то предел, зависящий от свойств материала. (70)

Настоящая поэзия и большая наука – просто одно и то же. В познании есть поэзия, в поэзии есть познание. Учёному и поэту в одинаковой степени нужно воображение. Учёный и поэт думают об одном и том же – о законах жизни. (71)

В наш век науке нужно искусство, чтобы глубже почувствовать преобразуемую природу. Наука без искусства подобна высокому зданию без окон. В таком здании можно жить; оно защищает от непогоды. Но только через окна мы можем увидеть красоту окружающего мира. Только через окна проникают светлые и тёплые лучи солнца. (72)

Наука удвоит и утроит силу научного зрения людей. Но искусство удесятерит силу поэтического восприятия явлений. (73)

Человек будущего – поэт и учёный. Точнее, и то и другое одновременно, ибо за какой-то гранью эти понятия сливаются. (74)

Художники и поэты работают в одиночку: фантазия требует тишины. (75)

Поэты иногда не подозревают, насколько они правы. (76)

Кто любит умных людей, того раздражает малейшая вялость мысли. (77)

Книги – душа человечества, его зеркало и совесть. (78)

Книги не только описывают зло, оне его осуждают. (79)

Не могут быть злыми разумные существа, создавшие прекрасную музыку. (80)

Каждый из нас отвечает за то, что происходит на нашей планете. (81)

Поняв однажды, что Земля не центр мира, люди выиграли беспредельную вселенную. (82)

Мы привыкли – дурная привычка! – мерить на свой аршин. Мы представляем себе обитателей чужих планет либо как наше прошлое, либо как наше будущее. Чепуха! Там, где другие условия существования, там всё идёт подругому. (83)

Космос – слишком большая сцена, чтобы на ней разыгрывать старые пьесы. Космическим масштабам сцены должны соответствовать и космические масштабы событий, дерзаний, свершений. (84)

Лучше, чтобы тот, кто впервые встретит человека, увидел его смелость, а не его осторожность. (85)

Для возникновения и развития жизни действительно нужно определённое сочетание условий. Но когда живые существа становятся разумными, они постепенно перестают зависеть от внешних усилий. Они начинают менять эти условия, начинают управлять ими – прежде всего на своей планете, потом в космических масштабах. (86)

Вероятность встречи с жизнью, только начавшей развитие, в самом деле мала – тут справедливы логика и расчёты астробиологов. Но для высокоразвитой цивилизации в космосе нет неподходящих условий. Завоёвывая космос, такая цивилизация способна существовать везде, при любых условиях. (87)

Хорошее в человеке родилось не вчера. Оно возникло вместе с человеком. Это хорошее было стиснуто, сжато, связано. И когда оно освободится, то навсегда, бесповоротно. (88)

Разве не закономерно, что именно тот, кто познал много горя, получает нелёгкое право протянуть руку помощи другим? (89)

Высота облагораживает. Оставшись наедине с самим собой, высоко над облаками, невольно перестаёшь замечать мелочи, которые невидимым грузом приковывают дух человека к земле. Здесь всё пронизано светом. Здесь ясно и чисто. (90)

Жизнь, становясь интереснее, по идее, требует всё больше времени. (91)

Мы прошли суровый и тяжёлый путь. Мы дорогой ценой заплатили за своё знание и своё счастье. Но мы беспредельно закалили волю и получили право бросить вызов любым невзгодам. (92)

Человек (в этом его духовное величие), зная, что он смертен и что смертны все остальные люди, живёт так, словно он и все вокруг него бессмертны. (93)

Судьба человека может быть разной; но у Человечества одна судьба – идти вперёд и побеждать. (94)

* * *

Духовное величие человека в том, что он, зная, что он смертен и что смертны все остальные люди, живёт так, словно он и все вокруг него бессмертны. (93)

П. Р. А м н у э л ь

(1944 г.р.)

Узкая специализация даже как-то помогает: сознание не разбрасывается, сосредоточиваясь на нужном предмете. (1)

Идеи остаются пустыми словами, если нет возможности действовать, нет сил достигнуть цели. (2)

Мечтатель всегда человек действия. Потенциально. Существует, к сожалению, предел дальности мечты. Предел фантазии, переступив который мечтатель лишает себя возможности действовать. Ведь он втиснут в рамки общественного поведения. (3)

Для каждого мало-мальски значительного эксперимента нужно создать соответствующую теорию. (4)

Закон консервативности мышления: люди крепко держатся за привычные убеждения. (5)

Едва ли не самое главное в любом поиске – отрешиться от общепринятых представлений. Это трудно, но необходимо. (6)

Возрастает риск, возрастает ответственность. (7)

Свою трусость люди обычно прикрывают словами об ответственности. (8)

Бездельничать, когда впереди у тебя вовсе не вечность – преступление. (9)

П. А н д е р с о н

(1926 – 2001 гг.)

Никому не удавалось жить, ничем не рискуя. (1)

Когда час за часом напряжённо и сосредоточенно работаешь головой, требуется передышка. (2)

Очевидные вещи полезно повторять только потому, что порой самый простой ответ труднее всего найти. (3)

Человеку опытному, в отличие от новичка, известно, что инструкциям часто приходится потесниться перед лицом действительности. (4)

Я ещё не сталкивался с проблемой, какой бы сложной она ни была, чтобы при ближайшем рассмотрении она не оказалась ещё сложнее. (5)

Человек не одинок в этой Вселенной. Существуют другие расы, другие культуры, со своими чаяниями и надеждами, с собственными страхами и огорчениями; оне смотрят своими глазами и думают свои думы, но их цели не менее верны и естественны для них, чем наши для нас. И хорошо, если мы можем быть друзьями. (6)

Оттого и начинаешь так горячо любить чужой народ, что втайне возненавидел свой. (7)

Война – не конец, а продолжение политики. Самые кошмарные преступления совершались тогда, когда это забывали. (8)

Сражаясь честно, прямо глядя в лицо поражению, мы можем надеяться спасти многое; надеяться даже, что через десятилетия этим будут восхищаться. (9)

Когда смолоду приучен к сдержанности, больше всего боишься выдать свои чувства. (10)

Не следует забывать, что когда человеческий разум переходит рамки приличий, за это приходится расплачиваться всем, и весьма дорогой ценой. (11)

Да чего там – мы со своим разумом не можем справиться, не то что с чужим. (12)

Если, допустим, Бог существует, разве весь наш опыт даёт основание думать, что Он к нам как-то особенно благоволит? Может быть, человек – это просто ещё один неудачный эксперимент, наподобие динозавров: на нём уже поставлен крест, и, пожалуйста, пускай обращается в прах и вымирает. (13)

Чтобы человек не оказался всего лишь толковой и послушной марионеткой, Бог должен был предоставить нам свободу действий. (14)

До конца развитая, зрелая, установившаяся человеческая личность просто слишком сложна, чтобы ею управлять извне. У неё слишком много резервов. Подсознательная сфера её может призвать на помощь адские силы, если что-то угрожает её целостности. (15)

Не может быть серьёзного прогресса культуры там, где должны пройти месяцы, чтобы немногие индивидуальности, способные к творчеству и мышлению, могли услышать одна о другой. (16)

Тому, кто мыслит, созерцать красоту столь же необходимо, как дышать. (17)

П. Б а г р я к

(60 – 80 гг. XX века)

В жизни бывают поразительные совпадения, но опыт учит относиться к любой случайности если не с предубеждением, то, по крайней мере, с осторожностью. Случайность должна происходить только случайно. (1)

Пока не придут сами неприятности, мы порой даже не знаем, кто их автор. (2)

Люди устроены так, что необычность своего положения по достоинству оценивают потом, много позже, заливаясь краской стыда, смеясь или испытывая приступы запоздалого страха. Но в конкретный момент они нередко ведут себя спокойно и привычно. (3)

Прихоти людские – это мир, полный загадок. (4)

Даже у тех людей, которые поступают вопреки нашему желанию и нашим принципам, есть своя правда. Отсюда и происходят все истинные сложности в жизни. (5)

Всё кипит и торопится, словно люди только и заботятся о том, чтобы поспеть куда-то вовремя, обогнать кого-то на доли секунды или на доли дюйма. (6)

Ожидание – это всегда трата нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются. (7)

Показная простота – это утончённое лицемерие. (8)

Право, ничто так не способствует долголетию добрых товарищеских отношений, как независимость друг от друга в денежном или ином корыстном смысле. (9)

Маленькие слабости делают нас человечней. (10)

Немногословность в равной степени может свидетельствовать либо об ограниченности ума человека, либо, наоборот, о его мудрости. (11)

Люди, которые подозревают в собеседниках сообразительность, обычно плохо кончают. (12)

Когда впереди идёт гордость, позади идёт убыток. (13)

Это прекрасно, что мы оказываемся сильными в глазах лишь тех людей, у которых есть основания нас бояться. (14)

С людьми, обладающими самостоятельным характером и талантом, лучше быть в дружбе, вне зависимости от того, как низко они стоят по сравнению с тобой в табели о рангах. (15)

Проявлять по отношению к собеседнику индюшиную надменность свойственно людям бездарным и малодушным. Но ни одному индюку, как бы он ни важничал, ещё не удавалось скрыть от окружающих свою плебейскую куриную сущность. (16)

От денег к власти – одна дорога, а от власти к деньгам – тысяча. (17)

Если ниспровергатель порядка становится хозяином порядка, то он обязательно начинает его укреплять. И, наоборот, бывший хозяин, потеряв власть, становится

ниспровергателем. Эта трансформация столь же неизбежна, как превращение воды в лёд при температуре ниже нуля градусов и льда в воду при температуре выше нуля. (18)

Если человек по доброй воле соглашается стать нерассуждающей деталькой машины, то тем самым он соглашается с отношением к нему как к винтику. А незаменимых винтиков, как известно, нет. Их, когда надо, смазывают маслом и, когда надо, выкидывают в металлолом, благо производство налажено и безработных – с дипломами и без – хватает. (19)

Все давным-давно привыкли к тому, что сегодня политиками говорится одно, завтра – другое, а делается совсем третье. И если уж стоит серьёзно относиться к чему-то, так лишь к тому, что делается. (20)

О, подлый мир, в котором даже детская соска может считаться стратегическим сырьём! (21)

Аппетит – лучший барометр человеческой совести. (22)

На кой нам чёрт высокие цели, достигаемые низменными способами? (23)

Как трудно работать с людьми, имеющими чистую совесть! (24)

Оказывается, многое в мире зависит от точки зрения, т.е. от того, какое место ты в данный момент в нём занимаешь. (25)

Нельзя бороться против зла, если исходить только из личной заинтересованности. (26)

Чем больше тайн и загадок, тем проще их решение. (27)

Даже самые страшные государственные секреты рано или поздно становятся известны большому кругу посторонних лиц, поскольку секреты сами себя не охраняют, а охраняются живыми людьми. (28)

Искусство сыщика во многом зависит от умения слушать: кто больше знает, тот и сильный. (29)

Как велики глаза у подозрительности! (30)

Делиться подозрениями, когда нет фактов, удел старых сплетниц. (31)

Когда доводы с двух сторон уже исчерпаны, то голые эмоции являются источником для бесконечного спора. (32)

Признательность не всегда красноречива. (33)

Слова и мысли, рождённые автором, как бы освобождаются от его власти и начинают жить самостоятельной жизнью на страницах, словно дети, ставшие взрослыми и ушедшие из родительского дома в необъятный мир. Иногда случается, что, вырвавшись на волю, слова бунтуют в этой новой жизни и ведут себя не совсем так, как хотелось автору. И уже ничего с этим не поделать. (34)

Из суммы рядовых репетиций складывается премьера. (35)

Содержание шлягеров столь убого, что уж лучше не слышать слов вовсе. Именно по этой причине иностранные исполнители нравятся нам больше отечественных: они не выглядят такими идиотами, ибо поют на непонятном нам языке. (36)

Добро и зло всегда шествуют недалеко друг от друга и так близко от нас, грешных! (37)

Нельзя перекупить то, что уже продано сатане. (38)

Зло ищет в союзники только зло, а с добром расстаётся, как с лишней обузой. (39)

Человек, творящий зло, всегда решительней человека, творящего добро. Зло более прямолинейно, оно грубее, целеустремлённей. (40)

Счастье, конечно, не в деньгах, когда оне есть. (41)

Критерий счастья – в человеке, а не вне его. Если ему хорошо, то почему кто-то за него может решать, что ему «плохо»? (42)

В своей увлечённости мы все немного эгоисты. (43)

Должна же в конце концов быть награда тем, у кого есть терпение! (44)

Разве не прекрасна старость, украшенная не слезами, а шуткой? (45)

А. Д. Б а л а б у х а

(1947 г.р.)

Человек и идея – это система с обратной связью. Идею порождает человек, но та в свою очередь влияет на человеческую судьбу, формируя подчас не только отдельных людей, но и целые поколения. (1)

Борясь за общее, мы часто жертвуем частным. (2)

Неочевидность картины мира, если разобраться, – для всякого писателя дар Божий. (3)

Разумнее не создавать себе никчёмных иллюзий. (4)

Я стар и мудр. Прошлое открыто мне, и грядущее не имеет от меня тайн. (5)

Музыка... её нельзя сочинить или придумать. Она – во всём и везде. В нас и вокруг нас. Щёлкните ногтем по стакану и вслушайтесь – это музыка. Ударьте щупом по камню. Слышите? Это тоже музыка. Приложите к уху раковину; сядьте ночью в тишине своей каюты, пойдите в лес, в степь, на море... Вслушайтесь – и вы услышите музыку. Извлеките её, оплодотворите своей мыслью, чувством, принесите её людям – вот искусство! Но чтобы услышать, надо понять, чтобы понять – любить. Любовь – вот суть всего. Без неё невозможны ни искусство, ни сам человек. (6)

Моряки говорят, что затишье предвещает бурю. (7)

Можно перековать мечи на орало, но можно и кинжалы – на нож гильотины. (8)

Кровь и венец мученика всегда привлекали чернь. (9)

Честолюбие – самый страшный вид голода. (10)

Все могилы, даже самые разные, похожи друг на друга. (11)

В. Е. Б а х н о в

(1924 – 1994 гг.)

Вселенная так велика, что нет такого, чего бы не было. (1)

Это только в идеальном мире истина рождается в спорах, у нас же любая истина, наоборот, рождает споры. (2)

Если в результате споров и появляется на свет какая-нибудь истина, то она имеет такой чахлый вид, что сразу становится ясно: эта истина долго не протянет. (3)

От частого употребления всякого рода словосочетания или теряют смысл, или, наоборот, приобретают его. (4)

Смех подобен песне без слов, в которой иной раз удаётся сказать гораздо больше, чем в песне со словами. (5)

Основное отличие робота от человека в том, что ему всё равно чем заниматься. (6)

Ещё робот отличается от человека отсутствием интереса к конечному результату своей деятельности. (7)

Рассудок, рассудочность, рассудительность – это нечто гораздо менее значительное, чем разум. (8)

Все мы испытываем странное удовлетворение, найдя остроумный ответ на заданный нам три дня назад ехидный вопрос. (9)

Любая новая мода всегда кого-то раздражает. (10)

Тишайший, верноподданнейший бунт угодников и подхалимов, заключающийся в отказе говорить правду, неизбежно окажется самым страшным из всех бунтов. (11)

Человеку всё время нужно чувствовать и помнить, что он человек. Человек! Даже если ему стараются внушить, что он сверхчеловек или просто пыль на ветру, – он всё равно должен быть человеком. (12)

А. Р. Б е л я е в

(1884 – 1942 гг.)

Если человек неотступно преследует одну цель, то рано или поздно он достигнет её. (1)

Правдивость – плохой объект для иронии. (2)

Красивая женщина – женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. (3)

Женщина без тела – это хуже, чем мужчина без головы. (4)

Если добродетель не может торжествовать, то по крайней мере порок должен быть наказан. (5)

Лгать во имя правды – вот горький парадокс! (6)

Ужас перед неизвестным. Горе тому, кто не сумеет сразу его побороть: слепые инстинкты гасят тогда мысль, парализуют волю, самообладание. (7)

Есть безрассудство, которое стоит мудрости. (8)

Бездеятельное созерцание – лучший дар морских путешествий для нервов, утомлённых городской суетой. (9)

Фантастические идеи должны быть новыми, это прежде всего. (10)

Каждая профессия создаёт свои навыки, дисциплинирует мысли в известном направлении. (11)

Погибают народы, живёт человечество. (12)

В. П. Б е р е ж н о й

(1918 – 1988 гг.)

Одна раскрытая научная тайна влечёт за собой множество новых! Цепная реакция познания мира. (1)

Даты – всё это фикции. Жизнь едина и непрерывна, а мы делим её на какие-то отрезки. (2)

Поистине удивительное существо человек: сам на себе плетёт сети! Выберется из одних – и тут же принимается плести другие. (3)

Народное творчество – это микрофон, в который говорят тысячелетия. Расстояния во времени велики, может, поэтому кто-то и слов не разберёт. (4)

Скромность – прямой путь к безызвестности. (5)

А. Б е р т р а м – Ч а н д л е р

(1912 – 1984 гг.)

Ничто не может быть хуже, чем половина пары. (1)

Лишение свободы всегда воспринимается пострадавшим как акт унижения независимо от того, насколько он склонен подходить ко всему философски. (2)

Лишение свободы вдвойне унизительно, когда тюремщики вполне искренне убеждены, что пленник – существо более низкого порядка. (3)

А. Бестер

(1913 – 1987 гг.)

Истинные ценности в жизни – это культура, искусства, музыка и поэзия. Деньги лишь средство в борьбе за эти ценности. (1)

Разве зерно, которому не удалось упасть на добрую почву, знает, кем и чем оно стало бы? (2)

Каждый из нас представляет собой сочетание двух противоположных стимулов – инстинкта жизни и инстинкта смерти. Причём цель обоих стимулов одна – нирвана. Инстинкт жизни стремится достичь её, сметая все препятствия. А инстинкт смерти – путём самоуничтожения. (3)

У приспособляемого индивидуума оба инстинкта сосуществуют в прочном сочетании. Но под воздействием психической нагрузки они могут начать расслаиваться. (4)

Сексуальная энергия – это пылающее в каждом из людей горнило – безжалостное, безрассудное, алчное. Это вечный источник душевных сил и психической энергии. (5)

Большинство людей оказывается жертвой собственной лени или отсутствия благоприятных обстоятельств. (6)

Когда человек попадает в беду, лень для него недопустимая роскошь. (7)

Будь смелым, будь целеустремлённым, будь дерзким, и общество не сумеет противопоставить тебе ничего. (8)

Сущность убийства останется неизменной. Во все века убийство есть конфликт общества и убийцы, а ставкой является жертва. (9)

Последняя война, как водится, оказывается предпоследней. (10)

Выбирай себе врагов сам, а не заводи их случайно. (11)

Честь у нас есть, только кодекс мы себе выбираем сами, а не пользуемся кукольными правилами, которые какой-то слабонервный трус изобрёл для таких же, как он сам, запуганных людишек. (12)

У каждого есть своя этика и своя честь, и пока человек придерживается их, никто не вправе осудить его. Вы можете не одобрять его этику, это другое дело, но у вас нет права называть его неэтичным. (13)

Равновесие сил – залог того, что стороны будут действовать на паритетных началах. Взаимная зависимость обеспечивает верность общим интересам. (14)

Меня возмущает безрассудная сила эволюции, которая наделяет людей всё большим могуществом, не освобождая их от пороков, мешающих воспользоваться этим могуществом с толком. (15)

Человек, привыкший побеждать, становится самонадеянным. (16)

Поезда, они, знаете ли, как женщины: ни на одном из них свет клином не сошёлся! (17)

Только очень богатые и могущественные учреждения могут позволить себе иметь неказистый вид. (18)

Пращуры порой отличаются удивительно современными вкусами. (19)

Подсластить пилюлю – излюбленный приём мошенников и прохиндеев. (20)

Только слабые разумом спорят с очевидностью. (21)

Жизнь в многоквартирном доме, где на тебя обрушиваются мысли и чувства множества людей, сущий ад для человека, наделённого незаурядной восприимчивостью. (22)

Предельно монотонная, мучительно банальная мелодия въедается своей банальностью в мозги. Это квинтэссенция всех мелодических клише, которые ты когда-либо слышал. Какой бы мотив ты ни начал вспоминать, ты неизбежно соскальзываешь на заезженную дорожку этой мелодии. (23)

Семантическое бегство от реальности состоит в том, чтобы ориентироваться не на существо явления, а на ярлык. (24)

Все мы живём в психиатрической лечебнице без надежды на бегство, на избавление. (25)

Самое обычное, элементарное невротическое представление – это иллюзия, будто только ты один в этом мире реален. Такая иллюзия – один из самых тривиальных методов бегства от действительности. Когда жизнь становится вам невмоготу, вы спасаетесь от её тягот, вообразив себе, что все ваши беды всего лишь выдумки, гигантская мистификация. (26)

Любовь сама диктует законы. (27)

В человеке нет ничего, кроме любви и благородства. Всё остальное – это лишь барьер, воздвигнутый нашей слепотой. Настанет день, когда не останется преград, разделяющих наши умы и сердца. (28)

Когда мы созерцаем красоту, мы видим одну лишь «вещь в себе». (29)

В бесконечной Вселенной не существует ничего неповторимого и нового. Странный случай, миг чудесный, поразительное совпадение событий, обстоятельств и взаимоотношений – всё это уже не раз бывало на планете, оборачивающейся вокруг светила, галактика которого девятикратно возрождалась заново каждые двести миллионов лет. (29)

В мире была радость. Радость придёт вновь. (30)

* * *

Верность общим интересам обеспечивается взаимной зависимостью. (14)

Д. А. Биленкин

(1933 – 1987 гг.)

Человек знает только то, что знает его время, а чего люди этого времени не знают, что они не готовы принять, того и не существует, даже если этим полнится мир. (1)

Если вы наблюдательны, то, верно, заметили, что любое скольжение по привычной колее сливает дни в серый прочерк. Ведь хорошо запоминается то, что резко отличается от жизненного фона, и совершенно неважно, где это происходит – дома или в звездолёте. (2)

Прошлое хоть чем-то заполнено, а будущее – ничем. Мёртвое, исчезнувшее прошлое присутствует в будущем. (3)

Над жизнью людей висят угрозы, исходящие из будущего: тревога, заботы, голод... (4)

Неожиданность – главный атрибут приключения. (5)

Человеку активному, полной мерой хлебнувшему побед и риска, после всего этого невтерпёж будет долгая, почётная и такая бесцветная старость. (6)

Воспоминания – богатство стариков. (7)

Мы стареем потому, что стыдимся молодости. (8)

Когда ждёшь, время обретает тяжесть, от которой болят плечи. (9)

Накопленный опыт иногда тяжёлой гирей повисает на инициативе. (10)

Только нехоженый путь приведёт к цели! (11)

Если возможен прогноз, то лишь потому, что будущее хотя бы отчасти уже существует. (12)

Важно заранее, чётко, ясно, критически оценить возможные последствия, во всём разобраться, чтобы не быть захваченным течением, а управлять событиями в нужном нам направлении. (13)

Бинокль, которым мы пытаемся возместить природный недостаток зрения, хотя и позволяет чётче видеть, но сужает поле зрения. (14)

Видите ли, игла только потому легко проходит сквозь твёрдый материал, что она тонка. (15)

Приобретения – они всегда же и потери, не бывает одного без другого. (16)

Ощущение своей отрешённости от душевных мук других приподнимает тебя в собственных глазах. Ты сверху вниз смотришь на всех этих гамлетов, дон-кихотов, карамазовых. И трудно понять, чего здесь больше: инстинкта, оберегающего от потрясений, нравственной слепоты или желания быть неуязвимым. (17)

Выше всего моральный закон, и он велит нам поступать так, как следует, потому что в уступке нет добровольности. (18)

В жизни неизбежен выбор, и достижение одного влечёт отказ от чего-то другого. (19)

На долю того, кто держится середины, обычно выпадает меньше неприятностей, зато и успех приходит реже. (20)

Судьба не часто благоприятствует хорошим намерениям. (21)

Удивительно, как благородные чувства мешают людям жить. (22)

Изменение обстановки меняет самого человека. (23)

Для человека одиночество настолько невыносимо, что даже в мыслях он стремится быть со всеми, быть как все. (24)

Огорчить любимую женщину мужчина боится ничуть не меньше, чем узнать о её равнодушии к себе. (25)

Чисто женская особенность: в любой обстановке уметь непринуждённо устраивать вокруг себя подобие уютного гнёздышка: два-три взмаха руки – гнёздышко готово. (26)

Не задеваешь того, к кому равнодушен. (27)

Неловкость и деликатность категоричней любых запретов не позволяют честному человеку подглядывать в замочную скважину. (28)

Подлец и убийца – не человек, потому что он не видит себя в других. (29)

Есть хорошие люди, есть плохие. Дураки и умные. Люди с совестью и без. Богатые и бедные. Чем богатые, чем бедные – сердцем, умом, деньгами? Это важно. (30)

Достаток и счастье – вещи не тождественные. (31)

Деятельность рвачей, дураков, сиюминутников бумерангом обрушивается на всех, проклятьем преследуя потомков. (32)

Есть люди, с которыми хоть пришелец из космоса заговори, а они и пришельца приспособят к своему крохотному миропониманию, и будет он для них что соседский дворник. (33)

Разумеется, человек не может мыслить вне стереотипов, но в том и сила разума, что он способен быстро пересматривать устаревшее. (34)

Всякий наш сколь-нибудь значительный поступок возбуждает волну последствий, чьё влияние – благотворное или неблаготворное – может отозваться в грядущем и что-то сдвинуть в нём. (35)

Комплекс неполноценности рождает мнительность. (36)

Кто подходит к другим со своей меркой, тот неизбежно обманывается. (37)

Редко, но встречаются люди, чьи слова – самые обыденные – всегда непосредственны и свежи. Секрет не в словах, даже не в интонации: в раскованности чувств, когда ничто не мешает им тотчас отразиться во взгляде, в мимике лица, в движениях. (38)

Слово – это обёртка, в него можно завернуть что угодно. Прохиндеи этим и пользуются (39)

Софистика может доказать многое. Например то, добро не может победить зло, потому что его способы борьбы бессильны, а бороться со злом оружием зла, значит превратить само добро во зло. Вот так и выходит, что добро заведомо обречено на поражение. (40)

Враждебная критика необходима, потому что противоречие отлично концентрирует энергию мысли. (41)

Ничто так не раскрывает собеседника, как противоречие его словам. (42)

Вы или не понимаете, или не хотите понять, что ещё хуже. (43)

Получите по совести, которой у вас нет! (44)

Наша жизнь имеет как бы два полюса: невежество, злоба, с одной стороны, совершенство, красота, добро – с другой. (45)

Власть, пренебрегающая правилами этикета, выше той, которая их устанавливает. (46)

Если цели добиваются с помощью страха и насилия, то это заведомо гнусная цель. (47)

Всё совершенствуется, и приёмы психотехники тоже. Даже извечное стремление к свободе можно использовать ради целей рабства. (48)

Бизнес изобретательней самого дьявола. (49)

Судьба человека глубоко безразлична цивилизации, основанной на принципе, что у прогресса нет другой цели, кроме прибыли, и что в погоне за ней допустимы любые средства. (50)

Конечно, среди врагов дураков немало. Но не они делают погоду. Правда жизни в том, что перед нами жестокий, алчный и отнюдь не глупый враг. (51)

В борьбе недооценка врага – серьёзный просчёт. (52)

Трусам можно доверять, лишь когда у них есть страх за собственную шкуру. В их случае это очень способствует правильному пониманию вещей. (53)

Общеизвестная истина: предусмотреть всё невозможно. Никому и нигде. Извечная ошибка всех тюремщиков – это недооценка ума и знаний. Иначе, впрочем, и быть не может. Тюремщики, кем бы они ни были, не задумываются, отчего со времён фараонов грубая, бесчеловечная сила часто побеждала, но ещё ни разу не победила? Правда, если бы они это поняли, на свете давно бы не осталось тюремщиков. (54)

В истории нельзя найти пример долговечной тирании. (55)

Нельзя отменить противоречие между теми, у кого в руках палка, и теми, на кого эта палка обрушивается. (56)

Тюрьма никогда не побеждала стремления к свободе, тупость не могла загасить творчества, стремление человека быть человеком никогда не мирилось с системой, убивающей человека в человеке. (57)

Техника всё одинаково возводит в степень – и хорошее и дурное, и достижение и просчёт. (58)

Когда абсолютного оружия скапливается слишком много, оно рано или поздно обращается в разменную монету. И попадает в руки людей, никому не подконтрольных, избавленных от предрассудков и догматической совести. (59)

У диктаторов есть одна общая черта, которая их и губит: они все позёры. (60)

Силой можно добиться всего, но силой ничего нельзя удержать. (61)

Когда нет чёткой границы между разумным компромиссом, тактической уловкой и малодушным предательством, человека в конце концов подводят именно к предательству. (62)

Всякую силу можно обратить против самой себя! (63)

Это общее заблуждение – верить, что грубая сила неодолима. На самом деле она слаба. Потому что опирается не на людей, а на примитивные автоматы в человеческом обличии. (64)

Легко будет потомкам взвешивать промахи: как это их предки видя – не видели, думая – не думали, борясь – не замечали врага за спиной. (65)

Самые лучшие из людей бывают непоследовательны, делая добро, почему же худшим из них не быть непоследовательными, причиняя зло? (66)

Слава, власть, успех. Они не опора человеку, когда приходит смерть. До неё и после человек жив тем хорошим, что сделал он для людей. Лишь дружба, благодарность и любовь могут поддержать и успокоить, когда наступает время подвести итог. Особенно любовь. (67)

Никогда нельзя делать того, чего не хочешь, никогда, даже если это кажется нужным, даже когда обстоятельства берут за горло, даже если убедишь себя: всё равно нельзя делать того, чего не хочешь! (68)

Многие поступают так: берут медь вместо золота из страха, что золота не будет. А потом, когда человек разменял частицу себя на вздор, исправлять оказывается поздно. (69)

Один человек не равен другому, нет этого в жизни, и полочек, по которым всё разложено, тоже нет! (70)

Что такое «простой средний человек»? Тот, кто в меру добродушен, в меру благообразен, в меру себе на уме, не в меру оптимистичен и не в меру зауряден. (71)

Каждый человек в той или иной мере мнит себя центром вселенной. Заблуждение понятное и извинительное. (72)

Самое трудное, чтобы тебя понимали правильно. Когда человек слышит только самого себя, тут и появляются полочки, ящички, этикетки. Как в аптеке: здесь яд, здесь лекарство. В аптеке, правда, знают, что всякое лекарство – это яд и яд – лекарство, всё зависит только от того, как, чем и в каких дозах пользоваться. (73)

Все мы никудышные психологи, нам учиться и учиться, а мы вместо этого торопимся учить. Потому что некогда, потому что надо спешить, потому что другие учителя не ждут, – выходи на бой какой ты есть, ничего другого не остаётся. (74)

Сомневаясь в своих силах, борись, будто сомнения тебе чужды, иначе все увидят твою слабость и тогда – конец. (75)

Лишь знание и понимание хода истории, т.е. опыта всех проб, достижений и ошибок человечества, способно остеречь от глупостей и наметить разумную тактику на будущее. (76)

О серьёзных неприятностях обывателям сообщают в лучших традициях казённого оптимизма. (77)

Сила социального зла в том, что оно не знает никаких запретов, тогда как всё, ему противостоящее, обязано выбирать средства, иначе оно выродится в не меньшее зло. На первый взгляд, такое самоограничение пагубно, однако вся наша история доказала, что вне морали победа недолговечна, тлетворна и обратима и что за внешней слабостью добра скрыт источник неодолимой силы. (78)

Первая заповедь сильного – никакого самообмана! (79)

Человек, который равнодушен к издевательствам, уже не человек. (80)

Памятник порой неотделим от хулы – вот что удивительно в жизни. (81)

Люди всё больше и больше становятся занятыми, и у них совсем не остаётся времени думать. (82)

Только опытные и стойкие люди отваживаются на молчание, на раздумье, когда всё толкает на энергичные действия, или хотя бы видимость действия. (83)

Ночью думается иначе, чем днём. (84)

У человека, который знает, что он плавает плохо, невелик шанс утонуть, ибо этот человек осторожен. Невелик риск и для хорошего пловца. Чаще всего гибнут – и глупо гибнут – люди, которым кажется, что они уже научились хорошо плавать, тогда как на самом деле это не так. (85)

Право на осторожность, на многократное обдумывание и проверку своих мыслей имеет тот, кто уверен в своём завтра. (86)

Знания сами по себе не содержат ни добра, ни зла. Всё преломляется в человеке и там распадается на спектр, который и окрашивает жизнь – в мрачный, либо в светлый оттенок. Всё в наших руках, но сами эти руки должны быть мудрыми. (87)

Рассудок может предать, разум – нет. (88)

Разум не может смириться ни с бессмысленностью жизни, ни с бессмысленностью смерти. Так он устроен. (89)

Как мало мы ещё знаем самих себя! (90)

Как атомы тела не гибнут после смерти, а вступают в новый кругооборот, так и духовные движения, будучи переданы другим, существуют вечно, незримо переходя от поколения к поколению. (91)

Путь в себя не менее важен, труден и бесконечен, чем путь вовне, и сколь многое он уже дал человеку. (92)

Маленькому знанию не понять большого. (93)

Сам себя человек не всегда знает достаточно, даже когда он уверен в противоположном. (94)

Стоит увлечься хотя бы нумизматикой – и обнаружишь, к своему удивлению, что даже мысленное коллекционирование старинных кружков меди, серебра и золота таит в себе неизъяснимую прелесть. (95)

Слеп тот разум, который видит только себя. (96)

Чем беднее ум, жёстче навыки, уже кругозор, тем легче человек поддаётся внушению. (97)

Нельзя расселить ум и чувства по разным квартирам, – человеку станет плохо. (98)

Кто ищет не мудрости, а силы и власти, тот обречён. (99)

Мы действуем так, как мыслим, а мыслим так, как привыкли. (100)

Как только мы начинаем задумываться о новом и сложном для нас предмете, первые наши о нём догадки чаще всего содержат лишь крупицу истины, а то и вовсе всё ставят с ног на голову. (101)

Кто никогда не видел домов, для того котлован стройки лишь грязная яма, а камни фундамента начало и конец спешно возводимой ограды. Вполне естественная ошибка, не так ли? (102)

Мысль – а разве она не частичка личности? – с развитием письма, книгопечатания, электроники обрела небывалое долголетие. Тысячелетия меж мною и Гомером, Платоном, Аристотелем, но, читая их произведения, я же соприкасаюсь с их разумом, чувствами, ощущаю их личность. Это факт. (103)

Но до чего ж сложны, противоречивы, неожиданны наши поступки, когда ими руководят чувства! (104)

Когда мысль, желая точно пометить трассу будущего морального поступка, слишком пристально сосредоточивается на противоречивых понятиях, сами эти понятия начинают терять ясность, ибо любое понятие так же неисчерпаемо и темно в своих глубинах, как и породившая его жизненная реальность. И мысль теряется, решение ускользает, всё кажется запутанным и неверным. Так размышления порой губят решимость. (105)

Желая поубедительней доказать, что Земля не плоская, мы часто забываем, что она всё-таки и не шар. (106)

Крайность – всегда ошибка. (107)

Ничто так не сужает восприятие, как заранее поставленная задача. (108)

Трудно спорить с убеждённостью. (109)

Словесная эквилибристика доказывает лишь шаткость позиций. (110)

Тот, кто злится и теряет самообладание, всегда неправ. (111)

Не нравится мне такая категоричность: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Это суеверие наизнанку. (112)

Обманщики не любят делиться секретами. (113)

Небрежность одного мазка может выдать фанерность крепостной стены, на фоне которой развёртывается действие кинофильма. (114)

Никудышное исполнение губит самый лучший замысел, подчас приводя к прямо противоположным результатам. (115)

Одно неразрывно связано с другим: неглубокое знание темы с беспомощностью пера. (116)

Требовательность не отменяет чёткости оценок, а подразумевает их. (117)

Не всем, к сожалению, нужно чтение, некоторым подавай чтиво. (118)

Для многих спасительная мысль думать, что не литература следует за жизнью, а жизнь за литературой. Так проще и уютней. Надо лишь запретить, уничтожить, сжечь вредные книги, и жизнь тотчас станет простой, ясной. Но и бесчеловечной. (119)

Писатель и редактор, будьте взаимно требовательны! (120)

Граница между смыслом и бессмыслицей, между логикой и бредом исчезает в снах. (121)

Фантастика не должна стремиться в призрачный мир ирреального, где нет никаких опор, где всё зыбко, зашифровано, символично, загадочно и непонятно. (122)

Мы обожаем тайны в книгах и не любим их в жизни. (123)

Любое самое чудесное чудо мы прежде всего подводим под известное, чтобы уберечь себя от психологических перегрузок. Далее, попривыкнув, мы смелеем. (124)

Любопытство и любознательность свойственны животным не меньше, чем человеку. Загадочное привлекает, потому что непонятно его значение, неясно, что оно сулит – хорошее или дурное. А знать это необходимо всякому живому существу. Здесь инстинкт преодолевает страх, внушаемый неизвестным. (125)

Доказанное и примелькавшееся всегда банально. (126)

Наука – прежде всего логика. Логика и ещё раз логика, а уже потом всё остальное. (127)

Исследователь, бессильный повелевать своим сознанием, не есть исследователь. (128)

Право искать неотделимо от права ошибаться. (129)

Лекарством можно отравиться, а ядом исцелиться. То и другое порознь существует лишь в представлении догматиков. (130)

Примитивный мистик – это тот же школьник, который твердит перед экзаменом «провалюсь, провалюсь» в надежде, что судьба любит поступать наперекор. (131)

Чем больше изучаешь человека, тем лучше видишь, что вера для него всё равно, что дыхание. Причём не так уж важно во что: отрицание веры тоже становится верой. (132)

Религия сегодня бессильна, потому что сейчас любой дурак может сказать: «бога нет», и ей нечем его опровергнуть – вот чем она плоха. (133)

Кто подстерегает случай, тому он идёт навстречу – и тогда всё тем или иным путём обретает силу закономерности. (134)

Очевидно, за тягой к прекрасному стоит такая же необходимость, как и за стремлением к знанию. Иначе ничего нельзя понять. (135)

Природа неповторима: погубленной красоты мы уже нигде не найдём. (136)

Когда-то изображение было лишь бледной тенью действительности; ныне уже сама действительность выглядит ухудшенной копией изображения. (137)

Нервы! Сколько можно доказывать всем и каждому, что они требуют неизмеримо большей заботы, чем механизмы? (138)

Чувство юмора – это защитный рефлекс. (139)

Мы люди весёлые. Без чувства юмора в нашем деле нельзя: сгоришь от перенапряжения. А шутка – как предохранительный клапан. Посмеёшься – и сразу легче. (140)

Не надо спорить с природой. Не надо требовать от неё уюта диванных подушек, надо брать то, что она даёт, и любить каждое мгновение своего существования, ибо вдали у каждого всё равно смерть. (141)

Человек обязан бороться до последнего вздоха. Как борется трава, как борются бактерии. Мера стойкости человечества зависит от меры стойкости каждого, вот и всё. (142)

Когда приговор выносится сущности, а не видимости, делам, а не словам, он всегда оказывается справедливым. (143)

Тревожно, однако, знание, что каждый твой поступок со временем получит точную оценку; тревожно и ответственно. В пору позавидовать нищете тех, кого заботит лишь тот приговор, который выносится при жизни. Но это всё равно, что позавидовать амёбе, ибо для неё нет будущего и нет поэтому ответственности перед будущим. А если не хочешь быть амёбой-человеком, то тревога за будущее – твой спутник до конца дней. (144)

Однажды человек незаметно для себя переходит тот рубеж, который отделяет отрезок жизни, когда о смерти не думаешь, от последней прямой, когда точно известен час конца. Разные люди пересекают этот рубеж поразному, но все они открывают за ним что-то новое для себя – страшное, великое, в чём есть и ужас и примирение. (145)

Всё образуется. Нет ничего такого, что бы со временем не пришло в норму. Даже если поначалу сама эта норма кажется тягостной. (146)

Тёмен покров истины для неподготовленного, и краток наш час пребывания здесь. Я приоткрою лишь то, что в состоянии воспринять ваш рационалистический ум. Знайте же, что своим мышлением мы закрыли себе дорогу к самой тонкой, неуловимой и беспредельной психической мощи. В физическом мире сцепление атомов в молекулы способно породить лишь жалкий и тлеющий огонь, и только в себе самом атом несёт подлинную энергию. Так и человек! Чтобы воспарить в небе, капля должна покинуть океан. (147)

Бабочка не жалеет о коконе, человеку суждено большее превращение. (148)

Существование звёзд не требует доказательств. Но рассейте повсюду свет – и вы не увидите звёзд; говорите друг с другом – и вы не услышите птиц; отождествите себя с человечеством – и к вам не прорвётся мысль опередившего разума. Молчание, отрешённость, вера! Что ищете, то дастся вам, от чего закроетесь, то исчезнет, куда глянете, то и увидите. (149)

* * *

Тот не человек, кто не видит себя в других. (29)

Страх за собственную шкуру, знаешь ли, очень способствует правильному пониманию вещей. (53)

На самом деле, человек, который равнодушен к издевательствам, уже не человек. (80)

Р. А. Б л о х

(1917 – 1994 гг.)

Счастье – понятие относительное. Степень довольства и самый его характер меняются вместе с поворотом судьбы. (1)

Я почувствовал, что обязан это выяснить: таков мой долг перед собой. (2)

Пока человек молод и не знает жизни, ему не претит возиться со всякой дрянью. Но годы идут, и человек начинает искать что-нибудь получше. (3)

Все люди похожи друг на друга: они глядят в будущее, надеясь найти там полное счастье. Ждут минуты, которая никогда не настанет. (4)

Вся радость – в самой поездке, а не в том, чтобы добраться до цели. (5)

А. С. Б о р о д ы н я

(1957 г.р.)

Чтобы нести чистую веру другим людям, ты обязан познать истину. (1)

Нежность, любовь, интерес и покой ведут к правильному сосредоточению на главном. (2)

Бремя безвестности... А ведь кто-то оставил бы огромное творческое наследие, если бы наследие это не было безвозвратно утеряно. Он прожил бы поистине великую жизнь, если бы о жизни этой было хоть что-нибудь известно. (3)

Великую книгу невозможно исказить, она владеет тобою, а не ты ею. (4)

Нет ничего дороже абсолютного покоя, в том, конечно, случае, если его можно прервать по желанию. (5)

Борьба за права инвалидов при быстро развивающемся техническом прогрессе может привести лишь к тому, что инвалиду станет значительно проще выжить, чем здоровому человеку. Здоровый человек вынужден бороться за существование, инвалид же просто потребляет всё готовое. (6)

Слепой зачастую привыкает к радиопьесам ещё до того, как ослепнет. Глухой привыкает к титрам в кинофильмах, ещё обладая слухом. Вот так и мы, готовимся *здесь*, чтобы существовать *там*. Беда, конечно, если слепой привык к титрам, а глухой любит радиопьесы, приходится переучиваться. (7)

Наивная душа думает, что, когда умрёт, ничего не будет. Есть два лозунга! Первый: «Жить и трудиться неустанно!» и второй: «Умереть и трудиться всегда!» (8)

Дом человека там, где живёт его мысль. Без сомнения, наша вселенная достаточно уютное место, но при этом не стоит забывать, что звёздное небо всегда внутри нас! (9)

Р. Д. Брэдбери

(1920 – 2012 гг.)

«Некогда» легко превращается в «никогда»! (1)

Прогресс – это идея, которую не остановишь другой идеей. (2)

Будущее, о котором столько говорили, которого так боялись, вдруг превращается в настоящее, в сегодня и сейчас. (3)

Возможность ещё не факт. (4)

Человек не терпит того, что выходит за рамки обычного. (5)

Жизнь, полная приключений, оттачивает человека и выправляет, как бритву. (6)

Всё, в сущности, просто: человек должен брать у жизни взаймы, должен зарабатывать. Он должен заслужить. Никаких «подарков» судьбы. Ничего задаром. Каждая малость – ценою настоящего тяжкого труда. (7)

Работать, работать и забыть обо всём на свете! (8)

Это участь всех людей, каждый человек для себя – один-единственный на свете. Жизнь – это одиночество. (9)

Ждать, когда к нам смерть придёт, – это жить не задумываясь над тем, как другие люди мыслят, как свою жизнь живут, как умирают. (10)

Первый крик младенца – это крик жалобного изумления, что вот родился и живёт. (11)

Шире открой глаза, живи так жадно, как будто через десять секунд умрёшь. Старайся увидеть мир. Он прекрасней любой мечты, созданной на фабрике и оплаченной деньгами. (12)

Не проси гарантий, не ищи покоя – такого зверя нет на свете. А если есть, так он сродни обезьяне-ленивцу, которая день-деньской висит на дереве головою вниз и всю свою жизнь проводит в спячке. Тряхни посильнее дерево, пусть эта ленивая скотина треснется задницей об землю! (13)

Люди не должны забывать, что на земле им отведено очень небольшое место, что они живут в окружении природы, которая легко может взять обратно всё, что дала человеку. Ей ничего не стоит смести нас с лица земли своим дыханием или затопить нас водами океана – просто, чтобы ещё раз напомнить человеку, что он не так всемогущ, как думает. (14)

Если мы не будем постоянно ощущать природу рядом с собой в ночи, мы позабудем, какой она может быть грозной и могущественной. И тогда в один прекрасный день она придёт и поглотит нас. (15)

В своих чёрных костюмах мужчины проплывают мимо словно катафалки. (16)

У людей теперь нет времени друг для друга. Отнестись к кому-то хорошо – нынче редкость. (17)

Вы заметили, как теперь люди беспощадны друг к другу? (18)

Тот, кто сильнее, всегда считает себя лучше других. (19)

Мы живём в век, когда люди уже не представляют ценности. Человек в наше время – как бумажная салфетка: в неё сморкаются, комкают, выбрасывают, берут новую, сморкаются, комкают, бросают... Люди не имеют сегодня своего лица. (20)

Срок обучения в школах сокращается, дисциплина падает, философия, история, языки упразднены. Английскому языку и орфографии уделяется всё меньше и меньше времени, и, наконец, эти предметы заброшены совсем. (21)

Может быть, люди и правы, может быть, лучше не видеть жизнь такой, как она есть, закрыть на всё глаза и веселиться. (22)

Жизнь коротка. Что тебе нужно? Прежде всего работа, а после работы развлечения, а их кругом сколько угодно, на каждом шагу, наслаждайтесь! Так зачем же учиться чему-нибудь, кроме умения нажимать кнопки, включать рубильники, завинчивать гайки, пригонять болты? (23)

Как можно больше спорта, игр, увеселений – пусть человек всегда будет в толпе, тогда ему не надо думать. Организуйте же, организуйте всё новые и новые виды спорта, сверхорганизуйте сверхспорт! Больше книг с картинками. Больше фильмов. А пищи для ума всё меньше. В результате неудовлетворённость. Какое-то беспокойство. Дороги запружены людьми, все стремятся куда-то, всё равно куда. Бензиновые беженцы. Города превратились в туристские лагеря, люди – в орды кочевников, которые стихийно влекутся то туда, то сюда, как море во время прилива и отлива. И вот сегодня он ночует в этой комнате, а перед тем ночевали вы, а накануне – я. (24)

Окружающий нас мир настолько бесчеловечен, что «конец света» попросту неизбежен. Если подумать, как мы жили, то именно этим должно было бы кончиться. (25)

Города живы, если люди живут в них, или мертвы, если люди их покидают. (26)

Люди в городе питаются тенями на завтрак, дымом на обед и туманом на ужин. (27)

Во всех старинных городах пойдут кружить и перемигиваться неоновые огни реклам, и шумные компании затеют веселье на дедовских могилах – этого не миновать. Война ужасная вещь, но мир подчас может быть куда страшнее. (28)

В наши дни всякий почему-то считает, всякий твёрдо уверен, что с ним ничего не может случиться. Другие умирают, но я живу. Для меня, видите ли, нет ни последствий, ни ответственности. Они – они есть, вот в чём беда. (29)

Злосчастье любит большое общество. (30)

У большинства не хватает соображения убраться с пирушки, когда выпивка на исходе. Все мы норовим засидеться подольше. Стыд и срам. (31)

Куда как лучше отцепить свой тормозной вагон самому, не дожидаясь, когда это сделают за тебя другие. (32)

Люди делают то, что им кажется важным, всё равно, важно это или нет. Людям кажется, что важно, вот и весь фокус. (33)

Помешательство – понятие относительное. Всё зависит от того, кто кого в какую клетку запер. Когда помешаны все – все до единого, то никто из них об этом и не догадывается. Все ведут себя одинаково и потому считают себя нормальными. И единственно здоровый человек, попав к ним, отклоняется от привычной им нормы, и его считают помешанным. (34)

Имейте снисхождение к людям, не высмеивайте их, не придирайтесь. Совсем недавно и вы были таким. Они свято верят, что так будет всегда. Но так всегда не будет. Они не знают, что вся их жизнь похожа на огромный пылающий метеор, несущийся сквозь пространство. Пока он летит, это красиво, но когда-нибудь он неизбежно должен упасть. А они ничего не видят – только этот нарядный, весёлый блеск. (35)

Что можно сделать хорошего, когда ты совсем один? Ничего не сделаешь. (36)

Сеять-то надо, иначе потом жать не придётся. (37)

Чем шире рынок, тем тщательнее надо избегать конфликтов. (38)

Человека должно интересовать не то, как делается что-нибудь, а для чего и почему. (39)

Не надо терять надежду. Когда всё потеряно, остаётся надежда. Надо всегда во что-то верить. (40)

Перестаньте рассуждать при помощи вычитания. Думайте путём сложения. Только так приобретается многое и ничего не теряется. (41)

Красивая женщина живёт в кольце неправд: мужчины, женщины, дети – все вокруг страшатся её немилости. Люди лгут ей ради того лишь, чтобы побыть с нею. (42)

Хотя споры о том, что такое любовь, будут продолжаться ещё не одну сотню тысячелетий, мы с вами, может быть, придём к выводу, что любовь – это когда человеку возвращают его самого. (43)

Возможно, любовь – это если кто-то всё видит и всё помнит и помогает нам вновь обрести себя, но ставшего чуточку лучше, чем он сам посмел бы об этом мечтать. (44)

Если любишь, то не просто любишь, а *любишь* с массой восклицательных знаков. (45)

Вот она жизнь: вечно всё то же – один ждёт другого, а его нет и нет. Всегда кто-нибудь любит сильнее, чем любят его. И наступает час, когда тебе хочется уничтожить то, что ты любишь, чтобы оно тебя больше не мучило. (46)

Когда любят, то и ненавидят, да ещё как! Наверное, это потому, что любовь делает тебя беззащитным. (47)

Жизнь – это одиночество. Даже у женатых людей. Даже когда тебя обнимают любимые руки, ты чувствуешь, что находишься за миллионы миль от них. (48)

Не забудь: каждый человек отдаёт детям свою плоть, а они должны обращаться с нею бережно и разумно. (49)

Дети не очень-то доверяют тем, кто слишком охотно улыбается. Они безошибочно чуют подвох. (50)

«У меня ведь семья. Мне кормить жену и детей надо», – вот как все говорят. И в самом деле, у каждого жена да дети. И поэтому истребляют, кромсают, убивают. Дескать, приказ! Дескать, велели! Мол, вынуждены! (51)

Кто не созидает, должен разрушать. Это старо как мир. Психология малолетних преступников. (52)

Тупое и равнодушное стадо человеческого большинства принадлежит к числу самых опасных врагов истины и свободы. (53)

Без досок и гвоздей дом не построишь, и если не хочешь, чтобы дом был построен, спрячь доски и гвозди. Если не хочешь, чтобы человек расстраивался из-за политики, не давай ему возможности видеть обе стороны вопроса. Пусть видит только одну, а ещё лучше – ни одной. (54)

Набивайте людям головы цифрами, начиняйте их безобидными фактами, пока их не затошнит, – ничего, зато им будет казаться, что они очень образованные. У них даже будет впечатление, что они мыслят, что они движутся вперёд. (55)

Ничего нельзя ни забыть, ни простить тем, у кого над тобой власть – большим, непонятливым и непреклонным. (56)

Людей нельзя силком заставить слушать. Они должны сами понять, сами должны задуматься над тем, почему так вышло, что мир взорвался у них под ногами. (57)

Разве можно, падая с обрыва, не уцепиться за подвернувшуюся ветку? (58)

Человек не может жить без символов и ярлычков. (59)

Нужны люди, с которых можно брать пример. Чем усерднее человек следует достойному примеру, тем дальше уходит от своего волосатого предка. (60)

Воспоминания и мечты – совсем не одно и то же. (61)

Человеческая память похожа на чувствительную фотоплёнку, и мы всю жизнь только и делаем, что стараемся стереть запечатлевшееся на ней. (62)

Ирония – отражение зрелости мысли. (63)

Не миритесь с косностью и шаблонами, с ложью, которую люди пытаются выдавать за абсолютную истину. (64)

Когда понимаешь, что всё правильно, не станешь выходить из себя. (65)

Делать выводы и обобщения – это ведёт к меланхолии. Человек, умеющий разобрать и собрать телевизор, куда счастливее человека, пытающегося измерить и исчислить вселенную, ибо нельзя её ни измерить, ни исчислить, не ощутив при этом, как сам ты ничтожен и одинок. (66)

Каждое новое поколение оставляет нам людей, которые помнят об ошибках человечества. (67)

Человек боится снова наделать ошибок. А не надо бояться. Ошибки иногда полезны. Ведь если вы будете скрывать своё невежество, вас не будут за них бить и вы никогда не поумнеете. (68)

Есть очень много такого, чего мы не знаем и не узнаем никогда. (69)

Наша техника – это мы сами. Техника, вернее, то, как мы пользуемся ею, есть воплощение нашей фантазии. Если фантазия добра, будет хороша и порождённая ею техника. (70)

Человек всегда меньше собственной мечты. Стало быть, если машина воплощает мечту человека, она значительней и больше его самого. (71)

Машине чуждо понятие нравственности, сама по себе она ни плоха, ни хороша. Она никакая. Но от того, как и для чего вы будете создавать машины, зависит преобладание добра или зла в людях. (72)

Автомобиль, это мёртвое чудище, неспособная мыслить масса металла, вдруг стал самым страшным в истории человечества растлителем душ. Он превращает мужчину-мальчика в фанатика, обуреваемого жаждой власти, безотчётной страстью к разрушению и только к разрушению. (73)

Человеку необходимо освободиться от этих разных «удобств». Кому, спрашивается, они *удобны*? Люди чересчур втянулись в эту игру, зашли слишком далеко, всё наше общество попало в плен к механическим нянькам. (74)

Где-то вновь должен начаться процесс сбережения ценностей, кто-то должен снова собрать и сберечь то, что создано человеком, сберечь это в книгах, в граммофонных пластинках, в головах людей, уберечь любой ценой от моли, плесени, ржавчины, тлена и людей со спичками. (75)

Книги – только одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть. В них нет никакой тайны, никакого волшебства. Волшебство лишь в том, *что* оне говорят, в том, *как* оне сшивают лоскутки вселенной в единое целое. (76)

Если думать о книгах, то поймёшь, что за каждой из них стоит человек. Человек думал, вынашивал в себе мысли. Тратил бездну времени, чтобы записать их на бумаге. (77)

Перенести на бумагу то, что чувствуешь, – вот что значит стиль. Всё остальное – не более, чем крем на торте, украшение. (78)

Книги существуют также и для того, чтобы напоминать нам, какие мы дураки и упрямые ослы. (79)

Всё, что становится массовым, неизбежно упрощается. Когда-то книгу читали лишь немногие – тут, там, в разных местах. Поэтому и книги могли быть разными. Мир был просторен. Но когда в мире стало тесно от глаз, локтей, ртов, когда население удвоилось, утроилось, учетверилось, содержание фильмов, радиопередач, журналов, книг снизилось до известного стандарта. Стало этакой универсальной жвачкой. (80)

Не пытайтесь судить о книгах по обложкам. (81)

Первое, чего нам не хватает: качества, текстуры наших знаний. Второе – досуга. Свободного времени у нас достаточно. Но есть ли у нас время подумать? На что вы тратите своё свободное время? Либо вы мчитесь в машине со скоростью ста миль в час, так что ни о чём уж другом нельзя думать, кроме угрожающей вам опасности, либо вы убиваете время, играя в какую-нибудь игру, либо сидя в комнате один на один с телевизором, с которым никак не поспоришь. (82)

Изображения в телевизоре зримы, и они говорят вам, что вы должны думать, они вколачивают это вам в голову. Ну вам и начинает казаться, что это правильно – то, что они говорят. Вы начинаете верить, что это правильно. Вас так стремительно приводят к заданным выводам, что ваш разум не успевает возмутиться и воскликнуть: «Да ведь это чистейший вздор!» (83)

Книги помогут нам только при условии, что у нас будет третья необходимая нам вещь. Первая, как я уже сказал, – это качество наших знаний. Вторая – досуг, чтобы продумать, усвоить эти знания. А третья – право действовать на основе того, что мы почерпнули из взаимодействия двух первых. (84)

Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью. Посредственные – лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилуют её и оставляют растерзанную на съедение мухам. (85)

Кто бежит к пишущей машинке со скоростью девяносто миль в час, тот убегает от житейских тягот и надвигающейся смерти. (86)

Научная фантастика не имеет ничего общего с будущим, она связана лишь с настоящим. Но то, чем занимаются фантасты сегодня, способно изменить будущее. (87)

Фантастика – это окружающая нас реальность, доведённая до абсурда! (88)

Лучше быть живым человеком, чем мёртвым писателем. (89)

Дайте человеку прочитать несколько рифмованных строчек, и он возомнит себя владыкой вселенной. Совершенно идиотская заносчивость. (90)

Писатель, видать, из вас никудышный: кто умеет писать, тот говорить не мастер. (91)

По телефону очень легко сказать не то, что надо; вовсе и не хотел этого говорить, а телефон всё переиначил. Оглянуться не успел, а уже нажил себе врага. (92)

Тот, кто не чувствует за собой никакой вины, не станет и горячиться. (93)

Только в театре можно встретить тишину, которая ждёт. Самые частички воздуха млеют в ожидании. Полумрак затаил дыхание. Другой такой тишины не бывает. (94)

Мне никогда не хотелось проникнуть за кулисы, чтобы разгадать секрет фокусника. Мне достаточно того, что иллюзия существует. (95)

Огонь и вода – из двух веществ, столь отличных одно от другого, создаётся новое, третье. В один прекрасный день, когда всё перемешается, перекипит и уляжется, не будет уже ни огня, ни воды, а будет вино. (96)

Почему огонь полон для нас такой неизъяснимой прелести? Что влечёт к нему и старого и малого? (97)

Огонь – это вечное движение. То, что человек всегда стремился найти, но так и не нашёл. Или почти вечное. Если ему не препятствовать, он бы горел, не угасая, в течение всей нашей жизни. (98)

И всё же, что такое огонь? Тайна. Загадка! Учёные что-то лепечут о трении и молекулах, но, в сущности, они ничего не знают. (99)

А главная прелесть огня в том, что он уничтожает ответственность и последствия. Если проблема стала чересчур обременительной – в печку её. (100)

Незачем решать проблему, лучше сжечь её. (101)

Когда уж дошло до последствий, так разговаривать поздно. (102)

Врач не должен лгать пациенту, этим ничего не достигнешь. (103)

В положении умирающего есть свои преимущества: когда нечего терять, не боишься риска. (104)

Кого зимы не состарят, того нищета доконает. Зимы да нищета – вот и весь секрет. От такой погоды фарфор лопается. (105)

Люди идут к смерти разными дорогами, и смерть не для всех одинакова. (106)

Умирать, как и жить, можно на тысячу ладов, и если ты однажды уже умер, что хорошего можно ждать от последней и окончательной смерти? (107)

Когда есть хоть немного старого, привычного, тогда и со всем новым можно сжиться. А когда всё-всё новое, чужое, каждая малость, так вовек не свыкнешься. (108)

Когда жизнь осталась позади, то, оглядываясь назад, жалеешь только об одном: ещё хочется жить. (109)

Когда жизнь кончена, она словно яркий фильм, промелькнувший на экране, – все предрассудки, все страсти вспыхнули на миг перед глазами, и не успеешь крикнуть: «Вот был счастливый день, а вот несчастный, вот милое лицо, а вот ненавистное», как плёнка уже сгорела дотла и экран погас. (110)

Когда всё кончено – это всё равно, как если б ничего и не было. Сейчас, сию минуту, – вот что важно. (111)

Неужто перед смертью со всеми так – умираешь, а кажется, будто и не жил? Неужто жизнь так коротка – вздохнуть не успел, а всё уже кончено? (112)

Я не верю, чтобы прогресс душ мог быть связан с прогрессом вещей. (113)

Я не вижу ничего важнее Человека с большой буквы. Разумеется, я подхожу пристрастно: ведь и я сам из этого племени. (114)

Когда умирает достойный человек, мир обедневает на десять миллионов прекрасных поступков. (115)

Каждый должен что-то оставить после себя. Сына, или книгу, или картину, выстроенный тобой дом или хотя бы возведённую из кирпича стену, или сшитую тобой пару башмаков, или сад, посаженный твоими руками. Что-то, чего при жизни касались твои пальцы, в чём после смерти найдёт прибежище твоя душа. Люди будут смотреть на взращённое тобою дерево или цветок, и в эту минуту ты будешь жив. (116)

Не важно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нём оставалась частица тебя самого. В этом

разница между человеком, просто стригущим траву на лужайке, и настоящим садовником. Первый пройдёт, и его как не бывало, но садовник будет жить не одно поколение. (117)

Создание истинного гения – трепетная, совершенная красота. (118)

Такова природа человека: сначала он мечтает о чём-нибудь, а потом делает из своей мечты действительность. (119)

Измените человека, сделайте его совершенным. Избавьте его от умственного убожества, дайте ему полностью овладеть своим телом, нервами, психикой; дайте ясный, проницательный ум, неутомимое кровообращение, тело, способное месяцами обходиться без пищи извне, освоиться где угодно, в любом климате, и побороть любую болезнь. Освободите человека от оков плоти, от бедствий плоти, – и вот он уже не злосчастное ничтожество, которое страшится мечтать, ибо знает, что хрупкое тело помешает ему осуществить мечты, – и тогда он готов к борьбе, к единственной подлинно стоящей войне. Заново рождённый человек готов противостоять всей Вселенной, чорт её подери! (120)

С тех пор, как мы научились говорить, мы спрашивали об одном: в чём смысл жизни? Все другие вопросы нелепы, когда смерть стоит за плечами. Но дайте нам обжить десять тысяч миров, что обращаются вокруг десяти тысяч незнакомых солнц, и уже незачем будет спрашивать. Человеку не будет пределов, как нет пределов вселенной. Человек будет вечен, как вселенная. Отдельные люди будут умирать, как умирали всегда, но история наша протянется в невообразимую даль будущего, мы будем знать, что выживем во все грядущие времена и станем спокойными и уверенными, а это и есть ответ на тот извечный вопрос. (121)

Мы живём и умираем так, что никто не знает, что наша жизнь идёт не так, как надо. (122)

Нам дарована жизнь, и уж по меньшей мере мы должны хранить этот дар и передавать потомкам – до бесконечности. Ради этого стоит потрудиться! (123)

Я не только люблю человека – я верю в него. Верю наперекор отчаянию, верю в победу доброго, светлого, прекрасного над злым, уродливым и тёмным. Верю в то, что восстановится связь времён и человеческая история устремится в бесконечность. (124)

Раскаиваюсь ли я? Я готов проделать это ещё раз, и да поможет мне Бог! (125)

Как там сейчас, когда нас там больше нет? (126)

* * *

Война ужасна, но мир подчас куда страшнее. (28)

К. Б у л ы ч ё в

(1934 – 2003 гг.)

Мы привыкли связывать опасность с существами, неприятными нашему глазу. (1)

Бывают моменты в жизни, когда человек не имеет права принадлежать только себе. Это бывает тогда, когда от его действий зависит судьба других людей. (2)

Понимание слабостей любимого человека даже делает его ближе. (3)

Слушая музыку, понимаешь, каких вершин может достичь разум, обращённый к прекрасному. (4)

П. Б у л ь

(1912 – 1994 гг.)

Размышления над проблемой существования вполне в состоянии удовлетворить нашу потребность в таинственном. (1)

Лишь гений обладает умением комбинировать элементы, недоступные нашему пониманию. (2)

Для подлинного учёного истина дороже самолюбия. (3)

Учёному мужу, принадлежащему к числу строгих классификаторов, одних голых фактов никогда не будет достаточно: ничто не сможет поколебать его ослиного упрямства. (4)

Член касты управленцев – это человек в целом довольно невежественный, но он инстинктивно умеет использовать опыт и знания подчинённых. Больше всего он любит давать общие указания, намечать генеральные линии, короче говоря, командовать всеми прочими и каждым в отдельности. (5)

Разве это уж так необходимо: добиваться чего-то, зная заранее о неуспехе предприятия? К чему эта призрачная попытка? (6)

Свыкнувшись со своим положением, человек перестаёт замечать всю его нелепость и унизительность. (7)

Господь Бог не играет в кости, и во вселенной не бывает случайностей. (8)

Прежде чем возглашать о чуде, необходимо проверить все прочие варианты, и, возможно, всё объяснится самым банальным образом. (9)

И. И. В а р ш а в с к и й

(1908 – 1974 гг.)

Протест – одна из самых хилых форм борьбы. Ниже его в табели о рангах стоит только кукиш в кармане. (1)

Спорить с дураками – занятие не только бесплодное, но и вредное для здоровья. (2)

Логический анализ показывает, что нечестная игра является наиболее верным способом выигрыша. (3)

Чем сложнее преступление, тем примитивнее его причины. (4)

«Разумным может считаться любое существо, которое предвидит последствия своих поступков». Нетрудно понять безнадёжный академизм этого постулата. (5)

Едва ли можно назвать философией систему взглядов, основанную не на научном познании мира. (6)

Когда человек теряет волосы, то он их просто потерял. Когда человек теряет шляпу, то он теряет стоимость двух шляп, так как одну он потерял, а другую должен купить. (7)

Когда человек теряет разум, то чаще всего он потерял то, чего не имел. Когда человек теряет уверенность в себе, то теряет единственное, что у него действительно было. (8)

Есть ситуации, в которых нельзя руководствоваться подсказкой. (9)

Когда вам что-нибудь неясно, остерегайтесь необдуманных поступков. (10)

Мой совет: остерегайтесь говорить женщине, что она некрасива, и автору, что он плохо пишет. Подобную откровенность никогда не прощают. Кроме того, и у некрасивой женщины всегда находятся поклонники, а у любого писателя – читатели. (11)

Семейные ссоры подобны спонтанно протекающей химической реакции. Оне длятся, пока концентрация реагентов, в виде давних затаённых обид, не уменьшится до естественной остановки реакции. Чем выше их начальное содержание, тем больше конечного продукта – упрёков, сожалений о загубленной жизни и внезапно открывшихся горьких истин. (12)

Закончив спор, спорщики находятся в том возбуждённом состоянии, когда все аргументы исчерпаны и каждый остался при своём мнении. (13)

Дважды рассказывать анекдот одним и тем же слушателям не очень приятно. (14)

У разбуженного человека всегда глуповатый вид. (15)

Часто шутка помогает глубже понять серьёзные явления. (16)

Всё дело в том, что писатель, если он истинный художник, создаёт душу героя; будучи только ремесленником, он пробавляется характерами. (17)

Характер – это то, что проявляется в человеке повседневно, а душа... Кто может знать, что творится в бездне этой самой души? Какие страсти, пороки и неиспользованные резервы скрываются за ложным фасадом так называемого характера? (18)

У писательского мастерства есть скрытые резервы. Таково, например, умение играть на тайных струнах души. Что, к сожалению, не каждому дано. (19)

Иногда нужны внешние факторы. Например, музыка. Разве вы не замечали, что иногда какая-нибудь мелодия рождает в вашей душе дремавшие ранее чувства? (20)

Трудно предугадать, какие колоссальные резервы организма могут пробуждаться высшими эмоциями. (21)

«Назад к природе»? Никогда не променяю автомобиль на право бегать голым по лесу, и вообще ещё неизвестно, чем там пахло в этих самых первобытных лесах. Может, даже похуже, чем у нас в городе. (22)

Я не верю, что перед человечеством когда-нибудь встанут проблемы, с которыми оно не сможет справиться. Однако мне кажется, что неумеренное стремление всё кибернетизировать может породить нелепые ситуации. (23)

Без смены поколений невозможны нb эволюция, ни прогресс. (24)

Всеобщее бессмертие – это чушь, а бессмертие для избранных – противоречит элементарным нормам морали. Кроме того, оно мучительно. Посох Агасфера тяжелее ноши Христа. Может быть, в этой легенде сконцентрирована вся мудрость людская. Страшна не столько собственная смерть, сколько потеря близких. Быть обречённым всё терять, обретать вновь и снова терять – проклятье, хуже которого ничего не придумаешь! (25)

Природа жестока, но это – мудрая жестокость. В её основе лежит опыт, который накапливался миллиарды лет. (26)

Какое наслаждение даёт всё, что делается по велению инстинкта! (27)

Природа значительно милостивей, чем кажется с первого взгляда. Она даёт нам возможность прожить по крайней мере четыре жизни. Беспомощное детство, безрассудная юность, осторожная пора возмужания и, наконец, чванливая старость. До чего же мало эти периоды походят друг на друга! (28)

Не колеблясь принять решение пожертвовать собой, в этом есть что-то, что ставит тебя выше тех, кого ты спасаешь. (29)

Скромное надгробие на одном из кладбищ – неопровержимое свидетельство того, что извечное противоречие между стремлениями человека и отпущенными ему возможностями окончательно улажено природой. (30)

П. В е ж и н о в

(1914 – 1983 гг.)

Нужно, чтобы вы сами добыли свои знания и своими собственными усилиями изменяли жизнь! Именно в этом смысл существования земного человека.(1)

Труд – наиболее разумное и оправданное средство для достижения любой цели. (2)

Нужда всему научит, и такие у тебя силы появляются, что потом диву даёшься, откуда оне взялись. (3)

Любое мыслящее существо, имеющее определённую цель в жизни, не может быть несчастным. (4)

Никто не может летать в вышине, не жертвуя ничем. Беспечно, без всякой разумной цели летают одни библейские ангелы. (5)

Человек не может быть счастлив, если он этого не заслужил. (6)

Как представить себе современного человека? – Хлипкая фигурка, тонкие ножки и между ними – громадный мягкий живот. (7)

Претензии нашего времени вряд ли соответствуют его реальным возможностям. (8)

Тупая беззаботность и близорукость человечества совершенно отвратительны. Жертвой его чудовищной жадности могут стать даже горы, словно сложены оне не из камня, а из жирных окороков и бифштексов. (9)

Блага, которые даёт нам природа, оценить по достоинству бесконечно трудно. (10)

Я не люблю людей, которые считают само собой разумеющимся, что все блага им достаются даром, словно падают с неба. Человек, который относится ко всему как к чему-то само собой разумеющемуся, словно голубь к рассыпанному вокруг пивного завода ячменю, демонстрирует чудовищную скудость воображения. (11)

Люди с большими претензиями обычно очень мало получают от жизни. (12)

Если от пресыщения гибнут даже самые крылатые мечты, то что уж говорить о жалкой человеческой действительности?! (13)

Свобода – это отсутствие принуждения, и она должна быть гарантирована каждому индивиду в рамках законов и традиций. (14)

Здравый и трезвый ум советует не торопить события. В этом мире спешить некуда, все дороги человеку отмерены. (15)

К чему торопиться? Когда играешь в кости с судьбой, нечего высчитывать очки. Всё равно, хочешь ты или нет, она бросит кубик по-своему. Как и положено судьбе, она интересуется только собой. И всё же не может ничего изменить. В этом смысле – и это правда – она беспомощнее нас самих. Такова истина. (16)

Горечь поражения всегда оказывается сильней подаренной жизни. (17)

Лучше воображать себя кем-то, чем быть никем. Бедное воображение хуже бедной жизни. (18)

Человек узнаётся по желаниям, особенно неосознанным. (19)

Только неосознанные желания настоящие. Настоящее вообще только то, что в нас глубоко скрыто. Всё, что обращено наружу, к людям, – фальшиво. Или по крайней мере стёрлось от долгого употребления. (20)

Холодные, рациональные люди, вероятно, нуждаются в особо сильных возбуждающих средствах. (21)

Для человека нет стимула более действенного, чем разнообразие. (22)

Человек, не прошедший через счастье и горе, через слёзы и смех, через любовь и дружбу, страшен. Страшен для других, которых с трудом выносит и которых способен, не очень-то задумываясь, уничтожить, лишь только они заденут его больнее обычного; страшен и для самого себя. (23)

Человек прекрасен лишь тогда, когда он совершенен, когда разум и чувства в нём взаимно дополняют, обогащают друг друга. Эмоциональная недостаточность, слепота и глухота не только уродливы, но и смертельно опасны. (24)

Мы стремимся, чтобы чувства наши облагораживали ум, а ум сообщал чувствам глубину и проникновенность. (25)

Человек и в себе и в другом должен стремиться не разрушать, а создавать человека, быть внимательным и терпимым к другому, самому стремиться и других увлекать к духовному обогащения и тем противостоять силам вне и внутри человека, толкающим к стандартизации души, к обезличиванию и одновременно к самодовольству и снобизму. (26)

В основе любого, даже самого невероятного сна заложена какая-то истина (или, может быть, представление о ней), причудливо перепутанная с явлениями действительной жизни. (27)

Душевнобольные – такие же люди, как мы с вами, только восприятие мира и логика у них совсем другие. (28)

Страх – это нечто позорное и отвратительное. Пожалуй, страх – главное, что в нас есть. Восемьдесят пять процентов нашего тела составляет вода. Девяносто процентов человеческой души – страх. Тотальный страх перед всем, что стоит на нашем пути, – от лифта до начальства. Разум обычно поощряет страх, не говоря уже о воображении. Не зря же храбреца обычно называют безрассудным. (29)

В сущности, дети ничем не отличаются от взрослых, только ведут они себя гораздо откровеннее. Что сто́ящее может сложиться в этой стихии озорства и пакостей? (30)

Бессмысленно и глупо требовать от человека то, чего он не может сделать. (31)

Нельзя растоптать то, что выше тебя. (32)

Всё хорошо, всё благо, что может вытеснить пустоту, – даже разочарование, даже обида и унижение. (33)

Душевная боль сильнее тоски и отчаяния, бессмыслицы и безнадёжности. Может быть, настоящим её именем будет невыносимая пустота. (34)

Иногда лицо человека говорит больше, чем примерное, хорошо обдуманное поведение. (35)

Чувство одиночества может быть не только густым и липким, но также пронзительным и острым, как лезвие кинжала. (36)

Даже острый кинжал одиночества не так страшен, как подвыпившая, шумная и скучная компания. (37)

Мотор автомобиля – терпеливое и непритязательное существо, и напрасно поносят его за то, что оно извергает смрад. Ну, извергает, конечно, так по крайней мере делает это пристойно, а не рыгает, как люди после кислого вина и чеснока. (38)

Люди молчаливые, лишь время от времени изрекающие едкий парадокс, вызывают больший интерес, чем записные остряки, жующие жвачку сомнительных анекдотов. (39)

Иной раз боишься отнестись к людям по-человечески, чтобы не показаться наивным. (40)

Я думал, что знаю о людях всё или почти всё – по собственному опыту или из книг. Но теперь я понимаю, что никакие книги, никакие слова не выражают всей правды. Или не смеют её выразить. (41)

Люди ужасно непоследовательны. Уверен, что многие убеждённые безбожники тайком возносят молитвы. Так же как многие верующие в глубине души ненавидят своего бога. (42)

Но не могут же все быть правыми лишь для себя. Тогда у нас будет не общество, а сборище людей, где каждый с трудом выносит остальных. (43)

Слишком много лиц, событий, зрелищ тянут в разные стороны душу человека, ставшую разрежённой, как атмосфера на Марсе, которая не может удержать в себе ничего живого. И чем дальше, тем становится всё более разрежённой. Не знаю, что должно случиться, чтобы люди вновь обратились к себе, осознали себя, поняли свои настоящие чувства. А то они окончательно превратятся в муравьёв, которые при встрече узнают друг друга не иначе как на ощупь. (44)

Пока будут на свете деньги, люди, как бы они ни притворялись, всегда останутся такими же ничтожными и мелочными. (45)

У денег нет своего лица, оне таковы, каков человек, в чьи руки оне попадают. Есть грязные деньги, есть ничтожные деньги, есть жалкие деньги. А есть деньги, у которых нет никакой цены и на них ничего не купишь. Это деньги жадных людей. (46)

Теперь стараются не употреблять слова «чиновник», а говорить «служащий». Почему – служащий? По-моему, это глупо и обидно. Это слово не подходит человеку. В детстве у меня была собака по кличке Барон. Я кричал ей: «Эй, Барон, служи!» И Барон вставал на задние лапы. Передние лапки он поджимал, живот у него был бледный, прямо прозрачный. Мне так смешно было смотреть на бедного Барона, а глаза у него были такие жалобные, как будто он вот-вот заплачет. Собаки ужасно не любят служить. И люди не любят, и собаки, а о птицах и говорить нечего. Вы были когда-нибудь в зоопарке? Видели орлов в клетке? Нет никого на свете мрачнее орла за решёткой. Разве орёл может быть «служащим»? (47)

Нынешнее поколение настолько лишено щепетильности, что ему уже нет нужды лгать и притворяться. (48)

Неужели правда, что в мире произошла так называемая сексуальная революция? Да какая там революция? Можно ли называть революцией нахальство, наглость, бесстыдство? Можно ли хоть как-нибудь связать это со свободой, с нравственностью? А уж о более или менее настоящем чувстве вообще не может быть речи. (49)

Когда-то люди стыдились своих чувств, вернее, стеснялись их не меньше, чем наготы. Не может быть глубоким и сильным то, что показывается без всякого смущения. (50)

Достоинство. Как ни сильна любовь, человек должен предпочесть достоинство. Когда-то это слово объясняло всё, даже безумные поступки. Зато теперь оно всё больше теряет цену. Многие считают его признаком наивности, незрелости, рабской зависимости от химер прошлого. А в сущности оно, быть может, костяк человеческой нравственности. (51)

Совесть – это не только разум, это ещё и отношение к миру, чувство. (52)

Как понять современных девушек, когда оне сами себя не понимают. (53)

Типично женская логика обязывает женщин шить синий костюм, если у них случайно завелась синяя сумочка. (54)

Нет женщины, которая хоть раз в жизни не совершила бы чего-то безрассудного и непоправимого. (55)

Всякая исповедь рождает стеснение и неловкость – с обеих сторон. (56)

Всегда легче понять других, чем самого себя. (57)

Если приложить известные усилия, можно добиться любой, самой недоступной женщины. (58)

Любовь и красота – два почти равноценных понятия. (59)

Простая истина: понастоящему красивы лишь далёкие и непостижимые вещи – звёзды, снега Килиманджаро, озёра Тянь-Шаня. И женщины – пока оне далеки и недоступны. (60)

Если хочешь от чего-то избавиться, лучше всего это пережить. (61)

Человек должен уважать себя. Хотя бы за ту каплю человеческого, что в нём есть. (62)

Свои принципы, какими бы честными и справедливыми они себе самому ни казались, нельзя никому навязывать силой, да и бесполезно. К любым принципам каждый должен прийти сам, своими путями и тропами. (63)

Никто не имеет права подчинять себе других. Ни по какой причине. И ничем – ни силой, ни слабостью. Это отвратительней любой политической тирании. (64)

Человек может располагать только своей жизнью, и больше ничьей, несмотря ни на какие цели и поводы. (65)

В конечном счёте человек может простить всё, кроме насилия и посягательства на его жизнь. Потому что только люди понимают, насколько она неповторима. Понастоящему неповторима, даже если согласиться с мыслью, что она вечна. (66)

Кровавой истории развития человечества не могла не способствовать наша пища: она сообщает кровавые тона нашим эмоциям. И как же может жить с ними в мире чистый и беспристрастный разум? (67)

Пьянство – упражнение в безумстве. В самом деле, только законченные кретины могут так поидиотски разрушать самое прекрасное и ценное, что есть у человека. (68)

Там, где разум бессилен, природа мобилизует таинственные подспудные силы. (69)

У большинства мыслящих горемык в этом мире нет ни силы, ни власти. (70)

Беспощадный ум не признаёт ни лжи, ни компромиссов. Его истины суровы, прямы и жестоки. Не истины, а волчьи капканы. (71)

Как часто люди бывают непоследовательны, и очень редко говорят то, что думают. А порой совершают неожиданные, я бы сказал, безумные поступки. Нет ничего труднее, чем быть последовательным. Но что значит – быть последовательным? Следовать за чем, за кем? За самим собой? В лучшем случае – за той частью себя, которая зовётся разумом или сознанием. Не может человек до конца познать самого себя. Это означало бы постичь все истины мира. А за нашу короткую жизнь это невозможно. (72)

Если мы чего-нибудь не знаем, то вовсе не значит, что этого вообще не существует. (73)

Самонадеянность – верный признак глупости и слепоты. Я не стану ничего утверждать, прежде чем не узнаю. Но и отрицать ничего не буду, пока не проверю. (74)

Люди любят верить в чудеса, но, поскольку чудес на свете не бывает, они их попросту придумывают. (75)

Можно ли идти против природы? Природа сильнее и разумнее человека. То есть идти против неё можно, но из этого ничего не выйдет. Иногда её можно перехитрить. Или, придя к разумному с ней соглашению, совершить нечто полезное. Но победить её нельзя. (76)

Правда, какая бы она ни была, превыше всего! Человек не только не должен уметь лгать, но и считать это ненужным. (77)

Любопытно всё же, как легко, как быстро свыкается человек с самыми необычайными явлениями, стоит только ему однажды поверить в них. (78)

Человек, претендующей на звание учёного и умеющий логически мыслить, должен без возражений принимать любую истину. (79)

Науки о жизни, разумеется, нет, и вряд ли она когда-нибудь возникнет. Есть наука о живых организмах – биология – и всё. Какими бы сложными, даже загадочными ни были происходящие в нас процессы, это всё-таки не жизнь, а лишь её проявления. (80)

Наука – это такая материя, которая, будучи однажды создана, начинает развиваться по своим собственным законам, иногда даже во вред людям. (81)

Когда искусство соединяется с наукой, наука от этого лишь выигрывает, но когда наука забирается на территорию искусства, Пегас превращается в рабочего мула. (82)

Искусство гораздо совершенней науки. Истина искусства зачастую тождественна научной истине, а иногда и больше её. В сущности, наука ищет истину, а искусство её создаёт. Искусство живо, как природа, наука же – скальпель, который часто её убивает. (83)

Любое художественное произведение содержит какую-то истину. Или идею. Думаю, что мало кто из писателей, берясь за перо, знает свою истину до конца. Как и у прочих смертных, в их сознании немало глупостей и предубеждений. И все они приходят к истине за работой, воссоздавая действительность по законам гармонии и красоты. Правда, если эти законы уже заложены в них – в даровании, в душевном складе. (84)

Художественный вымысел – нечто большее, чем обычная реальность. Это конденсированная истина. (85)

Сущность природы составляет гармония. В этом я уверился, изучая простейшие законы природы. Это же касается и искусства. И если в чём-то я не могу отыскать гармонии, значит, это нечто ненормальное или несовершенное, и потому непостижимое для меня. (86)

Истинная красота не может быть бессмысленной. (87)

Все современные здания ужасающе неуютны и безобразны, и устаревают прежде, чем их достроят. (88)

Искусство прежде всего воображение. И воображение это тем богаче, чем моложе и сильнее породившие его чувства и порывы. (89)

Я довольно трезво оцениваю своё творчество и полагаюсь больше на собственную культуру, чем на вдохновение. По-моему, рассчитывать на один талант – всё равно что думать, будто ветер может сдвинуть с места грузовик. (90)

В известном смысле музыка – это математика. Литература же, безусловно, не может быть такой математически совершенной, как музыка. Хотя бы потому, что слова слишком грубы, затасканы, даже опошлены. С таким испорченным материалом трудно создавать совершенные произведения искусства. (91)

Найти слова – значит понять всё. (92)

Метафизика – это, в сущности, неизученная часть физики. Вроде обратной стороны Луны, о которой мы совсем недавно ничего не знали. (93)

Человеческая душа нечто гораздо более странное и невероятное, чем мы её можем себе представить. Мы не ведаем ни её настоящей силы, ни её ужасающей слабости. Кроме, пожалуй, писателей и психиатров. У тех хоть есть возможность время от времени заглянуть в щёлочку. (94)

Всё, что называется духовной жизнью, до сих пор заставляет людей блуждать среди догадок и мистификаций. (95)

Нет в природе ничего более великого и загадочного, чем зачатие человека. В нём она словно бы реализует свои наивысшие возможности. Потому что создаёт при этом не просто новую жизнь, а нечто гораздо большее. (96)

Человек и совесть – понятия равнозначные, как любовь и красота. (97)

Дети живут в мире чудес, и порой их воображаемый мир гораздо сильней реального. В этом мире то и дело происходят чудеса, ребёнок придумывает их каждую минуту и часто

глубоко в них верит. Родители тревожатся, подозревают, что у ребёнка не всё в порядке с психикой, даже показывают его врачам. А эта жажда чудес так же стара, как, наверное, сама человеческая душа. У неё, одинокой, беспомощной среди могучих стихий природы, словно бы и не было другого выхода. (98)

Нет ничего прекраснее дней, прожитых нами в детстве. (99)

По всему видно, что природа заботится прежде всего о том, что молодо, что растёт и крепнет. К окрепшему и сильному она безразлична. И полна ненависти ко всему, что уже прошло через зенит своего развития, приказывая ему состариться и умереть. Единственный способ сохранить себя – это оставаться молодым. Что относится не только к отдельным людям, но и ко всему человечеству. (100)

Разминувшись со смертью, люди всегда становятся добрее и мягче. (101)

Обращаясь к прошлому, люди обычно плохо помнят цвета. (102)

Никогда не думал, что человеческая жизнь так коротка. Не успеешь открыть глаза, как приходится закрывать их навсегда. Несколько воспоминаний, похожих на сон, порой боль, порой счастливый трепет, последний вздох – и конец. Действительно конец? Во всяком случае, конец реального для нас времени, которое мы называем жизнью. И это всё. Некогда даже осознать самого себя, а уж тем более подвести итог своим человеческим свершениям. (103)

Иногда охватывает лёгкое, но всё более неотвязное уныние, возможно, первый признак надвигающейся старости. Оглядываясь назад, не видишь ничего, что стоило бы запомнить, – ни подвигов, ни падений. Ничего, кроме однообразного вращения будней, которые, как мельничные жернова, с каждым днём крутятся всё быстрей и быстрей. И может быть, всё чаще впустую. Занят, тороплюсь, никак не могу – так обычно отвечаешь на телефонные звонки. Чем ты занят, куда спешишь, человек? Как куда, на собрание, разумеется, на симпозиум, на какое-нибудь пустопорожнее заседание учёного совета, чтобы автоматически поднимать руку. (104)

До чего же трудно вглядываться в сумрак прошлого! Не раз задумывался я над тем, что оно такое – наш мир, действительно ли он существует. И понял, что сказать: «Конечно же существует, хотя бы в памяти людей» – отнюдь не ответ. А память – что это такое? Неужто лишь тени, нетленные призраки, обитающие в наших усталых душах? Вряд ли. Как говорят учёные, всё в этом мире состоит из частиц или волн, что почти одно и то же. Даже сны, даже мечты. А память просто механизм, не более того, который запечатлевает бытие и сохраняет его в себе, вещественное и реальное. И это не только человеческая память. Всё, существующее в этом мире, знает и помнит своё прошлое, а значит – содержит его в себе. (105)

И кто может сказать, какая жизнь более настоящая – реальная или та, что внутри нас? Одним лишь безумцам всё ясно в этом вопросе, мы же, остальные, только обманываем сами себя. (106)

Я не знаю, что такое время, и никто не знает. Но именно оно делает вещи реальными, вводя их в фокус наших ощущений. Или связывая их в единый процесс, у которого доказана лишь одна из его сущностей – изменение. (107)

О прошлом можно сказать, что оно по крайней мере содержится в нас самих. А будущее? Что оно такое? Существует ли оно реально? В нас или вне нас? А может, оно всего лишь возможная и вероятная проекция нашего настоящего? (108)

Всё может вернуться «на круги своя», но время никогда не возвращается туда, где оно уже побывало. (109)

Неужели правда, что всё в этом мире лишь цепь случайностей? Не так это, не может быть так. Чем старше я становлюсь, тем более противоестественной и отвратительной мне кажется эта вероятность. Мы не знаем, откуда берутся миры, этого нам не понять никогда. Но они непременно должны куда-то уходить, осуществив себя и все свои возможности. (110)

Можно ли объяснить, почему человек всегда так бессмысленно цепляется за жизнь? Инстинкт самосохранения? Скорее это какое-то врождённое чувство пути, который должно пройти. Иначе всё и до и после него полностью обессмысливается, то есть не является и не может быть жизнью. (111)

Бессмертие сознания не является проблемой в существующей и возможной жизни. Проблема совсем в другом. Проблема заключается в самом существовании. (112)

Всё, что мы называем субъективной жизнью, всё это в сущности, нечто нереальное. Как, например, нереальны облака, отражающиеся на глади озера. Когда ветер поднимет зыбь и отражение исчезнет, это ведь не значит, что исчезли и сами облака. Всё, что в тот миг произошло на поверхности озера, – это и есть смерть без особого смысла и значения. (113)

Жизнь и смерть – лишь два иллюзорных, сменяющих друг друга лика вечного бытия. (114)

* * *

Познать самого себя – это значит постичь все истины мира. (72)

Рассчитывать на один талант – всё равно что думать, будто ветер может сдвинуть с места грузовик. (90)

Ж. В е р н

(1828 – 1905 гг.)

Прежде чем думать о будущем, следует позаботиться о настоящем. (1)

Настоящее соединяет в себе все условия для самого безоблачного счастья. (2)

Давайте подумаем о настоящем дне. Прошлое позади, но будущее в наших руках. (3)

В жизни бывают такие минуты, когда даже самое незначительное улучшение положения кажется неоценимым счастьем. (4)

Надежда, как известно, не приходит по заказу, но, раз возникнув, она сама «заказывает» приподнятое настроение. (5)

Дорожить покоем, и своим и чужим. На людей смотреть как на соседей в жизни, с которыми жить следует в мире и согласии. (6)

Утопающий хватается за соломинку. Как бы слабо ни мерцал луч надежды, приговорённому к смерти он кажется ослепительно ярким. (7)

Никогда не надо отчаиваться. (8)

Под ударами судьбы не надо падать духом, и если нет ни дворца, ни хижины, надо довольствоваться и деревом. (9)

Фортуна – женщина и любит людей, способных властвовать над ней! (10)

Дорог – тысячи, цель – одна. И, если понадобится, изведай тысячи дорог! (11)

Случай – лучший друг путешественников: он нередко доставляет нам в пути разные удовольствия и развлечения. (12)

Уметь видеть – это наука. Есть люди, которые не умеют видеть и путешествуют так же «умно», как какие-нибудь ракообразные. (13)

В дороге люди легко мирятся с нарушением светских правил приличия. (14)

От вида до сущности – только один шаг. (15)

Нужно уметь мириться с обстоятельствами: хороши они – тем лучше; плохи – надо не обращать на это внимания. (16)

Испытывать без конца новые желания, имея притом возможность их осуществить, – в этом, несомненно, кроется одна из форм счастья. Н не единственная. Не испытывая и тени каких-либо желаний, можно быть вполне счастливым. (17)

Чем меньше удобств, тем меньше потребностей, а чем меньше потребностей, тем человек счастливее. (18)

Не так страшен тигр на равнине, как змея среди высоких трав. (19)

Катящийся камень мхом не обрастает. (20)

Кому предстоит далёкий путь, тот должен беречь силы своей лошади. (21)

Но у кого из нас нет тех или иных слабостей? (22)

Хорошо использованный минимум вполне достаточен! (23)

Аккуратность заключается в том, чтобы прибыть как раз вовремя, а не в том, чтобы явиться раньше срока. (24)

Есть люди, напускающие на себя неприветливость для важности. Они из принципа никогда не смеются, пряча под маской серьёзности своё ничтожество. (25)

Не слышать неприятных вещей, сказанных о нас, лучший способ избежать огорчений, причиняемых ими. (26)

Говорить о погоде: какой она была вчера, сегодня и будет завтра – неиссякаемая тема, доступная всем, независимо от степени умственного развития. (27)

Каждому известно, что вопрос задают для того, чтобы получить ответ. (28)

Поставить вопрос – значит ответить на него. (29)

Сравнение – самая рискованная из риторических фигур. Бойся сравнений и прибегай к ним лишь в самых крайних случаях. (30)

Когда любишь, найдутся и силы. (31)

Когда сердце борется с рассудком, рассудок редко бывает победителем. (32)

Оттого, что ждёшь много лет, только крепче любишь, да и за будущее нечего опасаться. (33)

Как часто родственные души не могут соединиться на земле, если только Бог не сжалится над их любовью, но, не отказываясь друг от друга, если им не довелось соединиться в этом мире, оне сливаются воедино в вечности. (34)

К чему жить, если не можешь быть полезным людям, которых любишь? (35)

Можно уважать друг друга и не любить. Уважение – ещё не любовь. Оно не в силах сгладить резкое различие характеров. (36)

У самой безупречной женщины есть свои недостатки. (37)

Преимущества холостяцкой жизни вполне надёжны, тогда как преимущества семейной жизни весьма сомнительны. (38)

Оставаться холостяком – это несомненнје доказательство ума и мудрости, благодаря этому можно прожить жизнь, не омрачённую никакими заботами, что в значительной мере способствует философическому складу ума. (39)

Ничего не поделаешь, в этом мире поневоле приходится разыгрывать комедии! (40)

Право же, самые естественные вещи кажутся всегда подозрительными полицейским чинам! (41)

Какое счастье, когда есть кого вознаградить! Это приятнее, чем наказывать, но наказывать всё-таки надо. (42)

Не может быть таких обстоятельств, при которых человек имел бы право посягать на свободу себе подобных. (43)

От слепого людского правосудия можно всего ожидать. (44)

Говорят, что у узника всегда есть шансы убежать от стерегущего его тюремщика. И в самом деле, для узника успех всегда важнее, чем для тюремщика. Тюремщик может забыть, что он поставлен стеречь, – узник не может забыть, что его стерегут. Узник чаще думает о побеге, чем его страж о том, как помешать ему бежать. Оттого часто удаются поразительные побеги. (45)

Известно, с какой быстротой, часто лишённой логики, происходит поворот в общественном мнении. (46)

Известно, что на толпу особенное впечатление производит то, чего она не может объяснить. (47)

Чтобы постигнуть, что такое человек, его следовало бы всегда рассматривать именно с высоты птичьего полёта. Право же, люди похожи на насекомых, а их города – на муравейники. (48)

Страны, богатые золотом, никода не бывают счастливы. Оне порождают лентяев, а не сильных и трудолюбивых людей. Благоденствует не страна золота, а страна железа. (49)

Как известно, люди ко всему привыкают. Человеческой натуре свойственно относиться всё спокойнее и спокойнее к прошедшим горестям. Постепенно наступает забвение, ибо оно необходимо. (50)

У сильных людей отчаяние – это временная дань слабости. (51)

Жить – означает не только удовлетворять материальные запросы организма, но главным образом сознавать своё человеческое достоинство. (52)

Ничто не может заменить умного, хорошего человека, в сердце которого сочетаются любовь к добру и любовь к родине! (53)

Нравственное мужество – сила духа. (54)

Всякий человек, превосходящий других по интеллекту и нравственным качествам, помимо своей воли или желания отвечает за других. (55)

Человеку свойственно быть преданным тому, ради кого он чуть было не погиб. (56)

Всякий благородный поступок уже в самом себе заключает награду. (57)

Колебания между возникшим желанием и опасением свойственны обычно людям нерешительным. (58)

Выбирая из двух опасностей – одной неизбежной, а другой только вероятной, колебаться не приходится. (59)

Стоит ли всю жизнь быть честным человеком, если это не ограждает даже от самых гнусных обвинений?! (60)

Неудача! Печальное слово, которое не находит отклика в душе мужественного человека. (61)

Непомерная гордыня приводит к безумию. (62)

Всем известно до какой степени может дойти иногда профессиональная зависть. (63)

Ревность открывателей – это самая страшная ревность. (64)

Когда на карту поставлено самолюбие да ещё примешивается тщеславие, кто окажется способным вразумить человека? (65)

Случай не подчиняется расчётам. (66)

Человек смешивает прошедшее с настоящим: вместо того, чтобы сказать: «Мне везло!» – он говорит: «Мне везёт!» Первое было бы правдой, второе ложью. И, однако, все люди, полагающиеся на случай, рассуждают именно так. Они слишком часто забывают, что у случая бывают капризы, но не привычки. (67)

Есть люди, задающие немало хлопот славе, этому тысячеустому глашатаю, которому приходится возвещать о них трубным гласом всем народам мира. (68)

Карикатуры – это удары ослиных копыт. (69)

Есть такие одарённые люди, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами. Таким образом, что бы они ни делали, им всё бывает с руки, и с кем бы они ни шли, они всегда ступают в ногу. (70)

Тот, кто жертвует жизнью, всегда находит силы её защищать, как только это становится возможным. (71)

Когда ничего не знаешь, остаётся простор для догадок и фантазия разыгрывается вовсю. (72)

Человек всегда склонен к иллюзии. (73)

Когда люди дают волю своему воображению, то поставить ему пределы невозможно. (74)

Ребёнок легче усваивает знания, когда уроки облачены в форму какой-нибудь весёлой игры. (75)

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица, тот способен к подвигу, потому что в нужный день и час у него найдётся воля его выполнить и силы для этого. (76)

Уединение прославляет работу. (77)

Если что даёт пищу для раздумья, то оно же и вносит умиротворенье, поскольку раздумье обычно успокаивает взволнованные умы. (78)

Человек всегда неправ, когда ведёт себя неразумно. (79)

Больше всего глупцов встречается как раз среди злоумышленников. (80)

Всякий обманщик, несмотря на всю свою ловкость, когда-нибудь да выдаст себя. (81)

Подробности, как бы они ни были точны, всё же не делают рассказа достоверным, ибо замечено, что нередко за точностью подробностей скрывается ложь. (82)

Всё, что человек способен представить в воображении, другие сумеют претворить в жизнь. (83)

Наше спасение в нашей любознательности и одержимости закономерностями и смыслом, и в нашем стремлении извлечь порядок даже из хаоса. (84)

Бесконечный простор даёт богатую пищу воображению. (85)

Все человеческие знания образуют одно целое, части которого неразрывно связаны. (86)

Наука складывается из заблуждений, пролагающих дорогу к истине. (87)

Придёт время, когда наука опередит фантазию. (88)

Часто то, что кажется пустяком, может открыть очень многое. (89)

Необходимость – мать закона. (90)

Если опыт – родной брат практики, то и теория ему несколько сродни. (91)

Есть гипотезы, не лишённые оснований, но не подлежащие проверке. (92)

Гораздо легче опровергнуть явно неверные гипотезы, чем открыть истинную причину явления. (93)

Есть вещи, которые нет необходимости отрицать, настолько оне бессмысленны. (94)

Нет такой тайны, которая бы в конце концов не раскрылась. (95)

Что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу людям! (96)

Труд для меня – источник единственного и подлинного счастья. Как только я кончаю одну из моих книг, я чувствую себя несчастным и не нахожу покоя до тех пор, пока не начну следующую. Праздность является для меня пыткой. (97)

Работа – это моя жизненная функция. Когда я не работаю, то не ощущаю в себе никакой жизни. (98)

Что бы я ни сочинил, что бы я ни выдумал – всё это всегда будет ниже действительных возможностей. Настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения. (99)

Если щедрость неизбежно имеет предел, то доброта безгранична. (100)

Чувство зависти – нелепое чувство. (101)

Легко доставшиеся деньги легко растрачиваются. (102)

Человек, который считает деньги решением всех проблем, отвратителен. (103)

И цивилизованные люди в пьяном виде теряют облик и подобие человеческое. (104)

Мнимые болезни – это болезни такого рода, от которых не излечиваются. (105)

Счастье – лучший лекарь. (106)

Люди вообще склонны верить во всё необычное, часто даже немыслимое. (107)

Дьявол всё стерпит; должно быть, он и выдуман только для того, чтобы помогать добрым людям объяснять необъяснимое. (108)

Душа, исполненная веры в Бога, не ведает отчаяния. (109)

Наш лучший из миров не только не достиг совершенства, но и никогда его не достигнет. (110)

* * *

Всегда неправ тот, кто ведёт себя неразумно. (79)

К. В о н н е г у т

(1923 – 2007 гг.)

Очень трудно найти то, во что можно было бы понастоящему верить. (1)

Люди так легко забывают, что никто не обязан быть серьёзным двадцать четыре часа в сутки. (2)

Жизнь всё время задаёт нам сугубо личные вопросы. (3)

Я пока ещё не установил, серьёзная штука жизнь или нет. Знаю, что жить опасно и что жизнь тебя здорово может прижать. Но это ещё не значит, что она вещь серьёзная. (4)

В нашем мире ты получаешь только то, за что платишь. (5)

Есть что-то чарующее в том, чтобы взять и уйти. Иногда это вещь почти столь же непостижимая и прекрасно простая, как самоубийство. (6)

Многие из величайших пророков оказывались на поверку не умнее клопов. (7)

Театральная мишура производит впечатление только на расстоянии. Вблизи становится понятно, что это просто подделка из дешёвой материи, цветного стекла и светящейся краски. (8)

Жизнь, сплошь и рядом, подсовывает тебе такое, чего ни в одной книжке не вычитаешь. (9)

В чём смысл жизни? В том, чтоб быть глазами, ушами и совестью Создателя вселенной. (10)

Господь Бог всё про тебя знает, и у Него есть довольно сложные планы, касающиеся именно тебя. (11)

Человечество разбито на группы, которые выполняют Божью волю, не ведая, что творят. (12)

Не для того ли Господь Бог и меня послал на землю, чтобы испытать, сколько же человек может выдержать и не сломаться? (13)

Кто-то просто обязан быть неприспособленным; кто-то просто должен испытывать чувство неловкости для того, чтобы задуматься над тем, куда зашло человечество, куда оно идёт и почему оно идёт туда. (14)

Ужасно быть настолько влитым в механизм общества и истории, что оказываешься в состоянии передвигаться только на одном уровне и только по одной линии. Но ещё ужаснее не сознавать этого, смотреть на это как на обычную текучку, вещь незаметную и бессодержательную. (15)

Лучше быть просто ничем, чем слепым швейцаром во главе парада цивилизации. (16)

В головах у людей и мысли нет о том, какой могла бы и должна была быть жизнь на планете, в отличие от того, какой она стала на самом деле. (17)

Человечество зашло в жуткий тупик, но это настолько логически обоснованный тупик, и его завели в него настолько умно, что и не видно, куда ещё могло бы привести историческое развитие. (18)

Можно представить себе всю современную цивилизацию в виде гигантской и дырявой плотины, вдоль которой тысячи людей растянулись колонной до самого горизонта, причём каждый из них свирепо затыкает течь пальцем. (19)

Кризис ценностей в наши дни ощущается слишком остро. Словно бы выветрилось содержание таких слов, как гуманность, ответственность, духовность. (20)

Бытовые удобства никак не смягчают ощущение полной заброшенности. (21)

Всю планету отравляет промышленность, а производит эта промышленность по большей части всякую дрянь. (22)

Человечество заслуживает самой страшной смерти за то, что оно так жестоко и расточительно обращалось с такой чудесной планетой. (23)

Лишь у очень немногих осталось ещё некоторое представление об уважении к себе. (24)

Люди, которые никому не нужны, ничего не могут для себя сделать. (25)

Вообще так выходит, что какую бы работу ни делал человек в современных условиях, всё ведёт к самоубийству. (26)

Каждый, кто вступает в соревнование с рабом, сам раб. (27)

Большинство корпораций стремится к постоянному и не зависящему от любых колебаний наращиванию капитала. Служащим корпорации платят большие деньги. Вследствие этого они чрезвычайно изворотливы, энергичны и довольны жизнью. (28)

Каждый поросёнок на своей поросячей должности имеет свои поросячьи принципы и ради них готов пожертвовать своей поросячьей жизнью. (29)

Я подозреваю, что большинство людей руководствуется в своих действиях низменными побуждениями, и боюсь, что медицинские данные поддержат меня в этом. Низменные побуждения в значительной части являются тем, что заставляет людей действовать. Боюсь, что такова уж человеческая натура. (30)

Выход из окружающей бессмыслицы найдётся, когда откроешь для себя старую как мир истину: надо научиться дорожить человеком. Просто человеком. (31)

Главная задача человечества состоит в том, чтобы делать человеческое существование приятным и полезным, а не превращать людей в придатки машин, учреждений или систем. (32)

Самое дорогое на земле – это сознание, что ты кому-то нужен и полезен, а это и есть основа самоуважения. (33)

Люди способны поверить в любую бессмыслицу и безоговорочно принять её. (34)

Вчерашняя выдумка становится сегодня религиозным обрядом. (35)

«Слушайтесь только меня!» – вопит совесть всему активно работающему сознанию. На какое-то время весь разум пытается подчиниться голосу совести, но потом начинает сознавать, что голос совести не умолкает и продолжает вопить. Кроме того, человек начинает понимать, что мир, в котором он живёт, и где он старался жить по совести, ни на один микрон не стал лучше от всех его благородных и бескорыстных поступков, совершённых по велению совести. (36)

И тут разум начинает бунтовать. Он сбрасывает тиранию совести в подвал подсознания, накрепко завинчивает выход из этой темницы. Голос совести больше не слышен. И в наступившей сладкой тишине разум начинает искать нового руководителя, который уже всегда наготове и только выжидает, чтобы умолкла совесть. И сознанием овладевает он – просвещённый эгоизм. Он вручает человеку пиратский флаг, классический «Весёлый Роджер», где на чёрном фоне – белый череп, скрещенные кости и надпись: «Катись к чертям, Джек, я своё взял!» (37)

Люди, считающиеся совершенно нормальными, должны испытывать жалость к ближним без неприятных последствий и угрызений совести. Но беда в том, что у считающихся вполне нормальными, вполне приспособленных к жизни людей из высших слоёв процветающего индустриализованного общества совести либо нет и в помине, ибо голос её едва слышен. (38)

Есть люди, которые верят, что Бог гораздо больше любит владельцев яхт, чем владельцев простых моторок. (39)

Деньги – дерьмо, и об этом я тоже пытаюсь рассказать в своих книгах. (40)

Бедность – сравнительно лёгкое заболевание, даже для слабой американской душонки, а вот сознание своей бесполезности, ненужности может убить как слабых, так и сильных душой. (41)

Родиться богатым и остаться богатым – совсем не такое страшное преступление. (42)

История учит нас одному и только одному: раздавать деньги и вредно и бессмысленно. Бедняки становятся нытиками, оттого что им всего мало, а те, кто раздаёт деньги, сами становятся неотличимы от этих полунищих нытиков. (43)

Обычно капитал – единственный и самый важный фактор, определяющий то, что его владелец собою представляет и что о нём думают другие. Благодаря этим деньгам он – человек необычный. А без них он, например, никак не мог бы отнимать драгоценное время ни у одного серьёзного и занятого человека. (44)

Раздай богач свой капитал, он станет самым обыкновенным из обыкновенных людей – если только, разумеется, он не гений. Впрочем, будь он даже гением, без денег у него не будет ни такой свободы, ни таких жизненных благ. Более того, он обречёт и своих потомков на унылую, полную терзаний жизнь: их вечно будет грызть мысль, что они могли бы жить богато, свободно, если бы их глупый предок не разбазарил весь капитал. (45)

Старые друзья – всего только старые друзья, и ничего больше – они не умнее остальных и на большее не способны. (46)

Всякий пьяный воображает, что может говорить откровенно, лишь бы говорить с чувством. (47)

Надо набраться терпения, и раньше или позже явится завистник. (48)

Когда люди говорят, что знают кого-то хорошо или знают мало, они обычно имеют в виду всякие тайны, которые им либо поверяли, либо нет. Они подразумевают всякие подробности семейной жизни, интимные дела, любовные истории. Но, понимаете, дело в том, что всё это – не сам человек, а также, видите ли, всё это бывает у каждого человека, но не для каждого это самое главное. (49)

Если долго заниматься чем-нибудь, потом получаются удивительные результаты. (50)

Все над чем-нибудь работают. Встают с постели – это тоже работа! Брать еду с тарелки и отправлять её в рот – тоже работа! Но есть два вида работы – работа и *упорная* работа. Если ты захочешь выбиться, ты должен работать упорно. Выбрать что-нибудь невозможное и сделать именно это или уж оставаться пентюхом всю остальную жизнь. (51)

Если вы перестанете следить за своим внешним видом, вы скоро умрёте. Я видел, как люди умирали: они переставали держаться прямо, потом переставали бриться и мыться, потом не вставали с постели, потом переставали разговаривать, а потом умерли. Конечно, можно только сказать одно в их защиту: уйти из жизни таким способом очень легко и безболезненно. (52)

Строжайшая бдительность – единственный способ достижения эффективности. (53)

Машины дают количество, но не качество. (54)

Политика морковки и палки может заставить осла работать, и сделанные когда-то этим ослом открытия в наш космический век могут пойти на пользу человечеству. (55)

Люди, разрушающие какую-либо систему, всегда вызывают восхищение у тех, кто покорно следует этой системе. (56)

Никогда не мог отличить одного политикана от другого. Все они выглядят одинаковыми восторженными обезьянами. (57)

Иногда мне кажется: вот в чём вся наша беда – слишком много людей занимают высокие места, а сами трупы трупами, настолько они не интересуются жизнью. Уж не рождаются ли они покойниками? (58)

Боюсь ли я будущего? Нет, господа! Это от прошлого у меня поджилки трясутся. (59)

Я остаюсь пессимистом – последовательным, хотя мой пессимизм знает исключения. (60)

Зрелость – это способность осознавать предел своих возможностей. (61)

Оглянуться – это так почеловечески. Но нельзя людям оглядываться. (62)

Может ли разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, питать хоть малейшую надежду на светлое будущее человечества? Разумеется, нет! (63)

История: читай и плачь! (64)

Зрелость – это горькое разочарование, и ничем его не излечить, если только смех не считать лекарством от всего на свете. (65)

Дракой ничего не докажешь. Ещё никто не улучшил мир тем, что разбил кому-то нос или же дал разбить свой собственный. (66)

Ни в коем случае не принимай участия в бойнях, и, услышав об избиении врагов, не испытывай ни радости, ни удовлетворения. (67)

Может быть, вспоминая о войнах, мы должны были бы снять с себя одежду и выкраситься в синий цвет, встать на четвереньки и хрюкать, как свиньи. Несомненно, это больше соответствовало бы случаю, чем пышные речи, реяние знамён и пальба хорошо смазанных пушек. (68)

Пророчества – это крайне неблагодарное занятие, и история по-своему, ретроспективно, показывает нам, каковы логические решения всяких страшных заварушек. (69)

Одно из самых главных последствий войны состоит в том, что люди в конце концов разочаровываются в героизме. (70)

Это удобная военная привычка – считать, что каждый неугодный тебе человек, чья смерть, из практических соображений, кажется тебе весьма желательной, непременно страдает какой-нибудь скверной болезнью. (71)

Фашизм довольно популярная политическая философия, которая объявляет священной только ту расу и ту нацию, к каковой принадлежит проповедывающий её философ. (72)

А вы знаете, что такое истина? Это всякая дурь, в которую верит ваш сосед. Если я хочу с ним подружиться, я его спрашиваю, во что он верит. Он мне рассказывает, а я приговариваю: «Верно, верно, совершенная истина!» (73)

Больше всего мы жаждем символов, не отравленных великими грехами нашей нации – работорговлей, геноцидом и преступной небрежностью или глупым чванством, жаждой наживы и жульничеством. (74)

Американцы не могут себе представить, как это можно быть неамериканцем, да ещё быть неамериканцем и гордиться этим. (75)

Не работайте на те компании, которые производят механизмы для массовых убийств, и с презрением относитесь к людям, считающим, что такие механизмы нам необходимы. (76)

Если твои идеи гуманны – значит ты здоров. (77)

Слово «любовь», конечно, очень хорошее, но им стали сильно злоупотреблять. Люди сделали с ним то же, что они сделали со словом «демократия». Если вы собираетесь «любить» всех на свете, кого попало, значит, тем, кто любит совершенно определённых людей по совершенно определённым причинам, надо искать новое слово. (78)

Женщины вникают в суть вещей так, как мужчины вникать просто не способны. (79)

Секс всё ещё в состоянии пробить брешь в любых социальных структурах. Большой бюст позволяет попасть куда угодно. (80)

Себе влюблённый лжёт, не верь его слезам, правдивый без любви живёт, как устрицы – глаза. (81)

В этом мире столько любви, что хватит на всех, надо только уметь искать. (82)

Все любовные радости гораздо больше, чем полагают, связаны с радостной мыслью, что продолжаешь род человеческий. (83)

Настоящий союз сердец никто не может нарушить, даже дети, родившиеся от такого союза. (84)

Люди обычно не думают, когда заявляют, что муж и жена – одно целое, т.е. некое чудовище, патетически странное и беспомощное, как сиамские близнецы. (85)

Одно из немногих преимуществ, которым пользуются холостяки, это свобода передвижения с места на место и от одного образа жизни к другому. (86)

В супружеской жизни бывает всякое, и порой муж и жена даже не знают, как им дальше жить. (87)

Грубые слова не так уж портят детей, как они не испортили нас, когда мы сами были детьми. Истинную боль причиняют ложь и бесчестные поступки. (88)

Дети иногда выкидывают гадкие шутки, но без всякого злого умысла. (89)

Мать куда нужнее каждому человеку, чем отец. (90)

Можно в какой-то мере грустить, что у тебя нет детей, но можно отчасти этому и радоваться: ну зачем ещё и тебе способствовать перенаселению земли? (91)

Люди живут в безобразных условиях, и от этого им приходится делать всякие безобразия. У них ни шиша нет, так что улучшить окружающие условия они никак не могут. Вот они и идут на что угодно, стараясь как-то украсить хотя бы свою внутреннюю жизнь. Для этого они покупают всякие химические гадости и глотают их, нюхают или впрыскивают себе в вены. Результаты от всего этого пока катастрофические: самоубийства, грабежи, разбой, безумие и так далее. (92)

Такой жизнью, которой живут люди, и жить не стоит, но дело в том, что помимо такой жизни людям дана ещё и железная воля к жизни. Это обычное сочетание на этой планете. (93)

Жизнь почти у всех людей серая, скучная, не хватает в ней ни мудрости, ни радости, ни разнообразия, ни хорошего вкуса. Живут люди безотрадно и невесело, не помогают ни миллионные наследства, ни науки, ни искусство. (94)

Единственно доступный нищему способ быстрого обогащения семьи – застраховать свою жизнь и поскорее умереть. (95)

Сыновья самоубийц почти всегда неудачники. Характерно, что именно им не хватает в жизни какой-то изюминки. Даже в стране, где большинство людей оторвано от своих корней, они больше других оторваны от своих предков. Они брезгливо отмахиваются от прошлого и с тупой покорностью предвидят свою мрачную участь, считая, что им тоже суждено покончить с собой. (96)

Если тебя разлюбят или забудут, держись стойко! (97)

Шаг назад после неверно сделанного хода является шагом в правильном направлении. (98)

Из тучи всегда проливается то, что в ней содержится. (99)

Кто не готов сегодня, ещё менее готов завтра. (100)

Грош сбережёшь – заработаешь грош. (101)

Есть люди, которые считают, что сколько бы ни разворовывали страну ловкие воры, всё равно особых неприятностей от этого никому не будет. Но на самом деле ресурсы даже самой богатой страны ограничены. (102)

Спекулянт с большими деньгами в конце концов делает важное открытие: оказывается, любой протест правительства – будь то по поводу цен или качества поставок – можно с лёгкостью отвести путём до смешного ничтожных взяток. (103)

Такой спекулянт понимает, что похвал заслуживают только те, кто придумывает способы зарабатывать огромные деньги путём всяких преступных махинаций, не запрещённых никакими законами. (104)

Любого корыстного чиновника, особенно из законодательных органов, можно легко уговорить, чтобы он расшвыривал изрядные куски земли – лови, держи! – и швырял их именно так, чтобы они попадали в руки таких же ловкачей, как он. (105)

Так кучка жадюг во всей стране начинает распоряжаться всем, что того стоит. Так в стране создаётся дичайшая, глупейшая, абсолютно нелепая, ненужная и бездарная классовая система. Честных, трудолюбивых, мирных людей обзывают кровопийцами, стоит им только заикнуться, чтобы им платили за работу хотя бы прожиточный минимум. И при этом бесстыдно культивируется сентиментальная симпатия к людям, любящим дорогие вещи и к ним привычным. (106)

Страх перед тюрьмой не должен мешать тебе делать то, во что ты веришь. (107)

Многие, когда дело идёт к концу, начинают выдумывать новые законы. (108)

Правосудие – по сути дела соревнование между людьми, которые получили куцее образование и которым платят за то, что они умеют всё вывернуть наизнанку и будут смеяться, врать и жульничать по приказу любого, кто заплатит им достаточно за их смех, враньё и жульничество. (109)

Совершенно также, как хороший пилот всё время должен высматривать место для посадки самолёта, хороший адвокат должен ловить случай, когда большие капиталы переходят из рук в руки. (110)

При всякой крупной сделке наступает магический момент, когда один человек уже выпустил капитал из рук, а тот, к кому должны перейти деньги, ещё их не взял. Ловкий юрист должен воспользоваться этим моментом и завладеть капиталом, хотя бы на одну чудодейственную микросекунду, и оторвать хотя бы малую толику, передавая капитал другому владельцу. И если тот, кому причитается это богатство, не привык к большим деньгам, да ещё страдает комплексом неполноценности и смутным чувством вины, как это бывает со многими людьми, адвокат вполне может присвоить чуть ли не половину куша, причём наследник ещё будет слёзно благодарить его за это. (111)

Юрист вообще-то должен быть лишён чувства юмора, так как его всецело поглощают вопросы юриспруденции, в которых, как известно, юмора маловато. Стало быть, умишко у юриста неизбежно оказывается весьма куцый. (112)

Напыщенный и важный вид – отличительная черта человека особо скучной породы. (113)

Обаянием называется такое качество, когда один человек у другого сразу вызывает к себе любовь и доверие независимо от того, что есть на уме у этого обаятельного типа. (114)

Не пытайся коренным образом изменить структуру окружающего тебя мира, и прими царящее в нём зло как неизбежность, больше того – как необходимость. Однако помни о том, что здоровье общества и просто собственное твоё спасение зависят от того, сумеешь ли ты противопоставить злу добро. (115)

Утверждай добро, утверждая право человека – каждого человека, просто человека, а не обладателя парламентского кресла или докторского диплома по прикладным дисциплинам – на счастье, во всяком случае – право жить. (116)

Здоровое общество можно построить, только противопоставив добро злу и поддерживая высокое напряжение между тем и другим. (117)

Наивна вера в общество, где торжествует добро, а со злом покончено навеки. Но пагубна и капитуляция перед злом по той причине, что оно не желает исчезать, сколь бы разумными ни казались проекты его полного искоренения. (118)

Правду никогда нельзя сказать без того, чтобы кого-нибудь не обидеть. (119)

Когда правда ужасна, она становится врагом. (120)

Берегись человека, который упорно трудится, чтобы получить знания, а получив их, обнаруживает, что не стал ничуть умнее. Он начинает смертельно ненавидеть тех людей, которые так же невежественны, как он, но никакого труда к этому не приложили. (121)

Железные нервы ничуть не менее ценный капитал, чем специальные познания. (122)

Нет никого, кто был бы уж такой образованный, чтобы нельзя было за шесть недель узнать девяноста процентов всего, что он знает. А остальные десять процентов – простая декорация. (123)

Приведи ко мне специалиста, и я докажу тебе, что это всего-навсего человек, у которого хватило ума на то, чтобы отрыть себе норку, в которую он может прятаться. (124)

Почти никто ни в чём не разбирается. Просто плакать хочется, когда посмотришь, насколько не подходит большинство людей к своей специальности. И если ты хоть немного научишься что-то делать, ты уже будешь одноглазым царём в царстве слепых. (125)

Идеи или отсутствие идей могут вызвать заболевание. (126)

Люди через край переполнены бессвязными мыслями и рассуждениями о любви и мире, о войнах, несчастьях и мировом зле, отчаянии и о том, что всё же вот-вот настанут лучшие времена или вот-вот станет ещё хуже. От всего этого они готовы сойти с ума или покончить с собой. Неудивительно, что в конце концов именно это с ними и случается. (127)

Люди не знают многих вещей и о них не задумываются лишь потому, что никто им мыслей о них не подсовывает. Всё, о чём мы думаем, мы думаем только потому, что нам кто-то подсунул эту мысль. Образование тоже не что иное, как подсовывание идей, реклама. (128)

Проснувшееся самосознание, если оно не сопровождается вновь обретённой мудростью, делает жизнь человека поразительно одинокой. (129)

Интеллект – это ещё не всё. Самыми несчастными людьми в этом мире чаще всего бывают как раз самые умные. (130)

Наше сознание – это именно то живое, а быть может, и священное, что есть в каждом из нас. Всё остальное в нас – мёртвая механика. (131)

Истина сама по себе может заполнить жизнь человека. (132)

Подумайте, каким раем могла бы стать земля, если бы люди были добрыми и мудрыми. (133)

Новые знания – самое ценное на свете. Чем больше истин мы открываем, тем богаче мы становимся. (134)

Люди чистой науки работают над тем, что увлекает их, а не над тем, что увлекает других людей. (135)

Подходить к старым загадкам, как будто оне совершенно новые, – вот черта, свойственная гениям. (136)

Ложь то, что каждое новое научное открытие идёт на пользу человечеству. (137)

Учёные просто добавляют знаний. Беда не в знаниях, а в том, для чего их используют. (138)

Незанятые руки выполняют работу дьявола. (139)

Да ведь всё одно, задумываться или не задумываться, если то, о чём думаешь, не твоё. (140)

Над чем бы ни работали учёные, у них всегда получается только одно – новое оружие. (141)

Дело не в том, умён кто-то или нет, дело в определённой направленности этих умственных качеств. Человек не только должен быть умным, он должен быть умным в определённом, сверху утверждённом и полезном направлении, вот в чём вся беда. (142)

Не делай указателя к собственной книге. Из авторов книг только самые что ни на есть любители берутся за составление указателей. (143)

Современный издатель убеждён: добыть хорошую рукопись – сейчас не штука. Это уж никак не назовёшь проблемой. Всё дело в оборудовании, здесь начинаются реальные трудности. (144)

Полностью автоматизированное оборудование делает культуру очень дешёвой. Книжка стоит меньше, чем семь пакетиков жевательной резинки. (145)

Культура сейчас настолько недорого обходится, что утеплить дом книгами и картинами намного дешевле, чем стекловатой. И здесь нет никакого преувеличения. (146)

Единственный путь удержать культуру на столь дешёвом уровне – это знать заранее, что и в каком количестве желает публика. И издатели узна*ют* это, узна*ют* вплоть до цвета обложки. (147)

Когда читаешь ту или иную современную книгу, невольно возникает такое ощущение, будто её сварганил какой-нибудь Снобби Пшют. (148)

Если лишить человека радости и утешения, которые даёт литература, то он умрёт либо от окаменения сердца, либо от атрофии нервной системы. (149)

Теперешний читатель уже не умеет читать как следует, так, чтобы у него в голове из печатных строчек складывались волнующие картины. (150)

Фразы, произносимые писателями вслух, редко выражают именно то, что хотел сказать писатель, если оне сперва не изложены на бумаге. Вообще-то писатели – ораторы никудышные, и в этом повинно их ремесло, которое вынуждает их целые годы проводить за письменным столом, тщательно взвешивая каждую новую мысль и обдумывая, как её лучше выразить. Извлечь что-либо из мозга писателя можно, лишь оставив его наедине с самим собой до тех пор, пока он не будет готов изложить всё на бумаге. (151)

Если уж человек стал писателем – значит он взял на себя священную обязанность: что есть силы творить красоту, нести свет и утешение людям. (152)

Я думаю, любое произведение, в котором есть целостность и гармония, всегда создаётся художником ради одного-единственного человека. Его аудитория – одна душа. (153)

Рука начертит знаки и уйдёт – её никто назад не повернёт: ни мудрый ум, ни слёзы, ни моленья. Ничто строку не смоет, не сотрёт. (154)

Искусство невозможно без пляски со смертью. (155)

Я много думал, для чего нужно искусство. Самое лучшее, что я мог придумать, это моя теория канарейки в шахте. Согласно этой теории, художник нужен обществу, потому что он наделён особой чувствительностью. Повышенной чувствительностью. Он как канарейка, которую берут с собою в шахту: посмотрите, как она мечется в клетке, едва почует запах газа, а люди со своим грубым обонянием ещё и не подозревают, что грядёт опасность. (156)

Задача писателя – достичь динамического напряжения, т.е сочетать гуманность и правду. Умную гуманность, не подкрашивающую истину во избежание безотрадных выводов. И полную правду, быть может, очень горькую, но не подавляющую убеждения, что в мире неизменно сохраняются человечность и добро. (157)

Старомодные писатели пытаются заставить людей поверить, что в жизни есть главные герои и герои второстепенные, что есть обстоятельства значительные и обстоятельства незначительные, что жизнь может чему-то научить, проведя сквозь всякие испытания и что есть у жизни начало, середина и конец. (158)

Я долго возмущался и недоумевал, видя, какие идиотские решения принимают мои сограждане. А потом мне вдруг стало их жаль: я понял, что это не их вина, что для них естественно вести себя так безобразно да ещё с такими безобразными последствиями – ведь они изо всех старались подражать выдуманным героям всяких книг. Оттого американцы так часто и убивали друг дружку. Это был самый распространённый литературный приём: убийством кончались многие рассказы и романы. (159)

А почему правительство обращалось со многими американцами так, словно их можно было выкинуть из жизни, как бумажные салфетки? Потому что так обычно обращались писатели с персонажами, игравшими второстепенную роль в их книгах. (160)

Как только я понял, почему Америка стала такой несчастной и опасной страной, где люди жили выдуманной жизнью, я решил отказаться от всякого сочинительства. Я решил писать про реальную жизнь. Все персонажи будут одинаково значительны. Все факты будут одинаково важными. Ничто упущено не будет. Пускай другие вносят порядок в хаос. А я вместо этого внесу хаос в порядок. (161)

И если так поступят все писатели, то, может быть, граждане, не занимающиеся литературным трудом, поймут, что никакого порядка в окружающем нас мире нет и что мы главным образом должны приспосабливаться к окружающему нас хаосу. (162)

Приспособиться к хаосу чрезвычайно трудно, но вполне возможно. Я – живое тому доказательство. Да, это вполне возможно. (163)

У большинства писателей, занимающихся научной фантастикой, весьма слабое представление о науке, а технические подробности к тому же нагоняют на них сон. (164)

Существует печальная необходимость лгать о реальной жизни и ещё более печальная невозможность солгать о ней. (165)

Фраза «И почему только так должно было случиться?» всегда звучит как ещё одно пустое эхо вопроса, который человечество задаёт себе уже миллионы лет. Можно иногда подумать, что люди и на свет-то рождаются только для того, чтобы задать его! (166)

Я не знаю ответа на эти вопросы, но зато я знаю, что намного легче задавать вопросы, чем отвечать на них. И я знаю, что вопросы существовали всегда и всегда находились люди, готовые создавать трудности, ставя такие вопросы. (167)

Кто понастоящему говорит о тех реальных чудовищных процессах, которые с нами происходят? Кто в состоянии понять, что жизнь есть путешествие в космосе и что жизнь вовсе не коротка, а длится биллионы лет? (168)

Мы жили в такую эпоху, когда казалось, что со дня на день кто-то сумеет получить фотографию самого Господа Бога и продаст негатив журналу «Попьюлер мекэникс». (169)

Люди удивились бы, если б узнали, сколь многому свет обязан молитвам. (170)

Все моменты прошлого, настоящего и будущего всегда существовали, существуют и будут существовать. (171)

Сосредотачиваться на счастливых минутах жизни, а несчастливыми пренебрегать, воспринимать только прекрасное, над которым вечность безвластна. (172)

Всё же, если мне суждено провести вечность, переходя от одного момента к другому, я благодарен судьбе, что хороших минут было так много. (173)

Даже сам создатель вселенной не ведал, что собирается сказать человек. А человек, возможно, был зачатком лучшей вселенной. (174)

Людям в этой жизни одно и даётся – снова прожить в трёх измерениях определённый, весьма скудный отрезок времени в оболочке, отделяющей внутренней мир от внешнего. (175)

Какое можно дать напутствие новорождённому? «Привет, малыш! Добро пожаловать на нашу землю. Тут жарко летом, холодно зимой. Она круглая, влажная и многолюдная. Проживёшь ты на ней самое большее лет до ста. И я знаю только один закон, дитя моё: надо быть добрым, чёрт подери!» (176)

Слова прощания никогда не могут быть ошибкой. (177)

* * *

Над чем бы учёные ни работали, у них всё равно получается оружие. (141)

Д ж. Г а н н

(1923 г.р.)

Счастливая семейная жизнь должна быть основана на разумных компромиссах с обеих сторон. (1)

Бить ребёнка не значит воспитывать его. (2)

Нетрудно вспомнить все объяснения, которые современная наука даёт паранормальным явлениям: иллюзия, галлюцинация, гипноз – всё что угодно, лишь бы это не требовало коренной перестройки установившейся системы взглядов. (3)

Только глупец или безумец осмелится экспериментировать над человеческими жизнями и основными законами природы. Цель никогда не оправдывает средства. (4)

Есть много вещей, которые человек не может сделать, но перестать делать то, что он делает, он всегда может. (5)

С. Ф. Г а н с о в с к и й

(1918 – 1990 гг.)

Всякая причина является лишь следствием более ранней причины, любое начало относительно, а конец условен. (1)

Старый парк соединяет прошлое с настоящим. Осень в нём говорит, что всё это уже было, было, было: и молодость, и увяданье. Всё было, проходило и растворялась в вечной жизни людей и вечном круговороте природы. (2)

Драма-то ведь и состоит в том, что многое начинаешь осознавать ясно лишь тогда, когда уже невозможно что-нибудь изменить. (3)

Даже когда гибнет великое произведение искусства, мы можем его частично восстановить или найти похожее. Но исчезнувший отряд животных, – это другое. В природе если теряешь, то навсегда. (4)

Почти все люди – это те, кто сдался и примирился. Неужели это и есть жизнь? (5)

В определённом возрасте мы все начинаем жить постоянным ожиданием. Оцениваем каждый миг не по тому, что он сам собой представляет, а только как некое преддверие к тому хорошему, что, возможно, наступит в будущем. (6)

Между надеждами детства и разочарованиями зрелого возраста пролегает всегдашняя жуткая пропасть. (7)

Каждый человек, которому за сорок, считает, что теперь от жизни следует ждать скорее плохого, чем хорошего, и, узнав о чужом несчастье, радуется, что на этот раз удар судьбы попал не в него. То же самое и со счастьем. Видимо, люди полагают, что удачи распределяются на земле равномерно, и, если уж повезло другому, наверняка не достанется тебе. (8)

Живёшь, воображая, что впереди ещё целые вороха времени, которые, когда приблизится смерть, позволят заново рассмотреть всю долготу прожитой жизни и последними усилиями придать ей всей, даже туда назад, какую-то стройность. Самоуверенно полагаешь, что твой конец будет красивым, даже слегка величественным, логичным завершением чего-то большого. Но вот оно пришло, и ничего не успеть. Приходится смириться с мыслью, что просто в кромешном бессмысленном хаосе истории затеплилась, зажглась искорка твоего сознания, недолго потлела, чадя, и гаснет. (9)

Ночь – интересное время. Заметили ли вы, что именно ночью люди пытаются осмысливать свою дневную работу и вообще этот мир, в котором мы живём. Днём-то ведь всегда некогда. (10)

Самое прекрасное в настоящей жизни – тяжёлая работа, голод, лишения. Люди мечтают бороться за большое, иметь цель. Они хотят проявлять все свои способности, осуществляя человеческое право на улучшение мира, в котором живут. (11)

Единственное средство постоянно оставаться удовлетворённым – это найти себя. Не спешить, не завидовать, а полной мерой осуществлять то, к чему у тебя способность. (12)

У каждого знаменитого человека есть недоброжелатели и завистники. (13)

Неудачнику как ни помогай, всё равно это не принесёт ему пользы. (14)

Есть люди, без которых любое начинание и предприятие могут отлично обойтись. Они, с их уверенной осанкой, просто фикция, пустое место. Люди, которые умеют устраиваться. (15)

Людей кругом – трудно протолкнуться, но все они только прохожие, проезжие. Если в тебе есть что-нибудь человеческое, его показать-то некому. Перед толпой стоишь, как перед глухой стенкой. (16)

В конце концов никто не силён настолько, чтоб одним собой образовать атмосферу времени. (17)

Мания величия делает из обожествляемого руководителя безумца. (18)

«Непобедимая железная воля» тиранов и диктаторов – лишь следствие угодничества окружающих, а их «красноречие» и «смелость» развиваются только за счёт тех, кому надлежало бы быть мужественными. (19)

Вместо выживания приспособленных стало теперь приспособление выживших. (20)

Знамение времени: старшее поколение карабкается наверх, никого не щадя, а младшему ничего этого не надо. (21)

Многие живут с убеждением, что закон на то и закон, чтоб его обходить. (22)

Всякая догма гнетёт, а лицемерие утомляет. (23)

Прогресс человечества – это, кроме всего прочего, движение ко всё большей естественности и непринуждённости. (24)

Обществу наживы некуда дальше идти, оно изживает себя. Когда-то это годилось: «каждый сам за себя», но теперь это гибельно. Уже нельзя не думать о счастье других, иначе могущественные силы экономики опять низведут человека в положение раба природы, но только другой, механической, машинной. (25)

Человека лишило самостоятельности разделение труда. (26)

Гигантские бесполезные работы – это, между прочим, тоже форма закабаления общества. Если б таковых не предпринимали, у всех было бы решительно всё необходимое. (27)

Пока цивилизация прибыли не лопнет, будет действовать удивительный парадокс: каждый экономический элемент рационален, приносит доход, а все вместе создают массу никому не нужных вещей. (28)

Как-то всё это должно кончиться, потому что всем опротивело. (29)

Технология не для людей стала, а сама для себя. (30)

Раньше люди гораздо меньше зависели от природы, чем теперь от технологии. Не вышло с одним, спокойно брались за другое. (31)

Только неудовлетворённость двигает. А то сидели бы в пещерах. (32)

Когда-нибудь они встретятся – гений искусства, несущий идеал, и суровый, могучий гений техники, который лишь только и способен воплотить идеал в жизнь! (33)

Чем больше на земле механизмов, машин, тем яснее становится, что главная функция настоящего человека – нравственная. Важно, чтобы он неравнодушным был, заинтересованным, чтобы энтузиазм не иссякал. Если чего не знает, не умеет, всегда найдётся, кому показать. А когда с моралью слабо, он и спрашивать не станет. Сляпал кое-как, а что потом, ему всё равно. (34)

Вот равнодушие, чужесть и страшны. Вы разве не замечаете, как распространяются по миру эти безродность, пришельчество? (35)

Террористы захватывают заложников – дай им миллион и авиалайнер, в противном случае всех перестреляют. Человеческая жизнь, словно разменная фишка, – нажал курок, и никакой достоевщины. Торговцы порнографией наполняют рынок цинизмом, грязью, коммерческие издательства – бросовой, такой же грязной литературой. И всё это для денег, для прибыли. А вещи, материальные ценности! Прежде даже в зажиточной семье любую вещь донашивали до конца, в крайнем случае прислуге отдавали, а сейчас огромные массы сырья, неимоверные количества энергии тратятся, чтобы покупатель ежегодно менял костюмы, телевизоры, мебель, автомобили, выбрасывая на свалку всё прежнее, почти новенькое. Всё так, будто не было у нас предков, не предвидится потомков, которым ведь тоже понадобится мировой ресурс. Всё так, будто сегодняшнее поколение последнее. (36)

Месть, в сущности, ничего не изменяет в мире, оставляя в неприкосновенности условия, для новых преступлений. (37)

Оптимизм, которым тот или иной из нас так гордится, в конце концов оказывается оптимизмом страуса. Человек просто прячет голову от плохого и того, что ему не нравится или пугает. (38)

Мир во все времена был миром нехватки и скудости. Всякая вещь ценилась дорого, владелец держался за неё до последнего издыхания. Король, умирая, указывал, кому штаны, кому камзол и кровать. (39)

Люди в больших городах ведут себя так, будто их наплодилось слишком много и они никому не нужны. Молоденькая девчонка на улице идёт за богатым стариком по первому знаку. Беседуешь с кем-нибудь, и если он чувствует, что у тебя полный карман, то только и смотрит, чтобы успеть согласиться с твоей мыслью сразу, как только она будет высказана. (40)

Большинство людей так старается выложиться на работе просто от лени. Человеку не о чем думать, неохота остаться наедине с собой, вот он и вкалывает, будто одержимый, либо гонится за тем, чтоб узнать что-нибудь новое. (41)

Народ совершенно разучился ничего не делать – вот в чём наша беда. Искусство говорить по душам утрачено, люди толкуют только о делах, а если не толкуют, то думают. (42)

Страшная штука плохое здоровье. Из-за него человек не восстаёт больше против установленного порядка. И не потому, что смирился, – просто сознаёт, что болен, что нет сил и оне уже больше не придут. (43)

Человечество вырождается. Одни работают слишком много – этих гнетут болезни, они мельчают, быстро старятся и умирают рано. А другие стригут купоны и деградируют от безделья. Но так не может продолжаться. Слишком много тяжёлого сгустилось, должна

грянуть гроза. Хорошо хоть, что некоторые из нас не дали себя одурманить фальшью нашей эпохи. Это поможет грядущим поколениям скорее выйти на свободный, свежий воздух. (44)

Неопределённость ещё хуже и опасней, чем любая определённая опасность. (45)

Только трус боится признать, что он неправ. (46)

Есть люди, у которых эрудиция полностью заменяет необходимость мыслить. (47)

Суждения человека дела всегда здравы и самостоятельны. Если ему нечего говорить, он молчит. Более того, он считает, что если человек разговорчив, значит он болтун и его не следует уважать. (48)

Вундеркиндов сразу берут и помещают в закрытую среду. И нянчатся с ними. А они жизни совсем не знают. И поэтому не сочувствуют людям. Человеком сначала надо быть. А потом уже учёным. (49)

Истина остросюжетна, а жизнь непредсказуема. (50)

Ленивый, бестревожный сон разума тоже имеет свои лукавые преимущества. (51)

Мозг не может научиться ничему не учиться. (52)

Глубокое и чистое, наверное, есть в каждом из нас, но наша повседневная жизнь забрасывает его мусором и загрязняет. (53)

Прежде чем начать, решиться, открыть, сделать, мы должны быть уверены в своей способности добиться успеха. Разум велик, но всё-таки впереди идёт вера. В себя. (54)

В период от тридцати до тридцати пяти или сорока лет личность окончательно узнаёт, на что способны её разум и тело, возникает уравновешенность, духовная и физическая гармония. (55)

Человек, которому недостаёт смирения перед фактами – а таково качество истинного учёного – обычно чувствует себя вполне на месте в сфере руководства и координации. Как только он начинает координировать и указывать, он сразу делается умнее, содержательнее и интересней. Возможно, это зависит от того, что в этой сфере приходится иметь дело не столько с фактами, сколько с мнениями. (56)

У исследователя удовольствие при встрече с новым явлением в природе полностью перевешивает неудобства, с этим явлением связанные. (57)

Самым неисследованным феноменом на земле и самым перспективным является тот, который исследовался больше всего: сам человек. Его способности, его возможности. (58)

Приближаясь к человеку, наука останавливается на механической сути происходящих в его организме процессов. Но ведь это всё равно, что с помощью кувалды пытаться разобрать микроскоп. И даже хуже. (59)

К человеку и к остальной природе мы подходим с одними и теми же инструментами. И это неправильно. Весь арсенал точных наук исторически был создан для изучения природы – камня, растения, животного. И вот теперь с этими же методами мы берёмся за человека. Естественно, мы его тем самым низводим до уровня остальной природы, и нам начинает казаться, что какому-нибудь роботу ничего не будет стоить перегнать его. (60)

Естествознание изучает физиологию человека, а гуманитарные науки – человеческое общество. И между ними нет связи, нет перехода от одной методики к другой. Мы знаем то, что происходит в обществе, – социологию. Но нам совершенно неизвестна та грань, в которой физиология делается социальной. Однако это и есть человек. (61)

Те, кто говорит о кибернетических автоматах, молчаливо предполагают, будто о человеке нам известно всё. Но они ошибаются. (62)

Наука, одна как таковая, бессильна разрешить проблемы, стоящие перед человечеством. Это парадокс: чем сильнее ослепляют нас поразительные успехи знания, тем больше надежды мы возлагаем на те уголки человеческого сердца, которые заняты не наукой, а добротой, любовью, гуманностью. (63)

Будущее науки – это не одна лишь «индустриализация науки» и «онаучивание индустрии». Будущее науки – это «очеловеченье науки». Точное знание приобретёт человечный характер, избавится от равнодушия к морали и станет гуманным по своей природе. (64)

Наука оперирует только отношениями количества, но с одним этим ключом она не сможет проникнуть в области духовного. Ей придётся как бы превзойти себя, взять на вооружение что-то новое. (65)

Уже сейчас есть ключ, который поможет очеловечить науку, даст ей возможность превзойти себя. Это искусство. (66)

Искусство – метод познания действительности, который человечен по самому своему характеру. Это – человековедение. В нём есть всё, чего не хватает сейчас науке, когда она подходит к человеку. Гуманизм, целостность, способность мыслить более общими категориями и вместе с тем чрезвычайно изощрённые и неожиданные связи, сопоставления и отношения. (67)

В недалёком будущем наука, для того чтобы двигаться дальше, не сможет не позвать себе на помощь искусство. И даже не позвать на помощь, а просто подойти и стать с ним рядом. И этот синтез двух начал, которым так долго пришлось существовать отдельно, и будет новым шагом знания. (68)

Искусство часто мыслится как пассивный момент любования прекрасным, как фактор отдыха. Но ведь дело не в этом. Искусство – ветвь познания. Именно в этом качестве человек возьмёт его повсюду, он просто не сможет без него. (69)

Искусство воспитывает фантазию, человеколюбие, широту и богатство связей. (70)

Каждый ребёнок – это поэт, живописец, танцор и актёр сразу. А взрослый человек в процессе жизни и борьбы за существование постепенно теряет многие заложенные в нём прекрасные способности, оставляя лишь те, что помогают ему добыть кусок хлеба. (71)

Талант певца, художника или поэта не есть, как думают некоторые, случайный приз, вручаемый природой, нечто зависящее от числа нервных клеток либо извилин мозга. Люди бесталанные этими рассуждениями лишь прикрывают свою зависть и леность ума. Гений – это вполне человеческое, а не медицинское понятие. Талант рождается воспитанием, тем, как прожита жизнь, средой, страной и эпохой. И наука или медицина тут бессильны. (72)

Гений есть нечто вроде копилки, в которую все люди постепенно вкладывают взносы доброго. И талант проявляется лишь в той мере, в какой творец искусства способен воспринимать и отдавать это доброе. Гении понимают это, потому они скромны, свободны от

кичливости, сознавая, что то, что движет их пером, кистью или смычком, принадлежит не им, а всем людям мира. (73)

Талант – это выраженная способами искусства любовь к людям и доброта. (74)

Доброта есть суть всякого таланта, в то время как песня, игра на рояле или картина являются его видимыми образами. (75)

Неправда, что художник добивается одиночества. Никто не заслужил такой пытки. Художнику нужно уединенье, но он, как и все люди, нуждается в друзьях, развлечениях, обязанностях и привязанностях. Он хочет быть человеком среди людей, а не изгоем. (76)

Если художник хранит симпатию к людям и трудится не переставая, он должен добиться своего. (77)

Некоторые воображают, что занятия живописью ничего не стоят самому художнику. На самом деле с ума можно сойти, когда подсчитываешь, сколько надо потратить на краски и холст, чтоб обеспечить себя возможностью непрерывной работы на месяц. (78)

Когда человек способен написать картину за три дня, это вовсе не означает, что лишь три дня на неё и потрачено. Такая вещь не создаётся без размышлений, без поисков, без предварительных этюдов. Истрачена, если хотите, целая жизнь. (79)

Когда композиция готова, то, что на ней есть, может показаться само собой разумеющимся. Так же говорят о хорошей музыке либо о хорошем романе, которые будто бы обладают способностью *литься сами собой*. Однако представьте себе положение, когда ни картины, ни симфонии ещё нет, когда их надо ещё создать, а композитор или живописец берётся за труд, отнюдь не уверенный, что избранное им сочетание вообще в принципе возможно. (80)

Начинаешь с безнадёжных попыток подражать природе, всё идёт у тебя вкось и вкривь. Однако наступает момент, когда ты уже спокойно творишь, исходя из собственной палитры, а природа послушно следует за тобой. (81)

Можно быть неуверенным в своей технике, но если у тебя есть жизненность, то она отодвигает ошибки на задний план. (82)

Музыка – это небо над всеми искусствами. Нечто такое, что объединяет людей друг с другом. Музыка – самое человечное из искусств. Художник рисует картину, но то, что он нарисовал, вы могли никогда и не встречать в жизни. Писатель описывает событие, однако с вами ни такого, ни близкого с этим могло никогда и не случаться. Но композитор рисует только чувства, а чувствуем мы все. (83)

Музыка – это то, что поёт в нашем сердце и ищет выхода. А если это так, то слух, музыкальный слух, которым каждый настройщик роялей владеет даже в большей степени, чем композитор, слух, являясь моментом чисто техническим, я бы даже сказал, медицинским, не может иметь в ней решающего значения. Владея даром к музыке, не так уж трудно выработать и слух. (84)

Музыка обещает прозрение, раскрытие всех тайн, разрешение всех трагедий мира. (85)

Великую мудрость таят непрочитанные книги на полках. (86)

Слова бессильны и не могут выразить невыразимого. (87)

Слава большинства знаменитых художников, а может быть и поэтов, – не столько их заслуга, сколько результат шумихи, которую позже поднимают всякие критики и искусствоведы. (88)

Посетители, придя в музей, носятся, высунув язык, от фараонов к абстракционистам, за два часа успевают обскакать всё мировое искусство, и только для того, чтобы рассказывать после знакомым, что вот, мол, я ничего не пропустил. (89)

Бывают такие дурачки, которые если смотрят в кинотеатре детектив второй раз, никак не могут удержаться, чтоб не испортить окружающим удовольствие, подсказывая, что дальше будет. (90)

Для богатого человека, чьё время расходуется между завтраками и обедами, поездками на яхте и кутежами, возможность побывать на серьёзном концерте представляется какой-то видимостью дела. И чем больше расходов требует это начинание, тем сильнее крепнет в богаче уверенность, что он не просто развлекается, но поддерживает искусство и даже участвует в процессе его созидания. (91)

В человеке, который знает себе цену, но потерял надежду убедить мир в чём-нибудь, видна какая-то отрывистая, чуть презрительная и разочарованная гордость. (92)

Мы привыкли воспринимать океан прежде всего как поверхность, а в действительности он – глубина. (93)

Однажды наступят всё-таки времена, когда человек, освобождённый от заботы о хлебе, поймёт наконец, как прекрасен мир, в котором ему суждено было родиться. (94)

Мечта – я много думал об этом – вовсе не представляется мне чем-то стоящим уже совершенно далеко от действительности. (95)

Что такое мечта? Разве она есть что-нибудь уж совсем противоположное действительности? Конечно, нет. И разум человека, и драгоценная способность мечтать не лежат где-то вне природы и не противоречат ей. Мечта – это законная дочь разума, который, в свою очередь, законный сын природы и человеческого общества. (96)

Дыхание, жест, слово, поступок дают начало таким развитиям, которых последствия не измерит никто. (97)

Люди будущего или более высоких, чем наша, земная, цивилизаций по внешнему облику и даже по уму будут отличаться от нас очень мало. Только удивительной человечностью. (98)

Мир всегда меняется, и постоянно мы на последнем, решающем рубеже своего времени. Как песочные часы, каждый из нас на перевале между «недавно» и «потом», только песчинки-секундочки текут вверх, в завтрашний день, окрашенные нашим чувством, нашим делом. Миллионы лет позади обеспечили возможность нашего деяния, на миллионы лет вперёд лягут тень и отсвет свершённого нами. (99)

Будущее нельзя предсказать, его можно только сделать. (100)

Будущее уже существует. Вместе со всей суммой времён от первого мига в бесконечность. И прошлое и будущее – всё существует одновременно, и при этом каждое мгновенье меняется. Как раз поэтому у нас нет настоящего, которое было бы статикой, неподвижностью. Куда ни посмотришь, всё либо уже прошлое, либо ещё будущее. (101)

Будущее всегда есть, но каким оно там впереди осуществляется, зависит от того, как мы поступаем в своей эпохе. Ну, допустим, вы хотите что-то совершить – если выполнили своё решение, идёт один вариант будущего, а струсили или заленились – другой, уже без вашего поступка. И так от самых мелких вещей до глобальных. Будущее – это бесконечность альтернативных вариантов, и какой из них станет бытием, полностью диктуется всеми нами. (102)

Не будем беспокоиться – ничто наше хорошее не пропадёт. Будем беспокоиться, ибо не смыть, не зачеркнуть дурного, коли оно вошло в мир. Зависящие от всего, влияющие на всё, по скрещению минутного с вечным, малого с безмерным люди идут головою в звёздах. Нужно только хотеть и действовать. И верить! (103)

Не спрашивайте, каким будет завтрашний день. Хотите, чтобы он был великолепным и блестящим, делайте его таким. Пожалуйста! (104)

Г. Гаррисон

(1925 – 2012 гг.)

Когда ты тонешь, разве тебя взволнует, если тебе на голову выльют ещё одну чайную ложку воды? (1)

Самое трудное на свете – это убегать и оставаться при этом спокойным. (2)

Всё в жизни сгодится на зерно для авторской мельницы. (3)

Главное свойство великой идеи: она всегда чрезвычайно проста. (4)

Если в проекции на будущее всегда получается ухудшение, значит, в прошлом дело обстояло лучше. (5)

Кто понимает, что мир вокруг полон зверств и жестокости, тот бережно хранит мир своего детства. (6)

Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними. (7)

Хорошо быть свободным от работы, но так же хорошо быть и при деле. Я, пожалуй, затруднился бы ответить, какой из периодов доставляет мне большее удовольствие; у каждого есть свои прелести. (8)

В этом мире ничего нельзя получить даром. (9)

Как правило, агрегат простой в обращении оказывается невероятно сложен по конструкции. (10)

В мире полного порядка не может быть большего ужаса, чем беспорядок. (11)

Жизнь учит умного человека относиться с недоверием к суждениям, основанным на эмоциях. (12)

Логика и рассудок не могут противостоять эмоциям. (13)

Линия между добром и злом, правотой и неправотой может быть очень тонкой, и при эмоциональном возбуждении её почти невозможно увидеть. (14)

При абсолютной свободе жизнь других людей кажется пустяком. (15)

Слова о том, что цель оправдывает средства, – это объявление о банкротстве. (16)

Ввязываясь в старую игру с целями, оправдывающими средства, неизбежно начинаешь скатываться по наклонной плоскости. (17)

Человеческая жизнь – это единственная и неизменная величина во вселенной. (18)

Только глупцам разумное кажется безумием. (19)

Решение, принятое без знания фактов, – это вообще не решение, это суеверная чепуха. (20)

Истина в вашем представлении – это ещё не истина на деле. (21)

Чтобы придумать что-нибудь путное на будущее, надо учитывать инерцию мышления. (22)

Лишите дикаря логической основы его убеждений, он всё равно от них не откажется, только заменит слово «убеждения» словом «вера», потому что не сомневается в своей правоте. А не сомневается он потому, что верит. (23)

Мнимая логика строит замкнутый круг, на который не дозволено покушаться. Это и есть инерция мышления, когда рассуждают по принципу «что всегда было, то всегда будет». И упорно не желают бросить старую колею, перестроить мышление на новый лад. (24)

Не стоит забывать, что существуют люди, которые будут жаловаться даже в раю. (25)

Учтите: когда вам говорят, что вы неглупый человек, говорящий под этим подразумевает, что вы значительно глупее его. (26)

Игроки, не умеющие владеть собой, долго не живут. (27)

Многие люди не понимают, что рутина в случае проигранной игры становится ловушкой. (28)

Все хорошие иллюзионные трюки очень просты. (29)

Нередко вера заменяет мысль, ритуал заменяет интеллект. (30)

Есть люди, которые словно крысы в пределах общества: они живут вне его запретов и правил. Чем мягче законы общества, тем больше в нём таких крыс, так же как в старых деревянных строениях крыс больше, чем в железобетонных, поставленных позднее. Но оне есть и там. (31)

Сейчас всё общество – это сплошной железобетон и нержавеющая сталь, всё меньше остаётся щелей и зазоров, и крысе нужно быть очень шустрой, чтобы найти их. В такой среде нормальным явлением в доме будет крыса из нержавеющей стали. (32)

На определённой стадии интеллектуального развития индивидуум должен сделать выбор: либо жить вне условностей общества, либо умереть от абсолютной скуки. У окружающей жизни нет ни будущего, ни свободы, альтернативой может быть только другая жизнь с полным игнорированием нынешних законов. (33)

Можно презирать закон и прекрасно без него обходиться, если ты есть закон в себе и самый честный человек в галактике. Ты не нарушаешь никаких правил до тех пор, пока они тебя не касаются, и изменяешь их всякий раз, когда видишь в этом нужду. (34)

Что прекрасно для индивидуума, может обернуться смертью для цивилизованного общества. (35)

Когда дело доходит до правительства и армии, я всегда чувствую себя анархистом и придерживаюсь крайне невысокого мнения и о тех, и о других. (36)

Мне всегда казалось, что нет на свете, а особенно в армии, человека, который не сомневался бы в том, что ему недоплачивают жалованье. (37)

Войны заставляют учёных проституировать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить. (38)

На войне человек учится убивать, чтобы не быть убитым. (39)

Победа не стоит ничего, если вы не извлекли из неё урока. (40)

Война – дерьмо и всегда была им, это вы раз и навсегда запомните. (41)

Прежде всего выбросьте из головы мысль, будто в войне есть что-то благородное и прекрасное. Нет этого. Это миф, который давно умер и, возможно, восходит к тому времени, когда война велась врукопашную на пороге пещеры и человек защищал свой дом от чужеземцев. (42)

Такие вещи, как насилие, война и кровопролитие, всё ещё имеют страшную привлекательность для таящегося насильственного потенциала человечества, несмотря на длительный период мира и стабильности. (43)

Вот всегда так: старики посылают молодых воевать. Ставили бы в строй не моложе пятидесяти пяти, разом бы все войны прекратились. (44)

Имейте в виду: если страна милитаризована до предела, то в ней даже домашние животные носят мундиры. (45)

Садомазохист – уникальное явление в природе. Все остальные жалкие кретины ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. (46)

Туризм – это, примерно, и всё, что способна организовать страна без ресурсов. (47)

Тайное не надо специально упрятывать. У фокусников это выполняется отвлечением внимания. Дайте людям увидеть всё, что они хотят, и они никогда не заподозрят, что за этим что-то скрывается. (48)

Хорошая секретарша должна знать и уметь многое. Например, защищая своего шефа от докучливого посетителя, быть в состоянии осадить его тоном матери-настоятельницы, облыжно обвинённой в содержании публичного дома. (49)

Иная артистическая знаменитость выглядит так хорошо лишь потому, что её внешность составляет главное содержание её жизни. (50)

Нет ничего невозможного принципиально, если люди захотят взяться за дело достаточно энергично. (51)

Если у вас есть план, приводите его в действие немедленно. Не давайте ему задерживаться, утрачивать новизну, позволять другим тоже о нём думать. (52)

Всякая ненужная задержка перед битвой подрывает боевой дух войск. (53)

Никогда не расслабляйтесь во время работы! Шаблонное поведение всегда ведёт к неприятностям. (54)

Ложная скромность порождает некомпетентность. (55)

Паника вещь хорошая, вот только мешает вспомнить, что головой не только едят. (56)

Да, бывают моменты, когда рот следует открывать только для приёма пищи. (57)

Самолюбие – это единственное, что поддерживает в мужчине бодрость духа, настраивает его на работу. Отнимите это, и останетесь ни с чем. (58)

Сомневаться в себе – это что-то вроде самоубийства. (59)

Нет таких людей, которым неведом страх. А смелый человек отличается именно тем, что делает своё дело, даже когда ему страшно. (60)

Каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезёт, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится. (61)

Гнев вытравливает страх и возвращает нам здравый взгляд на действительность. (62)

Прилив ярости вымывает страх из души, как отдых прогоняет усталость. (63)

Машины не могут нравиться или не нравиться: это не объект эмоций. Мы используем их для добрых или недобрых дел, так что проблема машин – проблема человеческая, как и всё прочее. (64)

Умные люди говорят, что без паблисити нет шоу-бизнеса. (65)

Деньги и искусство – они не смешиваются, но люди смешивают их уже давным-давно. (66)

Прибыль прежде всего, а культура пусть идёт ко всем чертям – таковы условия дурацкой игры. (67)

Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаёшь об этом: тебя отовсюду гонят, и ты идёшь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца этому поверить, сваливаешь всё на обстоятельства и пытаешься написать ещё одну и ещё одну книгу, ещё одну и ещё одну песню или картину, снять ещё и ещё один фильм. (68)

Когда больной человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. (69)

Хотя мода как на преступления, так и на приговоры меняется, есть тем не менее такие, которые всегда вызывают сильное отвращение: это врачебные преступления. Говорят, некоторые дикие племена убивают знахаря, если его пациент умер; правило не без достоинств. (70)

Эта целеустремлённая ненависть к мяснику-шарлатану понятна. Больной полностью отдаёт себя в руки врача и позволяет незнакомому человеку играть с самым дорогим для больного. Если это доверие подрывается, возникает естественное возмущение среди свидетелей или оставшихся в живых пациентов. (71)

Тело – раб привычки, даже рядом со смертью оно живёт своей жизнью. (72)

Взрослые не понимают, не помнят – как это быть подростком. Они с удовольствием забывают этот полустанок на дороге к зрелости. Невинные радости детства позади, взрослые удовольствия – далеко впереди, а в настоящем – только вечно приливающая к голове кровь при мыслях о прекрасном поле, да пустые карманы. Несчастные подростки должны вести себя как взрослые, но не имеют никаких привилегий этого положения. (73)

Если вас уверяют, что какое-то дело не занимает много времени, то при этом имеют в виду объективное время. Субъективное же время может при этом тянуться часами. (74)

Память – вещь обоюдоострая: она и открывает, и затуманивает. (75)

Человек рождается, чтобы умереть, а жизнь состоит в ежедневном откладывании неизбежности. (76)

Для человека, который так или иначе должен умереть, не имеет значения, каким будет конец его жизни. (77)

Сильные люди храбро встречают смерть. Она – лёгкий выход из некоторых проблем. (78)

Х. Гернсбек

(1884 – 1967 гг.)

Есть молчание более многозначительное, чем иные слова. (1)

Маленькие дурные привычки разнообразят жизнь. Отдавая им дань, мы боремся с рутиной и однообразием. (2)

Кто не рискует жизнью, не может быть назван героем. (3)

В мире есть только одна подлинная ценность – человеческий труд. Вы почти всегда найдёте всему замену, кроме человеческого труда – его заменить нечем. Поэтому современная экономическая система зиждется на человеческом труде. (4)

С ходом прогресса и развитием знаний в мире люди станут понимать, что торговля и экономика основаны на доверии. (5)

В. В. Г о л о в а ч ё в

(1948 г.р.)

Познание само по себе намного интереснее и важнее признания. (1)

Выше ценить личную свободу, чем возможность руководить другими. (2)

Научитесь радоваться препятствиям, научитесь выбирать более сильного противника и более умного собеседника, только тогда сможете подняться выше по лестнице совершенства. (3)

Удача – награда за смелость, а не за трусливую дрожь в коленках. (4)

Власть – тяжёлый удел для творческой души. (5)

Г. С. Г о р

(1907 – 1981 гг.)

Человек и время неразрывны. (1)

Человек редко задумывается о своём начале. Для него нет начала, как, в сущности, нет и конца. (2)

Смерть несёт для личности интеллектуальную трагедию. Каждому хочется знать, что дальше? А смерть отбирает это «дальше» и не позволяет человеку задавать вопросов. Бессмертие нужно хотя бы для того, чтобы продолжать спрашивать. Нет, смерть необходимо убрать с дороги, которая ведёт человека вперёд. (3)

Меня удивляет, что все мои знакомые, и умные и неумные, вовсе не рассматривают время как проблему. Они смотрят на часы с таким видом, словно часовые и минутные стрелки возникли и появились на свет вместе с самим временем. Им не приходит в голову, что у времени нет начала и не будет конца. Их жизнь идёт в одном ритме с ходом часов. Время и они, живущие, составляют одно целое. Ведь рыба, плавая в воде, вероятно, считает, что она движется в пустом пространстве. (4)

Время – это тоже, в сущности, среда. Оно существует в неразрывном единстве с пространством. Нельзя покорить пространство, не победив время. (5)

Там, в бесконечных просторах вселенной, живёт другое время, время, враждебное всем человеческим меркам и привычкам. (6)

Человеческая жизнь коротка, как же человек станет хозяином времени и пространства? (7)

В сущности, память и есть самое удивительное чудо. Она соединяет «здесь» и «теперь» с «тем» и «тогда», т.е. с тем, чего уже нет. (8)

Позволяя себе мысленно уноситься в прошлое, человек облегчает своё пребывание в настоящем. (9)

Время и природа не повторяют и не повторяются. Мир неисчерпаем и богат неожиданностями. (10)

Человеку с детства следует бороться с привычками. Его бытие всегда должно обновляться и освежаться. Привычка – это нечто вроде стоячей воды в болоте. (11)

Обыденность – это цепь привычек, которых мы, в сущности, не замечаем, как не замечаем одежду, когда мы одеты. Но стоит нам раздеться и выйти на мороз... (12)

Обыденность существует только для взрослых, а у детей её нет и не может быть. Ребёнку всё кажется необычным и новым, даже то, что он видел много раз. (13)

Глазами человека сама природа и история как бы взглянули на себя. Совершилось чудо: мысль и действительность встретились. (14)

Человек не может жить, не творя и не действуя. Не может. И не должен. (15)

Никогда не отчаивается тот, кто знает, что жизнь состоит не только из утрат, но и из приобретений. (16)

Счастье – это не только итог, но и путь к цели. И если этот путь слишком лёгок, если он не требует никаких усилий, разве он может сделать человека понастоящему счастливым? (17)

В победе над собой, над своей слабостью и рождается настоящее счастье. (18)

Самыми счастливыми людьми в справедливо устроенном обществе считают тех, кто меньше всех щадил себя, прокладывая путь в будущее. Счастье не может быть очень спокойным. (19)

Любовь есть любовь, и от техники мудрой печаль не легчает ничуть. (20)

Большие искренние чувства чуждаются громких и красивых фраз. (21)

Вещь, слово и восприятие должны быть синкретичными, как язык самой жизни. (22)

Типичные слова и выражения официального письма звучат чуточку торжественно и даже риторично. (23)

Терпеть не могу это жёсткое накрахмаленное слово «визит», но попробуйте-ка найти другое! (24)

Когда не очень умный человек произносит чужие умные слова, эти слова тоже глупеют, хотя говоривший ничего не прибавляет от себя. (25)

Имя вовсе не выражает сущности того, кто его носит, а скорее создано для удобства, как номер телефона, квартиры или автобуса. (26)

Без «почти» нельзя познать мир. «Почти» – это то, что даёт ускользнуть абсолюту в той игре, которую ведёт человеческое познание с действительностью. Оно связывает абсолютное с относительным, в сущности, странной для всякого рассудка связью. (27)

Современники редко бывают справедливыми, а потомки – точными. (28)

Не быть слишком категоричным! Ведь люди всегда готовы простить всё, кроме невежества и самоуверенности. (29)

Что такое гений? Это человек себе на уме. (30)

Все очень чуткие и отзывчивые натуры умеют угадывать чужие мысли. (31)

В человеческой сущности заложены самые глубочайшие проблемы, и прежде всего проблемы этические. (32)

Человек – не машина, созданная только для преодоления физических препятствий, человек – это прежде всего духовное, интеллектуальное, моральное, т.е. нравственное существо. Его духовный мир вряд ли приспособлен для вечного пребывания в мире. (33)

Нет смысла мучиться от сознания невозможности абсолютного знания. Вселенная настолько богата частностями, настолько разнообразна, что её нельзя объять одной формулой. И каждое событие вовсе не предопределено заранее. (34)

Хочется, чтобы новая истина оказалась необыкновенной и интересной: обыкновенных и неинтересных истин и без того слишком много на свете. (35)

Нужно иметь много мужества, чтобы из философских побуждений отказаться от сильного соблазна. (36)

Что может быть нового в науке, в которой свило уютное гнездо так много посредственных и консервативных людей, людей, умеющих делать ложнозначительную мину? (37)

Исследовать значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думал никто. (38)

Человечество познаёт природу, моделируя её процессы. (39)

Только с помощью эксперимента можно проверить истинность гипотезы. (40)

Опыт, сколько бы он ни длился, не должен пережить экспериментатора. (41)

Грусть делает нас более человечными. (42)

Книги вряд ли пишутся для единственного читателя, оне пишутся для каждого, кто пожелает войти в удивительный контакт с автором, контакт, который принято называть чтением. (43)

Сам процесс проникновения посредством сменяющихся слов и предложений в духовное единство героя, читателя и автора всегда поражал меня своей крайней загадочностью.(44)

В романе или повести что-то происходит с другими, непохожими на меня людьми, но почему-то всегда интимно касается лично меня, словно люди, изображённые в книге, состоят в кровном или духовном родстве со мной. (45)

Высокоразумному существу не пристало быть уродом. Понятие красоты, разумеется, условно, относительно, но до какой степени? И у относительности есть границы. (46)

Музыканту незачем скрывать свою тоску, он имеет на то право: он - мечтатель, его грусть не мешает, а даже помогает жить и работать другим. (47)

Природа хорошо вооружила организм для борьбы с суровой средой. Но человек вооружает сам себя. (48)

Медики умеют находить названия для наших бед и несчастий. (49)

Больной для врачей не только и не столько личность, сколько организм, в котором протекают интересующие специалистов процессы. (50)

Возникновение и смерть – не всякий захочет пожертвовать ими ради сомнительного и противоестественного блага личного бессмертия. (51)

Бессмертие ещё хуже смерти. Получив бессмертие, личность перестаёт быть личностью, она лишается конца, а значит, и начала. Личность связана с историей, со своим временем. А становясь вечной она отрывается от мгновения, от истории, от общественного бытия. (52)

Зачем гадать, нужно ли бессмертие, разве оно возможно? Но дело не в этом, а в том, нужно ли? Не таит ли оно в себе философскую бессмыслицу? Не противоречит ли оно нравственной сущности человека? (53)

Помимо физической усталости, есть духовная, нравственная усталость. Духовный интеллектуальный организм вовсе не приспособлен для очень длительной жизни. (54)

Желание быть бессмертным, в сущности, неэтично, оно противоречит нравственной сущности человека. Отодвинуть свой конец – это одно, но лишить себя конца, приобщиться к бесконечности – это значит освободить себя от времени, противопоставить себя жизни, всему её смыслу. (55)

А. А. Г о р б о в с к и й

(1930 – 2003 гг.)

Никогда не стал бы человек тем, что он есть, если бы ограничивался лишь причитаниями. (1)

Надежда никогда не умирала с теми, кто надеялся, а вера – с теми, кто веровал. (2)

На смену одним заботам всегда приходят другие. (3)

Вот урок, который умный человек выносит из того, что видит, и из того, что происходит у него перед глазами: никогда не спешить и не примыкать ни к той, ни к другой стороне до той самой минуты, последней минуты, когда весы судьбы придут в движение. И только тогда, на миг раньше всех остальных, он должен понять, что угодно судьбе и сделать правильный выбор. (4)

Запомните: не были тщетны высокие подвиги ума и сердца, даже если о них никто не узнал и они не изменили мира. Всё это были ступени развития человечества. (5)

Обычно себе человек бывает склонен верить больше, чем любому иному авторитету. (6)

Абсолютное знание (или абсолютная истина) не может быть исчерпано, путь к нему бесконечен. Сейчас мы находимся где-то на отрезке этого бесконечного пути. Нам известно, сколь недавно началась эпоха человеческого познания. Следовательно, часть, которая осталась позади, должна быть несоизмеримо меньше той, которая находится впереди. Поэтому, чем дальше от наших сегодняшних представлений то или иное допущение, тем ближе должно быть оно к истине. (7)

Заблуждения дают пышные всходы в любой области человеческой деятельности. (8)

Интеллектуальное бессилие, к которому ведёт идеологическая заданность, очевидно. (9)

Упорство мысли достойно уважения само по себе. (10)

Возможно, в будущем на вопрос о возрасте человек будет называть совершённое, достигнутое им, а не меру биологического своего бытия. Это и есть истинный возраст человека – его духовный возраст. (11)

Не следует забывать: то, что сегодня нам представляется невероятным, вовсе не казалось таким людям, жившим в прежнее время. (12)

Конечно, сегодня нетрудно было бы упрекнуть людей, живших когда-то, в легковерии и наивности. Но не будем спешить делать это. Кто знает, в чём смогут упрекнуть нас самих те, кто будет жить через столько же веков после нас? (13)

С чего начинает наука изучение любого явления? С попыток его систематизации. (14)

Весьма навязчиво стремление человека непременно получить ответы на все вопросы, чтобы освободиться от малейшей неопределённости. (15)

Почему перед лицом любой неизвестности испытываем мы это невротическое чувство напряжённости и дискомфорта? Не память ли это, притаившаяся в генах, первобытного

пещерного страха перед всем неведомым и неизвестным? Непонятное – угрожает, неведомое – несёт гибель, неизвестное – всегда враг! (16)

Не потому ли с такой готовностью обращаемся мы к различным гипотезам, версиям и объяснениям, что они освобождают нас от бремени неведомого и неизвестного? (17)

Набор догм, которые прочно вросли в сознание человека, формирует мир, в котором он живёт и вне которого себя не мыслит. Когда же возникает нечто, грозящее разрушить его, инерция сознания стремится защитить этот привычный мир так же, как любой из нас старался бы защитить дом, в котором он живёт, если бы что-то угрожало разрушить его. (18)

Думаю, что, как ребёнок, взрослея, перестаёт бояться темноты, так и человек, более зрелый духовно, научится существовать рядом с тайной, не оскорбляя её своим любопытством. Я говорю о человеке, свободном от навязчивого стремления всё понять, во всём разобраться, всему дать анализ. (19)

Только мартышка каждый предмет, оказавшийся в поле её зрения, пытается раскусить, обнюхать или попробовать его на зуб. (20)

Часто бывает, что открытие начинается с сомнения. (21)

Как ни странно, когда речь заходит о сроках предполагаемого открытия, многие учёные проявляют заметный скептицизм и сдержанность. (22)

Одно дело – утверждать, что проблема разрешима в принципе, и другое – назвать конкретные сроки её решения. Правда, смелость нигде не нужна так, как в науке. (23)

Большой актёр ни разу не повторяется, произнося один и тот же текст, каждый раз он вносит в игру что-то новое, чего не было раньше. (24)

Даже тривиальность может быть высказана так, что она прозвучит откровением. (25)

Во всяком скольжении, во всяком хождении по краю есть великий соблазн. (26)

Человеку всегда казалось, что природа поступила несправедливо, отведя ему столь краткое существование и обрекая его смерти. (27)

Бессмертие индивида и эволюция человечества исключают друг друга. (28)

Мечта об осуществлённом бессмертии и есть та прекрасная неправдоподобность, которая оказывается дороже привычных истин, валяющихся под ногами. (29)

В необозримо отдалённом будущем, приблизившись к вершинам своей эволюции, человек обретёт, возможно, нравственное право на то, чтоб существовать вечно. Тогда бессмертие явится не наградой за ухищрения человеческого ума, а биологическим венцом всей его нравственной эволюции. (30)

Рыба обитает в воде. Жизнь для неё кончается за её пределами. Человек живёт в привычной ему среде – в пространстве и времени, которые воспринимают его органы чувств. Способен ли он представить себе жизнь и какие-то существа, пребывающие за пределами, очерченными его восприятием? (31)

Для того, кто оказался по ту сторону черты, и печали и разочарования этой жизни воспринимаются, очевидно, в иных масштабах. (32)

У человека нередко возникает в жизни чувство, будто то, что с ним произошло, случилось не с ним, а с кем-то другим, чья судьба ему вообще-то достаточно безразлична. (33)

В. В. Г р и г о р ь е в

(1934 – 1999 гг.)

Будущее без неожиданностей – скучное будущее. (1)

Как только радость становится обычным состоянием, нормой быта, она перестаёт быть радостью. (2)

Некоторые считают, что природа бесконечна и полна парадоксов. Пусть! Природа гармонична, парадоксы вносим в неё мы сами. (3)

Наука сильна повторяющимися эффектами, в них верит, на них зиждется. (4)

Если не хочешь отставать от тех, кто задаёт тон в науке, нужно не меньше их и работать. (5)

Изобретательство, как и всякая творческая работа, несовместимо с бездушием и казёнщиной. (6)

Человеческие отношения, как и математические построения, основаны на аксиомах, принятых на веру. (7)

Наблюдать своими глазами – одно, а открыть глаза людям – другое, дело мозговитое, требующее большой обходительности. (8)

Обострённые дискуссии и борьба мнений, как правило, переходят на личности. (9)

Для вечности любой срок – мгновение. (10)

А. Г. Г р о м о в а

(1916 – 1981 гг.)

Только любовь, дружба, извечные, простые чувства, естественно и крепко соединяют людей и дают им силу жить. Только они могут противостоять гибели и хаосу. (1)

Разобщённость, взаимное непонимание и недоверие – это смертельно опасная болезнь, поразившая человечество. Мир гибнет от этой разобщённости, и его не спасти никакими, пусть тысячу раз правильными призывами. Только внутри человека может родиться сопротивление, только любовь и дружба помогут преодолеть недоверие и бессмысленную вражду. (2)

Нет ничего более ненадёжного, чем все эти мифические общие цели в нашем разобщённом и враждующем мире. Людей труднее всего заставить действовать во имя их собственного блага, это давно было известно. А сейчас – тем более: ведь сейчас понятия о добре и зле так противоречивы и опасно запутаны, как никогда ещё не бывало в истории человечества. (3)

Мир можно спасти не мифическими «совместными усилиями», этим бумажным копьём, нацеленным в пустоту, а чувством личной ответственности за своё конкретное дело. (4)

Очень плохо бояться ответственности, от этого очень много зла на земле. Но ещё хуже брать на себя ответственность за то, что неминуемо выскользнет из-под твоего контроля. (5)

Первые проявления будущего всегда непривычны, часто смешны, иногда страшны. Потом они входят в норму, и их перестают замечать. Но до того как они станут обычными, они проходят долгий путь и выглядят, может быть, совсем не так, как вначале. (6)

То, как складывается наша жизнь, в одинаковой мере определяется и внешними обстоятельствами и особенностями нашей психики. (7)

Просто свойство человека – надеяться вопреки всему. (8)

Психика включает воспоминания, как защитное устройство. Это страховка. Очень остроумно устроила природа: подсовывает нам прошлое, любое прошлое, чтобы мы могли позабыть о настоящем. (9)

Эгоисты всегда знают только то, что их устраивает, остальное они прекрасно умеют не замечать. (10)

Слабый ищет защиту у сильного, а тот милостиво снисходит. (11)

Герои бывают разные. Но почему-то принято считать, что герой – это тот, кто ничего не боится. Но едва ли есть на свете люди, которым так уж никогда и не страшно. (12)

Сила и доброта – вот что держит нас всех, вот что помогает нам жить. (13)

Любовь между родителями и детьми – чувство сложное и обычно одностороннее. (14)

Если от любви и дружбы, даже самой искренней, требовать слишком многого, она неизбежно надломится. Таков уж закон жизни. Это всё равно, что впрячь скаковую лошадь в телегу ломовика. (15)

Если ты попробуешь отгородиться любовью от всего мира и видеть в ней единственное спасение и единственную подлинную ценность, ты проиграешь неминуемо. Проиграешь, как ты ни цепляйся за эту любовь! (16)

Есть ведь границы всему, даже дружбе! Нельзя же насильно вторгаться в душу человека и переделывать там всё по своему вкусу. (17)

У запаха наибольшая власть воскрешать прошлое. (18)

Что толку быть прежним? Человек тем и силён, что может примениться к обстановке. А тот, кто не может, не знает, как ему дальше жить и что делать. (19)

В самой сильной и верной любви есть свои чёрные дни, есть полосы кризисов. (20)

Разумное существо без чувства юмора немыслимо. (21)

Старика уже собственная кровь не греет, а он всё цепляется за жизнь. (22)

Бессмысленно надеяться на то, что всё само как-то уладится превосходнейшим образом. (23)

Вера вне логики, вне фактов. (24)

Положительно, всё к лучшему в этом лучшем из миров, даже то, что он, этот наш распрекрасный, безнадёжно запутанный мир валится в тартарары, туда ему и дорога! (25)

Е. А. Г р у ш к о

(1952 г.р.)

В каждом литературном произведении надо не только рассказать о чём-то, но и сказать что-то. (1)

Всех людей заботит, печалит, тревожит и радует одно и то же. Любовь, добро и зло. Все стихи об этом. Всегда. (2)

Все стихи об одном, но каждый говорит по-своему, у каждого своё слово. Ведь и любовь для одного – шутка, игра, а для другого – мучение, смерть... (3)

Г. И. Г у р е в и ч

(1917 – 1998 гг.)

Время само по себе не имеет содержания. Человек наполняет время. (1)

Нужно ждать завтрашний день с нетерпением. Иначе нельзя – раскиснешь, опустишься. Придёт хандра, потом лень, потом болезни. (2)

Счастье – это горизонт. Счастье – то, к чему тянешься и не можешь дотянуться. Счастье – это мечта. (3)

Жизнь не сплошные букеты цветов. Впрочем, даже в букете роз рядом с цветами шипы. (4)

Любая перемена что-то даёт и что-то отнимает. Если вы сожгли дерево в печке, вы отогрелись, но дерево-то спалили. (5)

За всё на свете надо платить, а кто платит, тот тратит. (6)

Что лучше – счастье плюс горе или нейтральный покой, пустой, круглый ноль? (7)

Жизнь измеряется делами, а не годами. (8)

Для того чтобы завоевать жизненный успех, необходимо иметь ярко выраженные инстинкты. (9)

Земной человек рождён для Земли, счастлив может быть только на Земле, за её пределами расчеловечится. (10)

Чем сложнее машина, тем больше вариантов порчи. (11)

Человеку не свойственно тупое довольство, всегда хочется неиспробованного. (12)

Самодовольство – признак ограниченности. (13)

Так называемых «нормальных людей» в природе не существует. Все люди – от рождения маньяки и психопаты. Те из них, которые не умеют сдерживать свои инстинкты, попадают в «жёлтый» дом, а кто умеет сдерживать, ходят на свободе. Но так как сдерживать себя, бороться с собой и притворяться нормальным очень неприятно, то скрытые сумасшедшие глубоко несчастны в жизни. (14)

С людьми нужно ладить, нужно помогать им зарабатывать, а не драться. (15)

Общественная жизнь требует вежливости. Только дикарь-одиночка решал все споры зубами и кулаками. Жители многолюдных поселений научились держать руки на привязи, без этого жить рядом нельзя. Душу отводили только руганью. Люди же культурные научились держать язык на привязи, вообще не ругаться, без этого дела обсуждать нельзя. (16)

Видите, как идёт история: чем теснее общение, тем больше требуется сдержанности. Человек будущего должен и мысли свои воспитать, никого не оскорблять даже мысленно. За то ему достанется преимущество коллективного думанья. Мусор люди выбросят из головы, мозг будут содержать в опрятности. Без этого нельзя приглашать чужого в свои мысли. (17)

Таков закон общественного поведения: полная свобода, но в определённых рамках. Неразумным рамки ставит кто-то другой, разумный ставит себе рамки сам. (18)

Смысл общества в разделение труда. (19)

Настоящий американец не размышляет, а энергично действует. Он делает свой бизнес. У него есть ясная цель – разбогатеть. (20)

Психоаналитик о миролюбивом человеке мог бы сказать, что в нём наличествует инстинктивное стремление беззащитного травоядного к вечному миру и вегетарианству. (21)

Тому, кто добывает деньги головой, повезло – это приятно и почётно. А у того, кто сидит в правительстве, нет ничего, кроме должности. Вот он и выжимает деньги из своего кресла. (22)

Властьимущих пугает самостоятельная мысль. Они считают это опасным и боятся думающих. (23)

Тенденция – это не роковая неизбежность. Тенденции можно и сопротивляться. (24)

Чтобы сохранить человечество, надо менять человека. Такая вот правда. (25)

В сущности сильный должен быть добрым именно потому, что он сильный, может и себя обеспечить, и слабенькому помочь. (26)

Вчерашний день не воротишь, разбитое сердце не склеивается. (27)

Мужчины любят говорить о себе, а женщины – слушать, когда говорят о них. «О них», а не «для них». (28)

Разглагольствовать перед сочувствующей женщиной, внимательно смотрящей тебе в рот, – заманчивая возможность для мужчины. (29)

Женщины тверды в своих взглядах, мнение составляют быстро, меняют с трудом. (30)

Женщина слабее, женщина деликатнее, и право выбора принадлежит ей. Не навязывай своё общество, не будь назойливым. Если помощь понадобится, тебя позовут. (31)

Если любишь, надо быть вместе, использовать каждую возможность. (32)

Нельзя дарить что попало, что на глаза попалось. Надо угадать затаённые мечты. (33)

Эх, не проходит, никогда не проходит бесследно несостоявшаяся первая любовь! (34)

Кто меняется, тому изменяют. (35)

Письмо само по себе – символ разрыва. В наше время, когда так легко связаться по телефону, пишут, если не хотят слышать и не хотят видеться. (36)

Часто ли супруги перестраивают свой характер ради семейного счастья? Любовь требовательна: «Давай люби меня, каков я есть!» (37)

Мы теряем любимых девушек: вступая в брак, взамен получаем матрон. (38)

Чужие дети не заменят своих. (39)

Нет никаких заслуг в том, чтобы заниматься несвоевременными проблемами. (40)

Вот какая трудность в этом мире: если хочешь, чтобы к тебе прислушивались, не бросай слова на ветер. Если хочешь, чтобы ценили, не мельчись с услугами. Делай услуги, не услужничай. (41)

Угодить не угодничая – вот золотой рецепт поведения. (42)

Любой человек несчастлив без движения, без продвижения. Человеку скучно повторять себя, он должен расти вверх, вширь, вглубь, куда-нибудь расти. Не обязательно обгонять других, но себя превзойти обязательно. Скучно и стыдно стоять на месте. (43)

Думаю, каждому человеку полезно остановиться в середине жизни и спросить себя – не обязательно записывая: «Что я успел? То ли я делаю? И что могу ещё успеть?» (44)

Нужно время от времени жизнь начинать заново. (45)

Кто самолюбив, больше всего на свете ценит одобрение окружающих. И в этом нет ничего плохого. Добиваться одобрения – естественно для человека. Тебя одобряют, значит, ты делаешь то, что нужно. (46)

Одобрение – это индикатор общественной полезности. Похвально добиваться похвал. Это значит соотносить своё поведение с оценкой окружающих. Не для одного себя живёшь, в конце концов. (47)

Страшно потерять уверенность в себе, когда рост твой вымерен и потолок оказывается у самой макушки. Очень грустно – упираться головой в потолок. Чтобы быть счастливым, человек должен расти – вверх, вширь, вглубь, – но расти непременно, делать больше, делать лучше, делать иначе, делать поновому, только не повторять. (48)

Жизнь – движение, остановка – начало тления. Остановившийся начинает тут же пятиться. (49)

Слава – это форма признания, а признание – всего лишь ступенька к большим делам. (50)

Слава – это признание твоего редкостного умения делать нужное дело. Если писатель знаменит, это означает, что книги его очень нужны. Артист знаменит – его игра радует зрителей во всех странах. (51)

День-два наслаждаешься фимиамом, потом всеобщее внимание надоедает и в конце концов начинает раздражать. Скучна роль музейного экземпляра на посмотрение. (52)

За свои старания я хочу получать натуральную оплату радостными улыбками... а не заочным признанием где-то когда-нибудь в обмен за кислые мины окружающих. (53)

Тонуть в кресле вдумчивого спокойствия – приятное занятие. (54)

Людям свойственно уважать упорство, даже не очень разумное. (55)

Посредственный талант нуждается в рекламе, подлинный всем бросается в глаза. (56)

Когда мысли теснятся в голове, вспыхивают и тают, спорят, опровергая друг друга, – это творчество, это рождение идеи, самое глубокое наслаждение, доступное человеку. (57)

В минуту опасности человек становится откровеннее, показывает своё подлинное лицо: патриот спасает знамя, трус – свою шкуру, скупец – деньги, изобретатель – расчёты и чертежи. (58)

Неожиданность и простота – в том краса математики. И в физике – простой и ясный закон. Почему простота для нас красива? Думаю, что это чисто человеческая черта. Природа-то сложна невероятно, но мы жаждем простоты, мы радуемся простоте – неожиданной лёгкости. (59)

Знание не только сила, но ещё и товар. Можно кормиться, продавая правильные знания, а можно подсовывать и неправильные, выдавая их за истину. При этом покупателю необходимо внушать, что товар у тебя добротный, высшего качества, что у тебя никогда не бывает гнилья, а вот у конкурентов сплошь плесень и отрава. (60)

Это очень хорошо усвоили продавцы истины в древние времена (жрецами их называли). И они очень заботились о монополии на продажу истины, отвергали, отлучали и побивали камнями искателей ошибок: и предлагающих поправки к божественной истине – еретиков, и там более – опровергателей (безбожников). (61)

К счастью, мы живём не в те времена. Гневные защитники истины в нашем веке не посылают еретиков на костёр – это не принято в научных кругах. Но есть заинтересованные стороны, склонные невольно, подсознательно настаивать на решении, выгодном для себя, для своего круга, своей области, для своих друзей, для себя лично. (62)

Скептики вообще народ осторожный, публично ругаться не любят, предпочитают в учёных комиссиях высказывать вежливые сомнения. (63)

Эх и эх! Рассуждают о божественном, а логика всё та же: упорное, страстное, непреклонное отстаивание собственной правоты, своих закоренелых ошибок, каждого своего слова, каждой запятой. (64)

Ох, зловредны эти ошибки от нежелания! Я сам из таких отчасти, подмечаю иногда. Да, все мы ценим истину, ищем истину, восхваляем истину, воспеваем истину, трудимся в поисках истины и очень ценим свои труды. Неприятно же вычёркивать страницы и главы, выбрасывать в мусорную корзину часы, дни и годы; неприятно и даже стыдно публично признаваться в своих ошибках, оповещать научные круги, что твоему мнению нельзя доверять беспрекословно. Так хочется найти довод в свою пользу, хотя бы малейший. И доводы находятся. Малые, но весомые, веские, даже перевешивающие, даже решающие, даже неотразимые. И оказывается, что прав был я, только я прав, не правы поправляющие, их поправки не верны, вредны, нечестны, откровенно преступны. (65)

Что такое жизнь без ошибок? Это рот без зубов. Не бывает больно, не бывает и приятно. (66)

Причин у ошибок только три – незнание, неумение и нежелание. (67)

Следует различать три вида незнания – всеобщее, групповое и личное. Всеобщее понятнее всего – мировая наука не дошла. Никто ничего не знает, и баста! Личное: я не знаю достижений мировой науки, не всё выловил из океана информации. Групповое: я специалист, и я не знаю новинок чужой специальности. (68)

Вся деятельность учёных и есть поиск истины – значит, истиноведение только другое название для науки. А ошибковедение – третье название, потому что ошибки есть во всех науках, все заняты искоренением ошибок. (69)

И самое главное, на надо воображать, что ты первый учёный на Земле. Тысячи лет люди исследуют природу, кое в чём разобрались сообща, международным коллективом. Наука не создаётся одиночками. (70)

В науке все стоят на плечах у предыдущего поколения. (71)

Каждое умолчание обедняют истину, вносит дефекты в конечные выводы. (72)

Тугодум, осторожный и холодный тугодум, как все пожилые, холоднокровные тугодумы, склонен к проверенным, испытанным решениям. Новшества он воспринимает с подозрением, непривычное будет долго взвешивать, выверять, откладывать. (73)

Красть правду – это самое вредное воровство, хуже, чем красть кошельки в толкучке. (74)

«Научные» руководители любят, чтобы работа аспирантов входила как глава в их монографию. (75)

Студент должен осваивать достижения прошлого, взобравшись на плечи предыдущего поколения. (76)

Почему в институте мы «сдаём» предметы, вместо того чтобы их изучать? Торопимся получить диплом, торопимся зарабатывать, делать дела? Набиваем голову поверхностными сведениями, чтобы предъявить их на экзамене, показать товар лицом, получить выгодную отметку и тут же забыть всё. (77)

Шире не значит глубже. Хуже того: твоя широта наводит на подозрение, что глубины у тебя нет. (78)

Расползание вширь связано с неумением овладеть глубиной. (79)

Большое достоинство – сразу видеть всё и сразу же видеть главное. (80)

Каждый человек оценивает факты по-своему, видит то же самое другими глазами. (81)

Чтобы знать предмет твёрдо, надо думать о нём, надо пускать знания в дело. Бесполезное мозг выталкивает, освобождая место для нужного и интересного. (82)

Необязательно на собственном опыте убеждаться, что огонь обжигает, что от обжорства болит живот. Что-то можно узнать и от других. (83)

Ребёнку остро необходима новизна. Его жизненная задача – ориентироваться в этом мире. Нужно увидеть как можно больше, как можно больше фактов, предметов, не вдаваясь в глубину. Название, назначение, короткая характеристика: хороший или плохой, добрый или злой и опасный. И скорее – дальше-дальше-дальше, к следующему предмету, человеку, явлению, событию. Не все взрослые понимают эту тягу за горизонт, ворчат: «Ребёнок не умеет сосредоточиться, бросает игрушки, поиграл разок, надоело». Да так и следует. Зачем же сосредотачиваться на одной игрушке? Мир осмотреть надо сначала, весь мир, игрушечный и настоящий. (84)

Неумолимая педагогичность основана на твёрдой вере в однозначность истины, в то, что хорошее для тебя для всех хорошо и обязательно. (85)

Ребёнок о каждой букве думает, прежде чем сложить из неё слово, мы же, взрослые, скользим по строкам, слизывая смысл на ходу. (86)

Вундеркинды бывают в тех профессиях, где сумма знаний не очень велика и всё решают способности и умение. (87)

Еда для детей – не радость, а обязанность. (88)

Когда приходит новое, мы говорим о нём старыми словами. Мы называем танк цистерной – *tank*, автомобиль – тележной – *car*. (89)

Представьте себе, что вы изучили новый язык: французский, немецкий или, скажем, русский. И вот перед вами открылась целая страна. Вы можете прочесть тысячи книг – об истории, нравах, о быте, познакомиться с классической и новой литературой, с техническими журналами, проштудировать авторов, известных только понаслышке. (90)

Лучше переиздавать классику, чем перепевать её. (91)

Мысли – это только черновики рассуждения. Отредактированное выражают словами. (92)

Тесноватый кабинет удобен для тесного общения. В обширном зале налёт официальности, люди теряются. Зал влечёт к громким речам, отпугивает задушевную откровенность. Откровенничают люди в уютной комнатке. Шторы на окнах тоже для уюта, для доверительности, чтобы свет не будоражил, уличный грохот не отвлекал. (93)

Музыканту нужен особо чувствительный слух, особая отзывчивость эмоций на музыкальные образы, изощрённая оперативная память, надёжная, долговременная, чёткое чувство времени (биологические часы), гибкость и проворство пальцев. (94)

Мышлению нашему понятнее рисование, чем цвет. Глазами мы видим цветовые пятна, но осмысливаем контуры. (95)

Рисуя, смакуешь красоту, всматриваешься, вчитываешься в каждый листок-лепесток. Ездок – это грубый едок, пожиратель ландшафтов, а художник – он пешеход, гурман, дегустатор красоты. Он не глотает, а пробует, не насыщается – наслаждается. (96)

Архитектура прежде всего искусство, художество, и сильно оно художественной выразительностью, должно волновать, брать за живое, душу задевать. Это и есть единственный критерий, главная проверка художественности: задевает или не задевает, не профана, конечно, а мастера-знатока. (97)

Не надо стесняться использовать увражи старых мастеров, потому что у красоты есть свои законы, они были найдены античными зодчими, а всякие новации – только отклонение от идеала. (98)

Не стыдно повторять хорошее, стыдно навязывать своё плохое. (99)

Человек – часть природы, связь его с природой неразрывна, вне природы человек расчеловечивается, губя природу, губит себя. И жилище должно не отгораживать человека от природы, а связывать его с окружающей средой. (100)

Архитектура – это организация естественного пространства. (101)

Многообразие многотрудно, ёмко, трудоёмко. (102)

С годами радостей всё меньше, хотя бы оттого, что здоровье хуже, силы убавляются. (103)

Тот, кто пропитан медицинскими предрассудками, считает, что человек имеет право умереть только от тяжёлой болезни. (104)

В медицине есть правило: если есть орган, значит, есть и болезни этого органа. (105)

Нет лекарства лучше лесной тишины. (106)

Жизнь – трудная вещь, и не всё в ней распределено по справедливости. Радости и удовольствия скапливаются в начале, заботы и болезни – во второй половине. (107)

Н. А. Д а ш к и е в

(1921 – 1976 гг.)

Разве не сочувствовали вы мотыльку-однодневке? Мол, бедолага: не успел родиться – и уже умирай. Но ведь для такого мотылька несколько часов его существования целиком равносильны продолжительной человеческой жизни; каждая его секунда так же содержательна, как для нас с вами сутки. (1)

Жизнь нам кажется короткой только потому, что с годами мы утрачиваем свежесть восприятия, то есть у нас слабеет память. Память! Это – самый ценный дар высшего разума, его самый острый инструмент. А мы её совсем не ценим, не бережём. (2)

Бывают минуты большого возбуждения, когда человек, совершив ряд поступков, позже не может вспомнить ничего, кроме самого главного. Сознание, направленное на выполнение задачи, обходит несущественное, не фиксирует деталей. (3)

Почему в детстве время тянется так медленно? Да потому, что для ребёнка всё неведомо, всё ново. Его память жадно вбирает всё увиденное и услышанное; ещё не загромождённый мозг работает чётко и по первому требованию готов восстановить всю последовательность событий. На такое воспроизведение ассоциаций нервной системе необходима тысячная доля секунды, но сами оне и являются масштабом времени для нашего сознания. А теперь возьмите взрослого. Для него неожиданностей уже нет. Внимание пренебрегает давно известными подробностями, в памяти фиксируются только самые важные события дня. А их маловато, процесс припоминания длится уже не тысячную, а миллионную долю секунды. Вот и кажется, что день пронёсся, как метеор. (4)

Чем однообразнее ваша жизнь, тем быстрее она пройдёт. (5)

Человеческая память несовершенна. (6)

Какой же смысл имеет долголетие, если человек неспособен разумно использовать время своего существования? (7)

Уважая чужое время, бережёшь и собственное! (8)

Глядя на что-нибудь очень привычное, мы часто не замечаем чего-то чрезвычайно важного. (9)

В привычном, обыденном найти неожиданные черты в сто раз труднее, чем в чём-нибудь увиденном впервые. (10)

Молодость любит красивые слова, зрелость показывает себя в деле. (11)

Старикам всегда кажется, что даже сахар в дни их молодости был слаще. (12)

Старость скупа. Она бережёт всё, что так бездумно транжирит молодость: силу, здоровье, любовь. (13)

Человек, потерявший любовь к жизни, вряд ли будет жить долго. (14)

Как часто бывает, что человек страдает, тяготится жизнью, а горе-то воображаемое. (15)

У каждого в жизни бывает последний рубеж, дальше которого продвинуться уже нельзя. (16)

Говори или не говори – что в словах толку? Правоту доказывают делами. (17)

Иногда молчание говорит об отношении к человеку гораздо больше, чем бесконечные разговоры. (18)

Привычка рассуждать с самим собой – хорошая вещь: так почему-то легче находится правильное решение. (19)

Сила человеческого слова такова, что навеянное, навязанное чужой волей порой становится более реальным, чем действительность. (20)

Глупый кричит, а умный слушает, и иногда так можно услышать очень полезные вещи. (21)

Если человек не вникает в ненужные разговоры, это обычно воспринимается как признак большого ума. (22)

Разгневанный человек непременно выскажет всё, о чём следовало бы молчать. А скрытые мысли, накапливаясь, приводят иногда к безрассудным поступкам. (23)

Против насмешек не выстоит ни ругань, ни проклятия. На них можно ответить лишь презрительным молчанием. (24)

Подслушивающий часто слышит о себе неприятные вещи. (25)

Холодные вежливые фразы не обязывают ни к чему, никого не связывают. (26)

Различные языки существуют как бы нарочно, чтобы люди не могли понимать друг друга. Но каждое слово на любом языке может звучать поразному. Незначительное изменение в ударении, сила, тембр звука определяют не только содержание слова, но и отношение одного человека к другому. И эти оттенки воспринимаются не ухом, а сердцем. (27)

Печатное слово – только бледный отпечаток слова живого. Если бы с помощью хитроумных значков удалось зафиксировать, а потом воспроизвести интонации, тембр и силу каждого звука, мы не могли бы понять, почему иногда самая будничная фраза приобретает такую глубину содержания, что для её расшифровки нужно написать целый роман, а патетика и лирика подчас наталкиваются на стену безразличия и разлетаются во все стороны блестящими холодными осколками. (28)

Оружие без действия ржавеет, мышцы бездельника теряют силу, а человек, выросший, как цветок в теплице, плохо приспособлен к жизни с её борьбой. (29)

Лишь тренировкой, как бы болезненна и утомительна она ни была, можно вернуть к жизни почти мёртвые ткани. (30)

Как же долго тянется время, когда ждёшь! (31)

Длительное ожидание расхолаживает. (32)

Вечное лето, как и жизнь без борьбы, может быть и приятно, но быстро надоедает. (33)

В безрадостные минуты, когда кажется, что жизнь прожита напрасно, человек привыкает успокаивать себя воспоминаниями. (34)

Живым – жить и смеяться. Зачем вспоминать тоскливое и печальное? (35)

Нужно защищать своё право на счастье. (36)

Почему так бывает – одному везёт сызмала, а другому приходится собственное счастье выгрызать зубами, выцарапывать когтями. А оно – гладенькое, кругленькое – выскользнет, да и покатится прочь... Ищи тогда ветра в поле! (37)

Вколоченное в голову с детства не рассеивается за несколько дней. (38)

В жизни каждого человека однажды наступает тот неизбежный переломный этап, когда накопившиеся на протяжении многих лет изменения в физиологии, психологии, общественных отношениях, возможностях и потребностях начинают вырываться из установленных границ, требуя формирования совсем иного сознания. (39)

Сбываясь и приобретая тем очертания, мечта не умирает, – она только вырывается из своей оболочки и забегает вперёд, чтобы звать оттуда! Так вот, догоняй её! (40)

Мечты всегда ярче действительности, – что и хорошо, ведь оне должны зажечь и вдохновить человека. Мгновенное исполнение желаний возможно только в сказке, а на деле для осуществления мечты иногда приходится отдавать целую жизнь! (41)

Случай приходит на помощь тому, кто его ищет. (42)

Случайность кажется непредвиденным, неконтролируемым явлением только потому, что не удаётся учесть всё до мельчайших обстоятельств, проанализировать и прошлое и настоящее. (43)

Осуществившееся, воплотившееся всегда представляется несколько неудачным. (44)

Обрушить лавину может и мальчик, а вот остановить её уже не сможет никто. (45)

Резонанс! С ним шутки плохи: слабейшие периодичные колебания при некоторых условиях беспредельно разрастаются, приобретают разрушительную силу. (46)

Каждая машина имеет вполне определённые возможности, и за пределы своих лошадиных сил не переступит. А человеческие силы – неисчерпаемы. В ответственные минуты своей жизни человек способен творить чудеса. (47)

Бриллиант ценится не так за его красоту, как за уникальность. (48)

Всё в жизни продаётся, всё; только на разные вещи и цена разная. (49)

Рассказывать свою биографию человеку, с которым только что познакомился, можно только спьяну, либо с целью вызвать собеседника на такую же откровенность. (50)

Злодеями не рождаются. Злодеями становятся в результате длительного ряда неблагоприятных обстоятельств, а прежде всего, через чьё-то нежелательное влияние. (51)

Никто, кроме подлецов, не решится издеваться над чужой бедой. (52)

Ненависть очень часто слепа, страшна своей безрассудностью. (53)

Только настоящая дружба помогает более-менее спокойно переносить тяготы и невзгоды. Грубоватая шутка или даже молчаливое пожатие руки могут рассеять дурное настроение, возвратить к тому состоянию грустного оптимизма, которое поддерживает «среднего» человека призраком счастливого случая. (54)

Но попробуйте-ка не думать о белом медведе, если кто-нибудь вам это запретит! (55)

Внешность человека – очень серьёзная штука. (56)

Красота необходима женщинам, это их оружие в борьбе за жизнь. Мужчине достаточно быть сильным, настойчивым и деловитым. Каждый стремится к тому, чего ему не хватает, так и счастья в жизни можно добиться только соединением двух противоположных качеств. (57)

Любовь с первого взгляда – вещь романтическая. Да вот только и рушится она зачастую после первой же ссоры. (58)

Слепая любовь враждебно относится ко всему, что только пытается её остановить. Самые убедительные доводы пропадают зря, так как их пропускают мимо ушей. Лишь после, когда пройдёт радостное опьянение и наступит тяжёлое похмелье, до сознания человека доходит то, на что ему следовало обратить внимание давно. (59)

Чувство – не бумажка: не сомнёшь, не сожжёшь, не развеешь в чистом поле. (60)

Влюблённая девушка сразу замечает малейшую угрозу своему счастью. (61)

Любовь, как и дружба, проверяется не в миг веселья, а в трудные минуты. (62)

Каждой женщине немножко хочется быть похищенной, хотя бы от самой себя. Это романтика, дань нежного и чуткого энергичному и сильному. (63)

Юность – пламенна и легкомысленна: она не может сдерживать своих желаний и очень неуклюже прячет чувства. Только зрелость может, не теряя глубины и силы порывов, умело их маскировать. (64)

У человека, скованного в желаниях, сильные порывы. (65)

Любовь – как пожар: она разгорается даже от дуновений холодного ветра. (66)

Говорит не только язык. Свой язык имеют и глаза, и руки, и всё тело. (67)

Вы не смотрите ни на что, а видите всё. Видите, не анализируя и не доискиваясь причин. Да и зачем их искать? Любовь избегает разрушающего анализа. Она синтезирует, жадно собирает ощущения, чтобы вдохновенно приукрасить и объединить в чарующий образ лучшего в мире человека. (68)

И правда, что делает одну или одного самыми милыми, самыми дорогими на свете, ради кого человек побеждает самый сильный животный инстинкт – инстинкт самосохранения и готов отдать свою жизнь, лишь бы жил любимый? Почему все прочие блекнут в сравнении с избранником, хотя на самом деле они порой гораздо красивее, умнее, привлекательнее его? Может, дело совсем не в избраннике, а в том, какой именно образ создало воображение влюблённого? (69)

Любовь... Она может быть небольшой или великою, счастливой или несчастною. Однако её не разложишь на составляющие, не измеришь, не проанализируешь, ведь сухое

прикосновение логики разрушит радужную оболочку и останется, как от мыльного пузыря, лишь прозаичный, серый туман. (70)

Образованная, чуткая, любящая женщина умеет отыскивать те нежные слова, которые обезоруживают мужчину во время семейных невзгод и, наоборот, вооружают в минуты, когда ему нужны силы для борьбы. (71)

Выходя замуж не по любви, женщина продаёт себя. (72)

Самые умные родители, как правило, теряют здравый смысл, когда речь идёт о воспитании собственного ребёнка. Они не знают меры ни в чём – ни в заботах, ни в беспокойстве, – закрывают глаза на плохое или, наоборот, выискивают недостатки там, где их нет. (73)

Может быть, дети никогда не оправдывают отцовских ожиданий. Зато они в свою очередь становятся отцами, и тогда их постигает та же участь. (74)

Дети должны быть лучше отцов, иначе останавливается прогресс. (75)

Такова доля большинства вундеркиндов: далеко опередив своих сверстников, они какое-то время демонстрируют невероятные для своего возраста достижения и успехи, но крайне редко способны преодолеть рубеж зрелости, не застряв на нём. (76)

Труднее всего одержать победу, когда имеешь дело либо с гением, либо с невероятным дураком: замыслы того и другого совершенно невозможно угадать. А посредственность, в меру своих возможностей, почти всегда придерживается логики. (77)

Храбрых риск не пугает. (78)

Есть такая премудрость: «Дают – бери, а бьют – беги». Лично я придерживаюсь иного правила: не надеяться на милостыню, а на удары отвечать так, чтобы бежал другой. (79)

Хлебнув горя, познав счастье, человек вовсе не собирается отправляться в иной мир и хорошо усваивает, что против хитрого и лукавого врага нужно действовать также осторожно и хитро. (80)

Нападающему лучше. Он свободно выбирает момент и место нападения, может беречь силы до решающей минуты. Обороняющийся должен быть всегда начеку, а напряжённое ожидание нервирует и обессиливает. (81)

Запуганному человеку свойственно преувеличивать опасность, обращать возможное в неизбежное. (82)

Ни один человек не забудет издевательств и не пожелает их повторения. (83)

Не попрошайничеством, а только борьбой можно защитить свою жизнь. (84)

Гадать, ничего не зная, – бессмысленное дело. (85)

Односторонние сведения – никак не гарантия истины! (86)

Неспециалисту в глаза всегда бросаются лишь внешние эффекты. (87)

После долгого наблюдения хаоса в глаза резко бросается малейшая упорядоченность. (88)

Так всегда бывает: поначалу только неисправимые мечтатели да самые гениальные учёные верят в осуществимость, казалось бы, неосуществимого, а люди трезвого ума насмехаются над дерзкой идеей или, в лучшем случае, с безразличием обходят её стороной. А когда мечта становится реальностью, она вмиг теряет свою романтичность, и те же умники пожимают плечами: чему, мол, удивляться; закон природы, так и должно быть. Триумф великого открытия длится всего лишь мгновение: это та минута изумления, когда рушатся прежние представления и усваиваются новые. (89)

В науке всегда так: в глаза раньше всего бросается несущественное, хотя и обряженное в одежды первопричины, а главное скрывается глубоко, ведь иначе бы его уже давно заметили. (90)

Человеческое мышление в общем консервативно от природы; мы сознательно и подспудно цепляемся за законы, провозглашённые кем-то и когда-то. Нам трудно предположить, что тот или иной закон давно уже пора уточнить, а то и выкинуть вон, как ошибочный. Подобное преклонение перед, так сказать, «фактом», перед авторитетом формулы или имени ставит непреодолимые психологические барьеры. (91)

Посредственность всегда логична, разумеется, в меру своих возможностей. (92)

Паузы в творческом процессе просто необходимы, так как человек – не машина. (93)

А разве жизнь должна складываться из одних только побед? Неудачи – и закономерны, и даже неизбежны для тех, кто прокладывает новые пути в науке. (94)

Законы гуманизма священны! (95)

Есть открытия, которые очень напоминают зажатую в кулаке гранату с выдернутою чекою: только разожмёшь пальцы – сразу раздастся взрыв. (96)

Учёные, не экспериментируйте с мозгом! (97)

И вправду чудесный прогресс науки и техники нисколько не сделал людей более счастливыми, а, напротив, вытравил из них остатки человечности, лишил неповторимости, превратив каждого в один из бесчисленных винтиков машины, которая работает только ради самой себя. А кому нужен такой перпетуум мобиле с непрекращающимся и бессмысленным движением на месте? (98)

Время теперь такое, что каждому наплевать на всех остальных. (99)

Закон борьбы за существование суров: воруй и убивай, если не хочешь быть обворованным и убитым. (100)

Гангстер ненавидит своего сообщника, когда приходит время делить награбленное. (101)

Привыкший ползать перед сильными обожает, чтобы перед ним ползали слабые. (102)

Самый богатый и могущественный на планете, по сути, беднее самого несчастного нищего и бессильнее бесправного раба, потому что находится в плену у примитивной, прямолинейной схемы поведения, хотя и не осознаёт этого. (103)

Психологию представителей предпринимательского мира изучить нетрудно: красивыми фразами маскируются подлейшие замыслы. (104)

Болеть за судьбу народную, не делая ничего, чтобы этому народу жилось лучше – не велика заслуга. (105)

Гнёт одной нации над другой не может длиться без конца. (106)

Ни за какие сокровища мира не купишь ни счастья, ни здоровья, ни уваженья людей. (107)

Только добро может искоренить ту несправедливость, которая господствует на земле испокон веков! (108)

И для миллионера, и для безработного вполне достаточно килограмма хлеба и куска мяса в сутки. (109)

Стоит лишь устранить в людях мелкое, эгоистическое, звериное – и на земле воцарится настоящий золотой век. Миллиардер раздаст свои богатства нищим. А нищие устыдятся своего бездельничанья, начнут напряжённо работать. (110)

В любом случае, перед верующим есть хоть какая-то цель. А перед рассудительным атеистом – только пропасть. (111)

Человечество неудержимо катится в пропасть. Дела вершит лишь ничтожная горстка жестоких, энергичных и целеустремлённых, а миллионы безразличных покорно идут за ними, как козы, которые торопятся на бойню вслед за козлом-провокатором. (112)

Л. Д е л ь Р е й

(1915 – 1993 гг.)

Главное не то, что я изучал, а как я думаю. (1)

Неуклюжие сложности – это обычное свойство первых робких попыток. (2)

Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. (3)

Р. Ф. Д ж о у н с

(1915 – 1994 гг.)

Рутинёры-учёные исключили из общепринятых теорий массу полезных сведений. (1)

К сорока годам средний учёный, видимо, приобретает способность инстинктивно отклонять всё, что не соответствует известным ему законам естествознания. Затем эти учёные становятся руководителями факультетов, а те, что моложе их, продолжают исследования и используют информацию, на которую предыдущее поколение не обращало внимания, и делают открытия, мимо которых оно прошло. (2)

Мы как бы воздвигаем плотины в своих умах, или, если угодно, строим там шлюзы, через которые течёт вся масса сведений о физической вселенной. По мере того как мы стараемся и становимся всё более умудрёнными, мы закрываем ворота шлюзов настолько, что уже ничто новое не может попасть в наш мозг. (3)

Каждая научная теория, каждый закон, как бы добросовестно они ни были изложены и объективно доказаны, всегда несут на себе отпечаток личности наблюдателя. (4)

Важно понимать тот факт, что каждый исследователь прежде всего человек и лишь затем учёный. (5)

Учёный должен признавать, что у его возможностей есть граница, иначе можно потратить всю жизнь, пытаясь открыть секрет, как стать невидимкой или беспрепятственно пройти через кирпичную стену. (6)

Всё, что необходимо сделать, это избавиться от лишнего груза предрассудков, от окаменевшего мусора в голове, изменить произвольную настройку наших умственных фильтров в отношении других вещей, которые нам всегда хотелось сделать, и тогда удастся найти нужный ответ на любую проблему, какую мы только пожелаем исследовать. (7)

А. В. Д м и т р у к

(1947 г.р.)

Настоящий археолог роется не только в земле, но и в книгах, и в живой памяти народной. (1)

Целость государства можно сберечь только двумя способами: либо развитой экономикой, либо сильной центральной властью. (2)

Сильная власть требует постоянной лихорадки, особого положения в стране. А для этого призрак угрозы как нельзя более подходит. (3)

Страшная ошибка интеллигента – вера в «простоту», в какое-то мистическое обновление через союз с «дочерью природы». Не достучаться до дикой, примитивной души, закованной в предрассудки. Или эта особа станет рабыней, что быстро прискучивает. (4)

У женщин бывает психология двоякого рода. У одних девичья, у других женская. Зависит от воспитания, от темперамента. Дамы с девичьей психологией считают, что отношения с мужчиной венчаются постелью; оне сами себя превращают в вещь, в ценный приз, которого надо добиваться. Женщины второго рода уверены, что отношения надо начинать с близости, а тело – только инструмент. И это куда мудрее: вопросы секса не приобретают болезненного характера, не заслоняют всё остальное. (5)

Бог действует через законы природы, но никак не иначе. Доказательства другого – нет. (6)

Время массового одичания должно быть оскорбительнее для Творца, чем эпохи открытого зверства. (7)

Удивляюсь привычке людей считать, что каким-то космическим силам есть до нас дело! По-моему, это просто мания величия. Когда летишь над землёй, видишь, насколько незначительное место на ней занимает человек: океаны, горы, пустыни, льды, джунгли, кажется, просто терпят его... Пока что терпят! (8)

* * *

Не достучаться до дикой, примитивной души, закованной в предрассудки. (4)

А. П. Д н е п р о в

(1919 – 1975 гг.)

Философ смотрит на вещи с какой-то очень замысловатой точки зрения. (1)

Науки являются вынужденным упрощением действительности. Но самое сложное – человек, которого оне не в силах упростить. (2)

Расцвет науки и техники возможен лишь на основе тщательного изучения человеком самого себя. Биохимия и биофизика в сочетании с кибернетикой – вот те науки, которым принадлежит будущее. Грядущий век – это век биологии, вооружённой всеми современными знаниями физики и химии. (3)

В мире главными являются не столько предметы, сколько их движения, и поэтому нельзя влюбиться даже в самую красивую, но неподвижную статую. (4)

Хочется, чтобы в мире без времени была хоть какая-нибудь жизнь, а не просто кладбище застывших движений. (5)

Реальным является только настоящее. Машина времени – это неизбежная мечта человека, не сознающего своего собственного величия. Такому человеку кажется, что его завтрашний день уготован ему давным-давно, и ему остаётся только покорно ждать. (6)

Многие продолжают верить, что поток времени совершенно неуправляем, что против его течения человек бессилен, а будущее давным-давно готово, лежит себе, как на складе, и ждёт момента, чтобы неизбежно превратиться в настоящее. Всё наше будущее, якобы, существует себе с незапамятных времён готовенькое и ждёт своего времени. Именно такая концепция породила множество нелепых фантазий о машине времени. Нельзя совершить путешествие туда, где ничего нет. Будущее – это постепенное, кропотливое мучительное созидание, в котором участвуют силы природы и силы человека. Его мы создаём, строим по зримым и незримым чертежам и планам. А пока эти чертежи и планы не реализованы, нечего и мечтать о путешествии в ничто. (7)

Нам может не нравиться или быть непонятен тот или иной закон природы, но с этим ничего не поделаешь. Законы природы неумолимы, и им приходится подчиняться. Такова природа. (8)

Человеческое счастье дедуктивно. От общего к частному. (9)

Мир состоит из мелочей, которые только кажутся незначительными. Вселенная без этих мелочей немыслима, но оне так быстротечны, так мгновенны, что теряют всякое значение и начинают казаться действительно мелочами. (10)

Тот, кто идёт или едет слишком медленно, мешает куда-то спешить всем остальным. (11)

Телевидение, печать, сотни искусственных удовольствий и наслаждений – всё это ускорение темпа жизни. Но существует естественный темп жизни человека, и всякие попытки его ускорить – преступление. (12)

С каждым годом число шизофреников, эпилептиков, алкоголиков и наркоманов растёт. Это результат того, что нервная система человека не может приспособиться к тому, что происходит в мире. (13)

Не понимаю, как можно в наше время быть уверенным в порядочности других, когда мы не можем поручиться за свою собственную порядочность? Как можно верить чужим людям, когда мы сами себе лжём на каждом шагу? (14)

Теперь такие времена, что самый последний вор или казнокрад имеет вид очень порядочного человека. Идёт такой, и перед ним хочется снять шляпу. А он, оказывается, вор. (15)

Закон нужен только тогда и только тем, кто из него может извлечь пользу. (16)

В наше время многие умные люди тратят силы своего разума на то, чтобы причинить гадости другим людям. (17)

Экономика является не чем иным, как своеобразной игрой между предпринимателями и потребителями. На простом примере легко показать, что эта игра обречена. (18)

Все промышленники стремятся к полной автоматизации. Они успешно претворяют её в жизнь. С каждой новой автоматической линией на улицу выбрасываются тысячи, десятки тысяч людей. Они становятся безработными. (19)

Стремясь меньше платить и больше получать, владельцы предприятий рано или поздно придут к полной автоматизации производства. На заводах и фабриках не будет работать ни одного человека, и тем не менее предприятия будут в изобилии выпускать продукцию – вот она, заветная мечта промышленников. (20)

Но если тотальная автоматизация позволит предпринимателям полностью избавиться от труда и услуг рабочих и выпускать любое количество продуктов потребления, то их никто не сможет покупать. Люди, лишённые труда, не имеют денег и, следовательно, не могут приобретать то, что будет производиться машинами-автоматами. (21)

Из этого следует только один вывод: автоматизация никогда не будет полной. Такая игра не на пользу инициативному предпринимательству. На пользу только разумная автоматизация, которая не исключает, а, наоборот, предполагает всё большее и большее участие людей в производстве. (22)

Предпринимателю важно понять, что в этом мире смогут выжить только те, кто добьётся точно рассчитанного равновесия между деятельностью машин и людей. Ведь если уволенные не найдут работу, они просто будут грабить тех, кто их уволил. (23)

Прогресс будущего общества будет заключаться в постоянном соперничестве людей с возможностями автоматов. (24)

Как часто, совершая подлость против человечества, официальные господа ссылаются на евангелие! (25)

Смысл того, что говорится под сводами высоких залов, становится торжественным и величественным. Но торжество это дутое, а величие – мнимое. (26)

Своим остроумием можно поливать других, как помоями. (27)

Люди с идиотски логичным и отвратительно прямолинейным мышлением никогда не отличаются тактом. (28)

Иные рассуждения порочны хотя бы уже потому, что они логически неуязвимы. (29)

Иногда слова бьют сильнее, чем кулаки. (30)

Наберись мужества. Ты идёшь не на похороны, не оплакивать, не жалеть. Нет! Ты идёшь вселить человеку самое важное – веру в могущество человеческого гения, веру в его разум, в силу его благородных устремлений. (31)

Люди, одержимые идеями и верящие в их осуществление, не нуждаются в отдыхе. (32)

Величайшие результаты достигаются небольшими, но постоянными усилиями. (33)

Наверное, самое большое счастье и самая большая любовь бывают только после преодоления тяжких препятствий. (34)

Женщины всегда любят героев. (35)

Чувствовать – это получать сигналы из внешнего мира и реагировать на них. (36)

Думать – это значит воспроизводить закодированные слова и фразы в логической последовательности. (37)

Представлять – это значит фиксировать внимание на запечатлённых в своей памяти фактах и образах. (38)

Воля – это незримая сила души. (39)

Люди до сих пор не знают, что такое память, хотя им и очень хочется знать, куда они складывают свою драгоценную эрудицию. (40)

Мы не в состоянии пристально и глубоко смотреть на обычные вещи. Мы просто принимаем их, как оне есть, и считаем это в порядке вещей. (41)

Субстанциональная концепция души является единственно рациональной. Совершенно нет никакой необходимости приписывать душе свойства, которые по самой своей сущности ставили бы под сомнение правомерность постановки вопроса о ещё существовании. (42)

Учёные существуют для того, чтобы всегда сомневаться и находить разрешение своих сомнений. (43)

Теоретик может на бумаге доказать всё что угодно. Но этого мало. Нужно, чтобы его предсказания сбылись. (44)

Задавая себе кучу вопросов, самых нелепых «а что будет, если...», любознательный исследователь отвечает на них при помощи эксперимента. Поэтому он и может открыть тьму всяких явлений и эффектов, которые дальше можно будет оформить в новые теории. А умникам, у которых теория на первом плане, всегда кажется, что больше никаких «а что будет, если...» не существует. Поэтому они никогда ничего не откроют. (45)

В науке всегда так: одно и то же открытие может служить и добру и злу. Какой путь выбрать – это дело совести учёного. (46)

Сделать великое научное открытие – это подвиг, но не сделать его, в наших условиях, – это подвиг в квадрате! (47)

Существуют исследования, которые совершенно не оправданы с этической и моральной точки зрения. (48)

Извращённая наука издевается над людьми. (49)

Уже давно наступила пора сорвать с наших учёных маску мнимого нейтралитета. Прикрываясь высоким званием, они, видите ли, делают наивные глаза, когда вдруг оказывается, что результаты их исследовательской работы используются для уничтожения миллионов людей. Они прикидываются дурачками, которые якобы не в состоянии предвидеть простую вещь – каковы будут последствия того, что они изучают и открывают. Они десятилетиями пользуются гнусной лазейкой, чтобы отвертеться от соучастия в преступлении, сваливая вину на неумных политиков. Если я даю в руку сумасшедшему оружие, то отвечать за последствия должен я, а не сумасшедший. (50)

Если прямой путь опасен, значит, нужно искать обходный. (51)

Неужели наука, такая могущественная и такая всесильная, ничего не в состоянии сделать, чтобы остановить стремление людей к самоубийству? (52)

Главный принцип построения новых, более совершенных электронных машин: нужно стремиться копировать структуру нервной системы человека, структуру его мозга. (53)

Человек в своём познании безграничен. Его познание ограничено только временем его жизни. Но свои знания, свой опыт он передаёт, как по эстафете, новым поколениям, и поэтому общий запас человеческих знаний растёт. Люди непрерывно совершают открытия. Электронные же машины могут это делать только до тех пор, пока у них не израсходуются те рабочие объёмы, площади и схемы, которые вы предоставили в их распоряжение. (54)

Суть пять состояний материи: газ, жидкость, твёрдое вещество, плазма и жизнь. (55)

Жизнь потому и есть жизнь, что она означает вечное движение. В физике мы говорим, что не существует вечного двигателя и что построить его нельзя. А жизнь как раз и есть пример вечного двигателя, не прекращающего своего движения ни на секунду. А смерть – это только условность. Это не прекращение движения вперёд. Это только этап бесконечной эстафеты. (56)

Пока человек молод, здоров, полон сил, он время от времени позволяет себе роскошь кокетничать со смертью, отпускать шуточки по поводу неизбежности встречи с ней. (57)

Только в исключительных случаях реальная встреча человека с последним этапом своего земного существования представляет собой зрелище, наполненное эстетическим обаянием. (58)

Чувство страха у человека возникает минимум за одну десятую секунды. Чувство боли – за полсекунды. Значит, если что случится, то вы ничего не успеете почувствовать. Ведь если вас ущипнуть за нос – а вы это почувствуете только через десять лет, – то вы очень рассердитесь? (59)

Е. А. Д р о з д

(1947 г.р.)

Сейчас не время наслаждаться созерцанием движения мыслей в сфере отвлечённых понятий. Нужны реальные действия в этом грубом мире, полном тяжести и страданий. (1)

Следует чётко различать рассудок и разум. Это разные вещи. Рассудок оперирует уже готовыми правилами и шаблонами. Но не он формирует эти шаблоны, и не он устанавливает правила. Он подобен тупому школяру, выполняющему только то, чему его обучили. Он наделён несомненным здравым смыслом. Но пороха не выдумает. (2)

Новые правила устанавливает разум, он добывает новые знания о мире и решает новые, ранее не встречавшиеся задачи – делает то, на что рассудок не способен. (3)

Разум – это интуиция, озарения, пламенный прорыв в новое, неведомое; отчаянный прыжок в пустоту непознанного. Разум открывает новые истины; рассудок же их упорядочивает, придаёт им логическую, доказательную форму, превращает в истины расхожие и избитые, в стереотипы мышления, в затёртые штампы, среди которых он дома. (4)

Разум борется с энтропией окружающей среды, упорядочивает среду так, чтобы она оптимально отвечала его потребностям. Представим на миг, что ему удалось полностью преобразовать её и она идеально подходит теперь для носителей этого разума. В этой среде можно отлично существовать, придерживаясь уже выработанных правил, и не возникает ничего нового и неожиданного. Не надо больше решать никаких новых задач. Разум, таким образом, лишает сам себя пищи, а без неё он быстро исчезает, трансформируясь в рассудок, а позже – и в рефлекторную деятельность, в инстинкт. Социум превращается в огромный, хорошо отлаженный, но совершенно бездушный механизм, где у каждого винтика есть свой шесток и свой набор предписываемых действий, но нет никакой личной воли, никакой свободы выбора, ничего... (5)

Если общество превращается в хорошо отлаженный механизм, а его члены – в лишённые индивидуальности винтики, резко повышается вероятность появления гениев, пророков, бьющих тревогу, не дающих социуму впасть в окончательную спячку. (6)

Гении, пророки, если не впадать в мистику, это – личности с обострённым чувством будущего, наделённые вторым виденьем, даром улавливать смутные картины будущего. Может, они не умеют правильно эти картины интерпретировать, но они пытаются заразить своей тревогой окружающих. (7)

Но что может одиночка, пусть даже и гений? Всем известно, как принято поступать с пророками, особенно если они предсказывают неприятности. (8)

Общество, в конечном счёте, имеет тенденцию превращаться в безмозглый, хорошо отлаженный механизм, единственной целью существования которого оказывается поддержание этого самого существования. (9)

Ф. Я. Д ы м о в

(1937 – 2016 гг.)

Одобрение публики – не аргумент в научном споре. (1)

Необходимое заставляет думать о сиюминутном, лишнее – о перспективе. (2)

Банкеты, кафе, рестораны... Несколько часов посвящать еде среди других жующих – разве это не унизительный возврат к природе? (3)

В общем-то, довольно простенькая мысль: где опаздывают психологи, там уже психиатру делать нечего. (4)

В борьбе с эгоизмом не следует забывать о незащищённости человека перед обществом. Слов нет, опасно чьё-то вторжение в чужую личность, подавление её более сильной, но естественной защитной реакцией каждого и служит собственный эгоизм. Когда же прятаться будет не от кого, когда все окажутся нараспашку, общество постепенно размоет личность, сведёт её на нет. (5)

М. Т. Е м ц е в

(1930 – 2003 гг.)

Время бежит, как стремительный водопад, прыгающий через камни, в такт ударам сердца. (1)

Настоящее – неуловимый миг. Он скользящая точка на прямой из прошлого в будущее. (2)

Будущее обусловлено множеством ускользающих от нашего знания причинно-следственных связей. (3)

Будущее призвано помогать жить, оно не должно хватать человека за горло и держать в вечном ожидании беды. (4)

В конце концов, и с прошлым и с будущим мы знакомимся с помощью книги. И летописцы, видимо, обладали не менее раскованным вообраюением, чем современные писатели-фантасты. (5)

Способность мечтать, способность предвидеть делает человеческое общество устойчивее, надёжнее по отношению к внешним возмущающим влияниям. Повышает общественный гомеостазис. (6)

Предвидя будущее, человечеству удаётся приготовиться к встрече с ним. Мечтая, люди обживают время, как бы заселяя его собственными проекциями, вынесенными в завтрашний день. (7)

Уродливое искусство, воплощённое в действительность, делает её вдвойне уродливой. (8)

Слабый герой приобретает волшебную мощь, если за ним правда, общественная поддержка, справедливость, добро. (9)

Вынужденные преступления спровоцированы жестоким духом самой жизни, унылым безрадостным существованием человека-вещи. (10)

Уж эти мне случайности! Ими полна литература, но не жизнь. (11)

Любую случайность можно связать с чем угодно. (12)

На то он и случай, да ещё и несчастный, чтобы вобрать в себя достаточное число невероятных, причинно-следственных связей. (13)

Возможно, мы живём на свете, чтобы разочаровывать друг друга. (14)

Человеком двигают не высоконаучные теории, а примитивные импульсы, коротенькие мыслишки, неглубокие сентенции. (15)

Таковы оне, женщины: думают изменить мир голыми руками. (16)

Мать никогда не простит невестке, сделавшей её сына несчастным, но она пойдёт на всё, чтобы только ему было хорошо. (17)

Любое начало можно рассматривать как начало некоторого конца. (18)

В конце концов в этом мире кто-нибудь всегда остаётся в проигрыше. (19)

Любят люди власть, и чем меньше человек, тем большая власть ему нужна. (20)

Особенно бессмысленно следовать за стадом именно на бойню. (21)

Есть мужество борца, и есть мужество бретёра. Мужественным может быть и трус на глазах у толпы. (22)

Не может один человек, что бы ни дал он человечеству, изменить судьбы истории. (23)

Я люблю деньги: я обожаю их тратить. Оне для меня элементы возможностей. Деньги многозначны по своим возможностям, в этом их особенная прелесть. Ведь их можно превратить во что угодно, даже в счастье твоих близких. (24)

Из плохих людей нельзя сконструировать хорошее общество. (25)

Общество является структурой вторичной, его функции определяются людьми, входящими в состав общества. Главное заниматься человеком! (26)

Бесспорно одно. Посадив человека в тюрьму, заключив его в стальную клетку или бросив его за колючую проволоку, нельзя отнять у него свободы. Мысль не заковать в кандалы и не уничтожить, она всегда отыщет верный и неожиданный ход. (27)

Отпор действует всегда. Командуют только теми, кто ожидает команды. (28)

Между слабохарактерностью и настоящей добротой большая разница. Нужно быть мужественным и твёрдым в некоторых вопросах. (29)

С колыбели человек хочет делать всё сам. Делать и испытывать, ошибаться и вставать, потирая синяки. И это хорошо. (30)

Вся ваша работа не будет стоить выеденного яйца, если вы не сумеете подать её как следует! (31)

Неприятно, когда тебя ругают. Ещё неприятнее, когда это происходит на людях. И совсем неприятно, если осуждают те мысли, которые совсем недавно казались тебе интересной находкой, своеобразным откровением. (32)

Назовите мне человека, который в наше время был бы доволен собой. Самый самодовольный тип страдает от недостатка самодовольства. Всем всегда кажется, что они упустили какие-то возможности и где-то как-то недопроявили себя. Правда, как они считают, виновны в этом, конечно, не они сами, а окружающие. (33)

Действительность, как всегда, оказывается самой простой и самой ошеломляющей. (34)

Быть счастливым человеком – это делать важное, нужное всем и любимое тобой самим дело. Делать его хорошо и верить в победу. Разве этого мало? (35)

Счастье невозможно без силы. (36)

Какая спасительная штука – работа мысли! Я мыслю, следовательно, я существую... Нет! как раз наоборот: я существую, поскольку мыслю. (37)

Мозг создан по тем же законам, что и Вселенная, и он может постигнуть её как угодно полно. (38)

Переставая думать, человек становится на путь, ведущий к преступлению. Всё неумолимо и беспощадно просто. В этом всё дело: перестав думать, мы превращаемся в потенциальных преступников и соучастников злодейств. Потому-то все тираны во все времена стремились отучить людей думать. Работника и воина не должна разъедать «болезнь» интеллектуализма. (39)

С умными людьми всегда трудно. (40)

Избавьте меня от ненужной информации! В моём возрасте это вредно. Расскажите только самое главное. (41)

Всякая конструкция, основанная на чистой логике, весьма относительна. (42)

Губы иногда становятся резиновыми. Расплываются во всё лицо в неподвижной улыбке и беспомощно дрожат. В такие минуты люди быстро-быстро что-то неосознанно лгут, страдая и стыдясь этой ненужной лжи. (43)

Человеку свойственно забывать. Забыть же всё равно, что не знать. (44)

Талант, обильно сдобренный цинизмом, его легко отличить по смрадному запаху. Как трудно иметь дело с такого рода людьми! (45)

Кому и как человек продаёт душу? В том-то всё дело, что узловых пунктов, которые можно было бы назвать предательством во всей этой истории, нет. Просто тихая эволюция самоуспокоения и неприятия «близко к сердцу». (46)

Мало не предавать. Мало быть просто непричастным, надо кричать о гнусности на всех углах, надо ещё и сопротивляться. Тот, кто сопротивляется, даже при желании не сможет попасть на службу к дьяволу: слишком плохая у него для этого репутация. Горе только тому, кто на хорошем счету. (47)

Природа хитра, хотя и незловредна. Истина представляется мне сверхпрочным материалом, разрушить который можно, только сосредоточив огромные усилия на очень маленькой площади. (48)

Потенции, как правило невидимы для постороннего глаза, их могут оценить только те, кто ими обладает. (49)

Мысль и воля людей творят будущее. Оно всегда создаётся сегодня. (50)

Отдых от работы заключён в работе. Конечно, в работе другого рода и стиля, разумеется, но в работе. (51)

С любопытства, собственно, и начинается путь исследователя к цели. (52)

Нет физики немецкой, физики английской, физики русской! Наука интернациональна, она смеётся над границами. (53)

Разве настоящий учёный станет говорить о национализме в науке? Об этом говорят лишь ничтожества, которые не смогли занять место в интернациональной науке. (54)

Беда оригинальных идей, выдвигаемых теоретиками, в том, что большей частью оне не отличаются достаточной убедительностью. (55)

Учёные любят повторяться. Вся наука зиждется на повторах. (56)

Научный работник не может верить словам, ему нужен эксперимент. (57)

Знать или не знать – не всё ли равно, если ничего нельзя изменить? (58)

Как мы, люди, умеем утешать и успокаивать себя! Вся наша низость и все беды мира проистекают от этого. (59)

Истину должно принимать бесстрастно. Эмоции – избыточная реакция на истину, которая порождает самообман. (60)

Разум и познание не самоцель, а всего лишь инструменты. Инструменты для делания добра. Только подвергнутый насильственной операции, отторгающей разум и познание от морали, этот инструмент может стать орудием зла. (61)

Торжество всякого нового научного открытия – это почти всегда насилие, ломка привычных взглядов – интеллектуальный деспотизм чистой воды. (62)

Не велика заслуга осуществить чужую идею. (63)

Слепой эмпирик владеет единственным орудием исследования – методом тыка. (64)

Современная наука создаёт ровно такое же количество проблем, сколько ей удаётся решить. И вообще она ничего не решает. И никуда она не ведёт, а только уводит. (65)

Сквозь безликую среднестатистическую сетку утекает драгоценная суть. (66)

Нельзя вмешиваться в процесс, если последствия такого вмешательства тебе неизвестны. (67)

В наш век формулы начинают стрелять слишком быстро. (68)

Типичный представитель микрокосма вторгается в макросистему и требует своё. Ему наплевать на великое, свершающееся на его глазах. (69)

Мне не наплевать на великое. Но когда не понимаешь, о каком великом идёт речь, то, может, на такое великое и стоит плюнуть. (70)

В наших представлениях большое убегает от малого. (71)

Большое замыкается в малом, а малое чревато бесконечным. И кто знает, не встретим ли мы чудовищный лик бесконечности в нашей погоне за ультрамалым? Где-то должны исчезнуть критерии «больше» или «меньше». Природа их не знает. (72)

Наши представления о пространстве основаны на многовековом опыте человечества и нескольких десятках физических уравнений. Всё сводится к тому, что в природе существуют две бесконечности. Бесконечность микромира и бесконечность космоса, мегамира. (73)

Применяя слово «бесконечность» к элементарной частице и вселенной, мы ещё раз подчёркиваем их диалектическое единство. В нём выражено то общее, что заставляет нас располагать и атомы и галактики на одной прямой – от меньших размеров к большим, – и так

до тех пор, пока не откажет воображение, пока не взбунтуется наше ограниченное мышление. Тогда мы прибегаем к спасительному значку ∞ и, направив оба конца прямой в противоположные стороны, считаем, что пространство нами понято. (74)

Как иногда подводит людей их способность раскладывать всё по полочкам! Полочки-то выдуманные. (75)

Познание идёт дорогой развалин. Анализ – суть расчленение. (76)

Природа устроена гораздо проще, чем мы думаем. Проще и хитрей. (77)

Аналитический путь добычи истины почти исчерпал себя. С каждым днём мы находим всё больше, но ещё больше мы теряем с каждым днём. Мы движемся вперёд по лестнице альтернатив. Из многоликой сущности исследователь выдёргивает аксиому и передаёт её дальше, как эстафету. Так из противоречивого диалектического двуединства на миг возникает некая цельность. Потом и она расслаивается на противоположности и начинает соблазнять другого исследователя выбором, оставляя за собой кладбища разрушенных противоречий. А кто будет рыться в отвалах, где лежат не замеченные предками гениальные идеи, где сами собой сформировались неведомые нам науки, где похоронены целые области навеки утраченного знания? (78)

Я бы хотел найти такую науку, построенную из отброшенных отрицаний. Как хорошо было бы спуститься к истокам! Проследить основные вехи, переоценить выбор, соединить звенья отвергнутых истин. (79)

Мне всегда грустно, когда плохо веселятся другие. (80)

Разве можно узнать человека, перекинувшись с ним десятком фраз? (81)

Какие глупые вопросы задают люди в минуты растерянности! (82)

Ничто так больно не точит сердце, как надежда. (83)

Какое коварное и вкрадчивое существо надежда! Любыми путями в любом обличье пытается она пролезть к нам в душу. (84)

Юмор, наверное, прямо пропорционален необычности и неестественности ситуации. (85)

В конце концов сдобренная юмором фантазия – это самая драгоценная вещь в мире. (86)

Иногда один художник слова представляет собой целую литературу, а порой сотни произведений не создают ни школ, ни традиций. (87)

Красота – это высшая гармония, многочашечные весы, все чашки которых старательно уравновешены природой. Оригинальность порождается удачным отклонением от равновесия. Так, миллиграмм уродства может сделать красоту гениальной. (88)

Человеческое тело, организм человека не есть нечто завершённое и законченное, как пытаются представить некоторые учёные. Человек далёк от гармонии, которую видели в нём поэты и философы прошлых веков. Человек – это стрела, направленная рукой эволюции из прошлого в будущее. (89)

Не только чувства, память, эмоции, сознание человека находятся в состоянии непрерывного развития, но и тело его, бренное тело среднего человека, ещё и сегодня непрерывно меняется и преобразуется. (90)

В зависимости от образа жизни, возраста, пола и особенностей строения каждый организм представляет собой в той или иной мере кладовую нереализованных возможностей. (91)

Цивилизация губит человечество как биологический вид. Сегодня она способствует не прогрессу, а вырождению человека. Она убивает его. (92)

В любом возрасте человек или надеется на будущее, или использует настоящее, или пытается восстановить прошлое. (93)

Память – это власть над временем. (94)

Наше прошлое помогает нам узнать себя. Это очень важно. (95)

Неужели прошлое просто проваливается в пустоту, в холодное кромешное небытие? Но ведь время едино и вечно. Иначе какое же это время? Может, прошлое, настоящее и будущее – лишь эфемерные трансмутации единой сущности, троеликого непостижимого единства? (96)

В иные вечера вдруг как-то чувствуешь, что перед тобой распахивается будущее и ты можешь заглянуть туда одним глазком. (97)

Вот сейчас здесь во мне одновременно существуют и прошлое, и настоящее, и будущее. Они едины в некоем настоящем второго порядка. Мы просто не можем охватить его целиком, как метагалатику. (98)

Человеку не дано познать сущность сразу. Он познаёт постепенно через явления. Анализ и синтез, анализ и синтез. Одна сторона и другая. Одно явление и другое. Прошлое, настоящее и будущее! Различные явления единой сущности, имя которой Время. (99)

Возможно, время неподвижно и лишь наше сознание движется вдоль него, обтекает, скользит. (100)

Когда впереди туманная множественность лет, человек думает о пустяках; за два шага до пустоты он хочет думать о вечном. Смешное существо человек! (101)

Смерть – это утрата памяти. Пусть даже тело живёт попрежнему, но, если утрачена память, утрачено всё. Смерть – это когда нельзя осознать, что ты умер. (102)

Мир умирает вместе с нами. Но много ли стоит такой мир? Нужно ли за него бороться? А какое может быть мужество без борьбы? Такой мир не жаль потерять. (103)

Мы уносим с собой лишь какую-то ничтожную часть мира, лишь одну капельку мерцающего бессмертного света. Когда мы приходим, мы сразу же получаем право на всё: солнце, книги, любовь, полынь. Пока мы живём, мы в ответе за всё. (104)

И. А. Е ф р е м о в

(1907 – 1972 гг.)

Прошлое! Вот в чём разгадка всей печали. Что-то было создано для важных дел, но значение их давно умерло, и нелепы попытки возродить прошлое. (1)

Всё хорошо, что соответствует времени. Вот только бывает, что «современность» оказывается фальшивой, нередко это возвращение вспять, к тому, что уже было, и далеко не лучшему. (2)

Помните всегда, что настоящего, по существу, нет, есть только процесс перехода будущего в прошлое. Процесс этот нельзя задерживать, тем более останавливать. (3)

Какое страшное слово «никогда» и как трудно с ним примириться! Оно непереносимо, и я убеждён, что всегда было так. С тех пор как человек стал памятью воскрешать прошлое и воображением заглядывать в будущее. А мир построен так, что «никогда» повторяется в каждый миг жизни, пожалуй, это единственное неотвратимо повторяющееся. Может быть, понастоящему человек только тот, кто нашёл в себе силу совместить глубокое чувство и это беспощадное «никогда». (4)

В каждом из нас две половинки: одна рвётся к новому, другая бережёт прежнее и рада вернуться к нему. Вы знаете это и знаете, что никогда возвращение не достигает цели. Но сожаление остаётся... как венок на дорогой могиле. (5)

Бесконечно разнообразны жизнь и люди. Владей силой не подчиняться слепо ни людям, ни любви, ни обманным словам лживых речей и писаний! Не бойся и неразделённой любви. Она только укрепит твой путь, возбуждая скрытые силы. (6)

Смотреть на жизнь как бы из дали времён, опираясь на мужество предков, их поиски прекрасного и жажду яркой жизни. Это даёт возможность легче видеть ложь и ошибки, среди которых живёшь. Их не понять без взгляда на прошлое. (7)

Если человек верит в бесконечную длительность своего обитания на земле, то не мудрено, что его интересуют и события отдалённого будущего. (8)

Напрасно опасаться будущего. В каждом этапе своей истории человечество в чём-то возвращается назад, несмотря на общее восхождение по закону спирального развития. Каждое столетие имеет свои неповторимые особенности и вместе с тем общие всем черты. (9)

Люди не отдельные искорки, летящие во тьму и угасающие без следа, но звенья в бесконечной цепи, протянутой из прошлого в необозримое будущее. (10)

Самое трудное в жизни – это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств. (11)

Только знание жизни настоящую цену даёт человеку и широкий простор в ней открывает. (12)

Двойственность жизни всегда ставила перед людьми свои противоречия. (13)

Вся жизнь состоит из притяжения и отталкивания, ритма взрывов и накоплений, возбуждения и торможения. (14)

Сознание бесконечности пространства с его недостижимыми границами и неисчислимыми, ещё не открытыми человеком мирами – один из очень важных психологических устоев творческой жизни. (15)

Человек наблюдает незнакомую жизнь, и она всегда кажется почему-то тёплой, красивой, чего, наверно, нет на самом деле. (16)

Приятно размышление о чужой жизни: восхитительное право неучастия в ней всегда ставит зоркого странника на какую-то высшую в сравнении с окружающими людьми ступень. (17)

Лица людей издалека всегда красивы, а чужая жизнь, увиденная со стороны, представляется интересной и значительной. (18)

Светлые жилки должны быть у каждого; без них и жить-то вроде принудительно. Не ты своей жизни хозяин, а она тебя заседлает и гнёт, куда захочет. (19)

Без интереса, без заветных дум человеку жить – будто скоту неосмысленному. (20)

Коротка жизнь! Пока соберёшь крохи знания и увидишь, как надо жить, уже не сможешь идти дальше. (21)

Жизнь становится неприятной от бессмысленных ограничений, глупейшего самодовольства и рассеянного вокруг страха. (22)

Плохо, когда человек одержим исканиями – тогда любовь не излечит его от вечной тоски. (23)

Счастье не ищут, как золото или выигрыш. Его создают сами, те, у кого хватает сил, знания и любви. (24)

Не даст человеку счастья стремление достигнуть того, чего никто не сумел ещё сделать. (25)

Если перекладывать бремя ответственности с себя на судьбу, то появляется привычка принимать всё, что случается, не ощущая вины за что-либо перед самим собой. (26)

Живём мы ещё в далеко не устроенном мире, ещё сильна всяческая дрянь, и поэтому любая распрекрасная вещь может быть использована во вред. (27)

Прошлое непоправимо, его можно лишь забыть, понять, но слова о прощении здесь лишь пустой звук, ибо над кармой не властны даже высшие боги, и что вошло в мировой механизм судьбы и воздаяния, не может быть вынуто оттуда. (28)

Ничто не продолжается вечно в этом изменчивом мире. (29)

Нельзя полностью приспособлять человека к окружающим условиям, потому что эти условия непрерывно меняются. (30)

Всех нас меняют, лепят поиному, оставляя лишь основу, время и опыт, да ещё собственное старание – падение или совершенствование. (31)

Подлинное счастье – движение, изменение, перемены. И всё же не так просто! Человеческая натура двойственна, как окружающий и создавший её мир. Наряду со

стремлением к вечным переменам нам всегда жаль прошлого, вернее, того хорошего в нём, что отфильтровывается памятью и что прежде вырастало в представления о минувших золотых веках. (32)

Иногда люди не понимают момента удачи, потому что забывают о непреложности законов развития. Им кажется, что строение должно подниматься без конца. Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь. (33)

Высшее счастье человека всегда на краю его сил. (34)

Мечты о тихой бездеятельности рая не оправдались историей, ибо оне противны природе человека-борца. Были и остались свои трудности для каждой эпохи, но счастьем для всего человечества стало неуклонное и быстрое восхождение к всё большей высоте знания и чувств, науки и искусства. (35)

Всё, что складывается исторически, в результате естественного отбора, становится закономерностью, неким средним из множества отклонений. Тут-то выступает во всей красоте всесторонняя целесообразность. (36)

Без цели не может быть осмысленной борьбы. (37)

Отдайте себе только ясный отчёт в том, что вы ищите, и вы будете знать, где искать, и найдёте! (38)

Всё должно иметь цель и смысл. Данная жизнь нужна тем, кто духовно богаче, кто может много дать людям, а если этого нет, тогда зачем? (39)

Испытание покажет тебе путь, который ты не видишь. (40)

Твоя дорога ведёт в мир людей, прекрасный и страдающий, светлый и тёмный, радостный и несчастный. Служи ему силой таланта, бескорыстно и беззаветно, не давая властвовать над собой злобе, зависти и жадности, но помни, что слепая доброта может причинить немало плохого. Знай, кому и зачем ты делаешь добро! (41)

Помни о порогах. Никогда не переступай их, ни порога бессмысленности, ни познания, которое превращается в тупое нагромождение фактов, ни других порогов, которые мы часто переступаем в обычной жизни, гонясь за дешёвкой, едой, пошлым удовольствием смеха, бесполезной умственной игры и так далее. Особенно следует опасаться порога низкой чувственности. (42)

Не забывай никогда закона двойственности, всесильного в этом мире, помни о смятениях чувств, плутающих между животным телом и человеческой душой! (43)

Ты должен идти в мир не только как творец, но и воин. (44)

Всякий прямой путь труден и опасен. Погрузившись в чувства, развивая и утоньшая их до крайней остроты, надо остаться господином над ними. Иначе безумие, разложение и развал души. Надо пройти по лезвию меча над пропастью, наполненной грозными призраками! (45)

Человек – та же вселенная, глубокая, таинственная, неисчерпаемая. (46)

Человек – это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств. (47)

Никогда не старайтесь представить свои чувства в шутливом тоне, это не поможет от них избавиться, а только обесценит их. Для других и для вас самого. А что может быть хуже, как жить по дешёвке? (48)

Быстрое торможение и приход в норму – вот что такое хорошо сбалансированная личность. Можно только завидовать такому характеру. (49)

Хорошо, что на свете имеются люди высокой и мечтательной души! (50)

Смелая мечта, а не скептическое разочарование побеждает в жизни! (51)

Мечта умного и сильного человека – это ведь уже очень много. (52)

Лучше сто раз ошибиться, поверив в благородную сказку, чем отвергать всё, стараясь быть умнее сердца! (53)

Человек сегодняшнего дня вынужден скрывать свои мечты, свои чувства от окружающей злобы, закалять их, выращивать неколебимыми, полными невероятной силы. (54)

Люди стесняются проявления нежности, любви и уважения, в то же время давая полную волю ругани, осмеянию и даже дракам. (55)

Сейчас вообще принято обвинять друг друга, искать виновных, грозить карами. Мы всё время осуждаем. А по-моему, куда интереснее стараться понять, а не осудить. Понять, что во всяком человеке есть слабости, гармонирующие с его сильными сторонами. (56)

Нелегко среди чужих людей и обычаев определить, что хорошо и что плохо. (57)

Если принять чужое как своё близкое, тогда всё станет понятным. Можно и в далёкой стране чувствовать себя своим и быть чужим среди кровных родственников. (58)

Нужно учиться чувствовать психологическую атмосферу, окружающую каждого человека, и по ней судить о его мыслях и чувствах. (59)

Психологические комплексы униженности и неверия в себя порождают агрессивное стремление выделиться любой ценой. (60)

За обидчивостью кроется сознание собственной неполноценности, за сентиментальностью – жестокость. (61)

Догадливые люди опасны. (62)

Надо быть опытным жуликом, чтобы вести те или иные дела, а для обычного человека единственное оружие – осторожность! (63)

Все мелкие люди, считающиеся себя проницательными, думают прочесть в другом собственные мысли и скрытые чувства. (64)

Как тонко и тщательно надо нам следить за каждым душевным движением, если мы хотим быть людьми высшей формы общества. Давить и корчевать эгоистическую обезьяну! Бейте её, кто верует в будущее! (65)

Человек заносчивый, убогий сердцем и умом, – мёртв. Мёртв не физически, но душой, и по земле ходит лишь его внешний образ, а по существу – труп. Ты вряд ли имеешь понятие,

сколько таких живых мертвецов топчут лик Земли. Они лишены совести, чести, достоинства и добра – всего, что составляет основу души человека и что стремятся пробудить, усилить, воспитать художники, философы, поэты. Эти трупы мешают жить живым, внешне не отличаясь от них. Они ненасытны в пустых и самых простых желаниях: еде, питье, жёнах, власти над другими. И добиваются этого всеми способами. Их, конечно, следовало бы убивать, лишая фальшивого живого облика. Беда в том, что распознавать их могут лишь редкие люди, достигшие такой высоты сердца, что убивать уже не в силах. (66)

Сперва – о других, потом – о себе. И мы улыбаемся всем встречным, а они, наоборот, заносчивым видом скрывают боязнь насмешки или оскорбления. Их грубость всё время выдаёт низкий психический уровень жизни в страхе. (67)

Разве можно понять действия, происходящие вследствие чудовищного эгоизма: грубость в общении, небрежность в работе и речи, стремление отравить и без того горькую жизнь ближнего? Водители неуклюжих транспортных машин считают, например, доблестью проноситься по улицам в ночное время с шумом и грохотом. И тут принцип бесчеловечного удешевления превращает эти машины в смрадных чудовищ, извергающих дымную отраву и терзающих слух. (68)

Массовое применение механизмов в руках невоспитанных и озлобленных людей создаёт повышенную опасность. (69)

Большинство людей умственного труда ненавидит шум, толчею, скопление народа. (70)

Всё понимаю, но как быть? Живёшь среди людей, таких разных и по большей части худо воспитанных. (71)

Хорошо, когда зависишь от себя, своего здоровья, смекалки и крепости, и беда, когда попадаешь в зависимость от другого человека, да ещё нередко плохого. Чорт его знает, случайность это или закономерность, что там, где надо иметь дело с людьми, с их нуждами и заботами, там сплошь и рядом попадаются как раз дрянь-людишки. (72)

Я частица нашего общества и страдаю, если в нём ещё не всё идёт как надо. Это касается меня непосредственно: ведь я живу в этом обществе, и ни в каком другом жить мне не придётся. (73)

Мне надоели люди, считающие, что они всё уже сделали для семьи, государства и себя. Часто это скрытые бездельники. (74)

К чорту подарки! Хороший обычай, когда в гостях у кого-то собираются люди рассказывать новости науки и искусства. А распространившаяся в последнее время традиция таскаться друг к другу с подарками по любому пустячному поводу – это попросту дикость. Тебе приносят бесполезные вещи, и ты должен носиться по магазинам, как угорелый, стараясь найти подарок пооригинальнее. А ничего оригинального-то в этом нет. Персидские нравы, которые кто-то удумал возродить на нашей почве. (75)

Стремление забывать неприятное свойственно всем людям. (76)

Трудно разгадать истинные намерения, когда не знаешь побудительные причины. (77)

Всегда держись середины, оглядываясь на края. (78)

Всегда умнее выждать, чем забегать вперёд. Но выждать подготовленным ко всему. (79)

Незабвенно великое прошлое, но жить только прошлым нельзя. (80)

Человек должен знать о прошлом, искать в нём силу. Это даёт ему убеждения и идеи, несовместимые с подчинением власти. (81)

Человек вне народа, вне общества – пустая абстракция. Народ вне человечества тоже абстракция. (82)

Разные народы, разбросанные по просторам земли, по существу являются одной человеческой семьёй, разъединённой только трудностями путей, разными языками и верованиями. Лучшие люди во всём этом множестве оказываются всегда похожими и понятными тебе по своим стремлениям. (83)

Улучшать условия жизни, совершенствовать устройство общества невозможно без непрестанного накопления людьми знаний о себе самих и об окружающей их природе. Человеческие знания, накопленные вековым опытом и научными исследованиями, могут и должны быть поставлены на службу человеку. (84)

Ничего нет жальче и страшнее детей с больной наследственностью. Сердце надрывается глядеть. Вот почему так заботились наши предки о правильном подборе брачующихся пар! (85)

Величайшее благодеяние – уничтожение детской смертности – оборачивается бедствием, наградив человечество множеством психически неполноценных, полных кретинов или физически дефективных от рождения людей. (86)

Самые молящие в мире глаза – глаза матери больного ребёнка. (87)

Рождаемость ничем не ограничивается во имя конкуренции народов, военного преобладания одной нации над другой. (88)

Людям вовсе не важно знать, что их дети будут здоровы, умны, сильны, что их ждёт достойная жизнь. Они подчиняются минутному желанию, вовсе не думая о последствиях, о том, что они бросают в нищий, неустроенный мир новую жизнь, отдавая её в рабство, обрекая на безвременную смерть. Неужели можно ожидать, что ребёнок родится великим человеком, зная, что такая вероятность ничтожно мала? Разве можно так легкомысленно относиться к самому важному, самому святому? (89)

Нельзя простить даже одной-единственной искалеченной жизни. Незримая цепь протягивается между многими людьми, связывая их поступки и их судьбы, и каждый пустячный случай может иметь далёкие последствия. (90)

Важнейшее психологическое обстоятельство инфернальных эпох – отсутствие выбора. Точнее, выбор настолько осложнён общественным неустройством, что всякая попытка преодоления обстоятельств вырастает в морально-психологический кризис или в серьёзную физическую опасность. (91)

Нас несёт поток странной жизни, в которой все будто сговорились вредить себе и другим, создавать горе и беды везде, даже там, где нет причины для несчастий. (92)

Жизнь проста лишь в сказках. Для мыслящего человека извечно единственным выходом было познание необходимости и победа над ней, разрушение инферно. Другой путь может быть только через истребление мысли, избиение разумных до полного превращения человека в скота. Выбор: или вниз – в рабство, или вверх – в неустанный труд творчества и познания. (93)

Народ всегда надеется на большие перемены в своей судьбе, долженствующие по мановению нового царя изменить печальную жизнь. Испокон веков народ надеется на лучшее и не понимает, что ход истории медлителен и тяжек. Ничего для этих ныне живущих людей измениться к лучшему не может. Только военные беды, погромы, пожары и наводнения вторгаются в неизменно бесцветное существование людских толп с ошеломляющей внезапностью. Опыт истории существует только для мудрецов. (94)

Люди – всего лишь эфемерные обитатели Земли и ходят по зыбкой почве, под которой гнездятся, зреют и готовятся к ужасным потрясениям невидимые стихии. (95)

Законы получаются из жизненной необходимости. (96)

Закон так трудно сделать справедливым на лезвии бритвы, что для этого нужны величайшие усилия лучших умов. А всё потому, что в ходе времени плохое часто обёртывается хорошим, а хорошее становится плохим. Это диалектика жизни как процесса, перед которым оказалась бессильной религия с её попыткой установить вечные истины и вечные требования к человеку. (97)

Надо изучать реальную жизнь и успехи и ошибки человечества, строящего эту жизнь. Только недавно началось равноправие истории Запада и Востока, но и теперь ещё ничтожные события Европы мы знаем лучше великих исторических перемен Востока. (98)

Индийцы теперь страдают от последствий английского владычества. Оно принесло им западную науку и технику, но вместе с тем отравило и западным отношением к жизни и искусству – такое отношение индиец может считать ядом. Уметь видеть, но не пытаться сложить из виденного целое, превратить в реальность, заставить поверить в него силой труда и таланта. Наоборот, такой подход старается рассыпать целое на крохи. Разбить вазу, чтобы любоваться причудливой формой черепка. Выбрать из живой игры светотени изображения две-три черты, пару красочных пятен и назвать это именем целого, заменяя мудрость собирателя красоты умением анатома. Это неизбежная расплата за разрыв с природой, с её изменчивой игрой форм. В этом старании обязательно разбить, разломать, разобрать целое мне чудится обезьянья черта наивного исследования, свойственная всем нам в раннем детстве! (99)

Самое поразительное в истории человечества – это возникновение неугасимой ненависти к знанию и красоте, обязательное в злобных невеждах. (100)

Нет хуже преступления, чем поднять руку на созданное человеком прекрасное. Разве может красота служить злой власти? Разве есть красота без добра и света? (101)

Прекрасное служит опорой души народа. Сломив его, разбив, разметав, ломают устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизни. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своём славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо. (102)

Нравственность народа, его воспитание в достоинстве и уважении к предкам, труду и красоте важнее всего для судьбы людей и государства. Важнее одетых в броню воинов, танков, самолётов, ракет и боевых кораблей. Всё это рушится, когда падает нравственность и воспитание народа. Маленькие и большие люди пускаются в пьянство и дикие развлечения. В вине тонет вера, честь и достоинство, пропадает любовь к отечеству и традициям своих предков. (103)

Главное, на чём стоит человек, – это не оружие, не война, а нравственность, законы поведения среди других людей и всего народа. (104)

Создайте справедливые законы – законы не для охраны власти, собственности или привилегий, а для соблюдения чести, достоинства и для умножения духовного богатства каждого человека. (105)

Чем ниже падает нравственность и достоинство в народе, тем сильнее старается он доказывать своё превосходство над другими, унижая их. (106)

Нельзя надеяться на доброту и гуманизм, скорее надо ждать бесчеловечного исполнения законов, направленных на сохранение собственности, как бы она там ни называлась: государственной, национальной или личной. (107)

Везде и всегда одно и то же: какие-то господствующие классы, группы, слои, как их там ни называйте, захватывают право подавлять мнения и желания всех остальных, навязывать им под видом законов и политических программ низкий уровень жизни, чинить любой произвол. (108)

Страшнее, чем научное незнание или неверная методика, – косность, упорство в защите тех форм общественного устройства, которые совершенно очевидно не оправдали себя даже в глазах современников. В основе этой косности, за исключением менее частых случаев простого невежества, лежит, конечно, личная заинтересованность в сохранении того общественного строя, при котором этим защитникам живётся лучше, чем большинству людей. А если так, то что за дело им до человечества, до судьбы всей планеты, её энергетических запасов, здоровья её обитателей! (109)

Привилегированная группа тормозит общее развитие, стараясь, чтобы для неё оставалось всё попрежнему, а униженная часть общества ведёт борьбу против этого торможения и за собственные привилегии. Чем сильнее давление привилегированной группы, тем сильнее становится сопротивление, жёстче формы борьбы, развивается обоюдная жестокость, и, следовательно, деградирует моральное состояние людей. (110)

Олигархия властвует лишь ради своих привилегий. Существо этой формы правления в неравенстве распределения, не обусловленном ни собственностью на средства производства, ни количеством и качеством труда. В то же время во главе всего стоит частный вопрос личного успеха, ради которого люди готовы на всё, не заботясь об обществе и будущем. Всё продаётся, дело только в цене. (111)

Бесполезно верить, будто слова могут изменить развитие общества и ход истории. Но так именно поступают те, кто издают декреты и приказы. Они воображают, будто они тем воздействуют на людей, но это не так. Более того, любое насилие обязательно порождает контрсилу, которая неумолимо будет развиваться и проявится не сразу, но неизбежно и подчас с неожиданной стороны. (112)

Когда объявляют себя единственно – и во всех случаях – правым, это автоматически влечёт за собой истребление всех открыто инакомыслящих, т.е. наиболее интеллигентной части народа. (113)

Фанатик или одержимый собственным величием психопат без колебания и совести вмешивается во всё. В индивидуальные судьбы, в исторические пути народов, убивая направо и налево во имя своей идеи, которая в огромном большинстве случаев оказывается порождением недалёкого ума и больной воли параноика. (114)

Цари пользуются любым поводом, чтобы подчеркнуть своё величие. Им кажется, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, возрастает их влияние. (115)

Чтобы человек мог взять на себя тяжкую обязанность кары, он должен обладать божественной точностью прицела. Только самое высокое сознание, подкреплённое мудрым учителем, поможет избежать того, что всегда получается при насилии. Рубят здоровое дерево, оставляя гнилушку, убивают драгоценные ростки будущих героев, способствуя процветанию людских сорняков. (116)

Царь должен соблюдать обычаи ещё строже, чем последний из его подданных, ибо как же иначе вселить в людей уважение к закону и чувство меры? (117)

Стремление владычествовать, возвышаться над другими, повелевать людьми – один из самых примитивных инстинктов, наиболее ярко выраженный у самцов павианов. Эмоционально это самый низкий и тёмный уровень чувств! (118)

Комплекс обиды и мести неизбежен для всякого, пробившегося к власти. (119)

Именно параноики с их бешеной энергией и фанатической убеждённостью в своей правоте становятся политическими и религиозными вождями. В результате в среде физически более слабых резко увеличивается число людей с маниакально-депрессивной психикой, основой жизни которых становится страх: страх перед наказанием, дамоклов меч хронической боязни – как бы и каким-либо образом не ошибиться и не совершить наказуемый поступок. (120)

Такая система как продвижение людей в обществе, основанное на чинах и званиях, автоматически и неизбежно порождает некомпетентность на всех уровнях иерархии. (121)

Боязнь ответственности лишает людей инициативы. Боязнь любого риска и подыскивание оправданий на все случаи жизни едва ли не главное в работе чиновников и всех встроенных в «вертикаль власти». (123)

Любой мелкий начальник – обычно скверный человек, и какая-либо зависимость от него – чувство гнетущее и удручающее. (124)

Подумайте над вашим понятием свободы, и вы поймёте, что она состоит в правах на низкие поступки. (125)

Нелюди – это существа внешне в человеческом образе, но с душой, полностью разрушенной специальной подготовкой. Они сделают всё, что им прикажут, не думая и не ощущая ничего. (126)

Властитель чувствует вокруг себя ту безнадёжную пустоту, которая неизбежно образуется, когда из окружения устраняют или отстраняют порядочных людей, всегда несогласных с несправедливостью. Неумолимо идёт процесс замены их ничтожествами и невеждами, готовыми восхвалять любые поступки владыки. Советники, охрана – всё это человеческая дрянь. Верность их обеспечивается лишь подачками и привилегиями. Настоящих же друзей нет, нет душевной опоры ни в ком, и всё чаще подступает страх перед возможным заговором. (127)

Ещё не бывало, чтобы великий гений, полководец, владыка, какому бы народу он ни принадлежал, принёс бы счастье людям! Чем более он велик, тем больше беды. Люди обычные повинуются тысячелетним законам, выросшим из здорового опыта поколений. Они связаны необходимостью жизни, верой и службой богам и власти. Великий человек ставит себя превыше всего общечеловеческого, разрушая устои бытия, и совершает вечную ошибку, сводящую на нет его деяния и низвергающую в бездну тьмы. Богоравные люди только тогда приносят счастье, когда они не имеют власти: философы, врачи, поэты или художники. (128)

Успехи науки показывают, что она становится единственной реальной силой в судьбе человечества. Однако учёные неорганизованны и наивны. Власть находится в руках политиков, берущихся управлять не умея и потому громоздящих пирамиды ошибок и нелепостей. Усложняющаяся жизнь всего мира настойчиво требует прочности всех без исключения звеньев, чего политики достигнуть не могут. В результате ткань общественного устройства постоянно рвётся. Люди становятся беззащитными жертвами неумелого и устарелого политического управления. Стремясь обеспечить устойчивость власти, политики организуют последовательную иерархию привилегий, очень похожую на иерархию бандитских шаек, замкнуто сужающих свои круги со всё большими привилегиями для олигархической вершины. (129)

Человек с увеличением населения всё больше теряет свою индивидуальную ценность. Всё труднее становится ему пробиться наверх, через заборы и фильтры последовательной иерархии, в чём бы она ни выражалась. Справедливость существует только на очень узкой тропинке, по которой надлежит идти обычному человеку. Кругом беззаконие, и любой преступник чувствует себя увереннее и сильнее. (130)

Злые силы действуют тайно. Недоброе всегда секретно. (131)

Человек умный не может не понимать, что когда в дело вмешивается организованная сила, то одиночке надо отходить в сторону. И поручать дело другой организации, не менее могущественной. (132)

Природа, несмотря на неотступную жестокость процесса эволюции, всё же оказывается более гуманной, чем человек. Человек, изобретший тонкие, глубоко проникающие внутрь орудия – стрелы, копья, пули, – резко увеличил число мучений на земле, отбросив боевую тактику хищного зверя, основанную на шоке первого удара, разрыве больших сосудов и безболезненной смерти от потери крови. Жертвы человека стали погибать в ужасных мучениях от глубоких внутренних воспалений. А когда психически неполноценные докатились до садизма, они создали адскую технику мучений, немедленно использованную в политических и военных целях. (133)

Палачи вначале крушат человека физически. Вторая ступень – психическая ломка. (134)

Никто не может устоять. То, что рассказывается в легендах о несгибаемых людях, – или ложь, или свидетельство недостаточного умения палачей. Есть люди высочайшего героизма, но, если применить к ним достаточно длительные и достаточно сильные пытки, они также сломаются, превратясь из человека в забитое, полумёртвое животное, исполняющее в полусне приказы. (135)

Чувство необходимости жертвы – самое архаическое в человеке, проходящее через все религии в истории обществ. Умилостивить неведомую силу, смягчить божество, придать долговечность хрупкой судьбе. От закалывания людей на алтарях перед боем, охотой, для урожая или основания построек, от колоссальных гекатомб вождей, царей, фараонов до невообразимых избиений во имя бредовых политических и религиозных идей, национальной розни. (136)

Разумеется, управлять тёмной и плоской психикой, знающей лишь примитивнейшие потребности, не видящей путей ни к чему иному, проще, нежели психикой более высокого плана. Отсюда и стремление власти удерживать людей на самом низком уровне духовного развития. (137)

Легко срывается покров дисциплины и общественной культуры – всего одно-два поколения плохой жизни. (138)

Чем сложнее общество, тем большая в нём должна быть дисциплина, но дисциплина сознательная, следовательно, необходимы всё большее и большее развитие личности, её многогранность. Однако при отсутствии самоограничения нарушается внутренняя гармония между индивидом и внешним миром, когда он выходит из рамок соответствия своим возможностям и, пытаясь забраться выше, получает комплекс неполноценности и срывается в изуверство и ханжество. (139)

Уголовник почему на преступление идёт? Да потому, что хочет хватануть куда как больше, чем ему по труду, да по риску, да и по соображению полагается. Человечишко самый негодный, а туда же: хочу того да сего. (140)

Десятки миллиардов жертв невежества и упорства – обычная расплата за цивилизацию, лишённую мудрости. Допустить обычное слепое переполнение экологической ниши, как у любого вида животных?! Печальный и позорный результат для *хомо сапиенс* – человека мудрого. (141)

На обедневшей планете средства духовной ломки несложны: террор и голод плюс полный произвол в образовании и воспитании. Духовные ценности – знание и искусства, тысячелетиями накопленные народами, изымаются из обращения. Вместо них внушается погоня за мнимыми ценностями, за вещами, которые становятся всё хуже по мере разрушения экономики, неизбежного при упадке морально-психического качества людей. (142)

Если представить себе человечество в виде пирамиды, то чем выше она, тем острее – и малочисленней – верхушка, состоящая из активной части людей, шире основание. Если раньше отдельная личность была многогранна и крепка, то с ростом пирамиды, с потерей интереса к жизни она становится слабее и неспособнее. (143)

Неудобства жизни вызывают миллионы ненужных столкновений между людьми, где каждый по-своему прав, а виновато общественное устройство, заставляющее людей барахтаться в повседневных неприятностях, для устранения которых ничего не делается. (144)

Стрела Аримана – это тенденция плохо устроенного общества с морально тяжёлой ноосферой умножать зло и горе. Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой всё больше плохого и в конце концов становится вредоносной. (145)

Чем ничтожнее власть имущие, тем они опаснее. (146)

Вы не представляете, сколько накопилось у нас человеческой дряни за много веков истребления лучших людей, когда преимущественно выживали мелкодушные приспособленцы, доносчики, палачи, угнетатели! (147)

Мужество и отвага заслуживают, со стороны победителя, хотя бы уважения. Ведь мужество живёт в лучших людях. Как же можно убивать мужественных и отважных, оставляя жить лишь слабых душой и телом? Ни один хороший хозяин-скотовод не поступит так с животными, не то что с людьми. (148)

Никакие условия, мольбы и договоры с бандитами невозможны. (149)

Безмотивное преступление практически невозможно разгадать. (150)

Закон карает лишь после совершившегося. Иначе нельзя, это верно, и всё же такое устройство мира даёт все преимущества нападающему, как тигру перед травоядным. (151)

Поистине чудовищна нелепость законов, по которым порядочный человек всегда останется без оружия, а любой бандит и вор, которому плевать на закон, делает что угодно с безоружными людьми. (152)

Оружие мало чем поможет, если не знаешь, кого и когда опасаться, потому что у наносящего первый удар всегда все преимущества, и в этом сила всякого хищника. (153)

Там, где люди сказали себе «ничего нельзя сделать», – знайте, что стрелы зла поразят всё лучшее в их жизни. (154)

Человек, в массе своей невоспитанный, недисциплинированный, не знающий путей к самоусовершенствованию, старается уйти от непонятных проблем общества и личной жизни. Отсюда становятся неизбежны наркотики, из которых наиболее распространены алкоголь, никотин, грохочущая музыка, пустые, шумные игры и массовые зрелища, нескончаемое приобретение дешёвых вещей. (155)

Равная жизнь у слабых получается за счёт сильных. (156)

Общество, а не стадо воспитало человека. Человек был групповым, но не стадным животным. А толпа – стадо, она не может накопить и сохранить информацию. Преступно лишать людей знаний, правды; омерзительная ложь привела человека к полной деградации. Руководимые лишь простейшими инстинктами, подобные люди сбиваются в стадо, где главное развлечение – садистские удовольствия. И перестроить их психику, непосредственно обращаясь к человеческим чувствам, нельзя. (157)

Покорные толпы – опора олигархии. (158)

Если человека крепко бить, он сделает всё, что покажется немыслимым его потомкам. Где самые большие постройки, там, значит, людей били крепче всего. (159)

Люди толпы – это люди, с которыми можно сделать всё, что угодно! Ограбить, отнять жён и возлюбленных, выгнать из удобных домов. Надо только применить старый, как мир, приём – восхвалять их. Кричите им, что они велики, прекрасны, храбры и умны, и они позволят вам всё. Но попробуйте назвать их тем, что они есть на самом деле: невеждами, глупцами, тупыми и беспомощными ублюдками, и рёв негодования заглушит любое разумное обращение к ним, хотя они живут всю жизнь в унижении куда худшем. (160)

Толпа и властитель – динамическое единство противоположностей – раздельно не существуют. И обе стороны невежественные, садистически жестокие, озлобленные друг на друга, особенно когда назревает противоречие социальной сложности и духовной нищеты. (161)

У всякой несовершенной социальной системы тенденция самоизолироваться, ограждая свою структуру от контакта с другими системами, чтобы сохранить себя. Естественно, что стремиться сохранять несовершенное могут только привилегированные классы данной системы – угнетатели. Они прежде всего создают сегрегацию своего народа под любыми предлогами – национальными, религиозными, чтобы превратить его жизнь в замкнутый круг инферно, отделить от остального мира, чтобы общение шло только через властвующую группу. (162)

Бесчисленные преступления против народа оправдываются интересами самого народа, который на деле рассматривается как грубый материал исторического процесса. Для любой олигархии важно лишь то, чтобы этого материала было побольше, чтобы всегда существовала невежественная масса – опора единовластия и войны. (163)

Чем хуже обращаются с рабами, тем хуже они делаются, а в ответ на это звереют их владельцы. (164)

Таимая в глубине неполноценность – мать всякой жестокости. Когда приходят к власти люди с таким комплексом, они начинают сеять вокруг себя озлобление и унижение, и оно расходится подобно кругам по воде – вместо примера доблести и служения человеку. (165)

В нашей жизни любая зависимость от человека оказывается унизительной. Тот, кого просят, издевается и куражится, прежде чем исполнить свою прямую обязанность. (166)

Отношения людей между собою могут породить желание унизить другого, мучить и топить в грязи, у светлых сердец этого не бывает, но человеку толпы, битому, униженному если не в себе, то в своих предках или близких, – свойственно. (167)

Подавление индивидуальности сводит людей в человеческое стадо. (168)

Самая страшная опасность организованного общества – чем выше организация, тем сильнее делается власть общества над индивидом. И если борьба за власть ведётся наименее полезными членами общества, то это и есть оборотная сторона организации. (169)

Без закона нет культуры, даже цивилизации. В условиях лжесоциализма великое противоречие личности и общества не может быть разрешено. (170)

Пусть будет место для духовных конфликтов, неудовлетворённости, желания улучшить мир. Между «я» и обществом должна оставаться грань. Если она сотрётся, то получится толпа, адаптированная масса, отстающая от прогресса тем сильнее, чем больше её адаптация. (171)

Самое прекрасное в жизни – помогать людям, и особенно когда имеешь для этого власть, силу, возможности. Может ли быть радость выше этой? (172)

Все люди однозначны на пути добра и равноправны в достижении знания. Разность людей от рождения огромна. Преодолеть её, соединить всех, так же как и преодолеть различие народов, можно только общим путём – путём знания. Но надо смотреть, что за путь объединяет народы. Горе, если он не направлен к добру, и ещё хуже, если какой-нибудь народ считает себя превыше всех остальных, избранником богов, призванным владычествовать над другими. Такой народ заставит страдать другие, испытывая всеобщую ненависть и тратя все силы на достижение целей, ничтожных перед широтою жизни. (173)

Никакой самый прекрасный храм не должен пленять тебя, если он выстроен на костях и муках тысяч рабов, никакое величие не может быть достойным, если для его достижения были убиты, умерли с голоду, потеряли свободу люди. Не только люди, но и животные, ибо их страдания тоже отягощают чашу весов судьбы. (174)

Главный яд в сердцах всех людей: идиотская спесь рода, племени и веры. (175)

Подбором новостей создаётся «определённое впечатление», а может быть, создаются и сами «новости». (176)

Только высокая мораль и душевное отношение людей друг к другу могут создать подлинное архигосударство. Задача улучшения людей – самая главная. Правителям, ввергающим людей в бесправие, обучающим подданных только злобе и предательству, ничего не удаётся, кроме позора и бесславия. (177)

Для наших правнуков наши теперешние заботы и опасения покажутся скверным сном невежественного ума. Мы должны переоткрыть забытые качества в нас самих и реставрировать до её истинной красоты нашу Голубую Планету. (178)

Ресурсы любой планеты ограничены, ничего нельзя брать, не отдавая. Возвратить взятое можно путём благоустройства планеты. Иначе неизбежно сокрушение устоявшихся форм жизни, истощение накопленных за миллионы веков энергетических ресурсов, что обрекает на нищету и убожество грядущие поколения. (179)

Понимание – самое главное в человеческих отношениях. (180)

Не надо бояться. Я верю в здравый смысл и разум потому, что знаю историю и учусь понимать психологию людей. (181)

Нам нужна ясность предстоящей жизни, и если её нет, то приходит тревога. А за ней печаль. (182)

Древний символ – три обезьяны: одна заткнула уши, другая закрыла лапами глаза, третья прикрыла рот. Так, в противоположность этому символу тайны и покорного поведения, человек обязан слышать всё, видеть всё и говорить обо всём. (183)

Прежде всего нужно объединить народы собственной планеты в одну братскую семью, уничтожить неравенство, угнетение и расовые предрассудки, а потом уже уверенно идти к объединению разных миров. (184)

Человечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев! (185)

Как замыкается человеческая душа, если ломиться в неё грубо и принудительно! (186)

Где плен и насилие, там становятся шатки устои морали. Только в свободе человек понимает необходимость строгих правил жизни. (187)

Свобода возможна лишь при условии большого одиночества, этого люди часто не понимают. (188)

До сих пор здесь не могут понять, что свобода может быть лишь от великого понимания и ответственности. Никакой другой свободы во всей вселенной нет. (189)

Всё: мысли, поступки и мечты – должно уменьшать страдания и увеличивать свободу всем другим людям. (190)

Свобода невозможна без полной ответственности за свою судьбу. (191)

Человек сам строит свою карму, сам медленно и упорно восходит по бесконечным ступеням совершенствования. Сама, только сама душа отвечает за себя на этом пути, от которого не свободен ни один атом в мире. (192)

Ежели ты себя в жизни так направил, чтобы вместе со всеми лучше жить, и на то ударяешь, тогда ты человек настоящий. (193)

О, великий путь совершенствования! Знаешь ли ты, как медленно и мучительно, в неисчислимых поколениях безобразных чудовищ, пожирателей тины и падали, в тупых жвачных, яростных и вечно голодных хищниках проходила материя *кальпу* за *кальпой*, чтобы

обогатиться духом, приобрести знание и власть над слепыми силами природы – *шакти*. В этом потоке, как капли в Ганге, и мы с тобой и всё сущее. (194)

Не должно быть никаких лишних вещей, связывающих человека, переживания и восприятия которого гораздо тоньше и сложнее в простой жизни. (195)

Бедность бывает разная, и материальная бедность ещё не гибельна, потому что она найдёт выход в духовном богатстве. (196)

Действительно богач тот, кто много знает. (197)

Утилитаризм неизменно приводит к ограниченности чувств, а не только мышления. (198)

Чем беднее страна или планета, тем больше разрыв в привилегиях и разобщение отдельных слоёв общества между собою. Достаток делает людей щедрее и ласковее, но когда будущее не обещает ничего, кроме низкого уровня жизни, приходит всеобщее озлобление. (199)

Дикая власть наживы заводит человечество в тупик. (200)

Стремление к грубому счастью собственности, жадному количественному увеличению обладания, быстро притупляющееся и оставляющее тёмную неудовлетворённость, ослабевает с возрастанием уровня культуры. (201)

В облике громадной машины есть то вызывающее чрезмерное хамство, с помощью которого ничтожный мещанин обретает мнимое превосходство. Ради этого он воздвигает роскошный особняк среди нищих хибарок и ведёт увешанную драгоценностями дуру-жену сквозь толпу бедно одетых тружеников. (202)

Деньги не цель, а возможность. Если относиться к ним как к силе, дающей разные возможности, то ты будешь ценить деньги, но оне не поработят тебя. Достойны презрения скупцы, однако не меньше противно и глупое мотовство. В деньгах – великий труд людей, и бросаться ими всё равно что бросать хлеб. (203)

Ярость собственника, невластного над прошлым, не имеет границ. (204)

Всегда приятно так просто помогать людям – чувствуешь себя богачом. (205)

Каждое недостойное действие немедленно должно уравновеситься противодействием. (206)

Понимание и разоблачение – две великие составляющие справедливости. (207)

Руководясь достойными намерениями, я смею всё. (208)

Мы можем видеть, что с древних времён нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения. (209)

Зло в наказании иногда служит добру. (210)

Самая великая борьба человека – это борьба с эгоизмом! (211)

Легко быть хорошим среди хороших, много труднее быть хорошим среди плохих. (212)

Эгоизм – это не порождение каких-то сил зла, а естественный инстинкт первобытного человека, игравший очень большую роль в дикой жизни и направленный к самосохранению. Вот почему у ярких, сильных индивидуальностей нередко силён и эгоизм, и его труднее победить. (213)

Беспричинный враг – это патология, садизм, которые легко распознать; и это редкое явление. Гораздо резоннее считаться с врагами, явными или тайными, которые имеют причину быть ими. Главная причина враждебности между людьми, непосредственно не связанными, а тем более связанными, – зависть. Увы, самая примитивная, мещанская, буржуазная, как хотите её называйте, но зависть остаётся основным бичом в человеческих отношениях. (214)

Борьба с элементами садизма – очень серьёзное и важное, но в то же время и тонкое дело. Чаще всего мещанин, ущемлённый в своих эгоистических поползновениях, мстит за это всем, кто попадает от него хоть во временную зависимость. Завистливый негодяй, причиняя зло и горе всем, кому может, пытается так уравнять себя с более работящими и удачливыми людьми. Желание беспредметной мести тоже идёт в одной линии с тенденцией отказать, оборвать, цыкнуть и тому подобное. (215)

Один из законов энтропии: опыт поколений, накапливающийся в подсознании, становится преимущественно негативным. В этом и заключается сила зла. Чем древнее народ, тем больше в нём накапливается этого негативного опыта. (216)

В тесноте люди мешают друг другу и озлобляются. Видят роскошь, красоту и завидуют, насыщая воздух испарениями чёрной жёлчи. (217)

Почему не охраняете психическую атмосферу от злобы, лжи в угоду чему бы то ни было, от путаных мыслей и пустых слов? Даже самые важные научные теории в духовно-моральном отношении находятся на уровне мышления каменного века, если не будут переведены в сознательную мудрость человечной морали. (218)

В отличие от первобытного зверя, поведение которого жёстко определялось железными законами дикой жизни, поведение невоспитанного человека не обусловлено. Отсутствие благодарности ко всему исходит из сознания: «Мир – для меня», – и является главной ошибкой в воспитании детей. Зато человек из зависти старается вредить своему ближнему, а этот «ближний» приучен мстить во всей силе своего скотского комплекса неполноценности. Так во всей жизни нагнетается всеобщее и постоянное озлобление, ощущение которого больно хлещет по чувствам тех, кто вырос в доброй психической атмосфере. (219)

Человек потерял много силы и выносливости, перестав быть животным и начав руководиться разумными побуждениями. В первобытной жизни и отборе наши предки накопили очень много энергии, частично ещё сохранившейся в организме, но в обычных условиях остающейся без употребления. Эта огромная мощь называется *кундалини* и хранится в основании позвоночника в яйцевидной капсуле *канда*, в виде змеи, свернувшейся кольцами в три с половиной оборота. Три кольца змеи – три состояния энергии: положительная, отрицательная и нейтральная. Добавочные пол-оборота означают, что змеиная сила всегда готова перейти из латентного состояния в динамическое. (220)

В настоящее время, которое называется эпохой зла, люди другие, хуже праотцев. Они стремятся к злу и отвергают добро, обнаруживая ненасытную жажду наслаждений. В результате зло в мире неизбежно нарастает, нации затевают войну против других наций,

дружба превращается во взаимную эксплуатацию и плотская страсть – это единственное, что связывает мужчин и женщин. Люди пали так низко, что уже не способны понять своё падение, не могут увидеть путь к спасению. (221)

Добро и зло, горе и радость абсолютны лишь в мере, а не в сравнении. (222)

Мало любви и добра в нашем мире! Мало людей, одарённых и не растративших свои душевные силы на пустяки вроде карьеры, жизни, богатой материально, или власти. Пусть ты родился слабым, но с любовью к людям, и ты не должен уходить с этого пути. (223)

Насколько мы все одиноки в жизни. Надо быть друзьями, надо всегда чувствовать вокруг себя дружеское участие, уверенность в помощи, ежедневную духовную связь, общение, деловую поддержку. Даже если захочется уединиться. Тогда появляется большая внутренняя сила, смелость, сознание своего единства с хорошими людьми. (224)

Как хочется верить в дружбу между мужчиной и женщиной! Но иногда мне кажется, что мы, современные люди, ещё не доросли до этого. (225)

В дружбе не так, как в любви, дружба требует обязательной взаимности. И равенства во что бы то ни стало. Но не в смысле одинаковости. (226)

Что значит – сильная личность? Человек, умеющий концентрировать свои душевные силы и влиять ими на людей. Даже робкий человек в гневе, в момент подъёма психических сил, может заставить других послушаться! Храбрец увлекает за собой трусливых – всё явления одного порядка, выраженные то слабее, то резче. Потому и чёрная магия имеет под собой реальную основу власти сильной личности злого человека, если ещё вдобавок обладающего даром гипноза, то и совсем олицетворяющего дьявола в эпохи темноты и суеверия. (227)

Чёрная магия не сказка, она действительно существует. Конечно, это не какие-то оккультные заклинания и зелья, а не что иное, как сила злобной и нечистой души, подчиняющая более слабых. И ей противостоит белая магия добрых мыслей, чистых желаний, помощи и любви. Если в этом человек понастоящему силён, то ему покорятся другие, и вокруг него будет атмосфера доброго покоя, отражающая и подавляющая злые силы недобрых людей. Когда-нибудь все люди поймут это и начнут без суеверия борьбу с «чёрной магией» – проявлением тёмных сил человеческой психики! А я советую тебе сделать это сейчас и прежде всего побороть то, что появляется в тебе самом. (228)

Во вселенной известно так много явлений, перед которыми мы стоим как дети, ещё не умеющие читать. (229)

Нет выше радости для человека, чем отдавать и помогать. (230)

Всегда идти срединным путём между двумя крайностями, между добром и злом, между светом и тенью, ибо всё в мире меняется со временем. То, что хорошо, становится плохим, и, наоборот, зло оборачивается добром. (231)

Велико счастье спасти одного человека, какова же будет радость, если удастся помочь целой планете! (232)

Одно невероятное, сцепившись с другим, превращается в реальное. (233)

Неизбывно живёт в каждом человеке, от костров пещерных жителей до пламени дюз ракетного корабля, вера в чудо, лекарство, волшебное место. Что-то внешнее, что придёт и снимет усталость, отчаяние и разочарование с души, хворь с больного тела. (234)

Люди часто не умеют взвесить реальную ценность своих дел и сопоставить её с вредной оборотной стороной, которой неизбежно обладает каждое действие, каждое мероприятие. (235)

Старая слава забывается, как забывается всё в быстром течении жизни, несмотря на усилия людей, особенно власть имущих, удержаться подольше в памяти человечества. (236)

В памяти человечества живут лишь те, чьи мысли, воля и достижения продолжают действовать и по прекращении действия забываются и исчезают. Часто они воскресают вновь из небытия, как многие древние учёные или художники, если их творения вновь становятся необходимыми и возобновляют действие в обществе. (237)

Бояться нельзя, но и легкомыслие, безответственность в любом деле не лучше трусости. (238)

Основой бесстрашия чаще всего является тупая нервная система и самоуверенность, исходящая от невежества. Но есть и иная, высшая ступень бесстрашия: самоконтроль при полном знании и чрезвычайной осторожности в действиях. (239)

Нельзя достигнуть истинной высоты культуры, убивая животных для еды. (240)

Чуткость вырабатывается в суровой жизни, где каждый немедленно отвечает за свои личные промахи перед самим собой и ближайшими товарищами. Люди такого закала привыкают полагаться прежде всего на себя и, главное, доверять себе. (241)

Серьёзные, вдумчивые и очень активные люди руководствуются не внешними соблазнами и приказами, а внутренним сознанием необходимости. (242)

Фальшивый страх ответственности составляет чуть ли не главное ощущение многих людей. (243)

Кричать о победе, которой не было, значит, проиграть будущее сражение, недооценив силы противника. (244)

Есть боевая злоба, которая возникает у доброго человека, когда он сталкивается с тёмной силой людского зверства. (245)

Солдату с передовой идти некуда, пока воюет. Или в могилу, или в госпиталь. Настоящему человеку в жизни некуда деваться, как стоять на передовой. (246)

Те, кто боится смерти, живут в голоде и злобе. Если ты знаешь, что в твоей смерти жизнь твоих родных, тогда идёшь смело на любую опасность! (247)

Терпеливое стремление тренирует нашу чуткость, даёт умение отделить настоящее от случайного – это своего рода внутренний компас, который в нужную минуту всегда подскажет вам, что вы на верном румбе. И кто знает, быть может, мы потому и встречались в жизни с интересными и замечательными событиями, что постоянно следовали этому своему компасу. (248)

Люди с развитой и тренированной психикой понимают друг друга почти без слов – слова служат лишь подтверждением чувств. (249)

Душевное одиночество ещё хуже, чем отрешённость от привычного мира. Это очень тягостно при тяжёлых испытаниях. (250)

Ничего нет более могучего, чем люди, соединённые доверием. Даже слабые люди, закаляясь в совместной борьбе, чувствуя, что на них полагаются полностью, становятся способными на величайшее самоотвержение, веря в себя, как в других, и в других, как в себя. (251)

Равновесие и умение быстро восстановить в себе покой – это качества, возможные лишь при избытке психологической крепости и воли. (252)

Разве может оказаться чужим тот, кто служит в полную меру сил? (253)

Большие достижения требуют больших жертв. (254)

Душевную силу дают долгая подготовка, крепкая закалка, строгое воспитание. (255)

Железная решимость обеспечивает успех, и если она есть, то будет и удача. (256)

Самая страшная отрава даже для очень мудрого и сильного человека – это постоянное восхваление его и его деяний. (257)

Часы неудач и поражений неизбежно сопровождают настоящую творческую деятельность. (258)

То, что на первый взгляд кажется неудачами, помогает копить в себе знания и не разбрасываться на побочные дела. (259)

Мало делать правильные поступки, надо ещё распознать время, в которое надлежит их сделать. Мы не можем сесть в лодку, которая уже проплыла мимо, или в ту, которая ещё не пришла. Знать, как действовать, – половина дела, другая половина – знать время, когда совершать действие. Для всех дел в мире есть надлежащее время, но чаще всего люди упускают его. (260)

Определить соразмерность своих сил необходимо перед выполнением задач жизни, ибо жизнь – искусство, а не хитрость, для открытых глаз и сердец. (261)

Достигнуть последнего усилия не часто дано человеку, но оно гибельно для слабого. (262)

Человек платит за унижение осмеиванием того, кто унизил, если не имеет силы. (263)

Дразнить или обижать кого-то – так выходит наружу скрытая вина или неполноценность. (264)

Дешёвой насмешкой, вульгарным осмеянием люди невежественные или слабые нередко прикрывают своё недоверие к новому, зависть к красивому, испуг перед глубиной знания. (265)

Угнетённый страхом вечно озлоблен и готов на всевозможные пакости. (266)

Избалованность – это отсутствие стойкости и нежелание любой ответственности. (267)

Вот что я скажу тебе определённо, как величайшую мудрость: преклонение для того, на кого оно направлено, самая быстрейшая порча. (268)

Сплочённость изнашивается, как физическая сила. Чистота сердца и бескорыстие, как железо ржавчиной, разъедается лестью окружающих, толпами продажных женщин и торговцев, жрецов и философов, родственников и мнимых друзей. (269)

Великое преступление возникает из цепи малых ошибок и проступков, а великое достоинство, равное богам, родится из бесчисленных действий сдержанности и обуздания самого себя. (270)

Жизненный опыт и знание психологии приучают не огорчаться из-за столкновений с косностью, гнусностью или непониманием. (271)

Моральный фактор не менее важен, чем все физические условия. Основа опасности в самом человеке, если он становится жертвой душевного надлома и не может действовать трезво. (272)

Обычный человек не в состоянии пройти по доске на большой высоте, хотя и доска может быть настолько широкой, что пройти её на земле доступно любому. (273)

Люди, остановившиеся на пути, чувствуют довольство достигнутым. Тогда неизбежно родится ощущение, что ты выше других, а оно ведёт к жажде поклонения. Идущий же должен всегда видеть себя со стороны, взвешивать, понимать всё ничтожество достигнутого, всю необъятность мира и прошедших времён. Из этого возникает не детская застенчивость, а неизбежная скромность. (274)

Ты не должен возвеличивать себя или другого ещё и потому, что возвышение одного неотвратимо рождает принижение другого. А принижение, особенно добровольное, ещё опаснее, оно рождает привычку быть руководимым, снимает ответственность за свои поступки, за свой путь. Тогда в расплату за облегчение жизни прекращается воспитание души, её совершенствование. (275)

Путь есть путь, и никто не может его избежать, если не хочет стоять на месте. Только путь можно удлинить или укоротить, но короткий он труднее, как в горах. (276)

Конформизм, по существу, задержка или остановка развития. Внутренняя диалектическая борьба – это основа всякого устройства в жизни, всякого процесса и всякой сложной структуры. Без неё получается просто количественный прирост наподобие раковой опухоли из однородных невзаимодействующих клеток, вместо организованного общества – толпа. (277)

Толпой управлять гораздо легче, но ведь развитие идёт, а она стоит на месте как застойная общественная формация. Всё больше растёт разрыв между нею и передовыми членами общества, требованиями прогресса. (278)

Неизбежна аннигиляция качества количеством. В зелёных джунглях тигр кажется великолепным зверем, почти мистически страшным. Но представьте десять тысяч тигров, выгнанных в поле! Как ни опасна эта масса, но она всего лишь обречённое стадо, тигра в ней нет. (279)

Человек и окружающий его мир едины. Искусственный их разрыв не создаёт никакого величия, не наделяет сверхчеловеческими силами, ибо части никогда не могут быть больше целого, и осколок, каким бы твёрдым он ни был, никогда не превзойдёт стойкости целого кристалла. (280)

Несчётное число раз я размышлял, сидя на берегах горных рек, о сходстве такого потока с жизнью людей. Смотри, вот они, пузырьки, – как наши жизни – один побольше, на другой

упадёт больше солнца, и он покажется более ярким, блеснёт всеми цветами радуги. Вот тот проплыл до середины освещённой полосы, а за это время лопнули и навсегда исчезли тысячи других... (281)

Так и мы: кому-то удаётся проплыть дольше, засверкать поярче, и каждый неповторим в своём коротком пути. Изменяется течение, угол падающих лучей, отражение скал – и всё другое. Пузырьки на реке, живущие несколько мгновений, летящие по воде от одной стены тумана до другой, – таковы мы в своей индивидуальной жизни. (282)

Сердце преисполняется печалью, когда следишь за этими обречёнными пузырьками. Забываешь, что они часть могучего потока, прорвавшего горы и мчащегося за тысячи миль к необозримым просторам тёплого океана. Исчезая, пузырёк не превращается в ничто – он соединяется с общим потоком. Научиться чувствовать себя всегда частью потока, несмотря на всю свою индивидуальную неповторимость, – вот обязательное условие мудрости! (283)

И смотри ещё: чем яростнее борется вода, пробиваясь через препятствие, чем стремительнее её бег, тем больше родится пузырьков и тем короче их существование. А ниже, на успокаивающейся воде, пузырьки редки, они живут дольше, зато вода бежит медленнее и их путь той же длины. (284)

Чувство внутреннего покоя и достоинства даёт возможность не бояться хулы и не преодолевать смущение заносчивостью. (285)

Олимпийское спокойствие – дар и свойство богов, отсутствующее у простых смертных. Оно самое первое из высоких дел. Ничего нет выше этого благородства, украшающего каждый прожитый день. (286)

Знать свои слабости и побеждать их – это даёт силу и власть над людьми. (287)

Спектр очарования природы: звериная сила тела, чувство бесконтрольного приволья, водоворот вечного кочевья, охоты, сражения, «злые» чары тёмной страсти – всё, что составляет анимальную сущность диких сыновей и дочерей Земли. Этому могучему и древнему волшебству вы противопоставите свет и безграничную вселенную ноосферы – поверх тёмных глубин побеждённого самим собой «я». (288)

Первые капли дождя не напитывают землю, но предвещают ливень плодородия. И мы тоже – капли. (289)

Есть объяснение почти для всего. Всё закономерно, в том числе и поступки людей. (290)

Мозг – это природа и вселенная, но вселенная не одного лишь текущего момента, а всей её миллионолетней истории, и опыт мозга отражает не только необъятную ширину, но и изменчивость природных процессов. (291)

Наша психика, отражающая внешний мир, – это такой же процесс и движение, как всё окружающее. (292)

Бездна памяти таится в глубинах нашей психики, вернее, физиологии, потому что она – из прошлого, а наша психика – это результат физиологии во взаимодействии с настоящим. (293)

Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек – микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появлялась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть

никаких «иных», совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы. (294)

Мудрость – это сочетание знания и чувств. (295)

Всегда приятно встречаться с собственными мыслями и ощущениями у другого, особенно старшего и мудрого человека. (296)

Знаете, как хорошо бывает, когда думаешь и чувствуешь и не у кого спросить, а вдруг всё оказывается верным. И от этого всё становится светлее и ближе! (297)

Всегда восхищаешься совпадением мыслей у целого ряда людей. В этом залог их верности и чувство товарищеской опоры. (298)

Знание сливается с неповторимым мастерством! (299)

Все вещи просты, когда знаешь, как их сделать! (300)

Развитие знаний, накопление опыта должны быть непрерывны. Только так нарушатся законы развития, которое всегда неравномерно и противоречиво. (301)

Люди стали меньше верить в чудесные возможности, которые таит в себе человеческая природа, в воспитание подлинного мастера – мастера в прекрасном старинном значении этого слова. (302)

Иногда лучше быть ничего не знающим и идти с широко открытыми глазами, свободным от чужого знания и вкуса. (303)

Не знать – не позорно, но уж отстаивать своё невежество, извините... (304)

Тупость никогда не должна торжествовать – последствия неизменно бывают плохими. (305)

Информация, как бы обширна она ни была, сама по себе не порождает мудрости и не помогает человеку одолеть свои затруднения. (306)

Знание, подобно добру, не должно разбрасываться как попало. Подобно богатству или военной силе, знание, попав в негодные руки, служит глупому возвеличению одного и унижению других. (307)

Умнеть всегда нелегко. (308)

С детства сложившееся представление трудно уничтожить. (309)

Знание – это не то, что тебе в голову в обязательном порядке набьют, а что ты сам в неё положишь с любовью, не спеша, выбирая как цветы или камни красивые. Тогда ты и начнёшь глядеть кругом и с интересом и поймёшь, как она, жизнь-то, широка, да пестра, да пресложна. И житьишко твоё станет не куриное, а человечье, потому человек – он силён только дружбой да знанием и без них давно бы уже пропал. Житья бы не стало от дураков, что ничего, кроме своего двора да животишка, не понимают. (310)

Безмерная людская глупость не даёт возможности понять истинную природу несчастий. (311)

Знание – спасение. Не было бы и малой доли того страдания, какое есть в мире, если бы люди больше задумывались над горем, происходящим от невежества. (312)

Трезвый разум, жаждущий простых и естественных истин, постепенно справляется с массой впечатлений. (313)

Гордая мысль, раз взлетев, не признаёт никаких препятствий. (314)

Без уединения человеку недоступно никакое совершенствование. (315)

Мало одного ума – нужна ещё и работа. (316)

Мыслящее существо обладает способностью не только запоминать, но и восстанавливать забытое. (317)

Чтобы видеть сны золотые надо иметь золотую душу. А в бедной душе откуда возьмётся богатство грёз? (318)

Как учёный, я привык иметь дело с фактами и только с фактами. (319)

Нельзя просто поднять завесу неизвестного – только после упорного труда, отходов, боковых уклонений мы начинаем ловить истинный смысл, и новые необъятные перспективы раскрываются перед нами. Не избегайте никогда того, что кажется сначала бесполезным и необъяснимым. (320)

Смотрите, как повсюду окружают нас непонятные факты, как лезут в глаза, кричат в уши, но мы не видим и не слышим, какие большие открытия таятся в их смутных очертаниях. (321)

Часто неверная предпосылка приводит к удачному опыту и неверная теория способствует раскрытию истины, иначе лежавшей бы под спудом нагромождённых без смысла наблюдений и фактов. (322)

Люди мало знают о своих собственных возможностях, а ещё меньше – верят в себя. (323)

Правильный путь к совершенствованию человека в тщательном развитии и умножении его телесных и психических сил. (324)

Для того, чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. (325)

Если случается непредвиденное, то значит, оно не может быть наперёд обдумано. (326)

В неожиданности почти всегда бывает часть того, что вы заранее обдумали. И тогда вы будете действовать уверенно, как опытный человек, так, будто с вами это уже происходило, и будете драгоценным товарищем. (327)

Каждая душа только сама может совершить подвиг совершенствования и восхождения. (328)

Мудрость малоприятна для её обладателя. Мудрых людей мало. Мудрость копится исподволь у тех, кто не поддаётся восхвалению и отбрасывает ложь. Проходят годы, и вдруг ты открываешь в себе отсутствие прежних желаний и понимание своего места в жизни.

Приходит самоограничение, осторожность в действиях, предвидение последствий, и ты – мудр. Это не есть счастье в поэтическом понимании, вовсе нет. (329)

Индивидуальное совершенствование без общественного назначения, во-первых, неполно, во-вторых, бесцельно. Это всё равно что сделать могучую машину и запереть её в сарай. Цель – действие в обществе людей, а не уход от них. (330)

Для этого и надо становиться сильными – чтобы помогать всем людям подниматься на высокий уровень жизни и познания. (331)

Жизнь для других, для большой цели светла и интересна, а жизнь для себя убога! (332)

Главное всегда и везде – не совершать поступка, продиктованного ошибочным мнением. (333)

Правда – она зависит от понимания. У любящего – одна правда, у ненавидящего, подозрительного – другая! (334)

Найти правду, общую для большинства, с помощью точных наук не удавалось, потому что не были установлены критерии для её определения. Эти критерии, иначе мера, оказались в какие-то периоды даже важнее самой правды. (335)

Правда и есть истина, ложь порождается страхом. Но не настаивайте слишком на точности истин, помните об их субъективности. Человек хочет всегда сделать объективной её, царицу всех форм, но она каждому показывается в ином одеянии. (336)

Погоня за абсолютным – одна из самых тяжких ошибок человека. Получается односторонность, т.е. полуправда, а она хуже, чем прямая ложь, та обманет меньшее число людей и не страшна для человека знающего. (337)

Воспитание в правде не может быть облечено абстрактными формулировками. Прежде всего это действенный подвиг на всех ступенях жизни. Когда вы откажетесь от злословия, от общения в предателями правды, насытите свой ум добрыми и чистыми мыслями, вы приобретёте личную непобедимость в борьбе со злом. (338)

Случая нет. Всё нуждается в понимании и разоблачении – двух великих составляющих справедливости. Что бы ни встречалось тебе в жизни, никогда не ступай на чёрную дорогу и старайся отвращать людей от неё. Для этого ты вооружён достаточно! (339)

Совмещать разные пути нельзя. Это приводит к ошибкам. (340)

Как судить только от себя, со своей стороны, если всё в мире имеет две? (341)

Ступив на путь лжи и запугивания, где определить меру и ту грань, дальше которой нельзя идти, не падая? (342)

Предатель своей страны заслуживает смерти у всех народов. Но почему не видят люди предателей своей собственной души? Ведь такие изменники не имеют уже правдивости. На человека этого нельзя положиться ни в чём. Он будет идти от дурного к худшему, и зло внутри будет возрастать. Кто бесчестен в самых великих вещах, скоро вообще потеряет всякое достоинство. (343)

Нет таких обстоятельств, чтобы скрыть правду о тех, кого любишь! (344)

В нашу инфернальную эпоху история не наука, а лишь инструмент политики и угнетения, нагромождение лжи. (345)

Целенаправленная ложь создаёт своих демонов, искажая всё: прошлое, вернее, представление о нём, настоящее – в действиях, и будущее – в результатах этих действий. Ложь – главное бедствие, разъедающее человечность, честные устремления и светлые мечты. (346)

Ещё очень плохо – людям так много лгали, что они не верят друг другу более, не верят никому, хотя бы тем, кто пришёл открыть им глаза и спасти их. (347)

Дорога к будущему разбежалась тысячей мелких троп. Ни одна не внушает доверия. Все устои общества и даже просто человеческого общежития полностью разрушены. Законность, вера, правда и справедливость, достоинство человека, даже познание сил природы – всё уничтожено владычеством аморальных, бессовестных и невежественных людей. Вся планета превратилась в гигантское пепелище. Пепелище опустошённых душ, сила и достоинство которых тоже растрачены в пустой ненависти, зависти, бессмысленной борьбе. И везде ложь. Ложь стала основой сознания и общественных отношений на нашей несчастной планете. (348)

Карма – колоссальный космический механизм, работа которого лежит в самой основе мира. Всё на свете – и боги, и люди, и звери подлежат карме. Они должны изживать свои ошибки, несовершенства и тем более преступления в череде последующих воплощений, судьба которых или ухудшается, или улучшается в зависимости от личного и общественного поведения. (349)

Ложь и обман, особенно написанные в книгах, составляют страшные преступления, потому что ведут за собой вредные следствия для многих людей и могут быть изжиты лишь через тысячи лет. Разрушение прекрасного также относится к самым тяжким поступкам. Запрещение кому-либо чего-либо означает, что запрещающий берёт нас себя карму подневольного, какая бы она ни была. (350)

Чтобы научить, надо ещё заставить человека учиться, а он по природе ленив. (351)

Мысли, думы, мечты, идеи, образы накапливаются в человечестве и незримо присутствуют с нами, воздействуя тысячелетия на ряд поколений. Наряду со светлыми образами учителей, творцов красоты, рыцарей короля Артура или русских богатырей были созданы тёмной фантазией демоны-убийцы, сатанинские женщины и садисты. Существуя в виде закрепившихся клише, мысленных форм в ноосфере, они могли создавать не только галлюцинации, но порождать и реальные результаты, воздействуя через психику на поведение людей. (352)

Умение учить – драгоценнейшая способность в эпоху, когда, наконец, поняли, что образование, собственно, и есть воспитание и что только так можно подготовить ребёнка к трудному пути человека. Конечно, основа даётся врождёнными свойствами, но ведь они могут остаться втуне, без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем. (353)

Учитель – в его руках будущее ученика, и только его усилиями человек поднимается всё выше и делается всё могущественнее, выполняя самую трудную задачу – преодоление самого себя, самолюбивой жадности и необузданных желаний. (354)

Будьте диалектиком и знайте, что нельзя требовать от жизни абсолютного приближения к идеалу и цели. Всё лишь относительно, и потому не безразлична, так сказать, цена достижения. И уж прямая дикость – устремление к цели любыми средствами. Жизнь неизбежно перевернёт страницу, и идеал изменится. (355)

Пора понять глубочайшую ошибку, совершаемую всеми родителями во всём мире, когда они прилагают все усилия, жертвуют собой, надрываясь, чтобы обеспечить своим детям спокойную жизнь и материальный достаток. Вместо того чтобы закалить их, научить жизни, а не заслонять от неё! Умные люди понимают, что никакие дачи, мебели, машины и капиталы ничего не дают, если нет человека, если он не воспитан стойким, любознательным, активным деятелем жизни, любви, знания, если он не идёт по жизни сам, не создаёт её сам, не существуя ни за чей счёт. (356)

Кротость и терпение воспитывают грубость и невежество. (357)

Благодаря самоотверженности, терпению и доброте распускаются пышные цветы зла из робких бутонов начальной несдержанности и безволия. Более того, терпение и кротость женщин помогают мужчинам сносить тиранию и несправедливость общественного устройства. Унижаясь и холуйствуя перед вышестоящими, они потом вымещают свой позор на своей семье. (358)

Самые деспотические режимы подолгу существовали там, где женщины были наиболее угнетены и безответны. Везде, где женщины были превращены в рабочую скотину, воспитанные ими дети оказывались невежественными и отсталыми дикарями. (359)

Люди теперь невоспитанны. Воспитание мужчин давно стали заменять образованием, которое давало большие преимущества в жизни. Воспитание сошло на нет, оставшись лишь по традиции в аристократических семьях. Женщинам везде давалось больше воспитания, чем образования. Это ослабило их в жизненной борьбе, но в то же время спасло род человеческий от полного одичания. (360)

Иногда мне кажется, что человечество забыло с тех самых пор, как кончился матриархат и поклонение женщине-матери, что она не только возлюбленная, не только мать, рождающая ребёнка! Она воспитательница человека, ребёнка и мужчины тоже. Воспитать человека – это главная задача для всего будущего Земли, более важная, чем достижение материального благополучия. В этой задаче красота – одна из главных сил, если только люди научатся правильно понимать и ценить её, также и пользоваться ею. (361)

Женщина – огонь жизни, пробуждающий, направляющий и формирующий стихийные силы природы. Она – мать, защитница от зла, дающая мужчине покой, воспитывая и указывая путь к прекрасному и доброму. От такого представления о женщине не откажется сейчас ни один культурный человек. (362)

Воспитанность – это прежде всего умение сдерживать себя, не мешать другим людям. В этом единственная возможность сделать совместную жизнь хорошей для всех без исключения. (363)

Люди сумеют давать обществу правильно воспитанных детей, только когда поймут наконец, что воспитание – самое важное дело и что здесь нельзя пренебрегать никакими возможностями. (364)

Эх, родители! То слишком вмешиваются, портят жизнь и психику детей, то предоставляют им свободу, когда этого делать нельзя. (365)

Мы разучились воспитывать. Заменили разнообразие обучения многочасовым сидением в школе и над уроками и думаем, что всё в порядке. Нет, друзья мои, чтобы хорошо воспитать человека, надо заставлять его работать по четырнадцать часов в сутки, но уж непременно над разными вещами. Школьные занятия сменять катком, танцами, ездой на автомобиле, велосипеде, гимнастикой, музыкой. В клещах работы и тренировки. (366)

Нужна величайшая осторожность и мудрость в применении дисциплины. Надо всячески избегать непрерывного давления на психику, необходимо «отпускать» человека, как отпускают сталь, чтобы не сделать её слишком хрупкой. Особенно так надо «отпускать» женщин, постоянное психическое давление забот на которых ведёт к истеричности и поступкам низкого морального уровня. (367)

Настоящее воспитание получил тот, для кого жизнь стала интересной и кому труд никогда не кажется нестерпимой обузой. (368)

Немилая работа хуже каторги, если ты век свой должен на ней стоять. За дипломом погонятся, а себя вроде как к каторге приговорят, несмышлёныши. (369)

Только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. (370)

Романтика – роскошь природы, но необходимая в хорошо устроенном обществе. От избытка телесных и душевных сил в каждом человеке быстрее возрождается жажда нового, частых перемен. Появляется особое отклонение к жизненным явлениям – попытка увидеть больше, чем ровную поступь повседневности, ждать от жизни высшую норму испытаний и впечатлений. (371)

Осень умеренных широк с её грустью любят именно люди наиболее энергичные, жизнерадостные и глубоко чувствующие. (372)

За необычными интересами часто кроются необычные способности. (373)

Профессия моряка и лётчика – это не только умение и тренировка. Духовное соответствие выбранному жизненному пути, позволяющее спокойно противостоять колоссальной мощи океана и, не дрогнув, исполнять свой долг до конца. Это соответствие призванию, пожалуй, такое же, как у художника, делающего своё дело вопреки всей силе мещанской злобы и непониманию, учёного – до конца ведущего поиски истины и борьбу с косностью, артиста – погибающего в усилиях достичь немыслимого совершенства. (374)

Талант – это способности, позволяющие делать то, что недоступно среднему человеку. (375)

Миллионы способных людей погибли, не дав миру, что могли, только потому, что не нашлось соответствия их способностей с задачами общества и уровнем времени. (376)

Качества мыслящего индивида в известной мере антагонистичны социальным нуждам человечества. (377)

Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врождённым способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся – вот что нужно человеку. (378)

Необходима не только перемена рода занятий, но и регулярное чередование труда и отдыха. Чем тяжелее труд, тем длительнее отдых, и тогда чем труднее, тем радостнее, тем больше захвачен человек весь, полностью. (379)

Можно говорить о счастье, как о постоянной перемене труда и отдыха, трудностей и удовольствий... Борьба за новое – вот настоящее счастье. (380)

Люди всё больше освобождаются от бесконечного и монотонного труда и в то же время не подумали, чем заполнить досуг. Психологический провал современной цивилизации –

бесцельная, ничем не заполненная праздность. А заполнить её надо воспитанием детей и самовоспитанием. Большая проблема жизни – держать человека в алертном состоянии, собранным физически и духовно. Для этого нужно, чтобы у него была цель, большая, хорошая. (381)

В несовершенном мире яркая индивидуальность, большие способности вместо служения обществу делают из человека замкнутого эгоиста, зачем-то самого себя превозносящего. (382)

Что касается гениев, то если понимать под этим словом людей, намного превосходящих среднего человека своими способностями, то такие гении бывают двоякого характера. Те, которые в силу исключительного запаса физических и психических сил обладают выдающейся работоспособностью и успевают сделать гораздо больше других, средних людей, так же хорошо уравновешены психически. Это и есть настоящие люди будущего. Но есть и другой тип гениев, у которых односторонне развита какая-либо одна способность в ущерб другим. Вследствие особой концентрации усилий, фанатической одержимости эти люди в чём-то одном намного опережают среднего человека, но психика их неуравновешена, очень часто параноидальна. Такие гении, с одной стороны, полезные члены общества, с другой – трудные в общежитии и нередко опасные. (383)

Бывает и так: человек не может совершить выдающегося, но зато делает хорошо многое. Это куда труднее, чем специализироваться. (384)

Не терплю бессмысленной работы, вызванной своей или чужой небрежностью и забывчивостью. В нашей жизни и без того слишком много нудных, обязательных и неизбежных дел, отвлекающих нас от познания, от творчества. Если мы будем по собственной разболтанности увеличивать их количество, повторяя уже сделанное, переделывая неточное, поправляя испорченное, то вряд ли мы далеко уйдём за короткое время своей жизни. (385)

Новые пути нащупываются отдельными людьми, потому что только особая настроенность мозга, после очень длительной подготовки, может распознать новое направление, скрытое в противоречивых фактах. (386)

Чистый человек видит цель жизни в том, чтобы работать для людей, он узнал меру в своих стремлениях. Из меры и цели родится смысл и порядок жизни. (387)

Страстная, от всей души убеждённость в собственной правоте, в верности своих суждений составляет силу интеллигентного человека. (388)

Что значат усилия одиночки в сравнении с дружной работой многих людей, очень хорошо известно каждому, кто пытался проложить новые дороги в науке или технике. (389)

Имея дело с большими числами, нужно отказаться от узких, рождённых житейским опытом представлений. (390)

Железные законы научного мышления требуют не столько горячего убеждения, сколько фактического материала. (391)

Наука – борьба за счастье человечества – также требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а учёным – крупные шаги вперёд. (392)

Наука с каждым годом всё больше становится массовой профессией, пользующейся большим уважением и неплохо оплачиваемой, но пока ещё не выработавшей способов быстро распознавать бездельников, халтурщиков и обманщиков, маскирующихся под учёных. (393)

Настоящий учёный не способен на личную зависть. (394)

Для учёного важны не звания и регалии, для него важнее всего движение науки вперёд. (395)

Уровень науки определяет наличным фактическим материалом. (396)

Установить факт – ещё очень мало, надо объяснить его. (397)

Наука отбросила и дала утонуть в бездне информации всем необъяснимым на данном уровне познания фактам. (398)

Наука, с одной стороны, дисциплинирует мышление, приучает к логике, к экономии мыслей, учит идти прямо к цели, не разбрасываясь. Но опять-таки диалектически она имеет свою оборотную сторону: наука прежде всего обедняет многогранность ощущения мира. (399)

Что происходит с наукой? Она ветвится, а знания наши дробятся. Существуют настолько узко-специальные проблемы и теории, что их в пору разглядывать в электронный микроскоп. (400)

Здание мира, некогда цельное, теперь разбито на осколки, и «узкие» науки не способны объяснить мир: оне перестают его понимать. Нужны учёные-энциклопедисты, те, кто поможет создать новую натурфилософию. (401)

Быстрые изменения жизни при технически развитой цивилизации запутывают дороги к правде, делая её зыбкой, как на слишком чувствительных весах, которым не дают уравновеситься. (402)

Основное правило психологии предписывает искать в себе самом то, что предполагаете в других. (403)

Необходимо дополнить метод внешнего исследования, характерный для науки Запада, интроспективным методом Востока, полагаясь только на собственные силы человеческого разума. (404)

Чем шире становится фронт науки и глубже проникновение в тайны природы, тем больших усилий и материальных затрат требуется для каждого нового шага. (405)

Быстрые продвижения одиночек сегодня невозможны. Познание оказалось слишком многосторонним, всё более сложные эксперименты замедляют ход исследований и, кроме того, громоздят горы неиспользуемой информации. (406)

При малой затрате средств на науку нет никакой надежды, что она сможет разрешить стоящие перед ней задачи, проникнуть в глубокие противоречия биологических механизмов и социального развития. Так выходит, что учёные получают от государства привилегии за то, чего сделать не могут, т.е. являются паразитами, живущими на ренту приобретённых знаний. (407)

Раздробленное знание углубляется в вопросы, практически уже ненужные. (408)

Мы только отстранили себя от подлинного познания сложности живой природы, надев цепь односторонней и опасной линейной логики, превратившись из вольных мыслителей в скованных нами же придуманными методами рабов узких научных дисциплин. Та же первобытная вера в силу знака, цифры, даты и слова господствует над нами в трудах и формулах. (409)

То, что здесь называется наукой, на самом деле есть только технология, узкий профессионализм, столь же далёкий от самоотверженного труда в познании мира, как ремесленный навык от подлинного мастерства. (410)

В то же время надменность молодых исследователей, по сути дела – невежественных технологов, воображающих себя учёными, доходит до того, что они мечтают о переустройстве вселенной, даже не приблизившись к представлению о сложности её законов. (411)

Наука не сумела даже выяснить смысл существования человека. Люди до сих пор ничуть не больше понимают цель жизни, чем ужасные динозавры, исчезнувшие с лица нашей планеты многие миллионы лет назад. (412)

Единственный критерий ценности науки – уменьшение страданий человечества, подъём из адских условий существования. (413)

Величайшее могущество фантазии! В голоде, холоде, терроре она создавала образы прекрасных людей, будь то скульптура, рисунки, книги, музыка, песни, вбирала в себя широту и грусть степи или моря. Все вместе они преодолевали инферно, строя первую ступень подъёма. За ней последовала вторая ступень – совершенствование самого человека, и третья – преображение жизни общества. Так создаются три первые великие ступени восхождения, и всем им основой служит фантазия. (414)

Преимущество «философии природы» в широком подходе к понятиям сугубо специфическим, к проблемам чисто научным. В готовности ответить на любые вопросы, и общие и частные. В неоспоримом достоинстве смотреть на предмет исследования под широким углом зрения. (415)

В науке могут быть два пути – путь смелых бросков, догадок, с отступлениями, провалами и разочарованиями, и путь медленного продвижения, когда постепенно нащупывается истина. И оба полезны, и один не может обойтись без другого. (416)

Мы ещё не научились как следует управлять наукой. Она поднимается валом, но несёт много мусора. Да и внутри настоящей науки тоже накопилось всякой лжи. (417)

Незнакомая наука кажется очень важной. (418)

Мне думается, что понять законы стихий – это знание, а овладение этими силами, подчинение их – это искусство! (419)

В незапамятные времена люди могли совершать небрежность или обманывать друг друга и себя. Но не теперь! (420)

Всё грознее становится могущество человека и всё больше – его слабость перед лицом им же созданных опасностей, каких ещё не существовало в прежнем мире. (421)

Безудержность знания неотвратима: оно всё шире и дальше распространяется по бескрайним равнинам неизвестного, захватывая всё большие массы людей. (422)

Чем глубже познание, тем сильнее может быть причинён вред. (423)

Никакая опытность не может противостоять случайности, и учёный должен бы об этом знать! (424)

Наука сейчас, как и все другие виды деятельности, носит принудительный характер. Разбитое на мелкие осколки знание, интересует людей не более, чем всякая работа, в которой не видишь смысла и цели. Значение имеют только учёная степень и должность, дающие привилегии. (425)

Есть люди, безразличные в выборе научного пути. Случай, выгода – и они будут заниматься чем угодно. И даже с большим успехом, с хорошими результатами. Но я не считаю их настоящими учёными. Выбор науки, что там ни говори, определяется личными склонностями, способностями и вкусами. Только тогда, когда ваш ум будет требовать знания, ловить его, как задыхающийся ловит воздух, тогда вы будете подлинными творцами науки, не щадящими сил в своём движении вперёд, сливающими свою личность с наукой. Тут дело в комбинации твоих способностей и интересов, которые принесут наибольший эффект, если будут гармонировать с избранным путём. (426)

Длительность зрелой жизни бесконечно мала не только перед необъятностью знания, но и для неутомимых поисков учёного. Если он утомляется в пути, то, значит, началось духовное умирание исследователя, как бы велики ни были его прежние достижения и заслуги. (427)

Люди, к сожалению, таковы, что дабы утвердить новое, им надо опорочить прежнее. (428)

Учёные очень много занимаются отрицанием, словесно уничтожая то, чего якобы не может быть и нельзя изучать. Об известных явлениях природы твердят как о несуществующих, не понимая сложности мира. Это негативное направление науки пользуется наибольшим успехом у массы людей потому, что поднимает их ничтожный и узкий здравый смысл до «последнего слова» науки. (429)

Узкая специализация учёных содействует быстрому разрешению частных вопросов, но в то же время мешает обобщению более широких проблем. (430)

Иногда трудно иметь дело с профессионалами. Слишком много предвзятости. (431)

Человеческое знание имеет тенденцию узнавать всё больше и больше о всё меньшем и меньшем. Уравновешивая эти две противоположности, мы найдём верное решение. (432)

Что касается секретности, то секреты в науке лишь отсрочка, тем более короткая, чем более общей проблемой вы занимаетесь. (433)

Наука не знает и не может знать всей необъятности мира. И вера в то, что она уже нашла решение всех проблем, приведёт к катастрофе. Так могут думать лишь ослеплённые догматизмом или некритическим энтузиазмом люди. Ни одно из открытий, ни один из величайших законов не окончательны. Думают о полноте и законченности науки обычно догматические умы в математике, но ведь это одно и то же, как если бы историк решил, что история завершена. (434)

Чем больше развивается наше знание, тем больше загадок природы встаёт перед нами. Беспредельно богатство самых привычных явлений, неисчерпаемое в своём разнообразии, в извилистых путях исторического развития. (435)

Прежде чем научиться нести чужое бремя, мы учимся, как не умножать это бремя. Стараемся, чтобы ни одно наше действие не увеличивало суммы всепланетной скорби, постигая диалектику жизни, гораздо более сложную и трудную, чем все головоломные задачи творцов научных теорий и новых путей искусства. (436)

Зачем стремиться к овладению первичными силами космоса, не познав как следует необходимых человеку вещей? (437)

Чудовищная стоимость, сложность и энергетическая потребность наших приборов давно превысили истощённые производительные силы планеты и волю к жизни наших людей. (438)

Число возможных научных объяснений любого физического явления безгранично. Так выбирайте только то, что станет непосредственным шагом, пусть маленьким, к счастью и здоровью людей. Только это, больше ничего! (439)

Как необходимо и благотворно непрестанное разъяснение гигантских достижений современной науки. (440)

Первые учёные неизбежно были проповедниками. Самое слово «профессор» означает по-латыни «проповедник», или «провозвестник», подчёркивая важнейшую роль популяризации в деятельности людей науки. Было бы замечательно, если бы люди выдающегося ораторского таланта читали лекции о достижениях науки, как о достижениях искусства, просто и широко говоря о необъятных перспективах, всё шире открывающихся перед современным человеком. (441)

Необразованный учёный – это звучит парадоксально, но лишь потому, что мы воспитались на старых представлениях об учёном как носителе энциклопедических познаний. (442)

Пожалуй, из всех несуразностей наших обществ больше всего удивляет то, как могут продавать себя самые могучие умы планеты. Вероятно, во всём остальном, кроме их узкой профессии, они вовсе и не могучи, эти талантливые обыватели. Впрочем, многие учёные сознают это. Большинство их ведёт себя надменно и вызывающе – именно так ведут себя обычно люди, скрывающие комплекс неполноценности. (443)

Есть вещи, которыми нельзя заниматься, пока не будет лучше устроено общество на всей нашей планете. (444)

Гуманизм и бесчеловечность в науке идут рядом. Тонкая грань разделяет их, и нужно быть очень чистым и честным человеком, чтобы не сорваться. Мало того, по мере развития гуманизм превращается в бесчеловечность, и наоборот, – такова диалектика всякого процесса. (445)

У нас на Земле велось и ведётся множество дискуссий по миллионам вопросов, издавалось и издаётся миллионы книг, в которых люди спорят со своими противниками. В конце концов мы запутались в тонкостях семантики и силлогизмов, в дебрях миллионов философских определений вещей и процессов, сложнейшей вязи математических изысканий. В литературе идёт аналогичный процесс нагромождения изощрённых словесных вывертов, нагромождения пустой, ничего не содержащей формы. (446)

В науке и искусстве надо спорить работой, идти вперёд, пусть спотыкаясь, но идти, а не играть словами. (447)

Наука имеет свои законы развития, не всегда совпадающие с практическими требованиями сегодняшнего дня. И учёный не может быть врагом современности, но и не может быть только в современности. Он должен быть впереди, иначе он будет лишь чиновником. Без современности – фантазёр, без будущего – тупица. (448)

Всё быстрее нарастает познание в современном мире. Обрисовывается точнейшая взаимосвязь, обусловленность кажущихся различными явлений мира и жизни. Всеобщее

переплетение отдалённых случайностей, вырастающее в необходимость, т.е. в законы природы, пожалуй, самое важное прозрение современного человека. (449)

И в человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или другие случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в её орбиту человеческие жизни. Мы, не зная достаточно глубоко причинную связь, не понимая истинных мотивов, называем это судьбой. (450)

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные её нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий, неизбежно долженствующих сблизить совершенно чужих людей, живущих в разных местах нашей планеты, и заставить их действовать совместно, враждуя или дружа, любя или ненавидя, в общих исканиях одной и той же цели. (451)

Слишком сильна у людей жажда чуда, тяга к вере в какого-нибудь пророка. Теперь, когда все убедились в могуществе науки, пророки стали возникать на её почве, а не на религиозной, как раньше. (452)

Пытаясь заменить человека машиной, учёные впали в опасную ошибку и распространили в ноосфере однобокое линейно-логическое мышление, принимаемое за сущность разума. (453)

Можно уничтожить душу, т.е. психическое «я» человека, через ненужное и самовозносящееся умствование. Можно лишить людей нормальных эмоций, любви и психического воспитания и заменить всё это кондиционированием мыслительной машины. Тогда появится много подобных «нелюдей», очень опасных, потому что им будут доверены научные исследования и надзор за настоящими людьми и природой. (454)

Я только искатель научной истины, знающий, что истина зависит от обстоятельств места и времени. (455)

Всё человечество уверилось в могуществе науки, злом или добром – это зависит от нас. (456)

Человек неукротимо, везде и под любым предлогом стремится утвердить себя с помощью искусства. (457)

Искусство и с ним развитие чувств человека не менее важно для общества, чем наука. (458)

Есть люди, просто любящие искусство и помогающие ему. Те, которым известно, что и одна роза украшает весь сад. (459)

Человеческое сердце всегда остаётся открыто прекрасному, и каждая встреча с ним обновляет вечное бессознательное ожидание нового, ради которого, собственно, и стоит жить. (460)

Для искусства подчас лучше наивность. (461)

Развивать эмоциональную сторону человека стало важнейшим долгом искусства. Только оно владеет силой настройки человеческой психики, её подготовки к восприятию самых сложных впечатлений. (462)

Я полностью старомоден и не выношу гнильцы, привлекающей любителей дичи с тухлятинкой, заплесневелого сыра, порченых людей и некрасивых поступков. Для меня любое произведение искусства, будь то книга, фильм или живопись, не существует, если в нём нет глубоко прочувствованной природы, красивых женщин и доблестных мужчин. (463)

Искусство, по-моему, – отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность и есть красота, без которой я не вижу счастья и смысла жизни. Иначе искусство легко вырождается в прихотливые выдумки, особенно при недостаточном знании жизни и истории. (464)

Художнику трудно выражать словами или формулами те сложнейшие явления, которые он видит и отбирает из окружающего. (465)

Драгоценная связь с глубиной народного искусства даёт безошибочное чутьё настоящего. (466)

Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живёт и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. (467)

Древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а идти нужно своим путём. (468)

Мне всегда хотелось, чтобы путь искусства был в преодолении и изменении мира, а не только его ощущением. (469)

Настоящее искусство – в радостном и простом слиянии с жизнью. Его творения не угнетают и не давят человека, а, наоборот, возвышают. (470)

Надо делать собрав всего себя, всю волю. Таковы были древние мастера, знавшие главный секрет победы – неутолимое и непреклонное желание творить! (471)

Спрос с большого художника, как с героя, не меньше, если он задался созданием великого произведения искусства! (472)

Подвиг великого творчества под силу лишь гигантам искусства. (473)

Ремесленник, изготовляя вещь, думает лишь о её продаже. Художник выполняет поставленную себе задачу. (474)

Каждый человек имеет свои обязанности, соответственно тому, как одарила его судьба. Чем дар выше, тем больше должны быть обязанности. У царя – забота о своих подданных, о процветании своей страны, у художника и поэта – сотворить такое, что доставило бы радость людям. (475)

Часто боги, одаряя художника даром видения и повторения, вкладывают ему нежную, чувствительную душу, отнимая за это часть мужества. (476)

Участвуя в создании тончайших подробностей, утрачиваешь ощущение цельности. (477)

Самый великий подвиг искусства – вырвать прекрасное из жизни, подчас враждебной, хмурой и некрасивой, вложить гигантский труд в создание подлинной, безусловной, каждому понятной, каждого возвышающей красоты. (478)

Мало этого, тебе придётся бороться со всё распространяющимся влиянием бездельников, думающих ловким трюком, фокусом, удивляющей безвкусных глупцов

выдумкой подменить настоящее искусство. Они будут отвергать твои искания, глумиться над твоим идеалом. Сами неспособные на подвижнический труд настоящего художника, они будут каждый найденный ими приём, отдельное сочетание двух красок, набор мазков или удачно найденную светотень объявлять открытием, называть элементом мира, не понимая, что в нашем ощущении природы и жизни нет ничего простого. Что везде и во всём – сложнейший узор ткани Майя, что наше чувство красоты уходит в глубину сотен прошедших тысячелетий, в которых формировалась душа человека! Отразить эту сложность может лишь подлинное искусство через великий труд. (479)

Художник, вернее, искусство вообще – всегда и неизбежно отстаёт от стремительного роста знания и техники. (480)

Безобразное отрицание искусства происходит тогда, когда люди, одичав в гонке технических усовершенствований, создают массы вещей, порабощающих ум и сознание человека. (481)

Благородная задача – отстоять культуру от варварства, вооружённого последним словом техники. (482)

Занятым только чистоганом не приходит в голову, что совершенные творения мысли и опыта подобны произведениям искусства и принадлежат, в сущности, всему человечеству как памятники развития его культуры. (483)

Для каждого настоящего художника грубое расхождение окружающей жизни с его идеалами – тайная и никогда не заживающая рана души. (484)

Почему всегда становится страшно за разносторонне совершенных людей? Боги не любят человеческого совершенства. Эта формулировка была известна ещё в глубокой древности и не только в отношении людей, но и предметов искусств. Большинство замечательных творений искусства постигла гибель. (485)

Основа культуры – это понимание меры во всём. (486)

Как правило, в выступлениях нынешних ораторов интересные идеи тонут в массе ненужных фраз. Мысль, как загнанная зверюшка, мечется между словесными нагромождениями пустопорожних фраз, отступлений, реминисценций и схоластики доказательств. (487)

То, что почему-то называют «кратким вступительным словом», – неизменно оказывается потоком никого не интересующих банальностей. Это видно по скучающим лицам присутствующих, по шуму в зале, который едва покрывается грохотом звукоусилителей, передающих слова бездарного оратора. (488)

Вылавливать мысли в пространных речах – утомительное занятие. (489)

Накалять страсти несдержанной аудитории – это ведёт к утрате разумного и критического восприятия. (490)

Разрыв между нищей жизнью и развлечениями тем страшнее, чем сильнее иллюзия. Обеднение и сужение индивидуальной и общественной жизни человека всё сильнее расходятся с теми нереальными видениями, какими его отуманивают. Искусственное величие, напряжённость, полнота чувств в иллюзиях вызывают расщепление психики между призрачным миром и реальностью жизни. (491)

Важно, чтобы искусство несло утешение, а не развлечение, увлекало на подвиг, а не давало снотворное, не занималось исканием дешёвого рая, не превращалось в наркотик. (492)

Людей надо поднимать над обычным уровнем повседневной жизни. В этом и состоит истинное значение прекрасного, ибо без него нет душевного подъёма. (493)

Нельзя искажать прекрасное. Оно перестанет давать силы и утешение, душевную крепость. Красота преходяща, слишком коротко соприкосновение с ней. Поэтому, переживая утрату, мы глубже понимаем и ценим встреченное, усерднее ищем в жизни прекрасное. Вот почему красива печаль песен, картин и надгробий. (494)

Отзвук общечеловеческой тоски и трагедии при встрече с прекрасным от того, что мы отдаём себе отчёт, как неуловимо оно и как ускользает всё виденное, познанное, созданное нами в быстром полёте времени, над которым нет никакой власти. Пролетают дивные мгновения, проходит мимо красота, которой мало в жизни. И все люди, встречая прекрасное, чувствуют печаль, но это хорошая печаль! Она даёт силу, вызывает желание борьбы, зовёт на подвиг художника – остановить время, задержать красоту в своих творениях. (495)

Гуманистическая идея, способная пройти сквозь века и тысячелетия, делает настоящее искусство бессмертным. (496)

Артисты способны перевоплощаться и этим спасают себя от ударов жизни. (497)

Если не обладать потрясающим, редкостным талантом, какой появляется раз в поколение, путь к вершинам искусства труден и жесток. И пока женщина, даже талантливая, станет выдающейся артисткой, она потеряет так много, что перестанет быть женщиной, а станет только артисткой. Отсюда и поговорка, что талантливые люди бессердечны. (498)

Вся глубина падения общества распознаётся по его отношению к художникам. Общество не понимает, что люди искусства крупицами отвоёвывают у смерти во времени, у разброса в пространстве красоту, мечту, идеал несостоявшегося, но возможного, слагая лестницу подъёма из инферно, прочь от размытых чувств и мгновенного счастья природы. (499)

Именно в том, чтобы помогать подыматься из инферно, и состоит назначение художника. Без этого есть лишь слепой талант, как бы велик он ни был. (500)

Искусство не может отвращать и порочить! Искусство или торжествует в блеске прекрасного, или тоскует по его утрате и только так! (501)

На художника веет дыхание безбрежного океана вечности. Он понимает, что в этой безвременной дали – только любовь и знание, только радостное и доброе, только чистое и светлое. Всё остальное не уносится вперёд, продолжаясь в вечности, а осаждается в лоне мутной жизни, как в тёмных, полных тлена, тихих заливах моря. (502)

Самое яркое во всей социальной истории земного человечества – неуклонное возрастание взаимопонимания с ростом культуры и широты познаний. Чем выше становится культура, тем легче разным народам и расам понять друг друга, тем ярче светят всем общие цели устройства жизни, яснее необходимость объединения сначала нескольких стран, а затем и всей планеты, всего человечества. (503)

На высшей ступени развития никакого непонимания между мыслящими существами быть не может. (504)

Две разные планеты, достигшие космоса, легче сговорятся, чем два диких народа одной планеты. (505)

Сравнивать живопись со скульптурой можно лишь по степени действия на чувства человека. (506)

Стремление к созданию прекрасных форм – вот цель художника. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить её – вот его задача. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но его передать – как раз самое трудное. (507)

В живом и прекрасном теле нет никогда мёртвой неподвижности, есть только покой, т.е. мгновение остановки движения, закончившегося и готового смениться другим, противоположным. Если схватить это мгновение и отразить его в неподвижном камне, тогда мёртвое оживёт. (508)

Для огромного большинства людей красота человеческого тела – это большая радость и духовное наслаждение. (509)

Было ли когда-нибудь, что модель художника не становилась его возлюбленной? И тому ведь есть глубокая причина: чувство красоты накрепко сплетено с чувством любви и страсти. (510)

Если вы, глядя на красоту нагой женщины, видите прежде всего «неприличные места» и их надо от вас закрывать, значит, вы ещё не человек в этом отношении. С такими дикими «художественными вкусами» не следует раскрывать рта. Держите их при себе! (511)

Я хочу сделать так, чтобы как можно больше людей поняли законы прекрасного и приобрели бы настоящий вкус художника! (512)

Создать, проявить, собрать красоту человека – такую, чтоб она была реальной, живой, – это большой подвиг, тяжело. Проще дать общую форму, в ней подчеркнуть, выпятить какие-то отдельные черты, отражающие тему, – ну, гнев, порыв, усилие. Скульпторы идут на намеренное искажение тех или иных пропорций, чтобы тело приобрело выражение, а не красоту. А изображение прекрасного тела требует огромного вкуса, понимания, опыта и прежде всего мастерства. Оно практически недоступно ремесленничеству, и в этом главная причина его мнимой устарелости. (513)

Новые наши мастера уродуют тело человека в попытке утрировкой, диспропорцией и абсурдным искажением достигнуть выражения хотя бы одного-единственного чувства в форме. Одного – там, где должны быть сотни, да ещё в тысячах оттенков и переходов! (514)

В форму абстрактной живописи или скульптуры облекается множество подделок под искусство в то время, когда множество людей с плохо развитым вкусом, гонится за так называемой модой, т.е. массовыми увлечениями в музыке, одежде, искусстве и даже облике человека. (515)

Важно понять, что дробление и искажение формы, перспективы и цветопереходов представляет собою закономерное в шизоидной психике стремление к извращению окружающей реальности. И вот миллионы нелепейших картин и чудовищных скульптур, больше похожих на обломки утилитарных деталей, заполонило музеи. (516)

Что такое музеи? – бесконечные высокие залы, увешанные картинами от пола до потолка. А сами картины походят одна на другую, изображая тёмными, тусклыми красками людей громадных размеров, почему-то голых, некрасивых, с дряблыми и рыхлыми телами. Эти люди то убивают друг друга, то униженно валяются в ногах у свирепых владык, то

объедаются невероятным количеством пищи. Нередко на картинах изображена только одна эта «пища» – отвратительные груды зарезанных животных, рыб, фрукты и хлебы. (517)

Надо различать красоту и красивость. Красивость – это то, что представляется красотой для людей с неразвитым вкусом. (518)

Фальшивый термин «красивость», как всякая полуправда, ещё более лжив, чем прямая ложь. (519)

Красота существует в мире. Но для её понимания нужен развитый вкус, нужно чутьё художника. И его долг выявлять и показывать её людям. (520)

Красота – это не то, что исходит из нас самих, из наших идей и мыслей о том, какими должны быть люди и вещи. Красота существует вне художника и является объективной реальностью. (521)

То, что красота относительна и что задача художника открывать её новые формы, – глубоко ошибочное суждение. Откуда же возьмёт её художник – из собственной души только? Открывать законы красоты во всём бесконечном многообразии вещей и людей, искать то из существующей вне нас объективной реальности, что вызывает в человеке чувство прекрасного – вот формулировка диалектики. (522)

Красота существует как объективная реальность, а не создаётся в мыслях и чувствах человека. Красота – это наивысшая степень целесообразности, степень гармонического соответствия и сочетания противоречивых элементов во всяком устройстве, во всякой вещи, всяком организме. (523)

Каждая красивая линия, форма, сочетание – это целесообразное решение, выработанное природой за миллионы лет естественного отбора или найденное человеком в его поисках прекрасного, т.е. наиболее правильного для данной вещи. Красота и есть та выравнивающая хаос общая закономерность, великая середина в целесообразной универсальности, всесторонне привлекательная, как статуя. (524)

Все вы замечали, но ни с чем не связывали факт, что, например, красота форм, будь то архитектурных, будь то местности какой-нибудь, будь то человеческого тела и так далее, чувствуется и, в общем, одинаково оценивается всеми людьми самых различных категорий, развития и воспитания. А дайте вы проанализировать эту красоту соответствующему специалисту: здание – архитектору, ландшафт – географу, тело – анатому, тот сразу скажет, что красота есть совершенство в исполняемом назначении, совершенство целесообразности, экономии материала, прочности, силы, быстроты. Думаю, что опыт бесчисленных поколений дал нам бессознательное понимание совершенства, воспринимаемого в виде красоты, и это понятие отпечатывается уже в памяти, – той бессознательной памяти, которая передаётся по наследству из поколения в поколение. (525)

Красота – это правильная линия в единстве и борьбе противоположностей, та самая середина между двумя сторонами всякого явления, всякой вещи, которую видели ещё древние греки и назвали *аристон* – наилучшим, считая синонимом этого слова меру, точнее – *чувство меры*. Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким – лезвием бритвы, потому что найти её, осуществить, соблюсти нередко так же трудно, как пройти по лезвию бритвы, почти не видимому из-за чрезвычайной остроты. (526)

Главное, что я хотел сказать, это то, что существует объективная реальность, воспринимаемая нами как безусловная красота. Воспринимаемая каждым, без различия пола, возраста и профессии, образовательного ценза и тому подобных условных делений людей. Есть и другая красота – это уже личные вкусы каждого. Мне кажется, что художники больше

всего надеются именно на эту красоту второго рода, пытаясь выдавать её, вольно или невольно, за ту подлинную красоту, которая, собственно, и должна быть целью настоящего художника. Тот, кто владеет ею, становится классиком, гением или как там ещё зовут подобных людей. Он близок и понятен всем и каждому, он действительно является собирателем красоты, исполняя самую великую задачу человечества после того, как оно накормлено, одето и вылечено... даже, и наравне с этими первыми задачами! (527)

Чувство и потребность прекрасного заложены в нас как необходимость. (528)

Красота в самом деле важнее, чем нам кажется. Она счастье и смысл жизни. (529)

Неоспоримо право каждого человека на знание и красоту. (530)

Вот никогда не говори: красота – пустяк. Вовсе она не пустяк, а сила большая, через неё и жизнь в правильное русло устремляется! (531)

Величайшая цель и мечта искусства – отражение природной мощи человека в красоте и силе его тела и души. (532)

Ведь такую красоту увидишь – и смерти бояться перестанешь. (533)

В нашем разобщении с природой мы порядком утратили понимание красоты. (534)

Не впитав в себя великого разнообразия жизни, не научишься понимать красоту. (535)

Наше понятие человеческой красоты и красоты вообще родилось из тысячелетнего опыта – бессознательного восприятия конструктивной целесообразности и совершенства приспособленности к тому или другому действию. Вот почему красивы и могучие машины, и морские волны, и деревья, и лошади, хотя всё это резко отличается от человеческого облика. (536)

Целесообразность это и есть красота. (537)

Неуловимая красота таится повсюду – в изгибе гребня бегущей волны и в развевающихся ветром волосах женщины, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утёсах, надменно возвышающихся над морем. (538)

Тайна красоты лежит в самой глубине нашего существа, и потому для её разгадки нужна биологическая основа психологии – психофизиология. (539)

Если в душе человека нет того, что горит, влечёт и тревожит, то ему бесполезно говорить о Красоте. Ничего из ничего не пробудится. Все слова и объяснения падают в пустоту, в провал души, и он не изменится до следующих воплощений. (540)

Надо говорить с теми, в ком есть непробуждённое богатство, – тогда придёт отклик. Подумай, прошли тысячелетия, а бесчувственные невежды не прибавили ничего к древнему пониманию красоты и страсти, не осветили эти тайные глубины огнём подлинного знания. Проповедуемое ими искусство даёт нам все оттенки мелких чувствований, которые рождаются по пустякам и умирают в непонимании законов любви и красоты. Кто бы они ни были, не слушай их. Их мнимое знание – на деле позорная слепота прошлого, родившаяся в душной и тесной жизни, рабски склонившейся перед опасностью и трудами познания! (541)

Плохо идут дела в государстве, если его покидает красота. Красота женщин, искусства, ремесёл. (542)

Человек искусства должен обладать совестью и вкусом настолько, чтобы видеть цель и грань дозволенного. Можно показать женщину совершенно обнажённой и в то же время кристально чистой и благородно прекрасной. Можно изобразить страсть так, что в ней не будет ничего аморального. (543)

Все фотографы красивых моделей знают, что полная нагота не имеет полового призыва. Чтобы получить его, надо искусно полураздеть женщину. Без этого снимок не будет иметь успеха. (544)

Красивая женщина стоит как бы на черте, за которой лежит запретная область. Тысячелетия эта женская тайна обещала гораздо больше, чем давала, и всё же оставалась привлекательной даже для испытанных людей. (545)

Есть немало людей, у которых красота вызывает неосознанную злобу, те стремятся оскорбить и унизить красивую девушку, бросить вслед грубое слово. (546)

Есть люди, которые считают, что оскорбительно быть человеком, потому что имеются кишки, а с ними известные необходимые отправления и надо есть каждый день. (547)

Произведения искусства в повреждённой психике вызывают такую же ярость, как, например, обнажённые изваяния, женская красота или танцы. Чувство своей неполноценности, ущербности и неодолимое желание компенсации, торжества – параноидальный комплекс. (548)

«Beauté du diable» – так французы называют момент, когда девушка впервые расцветает свежей и юной красотой. Большей частью это случается в восемнадцать лет. Такая красота действует на мужчин, особенно пожилых, неотразимо, вероятно, потому и возникло её название в эпоху средневековья. (549)

Ничего нет в мире неуловимее женской красоты. Красота ускользает, как черта горизонта. Стремиться к ней – это безнадёжная борьба, вести которую обречены лишь поэты и художники. (550)

Всё наше чувство прекрасного, эстетическое удовольствие и хороший вкус – всё это освоенный подсознанием опыт жизни миллиардов предыдущих поколений, направленный к выбору наиболее совершенно устроенного, универсального, выгодного для борьбы за существование и продолжение рода. В этом сущность красоты, прежде всего человеческой или животной, так как она легче расшифровывается, чем совершенство линий волны, пропорций здания или гармонии звуков. (551)

В красавице заостряется и делается подчёркнутым всё привлекательное. (552)

Пусть та или иная красивая женщина не обманывает себя: она, бесспорно, красива, но прекраснее всех она быть не может, как и никто во вселенной. Оттенки красоты бесконечно различны – в этом богатство мира. (553)

Красота – это физическая целесообразность. (554)

Совмещение низкой души и совершенного тела извечно удивляло чутких к красоте людей. (555)

Тонкая, гибкая талия есть анатомическая компенсация широких бёдер для подвижности и гибкости всего тела. (556)

В свободных и гибких движениях сильное тело приобретает ту независимость, без которой подчас трудно живётся женщинам. Физическая красота девушки сливается с её душевной сущностью, растворяется в ней, странным образом теряя свой вызывающий оттенок. (557)

Красота всестороння, с какой стороны, и с каким настроением, и кто угодно ни смотри, всё будет ладно. (558)

Красота родится в трудных условиях жизни. (559)

Красота встаёт из сочетания осознанной силы души и тела. (560)

Безрезультатны попытки найти объяснение красоты вне человека. (561)

Теперь уже совершенно ясно, что ощущения красоты заложены в глубинах нашего существа. Надо идти дальше и установить причинные закономерности, по которым определённые формы, линии, краски отражаются в нашем сознании «красой ненаглядной». И если говорить о человеческой красоте, то никак нельзя отрывать её от чувства страсти, потому что её первоначальная цель – это быть компасом в поиске совершенного, наилучшего для продолжения рода! (562)

Но как мало надо человеку со здоровой психикой и телом: чуть повеяло ветром надежды на хорошее, едва соприкоснулся с прекрасным – и возрождается неуёмная сила искания и творчества, желание делать что-то хорошее и полезное, оказывать людям помощь. Вот в чём величайшая сила красоты! (563)

Только красота может поддержать нас в жизни, утешить в усталости и неудачах, смягчить жестокость познания и победы. (564)

Красота – единственное, что привязывает людей к жизни и заставляет её ценить, бороться с её невзгодами, болезнями и опасностями. Людям, разрушающим, искажающим или осмеивающим красоту, нельзя жить. Их надо уничтожать, как бешеных собак – носителей неизлечимого яда. И художники – волшебники, воплощающие прекрасное, – отвечают особенно строго, строже обычных смертных, не видящих, ибо они зрячие. (565)

Надо не только научиться видеть красоту. Необходимо, чтобы и тело перестало быть неприличным, а это возможно только тогда, когда оно привыкнет быть открытым. (566)

Эстетическое удовольствие, чувство красоты сильнее от женского тела у мужчины, чем у женщины – от мужского. (567)

Прекрасное всегда более закончено в женщине и отточено сильнее по законам физиологии. (568)

Эротическая культура – это когда люди привыкли к открытому телу женщины и научились видеть в нём красоту, а не только обозревать какие-то отдельные его части возбуждающие похоть. (569)

Решительно все виды чувств, доставляющие нам ощущение красоты, в своей основе имеют важное и благоприятное для нашего организма значение, будь то сочетание звуков, красок или запахов. Что линии, которые мы воспринимаем красивыми, гармоническими, построены по строгим математическим закономерностям, – это уж бесспорно. (570)

Вторая главная ступень красоты – гармоническое разрешение, казалось бы, губительных противоречий, разрешение, доведённое до той единственной совершенной возможности,

которая, как лезвие бритвы, как остриё стрелки, качается между противоположностями. Путь нашего познания прекрасного, поисков его везде и всюду, видимо, лежит через поиски этой тонкой линии, сформировавшейся за долгую историю и означающей совершенство в многостороннем преодолении величайших затруднений существования в природе живого мыслящего существа – человека. (571)

Трудна судьба Красоты Ненаглядной в нашем жестоком мире! (572)

Чем умнее и красивее была женщина, тем больше у неё шансов погибнуть в страшных церковных застенках, ибо красота и ум всегда привлекают внимание, всегда выделяются и падают жертвой злобы, вызываемой ими в низких душах доносчиков и палачей. (573)

Человеку почти невозможно быть очень красивым и очень счастливым. (574)

Преступление дельцов от искусства в спекуляции на самом лучшем в жизни – на красоте, которая облагораживает и возвышает нас, людей, украшает нашу далеко не весёлую жизнь. А гнусные дельцы, вместо того чтобы учить понимать и ценить её, учат, как втаптывать её в грязь, как видеть за ней лишь животные чувства самца и самки. (575)

Великие боги! Красота – это средство, данное человеку, чтобы возвыситься и отойти от животного, цель, куда стремиться в жизни. А мерзавцы пользуются ею по изученным ими законам, не возвышая, а принижая и деморализуя людей. (576)

Дельцы ещё хуже, чем политики! Те лгут и обманывают нас словами, выворачивая все понятия долга, чести, свободы и права на пользу своей группировки, так что у обыкновенного человека голова идёт кругом. Убедившись в обмане, он перестаёт верить словам. Но слова – ещё полбеды. Дельцы от искусства подрывают веру в красоту, а это страшная беда для будущего, для тех, кто пойдёт по жизни уже смолоду отравленным их змеиными произведениями! (577)

Нельзя разрешить чистого и здорового эротизма потому, что дельцы от искусства моментально перевернут его в грязное потаканье низменным инстинктам. И опомниться не успеешь! Именно эти дельцы порождают цензуру и мешают развитию нормального отношения к красоте человеческого тела и половой морали. (578)

Красота и смерть всегда вместе, с тех пор как живёт человек. Смерть или для того, у кого красота, или тому, кто берёт её, или обоим вместе. (579)

Насколько же ещё плоха наша жизнь, если сочетание красоты телесной и духовной, о котором так мечтали в Древней Элладе, смертельно опасно для её обладателей. А в то же время самая явная односторонность, даже дикая фанатическая узость параноиков ведёт их к успехам в жизни и к верхушкам общества и власти. Есть в основе нашей европейской цивилизации что-то болезненно неправильное! (580)

Познай глубину своего сердца! (581)

Могуча сила привязанности души к душе. (582)

Человек поднялся до настоящей любви, но у нас продолжают считать попещерному, что любовь – только страсть, а страсть только половое соединение. Надо ли говорить вам, насколько истинная влюблённость богаче, ярче, продолжительнее? То великое соответствие всем стремлениям, вкусам, мечтам, что можно назвать любовью, не находится легко и просто. Любовь – священное слово, означающее чувство очень объемлющее и многогранное. (583)

Любовь и размышление не исключают друг друга. Настоящая любовь наступает только после размышления. (584)

Глаза любимой женщины сияют, как звёзды, потому что глубокая даль виднеется в их блеске, так же как и звёзды неба сразу отличаются от всех других огоньков тем, что светят из бездонных глубин пространства. (585)

Никогда любящее сердце не привыкнет! Только научится терпеть и ждать. (586)

Большая любовь – это всегда ответственность и забота, защита и опасение, думы о том, как устроить и облегчить жизнь для самого дорогого в мире существа. (587)

Красота и желание женщин вызывают свинство лишь в психике тех, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного. (588)

Психоанализ годен лишь на то, чтобы служить утешением психопатам, неполноценным в половом отношении людям, а также средством к существованию огромного числа «врачей»-психоаналитиков. (589)

Ханжество, непонятный нормальному человеку испуг перед женской красотой и смелостью – это пережиток церковного отношения к женщине как к ведьме, злому началу... союзнице дьявола. (590)

Как можно считать нечистой страсть, естественную, как сама жизнь, в пламени которой рождаются будущие поколения? (591)

Эротика – естественное влечение к красоте и совершенству. (592)

Наверное, от монголов-завоевателей пришла к нам эта нездоровая стыдливость, когда женщина уродливо сгибает плечи и старается спрятать грудь. Может быть, стыдливость эта была необходимостью во время татарского ига, когда прекрасные девушки портили свою красоту, выходя из дому, чтобы не попасть в наложницы победителей. Ведь немного больше века тому назад во всей России для женщин считалось неприличным показывать волосы из-под головного убора или платка. Ещё одно природное украшение женщины кто-то сделал постыдным. Продолжают бытовать слова, хотя мы уже не понимаем их значения, вроде «опростоволосилась». (593)

Нет тайны и недостойного в здоровом теле женщины, разве лишь для глупцов. (594)

Власть над желанием не приводит к утрате сексуальных ощущений, а, наоборот, высотам страсти. Насколько она ярче и сильнее, если не волочиться на её поводу. (595)

Древние цивилизации Средиземноморья, так же как и Индии, сумели справиться с силой пола, внедрив половую любовь в религию, философию, празднества, литературу и поэзию, не говоря уже об изобразительном искусстве. В этом их культура достигла высоты, не сравненной со всеми другими, потому что понимание Эроса охватило массы народа. (596)

Рядом с великой любовью всегда тянется чёрная бездна. Очень верен образ звезды, упавшей во мрак. Это немилосердная несправедливость жизни в нашем мире. (597)

Мимолётность надежд, любви и счастья, вместо того чтобы ослаблять, усиливает чувство. (598)

Человек озаряется и возвеличивается светом и теплом большой любви, но одновременно появляется чувство бездны, потери. Не страх, он более конкретен и узок, а нечто гораздо

большее, паника чудовищной утраты смысла всей жизни, когда впереди останется лишь непроглядная тьма. (599)

Если человек совместил в себе глубину чувств и «никогда», не удивляйтесь его печали! (600)

Подвиг тем труднее, чем больше любовь. (601)

Рану сердца надо лечить немедленно, ибо далеки и неожиданны последствия. (602)

Любовь сильных и здоровых людей должна быть легка и светла. В ней ничего не искажается и не подавляется. А если проходит, то тоже без «самораздирательства», без мрака и безысходности. (603)

Нет ничего унизительнее и противнее для мужчины, чем женщина, требующая от него невозможного. (604)

Женщина женщине всегда враг, пока не состарится. (605)

Мне кажется, лучшим подарком, какой женщина может сделать любимому, будет создать его заново и тем продлить существование своего героя. Ведь это почти бессмертие! (606)

Есть закон, ныне забытый: чем сильнее страсть родителей, тем красивее и здоровее дети. У кого из сочетающихся страсть сильнее, того пола и будет ребёнок. (607)

Мужчины, несмотря на все свои умения и силу, никогда не становятся взрослыми до конца. И значение женщины в том, чтобы охранять их и руководить ими, спасая от крушения надежд и неразумных поступков. (608)

Женщины должны украшать существование мужчин, но оне слишком мало *обращают на себя внимания* – в истинном смысле этих слов. Здоровье, гибкость, точность и быстрота движений, гордая, прямая осанка несравненно очаровательнее одного лишь красивого лица. (609)

Не нужно сложных портновских ухищрений, которые так любят женщины и которые отнимают так много времени. Простое платье, облегающее правильную и сильную фигуру, гораздо лучше. (610)

Нелепая причёска и неизящное платье исказят самую несомненную красоту. (611)

Женщины, наделённые большим вкусом, строгим изяществом и умом, не следуют рабски моде и никогда не выглядят чуть комически, какой кажется даже очень красивая, но слишком модно одетая женщина. (612)

Настоящую женщину можно сразу узнать по её непокорности модному стандарту, она носит лишь то, что ей идёт. (613)

Нельзя хозяйке принимать гостей чересчур нарядной – вдруг гости придут одетые скромно. (614)

Та, которая родилась быть музой, но вынуждена быть домашней хозяйкой, всегда живёт под искушением самоубийства. (615)

Женщина хотя и не поэт сама, но Муза. (616)

Любить красавиц – нелёгкое дело. Надо потерпеть и пострадать. (617)

Странно, но если мужчина уж чересчур, до сентиментальности любит каких-нибудь зверей или домашних животных, он зачастую эгоист, жесток или нечист совестью! (618)

Умеренно образованной, обыкновенной женщине радость тренированного, гибкого и сильного тела, что скрывать, нередко кажется стоящей многих серьёзных книг. (619)

Порабощение женщины неизбежно влечёт за собой рождение рабских душ и у мужчин. (620)

Никакой трагедии у женщины я не вижу. Наоборот, во многом мы, мужчины, можем ей позавидовать. Разность полов существует совершенно реально, и с ней нельзя не считаться – вот тут и есть корень всех недоразумений. Не надо требовать от женщины того, чего она не может или что ей вредно, а во всём остальном она вряд ли уступит мужчине в наше время, когда ей открыты сотни профессий и в том числе наука. (621)

Женская интуиция и есть инстинктивная оценка мудростью опыта прошлых поколений, потому что у женщины её вдвое больше, чем у мужчины. (622)

Женщины знают, как хрупка жизнь, как близка смерть, а мужчины мечтают о бессмертии и убивают без конца по всякому поводу. (623)

Устроенная мужчинами культура даже в своих высших формах кое в чём грешит против женщин... даже теперь! (624)

Страх одиночества самый сильный у женщин. Сколько хороших девушек поспешили из-за него выскочить замуж за первого попавшегося и до сих пор расплачиваются за эту поспешность. (625)

Конечно, было бы лучше, если б девочкам с детства преподавали науку жизни и любви. Оне могли бы лучше выбирать, распознавая настоящее. Им просто были бы смешны избитые приёмы «покорителей сердец». Болтовня об одиночестве, непонятой душе, претензия на загадочность, ложь о потрясающих похождениях. Сказки о пылкой любви, сочинённые ещё во времена Древнего Египта и пересказывающиеся на разные лады на всех языках мира. И главное: точный расчёт на самую слабую струну женской души – жалость. Уместная, тактичная жалоба испортила больше женских жизней, чем все другие мужские хитрости. (626)

Если благодаря разуму человек сумел превратить простое влечение животного в священный огонь любви, то неизбежна и следующая ступень восхождения. Непонятная и мучительная страсть тела станет сознательным царственным наслаждением в поклонении красоте. Часы и дни бытия сделаются безмерно богаче тысячами её проявлений в образе любимых, в изгибах тела, взмахе ресниц, блеске глаз. И сама страсть, пришедшая через прекрасное, станет восхитительным даром природы, обостряющим чувства, возвышающим душу. (627)

Быть выраженным отвлечённо искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной. (628)

Музыка – дело тонкое, подготовляться к ней надо постепенно, в зависимости от способностей и вкусов, а родители и учителя иногда этого не смыслят. И вбивают неумелым подходом отвращение к отраде жизни. (629)

Я всегда убегаю слушать музыку, если на душе нелегко. (630)

Люди излечиваются от тревоги и гнева песней и танцами, ничего не зная о сущности их. (631)

Утешительная песня всегда грустная. Этого порой не понимают и стараются развлечь печального и усталого человека бодрым криком, разухабистой ритмикой, тем, что называют «весёлыми» песнями. Бодряк, всё равно где – в жизни, в кино, в книге, в песне – почему-то всегда оставляет впечатление слегка придурковатого. (632)

Русские песни соответствовали спокойствию и терпеливости народа, давая в грустных напевах нужную психологическую разрядку. А теперешние, наскоро сфабрикованные, песенки лишь усугубляют то мятуче-трясучее настроение, в каком пребывает часть молодёжи. (633)

Все эти попрыгушки отталкивают слушателя и раздражают его. А грустная песня, настроенная в унисон с состоянием, смягчит раздражение или обиду, оттенит печаль и заставит человека устремиться снова к свету и радости. (634)

Уверяю вас, что в жизни гораздо чаще встречается невозможное, чем в книгах. Писатели боятся, что их обвинят в грубой выдумке! Сочинительство стало немодным. Требуется правда жизни, а эта правда получается неверной, потому что жизнь осторожности не знает. (635)

Через поэтов-художников муза не должна давать ручью знания превратиться в мёртвое болото. (636)

Чем невероятнее и чудеснее встреченная в жизни случайность, тем труднее убедительно рассказать о ней. (637)

Мы ещё мало понимаем значение первой встречи с серьёзной книгой, она определяет многое в последующей жизни. (638)

Предание гласит, что из пены морской и звёздного света родилась Афродита, богиня любви и красоты. Фантастика должна стать Афродитой, но если свет звёздного неба не достигнет её, пена осядет на берег грязным пятном. (639)

Я смотрю на эти звёздные миры, тоскуя, взволнованный смутным предчувствием грядущей великой судьбы человеческого рода. Великой, да, когда удастся справиться с тёмными звериными силами, ещё властвующими на земле, тупо, поскотски разрушающими, уничтожающими драгоценные завоевания человеческой мысли и мечты. (640)

Человеческий ум не может опустить свои мощные крылья перед непостижимым. Эта непреклонность перед самыми трудными задачами, протест против слепой веры и есть самая замечательная черта человеческого ума. (641)

Хороший писатель не может не быть добрым человеком. (642)

В новейшей литературе пишут гораздо больше о плохом, чем о хорошем. Слово о злом и тёмном несёт больше информации, чем о хорошем и светлом, потому что повседневный опыт количественно набирает больше плохого. По той же причине легче верят плохому и злому: зло убедительнее, зримее, больше действует на воображение. (643)

Фильмы и книги больше говорят о жестокостях, убийствах, насилиях, чем о добре и красоте ещё и потому, что эти последние труднее описывать из-за бедности слов, касающихся любви и прекрасного. (644)

Истинное творчество всегда глубоко оригинально, органично, неувядаемо. Настоящий писатель как бы рассыпает по своим сочинениям сверкающие жемчужины идей: «Пожалуйста, современники и потомки, берите! Пользуйтесь на здоровье! Будьте творцами, а не эпигонами!» (645)

Язык – одно из самых логических построений человеческой мысли. Словами можно играть, доказывая всё, что угодно, и можно подобрать математические доказательства чего угодно. (646)

Язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идёт изменение человеческих отношений и представлений о мире. (647)

Чем ниже уровень культуры, тем сильнее сказывается прагматическая узость каждого словесного понятия, дробящегося на мелкие оттенки, вместо всеобщего понимания. Например, слово «любовь» у нас может означать и светлое и гнуснейшее дело. (648)

Придворные воспеватели делают человеческие чувства и слова орудием бесстыдного подхалимства. (649)

Самые выразительные слова и заманчивые идеи превратились в пустые заклинания, не имеющие силы. Ещё хуже слова-оборотни, в привычное и привлекательное звучание которых исподволь вложен извращённый смысл. (650)

Ругань – это слова на низком уровне развития психики, считающиеся оскорбительными для тех, кому адресованы. (651)

Всякое враждебное мнение утрировано. Мы автоматически утрируем то, что нам не нравится, но мало кто это понимает. Иначе меньше было бы внимания тому худому, что говорят про людей. Не знаю, замечали ли вы, что плохое мнение всегда представляется нам весомее хорошего, хотя бы к тому не было ни малейшего основания. (652)

Попытка перебить собеседника – вот что достойно считаться величайшей невежливостью. (653)

Привычка говорить во что бы то ни стало объясняется просто желанием утвердить перед другими свою личность. Кроме того, извергая потоки слов, человек получает психологическую разрядку, необходимую в этом мире постоянного угнетения и раздражения. (654)

Формулировки всегда кажутся резкими при разнице в интеллектуальном восприятии. (655)

Чем детальнее разбирать вопрос, тем больше возникает побочных проблем. А потому едва ли стоит слишком увлекаться дискуссиями и жертвовать для них чем-то понастоящему полезным и приятным. (656)

Мы много говорим о спорах. «Надо спорить, спорное утверждение, пьеса, книга» – встречается на каждом шагу. Но как-то забывают, что словесный спор – это всего лишь схоластика, не более. Единственный серьёзный и реальный спор – делом, не словами. Спорный опыт – поставьте другой, спорная книга – напишите другую, с других позиций, спорная теория – создайте другую. Причём по тем же самым вопросам и предметам, не иначе. Я вот не хочу спорить, я просто работаю. (657)

Телефонных разговоров я очень не люблю и пользуюсь этим прибором только в самых крайних случаях. (658)

Поэт всегда должен быть впереди, в этом его сущность. Если нечто ещё могучее перезрело, омертвело – его надо разрушить, и поэт становится разрушителем, направляет сюда удар осмеяния. Если что-то милое ещё слабо, не окрепло или даже уничтожено – его надо создать вновь, влить в него силу. Тут поэт – мечтатель, восхвалитель и творец! Потому у него постоянно два лица, ещё лучше, если три, как у Музы. Но горе ему и людям, если только одно. Тогда он сеятель вреда и отравы. (659)

Быть поэтом, любить поэта или смеяться над ним – всё одинаково гибельно. (660)

Любовь к женщинам и поэзия – скверная комбинация для того, чтобы преуспеть в жизни. (661)

В этом необустроенном мире доброта и красота, не используемые для себя, справедливый ум и поиски правды, попытки жить поиному, чем другие, подчиняющиеся угнетению или обманутые, ведут к мучительной жизни, а все эти качества, соединённые вместе, – к неизбежной и скорой гибели. (662)

Непоправимое всегда наиболее трудно даётся смирению человека. (663)

Неустроенность жизни влечёт за собой разнообразие случайностей. Воля и сила человека высекают из этой жизни вспышки романтических радостей, как искры из серого камня. (664)

Психика утомляется и тупеет в однообразии впечатлений. (665)

Беды нет только разве у полных идиотов. Есть такие – всем довольны... (666)

Впрочем, какое утешение в этих пустых «если»? (667)

Многим свойственная ошибка – считать, что раны души заживают одновременно с телесными повреждениями. Совсем не так! Долго-долго остаётся ещё рана психики, глубоко скрытая под здоровым физическим телом, и может открыться неожиданно, иногда от совсем незначительной причины. (668)

Период спокойной грусти – может быть, это одно из лучших состояний человека. (669)

Я не отдам своего богатства чувств, как бы они ни заставляли меня страдать. Страдание, если оно не выше сил, ведёт к пониманию, понимание – к любви – так замыкается круг. (670)

Не спи! Равнодушие – победа энтропии чёрной! (671)

Успокаивающие средства, примиряющие людей с недостатками жизни, подобны косе, срезающей под корень всё: цветы и сорняки, хорошее и плохое. Наука, видящая свою цель в создании подобных средств, направлена на подавление внутренней свободы в целях поверхностной стандартизации индивидов, т.е. создания толпы. Как же можно отобрать прекрасное и сплести из него гирлянды человеческих судеб, помогать людям находить и ценить всё светлое в жизни, если вы глушите эмоции, уничтожаете душу? (672)

Не обращайте внимания на спады после взлётов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи. (673)

Некоторый аскетизм не такое уж страшное зло, как многим кажется. Человек должен самоограничивать себя. (674)

Дело в не в том, чтобы насытить мир предметами роскоши, но в том, чтобы переводить потребности человека на всё более и более высокую духовную ступень. Чтобы он мог легко обойтись без модной побрякушки, без тряпья, без изысканных коктейлей, но чтобы он задыхался от жажды воплотить в образы слова, звуки, краски. От жажды творчества. (675)

Это проблема двусторонняя: мы должны наращивать аскетизм по мелким потребностям и наращивать потребности в более высоком, я бы сказал, высшем плане. (676)

Кто же наказывает за шутку? Не принимайте её всерьёз, не будьте так мелочно обидчивы. (677)

Самое трудное на земле – это сохранять радость. (678)

Получить лучшее, создать совершенство природа может лишь через бой, убийство, смерть детей и слабых, т.е. через страдание, наращивая его по мере усложнения и усовершенствования живых существ. (679)

Не бойся страдания. Ты обладаешь сильной душой, а потому и страдаешь сильнее других и стараешься всячески избежать этого. Но страдание ведёт к высотам, и весь мир благодаря ему становится лучше. Только, как и всё в жизни, страдание должно иметь меру, иначе оно обратится гибелью души и станет источником зла. (680)

Сейчас нет меры страдания в этом мире – если бы ты зачерпнул чувства живущих в этом городе людей, то поднял бы к небу полную чашу человеческого горя. Если бы учесть и сложить горести и радости всего человечества, то получился бы итог настолько печальный, что молодой и сильный человек даже не смог бы в него поверить! (681)

Необходимо утверждать право человека на радость. Чувство радости сейчас реже других чувств приходит к людям. Тем более, что человеческая радость иной раз зависит от совершенно необъяснимых на первый взгляд причин. (682)

Когда уверенная радость жизни владеет человеком, он почти забывает про усталость и недовольство. Тело, как это и должно быть у всякого вполне здорового человека, не существует для него, ничем не давая знать о себе, кроме наслаждения избытком жизненной энергии. (683)

Радость и сила считаются особым даром судьбы, милостью богов. А на самом деле оне лежат в основе здоровой человеческой души, возникают в человеке. Следовательно, он сам дарит себя этими благами. (684)

Простая жизнь? Её нет, мы только по невежеству думаем, что она проста, и постоянно расплачиваемся за это. Очень сложна, трудна и интересна жизнь! (685)

Прогрессивный путь человечества заключается в возвращении к первоначальному здоровью, но без прежней зависимости от безжалостной природы. (686)

Горе-философы, мечтающие о возвращении назад, к первобытной природе, не понимают и не любят природу понастоящему, иначе они знали бы её беспощадную жестокость и неизбежное уничтожение всего не подчинившегося её законам. (687)

Природа выходит из своих тупиков самыми безжалостными путями. Каннибализм перестаёт быть запретным при низком развитии эмоций и интеллекта, когда приказ голодного тела затемняет чувства и парализует волю. (688)

Пока природа держит нас в безвыходности инферно, в то же время поднимая из него эволюцией, она идёт сатанинским путём безжалостной жестокости. И когда мы призываем к возвращению в природу, ко всем её чудесным приманкам красоты и лживой свободы, мы забываем, что под каждым, под каждым цветком скрывается змея. Но, бросаясь в другую крайность, мы забываем, что человек – часть природы. Он должен иметь её вокруг себя и не нарушать своей природной структуры, иначе потеряет всё, став безымянным механизмом, способным на любое сатанинское действие. К истине можно пройти по острию между этими двумя ложными путями. (689)

Мать-природа ничего не даёт своим детям без того, чтобы что-то не взять взамен, – этот важнейший закон мы, защищённые цивилизованными условиями жизни, плохо понимаем. (690)

Люди приобретают всё большую власть над природой, забывая о необходимости воспитания и переделки самого человека, часто недалеко ушедшего от своих предков по уровню общественного сознания. (691)

В современном мире слишком много сидят. Человек – бегун и путешественник по природе – прочно уселся за столы или в кресла транспортных машин, отяжелив тело и разум. (692)

Наше чудесное человеческое тело заслуживает лучшего, чем сидение в креслах и нажатие кнопок. Наши руки – самые лучшие из инструментов, созданных природой или человеком, – просят искусной работы, чтобы получить истинное удовлетворение. (693)

Близоруко ошибаются те, кто торжествует, побеждая отдельные проявления болезней с помощью средств химии, ежегодно создающей тысячи новых, по существу обманных лекарств. Отбивая мелкие вылазки природы, учёные проглядели массовые последствия. Подавляя болезни, но не исцеляя заболевших, они породили чудовищное количество аллергий и распространили самую страшную их разновидность – раковые заболевания. (694)

Аллергии возникают и из-за так называемого иммунного перенапряжения, которому люди подвергаются в тесноте жилищ, школ, магазинов и зрелищ, а также вследствие постоянного переноса быстрым авиантранспортом новых штаммов микробов и вирусов из одного конца планеты в другой. В этих условиях бактериальные фильтры, выработанные организмом в биологической эволюции, становятся своей противоположностью, воротами инфекции, как, например, миндалины горла, синусы лица или лимфатические узлы. (695)

Утрата меры в использовании лекарств и хирургии вредит охранительным устройствам организма, подобно тому как безмерное употребление власти сокрушает охранительные устройства общества – закон и мораль. (696)

Нагнетание угрозы тотальной войны как приём политической агитации, постоянное напоминание об этом в газетах, радио, телевидении способствуют психозам молодой части населения – противоречивым стремлениям скорее испытать все радости жизни и уйти от её реальности. (697)

Насыщенность развлечениями, накал искусственных переживаний создают своеобразный «перегрев» психики. Люди всё упорнее мечтают уйти в другую жизнь, к простым радостям бытия предков, к их наивной вере в ритуалы и тайны. (698)

Машины, благоустройство жилищ, техника быта существенно изменили нормальную физическую нагрузку людей. Но медицина продолжает пользоваться опытом, накопленным в совершенно иных условиях жизни. (699)

Общее ослабление организма, мышечной, связочной и скелетной систем ведёт, несмотря на отсутствие тяжёлой работы, к массовому развитию грыж, плоскостопия, близорукости, учащению переломов, расширению вен, геморрою, разрастанию полипов и слабости сфинктеров с ухудшением пищеварения и частыми явлениями аппендицита. Множество дефектов кожи обязано плохому обмену веществ. (700)

Важнейшая сторона воспитания – это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе – это, собственно, остановка развития человека, так как, разучаясь наблюдать, человек теряет способность обобщать. (701)

Мы можем хорошо знать природу и любить, но не верить ей. Скрытое в природе проходит мимо нашего сознания, притуплённого укоренившимися привычками, и лишь в редкие минуты жизни раскрывается с настоящей остротой. (702)

Природа безмерно богаче всех наших представлений о ней, но познание её никогда не даётся даром. В тесном общении, в постоянной борьбе с природой человек подходит вплотную к её скрытым тайнам. Но и тогда нужно, чтобы душа была ясной и чистой, подобно тонко настроенному музыкальному инструменту, и она отзовётся на звучание природы. (703)

Те, кто всю жизнь проводит в городах или на курортах, всегда под защитой крыши, стен, света и тепла, даже не представляют, как необъятен ночной простор степи и тайги, как опасен каждый шаг в тёмных горах, как грозно ревут волны во время бури в открытом море или когда река, стиснутая ущельями, бешено хлещет пенными струями о камни порогов. (704)

Где-то глубоко в душе человека за ту сотню тысяч лет, в которую огонь был его главным прибежищем и спасением, осталось неистребимое чувство уюта и покоя, порождаемое огнём в часы, когда холод и темнота окружали человека. (705)

Мы представляем науку как необъятную работу, устремляющуюся вдаль на миллиарды парсеков и в будущие поколения на тысячи веков. Так сложна и загадочна вселенная, что с прошедшими тысячелетиями развития науки мы утратили заносчивость древних учёных и приучились к скромности. Одно из основных положений, которому мы учим наших детей, гласит: «Мы знаем лишь ничтожную часть из того, что нам следует знать». (706)

Природа, в которой мы живём и частью которой мы являемся, формировалась сотни миллионов лет, через историческую смену уравновешенных систем. В её настоящем виде эта сложность настолько велика и глубока, что мы не можем играть с природой, пользуясь весьма ограниченными научными данными. Выигрыш будет очень редок, случаен, а проигрышей – без числа. (707)

Когда человек неумело проявляет мнимую власть над природой, он разрушает внутреннюю гармонию, добытую ценой квадрильонов жертв на алтаре жизни. Когда мы поймём, что васильки и пшеница составляют единство, тогда мы возьмём наследие природы в добрые, понимающие ладони. (708)

Сильная деятельность разума требует могучего тела, полного жизненной энергии, но это же тело порождает сильные эмоции. (709)

Надо научиться быть хозяином своего тела, не подавляя желаний и не подчиняясь им до распущенности. (710)

Психика в организме человека, и здорового и больного, играет куда более важную роль, чем то обыкновенно полагают. Человеческий организм является настолько сложной биологической машиной, что прежняя медицинская анатомия и физиология, в сущности, едва наметили грубые очертания этого неимоверно сложного устройства. (711)

Красота человека заслуживает особого внимания. Необходимо добиться научного понимания законов прекрасного, хотя бы того, что выражено в человеческом теле. И ещё более важно понять законы, по каким древние инстинкты, с одной стороны, и общественные предрассудки – с другой, преломляясь в психике, влияют на физиологию. А отсюда уже рукой подать до представления о необходимости психофизиологии, как серьёзной науки именно для человека – мыслящего существа. До сей же поры вся медицина существенно не отличалась от ветеринарии, т.е. медицины для животных. (712)

Человеческая психика устроена так, что не приспособлена к длительному возбуждению и многократному повторению возбуждения – это защита от быстрого износа нервной системы. (713)

Психическая тренировка человека, призванного служить своим телом искусству или спорту, не менее важна, чем всякая другая. Как много талантливых людей не смогли добиться настоящего успеха из-за того, что их нервная система в самый ответственный момент как бы цепенела, лишалась той точнейшей, поистине музыкальной, координации, которая нужна каждому, кто превращает своё тело в инструмент для выражения чувств, выносливости или силы. (714)

Крепкая нервная организация может быть только на основе полного здоровья, физической крепости и выносливости всего тела. Хилое тело, подвергнутое нервному напряжению, сразу же даст шизоидный комплекс психики. (715)

Кристаллы – форма устойчивого существования вещества – требуют для своего образования добавочной энергии в отличие от аморфных веществ. Эта добавочная энергия даёт им возможность противостоять внешним воздействиям своей организованной решёткой, твёрдыми углами и полированными гранями. Разрушение кристалла обязательно требует большой энергии. Так и психика человека, тренированного и сильного, имеет большую стойкость в отношении как внешних раздражителей, так и внутренних конфликтов. А человек с недостаточно сильной психикой легко поддаётся внешнему давлению, панике, общественным психозам и вообще морально неустойчив. Жидковат, как это можно было бы сказать по-русски. (716)

В отличие от тела человека психика, не воспитанная или не развитая с детства, легко поддаётся невзгодам существования или вообще вредным влияниям, потому что наше сознание формируется условиями жизни не в меньшей степени, чем наследственностью, и поэтому-то психика и более хрупка. (717)

Очень тонкая это вещь – психика! Можно десять лет знать человека и не подозревать, что вы имеете дело с шизофреником или параноиком, как вдруг какое-нибудь потрясение, легко переносимое абсолютно здоровым человеком, превратит старого знакомого в маньяка или убийцу, тем более опасного, что ему вполне может быть доверена важная деятельность. (718)

Идеально здоровый человек не испытывает потребности сморкаться или плевать и обладает лишь слабым собственным запахом. (719)

В процессе эволюции человек подвергался суровым испытаниям и вышел из них победителем. Но вторая, оборотная, сторона этой победы в том, что его организм рассчитан на испытания и большие нагрузки. Он нуждается в них, и если мы не будем заставлять его работать, даже когда это не требуется городской жизнью, а также не будем устанавливать ему периодами ограничение в пище, неизбежны неполадки и прямые заболевания. (720)

Мы слишком носимся с опасениями перегрузить мозг. Пустое, мозг способен усвоить непомерно больше того, что мы ему даём. Надо только уметь учить, а ёмкость мозга такова, что он вместит невероятное количество знаний. (721)

Следует усвоить, что можно и надо подвергать и весь организм перегрузкам страшнейшей работой, но только делать потом долгие отдыхи. Так мы устроены, такими мы получились в длительной эволюции, и с этим нельзя не считаться. (722)

Человек создан с большим запасом прочности и способен на очень высокие перегрузки. В дикости он жил как зрелый индивид всего несколько лет, отдавая все силы. Как отражение приспособленности к прошлой жизни – наше стремление к интенсивности переживаний, к полноте ощущений, ныне существующей лишь в книгах, фильмах, в науке и на войне. (723)

Кто лечит, тот – не доктор, а врач. Доктор – этот тот, кто имеет степень доктора медицины. По старинке врачей зовут докторами, когда заболевают, из заискивания, перешедшего в обычай. (724)

За едой наш культурный человек столь же дик, как его пещерный предок. Множество суеверий, мнимо научных теорий затуманило умы. Будто пища даёт здоровье, стройность, красоту без всякого участия самого человека. (725)

Некогда вино вдохновляло поэтов, а теперь обессмыслившиеся от него до скотского состояния мужчины избивают детей и женщин. (726)

Настоящие люди пьют изредка, но как следует после какой-либо серьёзной встряски, а щёлканье рюмками по всяким пустякам к добру не приводит. (727)

Физическое совершенство, здоровье и сила и есть красота. Всякое развитие в этом направлении, если оно не узко, а многосторонне, неминуемо ведёт к украшению человека. Не надо опасаться трудных условий жизни – если они не чрезмерны, с достаточным питанием и здоровой обстановкой, то они служат выковыванию красивого и здорового человека. (728)

На грани между суровыми и благоприятными условиями вырабатывается физическое совершенство. Подобно этому, совершенство психическое находится на грани между противоположными действиями и побуждениями – это психическая уравновешенность. (729)

Нормальная, благородная психика всегда будет избирать и чувствовать тот верный путь, что необходим в обществе высшего типа, которое не может состоять ни из фанатиков, ни из обывателей. Работать, но так, чтобы не забывать о всех других своих обязанностях как гражданина, воспитателя детей и самого себя. (730)

Общество очень сложный организм, и при коммунизме оно будет состоять из всесторонне развитых, многогранных людей – отсюда обязательная многосторонность психики. (731)

Без разносторонних интересов человек быстро сделается равнодушным ко всему эгоистом. (732)

Чем выше социальная структура и наука, тем позднее созревает человек. (733)

Огромны, почти невероятны возможности человека как в духовном, так и физическом отношении, и нет никаких оснований печалиться о его будущем, если мы сумеем сохранить и развить равновесие нашей психики и телесной силы! (734)

Память, особенно когда дело идёт о давно прошедшем, вещь очень коварная. Ведь мы запоминаем преимущественно хорошее, яркое, сильное, а длинные куски незначащей жизни тонут в одинаковой череде дней. (735)

Всегда и везде с осторожностью относитесь к воспоминаниям людей старшего поколения. Они вовсе не думают обманывать себя и других, но сами видят вместо прошедшей жизни мираж отобранных памятью ощущений и образов, окрашенных вдобавок тоскливым сожалением о днях выносливой и здоровой молодости, быстро отдыхающей, крепко спящей. И полагающей, что так будет всегда, что естественный конец всего живого её или не касается, или скрыт в неведомой дали. В общем, получается, как в литературном произведении. Жизнь как будто и настоящая, реальная, но в то же время концентрированная – большие переживания и впечатления заслоняют собой медленные тоскливые дни с их мелкими разочарованиями. (736)

Человек вспоминает не действительность прошлого, а некий экстракт самого лучшего, красивого и милого сердцу. (737)

Молодёжь находит безмерно скучным всякую попытку понять старших, не умея уловить в сохранившихся обрывках жизни своих ушедших, как они их называют, «предков» главные думы, мечты, ожидания и радости. Только после тяжёлых потрясений вы приходите к следам нашей жизни чуткими и просветлёнными. Тогда раскрываются перед вами мать или отец совсем другие, и оказывается, вы их совсем не знали. Если это были хорошие люди, то пережитое из далёкого прошлого оказывается сильной поддержкой. (738)

Все очень молодые люди не понимают, сталкиваясь с противоречиями жизни, что они – сама жизнь, что радость любви обязательно приносит тревоги, заботы и горе, тем более сильные, чем сильнее любовь. (739)

Юные люди, стремясь к высокому положению, не знают о цене, которую заплатят. Не подозревают, что молодость кончается и придёт время, когда они готовы будут отдать всё приобретённое, чтобы вернуть счастливые часы их внешне простой, а душевно глубокой жизни и переживания юности! (740)

Ожидание чего-то неопределённого, но очень хорошего редко для пожилого человека и обычно для юноши. Ожидание это часто прилетает с весенним ветром, запахом дыма и морозной ночи, манит лунными бликами на широкой реке, шелестит в жёстких травах степей. (741)

Чем отличаются дети от взрослых? Они думают, что мир устроен для них и что это всегда так и будет. Чем отличаются молодые от пожилых и старых? Они уже знают жизнь, но думают, что у них, у каждого всё будем поиному. Законы жизненной игры касаются кого-то другого, а не их. И многие тоже, как дети, думают, что всегда останется, как оно было, поняв, но в душе-то ещё не приняв, что жизнь – это неизбежное изменение, даже тогда, когда оно идёт незаметно. (742)

Чем старше становишься, тем больше наматывается разной чепухи, а силы уже не те. Невпроворот работы, мелких делишек, к настоящему делу не подойти. Мышиная возня! (743)

Паутина однообразных ежедневных занятий плетётся годами, цепко опутывая мозг. Мысль не взлетает более, далеко простирая свои могучие крылья. Подобно лошади под тяжким грузом, она переступает уверенно, медленно и понуро. (744)

За длительное самоограничение, за нарочитое сужение круга интересов человек расплачивается отсутствием силы и смелости мысли. Самоограничение, давая возможность

большей концентрации мысли, в то же время как бы запирает человека наглухо в тёмную комнату, отделяя от многообразного и широкого мира. (745)

Вообще мы много думаем о старости, о том, что будет с нами на склоне лет, и от этого стареем смолоду! (746)

Юность – привилегия не только возраста. Она в крепости и плотности тканей тела. Особенно важна плотная и гладкая кожа. Всё это показатели отличного физического состояния превосходно отрегулированного организма, который вполне может сохраниться до старости удивительно молодым. (747)

Чем старше становишься, тем больше печали приходит от понимания жизни в неотвратимом её течении. (748)

Это признаки надвигающейся старости, когда нет больше грёз о грядущем, печали о несбывшемся и желания нового поворота жизни. (749)

Люди пожилые готовы, даже бессознательно, к тому, что всякая радость в любой момент может обернуться бедой и беда – радостью. Поэтому они без напоминаний судьбы стараются наточить нож или положить в карман лекарство. (750)

В старости человек любит бесправной любовью уходящих надежд и угасающего тела. (751)

Верить можно во всё, что угодно, но вера становится религией только тогда, когда сплетается с правилами жизни, оценкой поступков, мудростью поведения, взглядом, устремлённым в будущее. (752)

Вера – душа народа, из неё исходят обычаи, законы и поведение людей. (753)

Дикие жертвы диким богам приносят убийцы. Здесь поклоняются зверям. Что ждать от народа, боги которого ещё не стали людьми? (754)

Боги возвышаются вместе с человеком, ибо человек изыскивает богов в себе. (755)

Только на низшем уровне веры люди нуждаются в кровавых жертвах, умилостивляя богов и судьбу потому, что ставят своих богов на один уровень с собою или даже хищными зверями. Это наследие тёмных времён, это обычай диких охотников. (756)

Чем нелепее вера, тем больше цепляются за неё непросвещённые люди, тем темнее их душа, тем они фанатичнее. (757)

Только в начале своего возникновения любая религия живёт и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни – обряды, и всё кончается лицемерием жрецов в их борьбе за сытую и почётную жизнь. (758)

Кастовая система, изобретённая с целью, так сказать, выведения пород людей разного общественного назначения, уже тысячи лет назад не оправдала себя, а в отношении своей прямой цели – улучшения людей – полностью провалилась. Парии часто красивее и умнее людей высших каст. Трудные условия их жизни сделали их такими, в то время как брахманы во многом отупели и закоснели. Такова диалектика жизни. (759)

Духовная будущность человека находится в его руках, а не подчинена всецело богам и судьбе. На этом пути нельзя делать уступок, отступлений, иначе, подобно глотку воды из

Леты, ты выпьешь отраву зла, зависти и жадности, которые бросят тебя в дальние бездны Эреба. (760)

Тысячи мнимых пророков обманывали тысячи царей, уверенные в истинности своих жалких знаний. (761)

Те, кто проповедует ложные знания, не ведая истины, приносят страшные бедствия, если им следуют могущественные завоеватели и цари. (762)

Понятие о первородном грехе, издревле обрушенное на женщину, должно быть перенесено на неладную конструкцию мира и жизни, и, если бы был создатель всего сущего, тогда это – его грех. Ибо мыслящему существу нельзя было не подумать об облегчении страдания, а не увеличении его, какая бы цель ни ставилась, потому что все цели – ничто перед миллиардом лет страданья. (763)

Идея первобытного рая, пронизывающая все наши мечты, религию и даже более серьёзные научные изыскания, она, эта идея, и есть та первичная ошибка, которую сделал человек когда-то в своей религии и философии и за которую он упорно продолжает цепляться. (764)

Никогда никакого рая не было, всегда была трудная и жестокая борьба, где умирали слабые и выживали сильные, потому что в мире ничего не даётся и никогда не давалось даром. (765)

Человек, знающий из палеонтологии свою историю, тяжкое восхождение к мыслящему существу через миллиарды лет бессмысленного страдания живого, должен чувствовать огромную ответственность за свою судьбу. (766)

Бог, занятый всеми людскими делами и похожий на человека, – лишь воображение людей, не слишком глубоких в фантазии. (767)

Детство человечества – это склоняться перед тем, что люди зовут высшими силами. Неужели нельзя понять, что поставивший эксперимент не участвует в процессе, ему важен только результат, по которому он судит об успехе. Тем самым он не может ни на мгновение стать наравне с теми, кто страдает и гибнет в жестоком процессе. Потому он нацело лишён права судить, стоит ли игра свеч. Только мы, дети человечества, можем понять, оценить и решить, правильно ли происходит процесс. Мне кажется, что неправильно, и мы его или исправим, или погибнем! (768)

Бремя человека, свободного и бесстрашного, велико и печально. И если он не стремится взвалить его на бога или мифического героя, а несёт его сам, он становится истинно богоравным, достойным неба и звёзд! (769)

Истина и добро светят, как факелы, освещая дорогу блуждающим впотьмах. Но ведь можно с факелом войти в склад горючего масла, которое вспыхивает от малейшей искры! Остерегись говорить высшие истины верующим всех видов, детски наивным, и яростным фанатикам. (770)

Не следует много рассуждать о знании богов и людей, ибо молчание есть истинный язык мудрости. Открытые сердца это хорошо понимают. Тем более не мудро говорить истины людям, предпочитающим чудеса и достижения кратчайшими путями, которых нет, а есть лишь постепенное восхождение. (771)

У каждой веры есть свои слабости. Бить по ним уместно разве в публичном диспуте, а не в мирной беседе. (772)

Ноосфера – это сумма коллективных достижений человечества в духовной области, мысли и искусстве. Она обнимает всех людей океаном, формирующим все представления о мире, и надо ли говорить, как важно, чтобы воды этого океана оставались чистыми и прозрачными? Все усилия людей творческих должны быть направлены сюда, и нужно не только создавать новое, но и не позволять пачкать прежнее, вот ещё одна громадная задача на пользу всему миру. (773)

Общество лишь тогда будет нормально развиваться и существовать, когда нормально развивается ноосфера. Всякая, даже кратковременная, остановка в пути угрожает гибелью, потому что означает застой в духовной жизни, застой более тяжёлый, чем материальный. (774)

Цивилизация – это передача от одного поколения другому всего культурного наследия. (775)

Аналитическое исследование внешнего мира западной наукой можно сочетать с интравертированным синтезом йоги лишь диалектически. Отдельные люди в прошлом и настоящем обладали подобным умением, но ещё нет даже признаков распространения синтеза мудрости Запада и Востока. (776)

Наука стала религией Запада, но есть ещё многое в человеке, чего она не знает и не может ответить на все запросы его души. Но горе ей, если наука не оправдает гигантских надежд, на неё возлагаемых, тогда европейская мысль потерпит полнейший моральный крах. (777)

Западные люди сами начали понимать, что отказ от природы ведёт их цивилизацию к большой опасности. Будучи сам частью природы, человек тщательно разрушает её вокруг себя, оголяя места своего обитания и создавая идеальные условия для заболеваний. (778)

Погружённые в заботу об изготовлении великого множества вещей, идущие путём нарастания технического могущества в ущерб заботе о совершенствовании человека, европейцы сочли наивными восточные изыскания в области психологии. (779)

Индийцам больше повезло, чем христианам-европейцам. Их мудрецы удалялись для размышления в прохладные леса и особенно в чудесный мир Гималайских гор. Там, созерцая холодное сверкание чистейших снегов, вознесённые в небо ледяные высочайшие пики, в отрешённой от земных страстей стране голого камня и глубокого ясного неба, их мудрецы подвергали мир бесстрастному и глубокому анализу. Вот что позволило им вскрыть двустороннюю сущность вселенной, поставить человека на её престоле наравне с богом, создать самую холодную и, если так можно сказать, безбожную религию, которую лишь впоследствии для народа одели в маску обрядов и образов. (780)

А основатели христианской церкви и религиозной философии уходили в пустыни Аравии и Северной Африки. Здесь, палимые нещадным зноем, в жарком мареве раскалённого воздуха, в котором даже звёзды вечного небосвода качаются как в бреду, они подвергались ужасным галлюцинациям. Мозг, распалённый неистовым солнцем, усиливающим желания подавляемой плоти, породил всю безумную и человеконенавистническую концепцию злобного карающего бога, ада, дьявольского начала в женщине, потрясающих картин страшного суда и конца мира, ужасных козней сатаны. (781)

Характерно, что это начали древнееврейские пророки, также отшельничавшие в раскалённых пустынях, а христианские подвижники продолжили и развили ту же самую философскую линию. Накопление отрицательного опыта жизни под всегдашним психическим давлением божьей кары и греха породило великое множество параноидальных психозов,

принимавшихся за божественные откровения. С этим грузом мы, европейцы, пришли к средневековью, в оппозиции ко всему природному, к естественному началу в человеке, к красоте и простору мира. (782)

Высыхают реки и скудеют поля, потому что леса исчезают, превращённые в бумагу для бесчисленных газет, изливающих целый океан беззастенчивой лжи. Подобные псам из священной книги христиан, газеты всё время возвращаются на извергнутое ими же, снова и снова пуская в человеческие массы ложь или чепуху, раздутую до невообразимых размеров. (783)

Теперь ещё одно изобретение западной науки уже не словами, а картинами, химерическими и вредными выдумками заполняет досуг людей, приковывая их к гипнотизирующим экранам внутри душных и тесных домов. Досуг, который мог бы быть отдан полезному совершенствованию и подлинно прекрасному. (784)

Человек сокрушил вокруг себя куда больше прекрасного, чем собрал в своих музеях и картинных галереях. Самое же гнусное, что он пытается подчинить основные законы биологии временным законам рынка. (785)

Красота и многообразие нашей Земли, её людей, природы, искусства, геройских подвигов остаются в подавляющем множестве случаев неизвестны среднему человеку, серому не душой, а своим поразительным невежеством, в узкой и монотонной жизни. (786)

Ещё хуже, когда в определённых целях нарочито скрывают широту огромного мира, направляют внимание на мелкие, якобы важные споры, на пустяковые вопросы, на мнимых врагов. Или восхваляют именно за невежество и узкое самоограничение в знании. Всё это опустошает, озлобляет человека, делает духовно нищим, не видящим путей к чему-то большому и интересному. (787)

Большинство людей не понимает, что великое многообразие и красочность мира будут служить им крепчайшей душевной поддержкой на протяжении всей жизни. А те, кто крадёт у них время и возможность познавания мира, – поистине тигры-людоеды. (788)

Всё больше становится у нас людей в тёмных очках, скрывающих самое прекрасное в человеке – его глаза, боящихся правдивого взгляда, честно отражающего чувства. (789)

Вот западная цивилизация, расползающаяся по всему миру, как болезнь. Что может сделать с ней йог, вооружённый лишь силами собственной души? (790)

Даже то, что Запад берёт у индийцев, претерпевает чудовищное опошление. Мнимые йоги сулят быстрое возвышение и могущество – за деньги, конечно, – обманывая легковерных, жаждущих чуда и неспособных к громадному труду истинной йоги. (791)

Жажда знаний должна заменить жажду поклонения. (792)

Человек – это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, т.е. к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств. (793)

Одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, тёмные стороны жизни, и одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше! (794)

Высший мир мы называем так не потому, что он находится где-то наверху, а обозначая его качество по сравнению с окружающим. (795)

Испокон веков все тираны больше всего ненавидели людей, самовольно уходящих из-под их власти над жизнью и смертью. (796)

Человек, сделавшись владыкой собственной смерти, освобождается от страха перед жизнью. (797)

Смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в замкнутости и тоскливом ожидании непрожитых радостей. (798)

Когда что-нибудь бывает особенно хорошо, кажется, что можно тут же умереть. И пусть, и не страшно! Это чувство ясной и близкой смерти появляется в моменты наивысших душевных подъёмов. Наше подсознательное предупреждает нас, что мы стоим на краю и перетянутая струна жизни вот-вот готова лопнуть. Интересно, что абсолютно отсутствует всякий страх смерти. Вместо него приходит чувство единения со всем миром, чистоты и прозрения. Не только нет страха смерти, но может исчезнуть чувство боли. (799)

Человек как организм, биологическая машина приспособлен к тому, чтобы время от времени переносить громадные напряжения всех сил. На это рассчитана и психика, и потому такие мгновения приносят ни с чем не сравнимую радость. Они неизбежно редки, потому что не могут быть долгими, да и обстановка, их вызывающая, всегда чрезвычайна и во многих случаях заканчивается смертью. (800)

Высочайшее напряжение всех сил всегда приводило к таким выдающимся достижениям, в чём бы они не заключались, что они считались ниспосланными свыше, милостью богов. На деле же эти дары были по праву добыты человеком, сумевшим отдать всего себя для этого. Разве не прекрасно, что содеянное человеком кажется божественным и скрытые в нём силы настолько велики, что почитаются как милость богов? (801)

Есть только один настоящий путь в космос – от избытка сил, с устроенной планеты на поиски братьев по разуму и культуре. А для этого человек должен обеими ногами крепко стоять на Земле, переделывая её радостным трудом и становясь всё богаче и крепче духовно. Чтобы быть способным к титаническим усилиям, какие потребуются для реального покорения межзвёздных пространств. (802)

Помни, что мысли добрые и злые, гнусные и чистые имеют свою собственную жизнь и назначение. Раз рождённые, оне вливаются в общий поток действий, определяющих карму – твою собственную, других людей, даже всего народа. Поэтому держи их крепко, не давай цвести недостойным думам. Прощай! (803)

* * *

Одно невероятное зацепляется за другое и становится реальностью. (233)

Величайшая невежливость – попытка перебить собеседника. (653)

Разучаясь наблюдать, человек теряет способность обобщать. (701)

Дети отличаются от взрослых тем, что они думают, будто мир устроен для них. Молодые отличаются от пожилых и старых тем, что они уже знают жизнь, но думают, что у них всё будет поиному. (742)

Р. Ж е л я з н ы

(1937 – 1995 гг.)

Уверенное продвижение вперёд важнее скорости. Пока движением можно управлять, всё в порядке. Но если прогресс достигается скачками, нужно быть бдительным. (1)

Нельзя прожить долгую жизнь и не достигнуть такого состояния, когда исключены любые наивные чувства и сантименты. (2)

Лишь глупец не боится истинного могущества, не понимая ни причины, ни природы этой силы. (3)

Это ошибка считать себя незаменимым. Огромно число могил тех, кто считал, что обойтись без них невозможно. (4)

С. Г. Ж е м а й т и с

(1908 – 1987 гг.)

Человеку свойственно делиться своими мыслями о прошлом. Он сам весь там. (1)

Надо чаще вспоминать, заглядывать в потаённые уголки нашей памяти, и тогда многое вспомнится. (2)

Нелегко жить в чужом времени. Эпохам присущи, как и музыке, тональность и ритм. Всё это от рождения в человеке. (3)

Жить – значит идти вперёд. (4)

Прошлое всегда должно быть с нами. Оно обогащает. Не то мы станем как необитаемые острова. (5)

Многие ищут и не находят своего предназначения, своей миссии. Но в жизни каждого мыслящего существа есть особая цель, цель, свершить которую ему необходимо, чтобы оправдать своё существование. (6)

Много есть вопросов на которые надо знать ответ, без этих ответов трудно жить. (7)

Всякое познание обходится дорого. Особенно для первооткрывателей. (8)

Чем дольше живёшь, тем больше убеждаешься, как глубоко скрываются причины всех вещей. И ещё труднее понять, что ты стар и что тебе пора уступать место другим. (9)

Нельзя делать выводы, не узнав всего имеющего отношение к делу. (10)

То, что ты назвал ложью, – поэзия. А поэты никогда не были лгунами. (11)

Я обязан чему-то научить вас, оставить вам несколько простых истин и много сомнительных, которые вы опровергнете в будущем. (12)

Ниспровергайте блестящие с виду, но ветхие истины! (13)

Быть полезным – это только быть полезным, быть прекрасным – это только быть прекрасным, но быть полезным и прекрасным – значит быть великим. (14)

Как много в нас скрыто. Как медленно идёт познание своих возможностей. (15)

Отнесись к потере так же, как к удаче. (16)

Будьте осторожны и хладнокровны. Иметь холодную голову так же необходимо, как и горячее сердце. (17)

Мудрец прав той высокой правдой, что всегда шла наперекор установившимся правилам и законам и которая в конце концов признавалась всеми и сама становилась законом. (18)

Корысть не может присутствовать в груди мудрого. (19)

Мы ничего не сможем придумать на Земле, что бы не случилось уже где-то на одной из бесчисленных планет там. (20)

Удивительный покой охватывает душу, когда ощущаешь красоту мира и единство начал жизни. (21)

Красота многолика, как и всё во вселенной. (22)

Каждый из нас носит в душе эталон прекрасного, воспитанный бесчисленными поколениями ранее живущих; мы с детства учимся узнавать, находить красоту в окружающем нас мире вещей, в природе, в себе подобных. (23)

Всё, что в вас и ум, и сила, и умение отличать красоту от уродства, бороться и побеждать, – не ваше. Всё – наследство предков, и вы, умножив, передадите его потомкам. (24)

Из виденного бесконечное число раз художник создаёт неповторимое, единственное. В этом задача и вечная загадка искусства. (25)

Редкие слова радуют сердце. (26)

Сколько слов умерло или получило совсем другое значение! (27)

Таинственная личность боится популярности. (28)

Трудясь, развлекаться; уметь находить удовольствие даже в скучном, неинтересном занятии – редкое свойство для мыслящего существа. (29)

Напевать и насвистывать за работой – признак высочайшего довольства собой. (30)

Чрезмерная автоматизация ограничивает непосредственное ощущение мира, создаёт только видимость подлинных событий, хотя и тождественных по существу. (31)

Ошибки порождаются жизнью, разум их исправляет – или ему это кажется – и делает новые. Идеал – возможно меньшее количество промахов. (32)

Приобретение новых свойств, не обоснованных условиями существования, ставит живое существо в критическое положение. (33)

Признательность – высокое свойство человека. (34)

Смех – эмоциональная разрядка, настраивает на правильное восприятие действительности. (35)

Постигая жестокую историческую правду, человек относится к ней со снисходительным недоумением. (36)

Разумному существу свойственно любые катаклизмы рассматривать с позиций своего времени, основываясь на современных условиях жизни, на утвердившихся этических нормах. (37)

Не всё только приятное необходимо людям. Сейчас преизбыток приятного. (38)

Рекламный бред рассчитан на людей, уставших от того набора нелепостей, который они считают жизнью. (39)

Заводы производят множество вещей, без которых вполне можно обойтись. Изобилие приводит к пресыщенности. Изобретаются всё новые и новые вещи, а старые, ещё пригодные, выбрасываются на свалки. (40)

Не расточайте сокровищ планеты. Помните о тех, кто идёт за вами. (41)

Когда мы не в силах заглянуть за черту непознанного, то невольно, не признаваясь в этом, привлекаем магию предков. Всё это кажется забавным, вызывает улыбки, как шалости детей, и в то же время где-то в глубине сознания рождается уверенность, что «это не помешает». (42)

Самое тяжкое и затяжное заболевание человечества – консерватизм мышления. Оно наблюдалось всегда. (43)

Как правило, всякое нарождающееся прогрессивное явление встречает сопротивление людей, не умеющих, а подчас и не желающих выйти из плена рутинных представлений. (44)

В период удач и везенья, мы обычно забываем о несовершенстве нашего ума. Достигнутое становится эталоном, тяжёлым, как скала. Трудно двигаться вперёд с таким грузом. (45)

Законы природы открывать необычайно трудно, но ещё труднее их преодолевать, находить к ним поправки или отвергать вовсе. (46)

Учёный очень широкого диапазона непримирим к чужим ошибкам и, наверное, жесток и к себе. (47)

Несовершенная техника поражает своей кажущейся сложностью. Примитивные приборы всегда сложны на первый взгляд. Совершенство просто. (48)

Целесообразность есть высшая справедливость. Но сколько потребовалось усилий всего человечества, чтобы эта простая истина, направленная на добро, стала законом жизни! (49)

Если бы мы зло пресекали до его рождения! (50)

Разум, рождённый в миллионолетних муках, ищет пути добра и находит их. (51)

Знать, что сближает, необыкновенно важно. (52)

Если в других мирах Вселенной жизнь окажется враждебна нам, то будь гуманен, хотя бы потому, что ты будешь обладать необыкновенно могущественными средствами – и разрушения и благотворного влияния на чужое нам сознание. (53)

Никогда не прощай несправедливость, допущенную к любому живому существу, стоящему даже на самой низкой ступени лестницы жизни. (54)

В начале жизни человек счастлив счастьем, доступным каждому: счастьем восприимчивой молодости, счастьем зрелости, когда радость жизнью становится полней после раскрытия всех талантов и способностей, переданных родителями и развитых учителями и собственными усилиями ума и воли. (55)

Но наконец наступает третья пора жизни – усовершенствования, когда с мудростью появляется разочарование во многом и сожаление оттого, что нельзя повторить цикл жизни, вместить в сознание многое из непознанного. (56)

И в конце концов наступает осень жизни, когда в часы раздумий, а их всё больше, проходит бесконечная вереница мыслей, где воедино связаны и лица друзей с их помыслами и делами, их острые фразы, места, где ты побывал, твои достижения, утраты и разочарования. (57)

Плохо быть старым, хотя, поверьте мне, у любого возраста есть свои преимущества. И если ими умело пользоваться, то жизнь никогда не потеряет своего аромата. Главное – цель. И чем она непостижимей, эта цель, тем полнее жизнь. И ещё следует иметь эталон, выбрать пример непоколебимой устремлённости. (58)

* * *

Без прошлого люди как необитаемые острова. (5)

То, что рационалист называет ложью, часто оказывается поэзией. А поэты никогда не были лгунами. (11)

В. Н. Ж у р а в л ё в а

(1933 – 2004 гг.)

Люди, поглощённые своими заботами, на всё остальное смотрят равнодушными глазами. (1)

Не принять существующее – это уже очень многое. Не принять, не смириться... Отсюда один шаг до борьбы. (2)

Затерянный в безбрежном (или всё-таки не безбрежном?) мире, в котором миллион лет ничто перед лицом вечности, человек хочет всё увидеть и всё понять. (3)

Грош цена человеку, если в сутолоке повседневных дел он перестаёт замечать удивительную картину мира и не терзается от мысли – что же это такое? (4)

Если человек хочет понять себя, для этого ему надо знать, что такое вселенная и в чём её смысл. Нет другого пути постичь смысл жизни и своё назначение. (5)

Главное – не отступать, тем более, что отступать мне просто некуда. Вот я и вот надо мною ночное небо с неисчислимыми звёздами, мир настолько огромный в пространстве и времени, что в его масштабах моя жизнь какая-то бесконечно малая величина, но если я не отступила, если я не сломлена, нет для меня ничего невозможного в этом мире. Не представляю, как можно жить иначе. (7)

Не отступать... Я привыкла к обычным представлениям о ценностях, мне мешает инерция мышления. Ладно, я умею гасить инерцию, в теории направленного мышления есть специальные приёмы. Хотя бы так: надо представить, что я прибыла с чужой планеты, и посмотреть на всё со стороны... Что ж, окинем мир свежим марсианским взглядом! (8)

Ночной воздух в городе пропитан светом, волны света заслоняют небо. Непонятно: неужели светящиеся шарики и трубки красивее бесконечного звёздного неба? (9)

Самокопание на галактическом уровне перестаёт быть самокопанием. (10)

Вынужденное безделье приводит к расстройству нервной системы, вызывает упадок сил и серьёзные заболевания. (11)

Человек должен додуматься сам: своя идея больше воодушевляет. (12)

Нужно уметь безошибочно пробивать хаос фактов стальным тараном логики. (13)

Всякая приличная теория обязана включать предыдущие построения в качестве частных случаев. (14)

Наука изучает реальный мир. В этом её ценность. Математическую модель несуществующего, но легко познаваемого мира построить можно, но, изучая модель несуществующего мира, вы будете делать несуществующие открытия. (15)

Слова бывают подобны холодным каплям дождя на плаще. (16)

Красивые слова только слова. А здравый смысл, логика, расчёт – на стороне инженеров. (17)

Подозрительность – великолепный трамплин для глупости... и ума. С этого трамплина прыгают одинаково. (18)

Иная система ценностей – значит иная система целей. Открываются совершенно новые поисковые линии. Сейчас мы их не замечаем, оне для нас как невзрачный магнитный железняк для алхимика, ослеплённого призраком золота. (19)

Сомнения – необходимый элемент творческой работы. (20)

Случайные причины надо искать наугад, а если существуют закономерности, можно думать. Это интереснее. (21)

Как легко доказать теорему и как трудно доказать любовь! (22)

Обидно, когда вещи умнее людей. (23)

Ремесленника абсолютно не беспокоит мастерство настоящих писателей. Он живёт в другом измерении. (24)

Общая фраза – это только видимость мысли. (25)

Художнику надо смотреть вперёд. Всегда! Даже если изображаешь события далёкого прошлого. Конкретный повод – только трамплин. Это и отличает великое творение от просто хорошего. (26)

Отвага не стареет. (27)

Вперёд, только вперёд, через невозможное! (28)

Б. В. З у б к о в

(1923 – 1986 гг.)

Наше «я» – это синтез памяти. Если я не помню, значит, я не существую. (1)

Мы в детстве более проницательны, чем в пору зрелого, но самоуверенного всезнайства. Ребёнку всегда кажется, что игрушки и мебель живут своей жизнью. (2)

Разум как самоцель – несуществующая бессмыслица. Разум рождается в труде и для труда. Элементы творчества, знаки созидания, действия, труда – вот средство общения во Вселенной, звенья, соединяющие все ступени разума. (3)

Машина без человека, пользующегося плодами её работы, вообще бессмыслица. (4)

Универсальный торговый принцип: непрочные вещи покупаются чаще. Пусть даже покупают по дешёвке, но всё чаще и чаще. Ежемесячно, потом еженедельно, ежедневно, ежечасно... Их дешевизна не компенсирует их недолговечность. Напротив, дешевизна разоряет покупателя. Карусель вынужденных покупок вертится всё быстрее и быстрее, выматывая душу, опустошая карманы. (5)

Нахальство – просто безмерная и отчаянная трусость. (6)

Многие корифеи только то и делают, что занимаются повторением ранее сказанного. (7)

Для ведения научного спора вовсе не обязательно понимать суть дела. Вполне достаточно прибегнуть к методу девиации – отклонения или отвлечения. (8)

Экзамен есть разновидность дискуссии, где один из её участников, в силу своего официального положения, явно довлеет над другими. (9)

С любителями дискуссий надо бороться их собственным оружием. (10)

Древо современной науки настолько ветвисто и развесисто, что под его сенью могут раскинуть свои палатки тысячи конференций, даже не подозревающих о существовании друг друга. (11)

Бальзам для лысых легко превращается в радикальный истребитель волос. (12)

Опасность, поделенная на две части, остаётся опасностью. Это всё равно, что прыгать с моста... вдвоём. Вместо одного утопленника будет два. (13)

Горе любит полумрак и тень. (14)

А. П. К а з а н ц е в

(1906 – 2002 гг.)

Желания надо осуществлять, иначе не стоит желать. (1)

Никто не поступится своим счастьем. (2)

Что может быть лучше цветов! Наивные фиалки, чувственные розы, холодные астры, дурманящие орхидеи, заносчивые гортензии.... Их столько же, сколько женских характеров. Женщины потому и любят цветы, что сами похожи на них. (3)

Женщина, слушая, часто обращает больше внимания не на смысл слов, а, скорее, на тон, каким они сказаны. (4)

Женщина подобна тени: когда идёшь к ней, она убегает, а когда уходишь – догоняет. (5)

Почему радость никогда не может быть полной? (6)

Тяжела драма людей, заведённых в тупик условностями общества, в котором они вынуждены жить. (7)

Прежде жизнь сообщества людей строилась на проявлении худших сторон человека: на его силе, злобе, вражде, на ненависти, стяжательстве, жажде власти. И как много пришлось пережить людям, чтобы утвердилась мысль, что общество надо строить на лучшем, а не на худшем начале разумного существа: на доброте, на самоотверженности, на стремлении помочь друг другу и нежелании добиться для себя большего, чем имеют другие. Казалось бы, как просто! (8)

Большая часть людей, при всей их кажущейся свободе, изнемогает от нищеты и непосильного труда, а меньшая – утопает в роскоши и пребывает в праздности. (9)

Только страх может заставить быть таким, как надо обществу. (10)

Ничто так не объединяет, как общая ненависть. (11)

Очень наивно думать, что равновесие может достигаться стихийно, в процессе конкуренции. (12)

Общество держится на страхе и борьбе за личное существование. Тот, кто производит больше, чем нужно, или делает это хуже конкурента, разоряется и погибает. (13)

В большинстве сражений исход боя решает паника. (14)

Стараясь устранить страх, люди готовят ему на смену совесть. А для этого требуется воспитание. (15)

Образованный, но должным образом не воспитанный человек может и не обладать нужными для общества качествами. (16)

В мире действует не только злая воля ничтожной части людей, но и коллективный разум человечества. (17)

За счастье человечества можно бороться только организованными средствами. (18)

Бессмысленно одному человеку выпить океан, чтобы спасти тонущий пароход. Бессмысленно одному человеку пытаться перестроить несправедливые человеческие отношения тем, что он в течение двадцати пяти лет будет рисовать и нарисует замечательную картину, взглянув на которую люди должны подобреть. (19)

Идеальный строй там, где роскошь презирается так же, как почитается мудрость. (20)

Как всё-таки тяжела всякая система соревнований! (21)

Устранение основных социальных конфликтов сделает соревнование во всех проявлениях жизни, будь то наука, производство или искусство, основным стимулом движения вперёд. (22)

Лучшие люди прошлого во всём равны людям более совершенного общества. (23)

Педантичная строгость к себе сохраняет в человеке бодрость, работоспособность и непрекращающуюся жажду жизни. (24)

Являйся точно, как обещал: чужое время – чужие деньги. (25)

Успех – это зависть неудачников. (26)

Силою обстоятельств человек ставится перед необходимостью противодействовать. Это логический путь всякого, кто противопоставляет себя обществу. (27)

Разумный риск – это тот, без которого нельзя обойтись. (28)

Мы люди! Мы носители разума. Пусть у нас есть слабости. Но силы должно быть больше. (29)

Разве сила титана в том, чтобы засунуть льва в карман? Да человек в любом мире титан, в любом масштабе живого, над которым его возвышает разум, а не рост. Он может сделать мышцы сильнее, чем у динозавра, передвигаться быстрее гепарда или ласточки. И он может заставить природу служить себе вовсе не тем, что станет корчевать деревья руками. Для этого у него есть машины. (30)

Для того, чтобы быть подлинным мудрецом, ещё недостаточно быть знатоком какой-нибудь одной области знания. (31)

Закон инерции: инерция преодолима приложением энергии. (32)

Преодолеть инерцию надо и в самом себе. (33)

Бездействие никогда и никому не помогало. Лишь деятельность является лучшим лекарством от всего. (34)

Вы, быть может, думаете, что мои советы подобны советам жены магометанина, которые, по корану, следует выслушать, а поступить наоборот? (35)

Заточённый ум, не получая новых впечатлений, неумолимо воскрешает былое. (36)

Всякая тайна тяготит. (37)

Обманывать стыдно, но часто это – самый простой и надёжный путь к невежественным умам. (38)

Не слишком ли надменен человек, провозгласив себя одного разумным на Земле и все проявления разума у животных высокомерно относя к инстинкту? (39)

В нас предостаточно высокомерия «богоподобного существа», каковым издревле в силу своего невежества вообразил себя человек. (40)

В научные истины нельзя верить или не верить. Можно быть в них более или менее убеждённым. (41)

Заменять аргументы мнением – нечестный приём в научном споре. (42)

В науке больше всего надобно бояться вульгаризации. (43)

Поведение человека в жизни важнее, чем даже глубокие знания. Подлинная мудрость – не только в проникновении в суть наук, но и в понимании своего долга перед всеми. (44)

Изобретатель чудовищного смертоносного оружия, которому безразлично, кому оно будет служить, – страшная угроза всеобщему миру! (45)

Человечество нельзя защитить тем, что будешь молчать. Наука всё равно движется вперёд, а человек всё больше и больше завоёвывает природу. (46)

Прогресс подобен мчащемуся локомотиву, управляемому законом развития человеческих отношений. Его движение не может остановить один человек. (47)

Идеи, которые заказывает сегодняшний уровень прогресса, носятся, как принято говорить, в воздухе; всякое открытие, покоящееся на достижениях современной ему техники, будь оно сделано и скрыто, неизбежно повторится. Таков закон развития науки, зависящей от законов развития экономики. (48)

Обречено всё, что, не являясь наукой, претендует на трактовку научных положений или предвидений. (49)

Теоретики должны видеть решение задачи за много лет вперёд, за много лет до того, как она будет решена практиками, эмпириками. (50)

Отброшенных научных гипотез куда больше, чем неверных предположений фантастов. (51)

Фантазия – качество величайшей ценности. Фантазия – это способность представлять себе то, чего нет. Она лежит в основе всякого творчества, возвышающего человека над животным миром. (52)

Фантазия всё-таки отталкивается от знакомого, известного, видоизменяя, преувеличивая, соединяя знакомые черты. (53)

Мечтать – это смотреть вперёд, ломая догмы, шаблон и рутину. (54)

Подлинная научная фантастика способна бросать в умы людей зёрна замечательных идей, она может понастоящему приподнять завесу будущего. (55)

У представителя обречённого мира фантастическая мысль может быть только обречённой – он лишён мечты. (56)

Артистизм заслоняет искренность. (57)

Воображение больше всего участвует при чтении книг. Там нет ни героев, ни декораций. Волшебная сила написанного слова воспроизводит всё это в сознании. (58)

Цивилизация – это письмена, хранящие сокровища мысли. (59)

Если люди утратят письменность, они не будут в состоянии передавать в многоголосом молчании свои мысли. (60)

Ритм – объединяющее начало коллективных действий. (61)

Того, что виртуоз выражает в музыке, нельзя добиться никаким умением – настроение позволяет ему перешагнуть через мастерство и просто чувствовать вслух. (62)

Подлинное добро всегда обернётся добром для тех, кто его делает. (63)

Отказ от привычных функций органов приводит к ослаблению мышц и хрупкости сосудов, к болезням и преждевременной старости. (64)

О, медицина! Тебе как науке нужно прописать тысячу верблюдов, чтобы они плевали на тебя. (65)

Как смотрят на маленьких детей старики? С сожалением и в то же время с ободрением. Иначе не может и быть. (66)

В мире, где не умирают, не должны и рождаться. (67)

Одно дело приблизить свою смерть, и другое – не желать её отодвигать. (68)

И ветвью счастья и цветком любви украшен Древа Жизни ствол. Но корни!.. Без них засохнет ветвь, падут цветы. Мечтай о счастье, о любви и ты, но помни: Корень Жизни – Долг! (69)

Ф. К а р с а к

(1919 – 1981 гг.)

Учёный несёт ответственность перед человечеством, как нынешним, так и будущим. (1)

Наука – могучее, благотворное и... очень опасное оружие. Лучше пребывать в неведении, чем быть полуобразованным дилетантом, и тайны науки ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности. (2)

Человек может быть злым независимо от того, кто он – учёный или невежда. Безусловно, если он учёный, он станет более опасным. Но зато добрый человек будет иметь больше могущества для того, чтобы делать добро. (3)

Верхом невежества является претензия на обладание истиной – единственной Истиной! (4)

Мудрый человек меняет своё мнение, когда видит, что ошибся, только глупец упрямится. (5)

У всех религий есть общие положения, и они-то и являются самым важным и возвышенным в них. (6)

Люди подчиняются дисциплине именно потому, что принимают её вполне добровольно. (7)

Начальник не вправе требовать от подчинённых того, с чем он не готов справиться сам. (8)

Для повиновения не требуется понимания. (9)

Ни один настоящий солдат не любит войну, но, если требуется, он убивает насколько то в его силах – без радости и без раскаяния. (10)

Различие порождает недоверие, недоверие порождает страх, а страх – ненависть. Покорённый боится и ненавидит покорителя, который технически лучше вооружён. Покоритель презирает, ненавидит и боится более многочисленных покорённых. И возможно, на той стороне и на другой большинство состоит из честных и храбрых людей. (11)

Славу надо принимать как должное. (12)

Плохая женщина всегда находит слова, которые превращают чёрное в белое, но только безумец им верит. (13)

Деньги всего лишь символ богатства. (14)

Высказать слово благодарности может оказаться невежливостью, ведь благодарят только за услуги незначительные и вещи, не представляющие особой ценности. (15)

Человек есть человек, и никакие границы не могут служить ему долгой задержкой. (16)

* * *

Начальник может спрашивать с подчинённых только за то, за что он готов взяться сам. (8)

Г. К а т т н е р

(1915 – 1958 гг.)

Уж слишком скучной представляется идея посвятить всю жизнь свою добрым делам. (1)

Наверное, это свойство посредственности – надеяться получить что-нибудь за так, задаром. (2)

Сколь жалка судьба человека, засидевшегося на этом грешном свете и дожившего до мрака времён, освещаемых лишь солнцем доллара. (3)

В. К е р н б а х

(1923 – 1995 гг.)

Не следует терять голову, когда любовь оказывается безответной. Безответная любовь означает, что ты плохо выбрал предмет своей любви. (1)

Есть люди, которые владеют чем-нибудь, и те, которые ничего не имеют. Те, кто думает, что они имеют, в сущности, в желаниях ушли не далее, чем животные. Если бы они желали всего одну тысячную долю того, чего хотим Мы, они сочли бы себя много беднее последнего нищего. (2)

Д. К и з

(1927 – 2014 гг.

Люди почему-то считают, что это смешно, коли глупый человек не может всё делать так, как они. (1)

Совсем не трудно иметь друзей, если разрешаешь людям над собой смеяться. (2)

Неудача эксперимента или опровержение теории имеют такое же важное значение для прогресса науки, как и успех. (3)

Г. К и л у о р т

(1941 г.р.)

Трудно было бы ожидать, чтобы то, что вводится в мозг за два-три часа, осталось бы там надолго, иначе все мы были бы просто гениями. (1)

Дети не могут ценить то, что уже имеют. (2)

Кучка стариков и старух, которые монотонно повторяют тексты из священного писания, – это ещё не религия. (3)

А. Ч. К л а р к

(1917 – 2008 гг.)

Когда всё видишь в свете вечности, можно не горячиться. (1)

Каждый день, каждый час может вместить в себя целый мир впечатлений, нужно только разумно их тратить. (2)

Чтобы понять будущее, надо знать прошлое. (3)

Никому не дано заглянуть в будущее, предугадать все последствия своих поступков. (4)

Иногда можно предвидеть будущее и загодя принять нужные меры, но бывает и так, что события, как будто ничем не связанные между собой, – словно они происходят в разных мирах, – оказывают друг на друга прямо-таки ошеломляющее воздействие. (5)

Можно назвать много удивительных совпадений, которые убедят вас, что мир не так уж велик. (6)

Шар, вокруг которого можно облететь за 90 минут, уже никогда не будет для людей тем, чем он был для наших предков. (7)

Удивительно: когда глядишь издалека, родные поля, озёра, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключён мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно увидеть его из космоса (8)

Странно, как упорно все изолированные цивилизации считают себя единственными представителями разумной жизни во вселенной. (9)

Природа бесконечно повторяет в одном мире за другим любую конструкцию, если она соответствует своему назначению. (10)

Везде, где только может возникнуть жизнь, она возникает. (11)

Живое взывает к живому – даже через космические бездны. (12)

Ничто не действует на человека так умиротворяюще, как музей; здесь всё повседневное обретает свои истинные размеры. (13)

Весь человеческий род с его чаяниями и тревогами, победами и безрассудствами – быть может, только эпизод в истории мира. (14)

Способность человека к самообману поразительна. (15)

Странно, как предвзятость может повлиять на суждение человека о том, что он видит. (16)

Простодушный человек вовсе не значит простак. (17)

Никому не следует навязывать свою точку зрения остальным. Добрые дела теряют цену, если их проводят насильно. (18)

Логика годится не всегда, ведь с её помощью ничего не стоит оправдать и людоедство. (19)

Любой афоризм может быть верен только наполовину. (20)

Время не может уничтожить истину, а может только скрыть её под покровом легенд. (21)

Рано или поздно истина всё равно всплывёт; оттягивать неизбежное – только себе вредить. (22)

У обыкновенных людей ничего, кроме разумного практического совета, не почерпнёшь; только мыслителей занимают вопросы, на которые нет ответа. (23)

Представители чистой науки на сугубо практическую деятельность имеют обыкновение смотреть свысока. (24)

По мере того как власть человека будет простираться всё дальше во вселенной, его неизбежно будут подстерегать новые трудности и несчастья. (25)

Беспредельное знание влечёт за собой беспредельную ответственность. (26)

Встреча лицом к лицу со смертью изменяет человека: трусость и себялюбие осыпаются, как окалина, и приходит спокойная твёрдость духа. (27)

Противно человеческой природе бездействовать перед лицом смерти. (28)

Образцы самоотверженности и героизма показывают, что человек продолжает борьбу даже тогда, когда, казалось бы, исчерпаны все его физические возможности. (29)

Не потому ли человек ищет опасностей, чтобы через них прийти к сплочённости и товариществу, к которым он – пусть неосознанно – так стремится? (30)

Следует понимать, что слава неизбежно влечёт за собой зависть. (31)

За свободу, как и за всё на свете, приходится платить, и подчас дорогой ценой. (32)

Успех и признание – великие целители души, и если можешь рассчитывать и на то, и на другое – то чего ещё желать? (33)

Смерть – это конец мечтам и честолюбию, и нет утешения в мысли о том, что рано или поздно всех ждёт конец. (34)

Когда думаешь о смерти, труд – великое лекарство. (35)

Паника могучим приливом затопляет сознание, снося все плотины, которые логика и рассудок человека противопоставляют тайнам вселенной. (36)

Суеверный страх вызывает только то, что незнакомо. (37)

Запах быстрее других чувств вызывает воспоминания и ассоциации. (38)

Прирождённый руководитель умеет сплотить пёстрое сборище разных людей в единое целое, создать дух товарищества, который превращает толпу в отряд. (39)

Когда люди смеются, они забывают о страхе. (40)

Хороший руководитель знает, что со скукой надо бороться так же решительно, как и со страхом. Пока люди чем-то заняты, можно не опасаться за их моральное состояние. Неважно, что они будут делать, лишь бы это казалось им интересным или важным. (41)

Ни кнутом, ни пряником не заставишь опытных и добросовестных работников трудиться быстрее, чем позволяют их силы. (42)

Есть люди, которые счастливы лишь тогда, когда они находятся в меньшинстве. (43)

Недостаток терпения – обычный порок молодости. (44)

Умей быть терпеливым, когда не остаётся ничего другого. (45)

Не тех неполадок надо опасаться, которые можно предвидеть. (46)

Ум и решимость стоят больше, чем мускулы. (47)

Иногда внешняя благопристойность не менее важна, чем безгрешное поведение. Недаром говорят: «Не останавливайся завязывать шнурки на бахче соседа». (48)

Ласковое, но несколько отсутствующее выражение лица говорит о том, что человек непрочь дружить со всеми, но предпочитает оставаться наедине с самим собой и своими мыслями. (49)

Умный человек и случай заставляет работать на себя. (50)

Что толку от могущества и богатства, если их не использовать для осуществления своей мечты? (51)

В разумно устроенном мировом государстве, не знающем ни войн, ни кризисов, будет ощущаться явный недостаток в том, что сегодня называется «сенсациями». (52)

Когда изживает себя национальный суверенитет, приходит конец и истории. (53)

Ни одно правительство не сможет функционировать, если последнее слово в вопросах политики не будет оставаться за ним. (54)

Сколько человек упускает в непрестанной погоне за властью! Мир культуры и искусства по сути дела оказывается закрыт для него, и ведь это лишь часть цены. Он обречён стать чужим в собственной семье, растерять былых друзей. Любовь приносится в жертву на алтарь честолюбия, и в конце концов жертва оказывается напрасной. (55)

Старые ссоры забываются или оказываются основанными на недоразумениях, и жаль, что об этом узнаёшь только перед смертью. (56)

Человек чересчур независимый и самонадеянный обычно никак не желает признавать, что он не всемогущ и что ему тоже нужна чья-то помощь. И когда он сталкивается с чем-то превосходящим его силы, нервы у него не выдерживают. И тогда он может начать ненавидеть самого себя. (57)

Никому не избежать неудачи в чём-то очень важном и дорогом, в жизни каждого остаётся невзятой какая-то заветная вершина и никакие победы не могут покрыть этой потери. (58)

Человек может избавить себя и других от многих неприятностей, если посмотрит в лицо фактам и перестанет обманывать самого себя. (59)

Не противься неизбежному. Признав, что в твоей жизни есть вещи раз и навсегда решённые, ты перестанешь с ними бороться. Это не будет капитуляцией, зато даст тебе силы, необходимые для битв, в которых ты можешь победить. (60)

Искра надежды лучше, чем безнадёжность. (61)

Проблеск надежды может произвести действие столь же мучительное, как и её исчезновение. (62)

Никаких тщетных надежд: только глупец тратит силы на борьбу с неотвратимым – лучше примириться с судьбой. (63)

Трудно провести границу между состраданием и любовью. (64)

Настоящая любовь сочетает и влечение, и нежность. (65)

Разве тот, кто истинно любит, взвешивает все «за» и «против»? (66)

Пути любви извилисты и прихотливы. Есть также подсознательное чувство, что любовь – единственная защита против смерти. (67)

Даже при самом совершенном общественном строе, в самом безмятежном и обеспеченном из миров не избежать разбитых сердец и личных трагедий. (68)

Мужчина обычно бывает неприятно удивлён, обнаружив, что он вовсе не такой уж знаток женского сердца. (69)

Никакая тоска не может длиться вечно, и боль от разлуки рано или поздно унимается. (70)

Право, не мешало бы поразмыслить над тем, как много значит для женщины чувство, гораздо больше, чем для мужчины. (71)

Деловитые женщины, как правило, счастливы лишь тогда, когда им удаётся всецело подчинить себе супруга. (72)

Иногда не так-то легко сказать «прощай». Тогда остаётся только одно: лучше мгновенная боль, чем долгое страдание. (73)

Супружеская пара представляет собой динамически неустойчивую систему, пока появление первого ребёнка не превращает её из двучлена трёхчлен. (74)

Нельзя требовать от зятя, чтобы он заменил сына. (75)

Ярость и боль умиротворяет время. (76)

Размышлять о необратимом прошлом ещё никчёмнее, чем гадать о непредвидимом будущем. (77)

Какой смысл размышлять о будущем, которого не будет? Гораздо больше беспокоит скоротечное настоящее. (78)

Лучше не думать о беде, чтобы не накликать её. (79)

Если не знаешь, что делать, – не делай ничего. (80)

Тот, кто хочет дожить до глубокой старости, никогда не полагается на автоматическую сигнализацию, если можно проверить самому. (81)

У человеческого сознания много сторожевых псов, они порой лают попусту, но умный человек никогда не пренебрегает сигналом. (82)

Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную. (83)

Для всякого стоящего дела требуются время и практика. (84)

Только в деле можно научиться чему-то понастоящему. Без этого никакая гипнопедия не поможет. (85)

Кто хорошо делает своё дело, редко пожинает заслуженные лавры, его усилия просто воспринимаются как должное. (86)

Старая истина: дурная слава – лучшая реклама. (87)

Иногда – хоть и редко – умение сразу вознаграждается успехом. (88)

Секрет успеха подчас заключается в том, чтобы строго соблюдать принцип, известный в физике под названием «принципа наименьшего действия». Следуйте примеру Вселенной, никогда не расходуйте энергии без нужды. (89)

Чтобы обеспечить одного современного человека предметами первой необходимости – и предметами роскоши, – каждый год из земли извлекается более двадцати тонн сырья. (90)

Когда торгуешься, ни в коем случае нельзя показывать, что предмет сделки тебе и в самом деле до зарезу нужен. (91)

Когда говорят несколько человек сразу, можно определить их настроение, даже если не разбираешь отдельных слов. (92)

Не припомню такого случая, чтобы совещание принесло хоть какую-нибудь пользу, если в нём участвовало больше пяти человек. (93)

Хороший гид знает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения. (94)

Унылый речитатив – профессиональный порок большинства гидов. (95)

Самый пресыщенный впечатлениями человек не устоит перед соблазном проникнуть в тайны невиданного и неизведанного. (96)

Наблюдательность не должна зависеть от скороспелых умозаключений. (97)

Могущество нашего мозга, его потенциальные возможности очень велики, до сих пор мало используются и, вероятно, даже не полностью разгаданы нами. (98)

Ни одна вычислительная машина не сравнится с человеческим мозгом, когда надо связать совсем независимые, казалось бы, факты. (99)

Развитая технология неотличима от магии. (100)

Единственный путь обнаружить пределы возможного – уйти за эти пределы, в невозможное. (101)

Истина, которую всегда должен помнить учёный: органы чувств человека воспринимают лишь частичную и искажённую картину вселенной. Люди подобны узникам в пещере, стремящимся по теням на стене представить себе внешний мир. (102)

Если знаменитый, но старый учёный утверждает, что нечто возможно, он почти определённо прав. Если он утверждает, что нечто невозможно, он, очень вероятно, ошибается. (103)

Теория – это объяснение, которое обычно оправдывает себя на деле. (104)

Все проблемы имеют техническое решение, просто самая большая проблема – выбрать правильное решение и отказаться от тех, которые влекут за собой другие проблемы. (105)

Есть задачи, которых не решить простейшим способом, и с этим ничего не поделаешь. (106)

Твёрдо верь: любую задачу можно решить, надо лишь правильно взяться и применить верные средства. (107)

Большинство математиков не в ладах с арифметикой, а писателей – с орфографией. (108)

В будущем всякий человек, полностью несведущий в естественных науках, окажется, честно говоря, необразованным. И если он будет, как делают это сейчас некоторые, кичиться своей неосведомлённостью, он окажется точно в таком положении, как неграмотные средневековые бароны, гордо заявлявшие, что счётом и письмом у них занимаются секретари. (109)

Научно-фантастическая литература увеличивает гибкость ума, повышает готовность принять новое. (110)

Я вовсе не собираюсь утверждать, что среди читателей научной фантастики найдётся больше 1% людей, способных стать пророками, заслуживающими доверия; но я действительно считаю, что среди таких пророков почти 100% окажутся либо читателями научной фантастики, либо писателями-фантастами. (111)

Искусство народа показывает его душу. (112)

Минута потрясения, которую испытываешь, когда в первый раз сталкиваешься с великим произведением искусства, никогда не может быть повторно пережита впоследствии. (113)

Дело, которому отдана целая жизнь, нельзя оборвать вдруг, поворотом выключателя. (114)

Религия редко умирает совсем. (115)

Бог не обязан оправдывать перед человеком Свои деяния. Он создал вселенную и может по Своему усмотрению её уничтожить. Было бы дерзостью, даже богохульством с нашей стороны говорить, как Он должен и как не должен поступать. (116)

Всё когда-нибудь происходит в последний раз. (117)

* * *

Когда готовишь почву для сделки, лучше не показывать партнёру, что тебе позарез нужен его товар. (91)

Любая достаточно ушедшая вперёд технология неотличима от чуда. (100)

Любая технология, опережающая время, неотличима от магии. (100)

Ж. К л е й н

(1937 г.р.)

Во всём, что нам знакомо, нет ни определённости, ни устойчивости, и ветер меняет звук голосов. (1)

Как далеко отстоит то, что знаешь, от того, что есть на самом деле. Кроме всего, что можно увидеть и потрогать, существует ещё и другое – и, хоть его не коснёшься, именно оно придаёт смысл всему, что тебя окружает. (2)

Всегда можно закрыть глаза и перенестись через непостижимую ширь солёных вод, главное – само это препятствие чудесно, ибо чудесно то, что воображается мне по другую сторону моря. (3)

Я знаю, нет такого мыса, который был бы концом света. (4)

А. Л. К о л п а к о в

(1925 – 1995 гг.)

Теория – это всё то, что не годится для практики. (1)

Люди «действия» воображают, будто действием можно заменить мысль. (2)

Разум... Нет ничего выше, светлее, чище его! Разве только звёзды и свет? (3)

Победить, выстоять можно, если веришь. Победа только внутри тебя самого. (4)

Нельзя бесконечно жить. Это не нужно. Противно законам природы. Да и невозможно. (5)

В. Д. К о л у п а е в

(1936 – 2001 гг.)

Происходят тысячи и миллионы маленьких трагедий, потому что человек занимается не тем, чем хочет. Хотя об этом в большинстве случаев не подозревают не только близкие, но и он сам. (1)

Домашние дела никогда не переделаешь, сколько ни старайся. (2)

Непонятное упорство невольно вызывает уважение и страх. (3)

Отвечать за что-то всегда труднее, чем делать. (4)

Пытка страхом наиболее ужасна, потому что она сразу же лишает человека воли. (5)

Без диссонанса вся музыка поэзии превращается в изящную пошлость. (6)

Бездари и кустари все похожи друг на друга, а талант не похож ни на кого. (7)

Одно дело писать стихи, чтобы глаза любимой женщины превращались в радостное удивление, другое – чтобы застолбить и оставить веху. (8)

Зевают от скуки, когда всё уже давным-давно известно и ничего нового в будущем не предвидится. (9)

А разве можно скучать, когда тебя всё время окружает разное и новое? (10)

Я хочу, чтобы люди становились счастливее оттого, что ты есть. (11)

С. К о м а ц у

(1931 – 2011 гг.)

Человеку пристало учиться, как надо жить, не обижая других и самому не будучи обиженным. (1)

Тревога растягивает время до бесконечности и укорачивает века до пределов секунды. (2)

В унылом мире живут и враждуют только три цвета, рождённые холодом: белый, чёрный и серый. (3)

Примитивная геометрия не терпит извилистых линий. (4)

Модное устаревает – вот в чём его беда. (5)

Всякое великое открытие есть предвосхищение духовного роста человечества и требует жертв. (6)

Только экспериментируя, т.е. ошибаясь и исправляя ошибки, можно способствовать духовному росту человечества... Как это ни печально. (7)

Право всегда даётся возможностью. Если мы можем, мы вправе выбрать лучший вариант исторического события. (8)

С ликвидацией неправильного хода истории исчезнет и неправильное осмысление событий. (9)

История – это монолитный процесс, она не нуждается в различных вариантах. Только при сохранении её монолитности каждая данная эпоха будет иметь свою, соответствующую ей культуру. (10)

Зачем жить, если память вянет, как цветок осенью, и живая плоть становится легендой? (11)

Человек, ушедший некогда из мира, продолжает жить и в добре, совершённом им ради ближнего, и во зле, содеянном им по незнанию или в минуты безысходного отчаяния. (12)

Человек, близкий к Богу, не должен удивляться. (13)

А. К о н а н – Д о й л ь

(1859 – 1930 гг.)

Никогда не бывает следствия без причины, какой бы пустяковой, возможно, ни оказалась сама причина. (1)

Поистине удивительно, как незначительный на первый взгляд случай вызывает целую череду событий, переплетение которых в конце концов приводит к самым зловещим и непредвиденным результатам. Приведите в действие силу самую ничтожную – и никто не сможет сказать, где она окончится и какие последствия будет иметь. Из пустяков возникают трагедии, и безделица вчерашнего дня оборачивается катастрофой завтрашнего. Устрица извергает выделения, которые, окружая песчинку, дают рождение жемчужине; искатель жемчуга поднимает её на поверхность, купец приобретает её и продаёт ювелиру, а тот затем уступает её покупателю. У покупателя её похищают два бездельника, они ссорятся из-за добычи, один убивает другого и сам гибнет на эшафоте. Здесь прямая цепь событий с больным моллюском в качестве первого её звена и с виселицей в качестве последнего. Не попади эта песчинка во внутренность раковины, два человека, со всеми их скрытыми задатками к добру и злу, не оказались бы вычеркнуты из книги жизни. Кто же возьмёт на себя смелость судить, что действительно мало и что велико? (2)

Так тесен наш старый земной шар и так перепутаны наши интересы, что человеку и мысль новая не может прийти в голову без того, чтобы не омрачить или не украсить жизнь какого-нибудь бедняги, о существовании которого мы не подозревали. (3)

Во всём мире умы среднестатистических обывателей как раньше, так и теперь забиты несущественными пустяками, так что на вещи самые существенные места уже не оставалось и не остаётся. (4)

Солнечная система, посреди бесчисленного множества других систем, таких же обширных, как она, несётся в вечном молчании в пространстве по направлению к созвездию Геркулеса. Громадные шары, из которых она состоит, вертятся в вечной пустоте непрестанно и безмолвно. Среди них самый маленький и незначительный есть то скопление твёрдых и жидких частиц, которое мы назвали Землёю. Она несётся вперёд так же, как неслась до моего рождения и будет нестись после моей смерти – вертящаяся тайна, пришедшая неизвестно откуда и идущая неизвестно куда. (5)

На наружной коре этой движущейся массы пресмыкается множество козявок, одна из которых – беспомощная, бессильная, бесцельно увлекаемая в пространстве – я. Однако положение вещей у нас таково, что небольшую дозу энергии и проблески разума, которыми я обладаю, всецело отнимает у меня труд, который необходим, чтобы приобрести известные металлические кружки, посредством которых я могу купить химические элементы, необходимые для возобновления моих постоянно разрушающихся тканей, и иметь над своей головой крышу, которая защищала бы меня от суровости погоды. Я, таким образом, не могу тратить времени на размышление о мировых вопросах, с которыми мне приходится сталкиваться на каждом шагу. (6)

Веселье не является целью и смыслом жизни. (7)

Развитие человеческого духа составляет единственную цель жизни. (8)

Человек в жизни сей слишком занят материальными вещами, которые только тормозят его духовное развитие. (9)

Мне кажется, что у нас есть смутное предчувствие того, что случится с нами в жизни. (10)

Относиться ко всему, что ты делаешь, со страстью, – в этом, без сомнения, кроется причина успеха. (11)

Счастье никогда долго не сопутствует человеку. (12)

Когда стоит ясная солнечная погода, кажется, ничто не предвещает бури, но вот на горизонте появляется крошечное облачко, затем оно разрастается и постепенно превращается в грозовую тучу. Так и в жизни людей: когда они счастливы, то полагают, что это навсегда. (13)

Иметь большой жизненный опыт – это преимущество, которое обыкновенно даёт только возраст. (14)

Заурядный склад ума обычно заставляет человека полностью игнорировать тот опыт, который имеют другие, но очень живо реагировать на всё, с чем он сталкивается сам. (15)

Смерть и время превращают самое великое в самое ничтожное! (16)

Искренность – это удивительная черта характера, о которой мы частенько говорим, но которую, к сожалению, редко встречаем. (17)

Самолюбие, если оно откровенное и детское, кажется скорее привлекательной, чем отталкивающей чертой характера. (18)

Энтузиазм делает человека равно недоступным как неодобрительным мнениям, так и предостережениям. (19)

Человек кипучей натуры обычно склонен считать любого, кто придерживается иных, нежели его взглядов, либо простофилей, либо подлецом. (20)

Восстановить справедливость, значит, уменьшить меру сотворённого тобой или другими зла. (21)

Глупец, заносчивый бурбон, наглец – такие люди существуют везде и всегда. (22)

Ты ценишь себя дёшево – и другие будут ценить тебя дёшево. Ты ценишь себя высоко – и другие оценят тебя высоко. Такова человеческая природа, и ты не в силах переделать её. (23)

То, чего не хватает одному из нас, находится в избытке у другого. Противоположности как бы дополняют одна другую, и в этом обычно заключается главная тайна той или иной тесной дружбы. (24)

Ум женщины отличается от ума мужчины. Тонкая, гибкая рапира часто оказывается полезней топора, но рубить деревья ею нельзя. (25)

Женщина никогда не светит собственным светом, она только отражает чужой свет, скрытый от наших глаз. (26)

Женщина замечательно быстро усваивает взгляды другого лица, но и только. Всё её остроумие – всего лишь следы её последнего знакомства с мужчиной, который ей нравился. (27)

Напряжённая интеллектуальная жизнь позволяет женщине сохранить молодость. (28)

С тех пор как сотворён мир, женщины обладают удивительной способностью приноравливаться к любому положению, в котором оне очутились в силу обстоятельств. (29)

Увы! настоящая любовь протекает далеко не так гладко, как того по достоинству следовало бы ожидать. (30)

Все влюблённые страдают отсутствием логики. (31)

Сотни примеров не убедят человека в том, что невозможно обмануть женщину, которая любит. (32)

Мужчина, сколь бы дурно ни обошёлся он с женщиною, никогда до конца не верит, что навсегда утратил её любовь. (33)

Женщины никогда не понимают, что мужчины гораздо более впечатлительны. Если женщина восклицает в восторге или в ужасе: «О, милый!», она не понимает, что мужчина не делает того же только потому, что он просто не в состоянии. (34)

Стоит полюбить другого человека – и жизнь изменится до неузнаваемости. (35)

Только полюбив, человек начинает жить полной жизнью. До этого существование его было глупо и бессмысленно. Есть, пить, спать – и так год за годом, до смерти, пошло и бесцельно. Теперь же перед ним открылся необъятный горизонт. (36)

Любящая женщина предпочитает делить печаль с любимым, чем радость с кем-то другим. (37)

Правы те влюблённые, которые хотят, чтобы их чувства принадлежали только им двоим. Им совсем не хочется их кому-то показывать. Проявлять их на людях – значит принижать их. Чувства – это святое, а публика всё оглупляет и огрубляет. (38)

Глаза любви обыкновенно немного скрашивают недостатки любимого человека. (39)

Мудрость сердца превосходит мудрость головы. Однако любовь у мужчины идёт из головы куда в большей степени, чем у женщины. Таким образом, у них всегда будут пункты, по которым они так и не смогут прийти к согласию. (40)

Любовь – понятие растяжимое. Одна любовь имеет основанием чисто физическое влечение, другая – духовное единение, наконец, третья может быть основана на родстве душ. Но лучше всего, когда все три типа любви соединяются в одну. (41)

Умение управлять тончайшими нитями нервов, умение заставить их повиноваться голосу рассудка – это неотъемлемое свойство идеального мужчины. Оно знаменует собой высшую победу духа над материей, оно – победный венок героя. (42)

Я уверен, что это самое святое в браке: любовь никогда не должна вырождаться в беспринципность, каждый должен сознательно поощрять в другом его лучшие стороны и порицать всё дурное. В жизни нужна дисциплина, и супруги должны вести друг друга к высочайшему идеалу. (43)

Любовь, которая говорит: «Я знаю, что это плохо, но я так сильно люблю его или её, что не могу отказать», не подходит для супружества. Самоуважение, которое не позволяет идеалу

своей любви опуститься хотя бы на йоту, гораздо благороднее такой любви и даёт прекрасные плоды. (44)

Взаимное уважение необходимо для взаимной любви. Это звучит немного избито, но слишком сильная любовь делает человека податливым и слепым. (45)

Если вы – муж и жена, то в вашей власти распорядиться своим супружеством наилучшим образом. Для чего составьте себе некоторые правила поведения и старайтесь жить в согласии с ними. (46)

Никогда не отчаивайтесь, если вам не вполне удаётся придерживаться заведённых принципов. Неудачи неизбежны, но скорее всего оне не смогут быть постоянными. (47)

Дурные настроения проходят и никому не причиняют вреда. Никогда не будьте оба сердиты одновременно. Дождитесь, когда другой перестанет сердиться – только тогда наступит ваш черёд. (48)

Никогда не переставайте быть поклонниками друг друга, не прекращайте ухаживаний. Если это перестанете делать вы, тогда может появиться кто-то третий, кто займётся этим вместо вас. (49)

Прежде, чем стать мужем и женой, вы были джентльменом и леди. Не забывайте этого. (50)

Старайтесь держаться лучшего, следовать высоким стандартам. Этим вы возносите партнёра на небывалую высоту. (51)

Придерживайтесь высоких идеалов. Вы можете не осуществить их, но лучше потерпеть неудачу при исполнении подобной задачи, чем добиться успеха, преследуя низменные цели. (52)

Слепая любовь – любовь глупая. Поощряйте лучшее. (53)

Постоянное взаимоуважение совершенно необходимо для постоянной взаимной любви. (54)

Если вы позволяете себе вольности, ждите того же и от другого. (55)

Только одно ужаснее ссор на людях – это ласки. (56)

Не в деньгах счастье, но счастливые люди обыкновенно имеют достаточно. Поэтому следует что-то откладывать. (57)

Самый лёгкий способ экономии – это довольствоваться тем, что есть. Если вы не в состоянии этого делать, тогда вам не следовало жениться и выходить замуж. (58)

Муж, уважающий жену, не доводит её до попрашайства, а выделяет средства для её надобностей. (59)

Если вы экономите, экономьте на себе, а не на других. (60)

Во всех денежных делах постоянно готовься к худшему и надейся на лучшее. (61)

Я не думаю, что деньги приносят счастье. Но долги точно приносят несчастье. И супруги должны исключить все ненужные траты, что позволит им откладывать понемножку на непредвиденные обстоятельства. (62)

Вообще я заметил, что дискуссии о том, как сэкономить на еде, люди всего охотнее ведут после сытного обеда. (63)

Бывают ничем не оправданные траты, которые совершает любой нормальный человек, а бывает и ничем не оправданная экономия. Примером последней может служить нелепое стремление во что бы то ни стало обойтись одной-единственной спичкой при разжигании камина, результатом чего нередко оказываются обожжённые пальцы и цветистые восклицания. (64)

Бережливая женщина, чтобы сэкономить два двугривенных, готова потратить два рубля на дорогу, не говоря о времени и силах, которые также будут востребованы сим благородным предприятием. (65)

Размолвки – необходимая принадлежность любви; оне очищают любовь и придают ей новую силу, точно гроза, которая освежает душную атмосферу июльского дня. (66)

Если кто-то из супругов когда-нибудь захочет в чём-то упрекнуть другого, то пусть он делает это, когда они одни. Это превосходное правило. Что может быть вульгарнее и унизительнее, чем выяснять отношения на людях? Некоторые порой позволяют себе делать это в шутку, и всё равно это некрасиво. (67)

Будьте всегда одинаково внимательны к мужу и не переставайте любить его так, как любили до свадьбы. Выйдя замуж, женщины часто меняют своё отношение к мужчинам, и это большая ошибка. Сколько раз это приводило к несчастью. (68)

Стремитесь к тому, чтобы ваш муж был окружён удобствами. Может быть, он и без них может легко прожить, но ему будет дорого ваше внимание. Если этого не будет, то он, скорее всего, ничего вам не скажет, но наверняка заметит. «Она изменилась», – подумает он, и с этого мгновения сам начёт меняться. Не забывайте этого. (69)

Следует помнить, что у мужчины есть самоуважение. Он рассчитывает на финансовую помощь жены только в крайнем случае – ради общих интересов. (70)

Каждый из супругов должен интересоваться делами другого. Их интересы должны быть взаимными. (71)

Если ум человека постоянно погружён в раздумья о каком-нибудь абстрактном предмете, это обычно заставляет его забывать о вещах, находящихся в непосредственной близости. Но жизнь женщины сосредоточена полностью как раз на том, что «находится в непосредственной близости». (72)

Если женщина любит мужчину, он может читать ей задом наперёд хоть «Энциклопедический словарь» – она будет сидеть у его ног, часами внимать ему и просить ещё и ещё. Но мужчина не должен выказывать при этом своего превосходства над нею. (73)

Предложи мужчина влюблённой в него женщине слушать чтение «Ригведы» на санскрите, она бы и тогда внимала ему с благодарной улыбкой. Такие мелочи и показывают, насколько женская любовь превосходит любовь мужчины. (74)

Что весь ум на свете, вся великая учёность без любви и взаимности? Это, на мой взгляд, единственное, ради чего действительно стоит жить. (75)

Есть такой особенный семейный эгоизм, который во многом хуже личного. Люди любят друг друга, замыкаются от света, совершенно перестают думать о других, и пусть хоть весь мир летит в преисподнюю, – им всё равно, лишь бы не трогали их любви. (76)

Супруги никогда не должны принимать друг друга как нечто само собою разумеющееся. Им никогда не следует забывать о тех знаках внимания, которые один любящий оказывает другому. (77)

Некоторые мужья словно забывают, что их жёны – тоже дамы. Некоторые жёны разговаривают со своими мужьями совсем не так вежливо и уважительно, как с любым посторонним мужчиной. Оне не имеют в виду ничего дурного, но тем самым становятся на пагубный путь. (78)

Супруги не должны отказываться от прошлого и останавливаться на достигнутом. Пусть каждый из них стремится быть достойным любви другого. Люди становятся неряшливыми и неаккуратными, словно теперь, когда они женаты, это уже не имеет значения. Если бы каждый стремился нравиться другому, то такого бы, разумеется, не происходило. (79)

Мужчина должен уважать чувства своей жены так же, как делал это, когда она была его невестой. Если она не любит табачный дым, он не должен курить. Он не должен зевать в её присутствии. Он должен быть подтянутым и стараться выглядеть привлекательным. (80)

Мужчина может опуститься очень низко из-за женщины, но женщина способна и поднять его очень высоко. (81)

Женщине не следует быть слишком мягкой с мужчиною. Ей никогда не следует уступать ему, если она чувствует, что права. Тогда он будет не только любить, но и уважать её, а это гораздо сильнее одной любви. (82)

Супруги должны давать друг другу определённую свободу и проявлять терпимость. Если они этого не делают, то один или другой из них раньше или позже обязательно начнёт чувствовать себя в неволе. Такова человеческая природа, а она гораздо старше брака и, соответственно, заслуживает большего уважения. (83)

Туго натянутая цепь, как и туго натянутая струна, легче всего рвётся. Должен ли женатый мужчина отказаться от дружбы с другой женщиной? Или разве замужняя женщина не может иметь дружественных отношений с другим мужчиной, который мог бы заинтересовать её и содействовать её дальнейшему развитию? Однако при такой перспективе необходимо большое взаимное доверие! (84)

Люди, которые уверены друг в друге, предоставляет своей половине полную свободу. Если же у них нет такой уверенности, то они опять-таки туго натягивают цепь. (85)

Слишком туго натянутую струну легче разорвать. Для некоторых семейных пар величайшее благо – то, что праздничные дни оне проводят врозь. Для некоторых людей, я уверен, это правильно. На расстоянии некоторые супруги больше ценят друг друга и, стало быть, любят друг друга сильнее. (86)

Даже самому верному из женатых мужчин лестно, если к нему проявляет внимание хорошенькая женщина. И не верьте, если он вздумает это отрицать. (87)

Понятия женщин о мужчинах несправедливы и излишне суровы. Причина, повидимому, в том, что женщины, встретившиеся с неприятными мужчинами, поднимают много шума, а те, которые счастливы, помалкивают и наслаждаются в одиночестве. У такой женщины нет

времени написать книгу, объясняющую всем и каждому, какой замечательный человек её муж, а если бы он был противным, её жизнь была бы пуста и она могла бы писать такую же противную книгу. (88)

Муж и жена, которые гордятся тем, что у них никогда не было друг от друга секретов, порой счастливы только потому, что тщательно скрывали существование этих секретов друг от друга. (89)

Не будь любопытна, молодая жена! А ты, молодой муж, не откровенничай о своём прошлом. Есть поступки, которые можно простить, но забыть – никогда! (90)

Лучшее на свете – сердце любящей женщины, только оно слишком нежное и хрупкое, и ничего не стоит разбить его неосторожными признаниями. Ты принадлежишь ей, она – тебе. Будущее связано с вами обоими – чего же ещё? Так оставьте прошлое в покое. (91)

Счастливейший человек на свете тот, кто нашёл женщину, которая его понимает и ценит. (92)

Летят в бездну бытия народы, сменяются династии, грандиознейшие революции в политике и промышленности потрясают человечество, и лишь интимная жизнь людей остаётся неизменной. Тернии и розы любви – обычная дорожка миллионов и миллионов людских парочек, которая будет виться, доколе стоит мир. (93)

Французы легко поддаются чувствам и не могут их скрывать. Поэтому англичане считают их малодушными и женственными, но это ошибка. (94)

Там, где царят суровые нравы, свои горести каждый расхлёбывает сам и мало сочувствует бедам соседа. (95)

Мировую работу нации должны разделить между собой согласно способностям каждой из них. (96)

При необходимой гибкости бремя власти никого не раздражает, а потому и не порождает сопротивления. (97)

Очень часто хорошие короли бывают самыми опасными. Если король думает только об удовольствиях, он не вмешивается в дела управления. Но если у него есть совесть, он старается делать то, что воспринимает как свои обязанности, и обыкновенно портит всё дело. (98)

Безграничная власть позволяет расцвести пышным цветом ростку каждого заложенного в человеческой душе порока и толкает, в конечном счёте, на путь преступлений. (99)

В высшей степени важное для мужчины качество – исключительное бесстрашие. (100)

В силу закона небес мир принадлежит лишь закалённым, самоотверженным людям, а тот, кто пренебрегает мужскими добродетелями, скоро будет лишён и славы, и богатства, и могущества, ибо они – лишь награда за мужество. (101)

Привычка говорить о своих бедах и печалях с юмором, черпая в добродушных остротах силы и мужество, что ни говорите, позволяет нам противостоять ударам судьбы. (102)

Большинство истинно великих людей не любит позёрства. (103)

Есть, право слово, что-то чуть ли не божественное в дарованной человеку способности господствовать над условиями собственной жизни и заставлять свой ум и дух презирать материальные лишения. (104)

Опыт учит тому, что преимущество всегда за тем, кто стреляет первым. (105)

Способность в точности и без вопросов выполнять то, что тебе поручено, встречается весьма редко, и у работодателей она обычно считается достоинством. Однако во всём должна быть мера. (106)

Ни на что не годен тот боец, который не умеет принять наказание за неловкость как должное. (107)

Когда капитуляция неминуема, лучше уж делать это с достоинством и галантностью. (108)

Сдержать себя и остаться абсолютно вежливым – всегда является лучшей защитой, когда сталкиваешься с грубостью. (109)

Подлинному величию свойственна совершенно особая простота. (110)

Нет сомнения, что человек, который умеет планировать то, чего никто другой не посмел бы сделать, и умеет делать то, чего никто другой не посмел бы планировать, рождён для великих дел. (111)

Досадный изъян в характере человека – не доверять умениям, которыми сам не обладаешь. (112)

Абсурдность происшествия подчас умаляет его важность. (113)

Человек может быть запятнан прискорбными пороками, но сам по себе необыкновенный масштаб его личности способен вызывать наше невольное уважение. (114)

Прощать своих врагов – это, конечно, хорошо, но желательно, чтобы и у них тоже было что прощать нам. (115)

Нет человека, который бы не заключал в себе того, что называется «искупительными пороками». (116)

Подобно тому как мухи облепляют часть мяса с тухлинкой, критики любят копаться в слабостях великого ума. Читая их инвективы, люди, которые сами не изучали данного вопроса, рискуют получить ложное впечатление. (117)

Щепетильность и светский лоск – это те путы, которыми посредственность стремится опутать гения. (118)

Что можно сказать об охоте? Мы не вправе отнимать у животных жизнь ради собственного удовольствия. Стрелять ради пополнения котла оправданно, поскольку человек должен есть. Так же оправданно, наверное, и убиение тварей, живущих поеданием других, поскольку убить одного означает здесь спасти многих. Но убийство таких чувствительных и безобидных животных, как зайцы или олени, по-моему, оправдать нельзя. (119)

Но у этого вопроса есть ещё и другая сторона: воздействие охоты на нас самих. Охота, без сомнения, притупляет наши лучшие чувства, лишает нас сострадания, ожесточает нашу

натуру. Трусу она так же доступна, как и храбрецу, слабаку – как и сильному. Из неё не проистекает в конечном счёте никакого блага. (120)

Всякая месть – обоюдоострый клинок, который наносит куда больший урон мстящему, нежели его жертве. (121)

Любые поступки, продиктованные местью, это всегда нож обоюдоострый, который, возможно, причиняет мстителю вреда больше, чем его жертве. (122)

В каждой профессии – будь то право, медицина, военное дело или литература – есть определённые неписаные законы: джентльменская этика, которая обязательна для всех, особенно для первых лиц профессии. Не будет ли в противном случае отрицательного влияния на молодых её представителей? (123)

Велика власть одного человека, знающего, чего он хочет, над несколькими, не слишком уверенными в себе. (124)

Невозможно привести всех к единому знаменателю. (125)

Даже среди лучших существуют степени превосходства. (126)

Не считаться с угрожающей тебе опасностью – это скорее глупость, чем храбрость. (127)

Мысль о том, что сделано всё возможное, всегда помогает перед лицом опасности. Остаётся только бесстрастно ждать развязки. (128)

Воистину, лишь в несчастье можно получить доказательства своей действительной популярности. (129)

Что поделаешь: встречают нас по одёжке, а провожают, ума так и не оценив! (130)

Те, кто не согласен с самой постановкой вопроса, нередко искажают и его суть. (131)

Среди учёных есть и такие, кто воспринимает как личное оскорбление открытие фактов, опрокидывающих их предвзятые мнения. (132)

Наука действительно полна предрассудков, чуждающихся рассуждения. (133)

Да и что такое наша наука? Наука – это лишь согласие мнений учёных между собой, и история показала, что наука весьма медлительна и неповоротлива, когда речь идёт о необходимости принять истину. Наука двадцать лет не желала признавать Ньютона и его законы. Наука математически доказала, что корабль из железа не сможет плавать, и наука же заявила, что пароход никогда не пересечёт Атлантику. (134)

Подобно Мефистофелю у Гёте, наши учёные только и могут что постоянно отрицать. Пусть же они узна́ют, что если они перестанут верить в непогрешимость своих методов и обратят взор свой к Востоку – прародине всех великих идей, – то они найдут там школу философов и учёных, которые, работая по совершенно иным направлениям и принципам, чем их братья на Западе, ещё тысячу лет назад опередили последних по всем основным направлениям знания. (135)

Заставить учёного отказаться от собственных слов – это самая большая жертва, какую наука может когда-либо от него потребовать. (136)

Мысль человека, стряхнувшего с себя оковы предвзятых мнений и предрассудков, неизбежно готова принять любые выводы, продиктованные фактами. (137)

Философия, которая учит смотреть на смерть как на незначительный и весьма обыденный эпизод в вечной и неизменной судьбе человека, делает нас весьма равнодушными к жизни внешнего мира. (138)

Увы, обычным людям не дано понять, какое страшное проклятье – бессмертие, ведь им отпущен всего лишь ничтожно короткий срок от колыбели до могилы! (139)

Я думаю, что гипотеза случайного стечения обстоятельств не объясняет происходящие факты. В жизни каждого из нас бывают случаи, которые вполне могут убедить нас в духовном посредничестве – о внушении со стороны какой-то благотворной силы вне нас, пытающейся помочь нам там, где она может. Старый католический догмат об ангеле-хранителе не только прекрасен, он заключает в себе, как я считаю, зерно истины. (140)

Назвать непонятное бессмыслицей не составляет никакого труда. (141)

«Раз до сих пор я такого не слыхивал, стало быть, подобная вещь невозможна», – вот как рассуждает заурядный ум. (142)

Если факты слишком очевидны, заурядный ум едва ли сумеет внести в дело существенные поправки. (143)

Люди редко понимают, какой вред может причинить деятельному уму вынужденное бездействие. (144)

Я не могу жить без напряжённой умственной работы. Исчезает цель жизни. (145)

Если человек оказывается жертвой разносторонности своей увлекающейся натуры, то она побуждает его добиваться отличия в разных науках вместо того, чтобы снискать себе славу в одной. (146)

Иной хоть и довольно хитёр, но при этом какая-нибудь особенно утончённая хитрость ему будет не по плечу. (147)

Гению на земле отпущено ограниченное пребывание. (148)

Пытаясь с помощью разума и воображения разгадать, что кроется в будущем, много правильно поймёшь и мало ошибёшься. (149)

Во всяком расследовании важно не то, что мы знаем, а то, что мы можем доказать. (150)

Люди никак не научатся понимать, что в основе серьёзнейших выводов порой лежат сущие мелочи. (151)

Кто понимает важность мелочей, тот их замечает. (152)

Человека, умеющего наблюдать, невозможно обмануть, его выводы будут безошибочны, как теоремы Эвклида. (153)

Знание, которым мы располагаем, указывает нам путь к гораздо большему. (154)

Научное использование силы воображения состоит в том, что специалист всегда работает на твёрдой материальной основе. (155)

Глубокий ум так же неприятен во внутреннем кругу, как певец с сильным голосом в маленькой комнате. (156)

После того как исключено всё невозможное, оставшееся всегда правильно, каким бы оно ни казалось невероятным. (157)

Воистину к доводу, который выдвигается слишком часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьёзно. (158)

Если человек решился лгать, он не поколеблется дать ложную клятву. (159)

Вкусы, не отличаясь утончённостью, могут быть здоровыми и ясными. (160)

Восторг, охватывающий человека с художественным вкусом, служит лишь естественным ответом на воздействие подлинного произведения искусства. (161)

Если писатель пишет так, что в его произведении нет и слова, оскорбляющего чувствительный слух, то он служит великую службу литературе и человечеству. (162)

Следует ли жалеть время, потраченное на чтение хорошей книги? Что толку в спешке? Лучше уж прочитать один шедевр, чем три книги, которые вам не запомнятся. (163)

Публика читает, дабы развлечься. Романист читает, чтобы увидеть что-то новое в своём искусстве. (164)

Не желая кого-либо обидеть, осмелюсь держать пари, что рассуждать о книгах – занятие более интересное, чем просто точить лясы. (165)

Даже просто думать и беседовать о книгах полезно уже само по себе. (166)

Жизнь слишком коротка, чтобы читать в оригинале, если есть хороший перевод. (167)

Право же, есть нечто жуткое в книжных шеренгах, и лишь привычка притупляет в нас это ощущение. Каждая книга – мумия души, облачённая в погребальные одежды из кожи и типографской краски. (168)

Общество мёртвых писателей может оказаться настолько притягательным, что человек станет слишком редко думать о живых. Многим из нас следует всерьёз опасаться, что, погружённые в наследие мертвецов, мы никогда не узнаем собственных мыслей и чувств. (169)

С годами литературные вкусы человека становятся проще. (170)

Плохое произведение канет в неизвестность по причине собственных тяжких недостатков. Поэтому нет необходимости нападать на его автора с чрезмерным рвением. (171)

Именно в смелости идеи и в языке заключается истинная заслуга писателя. (172)

Блеск театра и лёгкий успех там отвлекает от литературы. Пьесы, пусть даже и хорошие, недолговечны и доступны немногим, а не рождённые книги человека, обладающего самым безупречным стилем, могли бы обрести вечность и стать достоянием мировой литературы. (173)

Нетрудно создать короткую комическую пародию с помощью преувеличения особенностей стиля, но для того, чтобы писать или говорить точно в том же стиле и с соблюдением всех оригинальных черт автора, нужен уже ум, равный по силе своему прототипу, а такой ум, несомненно, предпочёл бы показать себя в чём-то более значимом, чем пародия. (174)

Журналист! Да кто он такой? Чернильная душа, жалкий голодный писака! И он смеет рассуждать как человек, обладающий большою властью в Европе. Но вместе с тем безопаснее проливать чернила, чем кровь. Что и возможно благодаря свободе печати. (175)

Всё мало-мальски высокопарное приводит в уныние, а не воодушевляет. (176)

Одна из вещей, которую человечество ещё не осознало, – это значение благородных воодушевляющих слов. (177)

Когда язык молчит, глаза становятся особенно красноречивыми. (178)

Музыка – это боковая дверца, сквозь которую можно спастись от серой повседневности этого мира. (179)

Невозможно высказать и одной из мыслей без того, чтобы вслед за ней не возникало десятка других. (180)

Разве цитировать неточно не является привилегией любителя поговорить? (181)

Большинство людей соблазняется возможностью заработать на своём даре хорошие деньги. (182)

Ни один большой писатель не должен растрачивать себя лишь на какую-то преходящую тему. Это напоминает красавицу, которая нарисована в старомодном наряде. Но красота, как и мода, проходит. (183)

Существуют искушения более утончённые, чем деньги. Надёжным щитом против них служит лишь бескомпромиссная честность. (184)

Полная зависимость от денег – это до известной степени оправдание, но когда его наконец больше нет, то писать не на высшем уровне своих способностей может только тот, кто совершенно не уважает себя. (185)

Вы, торгаши, вам не дано понять, что не всё можно купить за деньги. (186)

Наше богатство – это всё мелочи. Такие же деньги, и куда большие, могут быть у любого тупоумного плутократа. Истинная награда – благодарность потомства, признательность всего человечества. (187)

Чрезмерная привязанность к материальным вещам, даже в самой невинной форме, становится непреодолимой преградой к духовному развитию. (188)

Есть ли на свете какая другая профессия, в которой пропорционально числу занятых в ней можно было бы продемонстрировать столь сокрушительные потери, как профессия писателя? (189)

Продолжительность жизни писателей явно оставляет желать лучшего. Они кончают свои дни в том же возрасте, что и рабочие изготавливающие свинцовые белила, а также рабочие других вредных профессий. (190)

Обширная переписка и желание не оставить без ответа заданные мне вопросы отнимает у меня очень много энергии и времени, которые, возможно, я мог бы с большей пользой употребить для других, более масштабных целей. (191)

Когда читаешь то, что написал человек, после того как постоишь на его могиле, то сказанное им понимаешь гораздо глубже. (192)

Витиеватая и довольно напыщенная манера излагать мысли неизбежно оказывается малосодержательной, но подобное благозвучие обычно привлекает к такому оратору множество слушателей. (193)

Наибольшее воздействие достигается простыми средствами – так было всегда и так будет. (194)

Когда в душе человека происходит борьба между совестью и инстинктом, легко предугадать, что из двух возьмёт верх, потому что инстинкт – это крепкая консервативная сила, а совесть – это выдумка последних дней. (195)

Вероятно, есть люди, которые всю жизнь остаются непорочными. Но я не верю в то, что они лучше других. Это или святые, или холодные, расчётливые, скрытные люди, от которых нечего ждать добра. Первые должны быть прекрасны, но я их не встречал в жизни. Со вторыми я сам не желаю встречаться. (196)

Разве вы не знаете, что чувства, порождаемые раскаянием, искренни? (197)

Уверяю вас, что нет лучшего проповедника, чем раскаявшийся грешник. (198)

Всякое истинное милосердие творится втайне и проявляется не сразу и случайно. (199)

Стремление служить благому делу – неоспоримый признак духовного развития. (200)

Помощь, идущая от сердца, не бывает показной. (201)

Восстановление справедливости уменьшает меру сотворённого зла. (202)

Тот, кто в случае успеха разделил бы и почести и прибыль, не вправе ворчать в случае неудачи. (203)

Уж лучше согрешить против законов своей страны, чем против своей совести. (204)

Встречаясь с человеческим страданием, которого ты не в силах облегчить, невозможно не испытывать некоторого чувства стыда. (205)

У человека могут быть крепкие нервы, когда дело касается его одного, но какая философия поможет нам сохранить твёрдость духа, когда страданию подвергаются те, кого мы любим? (206)

Человек мучается до тех пор, пока не поймёт, что веселье не является смыслом жизни. (207)

Самоубийство – само по себе признак болезненного состояния. (208)

Таков закон жизни: вещи и явления либо приспосабливаются, либо погибают. (209)

Здоровой душе основанием должно служить здоровое тело. (210)

Все годы нашей жизни природа неустанно занимается починкой механизма человеческого тела. (211)

Если человек знает, что его здоровье непоправимо расстроено, а годы сочтены, то в это время его можно видеть таким, каков он есть на самом деле – на пороге самой ужасной из всех реальностей у него более нет причин для притворства и обмана. (212)

Если что-то было очень давно, нам не возбраняется верить, что того не было на самом деле. (213)

Богословы – это люди, которые во все времена являются всемирным бедствием. (214)

Теологи обыкновенно считают, что повторение цитаты или фразы может служить аргументом. (215)

Сколь пагубно влияние самоуверенных пустословов, которые воображают, что имеют связь со всеми великими интеллектами прошлого, вплоть до самих апостолов! (216)

Интеллектуальное скопчество – такова судьба любого народа, подчинившегося власти жрецов. (217)

Если к сверхъестественным явлениям человек относится как философ, то такой подход исключает свойственный невежеству страх. (218)

Недоразвитый ум создаёт недоразвитого Бога, и кто дерзнёт заявить, будто наш ум достиг уже хотя бы средней степени своего развития? (219)

Обсуждение полового вопроса в применении к Богу кажется неуместным и даже неприятным. (220)

Преображения на смертном одре, хотя возможно, некоторые священники и рады им, – вещь, в сущности, тщетная. (221)

Что ожидает наш дух после смерти тела? Неужели же завершением короткого жизненного маскарада служит мрачная бездна, которая поглощает неиссякающий поток жизни? (222)

Наш мир, занятый обыденными делами, похоже, сейчас не имеет времени на великие вопросы жизни и смерти. (223)

В жизни сей человек слишком занят материальными вещами, которые только тормозят его духовное развитие. (224)

Головы простых людей до того забиты несущественным, что в них просто не хватает места для действительно важного. (225)

Есть много такого, над чем неопытные и недалёкие люди могут посмеяться, но опровергнуть факты им будет намного труднее, чем растянуть рот в усмешке. (226)

Каждый из фактов в отдельности можно как-то объяснить, но когда дюжина фактов указывает на одно и то же, есть повод задуматься. (227)

Следует соблюдать здравомыслие и не примыкать ни к тем, кто не верит ни во что, ни к тем, кто готов поверить слишком многому. (228)

Вертеть столы и, задавая духам вопросы, получать на них ответы, значит предаваться занятию вполне ребяческому, которое тем не менее сталкивает вас лицом к лицу с непостижимыми тайнами. (229)

Есть всё-таки особого рода явления и феномены, которые ускользают от понимания науки. Главное – не надо смешивать их в одну кучу с разного рода глупостями и мошенническими трюками шарлатанов и жаловать всему этому высокое название спиритизма. (230)

На опыте легко убедиться, что пытаться исследовать эти феномены без медиума невозможно – всё равно, что астроному наблюдать небо без телескопа. (231)

Если однажды человек приходит к ложному заключению, что психические силы не существуют, его умственные способности неизбежно начинают атрофироваться, как это происходит со всеми, кто придерживается религиозных направлений фанатичного толка. (232)

Спиритизм – слишком великое знание, чтобы ограничиться узким кругом сектантов, пусть даже секта оказалась бы весьма многочисленной. (233)

Сколь прекрасной была бы смерть, если б только у нас была уверенность в будущей жизни! (234)

Нет, человек весь не умрёт! Такое невозможно! Если наш удел – небытие, то какой жестокой бессмыслицей оказывается тогда наша земная жизнь! (235)

Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот − путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть. (236)

Уверенность в будущей жизни – величайшее из возможных благословений. (237)

Последние мгновения в этом мире можно сделать счастливейшими в жизни, если толком понять, *что* у тебя впереди. (238)

Смерть – это всего лишь переход к другой, бесконечной и содержательной жизни, который можно было бы более точно определить словом «рождение». (239)

Что такое день рождения для тех, кто находится *по ту сторону*? Для них настоящим днём рождения является день смерти. (240)

Суть жизни заключается в том, чтобы сделать хорошо то, что ты был должен сделать. Вот где вечность, вот что переживёт века. (241)

Р. К р о н

(1949 г.р.)

Чтобы улучшить этот мир, требуется не новое оружие, а новые идеи. (1)

В мире, где право повинуется одной только силе, честность оказывается всего лишь опасной глупостью. (2)

Только наихудшие опасения имеют обыкновение сбываться. (3)

Слова о справедливости – только пустая фраза, если при этом не уточняется: как, для кого и в каких пределах. (4)

Задаваться всё тем же самым вопросом – это лёгкий путь впадения в рутину. (5)

Заблуждения подчас сложнее объяснить, чем сами факты. (6)

От праздности и бездеятельности убывают силы. (7)

Нужно обладать большой силой воображения, чтобы получать всё новые впечатления от виденного много раз прежде. (8)

Человек может многое, но одного определённо не может никак: работать без перерыва. Поэтому и существует ограниченный рабочий день, а, стало быть, свободные вечера не очень подходят для занятий самообразованием. (9)

Чего-то не знать – это подчас оказывается истинным благословением. (10)

Э. К р о с с

(1905 – 1980 гг.)

Прекрасное жизненное правило: «Никогда не откусывай кусок больше, чем можешь проглотить». (1)

Опыт подсказывает нам, что нежданное всегда спасует перед разумом и рациональным подходом и при наличии терпения и времени подчинится существующему порядку вещей. (2)

Мир в целом – не что иное, как сочетание противоположностей. Существует день и существует ночь. Существует жара и существует стужа. Существует мужчина и существует женщина. Нет ни единой вещи, которой не соответствовала бы правильно понятая противоположность. И секрет успеха в познании всех этих явлений зависит от того, чтобы не было слишком много одной противоположности и слишком мало другой. (3)

Сколько ни ломай голову над тем, как бы употребить во благо человечеству какую-либо вещь, во всех замыслах обязательно обнаружится какой-нибудь изъян, ибо совершить безусловно доброе дело – одна из самых сложных в мире задач. (4)

Л а о Ш э

(1899 – 1966 гг.)

Человечество должно надеяться, это его, так сказать, особая обязанность. (1)

Жизнь даёт немало способов повеселить душу. (2)

Лучше прожить неделю-другую настоящей, полнокровной жизнью, чем двадцать тысяч лет киснуть в пьяном дурмане. (3)

Жизнь иногда бывает сложнее, чем её себе представляешь, но иногда проще. (4)

Пессимисты боятся жизни, но не смерти. (5)

Здоровому человеку нелегко понять пессимизм больного. (6)

Следует радоваться уже тому, что есть, ибо в жизни не всё выходит по-твоему. (7)

Усилия всегда вознаграждаются. (8)

Нечего бояться, и не из-за чего горевать; нужно только напрячь силы, и всё будет хорошо! (9)

Чего сильнее всего боишься, то обязательно и случится. (10)

Выход можно найти из любого положения. Главное – не растеряться и сохранить ясность ума. Тогда выход обязательно найдётся. (11)

Зачем же напрасно волноваться? Тревога – признак слабости. (12)

Главное – принять решение. А как действовать дальше – подскажет сердце. (13)

Спокон веку враждует великое и ничтожное, и великое всегда терпит поражение, словно чтобы хоть так доказать своё величие. (14)

Хочешь жить – иди туда, где есть надежда найти какой-нибудь выход. (15)

Благие намерения всегда прибавляют человеку уверенности. (16)

Цветок должен расцвести, хоть бы потом и град его побил; пусть он утратит свои ароматы, только бы не завял в тени. (17)

Быть порядочным человеком – значит всегда терпеть унижения. (18)

Самостоятельный человек рассчитывает и полагается только на себя. Если ему суждено чего-то добиться, то он добьётся этого и без чужой помощи. (19)

Деньги обеспечивают человеку прочное положение, вызывают у него интерес к жизни – одним словом, приносят весьма ощутимую пользу. (20)

Деньги способствуют продлению жизни, но способ, которым мы добываем их, наоборот, век укорачивает. (21)

Мы, понятно, работаем ради денег, но зарабатывать, должен сказать, их надо с умом. Если думать только о деньгах, то и жизни тебе никакой не станет. (22)

Если главное – деньги, то о чести и порядочности говорить не приходится. (23)

Велик твой капитал или мал, а закон для всех один: деньги в буржуазном обществе словно просеиваются через сито: мелкие спускаются всё ниже, чтобы потом и вовсе отсеяться, тогда как большие неизменно остаются наверху. Иначе обстоит дело с принципами. Это и понятно, ведь в отличие от денег они неосязаемы и могут проскочить через любое, даже самое маленькое отверстие. (24)

Деньги на книжке – это всего несколько иероглифов на бумаге. Самое верное держать деньги при себе. Пусть лучше лежат мёртвым капиталом, чем просто пропадут зря. (25)

У кого много денег, тому легко удовлетворить любое своё желание, но именно потому и удовольствия никакого не получаешь. (26)

Как всё нелепо и жестоко устроено в этом мире! Да только, коли оно так, то на это, быть может, есть свои причины. (27)

В этом исполненном несправедливости мире бедняки грубостью оберегают свою свободу, точнее, её жалкие крохи. (28)

Человек, по сути, ничто: он, как пташка, что летает в поисках корма, а попадает в силок. Её кормят, а она за это должна покорно сидеть в клетке да петь, а надоест, её могут в любой момент продать, и это ещё не самое худшее. (29)

Жизнь учит! Какова жизнь, таков и человек. В пустыне не вырастут пионы. (30)

Бедняку легче на небо залезть, чем своими силами устроить собственную жизнь. На что ему, одиночке, надеяться? Ты видел саранчу? Пока она в одиночку прыгает, то и ребёнок может справиться с нею: поймает, привяжет на ниточку, тогда не то что летать, а и прыгать не смей. А вот когда саранча тучами собирается и летит, тогда она все посевы сжирает и никто ей не указ. (31)

Бедняк становится лентяем, когда не получает должной награды за свою каторжную работу, и начинает негодничать, когда убеждается, что на свете царит неправда. (32)

Не зря говорят: чести много, да толку мало. (33)

Только богатые имеют право на «настоящую любовь», а бедняку прежде всего следует думать о том, есть ли у него что за душой. (34)

Главное – обеспечить как следует свою семью, а общество пусть существует, как ему угодно. Таково нехитрое миропонимание людей, составляющих массу человечества. (35)

Возвращение домой – это попадание в оазис, здесь путник всегда найдёт себе и чистую воду, и стол, и покой. (36)

Бедняк не успел умереть, как про него уже все забыли. (37)

Пока ты молод, полон сил и работаешь, не покладая рук, то ты вроде и человек. И нужно быть полным дураком, чтобы отказывать себе в чём-нибудь в эту пору. Пройдут годы – назад не вернёшь! (38)

Никто не скажет, что нас ждёт завтра, поэтому самое лучшее – радоваться сегодняшнему дню. (39)

Медлить и дальше – значит не уважать себя. (40)

В сутках, попрежнему, двадцать четыре часа, но оне словно стали короче. У людей уже не выходит распределять своё время так, как им бы хотелось. Если у каждого завелась тьма тьмущая неотложных дел да обязанностей, то время словно бы тоже встревает в людские хлопоты, то и дело напоминает о себе, вынуждая торопиться. (41)

Да будь ты хоть железный, надолго тебя при такой жизни не хватит. (42)

Прошлое не оставляет места для иллюзий. (43)

Если не на что надеяться, время течёт незаметно и живёшь как на том свете. (44)

Не всегда жизнь складывается так, как мы мечтали. Впечатление такое, словно она старается помешать людям осуществить свои идеалы. Можно возненавидеть этот мир за то, что он лишает нас идеалов. (45)

Без идеалов, особенно интеллигенту, жить невозможно. (46)

Злость и отвращение – это не одно и то же. Злость содержит в себе какую-то долю уважения к человеку. (47)

Людям куда приятнее радоваться чужому счастью, чем сочувствовать чужому горю. (48)

Лучше всего не мозолить людям глаза: реже видят – меньше судят. (49)

Будешь осторожным – меньше станешь ссориться с людьми, а тогда и неприятностей будет меньше. (50)

Смелость нередко бывает безрассудной. (51)

Чтоб быть уверенным в себе, нужно смелость подкреплять осторожностью. (52)

Только мерзавец может до тошноты рассыпаться в любезностях. (53)

Из чрезмерной осторожности всегда рождается жестокость. (54)

Деньги страшнее человека: человек – зверь, а деньги – сила зверя. (55)

Подлость одного способна погубить очень и очень многих. (56)

Люди всегда жестоки к тем, кого презирают. (57)

От палача не жди милосердия, ведь для него вдоволь поиздеваться над жертвою – наибольшее удовольствие. (58)

Люди, не уважающие самих себя, не могут рассчитывать на человеческое обращение. (59)

Человек, как бы ни был он невзрачен и неказист, всегда высокого мнения о себе и низкого о других. (60)

Одиночество ещё страшнее, чем боль. (61)

Человек не может жить в одиночестве. (62)

Смерть страшна лишь тогда, когда жизнь восхитительна. Но если страдания давно превысили ужасы смерти, она не пугает. (63)

У человека перед смертью может быть цветущий вид; приговорённый к гибели город порою бывает шумным, оживлённым, и всё-таки он умирает, медленно и неотвратимо. Можно спасти отдельного человека, но не город. Кажется, будто разящий перст судьбы занесён и над дурными, и над хорошими его обитателями. Хороших обитателей немного, они торопят свою гибель или пишут завещания, но их крики, и печальные, и весёлые, так же бессмысленны, как треск цикад, пытающихся заглушить вой осеннего ветра. (64)

Слова утешения – напрасные слова. (65)

Простой камень, сколько его ни критикуй, не превратится в скульптуру. (66)

Человек, не понимающий ближних, часто вредит им при самых благородных побуждениях. (67)

Усталое тело отзывается только на заботы сегодняшнего дня, будущее его не волнует. (68)

Опыт – дитя ошибки. (69)

Если прощать себе всё, что сделал, не подумав, люди никогда не станут гуманными. (70)

Не стоит ссориться с тем, кого не понимаешь. (71)

Человек всегда теряется, когда от него требуют меньше, чем он собрался дать. (72)

Пусть жалость – чувство не такое богатое, как любовь, зато в нём больше человечности. (73)

В любви, как и в жизни, чем больше опыта, тем лучше. Настоящая любовь – интеллектуальна. Когда из-за любви теряют здравый рассудок, это может привести и до трагических последствий. (74)

А разве люди, которые сильно любят, в какой-то мере не удивительны? (75)

Первая любовь – это первый цветок весны, его так просто не выкинешь. Первая любовь – самое дорогое сокровище, человеку она, как игрушка ребёнку – неважно камешки или кукла, – всегда желанна. (76)

При мысли о цветах в памяти появляются зелёные листья и только что раскрывшиеся красные бутоны. Нет, наверное, человека, который, вспоминая о цветах, представлял бе себе прибитые дождём, завядшие лепестки, утратившие и запах, и цвет. (77)

Красота для женщины – главное её оружие. (78)

Признавая женские слабости, мы тем самым проявляем к ним уважение. (79)

Муж должен содержать свою жену, доставлять ей радость и удовольствие, но использовать её ради достижения своих корыстных целей просто непристойно, унизительно. (80)

Бывает, что кто-то не хочет иметь детей, но простое ласковое слово «папа» способно тронуть даже человек с каменным сердцем. Что ни говори, это слово всегда волнует. (81)

Беременность – это болезнь, которая продолжается девять месяцев. (82)

Хмель прогоняет не только высокие помыслы, но и мрачные мысли. (83)

Разбой свидетельствует о свободе личности. (84)

Свобода основывается на равенстве. (85)

Увлечение передовыми идеями нередко заканчивается пустым жонглированием несколькими новыми словами. (86)

Опасное это дело – революция без подлинной цели! (87)

Обилие учёных свидетельствует либо о расцвете культуры, либо о её упадке. Смотря что понимать под учёным. (88)

Даже умный человек, старающийся разрешить политические и экономические проблемы, тонет среди этих проблем, если не обладает необходимыми знаниями. (89)

Чрезмерные усилия могут порой привести к гибели как отдельного человека, так и целую державу. (90)

Бесчестная политика – результат экономического развала. (91)

В отсталой, нищей стране, где значительное число граждан живёт впроголодь, о человеческом достоинстве говорить не приходится, ибо в тяжёлых условиях люди зачастую совершенно теряют моральный облик. (92)

Унижается достоинство граждан, падает и авторитет страны. И тогда с ней никто не желает поддерживать отношения. (93)

Правительство всегда обижает честных людей, и обижает тем больше, чем они честнее. (94)

Битьё способствует одичанию. (95)

Если у учителей нет человеческого достоинства, то у учеников его нет и подавно. И они тогда вырождаются, деградируют, возвращаются в первобытное состояние, в котором норма – жестокость и людоедство. (96)

Неизвестность всегда оставляет возможность надеяться на лучшее. (97)

Перемены – не всегда прогресс. (98)

Самоуспокоение – плохой способ избежать опасности, тем более в такое ненадёжное время. (99)

Прогресс человечества идёт очень медленно, а регресс – мгновенно: стоит утратить гуманность – и ты снова дикарь. (100)

О. Н. Л а р и о н о в а

(1935 г.р.)

Кому больше терять, тот понятливее. (1)

Человеческий мозг запоминает практически всё, что происходит вокруг – фокус запоминания заключается не в том, чтобы как можно ярче отпечатать что-то в памяти, а в том, чтобы как можно легче и быстрее вытащить необходимую информацию из-под вороха позднейших воспоминаний. (2)

Воспоминания всплывают неожиданно, нередко против воли. (3)

Людям свойственна вера в доброе чудо. Как свойственно в первую очередь забывать всё злое и страшное. (4)

Не всё, что светлое – свет, не всё, что тёмное – тьма. (5)

Безнадёжное щенячество может длиться до самой старости, до потери способности чувствовать вообще, если не вмешается что-то страшное, если не выдернут землю из-под ног. (6)

О множестве ужасных вещей можно знать понаслышке: о тысячах распятых вдоль Аппиевой дороги, о десятках тысяч сожжённых инквизицией, о сотнях тысяч замученных в концлагерях, о миллионах убитых на войне. Знать лёгким, забывчивым знанием современного молодого балбеса, которое позволяет не седеть от ужаса, не сходить с ума, не разбивать себе голову об стену. (7)

Непрошеная откровенность хуже незваного гостя. (8)

Сдержанность – сестра краткости. (9)

Горе утраты – оборотная сторона любви. (10)

Если любишь – проживаешь две жизни: за себя – и за того, другого. Вот почему это так здорово, когда тебе повезёт и ты понастоящему полюбишь. (11)

Любое дело без женщин – обязательно гадость. (12)

С. Л е м

(1921 – 2006 гг.)

Все вещи растворяются во времени. Нет лучшего растворителя, чем оно. (1)

Враждебным чудовищем, понастоящему коварным и даже, я бы сказал, противным природе человека, является время. (2)

Человек хочет жить, т.е. обладать будущим, которое становится настоящим, ибо только ведь к этому ведёт жизнь и ничего больше в ней нет. (3)

Время, этот элемент нашего бытия, особо растяжимо в молодости и при надлежаще приложенном усилии может создавать в себе самом совершенно неожиданные, как бы добавочные просторы, распухая словно карманы, в которых некоторые умудряются носить гораздо больше, чем допускает прозаическое измерение их вместимости. (4)

Постепенно всё свершается гораздо быстрее, и пусть не говорят мне, будто лгут ощущения, а часы отмеряют одинаковый ритм бега времени; я скажу, что всё обстоит совсем наоборот: лгут часы, потому что физическое время не имеет ничего общего с биологическим. (5)

Живи мы в миллиард лет медленней и во столько же раз дольше, так что столетие сжалось бы до секунды, мы, вероятно, сочли бы континенты Земли процессами: они текли бы на наших глазах, словно водопады или морские течения. А если б, наоборот, мы жили в миллиард раз быстрее, то приняли бы водопад за предмет, настолько устойчивым и неподвижным он бы нам показался. (6)

Действительность невозможно предугадать потому, что никто не может быть так отважен, как она сама. (7)

Предвидение – очень трудная вещь. Ведь мы умеем только экстраполировать то, что уже знаем, но не можем предвидеть некоторые качественные скачки, которые постоянно делает наука. (8)

Мы не в состоянии вообразить ничего, кроме того, что нам уже известно, или сочетать уже знакомые нам отдельные детали. (9)

Взрослые и дети, все мы равны в благословенном неведении грядущего, и без этого неведения невозможно жить. (10)

Меня лично будущее не только интересует, но и тревожит. (11)

Нет нужды пересматривать то, что мы имеем перед глазами, необходима лишь новая точка зрения. (12)

Когда мы отворачиваемся от мира, мир не исчезает. (13)

Мир не несёт ответственности за те миражи, которые пытается ему навязать человек. (14)

Того, кто любит сам по себе процесс ученья, радует устройство мира в виде университета с конкурсными экзаменами. (15)

В сущности, каждое человеческое начинание – это палка о двух концах. (16)

Мечта питается своей неосуществимостью. (17)

Острота желаний гораздо важнее их осуществления. (18)

Мечтания вполне невинны, лишь их осуществление открывает путь к преступлению. (19)

Ужас бытия проявляется обычно в злобных издёвках, а не в романтических сценах. (20)

Устойчивое неприятие действительности похоже скорее на гнев, чем на отрешённость. (21)

Такова жизнь: из глупостей вырастают большие дела, хотя чаще бывает наоборот. (22)

Иногда незначительные причины порождают серьёзные последствия. (23)

Вероятность события можно оценить по тому, как часто оно происходит. (24)

Как правило, того, что должно быть, вовсе не происходит. (25)

События уникальные, не поддающиеся статистике в своей однократности, происходят, но говорить об их вероятности невозможно. (26)

То, чего пока не было, может ещё случиться. (27)

Всё возможно: случай может так закрутить приливную волну, что при отливе на гладком песке останется чёткий отпечаток босой ступни. (28)

То, что математически в высшей степени маловероятно, обладает свойством всё же иногда случаться. (29)

Если человек захочет установить вероятность собственного рождения, то, уходя в прошлое по генеалогическому древу, минуя родителей, бабок, дедов, прадедов, получит вероятность, произвольно близкую к нулю, которая тем не менее никак не отменяет его воспоследовавшего рождения. (30)

Какая-то вещь может сейчас выглядеть невозможной. Но если бы люди с пещерных времён делали бы только то, что казалось возможным, они бы до сих пор сидели в пещерах. (31)

Всегда ведь и случается именно то, что невозможно. Не надо забывать об этом. (32)

Прихоти рока толковать бессмысленно. (33)

Как много из того, что составляет самую основу содержания нашей жизни, лежит, по сути дела, вне её физических границ! (34)

Метафизическое изумление собственным существованием, можно выразить такими словами: «Почему я существую именно теперь, именно в этом теле, именно в таком, а не ином облике? Почему я не был ни одним из миллионов людей, существовавших доселе, и не буду ни одним из тех, что ещё родятся?» (35)

Жизнь человека имеет смысл только тогда, когда она кому-то приносит пользу. Великие замыслы и деяния приносят пользу всем: чужим и своим, близким и далёким, как, например, мост, построенный инженером; стихи, сочинённые поэтом. А маленькое, собственное, каждодневное – весенние прогулки, наслаждение от красивых пейзажей или даже сны – мы делим с теми, кто нам дорог. Но лишь то и другое вместе определяют в полной мере человека и его назначение. Мир существует для тебя постольку, поскольку ты существуешь для него, и всё, что ты делаешь, должно иметь смысл и цель не в тебе, а вне тебя. (36)

Повторять человеческое существование хорошо, но только не так, как пьяница повторяет заигранную мелодию, бросая всё новые медяки в музыкальный ящик. (37)

У каждого человека сохраняются в памяти отдельные вехи его жизни – знаменательное событие из детства, первая любовь, встреча с каким-нибудь поистине великим человеком, – и эти-то вехи являются как бы осями, на которых жизнь порой делает крутой поворот туда, где открываются необозримые горизонты. (38)

Личный опыт нельзя передать и даже, пожалуй, пересказать кому-то другому. (39)

Любая поваренная книга содержит все сведения, необходимые, скажем, для выпечки орехового торта; однако торты, сделанные по одному и тому же рецепту двумя хозяйками, похожи один на другой не больше, чем Шопен в исполнении Рубинштейна на Шопена в моём исполнении. (40)

Рецепт, хоть и содержит в себе всё, мёртв, и нужно вдохнуть в него душу, чтобы его оживить. Массовое кондитерское производство – пора наконец сказать это вслух – есть форма платной проституции, а не настоящей любви. (41)

К форме для выпечки торта необходим подход индивидуальный и даже, я бы сказал, исполненный ощущения своей миссии; вот почему торт, в который кроме орехов вложено трепетное, свежее чувство, сохраняет на ложечке нечто, если можно так выразиться, девически интимное, словно он позволяет себя есть впервые в жизни. (42)

Раздумывать над тем, чем бы заняться, – это материя столь деликатная, что можно даже сказать – удручающая. (43)

То, что для одного человека – иллюзия или пустая суета, для другого может оказаться смыслом жизни. (44)

Наличие материального бытия не может считаться тем, что полностью удовлетворяет потребностям существования. (45)

Нужно решить, что к чему приспосабливать: бытие к существам или существа к бытию. (46)

Если у кого-то нет наших несчастий, это ещё не знает, что он счастлив. (47)

Счастье, господа, переплетается с несчастьем самым причудливым образом. (48)

Нет добродетели без греха, красоты без уродства, вечности без могилы, и счастья без горя. (49)

Мысль о мире, полном лишь одного блаженства, могла зародиться только в мозгу у глупца, ибо даже в самом совершенном из миров над человеком всегда будет небо и космос с тайной своей бесконечности, а тайна – это значит беспокойство. И это очень хорошо, потому что заставляет думать, не даёт останавливаться. (50)

Только занятой человек не в состоянии понять, что он понастоящему счастлив. (51)

Человеку одинаково вредны и нехватка, и избыток впечатлений. (52)

Если я о чём-нибудь мечтаю или к чему-то стремлюсь, то этого не имею, а если имею, то не стремлюсь и не мечтаю. Я не могу упиваться надеждой, если она сбылась, а между тем сладость надежды совсем иная, чем радость обладания! Таким образом, бытие принуждает нас к постоянным отречениям. (53)

Если я ожидаю любовных объятий, то, очевидно, меня никто не обнимает, а если обнимает, моему разыгравшемуся любовному воображению уже нечего ожидать. Я не могу обнимать и не обнимать, иметь и не иметь. Что достигнуто, то мне безразлично, а что бесценно и неизменно, то недостижимо. Так наше бытие качается между чрезмерной уверенностью и излишним риском, т.е. между скукой и страхом. (54)

От голода до пресыщения один шаг. И мало того. То, что мы воображаем, всегда наше и уже потому слишком гибко, податливо и беспочвенно, а что материально, реально, безотносительно, то не зависит от нас прямо до отчаяния. Дух слишком зависим от меня, материя слишком независима. (55)

Дух хочет, а не может, и материя может, но не желает. (56)

Известно, с какой лёгкостью человек привыкает к необычному, если он понимает или если ему кажется, что он понимает его механизм. (57)

Вот ветер... Где он, когда он не дует? Его нет нигде, потому что он – движение воздуха. (58)

Энтропия, безжалостная подруга Хаоса, неумолимо владычествует над миром. (59)

Нет ничего удивительного, что в скверном мире и живётся не слишком хорошо. (60)

Я питаю самые нежные чувства к траве. Мы и существуем-то благодаря ей: только после растительной революции, которая озеленила материки, жизнь смогла утвердиться на них в своём нерастительном облике. (61)

Если хочешь быть с цветами, ступай к ним. (62)

Самыми вкусными кажутся плоды в чужих садах. (63)

Дай человеку всё, чего он желает, и ты погубишь его. (64)

Цену чему-нибудь мы узнаём, только теряя его. (65)

Неизвестность хуже опасности. (66)

Человек часто не замечает того, что видят окружающие. (67)

Компромиссы нигде не окупаются. (68)

Ничто не напрасно для того, что необходимо. (69)

Скорость каждого процесса определяется самым медленным его звеном. (70)

Когда не известно, что предпочесть, нет лучшей тактики, чем жребий. (71)

Человек болезненно страшится неожиданного и преодолевает свой навязчивый страх при помощи неких ритуальных действий. (72)

Навязчивость и любопытство – это не одно и то же. (73)

Что такое любопытство? Первое движение новорождённого! Натуральнейшее движение, архаическое стремление обнаружить причину, которая порождает следствие, а оно, в свою очередь, давая начало следующим актам, создаёт целое – и вот уже готовы сковывающие нас цепи. (74)

Любопытство – это первая ступенька на пути в ад. (75)

Для меня различия между мной и другими начинаются с того, что я являюсь собою, не могу вылезти из собственной шкуры или поменяться существованиями с кем бы то ни было, и лишь во вторую очередь я замечаю, что моя наружность, мой характер иные, чем у всех остальных живших и умерших. (76)

Нормы поведения соблюдаются не столько из вежливости, сколько ради простого удобства общежития. (77)

Человек одинок, но он не может жить одиноко. Его интересы, всё, чем он живёт, – это островок в море безразличия. И весьма сомнительно, что многие захотят слушать то, что он мог бы рассказать. (78)

В изолированном от мира коллективе ничего нельзя скрыть, и люди со всеми своими достоинствами и недостатками становятся прозрачными как стекло. (79)

В нашу эпоху упаковок обращают внимание на ярлык, а не на содержание. (80)

Кому интересно, чем ты забивал свою несчастную голову на протяжении десяти лет, и почему это важнее, чем то, чем ты набивал свои кишки? (81)

Безразличие хуже, чем суровое осуждение. (82)

Все люди стремятся к счастью, но стремятся поразному. Для одних счастье – это превосходство над окружающими, самостоятельность, непрерывное самоутверждение, атмосфера риска и крупной игры. Для других же – подчинение, вера в авторитет, безопасная, мирная и даже ленивая жизнь. Первые склонны к агрессии; вторые – к тому, чтобы подчиняться агрессии. (83)

Многим по сердцу состояние тревоги и озабоченности, коль скоро за отсутствием реальных забот они выдумывают себе мнимые. (84)

Есть люди, которые делают несчастными всех, потому что не хотят сделать несчастными никого. (85)

Страдания всегда сопутствуют большому чувству. (86)

Стоит ликвидировать ад страстей, и тогда обнаружится, что вместе с ним исчез и рай. (87)

Любовь есть подтверждение красоты мира в глазах другого человека. (88)

Колдовские чары, которыми гипнотизирует нас прекрасное женское лицо, в сущности, совершенная загадка. (89)

Эротическая природа наготы не замечается в кабинете врача. (90)

Греховность вопросов тела – это следствие давнишнего эволюционного решения, которое в результате экономии средств соединило функции выделений и половые в одной и той же системе органов. (91)

В переводе на язык эротических проблем жизнь в эпоху благосостояния означает – беспощадность. (92)

В чём секрет секса? Наверное в том, что половой акт – единственный, в котором переживание бытия выступает в чистом виде. (93)

Секс – именно то звено, где разум конфликтует со счастьем, ведь в сексе нет ничего разумного, а в разуме – ничего сексуального. (94)

Мужчины мирятся с фактами. Женщины с некоторыми фактами не хотят примириться. Оне продолжают говорить «нет», даже если ничего кроме «да» сказать уже невозможно. (95)

Женщину привлекает успех. Мужчина импонирует ей своим заработком, профессиональным мастерством, положением в обществе. Но в равноправном обществе всего этого уже не существует. (96)

Своей внутренней свободой ребёнок обязан неведению, а не выбору. (97)

Детской простодушной наивности рано или поздно приходит конец. (98)

Нельзя строить дом, мост, лечить болезни, наконец, просто выполнять административную работу, не имея соответствующего образования, и только наиболее ответственное дело – рождение детей, формирование их психики – отдано на произвол слепого случая и минутного желания, а общество вмешивается лишь тогда, когда ошибки – если оне были совершены – уже поздно исправлять. (99)

Если подробно разъяснить ребёнку суть непонятного явления, у него пропадёт страх. (100)

История связала нас по рукам и ногам, заклеив всё толстой корой толкований, значений и мистификаций. (101)

Весь мир – только театр, и с нами всегда бывает так, что участие в спектакле, сначала навязанное, быстро становится нашей второй натурой, и вскоре мы уже ничего не знаем, кроме своих ролей. И только философ, не участвующий во всеобщем спектакле, оказывается единственным, понимающим смысл происходящего зрителем. (102)

Какими странными путями идёт история человечества. Как часто то, что вчера казалось непонятным сплетением запутанных, противоречивых обстоятельств, в которых люди с трудом продвигаются вперёд и отступают назад под влиянием ошибок, потомкам в перспективе времени представляется очевидной необходимостью, а повороты, подъёмы и спуски на пройденном пути становятся такими же понятными, как строки письма, составленные из простых и ясных слов. (103)

От прошлого нельзя отмахнуться. Нельзя вычеркнуть из него даже то, что чуждо, враждебно нам. Мы можем из его наследства выбирать то, что нам нужно, но надо иметь мужество помнить всю историю человечества как часть истории планеты. (104)

В любом обществе имеются нытики-староверы, которые тянут назад, к так называемым «добрым старым временам», но возврата к прошлому нет. (105)

История – это театр, а общества – труппы актёров, между которыми распределяются роли; но ни одна из поставленных пьес, ни одна историческая эпоха не давала проявиться таланту всех актёров без исключения. Кто-то всегда окажется не у дел. (106)

Разные времена отдают предпочтение разным характерам, и в любое время большинство общества служит всего лишь массовкой для избранников судьбы, ибо только по чистой случайности подходящий темперамент появляется в наиболее подходящий для него момент истории. (107)

Люди ведь тем только и заняты, что от холеры бегут к чуме, от чумы к проказе, и как можно при этом утверждать, что, убегая от одной заразы в другую, сотворённые таким образом приближаются к идеалу? (108)

Человечество всегда чувствовало себя привычнее всего (что не значит – удобнее) в положении, близком к отчаянному: эта приправа не слишком удобна для тел, зато благотворна для духа. (109)

Нет таких раздражителей, к которым человек не привык бы довольно быстро. (110)

Механизм психической адаптации неумолим. Если бы кто-нибудь сказал Марии Кюри, что через пятьдесят лет открытая ею радиоактивность приведёт к появлению мегатонн и избыточного уничтожения, то она, может быть, не отважилась бы продолжать работу – и уж наверняка не обрела бы прежнего спокойствия духа. Но мы притерпелись, и никто теперь не считает безумными людей, которые оперируют в своих расчётах мегатрупами и гигапокойниками. (111)

Наше уменье ко всему приспосабливаться и, как следствие, всё принимать – одна из величайших опасностей для нас же самих. Существа со столь поразительно гибкой приспособляемостью не способны иметь жёстких нравственных норм. (112)

Даже конклав святых можно довести до людоедства, если действовать терпеливо и не спеша. (113)

Любую мощь, любой кошмар, запрятанный в потрохах материального мира, политики вытащили бы на сцену в качестве оружия, если б только могли. (114)

Воображение человечества как будто застыло, ошеломлённое возможностью атомной гибели, которая, однако, слишком очевидна для обеих сторон, чтобы осуществиться. Сценарии термоядерного апокалипсиса – детища стратегов и учёных советников – настолько заворожили умы, что о дальнейших – и, может быть, ещё более грозных возможностях просто не думают. А между тем всё новые изобретения и открытия неустанно расшатывают хрупкое равновесие. (115)

Универсум схож с огромным пирогом, а цивилизация – с ребёнком, старающимся разделаться с ним как можно скорее. (116)

Увы, технология полна страшных ловушек, и вступившего в неё ждёт фатальный конец. (117)

Технология, не следует этого забывать, всегда имеет нетехнологическую цель. (118)

Перед каждой цивилизацией имеются два пути, а именно – либо себя самоё замучить, либо до смерти заласкать. (119)

Известно, что к общему благу стремились в истории чуть ли не все; известно также, чем оборачивались эти стремления. (120)

Наша цивилизация угодила в технологическую ловушку, и наши судьбы зависят теперь от того, как устроены некие, ещё неизвестные нам взаимосвязи энергии и материи. До тех пор, пока люди, схватив друг друга за волосы и за глотку, пересаживались с верблюдов и мулов на колесницы, телеги, кареты, паровозы и танки, человечество могло рассчитывать на выживание, положив конец этой гонке. В середине века тотальная угроза парализовала политику, но не изменила её; стратегия оставалась всё та же, дни считались важнее месяцев, годы – важнее столетий, а следовало поступать наоборот, лозунг интересов всего человечества начертать на знамёнах, обуздать технологический взлёт, чтобы он не превратился в упадок. (121)

Наше знание уродливо скособочено в сторону разрушения. Современное человечество устроено так, что лучшие из миллиардов умов трудятся над подготовкой всеобщей гибели, делая то, чего они не хотят, что им претит, – потому что не имеют иного выхода. Но самоубийство – не выход. (122)

Катастрофа всегда присутствует в сфере возможного. Но если судьба позволяет нам перескакивать всё дальше и дальше, со льдины на льдину, это не значит, будто в конце концов мы выйдем на твёрдую землю. (123)

Самая простая модель любых событий – карточный домик. Он не может быть неограниченно высоким. Любой в конце концов распадётся; это очевидно и без расчётов. (124)

Человечество – горбун, который не знает, что можно жить без горба, и тысячелетиями выискивает в своём увечье знамение высшей необходимости; оно примет любой ответ, за исключением одного, что это просто увечье, что никто не создал его горбатым из каких-то высших соображений, что горбатость его совершенно бесцельна – так уж сложились лабиринты и зигзаги антропогенеза. (125)

Не думаю, будто человека можно считать человеком лишь постольку, поскольку упрятанное в нём чудовище он сам же связал по рукам и ногам. (126)

Человек есть игралище сил, абсолютно к нему равнодушных, – такое объяснение можно назвать сатанинским. Оно тем более опасно из-за того, что наша мысль движется по кругу, выбраться из которого невозможно. (127)

История учит, что нет такого добра, которое для кого-нибудь не обернулось бы злом. Добро в небольших дозах бывает благом, но добро пожизненное и не подлежащее обжалованию – яд. (128)

Если философия иногда и сеяла зло, то лишь потому, что зло – оборотная сторона добра и одно без другого не существует. (129)

Человеческий мир – это недолгое пребывание в пространстве и времени разумных (за некоторыми исключениями) существ, причиняющих друг другу страдания. (130)

Хотя никто этого не подсчитал, я полагаю, что сумма мук и страданий есть историческая постоянная, точнее, она прямо пропорциональна числу живущих, т.е. остаётся постоянной на душу населения. (131)

Я всегда старался верить, что какое-то медленное улучшение всё же происходит, но действительность неизменно доказывала иное. Я сказал бы, что человечество демонстрирует ныне лучшие манеры, чем в Ассирии, но отнюдь не лучшую нравственность. Просто на смену открытому чванству палачей пришли всевозможные предлоги и камуфляжи. Нет публичных казней, во всяком случае, в большинстве стран, поскольку принято считать, что это не пристало приличному государству. Но «не пристало» – нечто иное, чем «нельзя». Первое высказывание относится к правилам хорошего тона, второе – к этике. (132)

В своей основе человечество меняется очень медленно и незначительно. Никто уже не помнит, что протягивание руки в знак приветствия когда-то имело целью проверить, нет ли в этой руке остроконечного камня. (133)

В этике какая бы то ни было арифметика недействительна. Если здесь гибнут пять миллионов в лагерях смерти, а там – лишь восемьдесят тысяч с голоду, нельзя сравнивать эти цифры, чтобы сказать, что лучше. (134)

Победившая идея своим успехом обязана не военным завоеваниям, а благам, которые она сулит. Но даже исполненные посулы разочаровывают, ведь история не может остановиться ни в золотом веке, ни в чёрном, а восторжествовавшая идея, устремлённая в этот мир или в мир иной, не туда ведёт, куда указывает. (135)

Любые нынешние антагонизмы я считаю временными в том смысле, в каком временными были державы Александра Македонского или Наполеона. О всяком мировом кризисе можно рассуждать в терминах военной стратегии лишь до тех пор, пока речь не заходит о гибели человека разумного как биологического вида. Но если интересы вида становятся одним из членов уравнения, выбор автоматически предрешён, и обращение к какому-либо патриотизму, к ценностям демократии и так далее теряет смысл. Того, кто считает иначе, я называю потенциальным палачом человечества. (136)

В истории обычно бывает так, что никто не понимает значения происходящего. (137)

Первую мировую войну китайцы назвали гражданской войной европейцев. (138)

История людей всегда идёт подругому, чем мысль, её предсказывающая. (139)

С пророчествами обычно бывает, что если они и сбываются, то только навыворот. (140)

Если добра желают духу, а не телу, то такая доброжелательность проявляется в истории в неисчислимых формах мучений. (141)

Совершенно открытое общество в конце концов должно превратиться в бесформенное месиво. Совершенно закрытое – тоже, и нет между ними положения устойчивого равновесия. (142)

С интеллектуалами у любого правительства и под любыми небесами сплошные заботы. (143)

Всё существующее бывает предметом насмешек. Никакой титул не спасает от них. (144)

Рост владычества невозможно насытить. (145)

Горе власть имущим и их слугам, если они добьются желаемого! (146)

Лишаясь сакрального ореола, власть слабеет и ищет опору в административной иерархии, а та создаёт миражи, фата-морганы общественных отношений, идеализирующие действительность в степени, соответствующей интенсивности верований на данный момент, только верования эти бюрократические, а не религиозные. Этот феномен называют самообманывающимся обманом, или автофатаморганой. (147)

Синдром автофатаморганы, или самозаговаривания, означает, что производители вымысла сами заражаются вымыслом. Это может привести к полному внутреннему отражению и поглощению в процессе бюроциркуляции, к социошизофрении, когда одно говорят, а в другое верят, и иным ещё более сложным патологоинформационным синдромам. (148)

Тревожные ожидания, проистекающие из знания истинного положения дел оправдываются далеко не всегда, а значит, припрятывание отрицательных фактов под сукно способствует сбережению нервов. (149)

Политики, как и столетья назад, принимают земной шар (теперь уже – со всеми его окрестностями до самой Луны) за шахматную доску для стратегических игр; а эта доска между тем перестала быть нерушимой опорой и походит скорее на плот, который раскалывают удары незримых течений, несущих его туда, куда никто не смотрел. (150)

Никто ничему уже не удивляется. У нас отняли способность удивляться. (151)

Была ли когда-нибудь общность душ или нет – не ведаю, но залезание в душу всегда переходит в манипуляцию, проводимую, конечно, с благороднейшими целями! (152)

Политик может оказаться мерзавцем, оставаясь великим политиком. (153)

Войдя в клоунаду, из неё не выберешься. (154)

Вся политическая история Земли представляет собой цепь ошибок и их последствий; с прадавних времён государства ставили не на ту карту, делали то, что не соответствовало их истинным интересам; так что политика состояла прежде всего в ошибочной оценке противника, а ещё чаще – в превращении потенциальных союзников во врагов из-за недоразумений и недоумия. (155)

Как победы, так и разгромы проистекали из ложных прогнозов; недаром у побеждённых дела обычно шли лучше, чем у победителей, – если не сразу, то чуть погодя. (156)

Политика имеет дело с будущими событиями, которые точно предвидеть нельзя, а опытный политик – это тот, кто прекрасно об этом знает, но гнёт своё из патриотизма, чувства долга и осознания исторической необходимости. (157)

У великих реформаторов, мечтающих разом осчастливить всё человечество, не хватает терпения на отдельных людей. (158)

Даже заповедь любви к ближнему, а также программу построения земного рая людям легко удаётся переделать в довольно-таки массовые могилы. Поэтому я убеждён, что есть вещи, которых нельзя делать во имя каких бы то ни было других вещей. (159)

Если даже преданность Высшему Благу способна породить истребление, насколько вернее ведёт к нему посюсторонняя вера, приверженцы которой создали полчища немыслящих исполнителей! (160)

Отцом современного пацифизма было благосостояние, а матерью – страх. (161)

Хороший правитель не тот, кого подданные хвалят или ругают, а тот, которого никто не замечает. (162)

Демократия – это владычество интриганов, выбранных глупцами, и вся человеческая алогичность проявляется в погоне за невозможным – мы жаждем, чтобы шестерёнки часов определяли ход времени! (163)

Ничто не приводит в такой раж полицию, как её собственная беспомощность. (164)

Палачи прячутся от своих жертв за стеной ненависти, а ненависть они не могут разжечь в себе без жестокостей. (165)

Палачам нужно, чтобы кровь текла из рассечённых голов, коркой засыхая на лицах, превращая их жертвы в нечто уродливое, нечеловеческое, тем самым не оставляя места для ужаса или жалости. (166)

Новые технологии открывают перед насильниками новые возможности и перспективы. (167)

Политика замечательна тем, что включает в свою орбиту всё, что поначалу ею, может, и не было. (168)

Иллюзия, в которую невозможно верить, воспринимается как издевательство. (169)

Привычка плохо вяжется с неутомимым пропагандистским напором. (170)

Ничего, кроме фраз. Пропагандистский трезвон, и только. Пускание трюизмов в глаза. Никто никогда не слышал о власти, которая не рассылает направо и налево обещания счастья, но возвещает отчаяние, скрежет зубовный, расписывает собственную мерзость и подлость. (171)

Политики, на мой взгляд, – люди наименее интересные, хотя и наиболее опасные для рода людского. (172)

Генералы и президенты – самое ценное, что у нас есть, если судить по средствам, вложенным в охрану их здоровья и жизни. (173)

У солдата, живого или неживого, никаких собственных мыслей быть не должно. (174)

Всё меньше оказывается желающих стать под ружьё, причём отвращение к военной службе прямо пропорционально уровню жизни. Возвышенное изречение «dulce et decorum pro patria mori» молодёжь богатых стран считает рекламой морового поветрия. (175)

До сих пор все виды оружия были рассчитаны на человека – на его анатомию (чтобы ему было удобнее убивать) и физиологию (чтобы его было удобнее убивать). (176)

Абсолютно заразные микробы умертвили бы все питающие их организмы и сами погибли бы. Поэтому в природе равновесие устанавливается ниже уровня уничтожения. Иначе эволюция оказалась бы самоубийственной. (177)

Вердикт палеонтологии однозначен: чем сила разрушения больше, тем меньшие по размерам организмы способны ей противостоять. (178)

Выигрывают паразиты, эти молекулярные ничтожества. По принципу: всегда побеждает тот, кто в наименьшем объёме сосредоточит наибольшую вредность. (179)

Только на опыты с новым оружием всегда находятся средства в государственном бюджете. (180)

Тот, кто представляет не себя, а служит лишь символом (пусть осязаемым и вещественным, носящим подтяжки и галстук-бабочку), ходячим олицетворением организации, управляющей людьми и вещами, может позволить себе вынести любые неприязненные демонстрации, поскольку понимает, что для того его сюда и прислали. (181)

Дипломат спокойно терпит любые инсинуации, поскольку знает, что, даже если ему и досталось, затронут не сам он, а сила, которая за ним стоит. Он может отождествлять себя с ней, а это очень удобно: устранив своё «я», ты ощущаешь несокрушимое превосходство. (182)

Последствия стратегии, основанной на демонстрации силы, непредсказуемы. (183)

Даже за невыполненной угрозой должна стоять реальная сила. (184)

Угроза силой, не важно какого рода, должна быть реальна, ибо угрозы, за которыми не стоит возможность их исполнения, тактически и стратегически ни к чему не ведут. (185)

Человек может охватить и удержать в сознании немногое. Поэтому огромное предприятие распадается в его голове на части. И тогда средства легко могут заслонить собою цель и сами стать целью. (186)

Ошибка необязательно тождественна преступлению, но может им оказаться. (187)

Время бескомпромиссного действия – это и время полной откровенности. (188)

С каждым убитым существом гибнет целый мир. Поэтому арифметикой нельзя измерять этику. Неотвратимое зло находится за пределами меры. (189)

Общество легко превращается в мыслящую разновидность муравейника. (190)

Толпа, вообще-то говоря, всякий раз иная, и одновременно остаётся той же самой. (191)

В толпе каждый старается перекричать окружающих. И даже если бы там собрались одни мудрецы, все речи их слились бы в страшный и бессмысленный всеобщий крик. (192)

Обезьяноподобный предок с самого начала стал причиной жгучей обиды: ведь у земных народов обезьяна с незапамятных времён считалась карикатурой на человека, и карикатурой отнюдь не дружеской. (193)

Обезьянничанье, т.е. передразнивание, – оскорбительное словечко во всех языках. Мало какое животное так плохо подходит для идеализации, как обезьяна. (194)

Отчаявшаяся, зовущая к мести толпа не разбирает, кто виноват, и расправляется с тем, кто подвернётся под руку. (195)

Почему соответствующие учреждения присвоили себе право выдавать новорождённым свидетельства, удостоверяющие их личность? С таким же успехом можно выдавать разрешения на движение галактик, а геологическим эпохам выписывать аттестаты зрелости. (196)

Бюрократ избирает ту манеру речи, которая позволяет вложить минимум содержания в максимум слов. (197)

Порядок, достигаемый благодаря технологии, порождает больше хаоса, чем в состоянии переварить. (198)

Секретность – это не только печать на документе, это ещё знак того, какой ход – или противоход – будет дан делу, ибо нередко движение дела по инстанциям означает его погребение. (199)

Всё может вытекать из всего, и разум на практике служит согласованию прекрасного с постыдным. (200)

Всегда проще признаться в каком-то поступке, чем доказать свою непричастность к нему. (201)

Любая лояльность имеет свои пределы. (202)

Когда ставка достаточно высока, с законом перестают считаться. (203)

Преступник пожинает плоды зла с наивысшим удовольствием только тогда, когда творит зло с сознанием своей правоты. (204)

Там, где нет закона и порядка, побеждают клыки, локти и когти. А где есть закон и порядок, с колыбели до крематория, там несчастья в общем-то столько же, но вкус у него другой. (205)

В гражданских делах всё решает банковский счёт – если уж нельзя выиграть, можно засутяжничать противника насмерть. (206)

Увы, мы живём в мире, в котором вчерашний феномен сегодня становится обыденностью, а сегодняшняя крайность – завтрашней нормой. (207)

Однажды заданное ускорение усилий порабощает людей. (208)

Громадность усилий легко способна маскировать их полную тщетность. (209)

Не разделяю я веры в великолепие многочисленности, если за нею только и есть, что число. (210)

Чрезмерная численность разумных существ небезопасна, уподобляя их простому песку, потому что в этом случае королю легче расстаться с тьмой своих подданных, чем мне с изношенным башмаком. (211)

Чем выше развито государство, тем дешевле в нём автоматика и тем дороже рабочая сила. (212)

Потребительство и вещизм оглупляют общество. (213)

Мышление некоторых устроено таким образом, что для них истиной является следующее: если один человек может выкопать яму объёмом в один кубометр за десять часов, то сто тысяч землекопов выроют такую яму за долю секунды. Таким мыслителям невдомёк, что вся эта орава разобьёт себе головы, прежде чем поднимет на лопату первый комок земли. (214)

Есть умники, которые свято верят, что капиталовложения прямо пропорциональны результатам, и с этим нечего нельзя поделать. Волосы поднимаются дыбом при мысли, что нас опекают люди, искренне убеждённые, что проблему, с которой не могут справиться пять специалистов, наверняка одолеют пять тысяч. (215)

Стагнация – смерть производства. (216)

Уже не во всякую пору можно выйти из дому: столь плотной массой текут по улицам толпы. (217)

Аргументы здравого смысла бессильны против господствующих обычаев. (218)

Нет славянина без борща. Свои экспериментаторы, как видно, были в каждом народе, и, раз уж они выбрали свёклу, потомки остались верны ей, даже если соседние нации её презирали. С различиями в кулинарной культуре связаны различия в национальном характере. (219)

Кто сеет эволюцию, пожнёт разум. Но разум не хочет служить никому. Разве что вынужден. Разумность – это незаданность поведения, т.е. свобода. (220)

Ах, громадность – до чего же мы её чтим! Даже дерьмо, если соорудить из него гору, вершина которой скрывается в облаках, вызывает в нас уважение и лёгкую дрожь в коленках. (221)

У каждого великого дела есть свои комичные или до жалости тривиальные стороны, но отсюда не следует, будто оне никакого отношения к нему не имеют. Впрочем, комичность – понятие относительное. (222)

Наш ум пытается любой ценой набросить на действительность занавес какой-то огромной лжи. Этого делать нельзя. Нам не нужна уютная, лишённая всяких событий уверенность. Разве неизвестность не больше отвечает человеческому характеру? Мы раздвигаем горизонты, открываем новое. Так не будем же закрывать глаза! Вот единственное мужество, какое нужно нам. Не отталкивай бездну, не возмущайся против неё: мир, наш мир, именно таков. И, чтобы всё, что кажется чуждым и ужасным, стало великой целью, к которой мы уже давно стремимся, необходимо лишь понять, что чем страшнее явление, тем оно ближе нам, людям. (223)

Иллюзии полезны только ко времени и в меру. Кроме того, человек без иллюзий действует смелее. (224)

У страха глаза велики, а разум-то крошечный. (225)

Существует страх двух видов: высокий – от чрезмерного воображения – и низкий, идущий прямо из кишок. (226)

Трагедия должна выглядеть достойно. (227)

Величие чужого деяния может постичь только обладатель подобного же величия. (228)

Ничто не может остановить людей, стремящихся к достижению поставленной цели. (229)

Не хочу полагаться на случай, в этом есть что-то унизительное. (230)

Трудности человек нередко создаёт себе сам, подчас слишком оптимистично соизмеряя силы с намерениями. (231)

Человеку всегда хочется находиться на границе возможностей, там, где уже исследованное, изученное соприкасается с тем, что ещё не освоено. (232)

Ничего не поделаешь: мы рискуем, но без риска ничего не добьёшься. (233)

Цивилизация никогда не возникла бы, если бы ради неё наши предки не были готовы на подвиг. (234)

Есть одна вещь, которая порой помогает нам стать выносливее своего тела, сильнее своих мышц, твёрже своих костей. Это то, что заставляет нас продолжать даже заведомо безнадёжное дело во имя другого человека. Выше этой силы, как ни назови её – упорство или верность своему долгу, – нет ничего, ибо самым главным для человека является другой человек. (235)

В некоторых случаях сопротивление среды необходимо признать благосклонностью фортуны, ибо есть натуры, прямо сказать, созданные для борьбы с жизненными невзгодами. (236)

Есть люди, которым не по душе спокойные времена, хотя сами они не обязательно отдают себе в этом отчёт. Они выходят на авансцену во время всеобщей катастрофы или войны. (237)

Есть подвижники, не мыслящие себе жизни без помощи ближним, и аскеты, которые расцветают от воздержания. (238)

Ничего хорошего не получится, если объединить слабость со слабостью. Нуль плюс нуль всегда равен нулю. (239)

Трудно требовать от серны, чтобы, взбираясь на скалы, она соразмеряла прыжки с шагом пешехода. Если же она, приложив все усилия, пойдёт так же медленно, как и он, то беспрерывно будет выполнять десятки излишних движений: то забегать вперёд, то останавливаться и отступать назад, и её искусственно замедленным движениям тогда будет не хватать красоты и силы, какими она поражает лишь в свойственном ей молниеносном беге. (240)

На вершину можно взобраться, но с вершины все пути ведут вниз! (241)

Безногий мечтает лишь об одном – ходить... Только ходить, так как это для него невозможно. (242)

Там, где всё можно, ничто не радует. (243)

Если ты можешь быть беспощадным к другим, то должен быть таким же и к себе. (244)

Авторитет – это ответственность. И чем больше авторитет, тем больше ответственность. (245)

Тем, кого хвалят, приличнее молчать. (246)

Тот, кто получает непрошеные дары, лишается собственной воли. (247)

Считается, что нет такой лести, которая не была бы принята с удовольствием. В таком случае я – исключение из общего правила, потому что похвал никогда не ценил. Хвалить можно – скажем так – сверху вниз, но не снизу вверх, а я хорошо знаю себе цену. (248)

Знаменитости имеют обыкновение помалкивать о своих неудачах, даже если причиной этой неудачи было не что иное, как высокое их совершенство. (249)

Я хочу сделать то, что могу, потому что считаю это необходимым. Обыкновенная порядочность. А для этого нужно устроить так, чтобы заткнуть подслушивающие уши. Всё равно чьи. (250)

Истинное совершенство похвал не боится. (251)

Хороший приём – с самого начала очернить себя, чтобы потом выступить в роли бесцеремонного правдолюбца. Ведь тем, кого он не пощадит, трудно будет его упрекать, раз уж он и себя не жалеет. (252)

Издеваться над самим собой – это трюк не слишком хитрый, но, отработанный безупречно, он обеспечивает вам редкостную неуязвимость. (253)

Откровенно признаться в трусости может лишь тот, кто обычно страха не знает. (254)

У человека боязливого, не уверенного в себе недостанет мужества так чудовищно обнажиться – показать всему свету и самому себе главное свойство своей натуры. (255)

Желания наши, как правило, слишком конфузные и мелкие. Подчас человек, которого все уважают и даже любят, в душе мечтает лишь об одном: о расположении кого-то с безразличным видом стоящего в стороне, пусть даже он ничего не значит в глазах остальных. (256)

Считается вполне допустимым выискивать человеческие слабости у знаменитых художников и артистов, и некоторые биографы, похоже, даже считают, что душа артиста не должна быть чужда мелких подлостей. (257)

Человек, сделавшийся объектом биографических исследований, знает себя не лучше, чем его биографы. (258)

Если биографам не хватает действительных подробностей из жизни знаменитого человека, они сочиняют целую тьму фиктивных. (259)

Ничто так не угнетает, как чужое совершенство. (260)

Повышенной чувствительностью отличается всякий, чьё честолюбие несоизмеримо со способностями. (261)

Мы, помимо воли, испытываем чувство облегчения, узнав, что у людей, казалось бы, почтенных и уважаемых, на совести не меньше грехов, чем у нас самих. (262)

Психиатрия даёт отмычку, с помощью которой открывается механизм чужой индивидуальности – обнажённый, упрощённый, сведённый к горсточке жалких рефлексов, от которых никуда не денешься. Если врач может именно так рассматривать людей, хотя бы с целью им помочь, то это на самом деле невероятно отвратительно. (263)

Психоанализ обнаруживает в человеке скотину, оседланную совестью, а такая езда – хуже некуда. Скотине под благочестивым ездоком неудобно, но не лучше и ездоку: ему ведь нужно не только обуздать её, но и сделать невидимой. (264)

Теория, согласно которой мы прячем в себе старого зверя, оседланного новым разумом, – просто мешанина примитивнейших мифов. (265)

Психоанализ возвещает истину инфантильным, т.е. школярским, манером: он безжалостно и торопливо сообщает нам вещи, которые нас шокируют, тем самым заставляя принять их на веру. Упрощение, даже если оно соприкасается с правдой, нередко неотличимо от лжи – и это как раз такой случай. (266)

Человеку ещё раз показали демона и ангела, бестию и бога, сплетённых в манихейском объятии, и человек ещё раз признал себя невиновным – как арену борьбы двух сил, которые заполонили его и делают с ним что хотят. (267)

Психоанализ – это школярство взрослых людей. Мол, скандалы и безобразия раскрывают нам человека; вся драма существования разыгрывается между свиньёй и сублимированным существом, в которое пытается превратить человека культура. (268)

Если клинок соскальзывает по скрытой от глаза кольчуге, здесь нет заслуги того, кто нанёс безуспешный удар. (269)

То, чего не хотим делать мы, всегда сделают за нас другие. Но с точки зрения этики, это не аргумент. (270)

Доктрина неделания противоречива по природе своей. Чтобы иметь возможность не действовать, нужно иметь возможность действовать, ведь тот, кто воздерживается от переворачивания горы из-за отсутствия средств, а утверждает, будто выбрал неделание, ибо так велит ему мудрость, лишь выставляет себя на посмешище дешёвой видимостью философствования. (271)

Неделание надёжно, и это всё, что можно сказать в его пользу. Делание ненадёжно, и в этом его красота. (272)

Мудрость бывает двух видов: одна даёт средства действовать, вторая от действий удерживает. И вторая, как мне кажется, выше. Ведь лишь безмерно дальнозоркая мысль способна предвидеть отдалённейшие последствия наших деяний, побуждающие усомниться в разумности оных. А потому совершенство может проявляться в неделании – и мудрость тем-то от разума и отличается, что видит такого рода различия. (273)

Чем больше препятствий встречается на пути человека, тем больше проявляется его величие. (274)

Когда горный поток встречает на своём пути непреодолимые скалы, он начинает заполнять долину. Это длится месяцы и годы. Тонкая ниточка воды сочится неустанно, она не видна среди чёрных утёсов; но вот в один прекрасный день долина превращается в озеро, а поток, переливаясь через его берега, продолжает свой далёкий путь. (275)

Даже у самого честного человека имеется инстинкт самосохранения. (276)

Если человек сам себя уговаривает примиряться со вкусами, которые диаметрально противоположны его собственным, то это признак того, что он стареет, или, вернее, вступает в солидный возраст. (277)

Юность тянется лишь к тем, кто сам создал ценности, достойные подражания. (278)

Надо всегда оставаться самим собой. Всегда самим собой, всеми силами стараться быть самим собой, и чем трудней, тем больше; не примерять на себя чужую судьбу, а довольствоваться своею. (279)

Невозмутимое, верное себе постоянство лежит в основе деятельности природы. (280)

Пусть произойдёт самое худшее. Пусть оно произойдёт, тогда мы будем бороться, иначе мы находились бы в постоянном неведении. Лучше знать самое плохое. (281)

Как известно, идиотам кажется, будто они во всём разбираются. Идиот, в особенности законченный, готов немедленно стать президентом С.Ш.А., в чём он нередко и преуспевает. Вы только ему предложите. Человек поумнее сперва задумается, а мудрец скорее выскочит в окно. (282)

Тот, кто ставит под вопрос норму, сам становится ненормальным. (283)

Глупости, которая повсюду, никто не замечает. (284)

Глупость размноженная – всё та же глупость, только ещё смехотворнее. (285)

Что такое звёзды? Огненные шары, подвешенные среди вечной ночи. Картина вроде бы патетическая. Но почему? В силу своей природы? Да нет же – единственно из-за своих размеров. Но сами по себе размеры не очень-то много значат. Разве мазня идиота, перенесённая с листка бумаги на бескрайний простор, перестаёт быть мазнёй? (286)

Чтобы перевернуть планету, достаточно вне её отыскать точку опоры; и, желая повергнуть разум, во всём совершенный, нужна также точка опоры, и ею вполне может послужить всемирная глупость. (287)

Нормальный человек – существо крайне нелогичное, этим-то человек и отличается. Это разум, верно, но сильно загрязнённый эмоциями, предрассудками и предубеждениями, источник которых – в детских переживаниях или в генах родителей. (288)

Что влечёт человека к науке, к познанию, если не любовь – любовь к истине? Что может сделать человек, не знающий любви? (289)

Не всегда открывают истину те, которые больше других этого жаждут. (290)

Существуют различные истины: есть созидающие, но есть и разрушающие. (291)

Никто не бывает совершенно прав. Это невозможно. И поэтому у каждого из нас есть своя правда. (292)

Путь к величайшим открытиям лежит через абсурд. (293)

Только преодолев море глупостей, приходят к истине. (294)

Упрощение, даже если оно соприкасается с правдой, нередко неотличимо от лжи. (295)

Лживая истина и правдивая ложь– это нечто такое, что одновременно является и правдой и ложью. (296)

Ложь, питаемая ложью, рождает поразительное многообразие форм. (297)

Разрушен ещё один миф, и ещё одна истина взошла над нами; и, как обычно при встрече с истиной, мы оказываемся не на высоте. (298)

Лучше иметь нулевую информацию, чем быть дезинформированным, ибо это значит иметь отрицательную информацию, меньшую, чем нуль. (299)

Реальность излечивает от слишком возвышенных представлений. (300)

Не может такого быть, чтобы кто-то, словно горох, сыпал день и ночь абсолютные истины, слепящие блеском окончательного познания, – и всё напрасно! (301)

На заре своего разумного бытия жизнь встречает сопротивление, и именно это сопротивление лепит разум, поднимая его из пропасти растительного прозябания. Поскольку, однако, сопротивление это болезненно, историческому разуму мерещится в качестве идеала совершенная свобода, и именно в эту сторону шагает цивилизация. Однако, если эта цель будет ею когда-либо достигнута, то тогда на смену кошмарам прежних ограничений придёт кошмар полного их отсутствия. (302)

Если мы не можем противодействовать, то будем хотя бы знать – вот о чём думает мыслящий тростник. (303)

Я не скажу ничего нового, утверждая, что разум редко встречается на пару с красотой. (304)

Генетический отбор по анатомическим признакам кажется вполне безопасным для культуры, в остальном же – весьма привлекательным; почему бы не сделать нормой физическую красоту? Но это лишь начало пути, снабжённого указателем с надписью: «Разум на службе влечений». (305)

Что предпочесть – функционализм или эстетику; укреплять силу духа или силу мышц; ибо легко рассуждать о гармонии и совершенстве вообще, между тем как практика показывает, что не все ценные качества взаимосочетаемы – многие из них исключают друг друга. (306)

Одно усовершенствование неминуемо влечёт за собой другое. (307)

Более сильные мышцы требуют более прочных костей, а быстрее соображающий мозг – более обширной памяти. (308)

Идеалом эффективности оказывается существо уже совершенно нечеловеческое. (309)

Совершенство машины не означает, что при ней становится ненужным человек. Разве изобретение рояля сделало ненужным композитора? Машина сама ничего не может. Она только во много-много раз увеличивает наши возможности, открывает нам пути к решению задач, которые раньше могли завести нас в дебри и на решение которых пришлось бы потратить всю жизнь. (310)

Если машины делают расчёты быстрее и лучше, чем живое существо, то зачем ему считать? (311)

Машина не может творчески мыслить, и в этом её самый большой недостаток. (312)

Если какая-нибудь, даже самая трудная, задача вообще имеет решение, то, очевидно, можно построить и мощную мыслительную машину, которая сумеет её решить. Но главный

недостаток машины в том, что она может решать только заданные ей задачи. А постановка задачи – это половина работы, часто даже, как учит история науки, бо̀льшая часть её. (313)

Достаточно развитая технология оказывает давление на унаследованную от прошлого культуру, заставляя людей приспособляться к потребностям их технического окружения. Машина вступает в интеллектуальное соперничество с человеком, а затем – и в симбиоз с ним. (314)

Мы знаем факты, но не можем заранее знать чувства, которые они вызывают. (315)

Труднее всего выйти за пределы однажды осознанного тождества с самим собой, как бы вылезти из собственной кожи. (316)

Попытка постичь себя в ином облике, нежели тот, что тебе дан, вступает в противоречие с законами логики и терпит крах. (317)

На деле человеку хочется не столько найти себя в мире, сколько мир в себе. (318)

Там, где можно продублировать любимое существо, нет уже любимых существ, но есть лишь осмеяние любви, а там, где можно быть кем угодно и питать какие угодно убеждения, каждый становится никем, и нет никаких убеждений. (319)

Разум означает не узкую специализацию, а, напротив, как можно большую разносторонность. (320)

Узкая специализация может привести только к тому, что люди превратятся в муравьёв и каждый будет выполнять лишь мелкую часть общей работы, совершенно не представляя себе всего её объёма в целом. (321)

Специалист – это варвар, невежество которого не всесторонне. (322)

Специалист всегда особенно чувствителен к невежеству других в вопросах, связанных с его профессией. (323)

Применяя унаследованные приёмы, люди часто осложняют этим решение многих вопросов. (324)

Процесс учёбы ведёт к возрастанию специализации и утрате исходной недифференцированности. (325)

Мы теряем половину жизни на учёбу лишь за тем, чтобы во вторую половину убедиться, что три четверти того, чем мы набили свою голову, бесполезный балласт. (326)

Сделать рассудок верховным судьёй – значит перепоручить свою судьбу мании логичности. (327)

Разум отмахивается от интуитивной подсказки эмоций; гармония идеальной машины возводится в образец для цивилизации и каждого человека в отдельности. (328)

Средства цивилизации объявляются целями, высшие ценности обмениваются на удобства. Соображения удобства, по которым пробки в бутылках заменяют металлическими колпачками, а те в свою очередь – пластиковыми, отскакивающими при нажатии пальцем, сами по себе совершенно невинны, но в применении к человеку они становятся чистейшим безумием: любой конфликт, любая проблема уподобляются не слишком удобной пробке, которую следует вышвырнуть и заменить чем-нибудь поудобнее. (329)

Между авангардом наших технических достижений, нарастающих кумулятивно, взрывообразно, и нашей собственной биологией возникает – прямо у нас на глазах – пропасть; она расширяется всё стремительней, рассекая человечество надвое – на фронт собирателей информации, вместе с его ближним резервом, и плодовитые толпы, которые пробавляются информационной кашкой, приготовляемой по тем же рецептам, что питательная смесь для младенцев. (330)

Мы переступили – неизвестно когда – порог, за которым громада накопленных знаний переросла кругозор любого из нас и началась неудержимая атомизация всего и вся. (331)

Не приумножать без разбору эти знания, а сначала избавиться от огромных их залежей, от скоплений второстепенной, т.е. излишней, информации – вот, по-моему, первейшая наша обязанность. (332)

На смену честно признаваемому незнанию приходит иллюзия точного знания, куда более опасная. (333)

Информационная техника создала видимость рая, где каждый может познать всё; но это иллюзия. Выбор, равнозначный отказу от этого рая, неизбежен и необходим, как дыхание. (334)

Мы отдали себя – со всеми потрохами – на милость и немилость технологической эволюции. А между тем роли меняются: человечество становится для технологии средством, орудием достижения неведомой цели. (335)

Развитие технологии расшатывает равновесие нашего мира, и ничто не спасёт нас, если мы не извлечём отсюда практических выводов. (336)

Лозунг интересов всего человечества следует начертать на знамёнах, обуздать технологический взлёт, чтобы он не превратился в упадок. Следует координировать прогресс, а не доверяться его автоматически возрастающей самостоятельности. Ведь безумием было бы верить, будто делать всё, что только возможно технически, – значит вести себя мудро и осторожно. (337)

Не можем же мы рассчитывать на сверхъестественную благосклонность Природы, которую мы сами превратили в пищу для своих тел и машин и всё глубже впускаем в недра цивилизации. А вдруг окажется, что это – троянский конь, сладкий яд, убивающий не потому, что мир желает нам зла, а потому, что мы действовали вслепую? (338)

Никогда не позволяйте, чтобы за вас думали другие. (339)

Ум – одно из самых удобных орудий для маскировки, в случае надобности, наших природных изъянов. (340)

Странно, каким неразумным созданием является разумное существо, особенно в тупиковой ситуации. (341)

Безделье опасно для ума. (342)

Разве можно духовное пиршество в компании величайших умов променять на бездумный вековой храп? (343)

Ум – это способность к разгрызанию трудных орешков, поэтому самый блестящий ум можно использовать для решения самых глупых вопросов. Зато мудрость предполагает ещё и умение выбирать проблемы. (344)

Мудрость – это, скорее, самопознание, выражаясь классическим языком, а если более современно – поиски пробелов и недочётов в собственном разуме. Разумеется, на сократический лад. (345)

Чрезвычайно высокая концентрация мудрости действует шокообразно и порой заставляет мудреца умолкнуть. (346)

По-моему. ум и эрудиция должны уравновешивать друг друга как две чаши весов. Слишком обширная эрудиция тащит слабый умишко за ноги на вязкое дно, а ум, свободный от солидного груза познаний, парит куда хочет, и чаще всего в сторону безответственных фантазий. Тут нужна золотая середина. (347)

Живые знания не похожи на те сухие обобщения, которые мы вынесли из школы, как не похоже на любовь знакомство с биологическим предназначением полов. (348)

Основная разница между мозгом и книгой та, что в книге сведения лежат одно подле другого неподвижные, мёртвые, неизменные, а в мозгу они живые и пластичные. (349)

Наше мышление должно иметь дело с нерушимой совокупностью фактов, которая его отрезвляет и корректирует; а если такого корректора нет, оно грозит обернуться проецированием тайных пороков (или добродетелей, что одно и то же) на предмет исследования. (350)

Разум влечёт за собой скептицизм. (351)

Скептицизм подобен непрерывному, многократному усилению разрешающей силы микроскопа: резкое поначалу изображение под конец расплывается, последнюю реальность увидеть нельзя, её существование можно только логически вывести. (352)

Всякое мышление движется в направлении всё более универсальных понятий, и это совершенно оправданно, поскольку санкционируется мирозданием: тот, кто правильно пользуется возможно более общими категориями, овладевает явлениями во всё большем масштабе. (353)

Разум без смелости всё равно что смелость без разума. (354)

Границы воображения лежат далеко за границами сотворения теорий. (355)

Тот, кто воюет оружием воображения, в воображении тонет. А ведь оно должно быть окном, распахнутым в мир. (356)

Сумасшедший отличается от великого учёного или изобретателя только тем, что он неспособен выполнить свои обещания. (357)

Против безумца лучше всего применять безумную тактику. (358)

Если все сумасшедшие, тогда, собственно, уже нет сумасшедших. Сумасшедший только тот, кто ещё не сошёл с ума. (359)

Идиота можно осчастливить в момент, с разумными дело хуже. Разуму угодить нелегко. (360)

Разум, лишённый работы, – пустое место, сплошная озабоченная дыра. Ему подавай препятствия. Преодолевая их, он счастлив; победив, теряет покой, а то и рассудок. Поэтому нужно ставить перед ним задачи одну за другой, в полную меру его возможностей. (361)

Разум, абсолютно ублаготворённый, начинает жаждать несчастий. (362)

Осчастливленный до упора в несчастье видит счастье своё. (363)

Граница способности запоминать является барьером объективности, преодолеть который невозможно. (364)

Чтобы что-то узнать, нужно уже что-то знать. Ведь узнавать значит всё услышанное запихивать в голову не как попало, а в определённом порядке. (365)

Чем больше кто-то узнал в одну эпоху, тем меньше он может узнать в следующую, поскольку голова у него забита старьём, а забита она потому, что вчерашняя святая истина становится нынешним предрассудком и засорением мозгов. (366)

Здравые мысли приходят в голову чаще всего во время прогулки. (367)

Сознание питается собственной глубиной. (368)

В полном одиночестве человек может позволить себе самые бесплодные размышления. (369)

Плоды безнадёжных медитаций выглядят как окаменелый осадок на дне души. (370)

Мои мысли – это область моей психики, которая правосудию безразлична. (371)

Обычно люди слишком доверяют собственным чувствам и, встретив на улице умершего знакомого, скорее готовы поверить в его воскресение, чем в то, что сами они повредились в уме. (372)

Безнадёжна любая попытка выйти за пределы нашего опыта. Нам нужно время, а его у нас больше не будет. (373)

Лишь тот, кто сам хоть немного разумен, способен слушаться разумных советов. (374)

Всякий человек более или менее рассудителен только в самом трезвом и тонком слое разума, а глубже наполнен той бездумно-суеверной трясиной, какой ведь и является наше сознание. (375)

Человек по своей природе недемократичен, похож на показной парламент: центр сознания, голоса справа и слева, но есть ещё катакомбы, которые всё и определяют. (376)

Перед лицом задач, перерастающих наши возможности, всегда остаётся только руководствоваться здравым смыслом. (377)

Логика покидает нас гораздо раньше, чем жизнь. И человек начинает совершать бессмысленные поступки. (378)

Человек так устроен, что сам не знает, что он знает. О содержании книги можно узнать из оглавления, но в голове никакого оглавления нет. Голова всё равно что полный мешок:

чтобы узнать, что там есть, нужно вынимать всё по очереди. Рыться в памяти, как рукой в мешке. (379)

Обычно, когда не удаётся чего-то вспомнить, можно хотя бы вспомнить, знал ли ты об этом что-нибудь раньше. (380)

Либо ты знаешь, либо не поймёшь. (381)

Ты мыслишь категориями, свойственными существу недолговечному, и в этом корень твоих ошибок. (382)

Познание необратимо, и нет возврата в сумрак блаженного неведения. (383)

Знание кладёт конец удивлению, ведь того, кто всё знает, ничто не в состоянии поразить. (384)

Избыток знания подчастую оказывается бременем, балластом, ограничивающим свободу действия. (385)

Человек знает и одновременно не знает, потому что не хочет знать. Это типичная реакция самозащиты. (386)

Разум больше ценит путь, чем конец пути, познание – больше, чем окончательную формулу, и окончательная победа для него означала бы окончательное поражение. (387)

Серьёзная мечта требует осуществления, а затем умирает. (388)

Духовное озарение – лучезарная точка в безбрежном пространстве мрака. Гений – не столько собственно свет, сколько постоянная готовность видеть окружающий мрак; нет для него трусости горшей, чем купаться в собственном блеске и, покуда это возможно, не заглядывать в темноту. Сколько бы ни было в нём действительной силы, всегда остаётся немалая часть, которая служит лишь её имитацией. (389)

Творческие способности неотделимы от интуиции. (390)

Творческая сила, способность решать задачи знает свои приливы и отливы, в которых трудно дать отчёт даже себе самому. И вот какой тест я в конце концов изобрёл: чтение своих собственных работ – тех, что я считаю самыми лучшими. Если я замечаю в них оплошности, пробелы, если вижу, что это можно было сделать лучше, значит, результат проверки благоприятен. Но если я перечитываю собственный текст не без восторга, тогда дела мои плохи. (391)

Радость отца, умилённого тем, что ребёнок похож на него, может показаться лишённой разумного основания, особенно если отец – заурядная, бесталанная личность. (392)

Гораздо легче уничтожать, чем творить, – в любом достаточно объективном смысле, хотя бы в соответствии с правилом наименьшего действия. Всё, что клонится к разрушению, совпадает с главным направлением физических процессов во Вселенной, а любой созидатель вынужден идти против течения. (393)

Процесс уничтожения доставляет удовольствие примитивным и низменным натурам только потому, то он является для них процессом их самоутверждения как индивидуумов. (394)

Я не верю в человеческое совершенство, а людей, лишённых всяких чудачеств, заскоков, странностей, хотя бы намёка на какую-то манию, на какой-то собственный пунктик, подозреваю в неискренности или в бесцветности. (395)

Богато одарённым натурам свойственна проницательность, благодаря которой оне – словно бы по наитию – даже чужую для них проблему сразу схватывают с правильной стороны. (396)

Гениальность есть вечное сомнение, сомнение прежде всего. (397)

Духовная сосредоточенность вызывает физическое сгущение. Ведь и самый большой гений местами бывает жидким. (398)

Быть гением – никудышный бизнес, право! Гениям приходится туго, но не всем одинаково – ибо гений гению рознь. (399)

Сперва идут гении обыкновенные, дюжинные, т.е. третьего класса, неспособные шагнуть особенно далеко за умственный горизонт эпохи. Им приходится легче других, нередко они бывают оценены по заслугам и даже добиваются денег и славы. (400)

Гений второго класса – гораздо более твёрдый орешек для современников. Потому и живётся таким гениям хуже. В древности их обычно побивали камнями, в средневековье жгли на кострах, позже, в связи с временным смягчением нравов, им позволялось умирать естественной смертью от голода, а порой их даже кормили за общественный счёт в приютах для полоумных. Кое-кому из них местные власти подносили яд; многих отправили в ссылку, причём духовные и светские власти рьяно сражались за пальму первенства в гениоциде. И всё же в конечном счёте гениев второго класса ожидает признание, т.е. загробный триумф. В качестве компенсации их именами называют библиотеки и городские площади, сооружают в их честь фонтаны и монументы, а историки роняют скупые слёзы над промашками прошлого. (401)

Но сверх того существуют – ибо не могут не существовать – гении высшей категории. Второклассных гениев открывает либо следующее поколение, либо одно из позднейших; гениев первого класса не знает никогда и никто, ни при жизни, ни после смерти. Это – открыватели истин настолько невероятных, глашатаи новшеств настолько революционных, что их абсолютно никто оценить не в силах. Поэтому прочное забвение – обычный удел гениев экстракласса. Впрочем, и их менее мощных духом коллег обычно открывают лишь по чистой случайности. (402)

Быть непризнанным – прямой долг любого великого новатора и первопроходца. (403)

У человечества нет привычки нежно обходиться с гениями. (404)

Гениальный мерзавец – это внутреннее противоречие, гениальность перечёркивается подлостью. (405)

Сказав о гении, что в нравственном отношении он был свиньёй, мы вовсе не обязательно затронем его самое больное место. Мысль, достигающая потолка своей эпохи, не почувствует себя задетой подобным диагнозом. Для самого гения позором может быть тщетность его интеллектуальных усилий, осознание зыбкости всего совершённого им. (406)

С улыбкой высшего знания, с насмешливым равнодушием гений, который заслужил вечную славу, взирает на завистников и ни во что не ставит их злопыхательство. (407)

Чтобы быть полезным и другим, и себе, человек всегда должен находить радость в своей работе. (408)

Всякий отдых поначалу пробуждает во мне угрызения совести – как напрасная трата времени. (409)

Всякая работа стоит на том, что мир существует и будет существовать и дальше. (410)

Чем полнее человек познаёт мир, тем необъятнее горизонты, которые перед ним раскрываются. (411)

Наука занимается только тем, как что-то делается, а не тем, почему это делается. (412)

Наука описывает явления и обобщает их, т.е. выводит законы природы, но этим и ограничивается. Нет ответа, например, на вопрос, почему Земля третья, а, скажем, не четвёртая планета от Солнца, почему Солнце находится в разрежённой периферической части галактики, а не в самом её центре, или же на вопрос, почему нет людей с розовыми волосами. Солнце могло бы находиться в центре галактики, люди могли бы иметь розовые волосы, но этого нет, и потому науку это не интересует. Наука занимается тем, что есть, а не тем, что могло бы быть. (413)

Экспериментальная философия признаёт истиной не то, что сумеешь сказать, а то, что тебе удаётся сделать. (414)

Споры философов – дело бессмысленное, ибо каждый должен иметь философию собственную, скроенную, как и штаны, по мерке. (415)

Ясно выражающийся дурень не столь опасен, как дурень туманный, потому что в тумане легко и другим вместе с ним оказаться в дураках. (416)

Несносна уверенность Гегеля в том, что сам Абсолют вещает его устами к вящей славе прусского государства. (417)

Гегель был мыслителем из разряда так называемых очковтирателей и именно этому обязан своей популярностью. (418)

Не только люди бывают с придурью, имеются также придурковатые философские системы. (419)

Тот, кто предлагает новую философскую систему, тем самым даёт понять, что приблизился к истине больше, чем все, кто жил до него. Значит, каждая такая система предполагает непревзойдённую мудрость её автора. А ведь нормальная кривая распределения интеллекта справедлива и для философов, среди которых предостаточно олухов. (420)

Слава Богу, в философии нет ни титулов, ни чинов. (421)

Настоящие проблемы возникают перед философией лишь тогда, когда благоденствие приобретает устрашающие размеры. (422)

Где-то на самом дне философии, которая постоянно пытается сказать больше, чем возможно в данное время, «поймать мир» в готовую сетку понятий, прячется трогательная беззащитность, особенно заметная как раз у наиболее ярких мыслителей. (423)

История человеческого познания – это ряд, имеющий в пределе бесконечность, а философия пытается до этого предела добраться одним прыжком, коротким замыканием, дающим уверенность в совершенном и непоколебимом знании. (424)

Тем временем наука движется мелким шагом, по-черепашьи, а то и вовсе, казалось бы, топчется на месте, но в конце концов добирается до последних рубежей, до окончательной границы разума, проведённой философами, и, не замечая никаких пограничных столбов, преспокойно идёт себе дальше. (425)

Философия гораздо больше говорит о людских надеждах, страхах, влечениях, чем о тайнах абсолютно равнодушного к нам мироздания, которое лишь однодневкам кажется царством вечных и неизменных законов. (426)

Первопроходец обычно понятия не имеет о том, что он открыл. (427)

Вопреки распространённому мнению, открытия сами по себе недостаточно красноречивы, чтобы люди могли уяснить их настоящую ценность. (428)

Нельзя закрыть однажды сделанное открытие. (429)

Последствия открытий неотвратимы – самое большее можно какое-то время тормозить их реализацию. (430)

Попытки монополизировать технику всегда безуспешны, поскольку изобретённое одними другие рано или поздно смогут повторить. (431)

Поскольку изобретения рождаются от других изобретений, а открытия служат причиной следующих открытий, то это ускоренное движение создаёт параболу, взлетающую, как кажется, в бесконечность. (432)

При высоком уровне знаний нет незаменимых людей. Если бы не было Планка, Ферми, Эйнштейна, Бора, открытия, приведшие к атомным бомбам, сделал бы кто-нибудь другой. (433)

Таковы уж люди: они охотней верят самой невероятной ерунде, чем подлинным фактам. (434)

Публике кажется, будто она что-то знает о том, о чём специалисты даже не решаются говорить. Информация из вторых рук всегда выглядит более стройно и убедительно, чем полные пробелов и неясностей сведения, которыми располагает учёный. (435)

Авторы-истолкователи втискивают факты в рамки своих убеждений, без пощады и колебаний отсекая всё, что туда не влезает. (436)

Неведение, которое охлаждает пыл у людей разумных, ни в коей мере не сдерживает дураков; поэтому в океане печатной продукции каждый отыщет кое-что для себя – если его не слишком интересует истина. (437)

И почему это без водительских прав запрещено разъезжать по дорогам, а вот людям, начисто лишённым порядочности – о знаниях я и не говорю, – позволено печатать свои сочинения беспрепятственно и в любом количестве? Инфляция печатного слова отчасти вызвана экспоненциальным возрастанием количества пишущих, но издательской политикой – тоже. (438)

Детство нашей цивилизации было временем, когда читать и писать умели лишь избранные, понастоящему образованные люди. Этот критерий сохранял силу и после изобретения книгопечатания; и хотя сочинения купцов иногда издавались (тут ничего не поделаешь), их число ещё не было астрономическим – не то что теперь. В разливе макулатуры тонут действительно ценные публикации: ведь легче отыскать одну хорошую книгу среди десяти никудышных, чем тысячу – среди миллиона. (439)

Письменность с самого своего зарождения имела, казалось бы, единственного врага – ограничение свободы выражения мысли. И вот оказывается, что для мысли едва ли не опаснее свобода слова. (440)

Запрещённые мысли могут обращаться втайне, но что прикажете делать, если значимый факт тонет в половодье фальсификатов, а голос истины – в оглушительном гаме и, хотя звучит он свободно, услышать его нельзя? (441)

Развитие информационной техники привело лишь к тому, что лучше всех слышен самый трескучий голос, пусть даже и самый лживый. (442)

Наука – это часть культуры, которая соприкасается с окружающим миром. Мы выковыриваем из него кусочки и поглощаем их не в очерёдности, наиболее благоприятной для нас, – ибо Никто об этом любезно не позаботился, – а в той, которая определяется сопротивлением материи. Атомы и звёзды не располагают никакими аргументами; они не могут нам возражать, когда мы создаём модели по образу их и подобию, они не преграждают нам доступа к знанию – даже если оно смертельно опасно. (443)

В предыстории практика, естественно, опережала теорию, ныне же теория обязана провидеть пути практики, ибо за всякое невежество, проявленное сейчас, человечеству придётся дорого уплатить потом. (444)

Всё, существующее вне человека, имеет намерений не более, чем покойник. (445)

Перед тем, кто отказался от мысли приводить в движение атомы и планеты, мир предстаёт беззащитным: можно его истолковывать как угодно. (446)

Научный прогресс – не что иное, как постепенный отказ от простоты мира. Ибо прежде человеку хотелось, чтобы всё было просто, пускай даже и загадочно. (447)

В природе на самом деле ничто не просто. (448)

Природа умеет создавать архитектонику, симметрию и изящество даже там, где ни жизни, ни присущей ей целенаправленности никогда не было и не будет. (449)

Великий констуктор Природа в течение миллиардов лет проводит свои эксперименты, извлекая из раз и навсегда данного материала (что, кстати, тоже ещё вопрос...) всё, что возможно. Человек, сын матери Природы и отца Случая, подсмотрев эту неутомимую деятельность, ставит свой извечный вопрос о смысле этой игры. Вопрос наверняка безответный, если человеку суждено навсегда остаться вопрошающим. Иное дело, когда человек будет сам давать ответы на этот вопрос, вырывая у Природы её сложные секреты и по собственному образу и подобию развивая эволюцию технологическую. (450)

Природным явлением требуется считать всё, что не обнаруживает явным образом своего искусственного происхождения. (451)

Законы Природы – это прежде всего запреты: нельзя получить энергию из ничего; нельзя превзойти скорость света и так далее. (452)

Легче перенять от Природы её разрушительную мощь, чем её благожелательность. (453)

В науке необходима сдержанность, есть вопросы, которые нельзя ставить ни себе, ни миру, а тот, кто их всё-таки ставит, подобен человеку, который недоволен зеркалом, повторяющим каждое его движение, но не желающим ему объяснить, каков волевой источник этих движений. Несмотря на это, мы пользуемся зеркалами и компьютерами с немалой для себя пользой. (454)

Разве мало маньяков и жуликов, плетущих небылицы о тарелках и об Ужасно Добрых Праастронавтах, прибывших на Землю, чтобы воздвигнуть египтянам пирамиды под предлогом захоронения фараонов? Наука должна была выработать в себе невосприимчивость к подобным бредням – и стала уж слишком невосприимчивой. (455)

В любую эпоху способность науки воспринять радикально новый подход к явлениям не слишком-то велика. (456)

Химический анализ чернил, которыми написано полученное нами письмо, вряд ли что-нибудь скажет о мыслях и чувствах писавшего. (457)

По сути, безразлично, таится ли неведомое в лоне природы или погребено в каталогах никем не посещаемых книгохранилищ, – то, что не включено в кровообращение науки, не оплодотворяет её, всё равно что не существует. (458)

Замкнутый круг возникает потому, что очень непросто найти новое решение задачи, когда какой-то ответ уже имеется. (459)

Мы недооцениваем косность мышления во многих отраслях знаний. (460)

Есть вещи, которых не понять умам, отставшим в развитии и награждаемым научными званиями по чину, а не по таланту. (461)

Кругозор науки, этого передового, как считается, отряда нашей культуры, ограничен исторически сложившимся переплетением множества факторов, среди которых первостепенную роль нередко играют стечения обстоятельств самого разного рода, возведённые в ранг нерушимых канонов методологии. (462)

Факты существуют только там, где отсутствуют люди. Когда люди появляются, остаются одни интерпретации. (463)

Мне кажется возможным всё, что избавляет меня от необходимости верить в чудеса. (464)

Нынешний рационализм – это мода, а не метод, и ему присуща вся поверхностность моды. (465)

Наука, находящаяся ещё в пелёнках, как, например, земная в девятнадцатом веке, может считать свои возможности приближающимися к пределу. Более зрелая наука, хотя и не предугадывает будущих открытий, знает, что они возрастают экспоненциально и за несколько лет добывается значительно больше сведений, чем раньше за тысячелетия. (466)

В конце девятнадцатого века восторжествовало всеобщее убеждение, что в здании реальности в основном всё открыто, и теперь только необходимо, закрыв ставни, составить опись вещей. Звёзды движутся согласно тем же уравнениям, что и части парового двигателя, то же касается атомов и всего прочего, вплоть до образцового общества, построенного, как

дворец из кубиков. В точных науках эти наивные оптимистические гипотезы давно похоронены, но в рационализме повседневного существования оне продолжают процветать. Так называемый здравый смысл состоит в принципиальном игнорировании, замалчивании или высмеивании всего, что не соответствует традиционной концепции мира, будто бы полностью объяснённого в девятнадцатом веке. (467)

Трудно даже представить себе, какие размеры обрело в наши дни безразличие к необычайному! (468)

Я никогда не считал, что главное – выдвинуть побольше гипотез, ведь их можно придумать бесконечное множество. (469)

Гипотезы, пока оне не принимаются за основу реальных действий, могут быть ошибочными, но не губительными. (470)

Нет ничего хуже, как притягивать факты к своим гипотезам. (471)

Никогда не преклоняйтесь перед собственными идеями, никогда не успокаивайтесь, бейте по своим теориям с такой силой, чтобы отлетало от них всё, что не соответствует истине. Поступать так нелегко, но в науке, как и вообще в жизни, больше нет столбовых дорог. Эпоха случайных открытий и незаслуженных карьер ушла в прошлое. (472)

При одном и том же исходном материале результаты обычно получаются во многом сходными. (473)

Если предпрограмма у людей идентична, результаты их поисков могут совпасть, хотя бы они и не общались друг с другом. Но не стоит преувеличивать познавательную ценность таких совпадений. (474)

Достижения мысли ограничены общим уровнем знаний данной эпохи. (475)

Арсенал понятий, который предоставляет в наше распоряжение эпоха, подчас ужасающе убог. Наши познания громадны только перед лицом человека – но не мироздания. (476)

Выслушивая, казалось бы, смелые, а на деле огорчительно наивные гипотезы, особенно ясно ощущаешь бескрылость нашей фантазии: намертво прикованная к нашей планете, она видит мир сквозь узкую щель исторического времени. (477)

Достаточно ознакомиться с историей науки, чтобы понять: облик грядущего зависит от того, чего мы сегодня не знаем и что по природе своей непредсказуемо. (478)

Центральное место, занимаемое наукой в обществе, отражает её роль в развитии цивилизации. Наука открыла неограниченные перспективы развития цивилизации, а также показала множество путей, по которым оно может пойти. А поскольку выбор пути требует рационального подхода, то наука, будучи единственной рациональной формой познания стала необходимостью. (479)

Творцы науки слишком часто не отдают себе отчёта в том, что они в действительности делают. (480)

Лозунг «Все силы и средства на фронт науки!» допускает рациональное обоснование лишь до тех пор, пока «умные машины» ещё не в состоянии заменить учёных. (481)

Любые изгибы путей познания оставляют свой след на его результатах. (482)

Можно ли назвать прогрессом науки ситуацию, когда специализация дробит любую деятельность – познавательную, созидательную, интеллектуальную, творческую, так что в любой специальности каждый всё глубже вспахивает свою всё уменьшающуюся делянку? (483)

Проблема расширяющейся информации, может быть, посложнее проблемы расширяющейся вселенной. (484)

Секрет эрудиции один: терпение. Гений – это один процент вдохновения и девяносто девять процентов упорства. Информацию необходимо вводить в себя ежедневно, как пищу. Для этого нужно терпение. (485)

Научная литература в наши времена так обширна, что даже в своей области нельзя прочесть всего, что написали твои коллеги. (486)

Человек жаждет окончательных истин, да ещё полагает, что к этому стремится любой смертный разум. (487)

Что такое конечная истина? Это конечная точка пути, где больше нет ни тайн, ни надежд. Когда ни о чём не надо спрашивать, поскольку все ответы уже даны. Такого места не существует. (488)

Космос – это лабиринт, созданный из лабиринтов. В каждом обнаруживается следующий. (489)

До тех мест, куда нельзя войти нам самим, мы добираемся с помощью математики. Мы создаём из неё средства передвижения по нечеловеческим областям мира. И ещё – из математики можно конструировать внекосмические миры независимо оттого, существуют ли они. (490)

Шар – проекция точки в трёхмерном пространстве. (491)

Люди, равнодушные к математике, глухие к ней, всегда казались мне калеками! Они беднее на целый мир – такой мир! Они даже не догадываются, что он существует. Математическое построение – это безмерность, оно ведёт куда хочет, человек будто создаёт его, а в сущности лишь открывает ниспосланную неведомо откуда платоновскую идею, восторг и бездну, ибо чаще всего она ведёт в никуда. (492)

Морализировать среди грохота и визга будет, наверное, бесполезно. (493)

Я понял, чем может быть цивилизация. Когда мы слышим это слово, мы думаем об идеальном равновесии, о моральных ценностях, о преодолении собственной слабости, о том, что в нас есть наилучшего. Но цивилизация – это прежде всего мудрость, которая исключает такие обычные для нас ситуации, когда лучшие из миллиардов умов трудятся над подготовкой всеобщей гибели, делая то, чего они не хотят, что им претит, – потому что не имеют иного выхода. (494)

Любая техника сама по себе нейтральна – и мы сумели любую сделать орудием смерти. (495)

Из того, что я ожидал увидеть, осуществилось то, что оказалось доходным, то, что удалось хорошо продать. Мы взяли из возможного не самое красивое, самое возвышенное, не то, что могло сделать каждого из нас лучше, но то, что людям с большими деньгами показалось наиболее коммерчески перспективным, то, с чем были связаны наилучшие маркетинговые планы молодых специалистов в больших рекламных агентствах. (496)

В науке существуют реальные знания и знания, создающие духовный комфорт; они необязательно совпадают. (497)

Будущее вызывает у меня, скорее, грусть и страх, чем желание творить. Темп изменений столь огромен, что мы уже давно перестали их контролировать. (498)

Должен признаться: будущее занимает меня лишь как человека, интересующегося наукой. Как писателя меня волнует только настоящее, современность. (499)

Каждый автор прогнозов является самозванцем, а если его читают и цитируют с кафедр, то он становится профессионалом даже тогда, когда он полностью ошибается. (500)

Я не верю в возможность категоричных предсказаний. Наши попытки предсказать будущее напоминают попытки предвидеть развитие сложных шахматных партий. Причём шахматы, с которыми мы имеем дело, таковы, что игрок в любой момент может – вместо того, чтобы сделать следующий ход, – выхватить из кармана нож, палку или разбить доску о голову партнёра, если по какой-либо причине он сочтёт это нужным. (501)

Суть будущего состоит в том, что «всё иначе» – иначе, чем мы себе представляем. При этом иначе не значит ни сильно лучше, ни сильно хуже. Просто иначе. В принципе история делает из наших мечтаний и наших страхов солянку, где немало хороших кусков мяса, попадается какая-то требуха, но больше всего – рубленой капусты. (502)

Я не занимаюсь конкретными прогнозами. Меня больше интересуют некоторые общие тенденции развития, обнаружение универсальных закономерностей. (503)

Пусть люди будущего сами решают свои проблемы – мы будем решать наши. (504)

Тот, кто твёрдо знает, чего он не знает, уже немало знает о будущем знании, и с этого боку игнорантика смыкается с футурологией. (505)

Большинство людей пользуется техникой своего времени, абсолютно не понимая её. (506)

Эксперты из разных областей знания редко приходят к полному согласию, особенно по трудному и сложному вопросу. (507)

Когда техники не знают в чём дело, то богатством своего словаря не уступят консилиуму врачей, обсуждающих безнадёжный случай. (508)

Всё, что может испортиться, когда-нибудь непременно испортится, а в системе, состоящей из двухсот девяноста восьми тысяч основных контуров и микросхем, никакое дублирование не даст стопроцентной гарантии. (509)

Общая теория систем математически точно доказывает, что нет элементов абсолютно надёжных и, даже если вероятность аварии каждого из них составит всего лишь одну миллионную – т.е. элемент может отказать в одном случае из миллиона, – в системе из миллиона частей что-нибудь непременно выйдет из строя. (510)

Детальное исследование чужой технологии напрасно. Её фрагменты, как осколки разбитого зеркала, не дают единой картины. Они – лишь невнятное указание на причину удара. (511)

Всё и всегда основано на определённых установках, хотя оне по преимуществу принимаются как данность. (512)

Любой живой организм можно как угодно исследовать, но его нельзя спросить и бессмысленно спрашивать о смысле его существования. (513)

Не существует методики, которая бы позволила из информационного нуля вывести нечто большее, чем нуль. (514)

Сведение ряда неизвестных к общему неизвестному знаменателю – это приобретение, а не потеря информации. (515)

Во мраке Галактики сияет разум, который не пытается навязать нам своё присутствие, напротив, всячески скрывает его от непосвящённых. (516)

Любая цивилизация создаёт по меньшей мере столько версий своей истории, сколько в ней государств; версии эти противоречивы и даже диаметрально противоположны, но дипломатическое ведомство не может открыто отрицать ни одну из них. (517)

Господа естественники вообразили себе и внушили всем остальным, что межзвёздные контакты начнутся с обмена мнениями об Евклидовой геометрии и строении атома, – как будто бы на Земле, при встрече с неизвестными доселе жителями Амазонии или Огненной Земли посланцы цивилизованного мира первым делом поспешили бы проинформировать их о гипотенузах и атомах, а не о том, какие дела можно с ними провернуть. Разве кто-нибудь когда-нибудь слышал о геометрии или другой какой математике в политических отношениях? А ведь космические контакты неполитического характера иметь не могут. (518)

Что мы знаем о цивилизациях, которые «лучше» нас? Ничего. Поэтому, может, и не годится рисовать картину, на которой мы фигурируем где-то в самом низу – как отщепенцы Галактики, или как эмбрион, застрявший в родовых схватках. (519)

Визит инопланетян к нам – это что-то вроде визита белок к улиткам, и результаты соответствующие: никакие. Различие в строении – препятствие неодолимое. (520)

Мы, люди, – зрители: масса наших понятий выводится из сферы оптических впечатлений. А их ощущения могут основываться на другом принципе, на обонянии, например, а то и на чём-то совершенно неведомом. (521)

Мы создаём и совершенствуем футляры – для жилья, для укрывания тела, для передвижений. Засим занимаемся питанием и очищением наших тел, двигаемся по особым методикам – я имею в виду спорт, – и во всех этих областях у нас не было бы общего языка. (522)

Если пришельцы чудовища для нас, то мы являемся таковыми для них. Здесь обязательна симметрия. Если бы у осьминога было эстетическое чувство, красивейшая женщина Земли была бы для него чудовищем. Ключ к этой загадке лежит за пределами эстетики. (523)

Не сумев понять друг друга в конкретных вещах, мы тем более не сможем договориться в сфере обобщений, которые являются производными этих конкретностей. Иные планеты, иные условия существования, иная физиология, иная интеллектуальная жизнь... (524)

Творец не желал межпланетных и межзвёздных путешествий, такого рода встреч и общения цивилизаций, и именно поэтому разделил их умопомрачительными и непреодолимыми расстояниями. (525)

Закулисную сторону космических шагов человечества принято замалчивать. Только дети обыкновенно спрашивают, как писают на Луне. Взрослым такие вещи в голову просто не приходят. (526)

Что ж, пора наконец заявить об этом во всеуслышание, астронавтика припахивает тюрьмой. Если б не иллюминаторы, можно и впрямь подумать, что тебе впаяли порядочный срок – не год и не два, но самое меньшее два червонца, и даже нельзя рассчитывать ни на сбавку срока за образцовое поведение, ни на передачи, ни на свидания. (527)

Мысль о вторжении со звёзд – это проекция агрессивных черт хищной, неотёсанной человекообезьяны. Поскольку она сама охотно бы устроила ближнему гадость, то и высокую цивилизацию она воображает по своему подобию: флотилии галактических дредноутов обрушиваются на бедняжки планетки, чтобы добраться до тамошних долларов, бриллиантов, шоколада и, разумеется, красоток. Хотя эти последние, на самом деле, нужны им не больше, чем нам – самки крокодилов. (528)

Война – худший способ сбора информации о чужой культуре. (529)

Почему разрушение так для нас притягательно? Какая грозная надежда просвечивает из его черноты? Его абсолютная бесцельность заранее опровергает любое рациональное объяснение. (530)

Уничтожать всегда легче, нежели создавать. (531)

Так просто что-либо уничтожить и так трудно потом исправить ошибку. (532)

Наука не занимается такими свойствами бытия, как смешное и несмешное. Наука объясняет мир, но примирить нас с ним может только искусство. (533)

Уж слишком стыдливо мы умалчиваем об абсолютно необходимой благосклонности человека к искусству. И нас воспитывали, и мы воспитываем в наших подопечных убеждение, будто творения искусства лишь немногим отличаются от лежащих в полутьме граблей. Наступивший на них получает такой удар по лбу, что у него из глаз вылетают снопы искр; так же, а не иначе, должно обстоять дело и с великими произведениями: человека, приобщившегося к ним, оглушает – охватывает – неожиданный восторг! Эта благородная ложь об эстетическом шоке чрезвычайно распространена. Увы, совершенно иначе выглядел бы наш мир, если б в нём можно было воздействовать на души палачей пусть даже самой высокой поэзией. Повергнуть кого-либо искусством невозможно – оно пленяет нас, если мы соглашаемся быть пленёнными. (534)

В принципе для того, чтобы возвысить, облагородить любое произведение или, наоборот, счесть его банальным, плоским, достаточно во время знакомства с ним установить на сцене своей души такой фон, такую декорацию, которую мы сочтём наиболее подходящей. Это не инертный фон, а система отсчёта, в которой неестественно переломленный прутик может оказаться древнеяпонской стилизацией ветви, а достаточно выщербленный камень – скульптурой, олицетворяющей дух нашего разрывающегося на части времени. (535)

Очень трудно отразить на поверхности камня то, что кроется глубоко в людях. И можно многое узнать о человеке, глядя на звёзды. (536)

Непохожесть, неодинаковость людей изначальна и неоспорима, поэтому кантовский постулат – что принцип, лежащий в основе поведения индивида, должен стать всеобщим законом – налагает на людей неравное бремя. Индивидуальные ценности он приносит в жертву культуре как ценности высшей, а это несправедливо. (537)

Почему-то ни одному из философов не приходило в голову, что не слишком-то благоразумно выводить из правил собственного мышления законы, действительные для всех людей и всего человечества – от эолита до эпохи угасания солнц. (538)

Современность – могильщик ценностей, а технология – орудие дьявола. (539)

В музеи мы ходим где угодно, только не у себя в городе, – мол, всё равно никуда не денутся. (540)

Если в культуре и существует прогресс, то прежде всего интеллектуальный. (541)

Азартная игра – часть массовой культуры. (542)

Ныне сетуют на повсеместное снижение высоты полёта искусства, затронутого проказой бессилия, обречённого неведомо кем на мелкоту преходящих экспериментов и моды-однодневки. Особенно это чувствуется, когда мы обращаемся к произведениям прошлого, сохраняющим своё могущество, к соборам Флоренции и Сиены, мистериям средневекового китайского театра, почерневшим, закопчённым негритянским божкам, покидаем выставки искусства каменного века или Сикстинскую капеллу, полные тревожного вопроса: что же, собственно, такое произошло с духом, что он утратил способность к столь взрывоподобному и одновременно вынужденному самовыражению, содержащему в себе как бы силу естественной необходимости и требующему приятия в той же степени, в какой этого требуют деревья, облака, тела зверей и людей, – т.е. безоговорочно и окончательно. Нам отвечают, что-де человек искусства перестал быть послушным орудием, проводником тех приходящих извне ураганных сил, которые он сосредоточивал в себе, но которые не создавал. (543)

Искусству приносит смерть свобода безграничного выбора, сознание условности уговора, ибо тот, кто знает, что можно написать книгу любым способом и на любую тему, не напишет ни одной значительной книги. Тот, кто понял, что на полотне можно изобразить всё, что душе угодно и как угодно, найдёт в разверзшейся перед ним свободе могилу творческих возможностей. (544)

Взгляните на фотографии космонавтов, выходящих из своего корабля на прогулку по бесконечному пространству. До чего же не приспособлено человеческое тело к бесконечности, каким беззащитным становится оно там, где каждое движение, лишённое ограничений и сопротивлений Земли, стен, потолков, обнажает свою бессмысленность! Не случайно они принимают положение плода в лоне матери, сутулясь, подгибая колени и прижимая руки, не случайно спасательный фал так напоминает пуповину, связующую плод с маткой. (545)

Энергичными, решительными, целеустремлёнными мы можем быть только в рабстве гравитации, в пределах её власти наше тело обретает свой смысл и форму, проявляет себя каждым суставом и нервом, идеально приспособленное и поэтому прекрасное. Такую же, как бы естественную, необходимость, ощущение, что мы общаемся с единственно возможным и допустимым решением проблемы, пробуждает в нас каждое крупное произведение искусства. (546)

Господь Микеланджело с мощной курчавой бородой, в складчатых одеждах, с босыми ногами, испещрёнными жилами, не родился из свободного воображения мастера. Художник должен был подчиниться абсолютной букве предписаний, берущих истоки в книгах «Откровения». На месте Микеланджело современный художник, душа которого размякла от скептицизма, этого испарения знаний, на каждом шагу сталкивался бы с парадоксами,

дилеммами, нонсенсами там, где мастер Возрождения не испытывал никаких сомнений. На ногах бога короткие ногти. (547)

Если бог подобен телом человеку, ногти должны расти. Коль он существует вечно, они должны были бы разрастись и превратиться в роговые змеи, устремляющиеся с нагих пальцев ко всем галактикам одновременно, заполнить небо потоками извивающейся, перепутавшейся роговины. Это возможно? Так надо рисовать? А если сказать себе, что это не так, то возникает проблема божественного педикюра. Ногти могут быть короткими или потому, что их подрезают, или благодаря вмешательству чуда – ведь тот, кто может останавливать солнце, может приостановить и рост ногтей. Оба выхода недопустимы: первый отдаёт маникюрным кабинетом, второй – неприятным привкусом атеизма, и тот и другой – богохульством. Ногти должны быть короткими без всяких вопросов и анализов. (548)

Здесь мы сталкиваемся со спасительным ограничением, делающим возможным возникновение большого искусства, которое актом веры пресекает потенциально беспредельный поток вопросов. Естественно, строгая дисциплина, навязанная литургией, должна стать внутренней потребностью, превратиться в добровольно надеваемую огненную власяницу души, стать границей, принимаемой горячим сердцем, а не охраняемой полицией. (549)

Существуют ограничения мистические и полицейские; и если эти вторые не приводят к возникновению великих произведений, то только потому, что полицейский контролирует других, он не является вдохновенным служителем собственного искусства, обожествляющим служебные инструкции. Посему запрет должен идти свыше, грань должна быть обозначена и принята пылким и не вопрошающим ни о каких полномочиях или обоснованиях сердцем бесспорной, как бесспорны листья, звёзды, песок под ногами или форма человеческого тела. Поэтому вера должна воплотиться в совершенно негибкую, абсолютную реальность. (550)

И лишь так связанный, покорный, но старательный, послушный дух, располагая столь ограниченным свободным пространством для изобретательности, в узкой полосе свободы создаёт великие произведения. Это относится ко всем разновидностям искусства, которым свойственна смертельная серьёзность, сводящим на нет дистанцию, иронию, насмешку – разве можно смеяться над гравием, крыльями птиц, заходами луны и солнца? (551)

Так, например, танец представляет собою лишь кажущуюся свободу – танцор только разыгрывает её, по сути дела полностью подчиняясь диктату партитуры, которая регулирует каждое заранее обдуманное им движение, индивидуальное же самовыражение возникает в щёлках интерпретационных возможностей. Конечно, столь высокие ограничения можно найти и за пределами религии, но тогда им придётся придать сакральный характер, поверить в то, что они неизбежны, а не надуманны. (552)

Сознание того, что можно сделать совсем иначе, отвержение неодолимой необходимости в пользу океана осознанных техник, стилей, приёмов, методов, сковывает мысль и руки свободой выбора. Художник, как космонавт в безгравитационном пространстве, беспомощно извивается, не ощущая избавительного сопротивления среды, спасительных границ. (553)

Вспоминаю своё недавнее приключение на Выставке абстрактной скульптуры. Центральную часть экспозиции занимали идолообразные и кренделевато-дырявые антиторсы и антискульптуры, на стенах же висели коллажи различного формата и происхождения. Проходя мимо натянутых на станки абсолютно девственных полотен, лишь в двух-трёх точках подпёртых с обратной стороны колышками, геометрически оттопыривающими простынную белизну, минуя оправленные в рамы грязно-серо-зеленовато-дерюжные конгломераты, в которых наблюдательный глаз мог только вблизи обнаружить генеалогию материала, отождествляя отдельные их элементы с остатками каких-то сеток, застывших под слоем

мастики или клея, металлическими стружками, пружинными пластинами, я в один из моментов остановился перед очередным экспонатом. Он был вполне спокойным, словно его создатель обуздал уже предварительные свои намерения, натянув сдерживающие вожжи; у этого произведения было что-то вроде прямоугольной рамы, изготовленной из листового железа; примерно в двух пятых от нижнего края, т.е. в пропорции золотого сечения, его пересекала неряшливо прикреплённая планка, что-то вроде засова, а над этой основной линией простиралось пустое пространство старой, чуть ли не заплесневевшей жести с тремя почти симметричными отверстиями посредине; пробитые насквозь, они зияли пустотой, окружённые каждое чем-то вроде тёмно-сизого ободка. Воистину ослепшие звёзды, дыры, оставшиеся на месте выбитых солнц! Подумал я и о той совершенной технике, которую применил художник, чтобы так естественно опылить отверстия бледнеющим к краю ореолом, постепенно уходящей в небытие пепельностью, об искусстве, с каким он прокалил поверхность металла, ибо она одновременно была оплавлена и местами шершаво-узловата от действия пламени; я начал искать табличку с названием произведения и именем автора, но её не оказалось; и неожиданно, заморгав глазами, я сообразил, что произошло недоразумение. Выставка размещалась в большом подвале с красивым сводчатым потолком, экспонаты висели на неоштукатуренных стенах, и, как обычно в подобном месте, тут и там в кирпичные ниши были вмазаны дверцы дымоходов. Я стоял как раз перед такой заслонкой, проржавевшей и снабжённой разболтавшимся засовом. Эстетическое зарево, полыхавшее перед моими алчущими глазами из этой вьюшки, тут же сникло, угасая, а сама она, разоблачённая, неожиданно поскромнев, превратилась в банальную жестянку каминного дымохода; я же, оконфуженный, быстро отошёл от этого места, чтобы уже перед подлинным произведением искусства вновь погрузиться в соответствующее состояние, т.е. подстроить дух к требованиям абстрактного творчества. (554)

Размышляя над этим приключением, я пришёл к выводу, что в нём не было ничего предосудительного; если кто-то и виновен в том, что я так легко впал в ошибку, то только не я. Не такие вещи случались на подобных выставках; помню, как некий знаток, истинный, хотя, честно признаю, несколько близорукий ценитель, на другой выставке, на которой весьма обильно были представлены каменно-серые и гипсово-белые глыбы и комья, неожиданно энергичным шагом направился к выходу, неподалёку от которого на постаменте покоилась довольно крупная глыба с почти геометрически правильным переплетением поверхности, притягивающим глаз цветом и формой. На полпути он замер, вздрогнул и медленно повернулся, так как глыба оказалась самой обычнейшей халой, творением пекаря, которую женщина, исполняющая обязанности кассирши, положила на первое попавшееся место, отправившись за чаем. (555)

Что же такое всё-таки происходит с искусством, коль оно допускает возможность столь юмористических перестановок? Или поставщиком модных в настоящее время предметов могут быть равно каменщик, пекарь и играющий ребёнок? Всё это не так просто. Раньше художник, живописец, скульптор изготовлял предметы общественно необходимые; это были орудия, правда, своеобразные, ибо они помогали умершим переноситься в вечность, заклятиям – свершаться, молитвам – обрести исполнительную силу, бесплодной женщине – зачать, герою – получить желанную награду в раю. Эстетическая сторона этих орудий была их составляющей, стимулирующей действие, вспомогательной стороной, но никогда – доминантой, непрактичной самоцелью. Поэтому художник имел своё чётко обозначенное место на ступенях религиозной или государственной метафизики, он был инженером-изготовителем темы, а не её автором. Тематическое авторство приписывалось Откровению, Абсолюту, Трансцендентности; отсюда, как следствие, барьеры суровых ограничений, о которых мы столько говорили, отсюда также и тавтологичность тогдашнего искусства, которое в общем-то не говорит ничего нового, поскольку лишь повторяет на память отлично известные идеи: Распятие, Провозвестие, Воскрешение, акт размножения, выраженный в иносказательных символах, борьбу Аримана с Ормуздом. Свою индивидуальность неповторимый гений, художник протаскивал, если так можно выразиться, контрабандой в глубь полотен, скульптур и алтарей, и сила его таланта, в прямой зависимости от степени

изобретательности, проявлялась в том, что, несмотря на подсознательное подчинение литургическим рецептам, могла в узкой полосе дозволенного, т.е. неканонизированного до конца, проявить своё присутствие в принципе неисчислимыми способами. Он мог незначительно нарушить окаменение догмы, расшатать её, мог заставить её звучать более или менее явно в унисон с современным ему реальным миром, мог, наоборот, укрыть себя в собственном произведении с помощью системы диссонансов, едва ощутимых и тем не менее имеющихся там разладов, в интерпретации которых мы можем сегодня совершенно ошибаться, поскольку то, что в каких-либо фигурах раннеготических святых мы воспринимаем как преднамеренное, даже юмористическое, отнюдь не обязательно было таковым для живших в то время людей. (556)

Эпоха миновала, здание метафизического рабства рухнуло под ударами технической цивилизации, и художник оказался ужасающе свободным. Вместо декалога тем – бесконечность мира, вместо откровения – поиски, вместо наказа – выбор. Возникают эволюционные ряды: произведение буквальное, произведение, едва намеченное, каменное обобщение тела, геометрический намёк на него, фрагмент, обрубок, руина торса или головы; наконец, некто, копаясь в высохшем русле реки, выбирает из миллиарда окружающих камней один из-за его особой формы и несёт на выставку. Обработка не обязательна, коль достаточно отбора. Таким образом, словно бы неумышленно – от случайности как Всеведущего Провидения переходят к случайности как статистической теории, слепому клокотанию сил, обрабатывающих камни в речном потоке, от сознательного созидания – к созиданию наобум, от необходимости к случайности. (557)

Не только художник страдает от избытка свободы; потребители не в лучшем положении. Начинается своеобразная игра между художественным предложением и потребительским спросом или отвержением. Над мировой шахматной доской подобных игр возвышается отгоняемый пассажами знатоков и специалистов, до муки наскучивший демон всеобщей неуверенности. Известный художник выставляет на обозрение шесть абсолютно чёрных полотен; что это – скверная острота, вызов или дозволенная шутка? Холодильник без дверцы, на велосипедных колёсах, раскрашенный в полоску, это что, можно? Стул, пробитый насквозь тремя ножками, – и так тоже можно? Но что значат подобные вопросы; коль это выставляют, коль есть зрители, и покупатели, и критики-апологеты, стало быть, через несколько лет всё это будет изложено в учебниках по истории искусства как уже пройденный, неизбежный этап. Однако неуверенность продолжает существовать, поэтому произведения не называют по имени, а каждое из них снабжают калиткой интерпретационного отступления: это, говорят нам, поиски, новые опыты, эксперименты. Будущий историк искусства двадцатого века сможет не без удовольствия отметить, что наш, для него уже архаический, период не создавал почти никаких произведений, а лишь одни заявки на них. (558)

Скверно, если булку, речной голыш и дверцу от печки можно путать с произведениями искусства. Скверно, если увеличенную микрофотографию кристаллического шлифа, либо подкрашенный препарат живой ткани, либо рассматриваемую через электронный микроскоп колонию вирусов, опылённую ионами серебра, можно выставить на равных среди абстрактных полотен. Это вовсе не значит, что мне не нравятся абстрактные художественные композиции; наоборот, оне бывают прелестны, но ещё более оригинальные можно отыскать среди лабораторных препаратов или на почерневших участках коры в лесу, которые выткала своей белесой биологической вязью какая-нибудь плесень. (559)

Несчастье современного искусства отнюдь не в том, что оно надуманно; напротив: мёртвая и живая природа кишит подобными «абстрактными композициями», оне знакомы микробиологу, геологу, математику, оне содержатся в псевдометаморфозах старых диабазов, в микроструктуре амёб, в путанице жилок на листьях, в облаках, в форме выветрившихся скал-одинцов; мастерами и предшественниками в этой области являются великие ваятели – уничтожители и созидатели одновременно: энтропия и энтальпия; тот же, кто не хочет с ними соревноваться (поняв – а это, кстати, понимают немногие, – что в конце концов проиграет), а

ищет спасения в возвращении к сладостной дикости пещер, прячется в ребёнке, в примитиве, – тот только попусту тратит время, ибо неандерталец и ребёнок действовали и раньше его и оригинальнее. (560)

Современный художник пытается стать ребёнком в самом сердце цивилизации, в ребёнке – отыскать избавительные ограничения. Ибо только он, ребёнок, не ведает сомнений, ничего не знает о потопе условностей, только его игры ещё остаются до смешного серьёзными. Но найдёт ли ищущий то, что пытается отыскать, скрывшись в ребёнке от бездны чрезмерных свобод? Художник жаждет вернуться к прначалу, туда, где труд был одновременно и игрой и творческим актом, где труд являлся и самовознаграждением, вне себя бессмысленным, самослужебным. Но несчастный художник, ищущий ограничений в ребёнке, в нём не умещается. (561)

Бытие, предназначенное нам для жилья, меблировано так, что, невзирая на любые усовершенствования, человеку не может грозить «головокружение от успехов». (562)

Уже и сейчас материализованные творения разума в своём большинстве потворствуют бездумному сибаритству. Мудро устроенный телевизор тиражирует всякую чушь; чудесные средства передвижения позволяют недоумкам под видом туризма наклюкаться не в своей родной забегаловке, а рядом с собором Святого Петра. (563)

И вторжение техники в человеческие тела наверняка сведётся к тому, чтобы до предела расширить гамму чувственных наслаждений и кроме секса, наркотиков, кулинарных изысков испробовать новые, ещё не изведанные разновидности чувственных возбудителей и переживаний. (564)

Два чувства не покидают меня никогда: удивления и одновременно иронии. И происходит это, я думаю, потому, что тем признаком этого мира, который повсюду бросается мне в глаза, является его условность. Условны не только формы машин и обычаи людей, но также и наш облик. Всё могло бы выглядеть иначе, быть иначе построено, иначе действовать и не стало бы от этого ни лучше, ни хуже. (565)

Хорошие книги всегда правдивы, даже если речь в них о том, чего никогда не было и не будет. (566)

Писатель по его истинной природе – как художник – это человек, который не потому избегает заимствований чужих творческих методов, что не в состоянии перенять или «присвоить» их исходные принципы, а потому, что он не хочет этого делать. (567)

Определённо, авторы книжек для детей сами не ведают, что творят, не представляют себе, каким легковоспламеняющимся – правда, лишь психически – материалом жонглируют. Им кажется, что они рассказывают поучительную историю, а между тем во время чтения она превращается в загадку или в запутанную драму; стремясь рассмешить, они учат мистическим тайнам. Они складывают ямбы, а в какой-нибудь семилетней голове эти ямбы трансформируются в возвышенный гекзаметр. (568)

Иногда ребёнок скажет что-нибудь такое, чего не придумает и гениальный поэт. Такие удивительные находки ребёнок сам оценить не может. Ему всё равно: блестящие находки или ничего не значащие пустяки. (569)

Авторы, стремясь превратить плоды своих усилий в семантические калейдоскопы, начинают изъясняться всё менее внятно, выражая свои замыслы не то что полунамёками, а уж какими-то четвертьнамёками. (570)

Когда я пишу, то не думаю о результатах работы. Ведь когда человек дышит, он не думает о каждом своём вдохе, о том, что необходимо поддерживать ритм вдохов и выдохов. Это происходит автоматически. (571)

Когда я пишу книгу, то упорядочиваю в ней свои знания наиболее стройным образом. Поэтому, хочу я этого или нет, мои книги получаются как бы умнее меня самого. (572)

Уходя от автора, герои начинают жить собственной, как бы независимой жизнью. (573)

Сведённые к первоначальным мотивам человеческие поступки становятся набором тривиальностей; благоразумие и чувство меры, а также утончённость анализа состоят в том, чтобы поперечное сечение и фиксация производились в месте максимальной сложности, а не истоков. (574)

Нередко, по прочтении иной книги с весьма звучным заглавием, вдруг замечаешь, что знаешь меньше, чем до того, как открыл её. (575)

Когда издатель играет роль сутенёра, литератор – проститутки, а читатель – клиента публичного дома, вы, осознав это положение вещей, чувствуете нравственную дурноту. (576)

Если талант, лишённый поддержки интеллекта, в литературном произведении временами ещё может нас взволновать, то интеллект, лишённый таланта, навевает в беллетристике только скуку. (577)

Безответственное описание всего, что фантазия заставляет перо зарегистрировать, по моему убеждению, недостойно писателя. (578)

Если в культуре и существует прогресс, то прежде всего интеллектуальный, а интеллектуальных проблем литература, особенно фантастическая, не касается. (579)

Фантастика – это литература проблем человека и науки, литература о будущем. И если люди читают фантастику, то, значит, они смотрят вперёд, значит, связывают свою судьбу с судьбами науки. (580)

Наш быт заставлен продукцией техники и науки. Но помыслы человека идут ведь дальше быта, к миражам будущего. (581)

Воображение человека всегда жаждало чудесного. Но современный человек – реалист, чудесного он ждёт не от нарушений законов природы, а от их логического продолжения. (582)

Всё больше и больше людей начинают понимать, что приключения развивающегося интеллекта относятся к числу самых острых полнокровных приключений. (583)

Каждое научное открытие – это своеобразный детектив, приносящий учёному острые минуты мучений, поиска, а затем мощный поток радости. (584)

Фантастика вводит читателя в мир самого острого из приключений – интеллектуального. (585)

Мемуаристы обычно решаются на предельную искренность, если считают, что могут рассказать о себе нечто неслыханно важное. (586)

У прессы, известное дело, извечное стремление выжать кричащими заголовками максимум сенсации из любого происшествия. (587)

Читать газеты не сразу, а несколько недель погодя, когда оне «отлежатся», привычка разумная. (588)

Человек в состоянии овладеть только тем, что может понять, а понять он может только то, что выражено словами. Не выраженное словами ему недоступно. (589)

Нередко опасения наши остаются как бы бесплотной, призрачной тенью, пока не выговоришь их вслух. (590)

Каждая фраза что-то означает, даже и вне контекста, но в контексте она вступает в сцепление с другими, предыдущими и последующими. Из этого взаимопроникновения, наслаивания и нарастающей фокусировки значений и возникает произведение, т.е. запечатлённая во времени мысль. (591)

Истинное произведение искусства обладает той внутренней, чисто математической гармонией, которую в величественном соборе может уловить даже тот, кто не понимает его назначения, не знает ни законов статики, ни архитектурных канонов, ни стилей, воплощённых в формы собора. (592)

Бывает иногда, что в каком-нибудь старом, затасканном слове вдруг открывается пропасть, куда можно заглянуть. Так однажды я постиг слово «никогда». (593)

На глупые вопросы нет умных ответов. (594)

Человек – это существо, которое охотнее всего говорит о том, о чём меньше всего знает. (595)

Общеизвестно, что никто не отличается таким многословием и болтливостью как любого рода специалисты и врачи, когда им самим абсолютно ничего не понятно. (596)

Очищенная от скорлупы профессиональных терминов, любая проблема выглядит просто. (597)

Язык настолько же мудрее любого из нас, насколько наше тело лучше нас самих ориентируется во всех деталях протекающего в нём жизненного процесса. (598)

Уметь, не говоря ничего, сказать и сделать всё, что хочешь. (599)

Весь мир можно выразить молчанием. (600)

Благоразумно помалкивай – и будешь казаться всеведущим. (601)

Есть вещи, говорить о которых не повернётся язык, и тем не менее существует такая невыносимая порода людей, которые раскрывают душу без всяких ограничений и тормозов. (602)

Тем, кто не понимает нас, мы не можем принести благой вести. (603)

Тактичный человек не пускается с людьми в разговоры наподобие тех, что белый ведёт с туземцами. (604)

Поносить своего оппонента, не излагая его взглядов, а лишь вешая на него дохлых собак – прекрасный образец политической риторики. (605)

Поистине плачевна судьба человека, который познал всё на свете и для которого любая речь звучит пусто, словно кувшин надтреснутый. Он хочет, чтоб его удивили, а на него наводят скуку; ищет потрясений, а слышит глупую болтовню; жаждет необычайного, а получает грубую лесть. (606)

Нет шифра, который невозможно раскрыть, и нет кода, настолько тайного, чтобы никто не смог корыстно воспользоваться им в своих собственных интересах. Об этом свидетельствует история компьютерных преступлений. (607)

Архитектор подчиняет форму и устройство здания своему творческому замыслу. (608)

Настоящий кельнер выглядит как дирижёр филармонии. (609)

Голод скорее подталкивает к нетривиальным решениям и вызывает некоторое безразличие к внешним событиям. (610)

Человека в безвыходном положении охватывает апатия, отупение, однако достаточно малейшего проблеска надежды – и силы возрастают в сотни раз, все органы чувств обостряются до крайности, и он обращается в сплошной напряжённый мускул, чтобы в бешеном усилии спасти свою жизнь. (611)

Чем выше твоё положение в обществе, тем меньше ты ощущаешь беды своей эпохи, катаясь как сыр в масле, однако для аристократки неприглашение на придворный бал будет таким же несчастьем, как для бедной поселянки – отсутствие хлеба для детей. (612)

Средства массовой коммуникации формируют характер общества, разделённого на две половины: бедная половина бедствует, а богатая смотрит на эти страдания по телевизору, сочувствуя им издалека. Известно даже, что так продолжаться не может, однако всё-таки продолжается. (613)

Зависть низов, поддержанная идеализмом реформаторов, подталкивает историю к эгалитаризму, который приносит больше разочарований, чем радости, поскольку и в обществе равных кажется, что лучше всего живётся другим. (614)

Отсутствие нужды – ещё не блаженство. (615)

Богатство представляется заманчивой целью лишь потому, что ещё не достигнуто. (616)

Необходимо помнить, что устранение нужды немедленно ведёт к непомерному росту аппетитов и угрожает волнениями более опасными, чем при нищете. (617)

Вседоступность благ и утех – это большая проблема. Что задаром даётся, не ставится ни в грош. Блаженное ничегонеделание приводит слишком многих в отчаяние, и уже начинают подумывать, как бы сделать жизнь потруднее. (618)

От избытка красоты рвутся брачные узы, излишний разум ведёт к одиночеству, а богатство – к безумию. (619)

Желанное благосостояние вызывает нежелательные последствия. (620)

Только маленьким детям кажется, что было бы чудно жить на горе из чистого шоколада. Насыщение кончается болью в желудке. И на вершине всеобщего благоденствия возрождается состояние всеобщей угрозы. (621)

Благоденствие хуже нужды допекает, ежели через край. (622)

Благоденствие оглупляет, оно порождает насилие, вытекающее из отчаяния, – на смену убожеству нищеты приходит убожество разнузданности. (623)

Что легко даётся, дёшево ценится. Если у тебя восемнадцать костюмов, может, и приятно ежедневно менять их, но от десяти миллионов костюмов одни только хлопоты. (624)

Количество заветных желаний обратно пропорционально количеству имеющихся у человека платёжных средств. Тот, у кого есть всё, не в состоянии уже мечтать ни о чём. (625)

О, человеческое убожество, вечные метания между недостатком и избытком. (626)

Чувство радости, вытекающей из самого факта обладания каким-либо предметом, бессмысленно и нелепо. (627)

Ещё древние говорили: если не хотите попасть под власть вещей, не имейте их. (628)

Чем больше комфорта, тем больше мучений и даже духовных унижений: ты чувствуешь, что не дорос до такого богатства возможностей, словно стоишь с чайной ложечкой перед океаном. (629)

Нанимая слугу, в его жалованье включают – кроме платы за труд – плату за почтение, положенное хозяину. Нанимая адвоката, кроме юридической помощи, приобретают ощущение безопасности. (630)

Через компьютер можно выбрать супруга – но не его поведение после свадьбы. Можно, если денег хватает, купить яхту, дворец, остров – но не события, лелеемые в мечтах: нельзя за деньги блеснуть героизмом или умом, спасти от смертельной опасности прелестное существо. (631)

Доброжелательность, искреннюю симпатию, преданность не купишь. О том, что тоска как раз по таким бескорыстным чувствам преследует всесильных владык и богачей, свидетельствуют бесчисленные рассказы этих страдальцев, обречённых на душевную изоляцию. (632)

Человеческие связи и отношения, которые нам дороже всего, остаются вне сферы платных услуг. (633)

Люди готовы платить за видимость заботливого участия и человеческого тепла, ставших обязательной частью упаковки услуг в любой области жизни. (634)

С помощью материальных благ людей можно склонить к тому, что запланирует щедрый хозяин, лишь бы он сам был достаточно твёрдым и последовательным в соблюдении единожды установленных порядков. (635)

Автомобиль – гипертрофированный отпечаток личности владельца. (636)

Ничто так не утешает в случае неприятностей, как деньги. (637)

Я не падок на всякую мелочь, но золото я люблю, особенно в изрядных количествах, и не стыжусь в этом признаться! (638)

Десять центов по отношению к доллару – не то же самое, что миллион по отношению к десяти миллионам. (639)

Дело известное, едва наступает срок платежа, как всяким учтивостям, церемониям да экивокам приходит конец и начинаются хлопоты, которые часто не дают ничего, кроме шишек. (640)

Большой бизнес – понастоящему большой! – не просто удовлетворяет потребности, но создаёт их. (641)

Бороться с тёмными силами в человеке гораздо труднее, чем совершить межпланетное путешествие. (642)

Человек может оказаться жестоким по своей безграничной наивности. Он в состоянии делать несчастными всех, потому что не хочет обижать никого. (643)

Обычно мы не лезем из кожи, стараясь творить добро, ведь принуждение противно природе добра, но делать что-то назло другим люди готовы без удержу. (644)

Минимум добра равняется всего лишь полному отсутствию зла, а максимум – это полное счастье. (645)

Избыток добродетели ведёт к победе сил зла. (646)

Эрозия дружелюбия, привязанности, уважения, любви совершается понемногу, не за одно и не за два поколения. (647)

Сочувствие не слишком вместительно и не слишком растяжимо. Оно хорошо, пока речь идёт о единицах, и бессильно, когда дело касается массы. (648)

Животное приковано к своему «здесь» и «сейчас» всеми своими чувствами, а человек способен отвлечься от этого, вспоминать, сочувствовать другим, представлять себе их состояние, их чувства... Только это, к счастью, неправда. В попытках такого перевоплощения мы воображаем – смутно, туманно – только себя. Что стало бы с нами, умей мы на самом деле сочувствовать другим, переживать в точности то же, что они, страдать вместо них? (649)

Если абсолютная власть развращает абсолютно, то совершенная доброжелательность обращает человека в совершенное ничто. (650)

Ангельских намерений нельзя доказать, пока они остаются только намерениями. Зло же можно доказать нанесением вреда. (651)

Счастье и блаженство – это, конечно, прекрасно, но не за чужой счёт! Не из зла вытекающие. (652)

Сказав: «Не делай другому того, что тебе самому немило», можно ничего не добавлять: каждый интуитивно знает, что ему немило. (653)

Каждый до конца должен поступать по совести, будь то в драме жизни или в её трагифарсе, потому что никто не режиссирует свою жизнь и не учит заранее свою роль, как актёр. (654)

Лишь существо, по природе злое, может понять, какую оно обретает свободу, творя добро. (655)

О, если бы мы могли всегда, во всех случаях жизни слушаться голоса своей совести! А остальное, мой друг, доскажет молчание. (656)

Бесплодных чувств не бывает. Неудачи, страдания, огорчения необходимы. Это не фраза, не похвала страданию. Преодолевая трудности, мы совершенствуемся. (657)

Нет такой муки, которую нельзя ещё больше углубить. (658)

Невозможно с достоинством и изяществом кричать от боли, и от наслаждения – тоже. (659)

Статистика – лишь рациональный суррогат демонологии. (660)

Смех – предвестник бунта и освобождения. (661)

Недобрый, плутоватый юмор рождается в школах, казармах и на палубах кораблей. (662)

Смех может быть протестом едва ли не более действенным, чем самоубийство. (663)

Если марсианину доступно чувство юмора, то ему мог бы показаться смешным вид курящего человека или пожирающего какую-то падаль, залитую вдобавок её соусом и сваренную в грязной воде. (664)

Самое невыгодное занятие на свете – это если за минутное удовольствие от съеденной шоколадки вам пришлось бы целый месяц мучиться животом. (665)

Нигде бессонница не мучит с таким упорством, как во сне, ведь очень трудно заснуть, если уже спишь. (666)

Нынешняя медицина ещё напоминает такого монтёра, который исправляет приёмник, начиная его встряхивать. Только иногда, и очень редко, такие встряски бывают полезны. (667)

Каждому в конце концов хоть что-то известно о своём организме, это не научные знания, они приобретаются в результате опыта, самонаблюдений. Ведь мы используем свой организм, живём в нём, что и даёт возможности для наблюдения. (668)

Сложная машина тела, давая духу пристанище, часто духу и мешает. (669)

Замковый камень, вынутый из арки, из-под тяжести, которую он предназначен нести, становится просто камнем, – вот пример нелокальности в архитектуре. (670)

Как ни сражается со своей плотью бедняга гомо, он так и не находит подходящего способа примириться с ней, а довольствуется суррогатами и иллюзиями, увязая в трясине самообмана. (671)

Человек чувствует себя соответственно состоянию его кожи. Поэтому в нашем мире цивилизация начинается с проточной воды. (672)

Что сказать о спортивных рекордах? Границы физических возможностей человека уже достигнуты, и устанавливать новые рекорды может только человек, по силе или скорости уже ненормальный, какое-нибудь чудовище. (673)

Живущие мучат, губят и убивают живущих, а следовательно, не мир – к ним, но сами они друг к другу неблагосклонны. Но и тот, кого не убили, умирает, убитый собственным телом, которое есть часть мира, ибо чего же ещё? А значит, мир несправедлив к жизни. (674)

Есть люди, словно предназначенные для одного какого-то возраста. Один, например, задуман могучим старцем, и, кажется, он поспешно стремится к этой своей истинной форме, зная, что не только не утратит своей энергии, но, напротив, придаст ей библейский облик и станет выше всех подозрений в слабости. А есть люди, на всю жизнь сохраняющие черты периода созревания. (675)

Наивная молодость острых ощущений всегда ищет в том, что меньше всего доступно. (676)

Юность считает правилом игры – нет, её основой – свою неизменяемость: я был инфантильным, недоразвитым, но теперь-то я уже понастоящему стал собой и таким останусь навсегда. Это абсурдное представление в сущности является основой человеческого бытия. Когда обнаруживаешь его безосновательность, сначала испытываешь скорее изумление, чем испуг. Возмущаешься так искренне, будто прозрел и понял, что игра, в которую тебя втянули, жульническая и что всё должно было идти совсем иначе. (677)

Мы стареем, подетски отказываясь согласиться с тем, на что совсем не требуется нашего согласия, сопротивляемся там, где нет места ни спорам, ни борьбе, – тем более борьбе фальшивой. (678)

«Полоса тени» – это ещё не преддверие смерти, но в некоторых отношениях период даже более трудный, ибо здесь уже видишь, что у тебя не осталось неиспробованных шансов. Иными словами, настоящее уже не является преддверием, предисловием, залом ожидания, трамплином великих надежд – ситуация незаметно изменилась. То, что ты считал подготовкой, обернулось окончательной реальностью; предисловие к жизни оказалось подлинным смыслом бытия; надежды – несбыточными фантазиями; всё необязательное, предварительное, временное, какое ни на есть – единственным содержанием. Что не исполнилось, то наверняка уже не исполнится; нужно с этим примириться молча, без страха и, если удастся, без отчаяния. (679)

Как известно, единственный способ не стариться – это умереть; таким выводом и заканчиваются обычно поиски вечной молодости. (680)

«Скоро стану стариком», подумал я и так удивился, словно сказал себе, что скоро стану коровой. (681)

Тот, кто начинает жить, сам себе часто вредит по неопытности, а кто заканчивает жизнь, тот уже точно знает, что к чему и почему, но уже поздно что-либо исправлять. (682)

Суть старости в том, что приобретаешь опыт, которым нельзя воспользоваться. (683)

Осознать, что всё уже позади, понять это так внезапно и с такой неумолимостью – это больше чем поражение, это насмешка над взлётом, который ему предшествовал. (684)

Абсурдность – это лишь та точка, в которой сходятся пути, различные по своему характеру. (685)

Злые языки утверждают, что теология привлекает умы не самого высокого полёта, в отличие от философии, ведь в первой окончательный результат исследования известен заранее, а во второй выступает как абсолютная, никем не предустановленная загадка. (686)

Это правда, что слова «credo, quia absurdum est» вырвала из уст человека спокойная абсолютность веры. (687)

Нет преступления столь изощрённого, которое не было бы совершено из страха Божьего. (688)

Вера, как известно горами движет, а трупами и подавно. (689)

До тех пор, пока существует вера, её приверженцы и не хотят и не могут о ней говорить, её принимают без доказательств, так же, как, например, наличие уха или ноги. (690)

Нельзя уверовать только потому, что этого хочешь! (691)

Вера возникает не из материальной нужды, но из надежды на то, что этот мир – всё же не весь мир, что в нём или над ним существует То или Тот, к кому можно воззвать, кого можно будет увидеть лицом к лицу после смерти – если уж не при жизни. Словом, вера – это уловка отчаяния, т.е. надежды, рождённой отчаянием, ибо в полном отчаянье и без крупицы надежды жить нельзя, – жить если не ради себя, то хоть ради других. (692)

Религии, которые мы исповедуем в ходе жизни, со временем сходят на нет, их храмы приходят в запустение, но сброшенные с пьедесталов предметы вчерашнего культа нельзя презирать или относиться к ним со снисходительной иронией. (693)

Тому, кто отвергает сознательно творящую первопричину, будь то в облике Провидения или в облике Сатаны, остаётся лишь рациональный суррогат демонологии – статистика. (694)

Необходимо, чтобы в тебе было хоть немного веры. Хотя лучше, чтобы она была и в тебе, и в других. Только тогда можно что-либо совершить. (695)

Обращать неверующих – значит передавать информацию, заставляющую уверовать. (696)

Бесцельность зла – единственная опора, которую находит в нас богословская аргументация. (697)

Если мир действительно сотворён, необходимый для этого уровень знаний несовместим с туповатыми шутками. (698)

Нет и не может быть идеально мудрого зла. Разум говорит мне, что Творец не может быть мелким пакостником, иллюзионистом, который подсмеивается над тем, что творит. (699)

Христианство было «мутацией» иудаизма – религии замкнутой, религии избранных. Иудаизм – если смотреть на него как на изобретение – был чем-то вроде Евклидовой геометрии; достаточно задуматься над его исходными аксиомами, чтобы, расширив область их значимости, прийти к доктрине более универсальной, которая «избранными» считает всех людей вообще. (700)

Мир – это материал, который Господь обработал и отдал во владение людям, чтобы те воспользовались им с наибольшей для себя пользой. (701)

Люди – часть творения, а стало быть, их самопеределка в погоне за совершенством угодна Богу. (702)

В сфере христианской культуры новая эра, датируемая рождением Христа, была сплошным ожиданием конца света и Страшного Суда. Причём первые христианские общины ждали этого конца с минуты на минуту, а более поздние – с растущим опережением во времени, пока наконец Страшный Суд не отодвинулся куда-то в неведомое грядущее. (703)

Христианство пренебрегает земной жизнью, считая её залом ожидания или просцениумом *того света*, о котором, как ни толкуй, ничего не известно с такой достоверностью как об *этом свете*, а ведь создал его Господь, так что трудно представить себе веру более странную, нежели вера, усматривающая в Творении Божьем времянку, подлежащую сносу на Страшном Суде. (704)

Подобие сотворённых своему творцу – главное условие удачного творения. (705)

Существа, совершенно отличные от Творца, для Него совершенно непроницаемы и непостижимы. Я считаю, что это первый закон творения миров, его неотделимая антиномия. Либо мы сотворяем понятных нам, и тогда они должны быть богоподобными, либо создаём непохожих, судьбе которых не сможем даже сочувствовать, ибо она останется непроникаемой тайной. (706)

«По своему образу и подобию» Бог строил свои ожидания, но оказался неспособен миниатюризировать их до масштабов сотворяемого! Вечного огня ожидал он от искорки своего блеска! Отсюда его кажущаяся эксцентричность, мнимые Божьи чудачества, впечатление, что он какой-то шарлатан, чудак, маньяк, сутяга и крючкотвор, который и после смерти тянет сотворённых на судебные процессы, расследования и разбирательства во всех инстанциях долины Иосафата. (707)

Жаль, что нельзя возноситься, вмешиваться, мудрить, требовать, ругать, обласкивать, приводить в исполнение, рога обламывать, поливать серой и при этом петь себе дифирамбы устами сотворённых! (708)

Разум, постоянно погружённый в материю гуманитарного опыта, а стало быть, антропоцентричный, может в конце концов решить, что Творение – жутковатая шутка. (709)

Мировое зло в нашей теодицее – это не зло «в чистом виде», но зло, неустранимым образом сросшееся с сексом. Человек с незапамятных времён знал, вернее, смутно догадывался об этом, но не хотел признаваться себе самому и лишь открещивался от сознания «виноватости без вины» фразой об «испорченной в колыбели природе человека». (710)

Главной земной, посюсторонней проблемой, с которой имеет дело любая религия, является секс. Можно его почитать, т.е. сделать положительным центром вероучения, или отсечь его, обособить, как нечто безразличное, или провозгласить врагом. Последнее решение наиболее бескомпромиссно; оно-то и было избрано христианством. (711)

Вырождение культуры свело магические ритуалы до уровня парикмахерского искусства. (712)

Люди верят в то, во что хотят верить. Взять хотя бы расцвет астрологии. Астрономы (которые, рассуждая здраво, должны знать о звёздах больше, чем все остальные люди вместе взятые) утверждают, что звёздам на нас наплевать с их высокой колокольни, что это огромные сгустки раскалённого газа, вращающиеся от сотворения мира, и на нашу судьбу они влияют куда меньше, чем банановая кожура, на которой можно поскользнуться и сломать ногу. (713)

Кому ближние загубили нынешнюю жизнь, тот в виде компенсации должен якобы получить вечное блаженство. Однако завтрашняя колбаса вчерашнего голода не насытит, даже колбаса бесконечной длины. (714)

Упования достойно лишь божество, к которому не взывают. А если воззвать к нему, оно окажется ущербным – и бессильным. (715)

Не только имени Божия не следует упоминать всуе, но нельзя просить Всевышнего о чём бы то ни было. Можно лишь возносить Ему хвалу, да и то молча, без слов – в душе. А просить Его о чём-либо нельзя: это было бы проявлением либо детской наивности (в чём нет греха), либо недостаточной веры. (716)

Тому, кто сразу пребывает везде, и шагу ступить незачем. (717)

Тот, кто сотворил мир, не интересуется сиюминутностью; жизнь каждого существа вместе с неведомым будущим для Него открытая книга, ибо Господь пребывает вне времени. Его атрибут – непреходящая вечность. Он создал мир, вместе со всеми его звёздами и обитателями, т.е. призвал его к бытию таким, каким хотел его видеть, – каждую галактику и каждую пылинку. Поэтому было бы чем-то ребяческим или предосудительным требовать от Него любых изменений, поправок, услуг, вмешательства или невмешательства во благо личностей или групп. (718)

Попытки повлиять на волю Господню просьбой, молитвой и даже помышлением есть свидетельство веры слабой и неразумной, ведь они означают несогласие с промыслом Божьим и недоверие к Его милосердию. (719)

Напоминать Господу о себе – значит относиться к Нему как к заблокированной в час пик телефонной станции; молиться – всё равно что тыкать в розетку и стучать по аппарату, а горячо молиться – значит повышать внутренний голос до крика, чтобы тебя услышали. Всё это ставит под сомнение абсолютное, а значит, не могущее быть улучшенным Всеведение и Всемогущество Добра. (720)

Думать, будто Господь вечно смотрит в другую сторону, не туда, где находится просящий, могут только младенцы. Если же Он всё видит и обо всём ведает, незачем лезть Ему на глаза и добиваться Его внимания торжественными обетами и высочайшей концентрацией набожности: Господь способен всмотреться в нас куда глубже, чем мы сами с нашими молитвами и обетами. (721)

Служение другим и есть служение Богу, ибо тем самым исполняется замысел Творения, понимаемый как движение к совершенству. (722)

Каждая церковь считает себя исключительной хранительницей божественной истины, а все остальные вероучения – заблуждением. (723)

Господь не ограничивает ничьих поступков и помыслов. Пожелав наделить сотворённых наивысшей свободой, Творец как бы укрылся от них, и открыть Его можно только посредством размышлений о бытии. (724)

Что Бог существует, видно из космической всеобщности теогоний, а то, что Он не установил одного-единственного пути к Себе одним-единственным подлинным Откровением, но молчаливо соглашается на множество ведущих к Нему путей, следует из факта множественности вероучений. (725)

Кто верует, не ошибается, но ошибается тот, кто мнит себя обладателем единственной Возвещенной с Небес истины. (726)

Ребячеством было бы думать, будто Творец творил для того, чтобы творение с утра до вечера заискивало перед Ним, чтобы Его авансом обожали за то, что будет *там*, коли не по сердцу то, что делается *здесь*, – словно Он виртуоз, который взамен за истовое бисирование молитв готовит вечное бисирование жития после земного спектакля, словно свой лучший номер Он приберёг на потом, когда опустится гробовой занавес. (727)

Произведение больше говорит о творце, чем любой панегирик. Если внимательно приглядеться к миру, видно, что он сотворён в высшей степени скромно, даже анонимно. А разве Бог не в состоянии был поставить свой фирменный знак на каждой былинке? (728)

Бог затаил своё авторство так мастерски, как будто его вовсе не было. Разве это могло стать делом случая? Бог спрятался, потому что хотел спрятаться. Вот это мне нравится! Такую деликатность я уважаю. (729)

Можно ли осчастливить несуществующих? Весьма и весьма сомнительно. Ведь сперва надо доказать, что состояние небытия во всех отношениях хуже состояния бытия, даже не слишком приятного, а доказать это и невозможно, и невероятно. (730)

Думать о вечных вопросах большая часть человечества начинает лишь после визита к врачу, который на вопрос о диагнозе даёт уклончивые ответы. (731)

В неопрятности умирания чувствуется правда жизни. (732)

Самоубийство – не выход. (733)

Без смерти не было бы изменчивости. Без изменчивости не было бы эволюции. Без эволюции не было бы человека. (734)

Смерть придаёт бесценную стоимость каждой секунде, каждому дыханию; она – приказ нам напрячь все силы, чтобы мы смогли добиться как можно большего и передать завоёванное следующим поколениям; напоминание об ответственности за каждое наше действие, потому что сделанного нельзя ни изменить, ни забыть за такое короткое время, как жизнь. (735)

Ради бессмертия человеку понадобилось бы отказаться от самого ценного свойства – памяти; разве какой-либо мозг смог бы охватить весь гигантский объём воспоминаний, рождённых бесконечностью? Ему было бы нужно обладать холодной мудростью и безжалостным спокойствием богов, в которых верили древние. Но разве нашёлся бы такой безумец, который захотел бы стать богом, в то время как мог быть человеком? Кто захотел бы жить вечно, если его смерть может дать жизнь другим? (736)

Нельзя представить себе ничего худшего, чем приговор к вечному одиночеству. (737)

Люди не жаждут бессмертия. Они просто не хотят умирать. Они хотят жить. Хотят чувствовать землю под ногами, видеть облака над головой, любить других людей, быть с ними и думать о них. И ничего больше. Всё, что утверждалось сверх этого, – ложь... Бессознательная ложь. (738)

Благие старания о вечной жизни в этом мире могут привести лишь к тому, что улицы и дома станут ареной драк полоумных стариков и старух с перепуганными прохожими и домочадцами. (739)

Смертным бессмертие ни к чему. Очищенное от всяких опасностей и проблем существование теряет всякую ценность. Обычно это зовётся смертной скукой. (740)

Преддверием смерти является соблазнительное совершенство. (741)

Когда ты вот-вот должен умереть, всё окружающее видется так отчётливо и мир кажется особенно прекрасным. (742)

Когда человек умирает, с ним вместе умирает и то, что он пережил, и его будущее: все возможности, которым не было дано развиться, все чувства. (743)

Надо преодолеть расстояния, которые пришлось преодолеть нам, вынести всё, что выпало на нашу долю, пережить подобно нам эти бесконечные годы, чтобы понять как велико то, что объединяет нас, и как ничтожно то, что нас разъединяет. (744)

Насколько ложен и неразумен страх смерти – такого состояния, которое заслуживает скорее прославления! (745)

Не было ещё никого настолько слабого телом или духом, чтобы он не выдержал агонии и не смог умереть целиком, без остатка, до самого-самого конца. Так что она не заслуживает особого внимания, раз это сумеет сделать любой заморыш, осёл или негодяй. (746)

Более того, если она каждому по плечу (ты должен согласиться, что это так; по крайней мере я не слышал ни о ком, у кого не хватило бы сил на агонию), то лучше насладиться мыслью о всемилостивом небытии, которое простирается сразу же за её порогом. (747)

А поскольку после смерти невозможно мыслить, ибо смерть и мышление взаимно исключают друг друга, то когда же, как не при жизни, следует предусмотрительно и подробно представить себе все преимущества, удобства и удовольствия, какие сулит тебе смерть?! (748)

Меня снедает открытие столь же печальное, сколь несомненное: я понял, что, проведя всю жизнь в неустанных трудах, ничего великого мы не свершили. (749)

Даже звёзды стареют и угасают, а мы навеки остаёмся. (750)

* * *

Как обычно, то, что должно быть, как раз и не происходит. (25)

Соитие – это тот единственный акт, в котором переживание бытия выступает в чистом виде. (93)

Хвалить можно – скажем так – сверху вниз, но не снизу вверх Поэтому кто знает себе цену, похвал никогда не ценит. (248)

Обычно, при встрече с истиной, мы оказываемся не на высоте. (298)

Лучше иметь нуль информации, чем быть дезинформированным, поскольку это означает отрицательную информацию. (299)

Творческая сила, способность решать задачи знает свои приливы и отливы, в которых трудно дать отчёт даже себе самому. (391)

Не в привычках человечества чуткое отношение к гениям. (404)

Нет хороших ответов на плохо поставленные вопросы. (594)

Человек – это существо, которое охотнее всего рассуждает о том, в чём меньше всего разбирается. (595)

Материальное богатство лишь потому, что ещё не достигнуто, представляется заманчивой целью. (616)

Сочувствие – штука не очень ёмкая и не очень растяжимая. Оно хорошо, пока речь идёт о единицах, и оно беспомощно, когда дело коснётся массы. (648)

Суть старости в том, что обзаводишься опытом, которым нельзя воспользоваться. (683)

Нельзя представить себе ничего худшего, чем быть приговорённым к пустой, одинокой вечности. (737)

Люди не хотят жить вечно. Люди просто не хотят умирать. (738)

Неосознанное величие спит в каждом нормальном, доброжелательном человеческом сердце. (739)

И. Б. Л у к о д ь я н о в

(1913 – 1984 гг.)

Из упорядоченной информации, как птенец из яйца, вылупляется понимание. (1)

Мыслям, принявшим определённое направление, уже трудно свернуть в сторону. (2)

Любая цель, поставленная человеком, в принципе достижима при условии целесообразности. (3)

А что мы вообще знаем о земных недрах? Мы знаем, да и то прескверно, лишь тонкий слой бумаги, наклеенный на глобус. (4)

Как часто это бывает: имя заслоняет человека. (5)

Спешка ни к чему. Если каждый будет свою работу торопить – работа плакать будет. (6)

Герой – это человек, который легко забывает о себе, когда думает о других (7)

Эмоции – вещь зыбкая, поэтому не будем их касаться. (8)

Бывает ум головы и ум сердца. И при многих жизненных обстоятельствах второй предпочтительнее. (9)

Фотографии красавиц дороги тому, кто не боится отдавать дань вечному и нетленному идеалу красоты. (10)

Всё отцветает в мире – и деревья и женщины. Одно только море нетленно и вечно, потому что никто не может его выпить, даже всемогущее время. (11)

Выражение безмерной усталости на лице бывают у людей, которые уже ничего не ждут. (12)

Человек не должен знать своего часа. Это мешает жить. (13)

А. Л. Л ь в о в

(1927 г.р.)

То, что никогда не надоедает, человек готов делать всю жизнь без устали, и это и есть настоящая жизнь, потому что, когда тебя заставляют, это уже не жизнь. (1)

О важном нельзя забыть, важное не позволит забыть о себе. (2)

Ничего, кроме дела, ничего, кроме истины! (3)

В сущности, достаточно бывает посмотреть на вещи просто, чтобы оне и в самом деле стали простыми. Но до чего всё-таки трудно бывает смотреть на вещи просто! (4)

Умение просто видеть вещи, т.е. видеть их такими, каковы оне на самом деле, – это и есть мужество. (5)

Время исчезает, когда прошлое вытесняет настоящее, чтобы занять его место. (6)

Остаётся только удивляться той поразительной ловкости, с которой мысли, рождённые ритмом дня, овладевают мозгом. Как это унизительно, что человек до сих пор находится во власти ритмов, которые задаются извне и дезорганизуют мозг. В сущности, в этом главная причина недолговечности человека. (7)

Нужно знать меру устойчивости одарённости человека, иначе – она призрак. (8)

У жизни своя учебная программа. И своя бухгалтерия тоже. Целесообразность и справедливость она не всегда понимает так, как понимают их люди. (9)

Везде есть свои волчьи ямы, и, как обычно, виднее, разумеется, те, которые встречаются на твоём пути, а не те, которые могли бы встретиться. (10)

Увы, студенческая психология владеет человеком всю жизнь: ближайший экзамен – всегда самый трудный. (11)

Природа часто и неумеренно забавляется. Боюсь, парадоксы – это её истинное призвание, а банальные истины для неё – трудовая повинность. (12)

Наука – то прежде всего система, и в основе её – движение от простого к сложному. (13)

Но кто может указать подлинные границы истины? (14)

Подводит не наука, а невежество. (15)

Наука не религия, одной веры здесь бывает недостаточно. (16)

Правда – это информация о мире действительном, реальном; ложь – информация о мире вымышленном, несуществующем. Ложь в истории и философии – классический инвариант религии. (17)

Ложные знания всегда соседствуют с истинными, и не во власти человека сразу отделить одни от других. Вот тогда самое время обратиться к интуиции, которая, увы, не знает такой великолепной категории, как надёжность. (18)

Эксперимент – всегда риск. Всегда. (19)

Логика и опыт бывают так же беззастенчиво проницательны, как телепатия. (20)

Люди убеждены, будто домогаются истины, на самом же деле им нужно только одно – уверенность в своей правоте. (21)

У человека появляется мысль, и он эту мысль не проверяет, а изыскивает лишь подтверждение ей. Так никогда не станешь настоящим учёным. Учёный должен быть своим первым и беспощадным оппонентом. Первым и беспощадным. (22)

Ощущения опережают мысль, а нужно, чтобы они по меньшей мере были синхронны, и тогда предрассудков будет вдесятеро меньше. (23)

Человек все предметы сравнивает с собою, и только тогда он понастоящему постигает их размеры. (24)

Чорт возьми! Какая только чушь не прозябает в тебе, почтенный гомо сапиенс! (25)

Человек со странностями убеждён, что именно у него норма, а странности, или, точнее, аномалии, у всех прочих. Под прочими разумеются не только люди ближайшего окружения, но и вся та часть человеческого рода, которая имеет неосторожность отстаивать привычки, чуждые носителю «нормы». (26)

Женщины всегда категоричнее мужчин. Должно быть, потому у них и нервы крепче. И живут оне подольше. (27)

Школьная система во все века основывалась на абсурдной аксиоме: человек стандартен по существу своему. (28)

Педагогика ещё не стала наукой: педагогика попрежнему виснет на хвосте у очевидного. (29)

В конце концов, необычные ситуации самой своей сутью исключают предварительное распределение времени. (30)

Профессиональная уверенность даже необычным ситуациям придаёт оттенок заурядной будничности. (31)

Что такое, в сущности, лень? Если отбросить всякие нравственные приговоры, то лень – просто-напросто нежелание системы функционировать в заданном направлении. Но полноценное функционирование – естественное состояние всякой нормальной самоорганизующейся системы. (32)

Безупречный костюм – это безупречная самодисциплина. (33)

Попусту ковыряться в эмоциях – только ослаблять себя. (34)

Эксперимент над человеком без его ведома – насилие. (35)

Ещё недавно добровольное самоистязание – его называли тогда как-то иначе – считалось признаком высокого гражданского мужества, и, как это ни парадоксально, люди меньше всего интересовались при этом материальным кпд, заботясь лишь о так называемом нравственном кпд. (36)

Ещё ни одному человеку не удалось установить разницу между хвастовством и глупостью. (37)

Ошибиться может всякий: автомобиль на четырёх колёсах – и то опрокидывается. (38)

Для поэта ничто не существует вне эмоций. (39)

Эмоции лишь изредка проясняют мысль и почти всегда нелепо, кричаще расцвечивают её. Гнев, страх, ярость, злоба нужны были животному – они помогали ему мобилизоваться. А человеку разумному они только помеха, только вредный атавизм: коронароспазм разрушает систему. А гнев – это всегда спазм. (40)

Бояться чувства и при этом ещё бояться его словесного символа – это попросту нагромождать трусость на трусость. (41)

Робость порою делает человека ненужно жёлчным. (42)

Память о недавней твоей исключительности – нелёгкая память. (43)

Логика, избыточно окрашенная эмоциями, коварна. Не эгоизм управляет человеком, когда он ставит себя на место, другого, чтобы понять его страдания. Но это может стать эгоизмом, если руководствоваться не логикой, а исключительно заботами о безупречности своей совести. (44)

Демонстративное терпение красноречивее всякого откровенного нетерпения. (45)

Бывают жизнерадостные молодые люди, которые готовы выжимать юмор даже из железобетона. (46)

Строго говоря, шутка не очень серьёзное основание для душевного облегчения, но если у тебя сняли камень с сердца, стоит ли упорствовать и водружать его на прежнее место? (47)

Врач на то и врач, чтобы опекать больного, а если больной не чувствует этой опеки, у него появляются всякие мысли. Но каждому известно, что всякие мысли как раз и не нужны больному. (48)

Врач – не пациент, терпение для врача – не добродетель, а долг. (49)

Пустые размышления о смерти такая же чудовищная безнравственность, как употребление здоровыми людьми искусственных стимуляторов. (50)

Больные всегда немножечко не доверяют врачам. Полное доверие бывает только у людей, не знающих недомоганий. Но им не нужен врач. (51)

Даже в тяжёлых и самых тяжёлых болезнях случаются временные затишья, когда сама обречённость становится вроде бы условной категорией, реальный смысл которой целиком зависит от воли человека. (52)

Медики лучше других знают истинную цену всемогуществу медицины, хотя и уподобляются зачастую матери, которая считает себя вправе говорить какую угодно правду о своём чаде, но за другими признаёт это право скрепя сердце. (53)

Человек неизбежно забывает о незримом, которое к тому же не представляет никакой угрозы. (54)

Самостоятельное разрешение внутреннего конфликта – не только цель, но и важнейшее средство самовоспитания, основанного на самопознании. (55)

Человек не может всерьёз судить о том, чего не знает, не меля при этом вздора. (56)

Преждевременная зрелость – это нередко преждевременная грусть. (57)

Дети должны знать о своих отцах только правду, и тогда они будут лучше своих отцов. (58)

Неужели люди и впрямь не могут обходиться без идолов, кумиров, предводителей, авторитетов или, как их там ещё называют, отцов человечества и суперменов? (59)

Кто дал человеку право рисковать своими детьми? Обратите внимание, излюбленнейший мотив древних сказаний – это искупление, как правило, одной ценой: своими детьми. (60)

Дети – это самая дорогая цена, которую может заплатить человек, а за тайны, известные одним только богам, платить меньше нельзя. Потрясающий парадокс – смертью за бессмертие! (61)

Истинные жертвы не сыновья, а отцы. (62)

В путешествиях открывается энергия раскрепощения и обновления человеческого духа. (63)

Самое трудное – вовремя остановиться. (64)

Истинной вере – а истинной можно считать только пережитую веру – почти всегда предшествуют нравственные кризисы, в которых высвобождается грандиозная энергия обновления человека. (65)

Нет ничего страшнее небытия. Но разве так уж страшно это – небытие? (66)

Г. А. М а к с и м о в

Истинная свобода – это, прежде всего, свобода распоряжаться своей жизнью. (1)

Кто борется за ложную гуманность, неизбежно бросает вызов гуманности истинной. (2)

У тех, кто не умеет глядеть в будущее, своя особая, мелкая правда, правда трусов. Она не заявляет о себе громко и во всеуслышание, она вползает в уши робким шёпотом, она обряжается в прозрачные одежды намёков, она отступает и прячется, стоит вам сделать попытку рассмотреть её поближе. (3)

Это страшно – день за днём разуверяться в себе. Это всё равно что идти к пропасти с завязанными глазами. (4)

Когда нет свободы жить, появляется свобода умирать. Ложь – вместо надежды, исповедь – вместо пищи, равнодушие – вместо ненависти. (5)

В. И. М а л о в

(1947 г.р.)

Подчёркнутая невозмутимость смущает разгорячившихся противников куда сильнее, чем если бы ты принимался спорить с ними до хрипоты. (1)

С течением времени взгляды твои меняются, в них появляется что-то новое, на одни и те же события смотришь поиному. (2)

Человек взрослеет не постепенно, просто в его жизни выдаются иногда такие дни, когда он сразу становится старше и не меняется до следующего такого же дня. (3)

Детство кончается в один день, и взрослым тоже становишься в течение одного дня. (4)

Понастоящему хорошая книга – *понастоящему* – может даже лечить людей вместо лекарств. Если ты заболел, иди не к врачу, а в библиотеку. (5)

Э. М а н о в

(1919 – 1982 гг.)

Невысказанная мысль, мысль, не дошедшая до других умов и не продолжившая там свою жизнь – такая мысль умирает. (1)

Нос, как известно, легко привыкает к определённому запаху и перестаёт его ощущать. Точно так же мозг привыкает к глупостям, которые слышит, и если не нарушать их поток умным словом, он быстро атрофируется. (2)

Разумное существо, которое не может остаться наедине с собой продолжительное время, является неполноценным. (3)

До тех пор, пока разум жив, он имеет право, он должен бороться за себя. (4)

Верьте в то, что кажется самым невероятным, и опасайтесь любой очевидности – ею легче всего прикрыть обман. (5)

Г. С. М а р т ы н о в

(1906 – 1983 гг.)

Очень непривлекательна станет жизнь, если всё, что нас окружает, всегда будет одно и то же. (1)

Чем лучше жизнь, тем больше возрастают потребности. И предела этим потребностям пока не видно. Да и вряд ли он может быть достигнут. (2)

Всё, что окружает человек, должно быть красиво. Это делает жизнь приятнее. А вкусы у людей разные. (3)

Как это прекрасно – осуществление мечты! (4)

Будущее скрыто от человека законом причинности. (5)

Случай в жизни играет значительную роль. Иногда он расстраивает планы людей, иногда им помогает. (6)

Однообразие и неизменный, изо дня в день повторяющийся режим скрадывают время. (7)

Чувству равнодушия к жизни неизбежно сопутствуют ослабление восприятия, апатия и постепенное отупление. (8)

Детям время всегда кажется медленнее, чем взрослым. (9)

Обратная дорога кажется короче только до середины. А затем она становится всё длиннее и длиннее. (10)

Человеку трудно отрешиться от укоренившихся понятий. Убеждения людей, вложенные годами предыдущей жизни, сразу не могут смениться другими, пусть даже более совершенными. (11)

Укоренившийся в сознании обычай – большая сила. (12)

Предрассудок – цепкая вещь. (13)

Нет врождённых пороков, врождённой ненависти и зла. Всё зависит от того, где и когда живёт человек, зависит от среды, формирующей его взгляды и характер. (14)

Проснувшийся разум не может мириться с насилием. (15)

Разумные существа всегда могут понять друг друга при наличии доброй воли к этому. Хотя иногда это бывает и нелегко. (16)

Общество, живущее дружной, сплочённой семьёй, достигшее высоких вершин науки и техники, уже непобедимо. (17)

Изменение отношений между людьми изменяет их взгляды на труд. (18)

Безделье утомляет иногда больше, чем работа. (19)

Если хочется сократить время ожидания, то ничто не помогает в этом так надёжно, как напряжённый труд. (20)

Физический труд – хороший отдых. (21)

Природа эксплуататоров всегда и всюду одинакова. (22)

Исчезновение борьбы за существование, конкуренции между людьми и прочих «прелестей» приводит к тому, что принцип «человек человеку – волк» естественно сменяется другим – «человек человеку – друг». (23)

Превосходство над другими состоит в том, что ты всегда и во всём думаешь о других, о том, чтобы не причинить другому малейшей неприятности. Пусть это входит у тебя в плоть и кровь, станет нормой поведения. (24)

Свободный человек формально может вести себя как хочет, ничто его не ограничивает. Но всегда и во всём он руководствуется велениями совести и общечеловеческой морали. (25)

Лучшим судьёй человека является он сам. Суд совести самый страшный и беспощадный, гораздо более суровый, чем суд других людей. (26)

Соединять приятное с полезным, – что может быть лучше? (27)

Всегда и во всём надо быть последовательным. (28)

Ничего не делать наполовину. Жизнь, целиком отданная идее, утраивает силы человека. (29)

Когда яблоко созревает, оно падает само. (30)

Дачная жизнь хороша тогда, когда можно проводить здесь весь день. (31)

Присутствие женской руки всегда угадывается в мелочах обстановки. (32)

Знать язык и не говорить на нём очень трудно. (33)

Желать – это ещё не значит иметь возможность выполнить желаемое. (34)

Никакого доказательства бесспорной истины не требуется. (35)

Нельзя спорить с истиной. (36)

То, что лучше, говорит само за себя. Если я сделал лучше, чем вы, то не можете же вы этого не признать. (37)

Упрямство до добра не доводит. (38)

Брюзжание – привилегия старости. (39)

Кутаться – это самый верный путь к простуде. (40)

Неизвестная опасность – самое неприятное испытание для психики. Самый храбрый человек невольно поддаётся смутному чувству страха. Что предпринять, если неизвестно, от чего надо защищаться? (41)

В природе не может существовать что-нибудь «неестественное». (42)

Законам природы нельзя противоречить. (43)

То, что совсем недавно казалось абсолютно невозможным, становится реальностью. И это общая судьба всего, что люди считают невозможным, забывая, что не все законы природы им известны! (44)

Простые мысли часто оказываются самыми трудными. (45)

Второй раз рассказывать легче. (46)

Нет границ, нет пределов дерзанию свободного человеческого ума. Нет границ познанию. (47)

Наука не занимается гаданием. (48)

Гипотезы и предположения, хотя и полезные для развития науки, не могут претендовать на достоверность. (49)

Любой факт можно объяснить с любой точки зрения. Но в совокупности они дают определённую картину, и её трудно объяснить, как нам вздумается. (50)

Открыть что-либо трудно, а объяснить уже открытое очень легко. (51)

Учёные по самой своей природе активны. (52)

Достижения технической мысли поражают воображение людей только первое время, пока они ещё новы и непривычны. Человек быстро приспосабливает своё сознание к новым условиям, и то, что совсем недавно казалось ему чудесным, становится обыденным. (53)

Научное любопытство – сильное чувство, и с ним трудно, почти невозможно бороться. Оно сделало человека тем, чем он был, оно всегда было свойством человека! (54)

Всё таинственное, загадочное, непонятное имеет какую-то притягательную силу для людей мыслящих. Учёный любой специальности прежде всего любопытен. Это хорошее, благородное любопытство, достойное человека. Оно источник радости, но и причина искренних и глубоких страданий, когда загадка не скоро поддаётся усилиям пытливой мысли. (55)

Странно устроен человек! Во всех уголках вселенной ему хочется поселить разумные существа, похожие на него самого. (56)

К мыслям о чужепланетниках, контактах с иным разумом, о посещениях других планет теперь привыкли. И не потому, что писатели-фантасты приучили молодёжь к этим мыслям. Оне навеяны всем ходом развития науки, началом космической эры в истории человечества, всем, что происходило и происходит на наших глазах. (57)

Не следует считать человека автоматом, не признавать за ним права на добровольный уход из жизни. Не признавать такого права – это в некотором роде трусость. (58)

Самоубийство никогда не может быть прекрасным. Никогда! За исключением одного-единственного случая, когда оно совершается для блага других. Но в этом случае надо говорить не о самоубийстве, а о самопожертвовании. (59)

Принуждение к самоубийству ничем не отличается от прямого убийства. История криминалистики знает много подобных случаев. (60)

Нет человека, который не боялся бы на войне. Инстинкт самосохранения заложен природой, и нужно что-то очень мощное, чтобы целиком преодолеть его, перестать ему подчиняться. (61)

Трусы всегда ищут оправдания своей трусости, вольно или невольно уменьшают свою вину в своих глазах. Совершённое ими, что бы это ни было, никогда не может послужить столь мощным толчком, чтобы инстинкт самосохранения исчез у таких людей. А вот у смелых может. Но только у действительно смелых. Таких, кто не подвержен страху за жизнь, затмевающему совесть. (62)

Бывают случаи, когда человек, убеждённый в правоте своего дела, вынужден жертвовать не только собой, но и другими, считая, что иного выхода нет. Цель, которую он перед собой ставит, оправдывает в его глазах его действия. (63)

Смерть – это грустный факт. Но, к сожалению, неизбежный и обязательный. Люди смертны, и тут ничего нельзя сделать. Когда умирает близкий человек – это большое горе для тех, кто его знал. Умирает нужный человечеству – это горе для всех. А когда умираешь сам – жалеешь, что мало успел сделать. (64)

Р. М е р л ь

(1908 – 2004 гг.)

Когда ты знаешь, куда идёшь, ты находишь формулу, а формула обладает магической силой оправдывать твои действия. (1)

За всякую лень приходится расплачиваться. (2)

Когда не спишь, минуты тянутся, а в остальное время оне пролетают так быстро, неделя за неделей, что стремительного полёта их не замечаешь. (3)

Человек, сам никогда не сидевший в тюрьме, даже не может себе представить, как там тянется время: совершенно невероятно. Дни кажутся неделями, недели – месяцами, а месяцы – годами. (4)

Время идёт, и минуты ожидания, бесполезные, мгновенно превращаются в пустоту. Такое ощущение, как будто жизнь, этот непрерывный полноводный поток эмоций, мыслей, проектов и опасений, внезапно замерла в каком-то пустом пространстве – вакуум без цвета и содержания. (5)

В психологии нет случайностей, а есть лишь бессознательные побуждения. (6)

Есть грань в осознании своего счастья, которую не следует переступать, если не хочешь его разрушить. (7)

На вершине жизни, даже когда удаётся её достигнуть, невозможно удержаться более секунды. Мы лишь переходим из одного состояния в другое: смеёмся, чтобы бежать от тоски, обладанием превозмогаем смех, нежностью излечиваемся от обладания – мгновение дикого счастья нельзя заставить остановиться, кто-то держит вас сзади за плечи и толкает вперёд: иди, иди, иди. (8)

Самое ценное для женщины качество – кротость, когда кротость не просто внешняя черта её характера, а когда женщина кротка в самой своей сущности, когда она создана из доброты. (9)

Женщина, от которой исходит очарование недоступности, поособенному привлекательна. (10)

В основе человеческой стыдливости преувеличение роли секса. (11)

Проблема некрасивой и одинокой девушки – это страшная проблема, и тем более страшная, что она никого не интересует. Некрасивая девушка так же, как и любая другая, мечтает об объятиях мужчины. (12)

Только женщина может найти слова, причиняющие огромную боль, сделать коварную стилистическую находку, которую потом никогда не забудешь. (13)

Улыбка на самом деле ничего не значит: можно постоянно улыбаться и быть мерзавцем. (14)

Из вежливости всегда позволяешь людям слишком многое, и они этим пользуются тебе же во вред. (15)

Не редкость, что слабый тиранит сильного, но в конце концов если бы сильный был понастоящему силён, он не позволил бы слабому себя тиранить. (16)

Будучи человеком, ты против своей воли остаёшься причастен к человеческому безумию и жестокости, даже когда ты борешься с ними. (17)

Личные эмоции и моральные запросы – такая роскошь, которую в этом мире может позволить себе не всякий. (18)

Старого понятия частной жизни больше не существует, мы живём в стеклянной клетке, наблюдаемые, анализируемые, препарируемые с неумолимой дотошностью. (19)

Шпионаж и донос – это две соски, которыми государство вскармливает свою интеллигенцию. (20)

Внутриведомственная конкуренция – золотое правило всякого шпионажа. (21)

В любой стране никогда не бывает *одной* тайной полиции, их всегда несколько, а иногда даже внутри каждой из них существуют кланы, борющиеся между собой. Полиции как змеи, – переплетаясь, оне всегда кончают тем, что жалят сами себя за хвост. (22)

Мало кто себе представляет, до какой степени консервативна преступная среда. (23)

На людей всегда производит впечатление, когда они видят человека, готового пойти в тюрьму ради идеи. (24)

В политике подозрение ещё не оружие. (25)

Когда конформизм возводится в тиранический закон, свобода совести попирается во имя свободы. (26)

Контракт – не что иное, как монумент бесчестности. (27)

Выборы не имеют значения. Они подтасованы в самой своей основе. Бороться надо за победу в общественном мнении. (28)

Человек, ставший миллионером, среди всего прочего понастоящему испытывает ощущение свободы. (29)

В индустриальном обществе деньги представляют собой единственную свободу, которая не остаётся чисто теоретической. (30)

Успех – это ряд преодолённых неудач. (31)

Чтобы добиться успеха при решении трудной задачи, надо сконцентрировать на ней все свои мысли и исключить всё другое. (32)

Человек, который остаётся внутренне цельным, не заботится о том впечатлении, какое он производит на окружающих. (33)

Кто сохраняет верность себе, кто позволяет себе смелость и бескорыстие, будет располагать и большими запасами духовной силы. (34)

Не забывай, что твоя известность тебя ни от чего не гарантирует. (35)

Зачастую больше мудрости и настоящего мужества в том, чтобы не отвечать на нападки. (36)

Хуже всего то, что люди, которые советуют другим приносить жертвы, сами почти никогда их не приносят. (37)

Есть люди, которые как бы владеют искусством всегда принимать сторону сильного. Эдакие рыцари со страхом и упрёком. (38)

Странно, что успех переводится тотчас же на язык денег и секса, т.е., по сути дела, на язык силы. Мы всё ещё живём в мире феодальных ощущений и понятий. (39)

С учёными надо быть начеку: они созданы из наблюдательности. (40)

Существо, исполненное чувства собственного достоинства, нельзя наказывать. Оно не приемлет наказания и сразу же порывает с вами всякие отношения. (41)

Крайний индивидуалист – это человек, которым невозможно манипулировать, который малонадёжен и весьма опасен, потому что его нельзя ни купить, ни запугать, ни просто переубедить. Он всегда будет делать то, что он решит делать по своему разумению, не позволяя сбить себя с пути и не взирая ни на грозящую ему опасность, ни на то, какой ценой придётся за это расплачиваться. (42)

Люди всегда немного лицемерят, когда дело касается денег, они принимают позы: одни позу бескорыстия, другие позу скупости. (43)

Есть разные способы ничего не делать. Можно быть весьма занятым, даже страстно увлечённым, и всё-таки ничего не делать. (44)

Человек становится банкиром для того, чтобы делать деньги из денег, а не для того, чтобы работать и заниматься делом. (45)

Единственное чистое дело – это бескорыстный поиск истины. (46)

Учёный считает себя свободным, потому что ищет истину, однако на самом деле он, сам того не подозревая, завербован, приручен, пленён. (47)

По-моему, никогда не будет хороших отношений между учёным и государством, никогда! Их точки зрения слишком различны: для учёного наука – это познание, а для государства – нечто совсем иное. (48)

Для государства наука – это путь к могуществу. Учёный для государства – всего лишь робот, которому оно платит, чтобы достигнуть этого могущества. А поскольку государство платит, оно и требует от робота полной покорности своим целям. (49)

Учёный должен думать о практическом применении его исследований, чтобы потом не пришлось сожалеть о них и раскаиваться. (50)

Часто бывает, что две истины возникают на основе одного факта. (51)

Гипотезы строить и нужно, и должно, не надо только выдавать их за аксиомы. Ведь если бы не выдвигали гипотез, то не производили бы и экспериментов по их проверке. (52)

«Модный», «устаревший» – эти понятия мне безразличны. Я не считаю моду решающим критерием ни в оценке явлений действительности, ни произведений искусства. (53)

Роман не диссертация. Он ставит проблемы. Но не даёт решений. (54)

В человеческой душе неизменно дремлет потребность в противоречии. (55)

К человеку, который прячется в крепости безмолвия, на самом-то деле совсем не просто подступиться. (56)

Очень скверно заранее ограничивать себя автоцензурой. Я более чем когда бы то ни было намерен говорить лишь то, что думаю. (57)

Я не хочу подвергать себя самоцензуре, я принимаю вызов всех этих шпиков и доносчиков. Ведь по замыслам государства они для того и существуют, чтобы мы незаметным образом сами себя кастрировали. (58)

Стоящий человек не боится спрашивать, если он чего-то не понял или чего-то не знает; невежда же всегда предпочтёт притвориться знающим. (59)

Человек ко всему привыкает, а привыкнув относится с юмором. (60)

Единственный способ не сойти с ума – это относиться к окружающей мерзости как к фарсу. (61)

Странно, как душевная боль уничтожает даже само желание, хотя любовь остаётся. Как видно, в страдании есть что-то ущербное, заставляющее вас ещё больше утрачивать самого себя, увечье, требующее всё новых и новых увечий. (62)

Какое глубокое заблуждение думать, будто страдание может быть каким-то магическим благом! Страдание – это поражение, паралич, унижение. Ничего хорошего никогда не было им порождено, над ним надо одержать победу! (63)

Я верю, что только счастье – и ничто другое – помогает человеку развернуться. Никто не убедит меня, будто в лишениях есть какая-то магическая доблесть. (64)

Стареть вообще не очень-то приятно, но стареть в шестьдесят или семьдесят лет без профессии, без ощущения, что ты работал, искал, развивался и сделал что-то важное и нужное... Нет, увольте. (65)

Каков критерий, чтобы определить удалась тебе твоя жизнь или нет? Слава? Но слава увенчивает и безголосых певцов, и бесталанных актёров, и глупых политиков, и учёных-шарлатанов. (66)

Если вы спросите меня, верю ли я в бессмертие души, я отвечу: «Дело не в том, чтобы верить, нужно знать». (67)

В. Д. М и х а й л о в

(1929 г.р.)

Наши представления о прошлом в значительной мере не опираются на опыт, а проистекают из легенд, нами же созданных. (1)

Факты плюс вымыслы. Плюс домыслы. Всё берётся в скобки и возводится в квадрат. Так возникает легенда. (2)

Родная земля – это не только территория. Это ещё и время. (3)

В мире нет неподвижных вещей. (4)

Как сделать то, что уже становится настоящим? Не бояться лишиться прошлого и потерять будущее. (5)

Конец одного есть начало другого. (6)

Если у человека спокойна совесть относительно прошлого, ему нечего бояться будущего, что бы его там ни ожидало. (7)

В конечном итоге каков вкус – таков человек. А от того, каков человек, зависит буквально всё на свете. (8)

Нытики – самая гнусная порода людей. (9)

Невнимание к судьбе своих товарищей – худшая форма эгоизма – не должно прощаться легко. (10)

Новые друзья не заменяют старых. (11)

Старые друзья уходят. И мало того: они ещё оставляют нерешённые задачи или даже выдвигают новые, уходя. (12)

Одиночество подчас бывает даже кстати, но иногда нужна хотя бы иллюзия общения с кем-то живым. (13)

Как мы тупы и равнодушны, и погружены в себя. В нашем мире мы безразлично проходим мимо сотен, тысяч лиц, даже не задерживаясь на них взглядом. А ведь каждое лицо – чудо. (14)

Скажем, я постиг всю мудрость мира. Для кого? Какой в этом смысл, если не узнают люди? Одному мне нужно так немного: быть среди людей. Жить и умереть среди них. Мне нравилось одиночество. Но оно хорошо на миг. Ведь и Робинзон умер бы от тоски, будь остров его целой планетой. (15)

Как мы ещё редко умеем любить людей, как часто забываем, что любовь и дружба, уважение – это не статические положения, а процессы. (16)

Одиночество хорошо на миг. С тоской по людям человек совладать не в силах. Что поделаешь, ведь человек сам есть плод любви двух людей, а не ненависти. (17)

Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется тоска. Но он разводит костёр, и одиночество отступает. И человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу. (18)

Огонь сродни человеку. Он течёт по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя; они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек – бродяга, он любит огонь ещё и за вечную изменчивость горячей судьбы. (19)

В критические минуты чувства у людей обостряются до предела. (20)

Раз уж сюрпризы начались, было бы неосторожным не ожидать продолжения. (21)

Плохой героизм – исправлять свои промахи, когда они уже угрожают людям. (22)

Награду не всегда получает достойный. (23)

Совершать подвиги легче, чем ждать, когда ждать нечего. (24)

Любопытство губило многих. Риск же хорош в пределах разумного. (25)

Бережёный убережётся. (26)

Если можно обойтись без жертв, лучше их не приносить. (27)

Трусость – от безделья. (28)

Человека характеризует и то, чего он хочет добиться. (29)

Иногда человек всю жизнь свою живёт только для одного часа, и даже меньше – ради одной минуты, но в эту минуту он нужен человечеству. (30)

Самые неожиданные открытия нередко делаются на пороге собственного дома. (31)

Очевидно, имеется во вселенной нечто такое, чего нет в наших программах. (32)

Человек не может винить себя в том, что чего-то ещё не знает: если бы он поступал так, человечество вечно чувствовало бы себя виноватым. (33)

Быть разумным – это тяжёлое счастье. (34)

Говорить о том главном, чего хочешь, легко лишь тогда, когда уверен в доброжелательном отношении слушателя. (35)

Не может быть мысли без чувства. (36)

Уж лучше не начинать таких разговоров, которые оканчиваются ничем. (37)

Не стоит говорить о том, что ясно и так. (38)

Кривить душой, однажды начав, становится всё легче. (39)

Недоверие – это логика слабейшей стороны. (40)

Существует целый ряд систематических ошибок, коренящихся именно в следовании неправильным представлениям о мире и жизни. (41)

Увидеть всё своими глазами? Как будто то, что глаза – свои, делает их безгрешными! (42)

Гипотезы нельзя принимать на веру. (43)

В принципе нельзя представить себе ничего такого, чем не смог бы овладеть человек. Если в природе есть вещи, для нас бесполезные, то это объясняется только низким уровнем наших знаний о природе. (44)

Что ни говори, к однозначному решению прийти нелегко. Особенно, если ты не готовился заранее. (45)

Полное крушение гипотезы не страшно, потому что на обломках рухнувшей поднимется новая идея. (46)

Не торопитесь с выводами и умейте ждать. (47)

Полагаю, что учёный по природе своей должен быть здоровым пессимистом. Потому что, зная невозможность достижения конечной цели – абсолютного знания, – он всё же делает всё возможное для постижения частностей. И конечно, исходит при этом из объективных данных. И занимается этим всю жизнь. (48)

Приступая к работе, я всегда предпочитаю думать, что результат будет достигнут. (49)

Разные вещи: решать абстрактную проблему – или вдруг оказаться перед неизбежностью её практического применения. (50)

Просто странно, как бывает нечего делать перед началом эксперимента. Наибездельнейшее время... (51)

Пока вся работа не сделана, отдыхать невозможно – это я давно знаю по себе. (52)

Не в обычае испытателей и экспериментаторов оставлять машину, пока есть возможность не делать этого. (53)

Опыт всё накапливается и накапливается, и к старости вдруг начинаешь понимать, что кое-чему ты и впрямь научился и кое-что действительно понял. Только всё меньше остаётся возможностей это использовать. (54)

Есть гипотезы, которые хорошо выдвигать в молодости. В молодости – когда есть время доказывать, уточнять, исследовать. (55)

В глубине души все мы в молодости – гении. Точнее, особенно в молодости. (56)

Увлечения свойственны молодости. (57)

Скромность и сдержанность в выражении чувств украшают юность, не говоря уже об остальных возрастах. (58)

Каждому хочется делать то, что понадобится завтра, и никому неохота заниматься тем, что потомки забудут навсегда. (59)

Каждому из нас всегда сопутствуют предки и потомки. Предки, живущие в памяти, и потомки, живущие в мечтах. И мы не можем представить себя без них, потому что не может быть человека без памяти и мечты. (60)

Всегда надо думать о будущих поколениях. Потому что подлость, сделанная сегодня и, казалось бы, похоронённая, неизбежно – хотя бы через сотню лет – даст ядовитые ростки. И кому-то придётся их выпалывать и жертвовать при этом жизнью. (61)

Предложение чудес на свете куда меньше спроса. (62)

Годы – ерунда, вздор. Люди умирают от разочарований, а не от времени. Ставьте себе меньше целей – и у возраста не будет власти над вами. Но «меньше целей» не значит «меньшие цели». Ведь одна цель может быть такой, что не хватит и десяти жизней. (63)

Человеку, готовящемуся к смерти, не остаётся ничего другого, как думать о прожитой жизни. Хорошо, если всё в ней было так, как надо. Если люди ни в чём не смогут упрекнуть тебя. Жил, как того требовала жизнь. Честно служил своему делу, ставя его превыше всего. И умер, потому что так нужно было сделать в данных обстоятельствах. (64)

Как-никак умирать приходится не каждый день. Это не может войти в привычку. (65)

Нельзя умирать, если ты ещё можешь жить. (66)

Как сразу милее становится свой дом, когда смотришь на него со стороны! (67)

В. Н. М и х а н о в с к и й

(1931 г.р.)

Всё может быть на этом свете. Даже то, чего быть не может. (1)

Каждому своё. Раб должен подчиняться, а человек – бороться. (2)

Бегство – удел малодушных. (3)

Слова бывают лживыми. Привыкай всё проверять. Ничего не бери на веру. Иначе тебе придётся туго. (4)

Запомнить ещё не значит усвоить. (5)

Люди часто применяют понятия, не вкладывая в них никакого смысла, или – что ещё хуже – чудовищно искажая этот смысл. (6)

Ваша точка зрения необязательна для других. (7)

Ничто в мире не абсолютно, в том числе и доказательства. (8)

Уж лучше упрощать, чем усложнять. (9)

Что упущено, того не вернёшь, и поздние сожаления – не самое полезное занятие. (10)

Бессмертие человека – в его делах. (11)

У. М о р р и с о н

(1906 – 1980 гг.)

Процесс достижения истины так же драгоценен, как и сама истина. (1)

Для человека лучше, если он познаёт истину ценой многих ошибок. (2)

Чем больше вещей становятся для вас возможными, тем отчётливее вы осознаёте, что ничего нельзя сделать, минуя законы природы. (3)

Вы не разочаруете меня: я ничего не жду. (4)

Х. М ю л л е р

(1923 - 2005 гг.)

Желание всегда опережает действительность. (1)

Чем яснее понимание своей беды, тем сильнее воля к её преодолению. (2)

Нет ничего хуже предательства по отношению к самому себе. (3)

Чем ближе к концу, тем труднее оказывается начать заново. (4)

В. А. Назаров

(1935 – 1977 гг.)

Ты здесь родился, ты ко всему привык, многое проходит мимо твоего внимания. Глаз постороннего зорче. (1)

Я всегда медлю на перекрёстках, мне всегда становится смешно и грустно оттого, что один поток машин идёт в одну сторону, другой – в другую. Хочется погасить светофоры и остановить встречные потоки: пусть люди просто расскажут друг другу, что они видели в каждой стороне. (2)

Чтобы иметь, надо сначала не иметь. (3)

Материальная обеспеченность плюс духовная нищета – страшная смесь. (4)

Недоверчивость – первый признак старости. (5)

Молодость не возвращается зря. (6)

За другого всегда почему-то волнуешься больше, чем за себя. Особенно за молодёжь. Они сначала сделают, а потом подумают. (7)

Можно плохо понимать друг друга, но если вместе всё-таки хорошо, то это уже половина понимания. (8)

Человек в одиночку может немногое. Нужны товарищи, хотя бы один для начала. Такой, на плечо которого можно опереться в минуту слабости. (9)

Мало очень хотеть подружиться с кем-либо, потому что такое же горячее желание дружбы требуется и с другой стороны, а без этого ничего, кроме недоразумений, не получится. И не только желание, но и способность понять и оценить друга. Дорогу надо прорубать с двух сторон, чтобы не оказаться в чужой жизни незваным гостем. (10)

Без страдания не оценишь радости. Пережитое зло научило нас творить добро. (11)

Люди – пока ещё дети, они на полпути к настоящему разуму. Неразумно их зло, но разумно стремление к добру. (12)

Все мелкие и подлые люди убеждены в мелочности и подлости всех живущих. Они верят лишь во всемогущество страха, лишающего сопротивления, и делают всё, чтобы страх перед их подлостью не ослабевал. Они не боятся суда совести, ибо считают совесть синонимом слабости. (13)

Все мерзавцы и подлецы – карты из одной колоды. У них один крап и одна игра – продавать и предавать. Они пытаются убедить себя и других в том, что властны над путями человеческими и счастьем людским. Но пути прокладывают ноги идущих, а счастье создают руки творящих. И только добро понастоящему властвует над жизнью, ибо только добро способно сделать *человека*. А подлецы питаются смертью и потому никуда не уйдут от смерти. (14)

Нельзя забывать, что зло, как и добро, переживает своих создателей и способно сохранять веками убийственную силу. (15)

Плохо, если гуманизм становится чересчур всеядным и мягкотелым, потому что защита истины во все века, прошлые и будущие, требует верности и крови. (16)

Истинный гуманизм – не мягкотелость и всеядность, а только справедливое отсутствие жестокости. (17)

Разумность в том и состоит, чтобы предвидеть последствия своих действий. (18)

Учёный недоверчив, потому что он привык понимать разумом, а не сердцем. (19)

Нет большей ошибки, чем применить знание, которое не созрело, и освободить силу, которая не познана до конца. (20)

Полная ясность в науке – вещь коварная. Она может обернуться голой предвзятостью – когда учёный видит в явлении только то, что хочет видеть. (21)

Люди разговаривают друг с другом, а между ними – зеркало. И они видят в чужом мнении лишь искажённое отражение своего собственного. И не могут понять друг друга, ибо каждый искренне считает своё собственное мнение единственно правильным. (22)

Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться, чтобы оглянулся вокруг глазами мыслителя и художника, а не голодного дикаря. (23)

Бюрократы и карьеристы так часто прикрывают важными словами свои личные выгоды, что сами начинают верить в свою незаменимость и всемогущество. (24)

Простите, я вас не понимаю – вы говорите не на том языке. Этот язык изобрели мелкие хищники, которые пытались превратить науку в услужливую домработницу. Нет этих хищников, они давно вымерли, их трупы сгнили на мусорной свалке истории – только вот язык нет-нет да и оживёт. «Данной мне властью...» Какой властью? Кто вам её дал? (25)

Документ – это такой носитель информации, из которого можно вытрясти крупицы истины, если хорошо повозиться. (26)

Сон – это самое полезное для здоровья. Нервную систему укрепляет. (27)

Музыка – это игра отвлечённых эмоций. Именно так воспринимает музыку большинство людей. Потому что в обыденной жизни они пользуются иной «сигнальной системой» – словом. Но для музыканта музыка гораздо конкретней, чем обычно думают. (28)

Бессмертие – самая сладкая мечта человечества. Люди – большие дети. Только за очень большую вину в сказках наказывают бессмертием. Нет ничего страшнее, чем жить, когда твой жизненный круг замкнулся, когда ты отдал живому всё, что мог, и не можешь дать больше, когда всё повторяется и повторяется без конца, не согревая тебя неизведанным, когда нет желания жить. (29)

Хорошо, если всматриваешься в постаревшее лицо, которое тебе отражает зеркало, и тебя не оставляет затаённая уверенность, что рано или поздно это лицо можно будет снять, как маску из тёплого мягкого латекса, вылепленную чересчур поспешно. (30)

Й. Несвадба

(1926 – 2005 гг.)

Мы с самого рождения знаем, что умрём, но никто из-за этого не кончает жизнь самоубийством. (1)

Мы рождаемся и умираем, но, пока живём, думаем о работе, о пользе, которую можем принести, о своём назначении. Другого решения нет. (2)

Мы не можем априорно не признавать факты лишь потому, что они не соответствуют выдвинутой нами теории. Это уже не современная логика, а современное средневековье. Так мы не раскрыли бы ни одного преступления. Не излечили бы ни одной болезни. Учёные не смогли бы открыть ни единого закона природы. (3)

Жизнь сложна, полна случайностей и неожиданностей. В конечном счёте мы поймём её, в конечном счёте всё объясним. Но это требует терпения и ясного разума. (4)

Н. Е. Н и л ь с е н

(1924 – 1993 гг.)

Только мыслящие люди причиняют хлопоты властям, пустые и бездумные – никогда. (1)

Проснись! Смотри: весь мир, до самых далёких галактик – твоё достояние! Не позволяй удобства ради услужливым машинам превращать тебя в безвольного раба! Твоя вера ещё способна сокрушать горы, твои мысли – лететь быстрее света! (2)

Гениальная музыка великого мастера в силах развеять звуковой мусор и шумовой кошмар, и оболваненные бедняги увидят истину, поймут, что превратились в дурачков, но что они вовсе не рождены быть дурачками. Он сорвёт с порабощённых умов цепи шума, и люди смогут услышать в своей душе отзвук вечности. (3)

Прислушайтесь – неужели вы не слышите восхитительных мелодий тишины? Не слышите, как всё живое поёт хвалебную песнь? Прислушайтесь к шёпоту ветра, к падающим каплям росы, прислушайтесь к шороху воздуха в лёгких, к благодарному стуку сердца! Вы свободны! Так начинайте жить! Поделитесь друг с другом новыми мыслями! (4)

Л. А. О б у х о в а

(1924 – 1991 гг.)

Жизнь во времени – такое же благо и право каждого живого существа, как пища и воздух вокруг него. Можно представить трагедию динозавра, очутившегося посреди снежной равнины! Сместились времена, и мир сразу стал враждебным и непонятным. (1)

Бытие едино. Одновременно существует и прошлое, и настоящее, и будущее. Но человек так запрограммирован, что видит только отрезок своего пути. Его психологическое время ограничено. Хотя времени, как такового, вообще нет: оно – структура самого пространства. (2)

Да разве мало ещё чудес в запасе у природы! Можем ли мы, к примеру, постигнуть, что такое время? Ведь это не мистическое движение вовне нас, не прорезающая вся и всех с одинаковым равнодушием «стрела времени». Всякий раз оно конкретно представлено человеком, или звездой, или камнем. Все они – человек, камень, звезда – являются и результатом прошлого, и фундаментом будущего. Время не живёт иначе, чем воплотившись в сущем. (3)

Но является ли настоящее гегемоном? Отметает ли оно прошедшее и будущее? Короче – настоящее ли оно? Всё дело в системе отсчёта. (4)

Уходя из своего времени, мы обрекаем себя на муки. Только в тесной скорлупе летящего корабля можно оставаться самим собой, удерживать свой мир возле себя. (5)

Только случайно природа достигает цели: она побеждает множеством. (6)

Любовь, почти бессмертная, – воспоминания, вскормленные одиночеством. (7)

Миг выявления внутреннего во внешнем всегда знаменует первый шаг навстречу друг другу. (8)

Счастье весьма драматично. Оно, как белый цвет, слагается из целого потока спорящих лучей спектра. Не просто приходят двое друг к другу. Это почти такой же далёкий и извилистый путь, как путь светил, летящих в пустоте. (9)

Любовь – это когда внутренний мир обоих прочно настроен на близкую волну: они могут понять, почти не прибегая к словам. Их трогают сходные вещи; то, что ощущает один, уже прозвучало в груди другого. Но природа бдительно следит, чтоб не было тождества. В самых близких душах остаётся заповедник тайн. (10)

Повиновение людей обычаям помогает им сплотиться и уцелеть в борьбе с природой. (11)

Законы – для всех времён механизм необходимый, хотя и суровый. Но такими же необходимыми оказываются и вспышки неповиновения – черновые наброски будущих законов, более справедливых для новых людей. (12)

Если смысл развития в достижении абсолютного идеала – идеала здоровья, ума, красоты, то в результате приходишь к единообразию. Если же совершенство заключается в богатстве индивидуальных черт, в уменье перечувствовать необычное и передать его дальше, то приходишь к коллективизму. (13)

Строй высокого коллективизма предполагает внутреннюю независимость и обособленность, как возможность размышлять. (14)

Путешествуя по мирам, приходится отрешиться от ограниченности своего собственного мира, как бы он ни был совершенен в сознании. Ни одна самая высокая цивилизация не настолько высока, чтоб ей нечему было учиться у других, – ну, хотя бы пониманию. (15)

Подчинение нормам и пользе понемногу вытесняет отвагу и риск. Не этим ли начинается сам собою путь к закату? (16)

Поскольку неизвестно в масштабе вселенной, что такое регресс, то и понятие «прогресс» теряет всякий смысл. (17)

Почувствовать себя равным – это и есть первая тропинка к доверию. (18)

Воля – рычаг действия. (19)

Подвиг всегда придаёт человеку ощущение неиссякаемой силы. (20)

Не позволяй страху поработить себя! Инстинкт самосохранения в одинаковой мере плодит трусов и толкает к смелости: ведь избежать опасность можно двояко – убегая от неё или же идя ей навстречу, чтобы убедиться в её реальности. (21)

Человеку совсем не надо постоянно козырять храбростью. Пока всё идёт заведённым порядком, он может жить вполсилы. Но вот врывается то, чего никогда не было прежде, и необходимо обладать отважным сердцем, чтоб не потеряться и победить. (22)

Существует разное понимание мужества. Для человека примитивного оно имеет совершенно реальные очертания: быть мужественным – значит действовать вопреки чувству страха! Но для человека продвинутого дело уже не решается так просто – одним ударом кулака. Он знает относительность видимых поступков: можно и не шевелясь двигаться вперёд с головокружительной быстротой. (23)

Где много шуму, там много силы! (24)

Стремление достигать необычайно сильно в человеке. Упоение властью над машиной способно вознаградить за все опасности, за долгие труды. Минута свершения вмещает в себя столь многое, что само понятие времени расширяется; наполнение становится равным протяжённости. (25)

Летящему в космосе кажется, что именно он центр вселенной: отовсюду его обтекает одинаково отдалённая от него небосфера, словно он находится посреди гигантского чёрного шара. (26)

Путник во времени поневоле принуждён стремиться к идеалу, объемлющему поистине гигантское нравственное поле! Оно включает доблести самых разных ступеней развития: ведь фетиш дикаря совсем не похож на идеал просвещённого человека. Беспощадная храбрость – и терпимость; цепкость к жизни – и милосердие! (27)

Относительность времени и пространства развлекают только тогда, когда не имеют лично к нам ни малейшего отношения. Гораздо прочнее, чем любопытство к новому, в человеке держится привязанность к собственным предрассудкам, ибо мы хотим жить на плоской земле! (28)

Любое столкновение с чужеродным – это уже взрыв, катастрофа. Никогда не известно, каким из неё выйдешь, – с опалённым лицом или с изменённой душой. (29)

Человек инстинктивно боится перемен: оне несут тревогу. То, к чему уже приноровился, лучшая гарантия безопасности. (30)

И всё-таки человеческое естество гибко! Поистине, оно создано быть и птицей в воздухе, и саламандрой в огне. Отрешиться от самого себя, чтоб найти самого себя завтрашнего! Не делаем ли мы это в микроспопических размерах каждый день? Через определённое число лет полностью обновляются клетки организма; ни одной капли крови не остаётся прежней. Книга, встреча с незнакомцем, политическое событие – разве это не меняет нас? Не способно переиначить? (31)

У людей должна появиться особая бережность к личности: не порвать цепь, связь поколений. Люди должны уважать себя как хранилище прошлого и как носителей грядущего. (32)

Разум не заменяет собою всего: когда он не может подсказать выхода, оставляя человека на краю гибели, тут и воскресает инстинкт с его последней отчаянной попыткой сделать невозможное. (33)

В решительный момент инстинкт опережает разум; инстинкт должен помочь человеку уцелеть во что бы то ни стало. (34)

Нет идеи, которая при гипертрофировании не пришла бы к своей противоположности. (35)

Иногда и мечты бывают достаточно грузны: буквально сгибаешься под их тяжестью! Переживая их одну за другой, казалось бы, можно и облегчить груз? Ан, нет! Мечта, пережитая воображением, отнюдь не меркнет, не испаряется, не утоляет жажды. Она непременно стремится стать явью! И только как явь уступает место следующей. (36)

Когда отдыхают мускулы, может заснуть и ум; таков естественный порядок вещей, как смена дня и ночи. (37)

Легковерие дикаря способно с размаху перепрыгнуть любую бездну. Пока сложное и простое равноценны в сознании, ничто не потрясает слишком. (38)

Путешествие по времени не противоречит живому, только переводит рычаг с «медленно» и «мало» на «очень быстро» и «очень много». Сможет ли человек к этому приспособиться? Вероятно. Так же, как сумел, сменив огонь костра на пар, пар на электричество, а двигательную силу, бегущую по проводам, – на мощь атомных реакторов. Но люди не просто подгоняют, «подтягивают» своё мышление к новым силам – мышление само неизбежно меняется качественно. (39)

Чтобы господствовать, надо знать истоки. Наблюдение и есть тот процесс, посредством которого связаны пространство и время (40)

Круг ассоциаций у каждого наблюдателя может быть различен. Всё зависит от потенциала самого наблюдателя, от накопленной им информации. Так что кто-то другой из тех же фактов может сделать выводы более глубокие, чем наши. (41)

Живое и разумное мыслится нами лишь в одной-единственной штампованной форме человеческого варианта. Признавая множественность миров, мы, однако, – чисто

психологически – едва ли готовы воспринять их посланцев, коль скоро те будут проявлять себя иначе, чем мы этого ожидаем. (42)

Человеческий эгоизм не вышел пока из стадии первобытного любования самим собой. Наши руки и ноги, наши глаза, посаженные на параллельной прямой под лобным куполом, – вот она бесспорная вершина эволюции и мирозданья! (43)

И разумная деятельность представляется нам только в форме подчинения своим нуждам окружающей природы. Раз мы готовы топтать её тело, ломать руки деревьям, иссушать прохладную кровь рек, как же можно вообразить, будто существует другой путь, когда, скажем, организмы сами станут изменяться, вписываясь в планету и гибко следуя её бурным метаморфозам? (44)

Неведомое бродит вокруг нас с протянутой рукой, но мы обречены ещё долго не коснуться этой руки. Человеческое рукопожатие подобно мельничному жёрнову: оно раздавит как хрупкие раковинки то, что грядущее могло бы положить нам на ладонь уже сегодня. (45)

Находят только тогда, когда знают, что ищут! (46)

Рождение ребёнка – шаткая основа для философии. (47)

О силе искусства нельзя судить по тем жалким остаткам, которые с торжеством извлекают из праха тысячелетий археологи. Искусство всегда пробуждало способность увидеть в окружающем нечто такое, что наполняет сердце безотчётным ощущением блаженства. (48)

Искусство всегда даёт начало познанию, служит науке первотолчком. (49)

Когда человек избавлен от всех тревог, связанных с бытом и безопасностью, когда потребности сведены к разумному минимуму, культура больше не представляется как увеличение потребностей. Безграничной остаётся лишь возможность развивать свои задатки. (50)

Творит не воля, а воображенье. Весь мир таков, каким он создан нами. Достаточно сказать себе, что это совсем легко – и ты без напряженья создашь миры и с места сдвинешь горы. (51)

Мир вокруг нас строится из наших сегодняшних знаний, предубеждений, верований. Завтрашний идеал идёт на полшага впереди. Мы лишь тщимся его догнать. (52)

Каждая медаль имеет две стороны. Расцвет фантастической литературы можно оценить и оптимистически, как порыв современников к энергичному раскрытию тайн природы, и, напротив, как леность мысли, своеобразный душевный наркотик. (53)

Состояние угрюмого молчания предшествует действию или убивает волю окончательно. (54)

Юность не может гореть зря, иначе незачем жить. Будущее выкристаллизовывается из многих слоёв. (55)

Как громко горюет юность! Беды кажутся ей непереносимыми. Но только зрелый человек познаёт настоящее отчаяние. Не смягчённое слезами, оно давит, как могильная плита. Будущее без надежд. (56)

В юности человек дышит полной грудью, и время идёт быстро. В то время цветы цветут ярче, а вода плещет звонче. А потом человек осуждён жить не живя и не умирая умирать. (57)

Грань живого и мёртвого всегда чудовищна для человека! Сознание того, что двигающееся, тёплое, подобное тебе самому, превращается на глазах в холодное и неподвижное, невыносимо на любых ступенях развития. (58)

Перестать действовать – это и значит умереть. (59)

То, что позади человека или впереди него, одинаково принадлежит вечности. (60)

В. А. О б р у ч е в

(1863 – 1956 гг.)

Не отдельные белые пятнышки – огромный океан неведомого окружает нас. И чем больше мы знаем, тем больше загадок задаёт нам природа. (1)

Каждая гипотеза, если она обоснована, представляет лишний шаг к познанию истины. (2)

Самое большое наслаждение и удовольствие приносит человеку труд. Добывайте право сказать: я делаю нужное дело, моей работы ждут, я приношу пользу. (3)

Способности, как и мускулы, растут при тренировке. (4)

Усталость и голодный желудок – плохие советчики. (5)

Нужно в работе не забывать сделанного ранее, возвращаться к нему, пересматривать под новым углом зрения и стараться на основе всего материала, как своего, так и чужого, делать обобщающие выводы. (6)

Идите от анализа к синтезу, но стройте свои выводы на основе всего проверенного фактического материала. Я часто одерживал верх над противниками в научных спорах, так как опирался на лично наблюдённые факты. (7)

Будьте настойчивы, упорны, но не упрямы. Не цепляйтесь за свои выводы. Помните, что на свете есть много умных людей, которые могут заметить у вас ошибки, и если они правы, не стесняйтесь согласиться с ними. (8)

Будьте принципиальны. Нам нужна истина, и только истина. Не старайтесь угодить приятелям, примирить своих учителей, никого не обидеть. На этом пути вы найдёте, может быть, спокойствие и даже благополучие, но никакой пользы не принесёте. (9)

Хороший научно-фантастической роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место, что в них нет ничего сверхъестественного, чудесного. Если в романе нагромождены разные чудеса – это уже не роман, а сказка для маленьких детей, которым можно рассказывать всякие небылицы. (10)

Б. У. О л д и с с

(1925 г.р.)

У времени, как и у воды, может быть три состояния – твёрдое, жидкое и газообразное. В настоящем – это поток, который невозможно схватить. В будущем – это спускающийся вуалью туман. В прошлом – оно застывает и покрывается льдом; и ещё мы называем это историей. (1)

История – забавная штука и самая прекрасная, потому что всегда кажется, будто она кончается, а на самом деле она только начинается. (2)

Пожалуй, даже читатели научно-фантастических романов не представляют себе, с какой быстротой наука догоняет фантастику. (3)

Цивилизация – это расстояние, которое человек установил между собой и своими испражнениями. (4)

С. И. П а в л о в

(1935 – 2019 гг.)

Наука имеет свои негативные стороны. Науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю Праздника урожая. (1)

Самоанализ – это хорошо, это психологически оправдано. А самобичевание – плохо, потому что больно и унизительно, и стыдно... (2)

Застенчивый человек, обидевшись, перестаёт смущаться. (3)

Я не теряю веры в счастливые времена, когда мы всё же научимся смотреть на вещи и явления глазами учёных. (4)

Л. Н. П а н а с е н к о

(1949 -2011 гг.)

Жизнь непредсказуема и потому прекрасна. (1)

Шутки должны радовать, а не огорчать. Запомни на будущее. (2)

Нашему миру здорово не хватает детской непосредственности. Поистине удивительна способность детей воспринимать чудо как должное. Не мудрствовать лукаво, не ворочать со скрипом огрубевшим рациональным мозгом, а воспринимать – органически, нетрадиционно, смело. (3)

Неизвестное, как правило, двулико. Есть в нём, наверное, добро, но может быть и зло. (4)

Знания, большие или малые, не могут принадлежать одному. Чтобы не принести людям вред, они не должны оставаться тайными, спрятанными в государственные ловушки. Они должны стать общедоступными. (5)

Нельзя из-за нескольких подонков винить всех подряд. (6)

Деньги – мерзкие бумажки, из-за которых в мире столько расчётливой беды и глупого счастья. (7)

Люди недаром прячут в себе за семью замками всё скотское и страшное. Иначе мир давно бы задохнулся от страшной вони. (8)

Из всех искусств самое простое и одновременно самое сложное – быть человеком. Достойным, мудрым, сострадающим. И обязательно несовершенным. Чтобы было к чему стремиться. Всю жизнь... (9)

Е. И. П а р н о в

(1935 – 2009 гг.)

Каждый человек, даже самый великий, прежде всего сын своего времени. (1)

Мы знаем, насколько относителен покой и абсолютно движение. А движение – это в том числе и рост, развитие. (2)

Настойчивость и регулярность тени отца Гамлета, как мы знаем, дали толчок драматическим событиям, которые потрясли Датское королевство. (3)

Стремление во вселенский простор неотделимо от веры в человеческий разум. Хранители знания, даже загнанные во мрак первобытных пещер, олицетворяют свет и восхождение. (4)

Великие реки рождаются из скромных, незаметных подчас родников. (5)

Конечно, интересно стоять у истоков явления, когда оно может быть, а может и не быть. (6)

Человеку свойственно быстро излечиваться от легковерия. (7)

Верить надлежит только твёрдо установленной истине. (8)

Мы не имеем права воспевать мощь науки, не думая о негативных аспектах её стремительного полёта. (9)

Победы науки и торжество техники не излечивают социальные язвы. Скорее напротив – могут ещё сильнее растравить их. (10)

Ни на одном рубеже науки остановка немыслима. Нет таких завоеваний, которые позволили бы человеку почить на лаврах и вкушать заслуженный отдых. (11)

Война, объявленная природе, не может быть выиграна. (12)

Ненависть к пошлости, эта неразлучная сестра таланта, гостья беспокойная, зовущая к бою и никогда не обещающая благополучного покоя. (13)

Отход от правды мстит за себя художественной недостоверностью. (14)

Каждый писатель имеет полное право отправить в ад тех своих современников, которые, по его мнению, этого достойны. (15)

Рекомендуя читателю то или иное произведение, никогда не следует сбиваться на пересказ. (16)

Счастлив тот, для кого никогда не закрывается волшебная дверь детства, эта манящая калитка в стене. За ней – незамутнённый источник, дарующий вечную радость, чуть горчащий грустью о том, что уходит неудержимо. (18)

Р. Г. П о д о л ь н ы й

(1933 – 1990 гг.)

Нельзя смиряться, нужно гореть и чувствовать себя частью чего-то большего, чем обыденность! (1)

Человеку всегда хотелось заглянуть в будущее. Это, может быть, самая большая страсть человечества. (2)

Оптимизм, опирающийся на помощь случая, – оптимизм непрочный. (3)

Анкета человека написана у него на лице, только не все умеют разобрать почерк. (4)

Больше всего ждут те, кому некогда. (5)

Я знал, что это смешно. Но вы не знаете, как это грустно. (6)

Проще надо действовать. Иной бродит где-то рядом с дверью, но каждый раз натыкается на косяки. (7)

Ах, добрые советы, добрые советы... Они всегда бесполезны. (8)

Если позволить великим мира сего распуститься, ими нельзя будет управлять, а их так распустили. (9)

Люди, не знающие тяжёлого труда, станут слабыми и беспомощными. Станут дряблыми мышцы и жирными сердца. (10)

Сколько в твоей жизни было моментов, способных повернуть её совсем подругому? И правильно ли ты сделал, что миновал эти повороты? (11)

Недостойно мудреца прибегать для объяснения непонятных явлений к фантастическим догадкам. (12)

Каждый, как известно, должен сам сделать свои собственные ошибки. (13)

«Объективная реальность» нисколько не зависит от наших действий, тем более предпринятых задним числом. (14)

Обидно за человека, который слишком привык к тому, что все теории оказываются верными. (15)

Наука, по слову поэта, для одних богиня, для других дойная корова. И если вы из других, о чём с вами разговаривать? (16)

Один свидетель – не свидетель, тут наука строго держится основ римского права. (17)

Старое правило: ищешь Индию, найдёшь Америку. (18)

Гипотеза объясняет поновому факты – это уже неплохо. Но она должна предсказывать новые факты – вот в чём вся соль. (19)

Случайная встреча с девушкой ломает судьбу человека, а неожиданное открытие, один-единственный факт, который не укладывается в добротные теоретические построения, переворачивает науку. Будьте внимательны к фактам! (20)

Понять открытие – значит разделить радость того, кто его сделал. А деля с человеком радость, ты до него поднимаешься. Как бы он ни был велик. (21)

Можно написать интересно о чём угодно – важно найти только свежий, неожиданный поворот, точку зрения, с которой читатель сам не увидел бы того, что видишь ты. И в науке тоже так: открыть – значит взять известные факты и расставить их поновому. Велика ли разница? (22)

Чтобы найти другой ответ, надо найти другой путь к нему. (23)

Талант человека оказывается часто сильнее его взглядов. (24)

Литература, как и наука, является средством познания действительности. Литература в конечном счёте отражает жизнь, передаёт её в обобщающей форме, лишённой второстепенных, мешающих восприятию деталей. (25)

Слова «как правило» сами по себе подразумевают наличие исключений. (26)

Все плохие почерки похожи друг на друга, на каком бы языке ими ни писали. (27)

Читая настоящие стихи, чувствуешь и себя самого поэтом. (28)

Восстановление литературного вкуса? Медицина здесь бессильна. (29)

Произведение искусства действует на чувства и даёт информацию чувствам и уму. Но повторная доза информации скучна, потому что не нужна. (30)

Общество, кое-как существующее сегодня, не может выдержать испытаний завтрашнего дня. (31)

Из превратно понятого будущего неотвратимо надвигается ощущение ужаса. В этом будущем под угрозой стандартизации и оглупления находится всё – от моральных ценностей до системы образования, от культуры до науки. (32)

В обществе, где поощряется культ посредственности, быть интеллигентом считается чем-то неприличным. (33)

Культу ложной простоты соответствует одновременное наступление искренней посредственности в культуре, искусстве, политике, науке. (34)

Попытки переделывать человеческие общества на других планетах всегда ведут лишь к насилию и злу. У каждого человечества, как и у каждого отдельного человека, должно быть детство. Обойтись без этого нельзя. Пока человечество не созрело, всякий контакт с ним бесполезен. (35)

Людям свойственно чувство благодарности. А будущее будет чувствовать себя в долгу перед теми, кто его создал, перед людьми настоящего и прошлого. Оно захочет отдать им свой долг. И – может быть! – окажется в состоянии это сделать. (36)

Никогда не будет на земле ленивого покоя и сонной благодати: люди рождены, чтобы решать проблемы и бороться. (37)

Ф. П о л

(1919 – 2013 гг.)

Мир как будто сговаривается против человека, который чего-то достиг. (1)

В сущности, нет более глупого способа обмена информацией, чем лететь неведомо куда за три тысячи миль, чтобы, сидя на золочёном стуле, выслушать человек двадцать пять. На двадцать три доклада вам вообще начхать, а двадцать четвёртый вы не разобрали из-за акцента докладчика, который к тому же всё скомкал, потому что торопился на самолёт – лететь на очередную конференцию. Так и выходит, что единственный интересный доклад обошёлся вам в четыре дня, хотя вы могли преспокойно прочитать его у себя в кабинете за пятнадцать минут. И с большей пользой. (2)

По моим наблюдениям, времени на общение становится всё меньше и меньше. Да и тяга пропадает, когда число знакомых переваливает за три сотни. (3)

А. Л. П о л е щ у к

(1923 – 1979 гг.)

Всё новое требует новых открытий, новых законов, но затем приходит и простота. (1)

Совершить подвиг трудно, но ещё труднее его увидеть, увидеть возможность совершения подвига. Это не менее трудно, чем сделать открытие, и требует не меньшей человеческой культуры, знаний, мастерства, душевной красоты. Всю свою жизнь и всей своей жизнью человек готовится к подвигу... Если он, конечно, человек. (2)

Дело не в технике, а в тех, кто владеет техникой. (3)

Все воображают себя умными, а вот как мне быть? (4)

Д ж. Б. П р и с т л и

(1894 – 1984 гг.)

Нельзя ждать событий – надо самим их устраивать. (1)

Один человек в отпущенное ему время играет множество ролей. Человек отличен от своих ролей, и время его жизни – это та сцена, на которой он их играет. (2)

В нашей жизни, как и на сцене, декорации, костюмы, грим и реквизит – это только театр теней, который складывают и уносят, когда представление окончено. А истинное, нетленное и прочное – это как раз всё то, что стольким дуракам кажется преходящим и мимолётным: сокровеннейшие и глубочайшие чувства, которые честный художник отдаёт своей работе, корень и суть настоящего личного отношения, пламя – чистое, нtзатухающее пламя. (3)

Какой бы пошлой ни казалась иногда эта мешанина из красок, холста, прожекторов и рекламы, мы, работающие в Театре просто потому, что он есть живой символ таинства жизни, – мы помогаем охранять пламя и приобщать к нему. (4)

Есть люди, развращённые успехом. Они получили слишком много, и всё досталось им слишком легко. И если им не для кого и не для чего работать, бороться, не о чем и не о ком заботиться, то они скучают, становятся циничными и жёлчными, замыкаются в себе самих и воображают, что знают о жизни всё. (5)

Не следует забывать, что вместе с обстоятельствами меняется и существо дела. (6)

Не задавайте вопросов – тогда и вранья не услышите. (7)

Лучший способ добиться соблюдения запрета – это разрешить то, что было запрещено. (8)

Работа врача – чинить тела. (9)

Опыт любого врача свидетельствует, что совершенно здоровы лишь очень немногие, хотя многие склонны воображать, будто совершенно здоровы. (10)

Есть такие чахлые, угрюмые и вечно надутые молодые люди, которые весьма собою довольны без всяких на то оснований. (11)

Большинство людей не получает того, чего хочет, а всё потому, что сами не знают, чего хотят. (12)

Куда ни глянь – одни мертвяки: тыкаются повсюду, высматривают, нет ли где свободной могилы. (13)

Кто молод душой – молод и телом. (14)

Если какая-то профессия не для дураков, то в ней наблюдается регресс вместо прогресса. (15)

Нелегко соединить трагический надрыв с бессвязным бормотанием. (16)

Слишком тщательный выговор на любом языке звучит несколько по-иностранному. (17)

Люди берут на себя труд говорить отчётливо, лишь обращаясь к умственно отсталому ребёнку или к иностранцу. (18)

Для меня литература не каталог литературных форм, а нечто подлинное и живое, правдивая и волнующая запись человеческого опыта, посредник между внешним и внутренним миром. (19)

Самые изобретательные и тонкие экспериментаторы те, кто дают полный простор своему воображению и отыскивают связь между самыми отдалёнными понятиями. Даже тогда, когда эти сопоставления грубы и химеричны, они могут доставить счастливый случай для великих и важных открытий, до которых никогда не додумались бы рассудительные, медлительные и трусливые умы. (20)

Всегда предпочитаю держаться «золотой середины», чтобы читатель не закрывал глаза на мрачные стороны действительности, но всё же и не терял надежды на перемены к лучшему. (21)

Наверное, лучше не быть писателем, но если ты должен быть им – тогда пиши. Ты чувствуешь вялость, голова раскалывается, никто тебя не любит – пиши. Всё напрасно, это знаменитое «вдохновение» никогда не придёт – пиши. Если ты великий гений, ты изобретёшь свои правила, но если нет – а есть основания опасаться, что это именно так, – тогда иди к столу, какое бы ни было у тебя настроение, прими холодный вызов бумаги и пиши. (22)

Почти всё, что я заработал, у меня отняла неслыханно свирепая система налогов, предназначенных в первую очередь оплачивать ошибки безголовых политиков. (23)

Все мы – члены одной семьи, и я всерьёз верю, что люди могут проникнуться этим чувством. (24)

Человек должен бежать из своей внутренней тюрьмы. Разбить стеклянную дверь, которую он соорудил для себя. (25)

М. Г. П у х о в

(1944 – 1995 гг.)

Навязчивые мысли постепенно приобретают характер прекрасной и заветной мечты. (1)

В каждой работе должно быть творческое начало. (2)

Очень важно ваше предчувствие. Из будущего поступает непрерывный поток информации, но немногие, и очень редко, могут его принимать. (3)

Природа, создавая сознание, имела вполне определённую цель – познавать самоё себя. (4)

У каждого из нас своя программа. Сначала она как зародыш, как семя растения, а потом она сама формируется с годами, сама себя формирует. Постепенно становится всё более и более конкретной, более цельной. Вещи, которые казались случайными, приобретают новый смысл. Разрозненные события и поступки сливаются в единую линию. (5)

И хотя эта внутренняя программа – внешние обстоятельства только мешают её выполнению – не всегда и не сразу осознаётся, хотя она подобна непроявленной фотографии или изобретению, летящему через космос в виде бесплотного волнового пакета, однако её реальность не менее объективна, чем у обычной программы, вложенной в компьютер. (6)

Свобода – это поставленная перед собою цель. Свобода и цель – это две стороны одного того же. Например, какой-нибудь сосуд изнутри выглядит совсем не так, как снаружи. Однако это один и тот же сосуд. (7)

Внутренняя свобода – единственное средство достижения внешней цели. Или комплекс средств. А внутренняя цель – единственный источник и стимул внешней свободы. А свобода в целом – это когда ты идёшь к своей цели, невзирая на все препятствия, обходя их и сокрушая, как река, текущая к устью. (8)

Цель, не ставшая твоей собственной, не есть настоящая цель. Она может быть только средством. Если ты стремишься к ней, ты не человек, и даже не робот. Ты просто чей-то орган, чей-то манипулятор, чьё-то орудие. (9)

К сожалению, часто так и бывает, особенно на первых порах. И толкают тебя вовсе не высшие силы, а что-нибудь гораздо более прозаическое. Например, руководство. Или коллектив. Или семья. Или обстоятельства, наконец. (10)

Ты остаёшься человеком только в другие моменты. В те минуты, когда тебя никто и ничто не программирует. Ведь такие есть всегда и у кого угодно. Будь ты хоть рабом фараона. (11)

Можно придумать бессмысленный труд и назвать его важным научным исследованием. Только кому польза от такого «исследования», кроме самого «исследователя», который им кормится? (12)

Может ли быть сложным то, что есть? Предмет или явление существует, а мы его как-то описываем или объясняем. Наши объяснения и описания, действительно, могут быть сложными либо простыми, причём любое сложное объяснение с течением времени стремится сделаться проще. (13)

Зачем молчать? Говорите что угодно, вам всё равно не поверят. Есть вещи, в которые нельзя поверить, пока не столкнёшься с ними. (14)

Принять решение трудно – зато какое блаженство когда оно принято! (15)

Главное – не бойтесь! Всё, что может случиться, не стоит нашего страха. (16)

Н. В. Р а з г о в о р о в

(1920 – 1983 гг.)

Любовь тем ярче, чем непроницаемее пелена тайны, которая её покрывает. (1)

Доказательство – сухое, колючее, недружелюбное слово. (2)

Гипотеза, когда она забывает о том, что она гипотеза, начинает водить своего создателя за нос. (3)

Истину следует искать в переплетении противоречий. Это хорошо знает тот, кто готов её найти. (4)

Главный отличительный признак предмета или явления чаще всего бывает единичным, а второстепенные выступают в большом количестве. (5)

Э. Ф. Р а с с е л

(1905 – 1978 гг.)

Единственным непобедимым оружием является идея. Идею никто не может взорвать, сжечь, раздавить. Идею может победить только другая идея, более высокая, более разумная. (1)

Самый большой ум не гарантирует от ошибок. (2)

Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности. (3)

Желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить. (4)

Если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется всё то же бесконечное число. (5)

Чтобы добиться взаимопонимания – а это единственно надёжная основа, на которой можно строить союзничество, – необходимо докопаться до горькой сути дела. (6)

Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары. (7)

Правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области. (8)

Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют другие проблемы. Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всём при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. (9)

Слабое место власти в том, что неуважение к ней её обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен. (10)

Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа. (11)

Власть существует за счёт пожирания собственных внутренностей. (12)

Как жалки личные сокровища, когда их владелец мёртв! (13)

К. Р а ш

(1932 г.р.)

Взгляд, обращённый вперёд, способность предвидения – вот важнейшие условия для формирования человеческой жизни. (1)

Дельный человек сумеет найти себе наилучшее занятие. (2)

Самые яркие впечатления мы получаем за первые полчаса, проведённых после вступления в новую, ещё незнакомую область. (3)

Если вы рисуете, то сам род этого занятия понуждает вас к более острому взгляду на вещи. (4)

Спокойный ритм ходьбы сам собою приводит в порядок наши мысли. (5)

Неблагоприятные последствия любого рода односторонности рано или поздно заявят о себе. (6)

Нам ведь даже и в голову не приходит, что вся эта мания путешествия и туристики всё более превращает людей в перелётных птиц. Не приходит в голову и то, что стремительное развитие средств передвижения не может оставаться без социальных последствий и потрясений. (7)

Каждый, кто обитает на этой планете, живёт не только в общности со своим временем и ответственностью перед ним, но и в ответственности перед прошедшим и будущим этого мира. (8)

Успешным учёным может быть лишь человек, обладающий фантазией и значительной силой воображения. (9)

Человек, склонный верить предсказаниям, того только и заслуживает, чтобы ему вешали лапшу на уши. (10)

На вопросы, которые смогут задать грядущие поколения, искать ответы нужно уже сегодня. Прошлое от нас никак не зависит, но в будущем мы можем принять участие. (11)

Настоящее на самом деле всего лишь щель, через которую будущее проскальзывает в прошедшее. (12)

Каждый сегодняшний обитатель нашей планеты несёт ответственность за будущее этого мира. (13)

Прошлое от нас уже никак не зависит. Но на своё настоящее каждый может оказать влияние, а это значит немного воздействовать и на будущее. (14)

Слова слишком слабы для того, чтобы выразить, что происходит между двумя любящими друг друга людьми. (15)

Да мыслима ли любовь без уважения и благодарности? (16)

Давайте не будем делать грядущим поколениям указаний, как им следует жить. Они выработают свои собственные моральные ценности и будут жить счастливой жизнью на собственный лад. (17)

В. А. Р е в и ч

(1929 – 1997 гг.)

Стремиться к вершинам свойственно человеку – в самом широком, не только земном смысле. (1)

Такое уж свойство у частнособственнического общества: разделять людей. (2)

Полёты в космос и прочие достижения прогресса не принесут человечеству счастья, если они не будут сопровождаться соответствующими социальными переменами. Наоборот, высочайшая наука, высочайшая техника, попав в руки людей злой воли, могут стать лишь источником чудовищной опасности. (3)

Человеческие, морально-психологические проблемы, высказанные в обнажённой, декларативной форме, могут претендовать самое большее на звание публицистики. (4)

Если бы гармонию можно было поверить алгеброй, то стоило бы оставить одну алгебру. (5)

Задача искусства заражать эмоциями, и если эта цель достигнута без применения патентованных допингов, значит перед нами произведение настоящей литературы. (6)

Вряд ли самый искусно построенный сюжет способен заменить отсутствие характеров. (7)

Лишь мыслитель и художник, вдохновлённый прогрессивными гуманистическими идеалами, способен создать картины, которые могли бы вдохновлять других. (8)

Многозначность трактовки произведения следует скорее отнести к его достоинствам, чем к его недостаткам. (9)

Фантастика всегда была и будет, пока она будет существовать, литературой, поражающей смелостью воображения, неожиданностью ситуаций, парадоксальностью мышления. (10)

В отличие от прочих писателей фантаст имеет не только свободу в выборе площадки для игры, но и возможность самому сконструировать эту площадку. Однако сама игра ведётся по правилам, установленным для всей литературы и менять их в ходе дела никому не разрешается. (11)

Стремление к полной достоверности, несмотря на всю фантастичность посылки – вот что должно отличать настоящую художественную фантастику. (12)

Самое трудное – добиться достоверности выдумки, правды условности. (13)

Когда пытаешься изобрести что-нибудь невероятное, то начитанное воображение услужливо подсовывает расхожие штампы. (14)

Не новинки техники интересуют больших писателей-фантастов, а судьбы людей, общества, планеты; не эквилибристикой с чудесными или чудовищными существами и предметами занимаются они; их фантастика – это отражение сегодняшних забот, тревог, надежд. Честно говоря, другая, «чистая», «научная» или прочая фантастика попросту никому не нужна. (15)

Сколь неустойчива общественная психика нашего времени, легко шарахающаяся от беспечности к отчаянию! (16)

Это тоже свойство обывателей – глумиться над трупами. (17)

Если людей, которые готовы торговать своей совестью, действительно подбирает ад, то ему можно только вынести общественную благодарность. (18)

Расселение людей по комфортабельным клетушкам и подмена живого, личного общения телекоммуникационной техникой неизбежно ведут ко всё большему отчуждению между людьми. (19)

Есть черта, которую не может перешагнуть человек, если он хочет остаться человеком, т.е. существом с горячей душой, способной любить и страдать. Преступившая такую грань душа может превратиться в выжженную или ледяную пустыню. (20)

Никогда не будет такой крайней ситуации, в которой не окажется мужественных, не потерявших голову людей, пытающихся сохранить всё, что можно сохранить. (21)

Счастье не в успокоенности, не в отсутствии желаний, а отказ от борьбы – не путь, приводящий к счастью. (22)

И. М. Р о с о х о в а т с к и й

(1929 г.р.)

Чтобы понять мир, надо взглянуть на него со стороны. Увидеть не только изнутри, но и извне. (1)

Время жизни зависит от цели жизни. (2)

Отними у человека боль и смерть – и он перестанет быть человеком. Он уже не будет так остро воспринимать жизнь – радоваться синему небу в просветах дождевых облаков, улыбке ребёнка, глотку ключевой воды, близости любимого существа. (3)

Жизнь человека коротка, а потому и неповторима. (4)

Научись ценить каждое мгновение, творить его таким, чтобы потом не пришлось стыдиться себя. Часто нам кажется, что впереди очень много времени и всё ещё можно изменить. Да, впереди реки и моря времени, но творить добро нужно сейчас, немедленно. Ибо каждое мгновение остаётся в памяти природы таким, каким ты его прожил, сотворил. Его можно извлечь, повторить. Но изменить нельзя. Оно остаётся неизменным на все миллионы твоих жизней – навечно. Оно – и с ним ты. (5)

Может быть, вся мудрость и состоит в том, чтобы научиться отвергать суетность? (6)

Потерянное время – упущенные возможности. И иногда из них состоит вся жизнь. (7)

В основе даже самых невероятных придумок часто лежат действительные события. (8)

Многие самые фантастические легенды основываются на реальных фактах. То, чего нет, нельзя и придумать; то, что придумывают, состоит из того, что существует, пусть даже собранного в одно целое из рассыпающихся и несоединимых деталей. (9)

Стоит только понять причину явления, и ты становишься сильнее. Понимание причин даёт силу. (10)

Ищите обходные пути. Не всегда прямой путь – кратчайший. Иногда и с тылу зайти надобно. (11)

Есть некоторые азбучные истины. Одна из них: каждый должен заниматься в первую очередь своим делом. И отстаивать его. (12)

Вся наша жизнь – спорт. Мы во всём соревнуемся друг с другом и не хотим отстать. Даже одеваться желаем не хуже, чем сосед. (13)

Чтобы взять больше, мало желания взять. Нам ничего не достаётся даром. Хотим или не хотим, мы платим за всё, что берём у природы. Плата всегда бывает большей, чем то, что берём. И дары природы или чьи-то ещё превращаются в дары данайцев. (14)

Чтобы не отдавать больше, чем берёшь, чтобы цена не была слишком высокой, нужно знать, сколько тебе нужно, что тебе нужно, изучить то, что берёшь, и то, откуда берёшь. Прежде чем взять, нужно знать. (15)

Человек в первую очередь нуждается в необходимом. Но «необходимость» – неоднозначное понятие. То, без чего легко обойдётся один, совершенно необходимо другому. И наоборот. (16)

Сомнения, пожалуй, лучшее, на что мы способны. Но они имеют и оборотную сторону. Великое умение как раз и состоит в том, чтобы уловить момент, когда надо отрешиться от них. Иначе никогда не начнёшь действовать. (17)

Неудачнику нечего надеяться на везение, наоборот – надо рассматривать, как неизбежное, все случайности, играющие против него. (18)

Для общества было бы гораздо лучше, чтобы из всех получалось то, чего они сами желают. (19)

Представь себе все свои неудачи в жизни как горные уступы. Ты подымался по ним всё выше и выше, учился борьбе и одиночеству, мужеству и трудной надежде. Ты постепенно постигал своё предназначение. Как и другие, ты выбирал меньшее из двух зол, но то, что казалось меньшим другим, часто виделось большим тебе. (20)

Ощущения исчезают, когда насыщаются потребности, а воспоминания остаются навсегда в живом существе. Это всё, что оно приобретает. И неважно – короткой или долгой была его жизнь. Важны только воспоминания. В них – смысл жизни. Если воспоминания стоящие, я беру их в свою копилку и храню вечно. (21)

Главное в нас – память, и отрешиться от неё – отрешиться от себя. (22)

Чтобы понять до конца человека, надо быть им. (23)

Субъективная точка зрения всегда является более правдивой, чем так называемая «объективная». Говоря по совести, объективной точки зрения в рассказах людей вообще не существует. Это лишь маскировка, предназначенная для того, чтобы обмануть или поработить кого-то. (24)

Изменив себе, в конечном счёте, станешь другим. (25)

Самое печальное – потерять себя. (26)

Люди всегда движутся через барьеры. И то, что они живут, – уже преодоление барьера. (27)

Каждый заслуживает того пути, который выбирает. (28)

Человек имеет право только на те ошибки, за которые сам в силах расплатиться. Только сам. (29)

У каждого из нас своя позиция в жизни. Стоит занять её – и дальше она приспосабливает человека к себе, лепит его по-своему, формирует характер. (30)

В позиции «легко и приятно жить» определяющее слово «легко». Легко – значит, подло. Поиному не выходит. (31)

Сакраментальная фраза: «Если не ты, то кто же?» – это ловушка для простаков с ущемлённым самолюбием. (32)

Не видно конца в гонке за престижем и комфортом. (33)

Пройдёт немало времени, пока ты кое-что поймёшь. Поймёшь, почему и какое молчание называют золотом, какое слово – серебром, а какое покачивание головой – бриллиантовым. (34)

Если родил идею, противоречащую работам руководителя, надо запрятать её подальше, про запас, до тех времён, пока сам не станешь руководителем. (35)

Если ничего не делаешь, то и спросу с тебя никакого, но, поскольку ничего не делать нельзя, надо делать поменьше и только в связи указаниями профессора, а ещё лучше – академика. (36)

Если тебя какое-то невиданное упорство гонит в неведомом направлении, переставляя с места на место, как шахматную пешку, стремящуюся во что бы то ни стало пробиться в ферзи, надо помнить, что это нужно не пешке, а тому, кто ходит ею. Пешке же нужны уютная квартира, приличная должность и соответственно – ставка, подходящая жена, семья и всё такое прочее, что есть у других «благоразумных» людей. (37)

Есть лица, которые никогда не теряют значительности. Но всегда ли она соответствует истинной? (38)

Как далеко заводит человека привычка верить в чью-то непогрешимость! (39)

Есть у людей привычки, от которых они не в силах отказаться. (40)

Одни не хотят поступиться гордыней, а другие боятся потерять её. (41)

Ценю откровенность. Наиболее дефицитное качество в наше время. Правда, в очереди за ним не стоят. (42)

У нас у всех есть тайны, и это лучшее свидетельство того, кто мы такие. Лишите самого великого его тайн, покажите без прикрас – что останется от его величия? (43)

Тайны прикрывают наши язвы и рубцы, маскируют запретные желания и поступки. Иногда это тайны от самого себя, от собственного сознания: если бы оно заглянуло в пропасть, то не удержалось бы на её краю. (44)

Человек чаще всего не желает знать правду о себе. Он изо всех сил старается казаться лучше, чем есть, не только перед другими, но и перед собой. Это нужно ему и для собственного удовлетворения, и для того, чтобы занять местечко получше. (45)

Верность и честность – это кандалы, связывающие желания. (46)

Доброта может оглуплять человека или, во всяком случае, обманывать тех, кто за ним наблюдает, являться им в отдельных случаях некой маской истинного интеллекта. (47)

Каждый из нас на что-то годен. Важно лишь найти надлежащее место, и вы увидите вместо вялого или ленивого, нерадивого или беспомощного ползуна – идеального работника. (48)

Очень счастливый человек тот руководитель, который имеет таких сотрудников, кои не дают подавлять себя. И правильно делают. Иначе всем было бы неинтересно. (49)

Быть беспощадным к врагам – без этого не победишь. Сурово спрашивать со своих – без этого нельзя командовать. (50)

Доброта при силе – редчайший дар. (51)

Собачья любовь – высшее, а может быть, и единственное проявление истинной любви. (52)

Друг – большое слово. Ответственное. (53)

Все люди, все без исключения, придумывают себя, назначают себе завышенную цену. Без этого, по-моему, мы и жить не можем. Но одни дотягиваются до приданного уровня, другие – нет. (54)

Истинной цены мы себе не знаем. Но наиболее приближается к ней только та цена, которую назначают нам другие. С ней надо уметь смириться. (55)

Что важнее: то, что происходит вокруг тебя, или отклик, который происходящее пробуждает в тебе? Ответ кажется очень простым: если для тебя, то важнее отклик, происходящий в тебе самом. И для других, если это не касается их непосредственно, важнее, или во всяком случае интереснее, как ты откликаешься на события, а не сами события. Это кажется парадоксальным, но люди сплетничают о людях, а не о Везувии, не о Чёрном море и Тихом океане, не о Марсе и Млечном пути. И рыбы сплетничают не о людях, а о рыбах, даже когда сеть уже накрывает их. (56)

Не велика радость в начальники вытолкаться. Там и без нас с вами невпротык. (57)

Среди дельцов обещания ничего не стоят, если выгодой не подпёрты. (58)

Тот, кто ищет во всём выгоду, обречён быть несчастным. Весь мир его равен его выгоде, а выгода его ничтожна. (59)

Люди всегда вмешиваются в чужие дела так, будто это их собственные. (60)

Так называемое невмешательство – только ширма. Оно молчаливо поддерживает сильного против слабого, подлого против честного, хитрого против бесхитростного. (61)

Словами людишки норовят мысли свои прикрыть. Детишкам неразумным ещё иногда можно верить, а взрослым – ни-ни, они тебя враз присобачат: или служи на задних лапках, или на цепь. (62)

Из человека легче выжать всё, опираясь на его эгоизм, использовать надёжные рычаги, созданные самой природой. И неизмеримо труднее взывать к человечности, опираться на неё. (63)

В природе инстинкт ценится выше разума. Именно он закрепляется в виде программ из поколения в поколение, а разум умирает вместе с личностью, и природа ничего не делает, чтобы продлить его жизнь. (64)

Любовь к мужчине не может быть главным для женщины. Стыдно, когда такая любовь – главное в жизни. Она делает женщину рабыней. Думая, что действует по своей воле, женщина всего только выполняет одну из самых жёстких программ природы. (65)

В природе интенсивность размножения всегда связана с моральными нормами. Вспомните о щуках, самых хищных и ненасытных из рыб. Всегда голодные и всегда готовые к убийству, оне поедают огромное количество рыбы – мальков и взрослых, чужих и своих, если свои – старые или обессиленные. Каждую весну щука откладывает сто тысяч икринок. Для

гарантии выживания такому виду не нужны моральные преграды вроде любви и заботы о детях, снисходительности к слабым и больным, к старикам. (66)

Дети обычно растут достаточно эгоистичными, чтобы любить родителей ровно настолько, насколько благ они им могут предоставить. (67)

Больше, чем невнимание, детям вредит вседозволенность. (68)

Горе существу, если изобретательность родится в нём прежде, чем нравственность. А в нашем мире часто случается именно так. (69)

Технические достижения не всегда соответствуют высокому духовному и моральному уровню. Но несоответствие может быть лишь в известных пределах. Как только оно минует допустимый предел, произойдёт катастрофа и цивилизация перестанет существовать. Так, например, если бы атомная бомба появилась в средние века, новой и новейшей истории у человечества уже не было бы. (70)

Уважать свободу – первый закон разумных цивилизаций. Его надо соблюдать очень тщательно. (71)

Хорошие семейные традиции закладываются до женитьбы. (72)

Ответственность может быть одновременно тяжкой и сладкой ношей. Ибо её оборотная сторона – возвышение в собственных глазах. (73)

Величайшая трудность, величайшая заслуга. (74)

Удаль, если разобраться, та же глупость. (75)

Высшее умение – выбрать момент риска. (76)

Когда тело в тюрьме, это ещё не значит, что скован дух. Даже казнь бывает недостаточным средством, ведь дела человека иногда опаснее его самого. (77)

Мнимое превосходство не даёт никаких преимуществ. (78)

Не зарекайтесь на потом. Потом видно будет! (79)

Подсказка есть во всём. Надо уметь её искать и находить. (80)

Опасаться, говорят, надо и кошки. А то ведь исцарапает. (81)

Если уж нельзя не рисковать, то необходимо хотя бы свести риск к минимуму. (82)

Кто не рискует, тот не проигрывает. А кто не проигрывает, тот не учится на своих ошибках. И не научится до глубокой старости. (83)

А кого мы называем «здравомыслящими»?! Возможно, по этой самой причине именно безумные идеи оказываются верными. (84)

Умей делать совершенно неожиданные выводы из сопоставления деталей, на которые обычно не обращают внимания. (85)

Совмещай в себе, казалось бы, несовместимые качества характера. Пусть твой ум работает на немыслимых стыках наук, совершая немыслимые открытия, может быть, именно благодаря тому, что ты стыкуешь то, чего никто до тебя не догадался состыковать. (86)

Природа едина, это люди для удобства изучения распределили её по наукам. И поэтому закономерно, что всякий раз, когда кто-то в силах объять в своём уме и воссоединить разрозненные и уже глубоко изученные части, он буквально натыкается на открытия, как на лежащие на поверхности самородки. (87)

Всё оригинальное проходит проверку на прочность и должно отстаивать себя в борьбе. Стань неотличимым от других – и другие не будут бороться с тобой. (88)

Путь в науке надо начинать с принципиальной позиции. А то потом будете в своих бедах обвинять других. (89)

Человек, для которого не существует непререкаемых авторитетов и железных истин, всегда готов пересмотреть любой вывод, если ему кажется, что посылки не верны. (90)

Слухи – доказательство ненадёжное, особенно в науке. (91)

Расхожая фраза, придуманная для чьего-то успокоения, о том, что незаменимых людей нет, – это ложь. Разве кто-то заменит Леонардо да Винчи, Ломоносова, Пастера, Лермонтова? Какие ничем не заполненные бреши, пустоты остались бы в рядах человечества! А продолжай жить эти гении – сколько в нашем общем арсенале добавилось бы и открытий и поэзии. (92)

Образование – дело наживное, была бы внутренняя интеллигентность в человеке, готовность жадно впитывать знания. (93)

Не обязательно быть гением, чтобы поступать честно. (94)

Гений – это тот, кто может учесть и сопоставить факты, которые кажутся другим разрозненными. (95)

Истина открывается просто, когда сбрасываешь шоры гордости. (96)

Своеобычность гения даже в том, как он исправляет свои ошибки, как не боится уронить свой авторитет. (97)

Если в твоё распоряжение попала мозговая машина повышенной мощности, используй её до конца. (98)

Гений считает, что люди упрямятся и не желают вникать в суть, что они вообще предпочитают не напрягать клетки серого вещества мозга. А он сам никак не желает понять, что за его мыслью трудно угнаться, что обычному человеку необходимо дополнительное время, чтобы воспринять и постигнуть его мысль. И тогда, по его мнению выходит, что у людей слишком длинная шея. (99)

Вот что удивительно: человек может нередко оказываться неправым в частностях и, как это ни странно, всегда быть правым в основном. (100)

Интуиция не возникает на пустом месте. (101)

Какая информация заложена в систему, таковы будут и результаты. Информация из ничего не возникает. (102)

Будущее можно вычислить с чрезвычайно большой долей вероятности, может быть, на девяносто девять процентов, если переработать соответствующую информацию о прошлом и настоящем системы. (103)

Эмоциональные факторы, подсознание, воображение позволяют моделировать ситуацию при неполных данных. (104)

Когда груда деталей, гипотез, доказательств вырастает в гору, разум поднимается на неё и различает дальние горизонты, которые не увидишь из долины. Когда видишь их первым из людей, первым, *первым*: захватывает дух, окрылённый разум возносится в пронзительные выси, в едином ритме сознание и подсознание – и затем мир – грохочущий, необъятный, целая Вселенная – входит в жадно раскрытые поры мозга, чтобы превратиться в гипотезы и открытия. (105)

Есть стороны человеческой личности, куда не дозволено вторгаться со всякими фокусами, даже если они называются научными. (106)

Сохранение и восстановление человеческой личности – главнейшее дело общества. Иначе оно превратится в толпу, в стадо, которое можно с одинаковым успехом погнать на водопой, на игру, на бойню. (107)

Истины, которые называют прописными, доступны пониманию детей и к ним же, как к наивысшему откровению, в конце своей жизни приходят мудрецы. Почему? Потому что оне живут во все эпохи и побеждают несмотря ни на что! (108)

Обмануть другого – значит предать себя. Это старая, покрытая пылью и порохом истина, которую нужно просто помнить. Наши принципы – наше главное оружие. Они оплачены кровью и страданиями сотен поколений предков. Если бы человек всё заново проверял на своём опыте, человечество бы не сдвинулось с места. (109)

Прописные истины просты только на первый взгляд. Ведь за каждую заплачено слезами, кровью, годами жизни тысяч и тысяч людей. Такие прописные истины накапливались постепенно в коллективной памяти, как всеобщее достояние, и любой новый человек, только начинающий жизнь и ещё почти ничего не сделавший, уже мог свободно воспользоваться ими, даже не задумываясь, сколько сил и лет сэкономили ему их безымянные авторы. И всё же он пользуется ими не безвозмездно, ибо проверяет каждую на опыте собственной жизни и возвратит в общую копилку обогащёнными. (110)

Познание и творчество надоесть не могут. (111)

Правильно утверждают, что талант связан с воображением, а толчки к развитию воображения идут из половой системы: чем сильней половое влечение, тем больше оно стимулирует воображение. (112)

На какие только тропинки не сворачивает лукавый разум, лишь бы удовлетворить желание. (113)

Собственное наше воображение предаёт и спасает нас много раз. Оно спасает нас прежде всего от самого горького, что подстерегает человека, – от одиночества. Оно может быть нашим закадычным другом и заклятым врагом. Ты должен приобрести самое редкое и самое трудное умение – вовремя звать его и вовремя отстранять. (114)

Есть мысли, которые не имеют значения для других. О них просто не сообщают. (115)

Художественная литература всегда тяготеет к выявлению закономерностей. (116)

Слова – это мысли. Чего бы мы стоили без наших слов? Может быть, мы и стоим столько, сколько стоят наши слова. (117)

Твои слова многозначительны и обкатаны. Они звучат слишком уверенно и буднично. А тебе положено знать, что людям нельзя обещать так много, иначе они совсем перестанут верить обещаниям. (118)

Сократить всегда легче, чем добавить. (119)

Если тебя интересуют только буквы, ты никогда не научишься говорить и понимать то, что говорят тебе. (120)

Вы бы думали не как возразить, а как понять. (121)

Вещи необходимо называть своими именами. Иначе мы так запутаемся, что перестанем их различать. (122)

Старые люди – как старые истины. И к тем и к другим стоит прислушиваться. (123)

Мы привыкли считать человеческий организм, и особенно мозг, венцом творения. Многие привыкли и к более опасной мысли, что ничего лучше и совершеннее быть не может. Так спокойнее. Но ведь спокойствие никогда не было двигателем прогресса. (124)

Ритм – основа всех процессов организованной системы. Основа жизни в любом её проявлении. Любая болезнь – нарушение ритма. Восстановление его – выздоровление. (125)

Если вдуматься, то листья шуршат под ногами, как пожелтевшая бумага, как обрывки чьих-то писем, которые не дошли по адресу. (126)

Смерть. Мы так свыклись с этим несчастьем, что оно кажется неотделимым от людей. Но мы всё равно боремся против неё. Мы сумели обессмертить голоса на пластинках и магнитных лентах, облик – в скульптуре, портретах. Мы создали бессмертную память человечества в книгах и кинофильмах. Так мы научились понимать, что же в нас главное и что нужно уберечь от смерти. (127)

Смерть начинается с отрицания жизни и, отрицая всё, отрицает себя. Жизнь начинается с отрицания смерти и утверждается, утверждая себя. (128)

Видимое может обернуться совсем другой стороной. (129)

Пусть каждый своим путём идёт, пока пути не сольются. Когда же сольются наши пути, увидим, куда мы шли, и что нас ждало в конце пути, и кто нас у финиша ждал. (130)

В. М. Р ы б а к о в

(1954 г.р.)

Как правило, из слитного, густого сумбура реальной жизни ничего определённого для ума и сердца извлечь нельзя. А из книг – можно. (1)

В привилегированный слой всегда прорывается серость, алчущая, напрягаясь поменьше, получать побольше единственно благодаря статусу. (2)

Толпа, как известно, обычно ошибается, а каждый человек в отдельности всегда прав. (3)

А человек един, нерасчленим и – каждый – бесконечно ценен! Искусственно привносить что-то средненормальное в индивидуальность есть преступление! (4)

Женщина всегда вкладывает больше в мужчину. А мужчина – в мир. И уж через это – и в женщину, и в её детей. Чтобы не просто им было лучше, а мир их стал лучше. (5)

Рисовать жизнь беспросветно ужасной – это такой же обман, как соцреализм, только с обратным знаком. (6)

Мы обнажаем в доброте – трусость, в мужестве – жестокость, в верности – леность, в преданности – назойливость, в доверии – перекладывание ответственности, в помощи – утончённое издевательство. (7)

Чем версия гнуснее, тем больше ей веры. (8)

Но от ума никого не помирить. Только сердце объединяет бескорыстно. Сердце даёт цель, а ум способен лишь изыскивать для этой цели средства. Поэтому цель всегда человечнее средств. (9)

Да только если ты не сволочь, Россия тебя сволочью не сделает. А если сволочь, никакая... Атлантида не исправит. (10)

В стране, идущей путём справедливости, стыдно быть бедным и убогим. В стране, идущей путём несправедливости, стыдно быть богатым и преуспевающим. (11)

Писатель может состояться только тогда, когда не думает, напечатают его или нет. (12)

И ведь мелочь, кажется, – но сколько их, таких мелочей, всё и состоит из них. (13)

Нет никакого «потом». Только «сейчас». Жизнь – это то, что «сейчас». Больше ничего нет и не будет. (14)

В. И. С а в ч е н к о

(1933 – 2005 гг.)

Истинная красота – гармония тела, ума и духа. (1)

Для укрепления духа надо мыслить глобально, отрицать мир, соразмерять себя с вечностью. (2)

Обстоятельства подчиняются тому, кто крепче духом. (3)

Что есть время? Время ничто – изменения всё. (4)

Люди, которые считают, что жизнь человеческая с древних времён меняется только внешне, а не по существу, уподобляют костёр, возле которого коротали вечера троглодиты, телевизору, развлекающему наших современников. Это употребление спорно, ибо костёр и светит и греет, телевизор же только светит, да и то лишь с одной стороны. (5)

Человек не знает своего будущего – и это, может быть, даже к лучшему. (6)

За чрезмерно резким подъёмом следует спад с такой же неизбежностью, как за спадом подъём. Человечество есть система инерционная. (7)

Это очень тяжёлая наука – жизненный опыт, и не каждый может её одолеть. Жизнь может облагородить, но может и озлобить, оподлить; может сделать человека мудрым, но может и оболванить. (8)

Направившись по одному жизненному пути, человек становится иным, чем был бы, пойди он по другому. (9)

Дороги, которые мы выбираем... Ни черта мы их не выбираем, живём как придётся, хватаемся за что поближе, что на глаза попалось. А потом грызёт неудовлетворённость. (10)

Каждый из нас в определённой ситуации испытал стремление уйти, свернуть в сторону. (11)

С нами остаётся тоска по местам, где не был и никогда не будешь, по людям, которых не встретишь, по делам и событиям, в которых не придётся участвовать. Мы глушим эту тоску книгами, кино, мечтами – ведь невозможно человеку жить несколько жизней параллельно! (12)

В книгах, в фильмах – в хороших, конечно, – жизнь описана всегда как-то интереснее, ярче, логичнее, чем она есть на самом деле. (13)

У нас нет времени на обдумывание! Жить приходится каждый день, успевай только поворачиваться. Продираемся сквозь чащу неотложных житейских мелочей, и не хватает у нас порой ни времени, ни сил на самое главное в жизни: творчество, подвиги, настоящую любовь, настоящую дружбу. Остаётся осадок, и чувствуем мы себя не то что несчастными, а как-то не очень счастливыми. (14)

В том и беда, что природа никогда не выдаёт ровно столько, сколько нужно для блага людей, – всегда либо больше, либо меньше. (15)

Чтобы не замшеть, надо, крайне необходимо, чтобы впереди маячило что-то; пусть будешь играть в этом не первую роль, пусть не доживёшь до конечного результата даже – всё равно сознание, что трудом и идеями причастен к дальнейшему движению человечества, наполняет жизнь, даёт больше благополучия. (16)

Если голова человека не занята мелочами, он каждый день сможет прожить интересно, даже талантливо – лучше, чем в книгах! (17)

Ощущение безмятежного счастья – это то простое счастье, что не связано ни с событием, ни с удачей. Это радостная песня жизни: вот солнце взошло, начинается день, тело полно сил, движения точны, голова ясна, ноздри жадно пьют лесной воздух... мир прекрасен и всё нипочём! (18)

Является ли благополучие целью человеческой деятельности? Пока его нет, кажется, что да, – но это только пока его нет. (19)

Пусть слабые отступают, а сильные выдерживают, преодолевают и знают себе цену. И пусть у них рождаются сильные дети. (20)

Пусть трудами и опасностями проверяются дружба и любовь. Чтобы не в комфортабельных занятьицах, не в необязательных исследованиях и спорах, а в полном напряжении сил и ума проверялось: кто человек, а кто прикидывается. (21)

Жить – это не просто существовать, это превосходить других в работоспособности, понимании мира. Гореть ярче. (22)

Мы утратили непосредственность, способность поступать по велению чувств: верить без оглядки – потому что верилось, любить – потому что любилось. Возможно, так вышло потому, что каждый не раз обжёгся на этой непосредственности... Теперь нам надо заново разумом постигнуть, насколько важны цельные и сильные чувства в жизни человека. Что ж, может быть, и хорошо, что это требуется доказать. Это можно доказать. И это будет доказано. Тогда люди обретут новую, укрощённую рассудком естественность чувств и поступков, поймут, что иначе – не жизнь. (23)

Жизнь остановить нельзя. Всякая остановка жизни есть смерть. Но смерть – это только миг, за которым начинается процесс распада. (24)

Существует шкала ценностей, в которой на первом месте стоит человек, а ниже – всякие сооружения, угодья, звёздные экспедиции... (25)

Жизнь – штука крупномасштабная, наилучшая лаборатория для создания её – планета, где её ещё нет. (26)

Человек живёт во Вселенной, где бы он ни находился. (27)

Давайте помнить о самом первом, извечно первом условии освоения и солнечной системы, и дальнего космоса, и для любых грандиозных дел: при исполнении их мы ничего не должны утратить из накопленных ранее богатств духа и ума человеческого. Только обогатиться, подняться выше. А если космические дела начнут теснить в нас человеческое, то зачем он, космос? Пространство имеет лишь три измерения, а в человеке их тысячи. (28)

Если человечество и уцелело после всех передряг, то лишь потому, что многие отпрыски, войдя в возраст, присоединяли к скромным наследственным качествам идеи, знания и взгляды на жизнь, которые им дали лучшие умы прошлого. Так они становились духовно и интеллектуально их детьми, развивали и умножали их – теперь своё! – наследие, тем

небиологически порождая новых себе подобных. Именно это, а не то, что подсчитывают демографы, было и есть истинный рост человечества. (29)

Важно не воспринимать очередную неудачу как жизненное поражение. В конце концов, мы ищем себя всю жизнь. (30)

Удары судьбы приводят в отчаяние только глупцов, умного же человека они настраивают на философскую созерцательность – и очень кстати, если обстоятельства благоприятствуют этому. (31)

Тому, для кого жизнь – игра, в ней правильно всё, что интересно. (32)

Очень многое надо знать и уметь, чтобы стать хозяевами в своём доме. (33)

Жизнь сложна, а дальше будет ещё сложнее. Единственный способ оказаться в ней на высоте человеческого положения – это разбираться во всём. Другого пути нет. (34)

Человеку следует преодолевать ту тянущуюся от пещерных времён мелкость представлений, по которой получается, что моя местность – это где я обитаю, от дерева до ручья или от горизонта до горизонта, а остальные места «не мои» и поэтому хуже, неинтереснее; что мои близкие – это люди, с которыми я связан родством и бытом, а остальные люди все – неблизкие, их жизнь незначительна и неинтересна; и, наконец, что моё время – это время, в которое неповторимый «я» живу, – а иные времена несущественны, неважно, что там было и будет. (35)

Почему большинству из нас сиюминутные блага заслоняют и прошлое, и будущее, и весь мир? (36)

Круговорот производства и потребления, мутный бурлящий вихрь, который легко подминает под себя глубокие идеи и учения, проекты оздоровления мира, любые глобальные проблемы, побеждает одним: суммированной человеческой мелкостью. (37)

Какие же мы подчас унылые мелкачи! Мелкостью губим великое дело. Мелкостью, недомыслием, боязнью... (38)

Для разумной жизни одного разума мало. Нужна ещё активность, и активность разумная. (39)

Уверенность, что владеешь возможностями, даёт реализация их. (40)

Это тонкая штука – реализация, в ней должны отсутствовать порабощающие стимулы «преуспеть, «не упустить выгоду или наслаждение», «урвать своё»... (41)

Кому-то может показаться странным, но уверенное владение возможностями приносит людям больше счастья – светлого, спокойного, – чем древнее стремление к максимальному удовлетворению потребностей, стремление наполнить бездонную бочку. (42)

Настоящий стопроцентный трус – он потому и трус, что ему никогда не хватает духу признаться себе в своей трусости. Он придумывает объяснения. (43)

Гениальность, а не посредственность – естественное состояние человека. (44)

В сложной работе важно понимать друг друга. (45)

Простой, но верный способ утвердить себя в будущем, способ этот не подводит никогда: работа. (46)

Труд физический – для веселья тела, труд тонкий, творческий – для веселья ума и души. (47)

Легко быть правым правотой посредственности: чего нет, того не может и быть. (48)

Высшее образование, ха! Если дурака учить, он не станет умным – он просто будет больше знать. (49)

Боже мой, до чего подла и угодлива мысль интеллигента! (50)

Есть определённый тип людей: дурак, бездарь, посредственность – не в названии дело. Этот тип любое дело поганит. (51)

Как преуспевают люди этого типа? Во-первых, у них узко ограниченная цель: благополучие во что бы то ни стало. Они не утруждают себя поисками смысла жизни, анализом своих и чужих переживаний, размышлением над общечеловеческими проблемами, вообще лишней игрой ума. Логика упрощена. Во-вторых, поведение их в большой степени предсказуемо. Обратись к такому – он ведь начальник – с самым несложным делом – и можно наперёд сказать, что он никогда сразу не разрешит: либо откажет, либо что-то изменит, либо «отложит вопрос», чтобы доказать свою значимость и нужность. (52)

Человек, поставивший своей целью только личное благополучие, неизбежно скатывается к нескольким элементарным принципам поведения: «око за око», «зуб за зуб», и «я тебе – ты мне». (53)

Достижение благополучия – это страшная цель. Она вытравливает из человека все веления чувств, всё превращает в труху: если и благородство – то с расчётом, чтобы заметили и оценили; если любовь, то с заранее обдуманным намерением; если преданность, то не долгу, а вышестоящим инстанциям. И если такой человек не совершает низких поступков, то не из отвращения к низости, а лишь из боязни попасться. (54)

Мне всегда бывает не по себе, когда приходится наблюдать преуспеяние набирающего силу пройдохи; испытываешь негодование в мыслях и начинаешь презирать себя за благоразумное оцепенение конечностей. (55)

Железобетонность позиции пошляка и обывателя в том и состоит, что они считают нормой именно своё поведение. (56)

Как быть с этими обывательствующими? Что изменилось для них от того, что вместо извозчиков появились такси, вместо гармошек – магнитофоны на полупроводниках, вместо разговоров «из рта в ухо» – телефоны, вместо новых галош, надеваемых в сухую погоду, – синтетические плащи? Сиживали за самоварами – теперь коротают вечера у телевизоров... (57)

Классика потребительства: добыть то, что доступно не всем, Общедоступное, будь это даже все богатства Земли, – не то. Этим не переплюнешь А и не посрамишь Б. (58)

Жизнь талантливых людей несчастна. (59)

Если мерить по таланту и силам, им приходится трудно в этой жизни: всего добиваться с боем – и чем серьёзнее цель, тем более изматывает битва за неё. А добившись, часто убеждаешься, что цели эти: новая прибавляющая известности статья или книга,

дополнительные звания, связи да и обнаруженные в опытах комариные узенькие знаньица – мишура, на которую не стоило расходовать душу. (60)

Пусть и дальше будет в моей жизни и тяжёлое, и страшное, и передряги, и страдания – только пусть не будет в ней мелочности. Пусть никогда я не унижусь до драки за благополучие, за успех, до дрожи за свою шкуру в серьёзном деле. (61)

Учителей следует выбирать как депутатов парламента, и авторитет они должны иметь не меньший. (62)

Нет и не нужно особой методики воспитания. Просто – всё обволакивающая, мудрая, несколько ироничная доброта наставника. В атмосфере её, под прищуром всё понимающих глаз неуместным покажется хныкать, капризничать, обижаться и обижать. (63)

Самый простой педагогический принцип: дети должны общаться с самыми интересными, бывалыми, значительными людьми. Не то важно, чему они их научат, о чём расскажут, – важно прямое общение. То, что эти люди-вершины с ними разговаривают, путешествуют, спят, едят, ходят, что они – просто люди, снимает массу запретов с психики детей, высвобождает в них глубинную интеллектуальную силу, возможность и самим в будущем творить значительные дела. (64)

Единственное достоинство человека – универсальность... Он хоть плохо, но многое может делать. (65)

Универсальность – продукт сложности, а сложность – фактор количественный. (66)

Любое открытие, с которого начинается та или иная наука, связано со случаем. (67)

Наука разрешает проблемы жизни и тем изменяет её – а изменённая жизнь ставит перед наукой новые проблемы. (68)

В науке в основном происходят вещи посредственные. (69)

Наука – это такое занятие, где каждый разбирается лишь в том, что делает сам. (70)

Знания – это то, что не теряешь отдавая. (71)

И отрицательное знание – знание. Знание того, что по этому пути идти нельзя, надо выбирать иные. (72)

Химия – это путь природы. У природы не было ни паяльников, ни подъёмных кранов, ни сварочных станков, ни моторов, ни даже лопаты – она просто смешивала растворы, нагревала и охлаждала их, освещала, выпаривала... так и получилось всё живое на Земле. (73)

В природе всё устроено либо дурацки просто, либо гениально просто, мы же слишком умны и слишком посредственны. (74)

У природы не было и нет никаких целей. Да и никакой природы нет, это понятие – вариант бога. (75)

Техника должна не копировать природу, а дополнять её. (76)

В современной технике человек – самое ненадёжное звено. (77)

Наука не вырабатывает ни добро, ни зло – она вырабатывает новую информацию и даёт новые возможности. И всё. А применение этой информации и использование возможностей определяют социальные процессы и социальные силы. (78)

Надо соразмерять свои замыслы с возможностями своей работы. (79)

Истина выражена самим фактом существования мира. (80)

Верить, не верить – занятие не для учёного. Надо вникать. (81)

Практика, конечно, высший критерий истинности теории. Но разве практика и польза – одно и то же? (82)

Сейчас самое время не выступать на конференциях, громоздя одна на другую скоропалительные идеи и догадки, не раздувать всемерно и всемирно на предмет обильных ассигнований важность нашего занятия, а думать. Думать несуетно, честно, беспощадно: так ли шли, где свернули с пути в лабиринте поиска? Думать с целью понять. (83)

Именно куцые отрывочные истины легко реализовать на рынке житейских отношений – для заработка или самоутверждения. (84)

Мы не приучены думать с целью понять. Наше познание целиком подчинено инстинкту самосохранения – ведь производными от него и являются «выгода», «страх», «благополучие». (85)

В каждом сильно это инстинктивное представление о счастье как о сытости, безопасности, тёплом уюте, обладании женщиной, потомством, вещами, властью, славой... и т.д. Весь набор! Если его нет, то какие бы тебя ни осеняли идеи и откровения, считается, что тебе в жизни не повезло. А если есть, то держись его, своего счастья, как вошь полушубка, и не мудрствуй. (86)

Есть универсальный, избавляющий от терзаний ответ: такова объективная реальность. Но почему реальность такова, а не какая-то другая? Прикладникам можно удовлетвориться констатацией «реальности». Прикладникам можно, ибо смысл прикладных наук – дополнять природу в интересах людей. А смысл работы теоретиков – *понять* природу. (87)

Каждый человек, пусть даже бессознательно, стремится к истине и – хоть криво, с попятными ходами – идёт к ней; иначе и культуры не было бы. Но если видишь прямой путь к истине, не виляй, иди по нему. А для этого необходимо перво-наперво отрешиться от привычной, затягивающей в суету и погоню за «счастьем» жизни. А если понадобится, то и от своего «я». (88)

Каждый, кому приходилось понимать или создавать новое: изобретать, открывать, решать сложную жизненную задачу (это важно, что жизненную!), знает, что в момент понимания или правильного решения исчезает усталость, даже если бился над проблемой днями и ночами. Человек чувствует прилив сил, бодрость, хорошее настроение, желание работать ещё и ещё – и нетрудно ему, даже тянет. (89)

Когда в работе или в жизни приходишь к *истинному* решению, поднимается тонус, хочется счастливо смеяться, неизвестно откуда берутся силы. Такое состояние – по сути, единственный факт о природе человеческого творчества. Его именуют «озарением», «вдохновением», «наитием», но всё это словеса. Строгая его суть в том, что в человеке возникает *прилив энергии*. И наоборот, когда от внешних причин или по легкомыслию сбился с пути к пониманию – чувствуешь тупой упадок сил, руки опускаются. (90)

Энергия понимания истины берётся в человеке внезапно, и явно не от еды и питья. (91)

Звуковые колебания, нарастая, устанавливаясь на уровне, затем слабея, образуют ноту, элементарную цельность, «атом музыки». Ноты слагаются в цельности-аккорды, в цельности-мелодии; это «кристаллы», «комья», «волокна» музыки. И все они складываются в нечто ещё более цельное – в симфонию или в песню. (92)

Резонансные колебания тем и отличаются от нерезонансных, что, где бы они ни возникли: в камертоне, в мостах, в радиоконтуре, в нервной системе, – они почти не требуют подпитки энергией. Значит, на поддержание в себе любой модели мира, кроме истинной (а ведь даже отсутствие у человека определённых представлений о мире, незнание, – есть ложная модель!), человек затрачивает изрядную энергию. Когда же он приходит к истине, эта энергия высвобождается. (93)

Основная беда нынешнего мира в том, что люди не по уму могущественны. Оттого и боимся атомных бомб, которые сами выдумали, сильнее стихийных бедствий. А здесь – без кнопок, которые любой кретин нажать может, иначе: понимаешь глубоко действительность – приобретаешь дополнительный запас энергии. Не понимаешь – не обессудь. (94)

Не в наших силах спасти человечество, но в наших силах не нанести ему вреда. (95)

Любое изобретение может быть превращено в оружие. (96)

Все мы так мечтаем о хорошем, а когда жизнь выворачивает идею изобретения наизнанку, хлопаем себя по бокам, как лесорубы, на морозе: что ж это вы, люди, делаете?! (97)

Мы должны в своей работе исходить из того, что человек стремится к лучшему, из того, что никто или почти никто не хочет сознательно делать подлости и глупости, а происходят оне от непонимания. В жизни всё сложно, не сразу разберёшь, скверно ты поступаешь или нет... и если дать человеку ясную и применимую к его психике, к его делам и поступкам информацию – что хорошо, что скверно, что глупо – и ясное понимание того, что любая его подлость или глупость рано или поздно по закону большого счёта обернётся против него же, тогда ни его, ни за него можно не опасаться. (98)

Теория строится на основе опытных данных. Развитием наук движут не мечты, а факты. (99)

Как хороши теории, когда подводишь под то, что уже сделано. Построить теорию, с помощью которой можно достичь новых результатов, куда сложнее. (100)

От принципиальной возможности до практического разрешения проблемы – огромное расстояние. (101)

Самое трудное в работе экспериментаторов – чисто поставить опыт. (102)

Одиночество в науке естественно и привычно для каждого творческого работника. (103)

За перевалом следует спуск в долину. Затем подъём к новому перевалу, откуда открываются более обширные виды. Новый спуск и новый подъём... Дорога ведёт в бесконечность. (104)

Только начав терять, люди поймут, как много они имели, каким громадным в сравнении с тем, что можно приобрести в своё владение, было общее, не принадлежащее никому богатство: голубое небо с солнцем, воздух, которым можно дышать, вода, которую можно

пить, орошать ею землю, купаться в ней, спокойная, безопасная для строений, транспорта и пешего хождения суша, родящая и сохраняющая жизнь почва. (105)

Исследования, которые применимы к человеку и человеческому обществу, надо вести с определённой целью. (106)

Выгодно – вот что самое страшное в наш рационалистический век! (107)

Смертная игра выдаёт злостного преступника раньше улик. (108)

Самые запутанные преступления – самые простые. (109)

Когда надежды рушатся, ищут и находят козла отпущения, и то будут или сила обстоятельств, или злой рок, либо уповают на бога, на сильную личность, на удачу. (110)

Всегда, когда что-то получается не так, находится много людей, охочих посудачить: почему не получилось – и тем утвердить себя. «Я ж предвидел! Я ж говорил!» Если случится атомная война, наверно, тоже найдутся люди, которые, прежде чем сгореть, успеют радостно воскликнуть: «Я же говорил, что будет атомная война!» (111)

Не возвышенные идеалы определяют развитие человечества, не стремление освобождаться, владеть возможностями. История человечества – это история кризисов и их преодоления. Схема одна: благодаря недальновидности и эгоизму людей накапливается исподволь какой-то скверный фактор, потом – переход количества в качество – и он проявляется бедами, потрясениями. Значительная часть людей разоряется, гибнет, дичает; уцелевшие напрягают силы для борьбы со стихиями и между собой – больше, как правило, между собой, чем со стихиями. Лучшие из них напрягают умы, ищут выход... и находят его в новшествах. Начинается подъём, общество развивается, люди множатся, распространяются, заселяют новые территории. Но в силу тех же извечных причин: недалёкости и эгоизма – опять накапливаются «тихие» факторы. И цикл повторяется. (112)

Кризисы недостаточной разумности: деятельность, не продуманная до конца, в итоге оказывается замаскированной стихией. (113)

Положение дельцов, которые ничего не смыслят в своих товарах, не может быть прочным. (114)

Реклама – способ заставить людей покупать то, что им не нужно. То, что человеку нужно, он и без рекламы купит. (115)

В сущности, разница между специалистом и спекулянтом невелика. Спекулянт наживается на том, что знает, где дёшево купить и где дорого продать, т.е. на своих знаниях. Специалист наживается на том же. (116)

Человек, из-за действий или решений которого погиб другой человек, если доказано, что было возможно избежать этого, лишается права самостоятельной работы навсегда. (117)

Ни монархи, ни президенты не могут позволить себе роскошь быть самими собой. (118)

Больницы, институты, правительства, равно как и газеты, политические партии, армии, фирмы существуют для того, чтобы быть больницами, институтами, правительствами, газетами, партиями, армиями... и так далее. Чтобы люди, сотрудничающие в них, могли зарабатывать, преуспевать, властвовать, наслаждаться жизнью. Остальное – побочно. (119)

Работодатели и находящиеся у них на службе психологи не любят оригиналов. Человек как все не опасен. От него нельзя ждать ничего великого и неожиданного. Он будет любить бейсбол, девушек, гонки, приспосабливаться к обстоятельствам, стараться в поте лица. (120)

Машины работают на тех, кто их программирует. Специалисты – на тех, кто им платит. (121)

Умному человеку незачем бояться машин. Видите ли, единственный способ быть всегда сильнее машин – это использовать их. (122)

Человек для определённого назначения, человек-вещь – что может быть хуже! (123)

Мир может погибнуть, если каждый станет заниматься тем, что в руки даётся! (124)

Принцип бытейской надёжности: лучше не поверить, чем ошибиться. Но не ошибаемся ли мы по этому принципу гораздо крупнее? (125)

Если не считать мелких природных неприятностей: наводнений, землетрясений, вирусного гриппа – во всех своих бедах, в том числе и в самых ужасных, виноваты сами люди. Виноваты, что подчинялись тому, чему не надо подчиняться, соглашались с тем, чему надо противостоять, считали свою хату с краю. Виноваты тем, что выполняли работу, за которую больше платят, а не ту, что нужна всем людям и им самим. (126)

Ленивые умы и слабые души норовят то возлагать надежды на других, то винить их во всех бедах. (127)

Иные обречены логикой своей жизни. Узкая специализация, погоня за успехом, любовь, заботы о семье, деловые и политические интриги – всё это тривиальное бегство от реальности, лишь бы не встрять в большое, общечеловеческое дело. (128)

Всё-таки самое главное для человека – чувствовать себя хозяином положения! (129)

Своим надменным, страстным отрицанием иной из нас привязан к человечеству не слабее, чем другие – согласием. (130)

Идея и нестерпимое желание выйти на оперативный простор могут творить чудеса. (131)

Когда держишь свою жизнь в собственных руках – чего же бояться? (132)

Может быть, именно от этого и возникает одиночество, что окружаешь себя людьми, над которыми легко возвыситься? (133)

Люди молчаливо понимают неисцелимую второсортность человека, который в трудную минуту может подвести, и стараются его избегать. (134)

В выборе человеком жизненного пути, да и в частных решениях: как поступить в том или ином случае – велика роль прецедента, знания о других жизнях или поступках. Вечная цель человека: повторить и превзойти достижения других, не повторяя их ошибок. (135)

Для любого сильного, душевно здорового человека нет счастья в благополучии, в застойном однообразии жизни – пусть даже приперчённом гонками на автодроме. (136)

Интересно, как произвольные обстоятельства фокусируются в фатальный инцидент. (137)

Всё-таки случай – он своё действие оказывает. (138)

Случай – неожиданный факт, этим всё сказано. Важное свойство случая: его одной рассудочностью не возьмёшь. Работа с ним требует от человека быстроты и цепкости мышления, инициативы, готовности перестроить свои планы. Овладеть случаем или упустить его – это, в конечном счёте, зависит от самого человека. (139)

Не следует путать понимание и согласие. (140)

Сформулированная задача есть записанное в неявной форме решение данной задачи. (141)

В честном споре знания – главное оружие. И в нечестном споре этот способ тоже годится. (142)

Человек всегда считал себя умным – даже когда ходил на четвереньках и закручивал хвост в виде ручки чайника. Чтобы *стать* умным, ему надо хоть раз основательно почувствовать себя дураком. (143)

Если всё время думать над одним и тем же, рано или поздно дойдёшь. Главное думать по системе. (144)

Разве наспех прочитанные учебники замаскируют отсутствие систематических знаний? (145)

В прикладных исследованиях владычествует простой и свирепый закон: если ты что-то знаешь неточно – значит, ты этого не знаешь. (146)

Относительность знаний – великая вещь. Утверждение «2 плюс 2 равно 13» относительно ближе к истине, чем «2 плюс 2 равно 41». Можно даже сказать, что переход к первому от второго есть проявление творческой зрелости, научного мужества и неслыханный прогресс науки – если не знать, что 2 плюс 2 равно четырём. В арифметике мы это знаем, но ликовать рано. Например, в физике 2 плюс 2 оказывается меньше четырёх – на дефект массы. А в таких тонких науках, как социология или этика – так там не то что 2 плюс 2, но даже 1 плюс 1 – это то ли будущая семья, то ли сговор с целью ограбления банка. (147)

Логика и случай взаимно дополняют друг друга в познании, в поисках решений. Можно найти (и находят) немало недоказанного, произвольного в математических и логических построениях; можно найти и логичные закономерности в случайных событиях. (148)

Если думаешь о чём-то днями и ночами, то всегда что-нибудь да придумаешь, найдёшь, заметишь. (149)

Какой исследователь не мечтал перед началом новой работы, не примерялся мыслью и воображением к самым высоким проблемам? (150)

Человеческий ум часто стремится не к углублённому познанию мира, а к примирению всех фактов в нём; главное – чтоб вышло проще и логичнее. А потом неизвестно откуда выплывает лукавый неучтённый фактик, который не укладывается в идеально подогнанные друг к другу представления, и всё надо начинать с начала. (151)

Личность есть отношение – ко всему в себе и вне себя. Отношение формирует восприятие, представление, реакции – жизненную позицию. (152)

Личность есть выразительная цельность. А всякая цельность – конечна. (153)

Личность есть отношение. Отношение переменилось – изменилось всё. (154)

Своя идея всегда привлекательнее чужой. (155)

Жизнеспособность идеи начинается с жизнеспособности её автора. (156)

Инстинкт самосохранения сторожит в человеке не только тело, организм – психику тоже. Подобно тому, как рука отдёргивается от обжигающего, колющего, бьющего, так и память человека, его ум и воображение сами могут уклониться, «отдёрнуться» и от внутренней информации, и даже от фактов действительности, если они посягают на его личность. (157)

Люди! Бойтесь коротеньких истин – носительниц полу-правды! Нет ничего лживее и опаснее коротеньких истин, ибо оне приспособлены не к жизни, а к нашим мозгам. (158)

Один безумец может натворить столько бед, что и миллионы умников не поправят. (159)

Расширение возможностей сводится в конечном счёте к овладению всё большими знаниями и всё большей энергией или, что то же, к уменьшению расхода её и к устранению заблуждений. (160)

Для людей нашего времени боязнь лжи сводится к опасению быть уличённым в ней. (161)

Ложь – это целесообразная выдача правдоподобной, но не истинной информации. (162)

Категорическое высказывание на основе недостаточной информации – почти такой же грех, как и ложь. (163)

Истина не бывает сложна. Это ты сам запутался. (164)

Мир, категорически отвергший ложь – даже «святую», «во спасение», будет бережно хранить и накапливать художественный вымысел: сказки, фантастику. Почему? Только потому, что в них нет корысти. (165)

С вымысла начинается мысль – он и есть мысль. Талантливый вымысел есть реальность ноосферы, реальность разумной среды – наравне с машинами, зданиями и мостами. (166)

Нет, стоит писать фантастику! Это не забегаловка-развлекаловка, не воскресное чтиво... Ведь что может быть важнее, чем заставить современного человека самостоятельно мыслить – и в соответствии с этим умно поступать? Не забивать ему голову прописями, а, наоборот, толкнуть к *своим* мыслям – разок, другой, третий, – а там он почувствует вкус в этом занятии, уверует в свои возможности – и дело пойдёт! (167)

Фантастика – это возможность увидеть мир глазами другого человека, который увидел мир с другой точки зрения, увидел и удивился и это удивление сумел передать людям. (168)

Истина бесконечна и вечна, всемогуща и всевозможна, всеобразна – только распространяясь в бесконечно-вечном мире, реализуя наличные возможности и тем добывая новые, более обширные, можно приближаться к ней. (169)

Со стороны в себе замечаешь то, что легче видеть у других, – свои недостатки. (170)

Люди, стоящие в очереди, некрасивы. Банальность и пустяковость такого занятия, опасение, что не хватит, что кто-то проворный пролезет вперёд, накладывают скверный отпечаток на их лица. И пьяные некрасивы, и скандалящие. Зато поглядите на девушку, влюблённо смеющуюся шутке парня. На мать, кормящую грудью. На мастера, делающего тонкую работу. На размышляющего о чём-то хорошем человека.... Они красивы, несмотря на неуместные прыщики, складки, морщины. (171)

Все истины мы применяем к другим, так ловчее жить. (172)

Все мы так – хорошо знаем, чего хотим от окружающих: чтобы они не отравляли нам жизнь. Но что мы хотим от самих себя? (173)

Каждый человек в глубине души тешит себя мыслью, что он не такой, как все, особый. Окружающие – другое дело, насчёт них всё ясно. Но сам он, этот человек, иной. Что-то в нём есть... уж тут его не проведёшь, он точно знает. А между тем все мы и разные и такие, как все. (174)

Человек никогда не знает, что в нём банально, что оригинально; это познаётся лишь в сравнении себя с другими людьми. (175)

Мы не наблюдаем себя со стороны. В сущности, ни один человек не знает себя. Мы не видим себя – даже перед зеркалом мы бессознательно корректируем свою мимику по отражению, интересничаем, прихорашиваемся. Мы не слышим себя, потому что колебания собственной гортани достигают барабанных перепонок не только по воздуху, но и через кости и мышцы головы. (176)

В сущности, люди, идущие по линии наименьшего сопротивления, не знают свободы. (177)

Верность себе всегда окупится. (178)

Совершенно необязательно давать волю мелким чувствам и тяжёлому характеру. (179)

Помимо неравенства, заложенного в обществе, есть неравенство, заложенное в самих людях. (180)

В человеке не главное, что он дышит кислородом. И руки-ноги – не главное. Можно завести жабры, крылья, плавники, дышать фтором, заменить белок кремнийорганикой – и остаться человеком. А можно иметь нормальные конечности, белую кожу, голову и документы – и не быть им! (181)

Красивым человек бывает лишь тогда, когда он человек. (182)

А может и действительно каждый человек – чудо? Что мы знаем о людях? Что я знаю о себе самом? В задаче под названием «жизнь» люди – это то, что дано и не требуется доказать. Но каждый, оперируя с исходными данными, доказывает что-то своё. (183)

Если человек не врёт и не кусает других потому, что не знает, как это сделать, в этом его заслуги нет. Поживёт, усвоит дополнительную информацию, научится – и будет врать, подличать, дело нехитрое. А вот если он умеет врать, ловчить, притеснять (а все мы это умеем, только не признаёмся) и знает, что от применения этих житейских операций ему самому будет легче и благополучнее, но не делает так и не делает не из боязни попасться, а потому что понимает: от этого жизнь и для него и для всех поганей становится – вот это Человек! (184)

Обычно в людях хорошее перемешано с плохим: тот умён, да слаб духом, другой имеет сильную волю, но по глупости или невежеству употребляет её по пустякам, а третий и умён, и твёрд, и добр, да здоровьем слаб... (185)

Не существует абстрактно «хороших» людей и абстрактно «плохих» – каждый человек для кого-то хорош и для кого-то плох. Объективных критериев здесь нет. Поэтому-то у настоящих рыцарей без страха и упрёка было гораздо больше врагов, чем у кого-либо другого. Хорош для всех только умный и подловатый эгоист, который для достижения своих целей стремится со всеми ладить. (186)

Пожалуй, все человеческие изъяны имеют общую природу – это перегибы. Взять, например, хорошее, приятное в общежитии качество характера: простодушие. Оно заложено в нас с детства. Но не дотянула природа, подгадило воспитание, жизненная обстановка не так сложилась – и вместо простодушия получилась дремучая глупость. Вместо разумной осторожности таким же манером получается трусость, вместо необходимой в жизни уверенности в себе – ложная самоуверенность, вместо прямоты и здорового скептицизма – цинизм, вместо трезвой дерзости – наглость, беспробудное хамство, вместо ума – хитрость. (187)

Люди, которые чуют за собой какую-то неполноценность, всегда нахальнее и хамовитее других. (188)

Мелкие мысли возникают у каждого человека и всегда. Важно не дать им превратиться в мелкие поступки. (189)

Каждый человек стремится стать лучше, совершеннее, но лишь в меру своих представлений о хорошем и совершенном. (190)

Нет, человека не так просто сбить с пути!.. Великое дело, большая идея могут подчинить себе всё, заставят забыть и об обидах, и о личных устремлениях, и о несовершенстве... Человек стремится к лучшему, всё правильно! (191)

Не унывай: твои недостатки есть продолжение твоих же достоинств. (192)

Комплекс неполноценности – это то, что пробуждает способности, что многих сделало великими. (193)

Комплекс неполноценности – это даже больше, чем талант. Сколь многих людей – политиков, финансистов, военных, писателей, учёных – это свойство психики толкало доказывать всё новыми предприятиями, что чего-то стоишь, что лучше других. (194)

«Хотеть» и «мочь» – как разграничишь это в себе? (195)

Пусть люди будут такими, какими хотят. Пусть только хотят! (196)

На опыте и знаниях строят люди свои поступки. (197)

Мысли человека – лишь возможные варианты поступков, оне всегда противоречивы. (198)

Свобода – это возможность выбирать варианты своего поведения, её исток – знание. (199)

Это труднее всего – быть честным. (200)

Есть люди, которым важно казаться перед другими честными, а там можно хоть воровать – лишь бы не попадаться. (201)

Кто не достиг значительного в делах, в познании, в творчестве – да будет значителен в добрых чувствах к людям и миру. Это доступно всем. (202)

Сны ещё менее подвластны нашим мечтаниям, чем реальная действительность. (203)

Оказывается, вздохом можно унизить. (204)

На взаимопонимание с человеком способен только человек. На хорошее взаимопонимание – очень близкий человек. На идеальное – только ты сам. (205)

Люди сложны, становятся всё сложнее – и упростить их никак нельзя. (206)

В сущности, узкая специализация – это способ самопорабощения. (207)

Вообще валить на тупость и невежество людей – это не конструктивный подход. Люди – они всё-таки могут и понять, и познать. В большинстве своём они не тупицы и не невежды. (208)

И помнить страшно, а забыть ещё страшнее. Потому что это не стало прошлым. Осталось знание: люди это могут. (209)

И всё же люди – в основном народ хороший, иначе мир давно бы превратился в клубок кусающих друг друга подонков и сгинул бы без всякой термоядерной войны. (210)

Главную уверенность в себе мужчина черпает в любви женщины. (211)

Большинство мужчин, чья внешность и возраст не оставляют надежд на лирические успехи, невысокого мнения о красивых женщинах. (212)

Женщины всё воспринимают удивительно конкретно. (213)

Женщины уважают безрассудность. (214)

Ничего не поделаешь – девушки требуют времени. (215)

Старая истина: кто любит ласку, тот любит себя. (216)

Информация искусства по своей направленности обращена к лучшему, что есть в человеке. (217)

Похоже, что в великом способе передачи информации – искусстве – есть какой-то изъян. Посмотрят люди фильм или спектакль, прочитают книгу, молвят: «Нравится...» и идут дальше жить, как жили: одни неплохо, другие так себе, а третьи и вовсе паршиво. (218)

По большому счёту должно быть так: прочёл человек книгу – стал понимать себя и знакомых, поглядел подлец спектакль – ужаснулся и стал честным человеком, сходил трусишка в кино – вышел храбрецом. И чтобы на всю жизнь, а не на пять минут. Наверно, именно о таком действии своей информации и мечтают писатели и художники. (219)

Видимо, идея «воспитывать на литературных образцах» рождена мыслью, что человек произошёл от обезьяны и ему свойственна подражательность. Но человек – уже давно

человек, миллион лет. Ныне ему свойственны самоутверждение и оригинальность поведения, он знает, что так вернее. (220)

В искусстве за тысячелетия отобрана самая высококачественная информация о людях: мысли, описания тонких движений души, сильных и высоких чувств, ярких характеров, прекрасных и умных поступков... Всё это испокон веков работает на то, чтобы развить в людях понимание друг друга и жизни, исправить нравы, будить мысли и чувства, искоренять животную низость душ. И эта информация великолепно закодирована, как нельзя лучше приспособлена для переработки в вычислительной машине марки «Человек». В этом смысле и повседневная и научная информации в подмётки не годятся информации искусства. (221)

Конечно, рассказать о каждом человеке в книге или на экране – его поймут, в него поверят, простят плохое, полюбят за хорошее. А в жизни всё сложнее и обыденнее. (222)

Тому, кто слишком цивилизован, отретушированное и заключённое в рамочку отражение природы кажется лучше оригинала. (223)

Когда читаешь произведения великих писателей, вникая в переживания и поступки выдуманных людей, то начинаешь что-то понимать о себе самом. (224)

Если коровы когда-нибудь в процессе своей естественной эволюции научатся читать, оне тоже начнут именно с детективов и любовных историй. (225)

Никогда и ничего не говорю ради красного словца: всякая реплика и любое слово лишь отражают зреющую во мне мысль или новое решение. (226)

Умные разговоры хороши для разминки мозгов, но бесполезно пытаться на их основе что-то сделать! (227)

Как часто люди пытаются отбиться порцией разжижающей мозги болтовни! (228)

Если человек начал разговор в маразматическом ключе, значит, так и надо: этим он преследует определённую цель. (229)

Мудрено осмыслить то, для чего нет слов. (230)

Слова и фразы нужны (да и то не всегда), чтобы один человек смог понять другого. Но необходимы ли они, когда требуется понять себя? (231)

Исполненный художником портрет женщины всегда глубинно отличен от фотографии её. (232)

Для того чтобы получать, нужно и давать. (233)

Любое действие обязывает. Бездействие не обязывает ни к чему. (234)

Ничто в жизни не проходит даром. (235)

Чёрный день, его может и не быть, а пока из-за него все дни серые. (236)

Всегда считаешь главным неотложное. (237)

Человек никогда не мечтает, в чём бы ему разочароваться или где бы шлёпнуться лицом в грязь, это происходит само собой. (238)

Огромное вмещается в голову не сразу. (239)

Сон – лучший способ борьбы с сонливостью. (240)

Никогда не знаешь, что хорошо, что плохо. Так, стенография возникла из дурного почерка, теория надёжности – из поломок и отказов машин. (241)

В заботе о ближнем главное – не перестараться. (242)

Преклоняться перед случаем столь же глупо, как и презирать его. (243)

Описывать неудачи – всё равно что переживать их заново. (244)

Из деталей мотоцикла можно собрать лишь мотоцикл, а отнюдь не пылесос. (245)

В наше время надо спокойней относиться к клятвам. (246)

Невозможное – невозможно. Например, невозможно двигаться быстрее света... Впрочем, если это и было бы возможно – стоит ли стараться? Всё равно никто не увидит и не оценит. (247)

Самый простой способ скрыть хромоту на левую ногу – хромать и на правую. У вас будет вид морского волка, шагающего вперевалку. (248)

Хорошо сейчас не значит хорошо всегда. (249)

Следует удовлетворяться обладанием возможности и не спешить отравлять себе жизнь реализацией её. (250)

Не давай никому на себя влиять. (251)

В конце концов, живу я на свете или мне это только кажется? (252)

Равенство в пользовании благами цивилизации принадлежит каждому человеку так же естественно и категорично, как равенство в пользовании благами природы. В пище, одежде, бытовых вещах, жилище, в энергии, в перемещении по планете всеми видами транспорта, в связи со всеми, в получении любой информации – никто не может быть ущемлён или обладать преимуществами. (253)

Болезни – результат тех воздействий среды, к которым организм не приспособлен. (254)

Когда знаешь, что болезнь пройдёт, рана зарастёт, боль становится обычным раздражителем, вроде яркого света или громкого звука – неприятно, но не страшно. Когда знаешь... (255)

Старость приходит от нарушения обмена веществ. (256)

Рвутся одна за другой привязанности: отходят, замыкаются в своих мирках друзья молодости, вырастают и делаются чужими дети... (257)

Тогда нам казалось, что всё впереди; так оно и было. Теперь и позади немало всякого: и радостного, и серенького, и такого, что оглянуться боязно, а всё кажется: самое лучшее, самое интересное впереди. (258)

Жизнь коротка. Её едва хватает, чтобы совершить достаточное количество ошибок. А уж повторять их – недопустимая роскошь. (259)

Когда кто-то умирает, чувствуешь себя виноватым уже оттого, что остался жив. Особенно если покойник моложе тебя. (260)

В жизни, в конечном счёте, выигрывает тот, кто переживает противника. (261)

Если человек настолько не понимает жизнь и своё место в ней, что и после ста лет цепляется за неё, смакует биологическое существования, – зачем он жил? Человек часть ноосферы, часть разумного мира – и важно почувствовать момент освобождения, за которым мир далее может развиваться без него. Тянуть дальше – значит, паразитировать, заедать чужой век. (262)

Призрачно, иллюзорно стремление завершить всё самому: не с тебя началось – не на тебе кончится. (263)

Осознать, что твоя жизнь лишь часть Жизни человечества, струйка в громадном потоке, равно открытию, что никакой смерти нет. (264)

Что есть смерть? Понастоящему это знают лишь те, кто знает, что есть жизнь. Вы этого ещё не знаете. (265)

Человек умирает – это не страшно. Человек смертен. Человечество может погибнуть – вот что страшно. Человечество должно быть бессмертно. Должно! Иначе жизнь теряет смысл. (266)

Умерший ради людей, ради жизни на земле, гораздо в большей степени жив, чем те люди, что каждый день умирают от страха за своё благополучие. (267)

Творческий человек должен жить столько, сколько ему надо для исполнения всех замыслов. (268)

Человечество будет жить вечно. Оно может прожить те или иные периоды своей истории лучше или хуже, скудней или богаче, использовать или упустить многие возможности. Но оно будет, пока есть Земля и светит солнце! (269)

Представим себе дерево, скажем – клён. После созревания на нём семян, соткнутых семядольками двух лопастей, он при малейшем дуновении ветра рассеивает их; и летят, красиво вращаясь, тысячи, десятки тысяч пропеллерчиков – чем дальше, тем лучше. Подавляющая часть их падает на асфальт, на мусор, на камни – пропадает без толку. Несколько попадает на благоприятную почву. Но чтобы здесь проросло деревцо, мало почвы – надо чтобы и семя было хорошим, плодотворным. А поскольку неясно, какой пропеллерчик куда упадёт, надо, чтобы все семена были плодотворны, несли заряд будущей жизни. (270)

Заменим дерево автором (в компании с издателями, разумеется), многие тысячи семян – тиражом его книги; почвы – равно и благоприятные, и неблагоприятные – читателями... Дальше должно быть ясно. (271)

Да, увы, в большинстве случаев мы сеем на камень. Читатели ждут от книг развлекухи, в крайнем случае – ответа на злободневные вопросы (т.н. «жизненной правды»), а иное не приемлют. Поэтому, если отвлечься от коммерции (а от неё надо отвлечься), книги выпускают большими тиражами ради того единственного экземпляра, который попадёт к читателю-почве; он примет новую идею, совпадающую с тем, что сам чувствовал и думал. Тогда она прорастёт. (272)

Для этого и бывают в книгах идеи-семена. Чем больше – тем лучше, чем обоснованней, тем лучше. Обоснование есть удобрение. (273)

Знать бы того читателя, прямо ему и послал бы, а остальное можно не издавать. Но как угадаешь? Вот и переводим леса на бумагу. (274)

По одному читателю-почве на идею – и цивилизация будет продолжаться. Не станет таких читателей или не станет авторов с идеями – всё под откос. Ни кино, ни телевидение, ни иные игры в гляделки книжный интимный механизм оплодотворения идеями не заменят. (275)

* * *

И только начав терять, люди в состоянии понять, как много они имели, каким громадным в сравнении с тем, что можно приобрести в своё владение, было общее, не принадлежащее никому богатство! (105)

К. Д. С а й м а к

(1904 – 1988 гг.)

Чтобы понастоящему понять, какое это чудо – жизнь, нужно себя полностью посвятить ей и всем своим существом проникнуться её могуществом, величием и красотой. (1)

Жизнь – это не распад и разложение материи, не её одряхление, не болезнь. Признать жизнь проявлением крайнего истощения материи, последней ступенью деградации мёртвой природы равносильно утверждению, что норма существования вселенной – это застой, отсутствие эволюции, разумной жизни и цели. (2)

Жизнь – это нечто большее, чем просто колллоид из комбинации определённых элементов. Нечто совершенно иное, непостижимое, скрытое от нас за семью печатями. (3)

Если в сотворении жизни участвует некая высшая сила, человек, как бы он ни старался, не сумеет создать жизнь в своих лабораториях, не сумеет наладить серийное производство живых существ. Если же человек, применив все свои знания, сможет при помощи известных ему химических соединений создать живую материю, если он благодаря высокому уровню науки и техники сотворит живую клетку, это докажет, что возникновение жизни не нуждается в чьём-либо вмешательстве свыше. (4)

Врач работает во имя жизни. Он уважает жизнь, и пока организм жив, врач до последнего мгновения всеми средствами оберегает его и поддерживает. Потому что у него глубокое сострадание ко всему живому. (5)

Каждому из нас необходимо чувствовать себя нужным людям. Эта их потребность в нас совершенно необходима для нашего душевного комфорта. (6)

Упростить свой образ жизни и свои нужды, сведя их к самому необходимому, – одно уж это, само по себе, – знак величия. (7)

Человек должен сохранять что-нибудь старинное, быть верным чему-то, в чём слиты былые голоса и будущие надежды. (8)

Важно не столько количество людей, сколько то, что за люди живут на свете, о чём они помышляют, чем занимаются. (9)

Новое свойство – это всегда новая способность. (10)

Тот, кто живёт понастоящему полной, насыщенной жизнью, вполне в состоянии обходиться без одобрения собратьев. (11)

Чувство человеческого достоинства – это на самом деле краеугольный камень всякой цивилизации. (12)

Свою радость, свой триумф человек должен переживать наедине с собой. Не стоит давать волю этому чувству. И, во всяком случае, показывать его не стоит. Всё личное надо запрятывать поглубже. Так будет лучше для всех. (13)

Существуют такие вещи, как реакция плебса, как эгоизм. Что такой публике до рода человеческого? Каждый из них будет думать только о себе. (14)

Хуже всего быть загнанным в тот угол, где стена страха смыкается со стеной комплекса вины. Обычно в эту западню попадают жертвы сомнений и неуверенности в себе. (15)

Осмысливший причину страха боится гораздо меньше. (16)

Люди, которые прошли суровую школу жизни и кое-что соображают, не оставляют случаю никаких лазеек. (17)

Даже когда всё летит к чертям, человек остаётся рабом привычки. (18)

Если заставлять людей день за днём биться над решением одной и той же проблемы, то одновременно необходимо принять какие-то меры, чтобы они не сошли с ума. (19)

Тут пригодятся музыка, книги, кинофильмы, разнообразные игры, танцы по вечерам – словом, весь старый арсенал развлечений, которые на протяжение тысячелетия давали человечеству забвение от горестей и забот. (20)

Легенды толкуются каждым в зависимости от собственного интеллекта и образа мышления. (21)

Когда стремление чего-то достичь уходит в небытие, вся жизнь людей превращается в рай для пустоцветов. (22)

Никак не могу выиграть у себя: слишком сильный противник. (23)

В каждом из нас сидит другой человек, который порой подаёт голос. (24)

Никакое живое существо никогда не кажется самому себе уродливым, потому что оно, не размышляя, принимает себя таким, каково оно есть. (25)

Нестандартная красота полностью сохраняет индивидуальность. (26)

Кто познал смысл жизни и то, в каких условиях его собственная жизнь имеет какое-то значение, тот должен оставаться самим собой. Он не может смириться с необходимостью стать кем-то другим. (27)

Перемены подкрадываются так медленно, происходят так гладко, что их мало кто замечает. (28)

Привычки живучи, и мало в ком оне умирают легко. (29)

В привязанностях человека есть нечто странное. Оне ослепляют, связывают, делают человека таким, каков он есть. Это оне помогают ему выполнять свой долг, с их помощью он достигает вершин, хотя эти вершины временами бывают серыми, бледными и очень неброскими. (30)

В старинной комедии нравов, чтобы ярче оттенить заложенную в пьесе идею, чудовищно преувеличиваются основные пороки человечества. (31)

Человек, наученный горьким опытом, знает, что не следует пренебрегать подозрениями. Слишком уж много их оправдалось на его памяти, чтобы позволить себе смотреть на них сквозь пальцы. (32)

Есть дешёвый и незатейливый способ узнать то, что нужно, или нанести, когда следует, сильный удар – это, на всякий случай, прикинуться дурачком. (33)

Люди могут ладить между собой только за счёт терпимости, а не за счёт понимания. (34)

Человек легко приспосабливается – он всё, что угодно, переживёт. (35)

Стадный инстинкт был навязан человеку в далёком прошлом экономическими и социальными условиями. Повинуясь этому инстинкту, племена забивались в пещеру или скучивались на прогалине в лесу, соединяясь против общего врага, против общей опасности. (36)

Общество состоит из разных слоёв и прослоек и делится на группы по возрасту, роду занятий, образовательному цензу и финансовому статусу. И это ещё не всё. Такое деление можно продолжать до бесконечности. (37)

Было бы интересно, если б у кого-то хватило времени создать таблицу расслоения человечества. В законченном виде – если это только вообще возможно – такая таблица стала бы потрясающим документом. (38)

Человек словно бежит наперегонки то ли с самим собой, то ли с неким воображаемым преследователем, который мчится за ним по пятам, дыша в затылок. (39)

Человек исступлённо домогается познания и власти, но остаётся совершенной загадкой, на что он намеревается их употребить. (40)

У человека отсутствует осознанная цель, и в этом причина его непрестанных метаний и тщетных попыток обрести достойный образ жизни, который упорно не даётся ему в руки потому, быть может, что человек никогда сам не знает точно, чего он хочет. (41)

Прямо-таки поразительно, какими только глупостями не занимаются некоторые представители человечества! (42)

Спорт, как к нему ни подходи, остаётся продуктом пещерной эпохи – под различными масками человек протаскивает соперничество, временами оно прорывается в открытую именно в области спорта. (43)

Жестокосердие в наше время более, чем простая человеческая жестокость. На поверку оно – порождение антигуманных отношений машинного общества, оценивающего действительность лишь с материальной, механической точки зрения и безжалостно отбрасывающего всё, не укладывающееся в эти рамки. (44)

Чёрствые люди легко становятся творцами машинного бездушия. (45)

Существует такое понятие, как гордость. Например, гордость за то, как у тебя поставлено дело. (46)

Торговля – это, господа, нечто большее, чем подсчёт барышей. Это возможность приносить пользу, возможность внести свой вклад в большое общее дело. Торговля склеивает нашу цивилизацию в единое целое, и для человека, любого человека, не может быть более достойной профессии. (47)

В нынешнее время люди забыли хорошие манеры. Забыли, что такое любезность. Что такое уважение. Отвыкли думать хорошо о своём ближнем. Деловой мир превратился в сплошные бухгалтерские операции, выполняемые машинами или людьми, очень похожими на машины своей бездушностью. В мире нет чести, нет доверия, и его этикой стала этика волчьей стаи. (48)

Деньги – это давно уже нечто большее, чем те бумажки и кусочки металла, которыми мы пользуемся для обмена, и нечто большее, чем ряды цифр, выражающие их количество. В деньги вкладывается такой символический смысл, которым не обладает ни одно из других средств обмена. Деньги превратились для нас в символ могущества и добродетели, а их недостаток вызывает чуть ли не презрение и даже считается почти преступлением. Деньги в нашем обществе – это мерило человеческих качеств, мерило успеха, почти что святыня – вот что ужасно. (49)

Всякие там липовые праздники с пёстрыми флажками на площадях – всего лишь мошеннические трюки, единственное назначение которых собрать толпу и заставить её раскошелиться. (50)

В бумажных деньгах есть что-то незаконное. Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нём чувствуется сила. (51)

Любой хлыщ с лужёной глоткой и нахальной рожей может играть на психологии толпы и пробиться к власти. (52)

Ребёнок, родившийся рабом, не так страдает, как взрослый человек, некогда бывший свободным. (53)

Кому суждено быть придворным шутом, одетым в разноцветный костюм с бубенчиками, тот должен с достоинством носить дурацкую одежду и стараться, чтобы бубенчики звенели весело. (54)

Нельзя говорить правду, раз тебя считают героем. Иначе тебя станут считать омерзительнейшим негодяем на свете. (55)

Иные вещи слишком нелепы, чтобы принимать их всерьёз. Над ними будешь хохотать до колик, даже если это грозит тебе смертью. (56)

Когда прогнившая, маразматическая государственная система рухнет под собственной тяжестью, народу будет плевать на её труп. (57)

Так устроено, что перепуганные насмерть люди чувствуют себя в большей безопасности, имея под рукой оружие. (58)

Благодарность человечества – штука недолговечная. (59)

К закону можно подойти поразному. В нём можно видеть отвлечённую философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчёркивать, его основная задача – установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникающий в обществе конфликт. (60)

Если человек может получить работу, которая его удовлетворяет, то жизнь становится для него приятной. (61)

Мир и покой возможны только тогда, когда царит полное благополучие. (62)

В глазах мудрого правителя империя совсем не символ захватничества, а торжество упорядоченных человеческих взаимоотношений, построенных на взаимном уважении и мудрой терпимости. (63)

Следует понимать и помнить, что слово, запечатлённое на бумаге, тоже далеко не совершенное орудие. (64)

Переиначивать сказанное – обычное занятие любителей интерпретировать. (65)

Телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь. (66)

Шутка, придясь не к месту, в корчах испускает дух, раздавленная фальшивым хохотом, которым её встречают неблагодарные слушатели. (67)

Книги – вот они друзья, на которых можно положиться. Оне-то всегда на месте и только и ждут своего часа. (68)

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели. (69)

Лицу духовного звания свойственна доброта, если оно, конечно, по праву занимает своё место. (70)

Ковры стерегут тишину. В этом их главная ценность. (71)

Чтобы в еде настоящее свойство было, её надо в земле выращивать. (72)

Наш человеческий организм несовершенен. Он плохо оснащён для мыслительной работы; свойства, необходимые для того, чтобы достичь подлинного знания, у нас недостаточно развиты. А может быть, у нас их и нет вовсе. (73)

Надо начать с признания, что я ничего не знаю. Потом сказать, что я хочу знать. И дать обещание, что буду усердно учиться. (74)

Правда, она чувствуется. (75)

Длинные истории, как правило, отличаются минимальным уважением к истине. (76)

Факты на самом деле добыть далеко не просто. (77)

Факты иной раз трудно признать, трудно переварить. (78)

Факты иной раз ранят душу. (79)

Научное мышление в течение длительного периода времени работает в одной-единственной, теперь уже порядком истёртой колее устаревших категорий и не ведает иных путей к познанию. (80)

Философия подсказывает, как лучше использовать ум, который уже есть у человека, она даёт возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со вселенной. (81)

Философия идёт рука об руку со всеми конкретными науками. (82)

Куда легче создать что-либо в мыслях. чем руками. (83)

Смысл наших терминов очень специфичен и зависит от категорий, которыми мы мыслим. (84)

Жить прошлым неправильно. (85)

История есть ненависть. (86)

Мало проку от того, кто чересчур занят прошлым. Ему столько надо помнить, так много, что очередные дела отходят на задний план. (87)

Наш способ мерить время никуда не годится. Мы всё время думаем, будто перемещаемся во времени, а фактически ничего похожего, всё происходит совсем иначе. Мы двигаемся вместе со временем. Мы говорим – ещё секунда прошла, ещё минута прошла, ещё час, ещё день, а на самом деле ни секунда, ни минута, ни час никуда не делись. Всё время оставалась одна и та же секунда. Просто она двигалась – и мы двигались вместе с ней. (88)

Со стариками происходят чудеса. Годы ослабляют или рвут узы прежних дней. Старики умирают или уходят со сцены или их одолевают немощи. Или же старики замыкаются в себе, в своём внутреннем мире, где ищут покоя, которого больше не могут найти во внешнем мире. (89)

Молодые и очень старые всегда одиноки. Молодые – потому, что ещё не установили связей с обществом, а старые – потому, что уже разорвали их. (90)

Страшное одиночество – это одиночество старости, отжившей свой век. (91)

Воспоминания могут порой обернуться бременем и мукой. Поэтому иной раз разумнее начинать всё с чистого листа. (92)

Предаёшься воспоминаниям – значит, старость надвигается, значит, впадаешь в детство. (93)

Суеверие – это форма самообмана, средство отгородиться от незримого. (94)

Нелегко нам до конца избавиться от суеверий – очень уж они живучи. (95)

Отсутствие подлинного знания прикрывается толкованием, подразумевающим этакое вмешательство свыше. Простой и для неразвитого ума вполне приемлемый и убедительный способ объяснить то, о чём совсем ничего не известно. (96)

Люди любят рассуждать, рассуждая, стараются свести сложное к простому, неизвестное к понятному, поразительное к обыденному. Рассуждают, чтобы не лишиться рассудка и душевного равновесия, приспособиться, как-то примириться с тем, что неприемлемо и не умещается в сознании. (97)

Человек почти всегда ищет рационалистических объяснений. Если человек не может чего-то понять, не может его увидеть, не может пощупать, не может проверить, значит, этого нет. Оно не существует. Такой подход у человека. (98)

Если люди о чём-то не знают, они избавлены от необходимости об этом думать. (99)

Парадокс в том, что поиски истины возможны именно в том направлении, которым человек совершенно пренебрёг. (100)

Переход на новую, высшую ступень развития обычно требует значительных и серьёзных издержек. (101)

В своём развитии люди нескоро обретут парапсихические способности, так как оне могут быть губительно использованы обществом, которое эмоционально и интеллектуально не подготовлено к обращению с ними. (102)

Ни одна культура, которая не достигла зрелости, не может обрести парапсихического могущества, потому что это не игра для подростков. (103)

Ребёнок ходит в школу, потому что ему надо многому научиться. Он ходит в детский сад, а потом в школу, а потом в колледж. Он понимает, что ему надо много учиться, прежде чем он займёт своё место в мире взрослых. (104)

Будь ты на земле хоть доктором, хоть академиком, по прибытии в высший мир ты становишься всего лишь выпускником детского сада. (105)

Прежде чем начать приобщаться к культуре, прежде чем начать учиться, следует признать, что ты ничего не знаешь. Надо признать, что ты ещё ребёнок. С капризами тебя никуда не пустят. (106)

Если налицо мудрость и труд, есть и проблеск надежды. (107)

Тот, чей путь далёк и стремителен, должен путешествовать налегке. (108)

* * *

Новое свойство – новая способность. (10)

Молодые и очень старые – вот кто понастоящему одинок. (90)

Д ж. С а м н е р - Э л б и

(1905 – 1964 гг.)

Служебные обязанности – это удел низших слоёв общества. (1)

Слова существуют не для того, чтобы их употребляли неточно. (2)

Весьма пристойно, коли человек, обладающий неограниченной властью, пренебрегает её внешним оформлением. (3)

А. С е л л и н г с

(1921 – 1968 гг.)

Может быть, неизбежное последствие выбора пути – чувствовать иногда, что путь выбран не тот. (1)

Ребёнку трудно удержать мечту, когда все вокруг говорят: это глупость. (2)

У нас есть возможность изменить собственную жизнь, но только в пределах, которые устанавливает для каждого из нас собственная натура, и в пределах, которые мы устанавливаем для себя сами. (3)

Ни один человек не может сказать: «Я гений, которому не дают ходу». Гений может сказать: «Когда-то мне пытались не дать ходу», но и только. Сама природа гения такова, что не дать ему ходу просто невозможно. (4)

Р. С и л ь в е р б е р г

(1935 г.р.)

Человек рождается с одним правом – правом доказать, на что он годен. (1)

Этот мир достоин сожаленья, повторяешь ты. Он мерзкий, мерзкий. Но всё это не более, чем щенячий цинизм. Каждый так говорит, когда ему восемнадцать лет. Но это проходит, мы психически организуемся и видим, что вселенная – достаточно приятное место, и что все люди стараются, как могут. (2)

Нетерпеливость – качество молодых, и чем старше человек становится, тем добродушнее и терпеливее плетёт он паутину своих планов. (3)

Понастоящему хитрый человек скрывает свою хитрость. (4)

Залогом человеческого счастья служит плотность черепной коробки. Если бы люди обладали хоть зачатками телепатических способностей, то они попросту не смогли бы находиться в обществе друг друга. Существование человеческого коллектива сделалось бы невозможным. (5)

Когда обладаешь властью, то вся беда в том, что ты отрезан от людей. Люди становятся для тебя чем-то неодушевлённым. (6)

Каждая тирания имеет свой предел. (7)

Во время войны солдат убивает, поскольку окружающий мир ставит его в такую ситуацию. Это может оказаться несправедливая война, или может случиться, что он поймает на мушку собственного брата, но тем не менее война – это реальное событие, и он вынужден в нём играть свою роль. (8)

Временами приходится уничтожать для того, чтобы обрести знания. (9)

То, что делаешь слишком часто, теряет смысл. Произнеси своё имя тысячу раз, и оно превратится в пустой звук. (10)

Несчастья заставляют человека испытывать определённые чувства и вырабатывать к ним определённое отношение. (11)

Секрет успеха – вовремя перестать ставить на фаворита или вовремя бросить карты. (12)

Уже знакомая чертовщина предпочтительнее неизвестной. (13)

Честь – это такая вещь, которая не поддаётся изменениям, безотносительно к тому, насколько ты болен, одинок или обижен. Настоящую честь не убивает даже ненависть. (14)

Совесть человеческая не подвержена атрофии с ходом времени. Мы просто учимся справляться с укорами совести, и ничего больше. (15)

И всё же целое часто бывает лучше, чем его составляющие. (16)

К. А. С и м о н я н

(1936 г.р.)

Ты когда-нибудь задумывался над тем, как важно верить людям? (1)

Как верить людям, которые свои тайные цели прикрывают официальными речами? (2)

Те, кто стоит на вершине общественной пирамиды, как правило, полагают, будто люди, находящиеся у её основания, существуют не для того, чтобы поддерживать пирамиду в устойчивом положении, а лишь для того, чтобы доставлять верхожителям ненужные хлопоты. (3)

Роковой для общества день, когда, сочтя свои функции выполненными, оно переходит лишь к потреблению того, что создано многими поколениями и отказывается от прогресса; когда люди решают, будто им больше уже нечего делать и настала пора отдохнуть и пожить в своё удовольствие. (4)

Ещё не было случая, чтобы люди, шагнув назад, к пещерам, стали властителями планеты. Обычно бывает наоборот. Планету покоряет тот, кто выходит из пещер, смотрит не под ноги себе, а на звёзды. (5)

Когда речь идёт о разложении и вырождении целого общества, то за виновными далеко ходить не надо: в подобных случаях виноваты сами люди. (6)

Печальнее всего то, что мы обманываем самих себя. А когда хотим перестать это делать, – начинаем обманывать других. (7)

Чтобы не обманывать самих себя, мы вынуждены лгать другим. (8)

Люди прикрывают своё истинное лицо непроницаемой маской. Но когда они хотят снять её, выясняется, что это не очень-то желательно. Не потому ли, что под нею предполагается существование другой? (9)

Может быть, притягательная обнажённость правды и в самом деле всегда неприятна, если не ужасна? (10)

Вообще нагота приятна, когда человек один или их двое. (11)

Думаешь, кому-нибудь интересны наши мысли? Абсолютно никому. Вот и приходится душить самого себя. (12)

Жизнь без переживаний – это самообман. (13)

Монотонная жизнь не оставляет в памяти никаких воспоминаний, ибо воспоминания остаются от перемен. (14)

Нам кажется, что наша молодость поистине бесконечна. Всё ждём чего-то, откладываем. А годы и десятилетия проходят, и в один прекрасный день становится ясно, что твоё время истекло и ты совершенно один на всём свете. Тогда только замечаешь, что всю жизнь прожил одиноким. (15)

Признайтесь самому себе – жили ли вы полной жизнью? Жили ли вы для того, чтобы пользоваться всеми радостями жизни? Или всю жизнь, согнувшись под бременем забот,

думали лишь о приобретении самого необходимого? Трудились, а жизнь тихо и незаметно проходила мимо вас. (16)

Обыкновенные люди большую часть своей жизни живут в сказочном мире: они живут завтрашним днём. (17)

Без воспоминаний о прошлом невозможно жить завтрашним днём. (18)

Человек – беспокойное существо. Он не любит задерживаться там, где не чувствует себя незаменимым. (19)

Пожалуй, такова природа человека: человек всё время ищет и находит новое. А потом он начинает тосковать по тому, что покинул. (20)

Находят всегда случайно, если только и в самом деле велико желание найти. (21)

Жизнь хороша, привлекательна, полна смысла лишь тогда, когда чего-то ждёшь. (22)

Кто оседлал время, тому спешить не нужно. Оседланное время ничем не спугнёшь, оно не устаёт, и всаднику остаётся лишь спокойно и терпеливо пересекать бескрайние горизонты, в уверенности, что настанет когда-нибудь его собственное мгновение, только его, и ничьё другое. (23)

Если хозяйка дома как верный цербер охраняет покой мужа, то весьма вероятен и вежливый отказ. (24)

Добившись взаимности женщины всякими сентиментальными выдумками, мужчины донимают её своими глупыми капризами. (25)

Анекдоты рассказывают либо умные машины, либо глупые люди. (26)

Смеяться полезно. Тот, кто смеётся, всегда остаётся человеком. (27)

Улыбаются только грустные люди. Весёлые почти не улыбаются. (28)

Люди сходят с ума от тоски, одиночества, от чувства покинутости и собственной ненужности. (29)

Житейские неприятности переносить легко. Что же касается иллюзий, тут уж гораздо труднее выдержать. Не все могут хладнокровно наблюдать гибель своей мечты. (30)

Равнодушие порождает потерю веры. (31)

За несколько юношеских лет человек в самом себе открывает всё то, из чего в будущем сложится его человеческая сущность. (32)

Детство нередко становится опорой взрослому человеку. Только люди обычно думают, что трудности можно преодолеть с помощью одного лишь жизненного опыта. И почему мы так самонадеянно уверены в этом своём опыте, отчего мы думаем, что любознательное, непосредственное детство навсегда покинуло нас? (33)

Такое случается довольно часто: двое долго сидят молча, со стороны кажется, будто они всё время молчат, а на самом деле они беседуют. И даже спорят. (34)

Прекрасны мгновения, посещающие человека на рассвете. Минуты, когда мир и жизнь кажутся божественным, щедрым даром, когда действительно ни о чём не думаешь или стараешься убедить себя в этом. (35)

Грусть – это странное ощущение, которое бывает у человека даже в самые весёлые минуты и заставляет его размышлять о бессмысленном, нелепом чередовании жизни и смерти, начала и конца. (36)

Откуда, когда возникла в человеке эта приятная боль, которую зовут тоской и мечтой? Почему она так постоянна? Умирает, кончается любовь, гаснет, забывается ненависть, смягчается горе, а стремление и тоска живут вечно, они дают ростки, укрепляются и углубляются. Человек тоскует по тому, что видел и пережил. Но самое удивительное, что он тоскует и мечтает даже о чём-то неизведанном и далёком. (37)

Тишиной люди наивно называют гармонию природы, которая в действительности является смешением шорохов реки, звука лопающейся почки, эха в ущелье, глухого и расслабляющего жужжания насекомых, зелёного шороха листвы и звука скользящего по небу солнца. (38)

С. А. С н е г о в

(1910 – 1994 гг.)

Создатель не отрицает, а утверждает. Отрицают лишь люди, не умеющие создавать. (1)

Живопись – музыка красок, а любовь – музыка чувств и поступков. (2)

Всё звучит! Всё музыкально: вещи и дела, слова и чувства. И каждый человек воспринимает мир по-своему – музыка мира у каждого своя. (3)

Книги святей икон. (4)

Загадки потому только и загадки, что в основе их лежат редкие причины, а мы чаще всего ищем тривиальностей. (5)

Человек не способен вынести ни великого горя, ни великой радости, человек гармоничен, такова его природа – всё чрезмерное губительно для человека. (6)

Ещё не было на свете женщины, которой хватило бы одной любви. (7)

Н. В. С о к о л о в а

(1916 - 2002 гг.)

Глубокая трагедия нашего века, социальная его трагедия не в том, что существуют неравные права людей. Нет, она в том, что существуют притязания на равные права. (1)

Нужны ли человечеству новые возможности, когда оно и старых не может толком осилить? (2)

Прямота – это иллюзия. Так или иначе все мы изгибаемся, склоняемся, применяясь к изгибу подлости века. А изгиб подлости века очень крут – и становится всё круче. (3)

Заблуждения человечества удручающи. Оно не заслуживает того, чтобы мы о нём заботились, думали, чем-то для него жертвовали. Люди лживы, неблагодарны, забывчивы. Сколько героев отдали свою кровь – а мир не стал ни на грош лучше. (4)

Куда идёт страна, эпоха? По моему глубокому убеждению, современник не имеет возможности отвечать на такой вопрос. Слишком короток срок человеческой жизни. Всё равно как если бы муха, ползя по окружности Земли, пыталась определить, какая это линия, ровная или закруглённая, насколько закруглённая и куда она ведёт. Чтобы понять ход истории, нужна дистанция. Свидетели событий всегда слепы. (5)

Прогрессивно не то, что нравится мне или вам, что вам или мне кажется красивым, благородным. Прогрессивно то, что грядёт, чему должно быть! Вот вам парадокс: негодяй, который делает историю, и святой, который ей мешает. (6)

Усилия людей в области политики редко приводят к тем целям, которые они себе обозначили, – почти всегда к совсем иным, неожиданным и часто к диаметрально противоположным. (7)

Печально, когда власть авторитета заменяется авторитетом власти. (8)

Массивные слоновые колонны биржи словно твердят о том, что быть малыми жуликами, мелкой мошкарой наживы невыгодно и опасно, но крупным хищникам при любой погоде живётся хорошо. (9)

Политика – это всегда грязь, от Цезаря и до наших дней. Так было, так будет. (10)

Человек без родины – позабытый человек. (11)

Бедная многострадальная наша родина! Читаешь – страшно. И там и там – заблуждения. (12)

Из-за одного слова, искажённого неграмотным переводчиком, лились реки крови, люди шли на смерть, на подвиг. Не знаю, кто страшнее, кто дурее – те, что жгли во имя бога, говорящего «Не убий» на языке древних латинян, или те, кто радостно, с псалмами всходили на костёр во имя бога, говорящего «Не убий» на грубом, тогда ещё совершенно неразвитом крестьянском диалекте наших предков. (13)

Не делать зла человеку – определённому человеку. А зло людям – как с этим быть? (14)

Зрелище разрушающейся человеческой личности не из приятных, оно всегда наводит на грустные мысли, происходит ли этот распад в особняке с готическими каминами или в затхлой пивнушке. (15)

Способность к самопожертвованию является одним из определяющих признаков высшего существа. И, соответственно, наоборот: потребность властвовать, подчинять себе жизнь, ход событий, способность жертвовать другими во имя поставленной перед собой цели есть определяющий признак низшего существа. (16)

Нужно быть честным в духовных вопросах до конца. Нужно научиться дышать разрежённым горным воздухом интеллектуальных высот, видеть где-то внизу под собой жалкую суету политиков и наивное себялюбие народов. (17)

Люди первого ранга первенствуют не потому, что хотят этого, а потому, что существуют. Быть вторыми они не вольны. (18)

Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только для себя – тогда зачем я? (19)

Человек не чувствует себя таким одиноким, когда ему есть о ком заботиться. А у сильных людей эта потребность особенно сильна. (20)

Уют, комфорт – это необходимо, это же подымает работоспособность. (21)

Человечество множится, мужает, накапливает энергию. Надо завоевать ему новые возможности, новые миры. Изменение климата пустынь, северных пространств, обживание горных вершин, освоение глубин океана, выведение колоний на другие планеты. И вот ещё вклад: подземное царство. (22)

Чем создаётся реальный прогресс общества, поступательное его движение? Только увеличением суммы знаний, накоплением сведений о вселенной. Молчать, делать своё дело и не думать о бесполезном – вот долг учёного. (23)

Искусство расширяет наше «я». Если хотите, приближает нас к Богу, к природе. (24)

Современный художник, вместо того чтобы копировать природу, пытается изобразить вселенную как мощный поток изменчивых явлений, ещё не успевший породить определённые, знакомые нам формы. (25)

Технику, в отличие от художника, приходится иметь дело как раз с определёнными, законченными формами. (26)

Современная живопись без цвета и без рисунка чем-то напоминает современную музыку без мелодии и даже почти без звуков. (27)

Главное – это понять необходимость и простить оной в душе своей. Гранитную стену лбом не прошибёшь! (28)

Жизнь без слабостей – жизнь без удовольствий. (29)

Ты умеешь страдать. Кто наделён страданием, тот может всё. (30)

Именно способность страдать, испытывать боль и делает человека человеком, высшим существом. Ведь только тот, кто знал боль, может понять боль другого. Ведь только тому доступен подвиг, кому есть чего страшиться, кто уязвим. (31)

Человек смертен. И ему добиваться здесь, на земле, иных, лучших условий существования так же странно, как пленнику ковырять гвоздём толстую каменную ограду, когда открыты ворота. (32)

Т. С т а р д ж о н

(1918 – 1985 гг.)

У людей удивительная способность, просто талант не верить собственным глазам и находить взамен всякие правдоподобные объяснения. (1)

Общим у искренности и логики является то, что оне могут не иметь никакого отношения к истине. (2)

Как бы я ни старался объяснить, вам мои объяснения покажутся тысячи раз слышанными банальными истинами. (3)

Общество держится на лжи и полуправде и, лишившись этой опоры, оно развалится. (4)

«Здравствуйте!» – говорим мы при встрече людям, здоровье которых нам совершенно безразлично. «Как поживаете?» – спрашиваем мы и не слушаем ответа. «Спасибо», – говорим мы, а это значит «спаси вас Бог», но часто ли это пожелание бывает искренним? Мы лжём и лицемерим на каждом шагу, и сразу же забываем об этом, и ни капельки не чувствуем себя виновными. (5)

Есть люди, от взгляда которых ускользает только очевидное, и это очень грустно: ведь очевидного в мире так мало! (6)

Скромность – не столь простая добродетель, как честность. (7)

Каждому человеку есть что скрывать. (8)

Когда на женщине платье в обтяжку, она куда больше бросается в глаза. (9)

Всё на свете относительно. Если женщина всем недовольна, значит, у неё слишком мало забот. (10)

Молодость порою спешит напрямик там, где мудрость прокладывает обходной путь. (11)

В сокровенных тайниках души нет места страху, в них живёт стремление понять и быть понятым. (12)

Надо сохранить не только саму жизнь, но и своё прошлое, иначе утратишь свою человеческую сущность. (13)

Культура, в которой главенствуют люди, неизбежно разрушит ту, где на первом месте машины, либо сама будет разрушена. (14)

Братья Стругацкие

Научись ценить самое главное своё достояние – время. (1)

Время – это такая материя, в которой любой из нас не менее компетентен, чем самый великий академик. (2)

Все люди делятся на три большие группы. Вернее, на две большие и одну маленькую... Есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдалённом. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. (3)

Потом, есть люди, которые живут настоящим и знать не желают будущего и прошлого. Что же до будущего, то они не имеют о нём ни малейшего представления и боятся его иметь. (4)

И наконец, есть люди, которые живут будущим. От прошлого они совершенно справедливо не ждут ничего хорошего, а настоящее для них – это только материал для построения будущего, сырьё. Они, собственно, и живут-то уже в будущем... на островках будущего, которые возникли вокруг них в настоящем. (5)

Познание бесконечности требует бесконечного времени. (6)

Ненавижу, когда вечностями швыряются. «Братья навек», «вечная дружба», «навеки вместе», «вечная слава»... Откуда вы всё это берёте? Что вы видели вечного? (7)

Будущее нельзя предвидеть, но его можно изобрести. (8)

Вся беда в том, что мы не замечаем, как проходят годы, мы не замечаем, как всё меняется. Мы знаем, что всё меняется, нас с детства учат, что всё меняется, мы много раз видели своими глазами, как всё меняется, и в то же время мы совершенно неспособны заметить тот момент, когда происходит изменение, или ищем изменение не там, где следовало бы. (9)

Наша жизнь многовариантна, и каково это – вколотить её целиком во что-нибудь одно? (10)

Конечно, знать будущее – вековая мечта человечества, вроде ковра-самолёта и сапога-скорохода. Цари-короли-императоры большие деньги за такое знание сулили. Но если подумать, то при одном непременном условии: чтобы будущее это было приятным. А неприятное будущее – кому его нужно знать? (11)

Такова жизнь, будущее создаётся тобой, но не для тебя. Хорошо, если вы это уже поняли. (12)

Нужны ли мы нам? – вот в чём вопрос. (13)

Приятные сны, конечно, всегда лучше неприятной действительности, но живём-то мы не во сне. (14)

Тот, кто счастлив, ничего и не ищет. Зачем что-то искать, если ты и без того счастлив? И что вообще стоит искать, кроме счастья? (15)

Имеется метафизический переход от несчастья к счастью, и это нас не может удивлять, потому что счастливыми не рождаются, а счастливыми становятся. (16)

Почему человек никак не научится жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин всё время ползут тщеславие, самолюбие, уязвлённая гордость. И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться. (17)

Цель – это только средство. Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью. (18)

Раньше главным было дать человеку свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное – показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть почеловечески счастливым. (19)

Счастье – в непрерывном познании неизвестного, и смысл жизни в том же. Каждый человек – маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова. (20)

Жизнь трёт и перемалывает человека, пока не сдерёт с него шелуху всяких эмоций, которые, в общем-то, не нужны, но без которых человек уже не человек, а дерево. (21)

Смысл жизни интересует только живых. (22)

Есть сила, которую трудно победить. Это мещанство, косность маленького человека. (23)

Мещан не победить силой, потому что для этого их пришлось бы физически уничтожить. И их не победить идеей, потому что мещанство органически не приемлет никаких идей. Бороться с мещанством – это всё равно что резать воду ножом. (24)

Обыватели кажутся скотами, потому что есть те, кто очень много потрудился, чтобы сделать их такими. Им с пелёнок внушали, что самое главное в жизни – это деньги. Их учили завидовать миллионерам, домовладельцам, соседскому лавочнику. Им забивали головы дурацкими фильмами и дурацкими книжками. Им вдалбливали, что есть бог, есть дом и есть бизнес. И больше нет ничего на целом свете. Так людей и делают скотами. (25)

А человек ведь не скотина. Внушите ему с пелёнок, что самое важное в жизни – это дружба и знание, что, кроме его колыбельки, есть огромный мир, который ему и его друзьям предстоит освоить, – вот тогда вы и получите настоящего человека. (26)

Мещанин – это всё-таки тоже человек, и ему всегда хочется большего. Но поскольку он в то же время и скотина, это стремление к большему по необходимости принимает самые чудовищные формы. Например, жажда власти. Жажда поклонения. Жажда популярности. Когда двое таких вот сталкиваются, они рвут друг друга, как собаки. А когда двое таких сговариваются, они рвут в клочья окружающих. (27)

Если б не было в нашей жизни горя, то лучше б не было, хуже было бы. Потому что тогда и счастья бы тоже не было, и не было бы надежды. (28)

Конечно, бытие определяет сознание. Это – как правило. Однако, к счастью, как исключение, но достаточно часто случается так, что сознание опережает бытие. Иначе мы бы до сих пор сидели в пещерах. (29)

Чудеса в нашем мире случаются только поганые, так что надеяться нам, в сущности, не на что. (30)

Скептицизм и цинизм в жизни стоят дёшево, это много легче и скучнее нежели удивляться и радоваться жизни. (31)

Ну конечно же, мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим. Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека? (32)

Люди, ушедшие в иллюзорный мир, погибают для мира реального. Они всё равно что умирают, и когда в иллюзорные миры уйдут все – а к этому может придти, – история человечества прекратится. (33)

У природы слишком много законов. Мы их открываем и используем, и все они нам мешают. Закон природы нельзя преступить. Ему можно только следовать. И это очень скучно, если подумать. (34)

Природа не обманывает, она выполняет свои обещания, но не так, как мы думали, и зачастую не так, как нам бы хотелось. (35)

Мир не может меняться вечно, ибо ничто не вечно, даже перемены. Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. (36)

Не надо огорчаться и заламывать руки. Жизнь прекрасна. Между прочим, именно потому, что нет конца противоречиям и новым поворотам. (37)

За всё надо платить, ничего не получают даром, и чем больше ты получил, тем больше нужно платить, за новую жизнь надо платить старой жизнью. (38)

Увлечения детства не проходят даром для человека в зрелом возрасте. (39)

Всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется. (40)

В жизни часто случается, что всё оказывается вовсе не так уж страшно и беспросветно, как по началу казалось. (41)

Всё, в конечном счёте, имеет свой смысл и причину. (42)

Какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там не асфальта. (43)

Конечно, когда человек ведёт автомобиль, он не может блеснуть интеллектом. (44)

Всегда нас что-то или кто-то подгоняет. Быстрее, ещё быстрее... А нельзя ли ещё быстрее? Можно, отвечаем мы. Пожалуйста!.. Нет времени осмотреться. Нет времени подумать. Нет времени разобраться – зачем и стоит ли? (45)

Повидимому, законы природы таковы, что человек в конечном счёте стремится не столько к самим восприятиям, сколько к переработке этих восприятий, стремится услаждать не столько элементарные органы чувств, сколько свой главный воспринимающий орган – мозг. (46)

Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо! (47)

Если предназначение реально существует, оно должно проявляться либо в сфере «могу», либо, как минимум, в сфере «хочу». (48)

Самый героический поступок человечества – это то, что оно выжило и намерено выживать дальше. (49)

В мире постоянной тревоги и насторожённости оптимизм передаётся от человека к человеку лишь с трудом, при благоприятном стечении обстоятельств и ненадолго. (50)

Просто удивительно, как быстро проходят волны восторга. Грызть себя, уязвлять себя, нудить и зудеть можно часами и сутками, а восторг приходит и тут же уходит. (51)

Дело не в том, как на тебя влияют другие, а в том, как ты влияешь на других. (52)

Нам часто трудно понять даже поступки наших ближних, не то что их фантазии. (53)

Зависть – одежда вкуса. (54)

Великолепно заменяет воспитание только одно – добродушие. (55)

Счастлив тот, кто думает о других. (56)

Всё на свете вздор! Есть только одна роскошь на свете – роскошь человеческого общения. (57)

О, эта проклятая интеллигентская стеснительность! Не могут два прекрасных человека сразу же, немедленно, раскрыться друг перед другом, принять друг друга в свои души, стать друзьями с первого взгляда. (58)

В известном смысле предки всегда богаче потомков. Богаче мечтой. Предки мечтали о том, что для потомков рутина. (59)

Неблагодарность потомков – обыкновенная вещь. Потому потомки и забывчивы, что предки не обидчивы. (60)

Я живу, вижу и не понимаю, я живу в мире, который кто-то придумал, не затруднившись объяснить его мне, а может быть, и себе. (61)

Не может быть у отдельного человека такой ненависти или такой любви, которая распространялась бы на всё человечество. (62)

До чего же в наше время сложно устроиться таким образом, чтобы хоть на неделю, хоть на сутки, хоть на несколько часов остаться в одиночестве! (63)

Есть замкнутость, которая следствие чувства неполноценности, ощущения собственной ущербности или неуверенности в себе. А есть замкнутость всегда занятого человека, который не хочет тратить время на окружающих, который постоянно и глубоко занят своим собственным миром. (64)

Окружающие часто пытаются втолковать нам ту нехитрую мысль, что хорошее всегда хорошо, а плохое не всегда плохо. (65)

Одиночество, при всех его огромных преимуществах, – это действительно паршивая вещь. (66)

Почитатели, сотрудники, коллеги, ученики – это совсем не то, что родные и друзья. Твои друзья и твои родичи это – ты, часть твоя, плоть твоя. А ученики, коллеги, поклонники – это всего лишь плоды твоей деятельности, как написанные тобою статьи, как книги, как картины... кирпичики, из которых сложил ты дом свой, в котором живёшь и умираешь. (67)

Переменяя друзей, вместе с ними меняем и систему ценностей. (68)

Полное одиночество – это не когда у тебя друзей нет; это – когда у тебя даже и врага нет. (69)

Между прочим, таких, кто ищет уединения, гораздо больше, чем мы с вами думаем. Ведь уединение – не такая уж плохая вещь. (70)

Люди! Люди, и людишки, и человечишки. (71)

Там, где общий принцип сталкивается с принципом личным, – там кончается жизнь простая и начинается сложная. (72)

Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. (73)

В этом лукавом обманном мире у людей есть всё, чего они только могут пожелать, а потому желания их извращены, цели потусторонни, и средства уже ничем не напоминают человеческие. (74)

Кто никогда и ни в чём не бывает доволен собой, тот никогда и ни в чём не даёт спуску окружающим. Особенно если в нём есть этакая беспощадная сосредоточенность на цели, которую встречаешь только у крупных учёных и спортсменов. (75)

В отношениях между людьми пустяков не бывает. (76)

Нет никаких странностей, есть просто неровности. Внешние свидетельства непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой натуры, где разум насмерть бьётся с предрассудками, где будущее насмерть бьётся с прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии, чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак. (77)

Человек разумный имеет к разуму не большее отношение, чем змея очковая к широко распространённому оптическому устройству. (78)

Увы, не редкость, что человек, который ничего толком не умеет, который толком не знает, что ему хотелось бы уметь, который не научился ещё ценить своё главное достояние – время, у которого нет и не предвидится каких-либо особенных талантов, доминантой существа своего имеет не голову, а руки и ноги. (79)

Человековедение – это не наука, это такая разновидность веры. Здесь ничего нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Человековерие. Ты либо просто веришь, либо просто не веришь. Что тебе ближе. Или теплее... (80)

Ох, уж эти знаменитые «зато»! Алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан... (81)

Для молодого человека нет и не может быть более целительной психотерапии, нежели очаровательная молодая женщина. (82)

Общение с девушками доставляет удовольствие лишь в тех случаях, когда достигается через преодоление препятствий. (83)

Нет в наше время любви. Романчики есть, а любви нет. Некогда в наше время любить: автобусы переполнены, в магазинах очереди, ясли на другом конце города, нужно быть очень молодым и очень беззаботным человеком, чтобы оказаться способным на любовь. А любят сейчас только пожилые пары, которым удалось продержаться вместе четверть века, не потонуть в квартирном вопросе, не озвереть от мириад всеразъедающих мелких неудобств, полюбовно поделить между собой власть и обязанности. (84)

Иногда любить значит – молчать. (85)

Страшная штука – ревность. Подлая и коварная. Всё видно. Ничего не скроешь. И – ни от кого. (86)

Любовь и брезгливость несовместны. (87)

Любовь, как известно, зла. Она порождает удивительные намерения и провоцирует любящего на поступки противоестественные и благородные, благородные до неестественности, до извращённости даже. (88)

Никто не знает, на что способен человек в критических условиях. И особенно женщина. (89)

Обычно женщины не любят рассуждать. Но уж когда оне начинают, то становятся удивительно категоричными. (90)

Люди рождают детей на свет и калечат их по своему образу и подобию. (91)

Всё-таки трудно придумать что-либо более отвратное, чем потуги взрослых вмешивать в свои взрослые дела детей. В особенности если это не дела, а делишки. (92)

Женщина, которая слишком любит мужчин, не может сделаться хорошей женой. (93)

Жизнь – это довольно скучная возня с довольно скучными делами, и нужно пользоваться всяким случаем, чтобы разрядиться в великолепной вспышке. (94)

Вся наша деловая жизнь есть последовательная цепь сделок! Нужно быть полным идиотом, чтобы заключать невыгодные сделки. (95)

Никогда не следует забывать, что в нашем эвклидовом мире всякая палка имеет два конца. (96)

Неизвестно, кто первым открыл воду, но уж наверняка это сделали не рыбы. (97)

Если не знаешь, что делать, – не делай ничего. (98)

Нельзя бороться против, не борясь за! (99)

Стричь парк из года в год значит не давать ему снова стать лесом. (100)

Тот, кто умеет ремонтировать, тот не ломает, а кто умеет ломать, тот не умеет ремонтировать. (101)

Инструкция – это для тех, кто ещё не умеет. (102)

Помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение. (103)

Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу. (104)

Ничто так не портит серьёзное дело, как неожиданность. (105)

Особо стремительные и катастрофические последствия способна вызвать именно неуместная и несвоевременная улыбка. (106)

Лучше двадцать раз ошибиться в человеке, чем относиться с подозрением к каждому. (107)

Когда человек что-нибудь делает, он всегда делает это для себя. Может быть, и существуют на свете совершенные эгоисты, но уж совершенных альтруистов не бывает. (108)

Никогда не желай многого. Всё, что тебе на самом деле надо, подарит тебе жизнь, остальное – лишнее. Чем большего ты хочешь, тем больше ты мешаешь другим, а значит – жизни, а значит – себе. (109)

Говори только то, что думаешь. Делай только то, что хочешь делать. Единственное ограничение: не мешай. (110)

Если тебе не хочется говорить, молчи. Если не хочется делать, не делай ничего. (111)

Пила сильнее, но прав всегда ствол. (112)

Ты нашёл бумажник? Берегись! Ты в большой опасности. (113)

Хотеть можно только то, что тебе хотят дать. (114)

Ты можешь взять. Но только то, что не нужно другим. (115)

Всегда помни: мир прекрасен. Мир был прекрасен и будет прекрасен. Только не надо мешать ему. (116)

Человечество никогда не ставит перед собой задач, которые не готово решить. (117)

Современный человек приемлет только те ограничения и обязательства, которые вытекают из морально-этических установок общества. (118)

Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. Зерно, высыпаемое из мешка, не ложится ровным слоем, но образует коническую пирамиду. Каждое зёрнышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду. (119)

Какое бы сложное социальное явление ни встретилось нам на пути, мы прежде всего стремимся его упростить. Либо верой, либо неверием. (120)

Нельзя изменить законы истории, но можно исправить некоторые исторические ошибки. (121)

Пришельцы приходят и уходят, а народ наш, великий народ, пребывает вовеки. (122)

Сущность человека в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. (123)

Все люди испытывают природное отвращение к алкоголю, к куреву, к крови, к дерьму, к трупу, к плачу... Но ко всему этому можно привыкнуть, и ко всему привыкают. Как миленькие. Нужда – заставит. (124)

Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть и приспосабливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия. (125)

Любое существо, обладающее хоть искрой разума, можно сделать порядочным. Другое дело, что каждый отдельный случай требует особого метода. Вот и надо искать этот метод. (126)

Каждому времени свои злые волшебники и привидения. (127)

Суть государства в его установлениях, установления просты, и их всего три: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми. (128)

Социальная пассивность и социальная агрессивность – это две стороны стёршейся фальшивой монеты дешёвого политиканства. (129)

Любой самодур-правитель и негодяй – чушь, мелочь в сравнении с громадой традиций, правил стадности, освящённых веками, незыблемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождающих от необходимости думать и интересоваться. (130)

Людей запуганных, одурманенных, слепых, не знающих сомнения – их так много, безнадёжно много, тёмных, разъединённых, озлобленных вечным неблагодарным трудом, униженных, не способных ещё подняться над мыслишкой о лишнем медяке. (131)

Ясные, чистые души, не знающие ненависти, не приемлющие жестокость, рождаются во все эпохи кровавой истории человечества. Это жертвы. Бесполезные жертвы, потому что такие даже не борцы. Чтобы быть борцом, нужно уметь ненавидеть, а как раз этого они не умеют. (132)

Добропорядочный мещанин – тот, кто честно, но вяло отрабатывает свою зарплату. (133)

Есть люди с пустыми глазами, достоверно знающие, с какой стороны у бутерброда масло. По-своему очень даже неглупые. По-своему немалые знатоки человеческой природы. Расчётливые и беспринципные, познавшие всю силу человеческих слабостей, умеющие любое зло обратить себе в добро и в этом неутомимые. (134)

Люди с пустыми глазами каждую минуту думают о том, чтобы им не продешевить, чтобы продать себя подороже. Чтобы им всё оплатили, каждое душевное движение! Они знают, что «не зря родились»! Что они «призваны»! Они ведь живут «только раз»! Разве такие могут во что-нибудь верить? (135)

Экая вековая пошлость: съедай, дабы не быть съеденным. (136)

Жестокость есть сила. Утратив жестокость правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их. (137)

Можно быть жестоким из самых лучших побуждений, но жестокость – это всегда жестокость. И ничего она не может принести, кроме нового горя, новых слёз и новых подлостей. (138)

Жестокость, которая кажется оправданной, на самом деле не имеет никаких оправданий. (139)

Разрушить старый мир и на его костях построить новый – это очень старая идея. И ни разу пока она не привела к желаемым результатам. (140)

То самое, что в старом мире вызывает желание беспощадно разрушать, особенно легко приспосабливается к процессу разрушения, к жестокости, к беспощадности, становится необходимым в этом процессе и непременно сохраняется, становится хозяином и в новом мире и в конечном счёте убивает смелых разрушителей. (141)

Ворон ворону глаз не выклюет, жестокостью жестокость не уничтожишь. Ирония и жалость – вот путь! (142)

Таков человек: на своём пути он должен пройти через всё это и многое другое. Как долго он ещё остаётся скотом, после того как поднимется на задние лапы и берёт в руки орудия труда. (143)

Невежественный народ питает восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И всё потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, и таков этот мир. (144)

Оболваненный хуже болвана. (145)

Люди алчные, бесталанные, замученные неясными желаниями, всем на свете недовольны, ужасно разочарованы и убеждены, что их снова обманули. (146)

Сильнее страха зверя нет. (147)

Страх сидит в человеке, как чёрная заноза, как хромосомная болезнь, как наследственный сифилис. Кто-то считает, что это спасительный страх, что он помогает нам не делать глупостей. Вздор! Ни от чего он не помогает, он только полирует в тебе раба. Вот и вся от него польза. Не *тебе* от него польза – *им* от него польза... (148)

Страх сковывает и угнетает: чувство справедливости, прямоту-честность-откровенность, гордость сюда же, собственное достоинство и принципиальность. (149)

К холоду и к страху нельзя привыкнуть. На том и стоим. (150)

Тысячи людей, поражённых страхом на всю жизнь, будут беспощадно учить страху своих детей и детей своих детей. Души этих людей полны нечистот, и каждый час покорного ожидания загрязняет их всё больше и больше. (151)

Помни, что когда ты выходишь драться всерьёз, насмерть, как все здесь дерутся, драться тебе придётся с дурачьём – со злобным, оболваненным дурачьём, с дурачьём невежественным, хитрым и жадным. Все они будут стремиться убить тебя, и твоих друзей, и твоё дело, потому что – запомни это хорошенько! – потому что в этом мире не знают других способов переубеждать инакомыслящих. (152)

Историю знают умные люди, а делают дураки и негодяи. (153)

Почему хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадёжно пассивны? Почему безропотно дают себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему они отрывают смысл своей жизни – добывание знаний – от практических потребностей жизни – борьбы против зла? (154)

Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, учёных, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество – благо, а всё зло от знания. Для землепашца зло – налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи – добро. Для рабов зло – это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника – алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться? (155)

Никогда не надо делать добрые дела: стоит только начать, и конца им не будет. (156)

Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счёт ухудшения судьбы других. (157)

Вообще время всегда работает на начальство против бунтовщиков. Везде так было, и всегда так будет. (158)

Из того, кто раб своего слова и вообще человек негибкий, политический деятель не получится. (159)

Честность, в конце концов, всегда глуповата. (160)

Честность – это нечто вроде ума у красивой женщины: неплохо, но любим мы её не за это. (161)

В политике не важно, правду ли ты говоришь, важно, чтобы как можно больше людей соглашалось считать это правдой. Да и не интересует людей правда. Они только хотят, чтобы их одурачили красиво. (162)

Избирателю надо врать, избиратель предпочитает, когда ему врут, – правда холодна, неприветлива, отталкивающе безнадёжна. Только ложь одна и согревает нас в этом ледяном мире. (163)

Честность в политике – это что-то вроде однополой любви, что-то ненастоящее и во всяком случае – неестественное. «Честный политик» – это явный оксиморон. Если честный, то – не политик. Если политик, то – какая уж тут честность! А если даже всё-таки честность, то уж – не та. Другого свойства. Из других, наверное, молекул. Неподлинная. (164)

В конце концов, честность – это всего лишь способность совершать благородные, т.е. бессмысленные, поступки. (165)

В нашем мире никакая сила не остаётся долго без хозяина. Всегда находится кто-нибудь, кто старается приручить её и подчинить себе – незаметно или под благовидным предлогом. (166)

Драка за власть, ещё один новый порядок, а чем порядок новее, тем хуже – это уж известно. (167)

Опять они там чего-то не поделили, а мы, которым не надо ни тех, ни других, а надо, чтобы нас оставили в покое, мы опять должны срываться с места, топтать друг друга, бежать, спасаться, или того хуже – выбирать свою сторону, ничего не понимая, ничего не зная, веря на слово, и даже не на слово, а чорт знает на что... и стрелять друг в друга, грызть друг друга. (168)

Политика есть искусство отмывать дочиста очень грязной водой. (169)

Чтобы быть борцом, нужно уметь ненавидеть. (170)

Прошедший все ады вселенной получает за это высокое право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей. (171)

Русский человек должен во что-то верить. Если ни во что не верить, ничего, кроме водки, не останется. (172)

Если у еврея отнять веру в бога, а у русского – веру в доброго царя, они становятся способны чорт знает на что. (173)

У человека должна быть цель, он без цели не умеет, на то ему и разум дан. Если цели у него нет, он её придумывает. (174)

«Приидите и володейте нами». Господи, да сколько же ещё веков будет коряво висеть над миллионными нашими толпами этот уныло-покорный анемичный лозунг? (175)

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Какой из этого, спрашивается, можно сделать вывод? Некоторые делают такой: раз авторитетные люди считают, что для понимания России ум не нужен, значит, так оно и есть, а нужен ум для того, чтобы понять, где и что в России плохо лежит, измерить это аршином не общим, а своим собственным и пользоваться соответственно. (176)

Бюрократические кретины подменяют здоровый дух закона его мертвенной буквой. (177)

Учреждению для его правильного функционирования ни честность, ни доброта не нужны. Приятно, желательно, но отнюдь не обязательно. Как латынь для банщика. Как бицепсы для бухгалтера. (178)

Существующее политическое устройство – это диктатура посредственностей над кретинами. (179)

Чиновное служение – это чтобы всех, кто под тобой, – в грязь, но и сам уж перед вышестоящим – в пыль. (180)

Гений посредственности, как правило, отличается цепкостью и беспощадностью. (181)

Вся эта погань испытывает наслаждение, не только издеваясь над теми, кто попал ей в лапы, она же наслаждается и собственным своим унижением в лапах того, кого считает выше себя. (182)

У дорвавшихся до власти политиков всегда две цели, одна – главная, другая – основная. Главная – удержаться у власти, основная – получить от этой власти максимум удовлетворения. Справедливого общества они не построят, они и думать об этом не желают. И опираются они на штыки, на невежество, на усталость нации. (183)

У них нет никакой экономической программы, ничего у них нет, кроме штыков, и ничего они не хотят, кроме власти. Всю политику заслоняет, по существу, биология. Выжить – вот главное. (184)

Никакое государство не может развиваться без науки – его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей. (185)

Можно сколько угодно преследовать книгочеев, запрещать науки, уничтожать искусства, но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубовным, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам. И как бы ни презирали знание эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторической объективности, они могут только притормозить, но не остановить. (186)

Презирая знание и боясь его, серые люди, стоящие у власти, всё-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться. Рано или поздно им приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, людей, им уже не подконтрольных, людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера – атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и серые люди, стоящие у власти, вынуждены идти и на эту уступку. Тот из них, кто упрямится, будет сметён более хитрыми соперниками в борьбе за власть. Но тот из них, кто делает эту уступку, неизбежно и парадоксально, против своей воли роет тем самым себе могилу. (187)

Смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры народа во всём диапазоне – от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой. (188)

Продаваться надо легко и дорого – чем честнее твоё перо, тем дороже оно обходится власть имущим, так что, и продаваясь, ты наносишь ущерб противнику, и надо стараться, чтобы ущерб этот был максимальным. (189)

Циник знает цену честности. Он знает, что честность не имеет цены. Как жизнь. Она просто или есть, или её нет. Она самоценна. (190)

Честность есть валюта нравственности. Политика этой валюты не принимает, у неё своя валюта, но до тех пор, пока миром будут править бесчестные или, в лучшем случае, умеренно честные люди, до тех пор мир будет бесчестным или, в лучшем случае, умеренно (по обстоятельствам, от случая к случаю, если это полезно для дела, деван-лез-анфан, для прессы и телевидения) честным. (191)

Я давно уже заметил, что чем больше глупости в делах, тем они секретнее. (192)

Улики сами по себе не страшны, страшна неправильная интерпретация. То же и с политикой. Жульё интерпретирует так, как ему выгодно, а мы, простаки, подхватываем готовую интерпретацию. Потому что не умеем, не можем и не хотим подумать сами. (193)

Тот, кто думать понастоящему не обучен, ни в какой иной терминологии, кроме как в жульнической, интерпретировать не способен. (194)

У книг политических деятелей всегда есть соавтор, почтительно и скромно скрывающийся в титанической тени величественного монумента. (195)

Великие люди не меняют историю, они просто ломают нам судьбы. (196)

Всё всегда кончается, надобно только потерпеть. В политике, как в науке: побеждает не тот, за кем истина, а тот, кто дольше живёт. (197)

Прогресс – это движение общества к такому состоянию, когда люди не убивают, не топчут и не мучают друг друга. (198)

Атмосфера охоты на чудовищ неизбежно начинает порождать чудовищ. (199)

Язвы надо лечить, а не вырубать из тела топором. (200)

Каждое ненаказанное преступление рождает новое преступление. (201)

Даже для преступления нужен талант. В конце концов, разработка и исполнение преступного замысла – это, в самом широком смысле слова, игра, требующая незаурядных творческих способностей, своеобразных эстетических данных и психологической проницательности. (202)

Закон ведь никогда не наказывает *преступника*. Наказанию подвергается всего лишь тварь дрожащая – жалкая, перепуганная, раскаивающаяся, нисколько не похожая на того наглого, жестокого, безжалостного мерзавца, который творил насилие много дней назад (и готов будет творить насилие впоследствии, если ему приведётся уйти от возмездия). (203)

Никогда не доверяйся благородным – они сдадут тебя, наслаждаясь своим бескорыстием. (204)

Тривиальнейшая мысль: да, существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был. (205)

Для человечества всё проходит бесследно. (206)

Взывать к национальному самосознанию, прежде всего, значит развязывать дремучие инстинкты. То, что наиболее естественно, то наименее приличествует человеку. (207)

Я уже давно отвык рассуждать о человечестве в целом. Человечество в целом – слишком стационарная система, её ничем не проймёшь. (208)

Ксенология – это некая неестественная помесь научной фантастики с формальной логикой. Основой её метода является порочный приём – навязывание инопланетному разуму человеческой психологии. (209)

В конце концов, что такое контакт? Столкновение двух стратегий. (210)

Как только общество решит какую-нибудь свою проблему, сейчас же перед ним встаёт новая проблема ещё больших масштабов. Из этого следует, что в конце концов перед обществом встанут проблемы такой сложности, что разрешить их будет уже не в силах человеческих. И тогда так называемый прогресс остановится. (211)

Неприветливый, насупленный город, в котором не живут, не существуют даже, а только тянут и тянут замасленную лямку – из последних сил, на последних жилах... (212)

Геронтократия – это сидеть в тупике, в чулане истории, пыльном и безнадёжном, вместе с мётлами и помойными вёдрами. (213)

Да, человечество обречено на вымирание, однако нас к тому времени уже не будет. (214)

Человечество валится в пропасть, потому что человечество морально обанкротилось. (215)

Человечество обанкротилось биологически – рождаемость падает, распространяются рак, слабоумие, неврозы, люди превратились в наркоманов. Они заглатывают сотни тонн алкоголя, никотина, просто наркотиков, они начали с гашиша и кокаина и кончили героином. Мы просто вырождаемся. Естественную природу мы уничтожили, а искусственная уничтожает нас. (216)

Далее, мы обанкротились идеологически – мы перебрали все философские системы и все их дискредитировали, мы перепробовали все мыслимые системы морали, но остались такими же аморальными скотами, как троглодиты. (217)

Самое страшное в том, что вся эта серая человеческая масса в наши дни остаётся той же сволочью, какой была всегда. Она постоянно жаждет и требует богов, вождей и порядка, и каждый раз, когда она получает богов, вождей и порядок, она делается недовольной, потому что на самом деле ни черта ей не надо – ни богов, ни порядка, а надо ей хаоса, анархии, хлеба и зрелищ. (218)

Сейчас она скована железной необходимостью ежемесячно получать конвертик с зарплатой, но эта необходимость ей претит, и она уходит от неё каждый вечер в алкоголь и наркотики. (219)

Разложение захватывает и людей с большой буквы, личностей. Мы видим это разложение и воображаем, будто оно нас не касается, но оно всё равно отравляет нас безнадёжностью, подтачивает нашу волю, засасывает. (220)

А тут ещё это проклятье – демократическое воспитание: эгалитэ, фратэрнитэ, все люди – братья, все из одного теста. Мы постоянно отождествляем себя с чернью и ругаем себя, если случается нам обнаружить, что мы умнее её, что у нас иные запросы, иные цели в жизни. (221)

Лязгающие железными голосами ревнители абсолютного порядка, апологеты фрунта свято убеждены в том, что от любых социальных осложнений есть только одно лекарство: строй, марш и бравая песня с запевалой. Тот, кто вне строя, тот и вне закона. А с тем, кто вне закона, надлежит поступать однозначно: высоко и коротко. (222)

Недостаточно одной лишь свободы, чтобы уподобить раба богу. (223)

Психологически почти все люди – рабы: рабы невежества, рабы себе подобных, рабы страстишек, рабы корыстолюбия. И если волею судеб кто-нибудь из них рождается или

становится господином, он не знает, что делать со своей свободой. Он снова торопится стать рабом – рабом богатства, рабом противоестественных излишеств, рабом распутных друзей, рабом своих рабов. Огромное большинство из них ни в чём не виновато. Они слишком пассивны и слишком невежественны. Рабство их зиждется на пассивности и невежестве, а пассивность и невежество вновь и вновь порождают рабство. (224)

Раз нам оставлена свобода воли, то почему должны быть обязательно смирение, терпеливые муки? (225)

Есть люди, которые могут выдержать удар судьбы, а есть люди, которые ломаются. Первым рассказывают правду, вторым рассказывают сказки. (226)

Хотеть – значит мочь? Это присловье придумали люди, которые могли, даже когда не хотели. Железные люди. (227)

Быть всегда готовым – это очень сложная работа. Тяжёлая, изматывающая. (228)

Каждый человек – человек, пока он поступками своими не доказал обратного. (229)

Настоящего человека отличает широкий кругозор. (230)

Без радостного ощущения собственной значительности и полезности совершенно невозможно жить в наше время. (231)

Величие, как категория, возникает из творчества, ибо велик лишь тот, кто творит, т.е. создаёт новое, небывалое. (232)

Гордость особенно уязвлена, когда об этом никому не говоришь. (233)

Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог, что они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват в том, что он делает, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым. (234)

Не всё можно, что необходимо. Даже если это очень необходимо. (235)

Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу – дерьмо. (236)

Никто никогда не бывает виноват только сам. Такими, какими мы становимся, нас делают люди. Вот в чём дело. И мы так часто не платим этот должок. А ведь нет ничего важнее этого. (237)

Надо всегда оставаться в меньшинстве. (238)

Нормальные люди слабы, вялы и безвольны. Нормальные люди удовлетворяются тем, что им Бог дал, а если ничего Он им не дал, то лакают пивко и тихо злобствуют по поводу тех, которым больше других нужно. (239)

Лучшие уходят первыми. А те, что похуже, – продолжают существовать дальше. Те, что сортом пониже и классом пожиже. И так – всегда. Почему и не улучшается никак род людской. Несмотря на все победы сил разума и прогресса. (240)

Уступить достойному противнику – это не позор. (241)

Воистину, самые убедительные наши победы мы одерживаем над воображаемым противником. (242)

Радоваться своим успехам надо скромно, один на один с собой. А с друзьями надо делиться только радостью поиска, радостью погони и смертельной борьбы. (243)

Странное дело, почему это нам нравится, когда нас хвалят? Денег от этого не прибавится. Славы? Какая у нас может быть слава? «Он прославился: теперь о нём знали трое, включая сюда его самого». Забавное существо человек! Похоже, мы любим похвалу как таковую. Как детишки – мороженое. И очень глупо, как я могу от похвалы подняться в собственных глазах? Что я, сам себя не знаю? (244)

Человек, которому некогда довелось скромно совершить какой-то подвиг, обречён испытать приступ самодовольства, если потом вдруг весь мир об этом подвиге наконец узнал. (245)

Куда годится человек, к которому и придраться нельзя? У порядочного человека всегда должна быть этакая дырка в способностях, лучше даже несколько, и тогда он будет понастоящему приятен. (246)

Всегда тяжело видеть сильного, уверенного человека в беспомощном состоянии. (247)

Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное – подвиг. А если знаешь – что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек. Подвиг – это хорошо, но человек должен жить. (248)

Зачем же умирать? Надо жить! Умереть, знаете ли, никогда не поздно и всегда рано. (249)

Сила солому ломит. Когда на тебя прёт тяжёлый танк, а у тебя, кроме башки на плечах, никакого оружия нет, надо уметь вовремя отскочить. (250)

В могилу никогда не поздно и всегда рано. (251)

Кому в наше время приятно попасть под подозрение в безрассудном геройстве? (252)

Друг наполовину – это всегда наполовину враг. (253)

Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при этом самого человека! (254)

Ничто так не взрослит, как предательство. (255)

Для сухого и равнодушного прагматика романтизм есть лишь удобное свойство человеческого характера, позволяющее использовать этого человека по мере необходимости. (256)

Питекантроп мягкое обращение принимает за слабость. (257)

На фоне злобного идиота даже самый обыкновенный человек выглядит ангелом, до умиления симпатичным. (258)

Сильным человек становится, когда нет вокруг никого сильнее его. (259)

Выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, не известные противнику, а когда понадобится – отказаться и от них. (260)

Дух ног слаб, рук мощь зла. (261)

Спорт есть дрыгоножество и рукомашество. (262)

Утешаясь тем, что ты совершил благородный поступок, не стоит забывать, что все благородные поступки глупы. (263)

Существует, вероятно, некий предел способности к удивлению. (264)

За доброе дело не всегда выступают из добрых намерений. (265)

Вокруг доброго дела всегда толкутся разные люди – и добрые, и недобрые, полные подонки. (266)

Судьба – слепая могучая бабища с мозгами крокодила и с его же этическими представлениями. (267)

Сколько веков оптимисты твердят: мы достигли дна! Дальше будет лучше, потому что хуже уж некуда... Как же, ждите! (268)

Рука судьбы полезная штука, но иногда раздражает и унижает, как и всякая Рука – чужая, волосатая, бесцеремонно отеческая, опекающая, проталкивающая и поддерживающая. (269)

Оптимизм – главное и единственное оружие побеждённых. (270)

Надо снова идти, снова что-то делать и надеяться на лучшее в постоянном ожидании наихудшего. (271)

Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума; всё, что мешает человеку развивать разум, – зло, и зло это надлежит устранять в кратчайшие сроки любым путём. (272)

У нас есть чувство глубокого удовлетворения, есть чувство законного негодования, а вот с чувством собственного достоинства у нас давно уже напряжёнка. Поэтому, когда наш немудрящий опыт и наша многоопытная мудрость, столь же глубокая, как глубока тарелка для супа, сталкиваются с отпетым хамом или образцово-показательным подлецом, мы, как правило, теряемся. Нам бы опереться тут на чувство собственного достоинства, раз уж недостаёт мудрости или хотя бы жизненного опыта, но собственного достоинства у нас нет, и мы становимся циничными, небрежными и грубо-ироничными. (273)

Всё равно вы никогда не поймёте, что думать – это не развлечение, а обязанность. (274)

Работай руками, работай головой. В особенности не забывай работать головой. И помни, что настоящие люди – это те, кто много думает о многом. Не давай мозгам закиснуть. (275)

Истинный исполин духа не столько потребляет, сколько думает и чувствует. (276)

Вам не приходилось замечать, насколько неизвестное интереснее познанного? Неизвестное будоражит мысль, заставляет кровь быстрее бежать по жилам, рождает удивительные фантазии, обещает, манит. Неизвестное подобно мерцающему огоньку в чёрной

бездне ночи. Но ставши познанным, оно становится плоским, серым и неразличимо сливается с серым фоном будней. (277)

Закономерности не бывают плохими или хорошими, оне вне морали. (278)

Суеверие делает сильным. Дурная примета – настораживает, хорошая – придаёт бодрости. Мир сложнее любого нашего представления о нём, и поэтому одного лишь разума – мало; чтобы выжить, приходится изыскивать дополнительные резервы и заключать странные союзы. (279)

Не приходится говорить об убедительности логики, построенной на фантастической предпосылке. (280)

Человека, у которого не вера, а твёрдое знание, невозможно сбить. Всякому новому и неожиданному факту или событию он сумеет сразу же подыскать объяснение и обоснование на базе прочного прошлого знания. (281)

Можно ли в условиях нашей невероятно усложнившейся действительности говорить о факте? (282)

Факт есть деяние или явление, засвидетельствованное очевидцами. Однако очевидцы могут быть пристрастны, корыстны или просто невежественны. (283)

Факт есть деяние или явление, засвидетельствованное документами. Но документы могут быть подделаны или сфабрикованы. (284)

Наконец, факт есть деяние или явление, фиксируемое лично мною. Однако мои чувства могут быть притуплены или даже вовсе обмануты превходящими обстоятельствами. (285)

Таким образом, оказывается, что факт, как таковой, есть нечто весьма эфемерное, расплывчатое, недостоверное, и возникает естественная потребность вообще отказаться от такого понятия. (286)

Придумать можно всё, что угодно. Но на самом деле никогда не бывает так, как придумывают. (287)

Да, в природе существует нечто недоступное познавательным усилиям человека, однако нам этого никогда не познать. (288)

Каждый мечтает о том, что недостижимо, но обещает удовольствие. (289)

Не люблю фантазировать впустую. Когда речь идёт о серьёзных вещах, уместнее осторожный скепсис. (290)

Повидимому, существует некоторый предел способности к удивлению. Перешагнув его, человек испытывает лишь некоторое утомление. (291)

Разум, как утверждается некоторыми, есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Такое понимание есть попытка отграничить хозяина от пса, который всё понимает, только сказать не может. (292)

Разум – сложный инстинкт, не успевший ещё сформироваться. (293)

Разум есть способность живого существа совершать бессмысленные и нерациональные поступки. (294)

Усердие – мачеха воображения. (295)

Точность заменяет глупцам мудрость. (296)

Чувство – злейший враг опыта. (297)

Рассуждение – это организованное подражание. (298)

Вера и любопытство друг с другом всегда не в ладу. (299)

Неспособность испытывать восторг – признак знания. (300)

Мысль – это карикатура на чувство. (301)

Нет и быть не может никакого разума машины, а есть только разум, ловкость и квалификация программиста. (302)

Одарённые люди не могут не брюзжать. Так уж они устроены. Кто не брюзжит, тот ни черта и не стоит. Так что пусть себе брюзжат. (303)

Думать – не развлечение, а обязанность. (304)

Люди вообще не часто думают. Прикидывают, кумекают, мозгуют, фурычат, схватывают, секут, врубаются – да. Но не думают. Зачем? Ведь какое замечательное состояние духа, когда думать полагается как бы неэкономным! Экономным полагается – верить. А потом, спустя некоторое время, столь же экономным делается не верить. Никому. Ни во что. Ни за какие коврижки... (305)

Интуиция, если не хватает информации, всегда в конце концов подводит. (306)

Главное – не знать, а понимать. (307)

Есть вещи, которые лучше знать, чем понимать. (308)

Мы ведь знаем гораздо больше, чем понимаем. Это и беда наша и счастье в одно и то же время. (309)

Убеждения приходят и уходят, а человек при этом остаётся. (310)

Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Не ошибки опасны – опасна пассивность, ложная чистоплотность опасна, приверженность к ветхим заповедям. Куда могут вести ветхие заповеди, если только не в ветхий мир? (311)

Совесть своей болью ставит задачи, разум – выполняет. Совесть задаёт идеалы, разум ищет к ними дороги. Это и есть функция разума – искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит – вхолостую. (312)

Существует определённый идеал: человек должен быть свободен духовно и физически. В этом мире массы ещё не сознают этого идеала, и дорога к нему тяжёлая. Но когда-то нужно начинать. Именно люди с обострённой совестью и должны будоражить массы, не давать им заснуть в скотском состоянии, поднимать их на борьбу с угнетением, даже если массы не чувствуют этого угнетения. (313)

Совесть действительно задаёт идеалы. Но идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. (314)

Это, наверное, тяжкое бремя – бессильное знание. (315)

Действуйте, только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть. (316)

В темноте мы во власти призраков. (317)

Разум есть сложный инстинкт, не успевший ещё сформироваться. Инстинктивная деятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдёт миллион лет, инстинкт сформируется, и мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотъемлемым свойством разума. И тогда, если во вселенной что-нибудь изменится, мы благополучно вымрем – опять же именно потому, что разучились совершать ошибки, т.е. пробовать разные, не предусмотренные жёсткой программой варианты. (318)

Умный человек – это тот человек, который сознаёт несовершенство, незаконченность своих знаний, стремится их пополнять и в этом преуспевает. (319)

На самом деле нас интересует не проблема разума вообще, а проблема нашего, человеческого разума, иначе говоря, нас прежде всего интересуем мы сами. Мы уже пятьдесят тысяч лет пытаемся понять, что мы такое, но, глядя изнутри, эту задачу не решить, как невозможно поднять себя самого за волосы. Надо посмотреть на себя извне, чужими глазами, совсем чужими. (320)

Зачем мерить внечеловеческую целесообразность человеческими мерками? И потом, представь себе: с какой силой ты бьёшь себя по щеке, чтобы убить несчастного комара? Ведь таким ударом можно было бы убить всех комаров в округе разом. Или, например, какова целесообразность постройки моста через реку с точки зрения щуки? (321)

Наше земное человечество когда в сверхцивилизацию поверит? Когда эта сверхцивилизация снизойдёт до нашего же уровня и примется с бреющего полёта валить на нас бомбы. (322)

Жизнь – болезнь материи, мышление – болезнь жизни. (323)

Дурак – это просто инакомыслящий или инакочувствующий. (324)

Можно быть дураком в обиходном, лёгком смысле слова, а можно быть дураком как представителем особого психологического типа. Такой дурак среди людей как пришелец-инопланетянин: совершенно иная система ценностей, незнакомая и чуждая психология, иные цели существования, а то, что мы свысока считаем заскорузлым комплексом неполноценности, болезненным отклонением от психологической нормы, есть на самом-то деле исходно-здоровый костяк его миропонимания. (325)

Все радости банальны. (326)

Знаем мы, может, и одинаково, а понимаем поразному. (327)

Вино, любовь, путешествия – это наслаждения, а не радости. Наслаждения у нас с вами одни и те же. Радости разные. (328)

Рассказывать про съеденные и выпитые деликатесы – занятие столь же бессмысленное и противоестественное, как описывать словами красоту музыки. (329)

Любой дурак может полагать себя умным. Особенно если окружающие поддерживают его в этом мнении. (330)

Приятно встретить человека, который ничего не знает. Самый лучший отдых – растолковывать общеизвестные истины. (331)

Есть люди широко, но мелко образованные. Обо всём они знают понемногу, но без глубины. Самое замечательное в них – это их понятливость. (332)

Идиотов нынче мало. В наше время большинство совершенно справедливо полагает, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. (333)

Может быть, и вправду сумма физического и интеллектуального в человеке есть величина постоянная, и ежели где чего прибавится, то тут же соответственно другого и убавится. Вполне возможно. (334)

Дурак – не ругательство, а диагноз. Это больной, которому не помогают никакие лекарства. (335)

Громада традиций, правил стадности, освящённых веками, незыблемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождают людей от необходимости думать и интересоваться. (336)

Дураки решают кроссворды, пляшут брейк и желают одного: чтобы было весело. (337)

Умных людей не так уж и много, не говоря уже о том, что умные люди не пишут в газеты. (338)

В общем-то читать в этой прессе нечего. Самый беглый просмотр её производит крайне тягостное впечатление. Её заполняют удручающие остроты, бездарные карикатуры, среди которых особенной глупостью сияют серии «без слов», биографии каких-то тусклых личностей, бесконечные полезные советы, как занять свои руки и при этом, упаси Бог, не побеспокоить голову. Что у них здесь за тоска! Дурака лелеют, дурака заботливо взращивают, дурака удобряют... Дурак стал нормой, ещё немного – и дурак станет идеалом, и доктора философии заведут вокруг него восторженные хороводы. (339)

Как правило люди слышат только то, что способны воспринять жалкими своими извилинами, остальное проходит сквозь и мимо. По сути дела, это глухие. (340)

Известно, дураков – подавляющее большинство, а это значит, что всякому интересному событию свидетелем был, как правило, именно дурак. Стало быть, миф есть описание действительного события в восприятии дурака и в обработке поэта. (341)

Надо помнить, что глупость есть следствие бессилия, а бессилие проистекает из невежества, из незнания верной дороги. (342)

Люди в большинстве своём – глупцы, одни старательные, другие обленившиеся; они болваны от рождения, коим место в горах пасти скотину, да и то, говоря по правде, неизвестно – справятся ли. (343)

В студенты теперь идёт самая отборная дурость, которую рачительный предприниматель не подпустил бы к станкам, а знающий командир отказался бы принять в солдаты. (344)

«Человек разумный» – это не всегда разумный человек. Хомо сапиенс – это возможность думать, но не всегда способность думать. (345)

Большинством голосов ничего не решишь. И на пресловутых свободных демократических выборах большинство всегда за сволочь. (346)

Зачем тебе горькие истины? Что ты с ними будешь делать? (347)

Дело в том, чтобы содрать с фактов шелуху мистики и суеверий, обнажить субстанцию, сорвав с неё одеяние, напяленное обывателями и утилитаристами. (348)

Ложь во спасение – это нравственный наркотик. (349)

Правда и ложь, вы не так уж несхожи, вчерашняя правда становится ложью, вчерашняя ложь превращается завтра в чистейшую правду, в привычную правду. (350)

Все непрерывно лгут. Точнее: все *мы* непрерывно и ожесточённо лжём. Одни – с кривой виноватой ухмылкой, другие – рвотный спазм мучительно преодолевая, а третьи – не без лихости даже, с вызовом и с боевым напором. (351)

В детстве есть возраст, когда дети врут охотно и бессмысленно, получая от вранья чистое, бескорыстное удовольствие. (352)

Правда как гвоздь – из любого мешка торчит. (353)

Разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны. И слишком часто разуму и логике мешает в этих разговорах наше чисто эмоциональное «хочу» и «не хочу», «нравится» и «не нравится». Но существует объективный закон, движущий человеческое общество. Он не зависит от наших эмоций. И он гласит: человечество должно познавать. Это самое главное для нас – борьба знания против незнания. И если мы хотим, чтобы наши действия не казались нелепыми в свете этого закона, мы должны следовать ему, даже если нам приходится для этого отступать от некоторых врождённых или заданных нам воспитанием идей. (354)

Нет на свете ответов, которые не порождали бы новых, новых и новых вопросов. Даже если ты говоришь нагую и святую правду, новые вопросы возникают и как ножи полосуют эту твою правду, потрошат её, препарируют, забираясь глубже, и ещё глубже, и туда, куда ты и сам никогда не заглядывал (потому что страшно тебе было или – стыдно). (355)

Человек скрытого таланта долго и упорно работает, а потом количество обязательно переходит в качество. (356)

У того, кто много знает, так много, что количество переходит у него, наконец, в качество, и он становится с миром в другие отношения, нежели обычные люди. (357)

Может быть, действительно в каждом сидит гений, да только что делать, если данная гениальность может найти себе применение либо только в далёком прошлом, либо в далёком будущем, а в настоящем – даже гениальностью не считается, прояви ты её или нет. (358)

Человек, очень знающий себе цену, безразличен ко всему остальному. (359)

Есть люди, которые могут служить для нас неиссякаемым источником размышлений о разительном несоответствии между поведением человека, когда он отдыхает, и его значением для человечества, когда он работает. (360)

Если гений даже ошибается, каждая его ошибка в сто раз значительнее и важнее, чем все ваши правильные решения. (361)

Учёные люди – это дворянство духа. (362)

Только очень образованный человек станет читать специальное исследование для развлечения и для удовольствия. (363)

Никто ничего не знает, пока сам не попробует. (364)

Начитанность представляет собою всего лишь систематизированное незнание, более или менее сложный комплекс неверных, ошибочных или неточных образов мира. (365)

Надо быть в высшей степени нелюдимым и замкнутым человеком, чтобы не похвалиться перед своим учителем своими успехами. (366)

Образование вооружает человека логикой, скепсисом и пониманием извечной невозможности объять необъятное. (367)

Давняя система воспитания ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного, но оболваненного участника производственного процесса. Эту систему не интересуют все остальные потенции человеческого мозга, и поэтому вне производственного процесса человек в массе остаётся психологически человеком пещерным. Человеком невоспитанным. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных социальных инстинктов. (368)

Давняя система воспитания практически не развивает в человеке чистого воображения, фантазии и – как немедленное следствие – чувства юмора. Человек невоспитанный воспринимает мир как некий по сути своей тривиальный, рутинный, традиционно простой процесс, из которого лишь ценой больших усилий удаётся выколотить удовольствия, тоже в конце концов достаточно рутинные и традиционные. (369)

Люди! до каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, учёных дураков? Почему вы не желаете утруждать свою голову? Почему вы так не хотите думать? Как вы не можете понять, что мир огромен, сложен и увлекателен? Почему вам всё просто и скучно? (370)

В истории было много случаев, когда ученики предавали своего учителя. Но что-то я не припомню случая, чтобы учитель предал своих учеников. (371)

Врач может делить человечество только на больных и здоровых, а больных – только на тяжёлых и лёгких. Никакого другого деления для врача существовать не может. А педагог – это тот же врач. Он должен лечить от невежества, от дикости чувств, от социального безразличия. Лечить! Всех! (372)

Врачу, исцелися сам. Педагоге, воспитай себя, а уже потом суйся воспитывать других. (373)

Работать гораздо интереснее, чем отдыхать. Трутнем быть просто скучно. (374)

Бестактны только бездельники. (375)

Плохо работать, когда задача не поставлена чётко. Трудно работать. Бредёшь как впотьмах, и нет тебе ни радости, ни удовольствия. (376)

Так же как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда в гораздо более короткие сроки превращает человека в обезьяну. Даже хуже, чем в обезьяну. В жизни мы не всегда замечаем это. Бездельник и тунеядец, развратник и карьерист продолжают ходить на задних конечностях, разговаривать вполне членораздельно, хотя круг тем у них сужается до предела. (377)

Может быть стоит бросить работать и начать вместо этого хорошо зарабатывать? (378)

Здесь никто ничего не делает даром. Ни старики, ни молодые. Ни воспитанные, ни хамы. Ни образованные, ни игнорамусы... Разве что какой-нибудь восторженный пьяница, да и тот будет всё время в ожидании, что ему вот-вот поднесут. Из уважения. (379)

Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни. Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. (380)

Реноме учёного – это вещь очень нежная. Одна неудачная речь – и где оно, твоё реноме? (381)

Все мы наивные материалисты. И все мы рационалисты. Мы хотим, чтобы всё было немедленно объяснено рационалистически, т.е. сведено к горсточке уже известных фактов. И ни у кого из нас ни на грош диалектики. Никому в голову не приходит, что между известными фактами и каким-то новым явлением может лежать море неизвестного, и тогда мы объявляем новое явление сверхъестественным и, следовательно, невозможным. (382)

Всякая новая гипотеза обладает тем недостатком, что вызывает всегда массу споров. (383)

Есть высоты, которые наука ещё не превзошла и превзойдёт, надо думать, не в ближайшие дни. (384)

Как правило, наука, в которую мы верим (и зачастую слепо), заранее и задолго готовит нас к грядущим чудесам, и психологический шок возникает у нас только тогда, когда мы сталкиваемся с непредсказанным. (385)

Нельзя прятать голову в сугроб, убаюкивать себя всякой пошлятиной насчёт совпадений. Совпадение, раз, совпадение два, но помилуй Боже, где же воля Твоя? (386)

Мнимый учёный, жалкий функционер от науки, который профан, подхалим и трус и заветная мечта коего – лекторская должность в каком-нибудь облздраве, из мутных пучин непроглядной тайны всегда норовит выбраться на знакомую тёплую отмель обыденщины, где глубина не выше щиколотки. (387)

Сама профессия научного работника, сама его идеология обязывает смотреть широко, анализировать добросовестно и с особенной насторожённостью относиться к тому, что лежит на поверхности и доступно любому полуграмотному идиоту. (388)

Вопросы, имеющие с чисто научной точки зрения фундаментальное значение, для человеческой практики оказываются совершенно бесполезными. Особенно, если это свалившиеся с неба ответы на вопросы, которые мы ещё не умеем задать. (389)

Самые интересные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвящённым заумными и тоскливо-непонятными. Люди, далёкие от науки, в наше время ждут от неё чуда и только чуда и практически не способны отличить настоящее чудо от фокуса или какого-нибудь интеллектуального сальто-мортале. (390)

Прибор неизбежно влияет на картину эксперимента. (391)

На поверку оказывается, что весь философский пессимизм – следствие семейных неурядиц или нехватки денежных средств. (392)

Когда по стране и по всему миру идёт поголовное пьянство, каждый порядочный человек должен сохранять благоразумие. (393)

У культурных людей больше оснований напиваться, чем у некультурных. (394)

Культурный человек обязан держать себя в рамках. Культура обязывает. (395)

Что, книги, стоите, бездельницы?! Разве для этого вас писали? Доложите, доложите-ка мне, как идёт сев, сколько посеяно? Сколько посеяно: разумного? доброго? вечного? И какие виды на урожай? А главное – каковы всходы? (396)

Книги, а вы знаете, что вас больше, чем людей? Если бы все люди исчезли, вы могли бы населять землю и были бы точно такими же, как люди. Среди вас есть добрые и честные, мудрые, многознающие, а также легкомысленные пустышки, скептики, сумасшедшие, убийцы, растлители, дети, унылые проповедники, самодовольные дураки и полуохрипшие крикуны с воспалёнными глазами. (397)

Иные из вас вселяют неверие и упадок духа. И не потому, что оне мрачны, или жестоки, или предлагают оставить надежду, а потому, что лгут. Иногда лгут лучезарно, с бодрыми песнями и лихим посвистом, иногда плаксиво, стеная и оправдываясь, но – лгут. И почему-то такие книги никогда не сжигают и никогда не изымают из библиотек; не было ещё в истории человечества случая, чтобы ложь предали огню. Разве что случайно, не разобравшись или поверив. (398)

Литература, даже самая реалистическая, лишь очень приблизительно соответствует реальности, когда речь идёт о внутреннем мире человека. (399)

Вообще-то положительному герою в наши либеральные времена разрешается иметь многие недостатки. Ему даже пьяницей дозволяется быть и даже, чорт подери, стянуть плохо лежащее (бескорыстно, разумеется). Он может быть плохим семьянином, разгильдяем и неумёхой, он может быть человеком совершенно легкомысленным и поверхностным. Одно запрещено положительному герою: практическая мизантропия. (400)

Как ни определяй критику, пользы от неё никакой, вреда же от неё не оберёшься. Наша критика занимается нивелировкой литературы с целью удобства сводить с писателями личные и вкусовые счёты. (401)

Художественной литературе вообще противопоказано поучать или вести, предлагать конкретные пути или создавать конкретную методологию. (402)

Книга обязательно должна будить воображение, иначе это не книга, а дурной учебник. (403)

После зрелого размышления наконец понимаешь, что ничего на свете придумать нельзя. Придумано уже всё. Всё, что ты теперь придумываешь, либо было придумано до тебя, либо происходит на самом деле. (404)

Литература не бывает плохой или хорошей. Литература бывает только хорошей, а всё прочее следовало бы называть макулатурой. (405)

Есть авторы – и они не редкость, – занёсшиеся без всякой видимой причины, надутые спесью до того, что уже и надутости этой не ощущают, невесть что вообразившие о себе, о писанине своей и о мире, который собою осчастливливают. (406)

Пылкий юноша каждым новым сочинением своим мыслит осчастливить или, по крайней мере, просветить человечество. (407)

Писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят. (408)

Писать должно либо о том, что ты знаешь очень хорошо, либо о том, чего не знает никто. (409)

Это важнейшая задача всякого писателя – замечать то, что не видят другие. Это будит воображение и заставляет думать. (410)

Человек пишет потому, что мучается, сомневается. Ему всё время надо доказывать себе и окружающим, что он чего-нибудь да стоит. (411)

Великие писатели всегда брюзжат. Это их нормальное состояние, потому что они – это больная совесть общества, о которой само общество, может быть, даже и не подозревает. (412)

Писатель – это прибор, показывающий состояние общества, и лишь в ничтожной степени – орудие для изменения общества. (413)

Каждый известный писатель выражает идеологию общества или части общества. (414)

Сила писателя не в том, чтобы уметь найти единственно верное слово, а в том, чтобы отбросить все заведомо неверные. (415)

Ежели издать, скажем, Александра Сергеевича Пушкина томик, хотя бы и прозы, и параллельно издать романчик Унитазова Сортир Сортирыча про страсти в литейном ковше, то у Пушкина читателей окажется не в пример больше. (416)

Грешно относиться к книге, как к живому человеку. (417)

Большинство крупных литературных произведений не имеет ничего общего со стимулами, которые подвигли авторов на их написание. (418)

Деньги добывать проще халтурою, чем честным писательским трудом. (419)

Разумеется, людям свойственно ожидать награды за труды свои и за муки, и в общем-то это справедливо, но есть исключения: не бывает и не может быть награды за муку творческую. Мука эта сама заключает в себе награду. (420)

Человек говорит и действует. И всё это внешние проявления каких-то процессов в глубине его натуры. У большинства людей натура довольно мелкая, и поэтому любые её

движения немедленно проявляются внешне, как правило, в виде пустой болтовни и бессмысленного размахивания руками. (421)

Слова оказывают на нас действие непредвиденное и непредсказуемое. Как, впрочем, и книги. (422)

Кто с детства воспитан в правилах сдержанно-иронического отношения к себе, у того неизбежная неприязнь к громким словам вообще и к торжественному хоровому пению в частности. (423)

Есть слова отвратительные даже фонетически! (424)

Расскажи мне анекдот, и я скажу, кто ты. (425)

Когда одну и ту же страшную историю рассказываешь второй раз на протяжении каких-нибудь двух часов, поневоле начинаешь обнаруживать в ней забавные стороны. (426)

С одной стороны, нельзя не признать, а с другой стороны, нельзя не согласиться. (427)

На чепуховые вопросы ничего отвечать не стоит: как такой вопрос ни решишь – всё ладно будет. (428)

Невозможно верить цитатам. Цитаты всегда лгут, потому что оне, по определению, суть параправда. Оне – безопасны. Если бы ты хотел быть откровенным, ты бы говорил своими словами – корявыми, маловразумительными, может быть, но своими. (429)

Одному спорить со многими нетрудно, так как противники всегда противоречат друг другу, и среди них всегда найдётся самый шумный и самый глупый, на котором можно плясать ко всеобщему удовлетворению. (430)

Как это мучительно: когда всё понимаешь, но не хватает слов. Лингвистическое удушье. (431)

Сочинять музыку – не проблема. Вот где найти слушателей?.. (432)

Музыка с действительностью менее всего связана, вернее, если и связана, то безыдейно, механически, пустым звуком, без ассоциаций. И тем не менее музыка каким-то чудом проникает в самую душу. И потрясает! Что-то резонирует в нас в ответ на приведённый к гармонии шум. (433)

Всё-таки трудно привыкнуть к тому, что нищета может быть богатой. (434)

Деньги нужны человеку для того, чтобы никогда о них не думать. (435)

Изобилие – не цель, а только средство. (436)

Тяжело вернуть людям души, сожранные вещами, и научить каждого думать о мировых проблемах как о своих личных. (437)

Вы никогда не спрашивали себя: какого чорта вы так крутитесь? Чтобы заработать деньги? Но на кой чорт вам деньги, если вы только и делаете, что крутитесь? (438)

Тошнит меня от вашей работы, можете вы это понять? Если человек работает, он всегда на кого-то работает, раб он и больше ничего. (439)

Духовная нищета от того, что духовные запросы подавлены материальными претензиями. (440)

Умей мы с младых ногтей привить человеческому существу человечность и милосердие, это было бы самой надёжной прививкой и против бездуховности, и против тяги к преступному риску. (441)

Моральные ценности не продаются. Их можно разрушить, купить их нельзя. (442)

Ничего нельзя приобрести, не утратив: мы бесконечно сильнее кого-то в нашем царстве добра и бесконечно слабее его же в его царстве зла. (443)

Почему же только зло и никакой доброты? Доброта в человеке тоже есть, только она незаметна за злостью. В каждом человеке намешано всего понемножку, а жизнь выдавливает из этой смеси что-нибудь одно на поверхность. (444)

Интеллектуальная жестокость – самая страшная жестокость, какую можно придумать. (445)

Доброта и милосердие. Разумеется, понятия эти пересекаются, но есть у них различие в отношении к понятию «активность». Доброта больше милосердия, но милосердие глубже. И милосердие, в отличие от доброты, всегда активно. (446)

Из всех возможных решений выбирай самое доброе. (447)

Не каждому дано быть добрым, это такой же талант, как музыкальный слух или ясновидение, только более редкий. (448)

Да перестаньте вы стесняться! Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть более активно, чем зло, иначе всё остановится. (449)

Господь да покарает вашу скуку! (450)

Заметьте, вполне довольных ведь не бывает. Это только вполне недовольные бывают. (451)

Человечность выше всех и любых принципов. (452)

Человечность едина. Её нельзя разложить по коробочкам. А человечность, которую исповедуют у нас многие, состоит из одних принципов, вся расставлена по полочкам, там у них и человечности-то не осталось – сплошной катехизис. (453)

Муки совести переносимы – вот одно из маленьких неприятных открытий, которые делаешь с возрастом. (454)

Боль обнаруживает что-то общее со справедливостью и истиной. Строго говоря, оне, в сущности, близкие родственницы – истина, боль и справедливость. (455)

И всё-таки ты человек, и всё животное тебе не чуждо. (456)

Всегда делайте только то, что вам хочется, и у вас будет отличное пищеварение. (457)

Покойник – тот же больной, только в лекарствах больше не нуждается и в сочувствии тоже. (458)

Молодость глупа и самонадеянна. Самонадеянна, ибо глупа. (459)

Очень хочется жить: молодому – потому что он так мало прожил, старому – потому что так мало жить осталось. (460)

С годами человек меняется только в одном – становится терпимее. (461)

Мы, старики, редко выглядим хорошо. Нам приходится слишком много таскать на душе. (462)

Приторный привкус у той натужной деликатности, которую проявляют обычно в адрес заслуженных, но безнадёжных инвалидов и маразматических, но уважаемых стариков. (463)

Старуха в своей воркующей модификации ещё неприятнее, нежели в сварливой. (464)

Было время брать, настало время отдавать. (465)

Горечь несбывшегося – самая горькая штука на свете! (466)

Вдруг наступает такой момент, когда ты ощущаешь потребность подвести итоги. И вовсе необязательно это случается с тобой на старости лет. И необязательно тому должна быть какая-то особая причина. Происходит вот что: некто, живущий внутри и обычно занятый своими делами, вдруг отвлекается от этих дел и задумчиво произносит: «Что же, сударь мой, кажется, нам пора подводить итоги...» (467)

Неверующему человеку гораздо тяжелее: он-то знает твёрдо: нет ничего *до* и нет ничего *после*. Между двумя *ничто* проскакивает слабенькая искра, вот и всё наше существование. И нет ни наград нам, ни возмездий в предстоящем *ничто*, и нет никакой надежды, что искорка эта когда-то и где-то проскочит снова. (468)

И в отчаянии люди придумывают искорке смысл, втолковывают друг другу, что искорка искорке рознь, что одни действительно угасают бесследно, а другие зажигают гигантские пожары идей и деяний, и первые, следовательно, заслуживают только презрительной жалости, а другие есть пример для всяческого подражания, если хочешь ты, чтобы жизнь твоя имела смысл. (469)

И так велика и мощна эйфория молодости, что простенькая приманка эта действует безотказно на каждого юнца, если он вообще задумывается над такими предметами, и, только перевалив через некую вершину, пустившись неудержимо под уклон, человек начинает понимать, что всё это – лишь слова, бессмысленные слова поддержки и утешения, с которыми обращаются к соседям, потерявшим почву под ногами. (470)

А в действительности, построил ты государство или построил дачу из ворованного матерьяла – особой разницы не представляет, ибо есть лишь ничто *до* и ничто *после*, и жизнь твоя имеет смысл лишь до тех пор, пока ты не осознал это до конца. (471)

Когда погружения в пучину вселенской тоски становятся привычными, человек перестаёт пугаться, потому что обнаруживает, что пучина тоски имеет дно, оттолкнувшись от коего можно неминуемо всплыть на поверхность. (472)

Тут всё дело в том, что мрачная логика пучины годится только для абстрактного мира деяний общечеловеческих, в то время как каждая конкретная жизнь состоит вовсе не из деяний, к которым только и применимо понятие смысла, а из горестей и радостей, больших и малых, сиюминутных и протяжённых, чисто личных и связанных с социальными

катаклизмами. И как бы много горестей ни наваливалось на человека единовременно, всегда у него в запасе остаётся что-нибудь для согрева души. (473)

По мнению авторов и составителей словарей и энциклопедий атеиста, душа – это религиозно-мифологическое представление, возникающее на основе олицетворения жизненных процессов конкретного организма. (474)

Наиболее интуитивно ясные понятия за истекшие двадцать веков более всех прочих *оболтаны*. (475)

Научная литература по тому или иному вопросу огромна и бесполезна. Если выпарить это море слов, останется чайная ложка соли. (476)

Незаурядный человек хочет оставить по себе мир иным, нежели тот, в который он явился, – лучшим, обогащённым его собственным творчеством. Для этого он готов пожертвовать большей частью радостей или даже всеми радостями, которыми наслаждается человек заурядный. (477)

Смерть – дело вполне обыкновенное. Не надо только бояться её, не надо от неё отшатываться со страхом и отвращением, словно бог знает от чего. Надо же понимать, что смерть есть абсолютный и окончательный покой, – и всё сразу тогда станет на свои места. (478)

* * *

У вас не только друзей нет. Вы до такой степени одиноки, что у вас и врага нет! (69)

Диктатура, тирания – всё чушь, мелочь в сравнении с громадой традиций, правил стадности, освящённых веками, незыблемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождающих от необходимости думать и интересоваться. (130)

Описывать словами красоту музыки – занятие бессмысленное и противоестественное. (329)

Я всё-таки человек, и всё животное мне не чуждо. (456)

Все мы люди, и ничто животное нам не чуждо. (456)

У. Т е н н

(1920 – 2010 гг.)

Довольно одного провала – и славы как не бывало. (1)

Если человек может лучше других написать книгу, прочесть проповедь или сделать мышеловку, то пусть он хоть в лесу живёт, люди протопчут к его дому тропинку. (2)

Задай глупый вопрос – и получишь глупый ответ. (3)

Система поощрений приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших. (4)

Так называемый «нормальный человек» – всего-навсего наделённая честолюбием вероятностная кривая, всего лишь воплощённая посредственность. (4)

Заурядный чиновник не берёт на себя никаких обязательств и избегает каких бы то ни было решений, пока это ещё возможно. Когда же уйти от решения уже нельзя, он принимает его исключительно на основе прецедентов. (6)

Если хочешь узнать чужие карты, надо начинать ходить самому. (7)

* * *

Задайте глупый вопрос – и полу̀чите глупый ответ. (3)

А. К. Т е с л е н к о

(1949 – 1989 гг.)

Смотри, думай, решай и сам отвечай за своё решение. И это не жестокость, это – жизнь. (1)

Сдержанность – залог мудрости. (2)

Прежде чем осуждать кого-то, оцени собственную жизнь. (3)

Жизнь учит нас, что не следует быть слишком категоричными в своих утверждениях. По крайней мере, не стоит торопиться высказывать их категорично. (4)

Человечеству дано великое благо – каждому поколению заново открывать для себя мир, который якобы несовершенно устроен, но не это ли несовершенство и таит в себе привлекательность, возможность открытий, ибо вполне совершенна только смерть. (5)

Каждая научная теория, новая мысль обречена, к сожалению, на сложный путь утверждения. Всё истинное тяжело пробивает себе дорогу, и лишь невежество спокойно, с ленцой царит на протяжении тысячелетий человеческой истории. (6)

Жизнь не в том, чтобы просто есть, пить и спать. Живёт лишь тот, кто стремится к победе! (7)

Иногда лучше промолчать, чем говорить о сложных вещах примитивно. (8)

Странные слова прорастают странными мыслями. (9)

В мире есть вещи, которые понимаются лишь однозначно. (10)

Светя другим, сгораешь сам. Однако всегда кажется, что сам сгоришь не так скоро. (11)

Физиология – очень серьёзная вещь. Зачастую она диктует поведение человека. (12)

Отдыхать не только приятно, но и необходимо. Отдых – непременная часть и продолжение работы. (13)

Привычка таит в себе элементы и равнодушия, и умения владеть собой, и опыт. (14)

Все сентиментальные порывы недолговечны, они угасают так же, как костёр без очередной порции сухого хвороста, или перерастают в пожар, с которым необходимо бороться. (15)

Ничто не исчезает бесследно. Можно даже утверждать, что если в душе поселилась ненависть, значит, были когда-то и зёрна любви. (16)

Много лучше всё на свете любить, чем всё – ненавидеть. (17)

Всё существует в этом мире только для того, чтобы его любили. (18)

Когда начинаешь жить в мире, который перестал понимать, то заново понять не бывает никакого желания, потому что внутренний голос подсказывает: это понимание только усилит фатальный страх. (19)

Для того, чтобы понастоящему узнать человека, необязательно пуд соли есть всю жизнь. (20)

Дегенерат с чувством собственного достоинства. Что может быть ужаснее? (21)

Трудно понять психологию мыслящего существа, если сам не находишься с ним на одном уровне развития, объединённый общей мудростью или невежеством. (22)

Человека, который стремится лишь к тому, что может быть осуществлено, следует наказывать исполнением его желаний. (23)

Прочь оптимистов! Из-за них жизнь становится безнадёжной штукой. (24)

Заслуженный отдых без любимого занятия – это не жизнь. (25)

Когда человек теряет любовь к играм, он уже стар. (26)

С опытом мы становимся всё менее и менее пылкими. Всё менее пылкими и с каждым днём всё более осмотрительными, и это до тех пор, пока не начнём бояться собственной тени. И вот тогда – всё! Когда начинаешь бояться собственной тени, в этом мире делать больше нечего. (27)

Не верю, что найдётся хоть кто-то, кто не поддастся соблазну увидеть невиданное. (28)

К. Х. Т у ш е л ь

(1928 – 2005 гг.)

Нет пути назад, его нет, путь к счастью ведёт только вперёд! (1)

Каждый должен идти своим путём. Самое важное при этом – знать свою цель. У каждого есть и сильные, и слабые стороны. Человека, который совмещал бы в себе все достоинства и добродетели, в природе не существует. Всё дело в том, чтобы набор твоих достоинств и слабостей не был препятствием к достижению избранной тобой цели. Совершенствовать свой характер – это использовать все свои сильные стороны, необходимые для успеха на избранном пути, и устранять те слабости, которые тебе на этом пути мешают. Всё остальное не особенно важно. (2)

Упорство и терпение подобны щёлочи и кислоте: вместе взятые они образуют соль земли – целеустремлённость. (3)

То, что хочешь сделать, нужно делать тут же и сразу! (4)

Человек от силы раз или два в своей жизни по собственной воле принимает основополагающие решения, и происходит это большей частью в молодости. Всё, что случается впоследствии, оказывается уже продиктовано необходимостью, включая сюда и самое важное из решений: оставаться ли верным самому себе. (5)

Цветы, что быстро раскрываются, быстро и увядают. (6)

Заботы, которых у нас прежде не было, совершенно непотребны нам и теперь. (7)

Облекать свою досаду в слова мудрых пословиц и поговорок – всего лишь более мягкая форма брани и ругани. (8)

Какою бы ни была ваша профессия, немного юмора и шутки пойдёт только на пользу, особенно если ваши коллеги – болваны, коих отличает звериная серьёзность. (9)

Даже досада должна быть аргументированной, иначе она совершенно беспомощна. (10)

Когда руганью у человека пронизаны даже мысли, то и само мышление его определённо ошибочно. (11)

Кто строит из себя обиженного, имеет целью только обидеть других. (12)

Все неожиданности, как правило, случаются не тогда, когда их принимают в расчёт. (13)

Чрезмерная уверенность делает нас подчас слепыми. (14)

В состоянии испуга мы тут же хватаемся за то, что, как нам кажется, служит источником силы. (15)

Из всех представляющихся безвыходными ситуаций безвыходных на самом деле будет от силы один процент. (16)

Несомненно, и через тысячу лет люди, желая сблизиться друг с другом, не придумают ничего лучшего, как говорить о каких-нибудь пустяках, чутко приглядываясь при этом к

искоркам симпатии или антипатии, источник которых отнюдь не в предмете разговора, а в тоне речи. (17)

Чувство обиды с годами всё накапливается именно потому, что мы делаемся всё старше. (18)

Чувство ведь близоруко, не видит дальше собственного носа. Поэтому умные люди никогда не принимают решений, руководствуясь чувствами, по крайней мере важных решений. И всё же одно из важнейших решений в жизни – решение о выборе спутника жизни и супруга – принимается, в гораздо большей мере руководствуясь чувством, чем рассудком. (19)

Через полгода супругам гораздо легче развестись, чем через пять или десять лет. (20)

По мнению кур, самое прекрасное качество и главное достоинство человека в том, что он регулярно подсыпает им корм. (21)

Для комфортного мироощущения необходимы мыслительная деятельность и умение принимать решения. (22)

Какой человек мог бы ощущать радость жизни, не имея дерзновения! Но дерзать, разумеется, можно лишь на том поприще, где чувствуешь себя уверенно, и когда точно знаешь, в чём твоё дерзание и чего ради. (23)

Верить значит не иметь знания. Если события нас раздражают, мы должны всё вновь перепроверять своё толкование фактов, помня о том, что основополагающие законы всегда указывают нам направление, следуя которому можно найти верное решение. (24)

Правильные решения человек может найти только на основании своего знания и своей морали. Одно без другого будет так же ненаучно, как и безнравственно. (25)

Господство человека над техникой заключается не в том, чтобы игнорировать её потребности, а в том, чтобы не позволять ей диктовать ему его решения. (26)

Д ж. У и н д э м

(1903 – 1969 гг.)

В жизни нет ничего значительнее, чем любовь двух людей друг к другу. (1)

Всю жизнь нас окружают люди и вещи, о которых мы почти ничего не знаем. Поймите, что обнажать истину без цели – распутство. (2)

Трудно представить себе форму разума, если, конечно, не впадать в абстракцию, которая не попыталась бы переустроить среду обитания на свой лад. (3)

Как только у человека наметилась первая извилина в мозгу, он огляделся и увидел, что мир, в том виде, как он есть, его не устраивает. (4)

Слово «совпадение» и существует потому, что в самом деле существуют совпадения. (5)

Любой удар судьбы можно представить странным совпадением, если набраться терпения и подождать. (6)

Наша жизнь представляет собой сложное взаимодействие специалистов, которые справляются со своими обязанностями более или менее эффективно и требуют того же от остальных. Каждый столь неукоснительно играет свою маленькую роль, что нетрудно принять привычку и обычай за закон природы, и когда установленный порядок как-нибудь нарушается, это влечёт за собой серьёзные последствия. (7)

Что такое вкус? либо дань времени, либо утончённое отклонение от нормы. (8)

Крик моды всегда смешон для неподготовленного, к нему приходят исподволь, постепенно. (9)

Новизна, как известно, живёт очень недолго. (10)

Иной человек притворяется, будто он слишком одухотворённая натура, чтобы разбираться в технике. Это дешёвая и глупая форма тщеславия. (11)

Каждый является в мир круглым невеждой, но на то Бог и даровал ему мозги, чтобы приобретать знания. (12)

Неспособность пользоваться собственными мозгами не есть достойная похвалы добродетель, даже женщин следует порицать за это. (13)

Границы человеческой глупости – особенно глупости, вызванной давящим страхом, – определить трудно. (14)

Пусть тебя мучают сомнения, но всё обойдётся хорошо, если постараешься быть на высоте и придерживаться принципа: веди себя как все, потому что если что-то кажется людям необычным, то они скорее посчитают тебя сумасшедшим, чем помогут тебе. (15)

Единственное зло – это страх. Не забывай этого. (16)

Когда люди испуганы, они становятся злыми и жестокими. (17)

Что бы тебе ни говорили перепуганные люди – не верь им. Ни одно изобретение не может быть само по себе плохим или хорошим. Таким его делают люди. (18)

Самая большая ошибка – строить теории на пустом месте. Но пренебрегать уже имеющимися данными – умственное самоубийство. (19)

Как только вы вносите первый взнос, вы либо теряете свои деньги, либо оказываетесь вынуждены заплатить и всё остальное. (20)

Там, где каждому приходится работать ради куска хлеба до седьмого пота и где нет ни минуты свободного времени для мысли, там знание застаивается и люди тупеют. (21)

У человека средних лет, который не в состоянии прочитать ничего длиннее случайной журнальной статьи, не может быть никакого интереса к книгам. (22)

Люди, которые мыслят, не являются производителями материальных благ, они, как может показаться, почти полностью живут за счёт других. Но в действительности они представляют собой долгосрочный вклад. (23)

Величайшее предназначение поэта – предвидеть, а его миссия – снабжать нас цитатами при всяком неожиданном повороте событий. (24)

Нельзя убить мысль. Её можно спрятать, но она всё равно прорвётся. (25)

Книга – всегда книга, даже если никто кроме автора и его жены никогда её не прочтёт. (26)

Если читатель опустит что-либо несущественное – это полбеды. Много хуже, если нечто важное опустишь ты сам. (27)

К простым способам идут через очень сложные исследования. (28)

Очень многие не понимают одной простой вещи. Если вы разговариваете с человеком и хотите, чтобы он принял вас всерьёз, говорите с ним на его собственном жаргоне. (29)

Поразительно, сколь часто лучшее маскируется под худшее. (30)

Невозможно до бесконечности сохранять трагическое настроение. В этом разум подобен фениксу. Это его качество может быть полезным или вредным, но оно просто часть воли к жизни. И мы не можем долго оплакивать даже целые океаны пролитого молока – таково необходимое свойство нашего организма. (31)

Ненависть не может питать самоё себя. Никто не в силах долго сражаться с ветряными мельницами. (32)

Граница между инстинктивным и разумным весьма условна, особенно, когда речь идёт о самозащите. Хотя бы потому, что и то и другое может вызвать одну и ту же реакцию. (33)

Сердитый, разгневанный человек неизменно оказывается в дураках. (34)

Симулировать глухоту – такая политика имеет определённый успех: создаётся впечатление, что за молчанием непременно стоит сила. (35)

Супердержава, ревностно охраняющая свои границы, должна признать подобное право и за другими странами. (36)

Многим, я знаю, не по вкусу слово правды. Они никогда не признают неудач, полагая себя доблестными рыцарями мира сего. Но слепое упрямство – отнюдь не доблесть, а слабость под личиной ложного оптимизма. (37)

Неизвестность нагнетает тревогу и может обернуться паникой. (38)

Занять всех работой – это, по мнению многих, действительно неплохое средство против паники. (39)

Все мероприятия властей для предотвращения надвигающихся катастроф обычно сильно смахивают на прожект вроде строительства огромной дамбы из мешков с песком, дабы огородиться от моря. (40)

В пору серьёзных стихийных бедствий или политических катаклизмов всякий большой город – это медленно захлопывающийся капкан, капкан, из которого хорошо бы унести ноги, пока он не лязгнул зубами. (41)

Власть, якобы правящая по воле народа, готова пойти на всё, лишь бы не давать этому народу в руки оружие. (42)

Если вода в котле не закипела только потому, что у каннибала кончились дрова, жертве в котле рано радоваться. И если эта жертва не хочет быть съеденной, ей надо поспешить что-нибудь предпринять, пока людоед не вернулся с охапкой хороших сухих дров. (43)

Стало хорошей традицией сначала получать тумаки, а уж потом выигрывать войну. (44)

Тюрьма – прекрасное место отдыха для тщеславных великомучеников. (45)

В демократической стране дурак равен разумному человеку. (46)

У американцев бизнес – их национальный вид спорта, а следовательно – вещь почти священная. (47)

Изгою всегда труднее добиваться своей цели. (48)

На свете существует несметное число любителей сверхъестественного, которые только тем и занимаются, что раскапывают душещипательные секреты и тайны. И им достаточно малейшего повода, чтобы усмотреть единомышленника в первом встречном. (49)

Нет законов, запрещающих делиться галлюцинациями. (50)

Для поддержания интереса публики необходимо «топливо» – без новых дров он быстро угасает. (51)

Отказ от сенсации во имя сенсации подразумевает некоторые познания, хороший вкус и литературные способности. Но, как следствие – у редакции постоянная нехватка тем для поддержания должного уровня. (52)

Светочи науки любят всё притягивать за уши. (53)

Специалисты, как могут, сопротивляются очевидным фактам. И это в нынешний век науки! Отворачиваясь от доказательств, они готовы свернуть себе шеи, лишь бы ничего не видеть и не знать. (54)

Есть множество вещей, которые у нас не афишируют, но и не делают из них больших секретов. Сначала тебе говорят, что тебе просто всё померещилось, но едва найдутся доказательства, не преминут сделать это государственной тайной. (55)

Культурному, либерально настроенному человеку весьма свойственно заблуждение думать, будто и другие тоже либералы. До него не доходит, что обыватель при виде всего нового и необычного пугается и говорит: «Уничтожить да побыстрее!» (56)

Всегда есть что-то немного печальное в молодости и красоте, при любых обстоятельствах. (57)

Если вы прожили половину жизни с определёнными представлениями, то изменить их за пять минут невозможно. (58)

Есть тип женщин, которые считают, что их мужья, вступив в брак, уже один раз сваляли дурака, и не стоит ждать от них ничего путного впредь. (59)

Всему своё время. Если за летом следует осень, ещё не значит, что осенью надо будет тащить лестницу и обрывать листья с деревьев. (60)

Мы привыкли считать, что естественная смерть – это смерть в постели на старости лет. Заблуждение. Смерть естественна в любом проявлении, и всегда – нежданна. (61)

* * *

После того, как вы внесли первый взнос, вы либо потеряли эти деньги, либо вам придётся заплатить всё, что осталось. (20)

Б. У л ь б р и х

(1943 г.р.)

К смыслу, скрытому в существовании этого мира, слово «невозможно» никакого отношения не имеет. (1)

Каждая жизнь может стать захватывающим приключением, нужно только суметь его увидеть. Приключение – это интуиция, это новизна, ведущая неведомо куда. Всё остальное – лишь упадок, вырождение и смерть. (2)

Терпимость – это на самом деле высшая форма понимания. (3)

Когда отрезана дорога назад, тоска превращает мысль о возвращении в прекрасную мечту. (4)

Г. Дж. У э л л с

(1866 – 1946 гг.)

Всё, что было раньше и будет позднее, существует и сейчас для тех, кто умеет видеть. (1)

Вещи меняют свой облик, но человечество вечно и неизменно. (2)

История человечества есть в сущности история идей. (3)

Люди мечтают о самых разных вещах, но и среди миллиона людей вряд ли найдётся хотя бы один, который стал бы жаждать знания ради самого знания. (4)

Пытливый ум задаётся всё новыми вопросами. (5)

Ответы того, кто никогда и не пытался понять и обобщить происходящее, звучат бессвязно и невразумительно. (6)

В основе всех человеческих установлений лежит упрямый консерватизм. (7)

Мы забываем о законе природы, по которому гибкость ума появляется как возмещение за опасности, заботы и изменчивость жизни. (8)

Там, где нет перемен и нет необходимости в них, разум бездействует. (9)

Перемена – это закон, который никогда себя не изживёт. Просто изменятся сами перемены. Новое появится в небывалом обличье, и современникам будет не под силу осознать его и принять. (10)

Постигать новое – это, в сущности говоря, значит становиться моложе, освобождать себя, начинать всё вновь. (11)

Бесконечная борьба, бесконечные раздоры – такова жизнь. Великое и малое не могут найти общий язык. Но в каждом вновь родившемся человеке дремлет зерно величия, дремлет и ждёт своего часа. (12)

Жизнерадостность помогает преодолевать любые препятствия. (13)

Великому принадлежит будущее, а ничтожество, звериная жестокость и человеческие слабости обречены на гибель. (14)

Наука убеждает нас, что явление, которое должно произойти, существует в действительности, и мы только не умеем видеть этого. (15)

Сын значит для отца несравнимо больше, чем отец – для сына, будущее неизмеримо важнее прошлого. (16)

Воспоминания не мертвы, это живые существа, которые дремлют, пока их не трогают, но начинают расти и принимают порой самые неожиданные формы, если их постоянно тревожить. (17)

Лучший отдых – это перемена занятий. (18)

Не стоит забывать, что деятельность мужчины сильно зависит от поведения женщины. (19)

Женский характер таков, что быть мужчиной оказывается задачей не из лёгких. (20)

Выйти из яйца, чтобы создать яйцо, – вот единственный смысл существования высших позвоночных. (21)

Наша истинная национальность – человек. (22)

Машины раскрепостили людей, и те перестали быть похожими на машины. (23)

Ход вещей зависит от нашей решительной воли и от наших усилий. (24)

Люди привыкли думать, что тот, кто рассуждает о моральных проблемах, и сам должен обладать исключительными душевными достоинствами. Я хотел бы оспорить это наивное предположение. В целом я склонен относить себя скорее к плохим, чем к хорошим людям. Конечно, я не кажусь себе романтическим злодеем или образцом безнравственности, но я часто бываю раздражительным, неблагодарным, забывчивым и время от времени, пусть и в чём-то небольшом, просто до конца плохим человеком. (25)

Когда назревает ссора, нервные, застенчивые люди обычно берут слишком вызывающий тон, и это досадная ошибка. (26)

Жадность и скупость – совсем разные качества. (27)

Жадность отнюдь не принадлежит к числу моих природных качеств. Таким меня сделала долгая борьба за место под солнцем. (28)

Хорошо, если бы мы все делали то, что само собою разумеется. Как далеко продвинулся бы мир по пути прогресса! (29)

В нашем нелепом мире мы от врача или солдата всегда ждём честности, мужества и деловитости, а вот стряпчий или агент по продаже недвижимости почему-то может быть жадным жуликом, подлецом и тупицей, и это в порядке вещей. (30)

История человечества превращается в гонку между образованием и катастрофой. (31)

Общество устроено так, что люди всю жизнь только и делают, что мешают друг другу. Куда ни сунься, всё какие-то права, законы, правила и прочее жульничество – прямо какая-то дурацкая игра. (32)

Где только можно, мы насаждаем чиновников, и только за последние несколько лет возникло множество новых областей, в которых повседневная жизнь человека тесно связана с канцелярщиной. (33)

Политиканы и демагоги не знают, что есть нравственные законы, которые невозможно подавить силой одного лишь обаяния: придавленные, они мстительно распрямляются, точно сжатая пружина, и наносят ответный удар. (34)

Особы королевской крови составляют особый клан. Оне – праздные побрякушки, узники, которым поклоняются. За это преклонение оне платят своей свободой, оне не вольны шагу ступить по-своему. (35)

Политик – это человек, который легко пробивает себе дорогу в толпе и для которого самый тяжкий грех – противоречить себе, а важнейшая из наук – примирять «интересы». (36)

Если мы не прикончим войны, война прикончит нас. (37)

Ярость толпы случайна, недолговечна и очень быстро остывает. (38)

Все диктаторы и короли обычно кончают тем, что предаются пьянству и разврату или становятся убийцами. (39)

Суетливые, бесцельные перевороты былых времён, когда толпа неразумных людишек свергала такого же неразумного царька, давно уже канули в вечность. (40)

Социология не может быть ни просто искусством, ни наукой в узком смысле этого слова, она собрание знаний, представляемых в вымышленной форме с присутствием личного элемента, иначе говоря, литература в наиболее возвышенном смысле этого понятия. (41)

Марксистский коммунизм – это теория, которая не заключает никаких творческих идей и явно им враждебна. (42)

Вся жизнь – тюрьма, и человек – лишь вечный узник! (43)

Ругательства и проклятия – это своего рода эмоциональное «рвотное». (44)

Поистине храбр не тот, кто вовсе не чувствует страха, а тот кто умеет страх побороть, кто всегда находит в себе силы подавить разыгравшееся воображение. (45)

Всем известно, что систематическое недоедание неизбежно сопровождается приступами душевной депрессии, сменяющейся нервным подъёмом. (46)

Живя в богатой обстановке, даже приятно вспоминать о нужде. (47)

Не всем доступна роскошь, но устроиться скромно можно всегда. (48)

Главное свойство джентльмена – умение быть великодушно-банальным. (49)

Дам-благотворительниц переполняет благородное негодование при мысли, что низшие классы в конечном счёте не уступают высшим в низости, а подчас – вот что особенно возмутительно! – могут их в этом и превзойти. (50)

Не писатели существуют для издателей, а наоборот. (51)

Тот, кто любит розу, должен служить розе... своими руками. (52)

Коль скоро читатель обманут и поверил в твою фантазию, остаётся одна забота: сделать остальное реальным и человечным. Подробности надо брать из повседневной действительности и для того, чтобы сохранить самую строгую верность фантастической посылке, ибо всякая лишняя выдумка, выходящая за её пределы, придаёт целому оттенок глупого сочинительства. (53)

Роман – это произведение, не допускающее – во всяком случае, оно не должно допускать – явного вымысла. (54)

Всего интересней читать то, что ненароком попадает вам в руки. (55)

Роман должен стать домашней исповедальней, просвещать, ронять зёрна, из которых развивается плодотворное стремление познать самого себя. (56)

Нужно развивать воображение ребёнка, в конце концов это и есть цель всякого воспитания. Да, так: воображение – цель, а трезвый ум и разумное поведение – основа. (57)

Отсутствие воображения – это возврат к животному состоянию; испорченное воображение – похоть и трусость; но благородное воображение – это Бог, вернувшийся на грешную землю. (58)

Ребёнку надо и помечтать, побывать в мире сказок, порадоваться всяким забавам и чудесам, – на то и детство. Но главной пищей воображению должна стать сама жизнь во всём её великолепном разнообразии. (59)

Безответный человечек, вскормленный на книге «Помогай самому себе», лелеет скромную мечту о «достатке», нажитом путём самоограничения и борьбы с конкурентами. (60)

Быть изобретательным и оригинальным – вовсе не значит быть экстравагантным и глупым. Сделайте милость, дайте новому миру изящное и достойное платье. (61)

Ничто так не выясняет идей, как изложение их другим. (62)

Обмен идеями – вот истинно научный метод. (63)

Ум – ещё не всё на свете. Допустим, вы сказали что-то остроумное, произнесли какой-то парадокс, нашли тонкое сравнение. Спрашивается: как воспримут это окружающие? Те, кто глупее вас, люди нетонкие, заурядные, не посвящённые в ваши проблемы, будут попросту раздражены вашими загадками; те, кто умней, почтут ваше остроумие явной глупостью; ровни же ваши сами рвутся сострить и, естественно, видят в вас опасного конкурента. Словом, подобный ум есть не что иное, как чистый эгоизм в его наихудшей и глупейшей форме. (64)

Из всех зверей умнейший – обезьяна, а сравните её жалкое фиглярство с царственным величием слона! (65)

Я никак не могу избавиться от мысли, что ум – наибольшая помеха карьере. Разве приходилось вам видеть, чтобы понастоящему умный человек занимал важный пост, пользовался влиянием и чувствовал себя уверенно? (66)

Само понятие разума означает способность постоянно искать новое, а это есть отрицание всего устоявшегося. (67)

Уверяю вас, разумное есть противоположность великому. Британская империя, как и Римская, создана тупицами. И не исключено, что умники нас погубят. Представьте себе полк, состоящий из шутников и оригиналов. Свет ещё не знал государственного деятеля, который не отличался бы хоть малой толикой глупости. (68)

Все учёные на свете – это люди сверх меры непрактичные. Тем, что в них есть подлинно великого, они лишь колют глаза учёным собратьям, для широкой же публики оно остаётся книгой за семью печатями; зато слабости их замечает каждый. (69)

Приходские священники бывают разные, и меньше всех мне нравятся любители новшеств – эдакие пёстрые люди, консерваторы по должности, которые не прочь иногда побаловаться и передовыми идейками. (70)

Об отъявленных атеистах я могу сказать только одно: они могут быть – и обычно бывают – глупцами, людьми, лишёнными всякой тонкости, людьми, для которых нет ничего святого, грубиянами и злобными мошенниками, но лгать они не любят – вот что удивительно. (71)

Земля – не место отдыха и не площадка для игр. (72)

Для чего, по-вашему, создан мир – чтобы в нём хозяйничали старые бабы? (73)

Великий злодей на поверку неизменно оказывается смешным, ничтожным человечком! (74)

Мир человеческий мал, и жизнь человеческая коротка – ещё довольно дел на Земле! Для чего людям новая планета? Что сделали они со своей собственной? Поле вечной битвы, арену вечных глупостей. (75)

Наука и так уж слишком много трудилась над выковыванием оружия для безумцев. Пора с этим покончить! (76)

Люди будущего не будут оснащены наподобие телефонных столбов или выглядеть так, словно только что выскочили из механической мастерской. Они не будут носить костюмов из целлофана, освещённых неоновыми лампочками, или ещё чего-нибудь в этом роде. Не забывайте, что самые экстравагантные костюмы, известные человечеству, – это костюмы, в которые наряжались дикари для церемониальных плясок. (77)

Нам не нужно будет страдать, как страдают животные, и мы сможем изведать страдания, достойные человека. (78)

Память нормального человека в известной мере автоматически очищается от чрезмерно горестных воспоминаний. (79)

Что такое успех, которому все завидуют? Жалкая, нудная, пустая мишура! (80)

Слава обычно чем дальше, тем громче. (81)

Кто начисто лишён воображения, не способен к познанию. (82)

Иной сдаёт все экзамены, запоминает все факты, а знаний у него ровно столько же, сколько у книжной полки, на которой стоит Британская энциклопедия. Он ничего не знает и не понимает. Он способен воспринять только то, что прямо и непосредственно касается его великолепной персоны. Лишь такой безнадёжный тупица и может сдать столько экзаменов, хорошо одеваться и стать преуспевающим врачом или учёным. (83)

Я отлично сознаю слабость своего воображения и готов допустить, что могу ошибаться, изображая картины будущего, но утверждаю, что перемены, мною предсказанные, – ничто по сравнению с тем, что действительно произойдёт в течение ближайших двух столетий. (84)

Человеку присуще свойство до последней минуты надеяться. (85)

* * *

История человечества в основном – история идей. (3)

Когда писателю-фантасту удалось магическое начало, у него остаётся одна забота: всё остальное должно быть человечным и реальным. (53)

Приходские священники – это консерваторы по должности. (70)

В. М. Ф а л е е в

(1934 г.р.)

Тот, кто не ценит время, укорачивает свою жизнь! (1)

Человек не то, что он о себе думает, ибо он думает поспешно, под давлением обстоятельств или голода, жажды, плоти, плача детей, ненависти врага или разнообразных приказов инстинктов. (2)

Нельзя предотвратить свои будущие поступки, не умея укротить свои сиюминутные страсти. (3)

Большие страсти очень тяжелы. (4)

Надо учиться предотвращать волю судьбы. Самодисциплиной уходить от её приказов. Люди боятся своего будущего, особенно плохих вестей, потому что не верят в свою силу предотвратить рок. (5)

Предчувствие неизбежности значительных или мелких событий появляется, как невесть откуда повеявший сквознячок в жаркий день, как толчок для логического осмысления, оформления ощущения в мысль. Если нам не хочется свершения печальных событий, мы гоним от себя неприятное ощущение, но оно время от времени возвращается. Когда же наступает час неизбежного будущего, мы ещё упираемся, будто возражаем кому-то: не может быть; только чуткие натуры сразу признаются себе: «Я так и знал...» (6)

Дело умных – предвидеть беду, дело храбрых – управляться с бедой, когда она пришла. (7)

Человек, заблудившись в тайне, лихорадочно ищет дорогу, мечется, выбивается из сил и гибнет от изнеможения и страха. Так и в жизни: незнание, ужас, низменные инстинкты, ревность, зависть, фантастические желания принуждают людей ежедневно лукавить. Они постепенно загоняют себя в ловушки стрессов, становятся игрушкой обстоятельств, и когда спохватываются, то уже не могут изменить себя. (8)

Мы получаем зарплату советскую, а формируем свои желания по парижским образцам. Наши потребности в разладе с наличностью. (9)

И лошадь трудится, и роботы болтливы, как попугаи, да не люди. Чем человек отличается от обезьяны? Тем, что на человека сходит озарение! Его посещают гениальные мысли! (10)

Краткий миг озарения стоит многих лет логических рассуждений и всей жизни тяжкого поиска. (11)

Сверхинтеллектуальное познание не отменяет ни эмпирического, ни рационального, но лишь обогащает истинными знаниями. (12)

У мягкосердечных женщин крепкие характеры и острые коготки. (13)

После ссоры легко успокоиться, если глядеть на воду или в огонь. (14)

Внешность обманчива. Зная ловкие приёмы обращения в обществе, люди скрывают свои желания, мысли; внутренняя суть каждого проявляется в дни трагедий. (15)

Люди руководствуются в жизни не теориями, а личными интересами, не истинами, а желаниями. (16)

Погоня за миражом простительна обычным смертным, но недостойна руководителя. Только глупцы и невоспитанные, не умеющие управлять собой люди совершают поступки ради награды, похвал. (17)

Если дурака назвать мудрецом, он станет изрекать истины. Если труса объявить героем, то он потребует себе наград. (18)

Приучившись к обману, навязывают ложь другим. Притворство очень трудно преодолеть. (19)

Дети искусные дипломаты и хитрецы, они смело лгут, услуживают тому, кого не любят, поступаются совестью ради временной выгоды. (20)

Если головы людей забиты мусором неверных категорий, то, представляете, какой бред могут выдавать люди под видом науки? (21)

Мысль, выраженная словами, не является истиной. В ней лишь намёки на истину. Самотренировка позволяет познавать самого себя, видеть вокруг миражи, иллюзии, обман, по лукавым словам людей угадывать, а точнее читать истину. (22)

Самые точные слова приблизительны. Они останавливают мгновения, а процессы неостановимы, но не бойтесь слов и не бойтесь грядущей реальности. (23)

Часто человек не соврёт, да и правды не скажет, ибо всякий имеет в деле свой умысел, свою выгоду, свою потребность и желание. (24)

Слова используются, как яркие платья, для прикрытия тайных намерений. (25)

Искусство красноречия, метафорический язык позволяют разыгрывать маскарады, вовлекать в игру воображения простаков или бойких говорунов, целые толпы людей и даже народы. (26)

Все знают, как петь, но нужны годы, чтобы научиться хорошо петь, поставить голос. Так и с открытием в себе сверхинтеллекта. Тренировка заключается в том, чтобы освободить ум и интуицию от влияния наших страстей, от порывов, настроений, желаний, от искушения и фантазий. Поэтому учиться сосредоточению – значит своими силами изменять самого себя, расширять знания, совершенствовать организм. Мы ведь очень несовершенны. (27)

Тело несовершенно, его необходимо усовершенствовать, все его функции заключают в себе тайные, могущественные силы, которые можно заставить служить. Мы же живём во сне, в сфере сновидений, и надо пробудиться, разбудить в себе неисчислимые таланты и способности, жить, извлекая из организма удовольствия. (28)

Если бы всё, что говорят люди, было истиной, то не нужна была бы наука, но если бы и наука говорила только истины, то она давно бы изжила себя. Редко кто осмеливается идти по пути знания. (29)

Путь знания начинается для человека с прогнозирования срока своей жизни, изучения линии судьбы, которая ведёт к конечной точке, и корректировки движения к ней. Только предвидя все ожидаемые события, затруднения, стрессы, болезни и несчастья, человек

способен, сконцентрировав в себе энергию, вырваться из плена неблагоприятных событий. (30)

Как космический корабль, выведенный на орбиту, подчиняется инерционной силе, так человек мчится по заданной орбите, подчиняясь траектории, заданной ему от рождения до смерти... Но если он научится владеть своими инстинктами, он способен скорректировать траекторию жизни по совести. (31)

Люди живут слепо, хитростями, а низший разум обслуживает их инстинкты. Только открыв совесть, можно избавиться от иллюзорного самообмана и управлять своими страстями. Как учат пальцы безошибочно находить клавиши, так тренируют ум прекращать работу в любой момент, чтобы не тратить мозговую энергию на ненужные размышления. Научившись останавливать ход мыслей, приобретёшь опыт слушать мысли других людей, улавливать идеи и просто все голоса природы, голос собственного организма. (32)

Г. Ю. Ф и л а н о в с к и й

(1927 г.р.)

Музыка продолжает рассказ о былом. Закрой глаза – и предстанут виденья дальних призрачных веков и судеб. (1)

Медленно прохаживаясь взглядом по книжной полке вдоль рядов выстроенных книг, невольно отмечаешь в душе какие-то из них, словно перечитываешь, не раскрыв. (2)

В книгах всё быль. Таково свойство книг: преображать виденное и слышанное в продуманное и прочувствованное. (3)

В теории все мастера осуждать чужие, вроде бы мёртвые богатства. (4)

Пойми: этак можно начисто потерять вкус к жизни. Не даётся журавль в небе, а синицы в руках не радуют. И становишься таким книжным червём, который маленькими синицами обеспечен и очень доволен. (5)

Человеку в душе представляется порой, что он проживёт если не вечно, то лет сто, не меньше. А до ста ещё – ух сколько... Но в возрасте, близком к пенсионному, становится понятно, что смерть может молниеносно прийти вечером, ночью, завтра утром. (6)

У. Р. Ф о р с ч е н

(1950 г.р.)

Люди, которые лишены чести, считают, что только хитрость и обман дают силу и могущество. Но подобное могущество эфемерно, поскольку рано или поздно обман раскроется и от их силы не останется и следа. (1)

Испытание всегда кажется простым, когда его должен пройти кто-то другой. (2)

В отчаянном положении люди иногда способны добиваться поразительных результатов. (3)

Отчаяние порождает отчаянные действия. Но порою оно заставляет перейти на новый уровень мышления. (4)

Если не планировать заранее поражения, то не проиграешь. (5)

Выказать пренебрежение лучше, чем унижаться перед человеком, готовым предать тебя смерти. (6)

Нет ничего хуже, чем видеть надвигающуюся катастрофу и при этом быть бессильным остановить её. (7)

Чем древнее событие, тем спокойней его воспринимаешь. (8)

Жизнь не более чем игра, и главное в ней – не победить, а участвовать и при этом сохранить свою честь. (9)

Состоятельному человеку необходимо знать две вещи. Первая: каждый, кто считает богатство реальной жизненной ценностью, – просто дурак, тешащий себя самообманом. И вторая: полагаться на искреннюю дружбу людей, привлечённых твоими деньгами, столь же бессмысленно, как верить обещаниям наркомана, жаждущего получить очередную дозу. (10)

По своей природе класс торговцев существует для того, чтобы извлекать прибыль. Извлечь прибыль означает нанести материальный ущерб тому, с кем проведена сделка. (11)

В конце концов, душевный покой стоит любых денег. (12)

Таинственный жаргон для специалистов всегда является гарантией высокого заработка. (13)

Ну почему хорошие идеи всегда приходят слишком поздно? (14)

Что можно иметь против, если время от времени тебе кто-то деликатно указывает на твои ошибки? Но когда тебе с утра до вечера внушают, что ты живёшь неправильно, да ещё со снисходительным высокомерием стоящего вне критики старшего брата, тут и стальные нервы не выдержат. (15)

Повышенное самомнение ещё никого до добра не доводило. (16)

Большинство мужчин считает несколько лишних фунтов гипертрофированных молочных желёз более важным достоинством женщины, чем мозги. (17)

Предвкушение подарка намного приятнее обладания им. (18)

Хорошо оставить после себя след в этом мире, но ещё лучше понять, когда нужно уйти, и тогда оставленный тобой след засияет ещё ярче. (19)

Л. С. Х а ч а т у р ь я н ц

(1927 г.р.)

Любая преграда эфемерна для того, кто хочет войти. (1)

Кто талантлив в основном деле, как правило, преуспевает и в хобби. (2)

Когда человек должен на что-нибудь решиться, он мысленно (а то и подсознательно, в считанные доли секунды!) проигрывает множество ходов. А выбирает только один. И, может быть, не самый лучший вариант. (3)

Человеку трудно справиться со слепой и капризной вероятностью. Для этого надо быть по крайней мере столь же «случайным» и непредсказуемым в поступках. (4)

Случайность, помноженная на случайность, даёт подчас хороший результат. (5)

В любое своё действие мы неизбежно вкладываем смысл, хотя бы условный. (6)

То, что в голосе, в тончайших его оттенках кроются очень важные сведения о человеке, – это факт. Только надо уметь слушать. (7)

Человек слышит себя изнутри совершенно иначе, чем со стороны; записанный голос всегда кажется чужим. (8)

Субъективная реальность для человека не менее подлинна, чем настоящая. Мозгу всё равно, откуда приходят воздействия: извне или изнутри, из подвалов памяти. Он реагирует. (9)

Совершенная форма, полностью соответствующая назначению машины или орудия, кажется прекрасной всегда. Находим же мы красоту даже в каменных, любовно отшлифованных топорах неолита. (10)

Есть люди – и они не редкость, – которые считают, что мужчина только тот, кто хлещет крепкие напитки, курит дешёвые «термоядерные» сигареты и отказывается от сладкого. (11)

Если человек продаётся, то он продаётся до конца! (12)

Рано или поздно приходит конец даже самому напряжённому ожиданию, самой утомительной работе, на которую, кажется, уже не хватает ни сил, ни нервов. (13)

Там, где нет воздуха и воды, бороздка, небрежно проведённая в пыли, имеет шансы оказаться прочнее и долговечнее египетских пирамид. (14)

Интеллект далёкого предка отличается от нашего лишь характером сведений, дающих пищу мыслям, но никак не качеством мышления. (15)

Счастье! Вот в чём отличие человека от зверя! В том, что человек не бездумно блаженствует, а умеет осознавать себя счастливым и добиваться этого состояния. И у каждого из нас счастье своё, а у животных оно одинаковое – в сытости. (16)

Лучшее в человеке неистребимо. (17)

Р. Х е й н л е й н

(1907 – 1988 гг.)

Мы все свободны идти предписанными путями. Так же, как подброшенный в воздух камень волен падать. (1)

Основное условие человеческого существования – необходимость постоянных усилий, чтобы обеспечить себя самым необходимым. Иногда это возвышает человека, но гораздо чаще губит. (2)

Всё, что делают люди – и наука тоже – есть либо брачные танцы, либо забота о детёнышах, либо сублимация жалких неудачников, обречённых на поражение самой природой. (3)

Чем бы ни было увиденное тобой, оно может быть больше того объёма, в котором содержится. (4)

Оладьи и сироп никогда не совпадают количественно. (5)

Не стоит быть пессимистом. Конечно, он ошибается не так часто, как оптимист, но оптимисту веселее живётся. (6)

Сведи до минимума свои тревоги и волнения; это удвоит твою жизнь... и даст время насладиться бабочками, котятами и радугами. (7)

Бабочки – не насекомые. Это летающие цветы. (8)

Всегда поддавайся соблазну, а то он, чего доброго, больше не явится. (9)

Всего должно быть в избытке! Если хочешь насладиться жизнью, кусай от неё огромными кусками. Умеренность – для монахов. (10)

Человек либо любит себя, либо совершает самоубийство. (11)

Опасайтесь альтруизма, ибо в его основе – самообман, корень всех зол. (12)

Главный секрет счастья – понять, кто ты есть, и гордиться этим. И не пытаться стать кем-то ещё – ведь амбиции не сделают воробья ястребом, а ворону – райской птицей. (13)

Если вы один из того беспокойного меньшинства, что способно на творческую работу, не насилуйте себя ею, иначе у вас случится выкидыш. Будьте терпеливы – и вы родите что-нибудь достойное, когда приспеет время. Учитесь ждать. (14)

«Нормальный человек» – это безликая абстракция. Каждый представитель рода людского, начиная с обитателя пещер и кончая высшим продуктом цивилизации, вроде нас с вами, неизменно бывал странным и эксцентричным, если только не напяливал на себя личину. (15)

В мире нет ничего одинакового. (16)

Плох тот ветер, что всегда дует в одну сторону. (17)

Никогда не покупай больше яиц, чем влезает в твою корзинку. (18)

Никогда не отправляйся в путь в хорошем настроении, а то всё время будет тянуть назад. (19)

Если с места приземления уходишь на своих двоих, посадка считается мягкой. (20)

Лошади, в отличие от тракторов, умеют производить других лошадей. (21)

Никогда не доверяй механизму более сложному, чем нож или вилка. (22)

Единственный смертный грех против себя самого – принимать что-то на веру. (23)

Никогда не верь на слово, когда тебе говорят, что ружьё заряжено. (24)

Не злоупотребляйте крепкими напитками, а то вы начнёте палить в налоговых инспекторов и промахиваться. (25)

Ясна опасность или не очень, – первым стреляй и ори что есть мочи! (26)

Стреляй быстро и точно. Нехорошо мучить человека, заставляя его дожидаться второго выстрела. (27)

Клади одежду и оружие так, чтобы быстро найти их в темноте. (28)

Баллистическую траекторию лучше всего рассчитывать не на пальцах. (29)

Когда корабль тонет, нет смысла спасать салфетки из кают-компании. (30)

Когда играешь в покер, всегда помни, велик ли банк. (31)

В игре никогда не рассчитывай на везенье; главное – навык. (32)

Если тебе везёт в картах, когда шляпа надета задом наперёд, продолжай в том же духе. Только не уверуй всерьёз в волшебную силу шляпы. (33)

Одиннадцатая заповедь – не попадайся. (34)

Надо жить и вседневно учиться, а то жизнь не надолго продлится. (35)

Когда напорешься на задачу, в которой в упор не рубишь, отыщи в ней то, в чём хоть чуть сечёшь, разложи и взгляни по новой. (36)

Если в конце концов сделаешь карьеру, никогда не делай этого ещё раз. (37)

Всегда выслушивай мнение специалистов. Они объяснят тебе, чего нельзя делать и почему нельзя. А потом поступи наоборот. (38)

Самая страшная болезнь – бессонница в рабочее время. (39)

За то, что разбудишь человека без особой надобности, тебя не расстреляют... на первый раз. (40)

Самые талантливые скрипачи не смастерят самой простой скрипки. (41)

Видимые различия между мужчинами и женщинами имеют значение только для мужчин и женщин. (42)

Я пришёл, я увидел, она победила. (43)

Любовь – это состояние, при котором счастье другого человека необходимо для твоего собственного счастья. (44)

Всегда говори ей, что она красавица, особенно если она далеко не. (45)

Леди гиппопотам кажется своему дружку очень красивой, иначе все они давно бы вымерли. То, что мы называем физической красотой, лишь внешнее проявление целого комплекса качеств, полезных для выживания. (46)

Если в семейном споре окажешься прав – немедленно извинись. (47)

Если женщины так глупы, что сами хотят взвалить на себя бремя ответственности, не стоит им мешать – всё равно оне не смогут напортачить больше, чем мужчины. (48)

Новорождённый ребёнок настолько бесполезен, насколько это вообще возможно. Он и красив-то только для своих родителей. Он убыточен, и требуется лет двадцать с лишним, чтобы ваш вклад начал приносить доход, чего чаще всего не происходит. (49)

Не стоит заставлять младенца бегать раньше, чем он научится ползать. (50)

Заблуждения часто бывают во благо. Если бы мать не заблуждалась насчёт талантов, красоты, ума и прочая своего чада, она, глядишь, не удержалась бы и удавила его ещё в колыбели. (51)

Хорошо, что мы не видим детей, пока они не оформятся для дебюта, иначе бы род человеческий пресёкся. (52)

Слово «родитель» не синоним слова «владелец». (53)

То, что мальчик становится мужчиной в какой-то свой день рождения – всего лишь юридическая фикция. (54)

Маленькие девочки, как и бабочки, ни перед кем не должны оправдываться. (55)

Животные взбесятся, если в один загон поместить слишком много особей. Гомо сапиенс – единственное живое существо, идущее на это добровольно. (56)

Учебники истории сочиняют те люди, что пробрались на самый верх, и потому правды в них не больше, чем в автобиографиях. (57)

Считайте, что вы не жили, пока не окунулись в политику. Это грубая, грязная и всегда тяжёлая работа. Но политика – единственный спорт для взрослых. Все прочие игры – для детей. (58)

Наша раса обязана своим прогрессом редким индивидам; другие просто адаптируются к результатам их мышления. (59)

Психология масс – отнюдь не сумма индивидуальных психологий, она куда сложнее и предсказуемее. (60)

Политика – это способ делать дела, не разбивая при этом голов. (61)

Ещё ни одному правительству не удавалось одолеть законы природы, хотя многие пытались. (62)

Похоже, что правительства – врождённая и неизлечимая болезнь человечества. (63)

Люди, даже умные, всегда ждут чудес от правительства. (64)

Вот что означают реформы сверху: то же самое, но менее эффективно и ещё дороже. (65)

Всякое правительство, которое становится слишком сильным и чересчур преуспевает, опасно. (66)

Правительство – живой организм. Как и у любого другого существа, у него преобладает инстинкт самосохранения. Ударь его – и оно ударит в ответ. (67)

«Если лошадь не способна взять барьер, пристрели её и поступай так до тех пор, пока не найдёшь способную, если, конечно, лошадей хватит». Вот такого рода псевдологику многие привносят в политику. (68)

Честный политик продаётся лишь однажды. (69)

Ничто так быстро не идёт под политические споры, как алкоголь. (70)

Выборы выигрывают не переубеждая противников, а мобилизуя сторонников. (71)

Политическая фигура – это не один человек, а целая команда. (72)

Нет ничего хуже, чем соперничать на выборах с женщиной. Ты только и делаешь, что одёргиваешь себя, а ей дозволено применять всё, что заблагорассудится – от хлыста из буйволовой кожи до отравы, подмешанной в твой кофе. (73)

Вы когда-нибудь баллотировались? Куда лучше, если тебе делают аппендэктомию у брачного алтаря, да ещё в бочке, пляшущей в потоках Ниагарского водопада. (74)

Политические ярлыки редко бывают логичными. (75)

Никогда не мог понять, почему считается, будто тридцатилетний дурак проголосует лучше, чем шестнадцатилетний гений. (76)

Если уж что-то неправильно, никакое голосование не сделает это правильным. (77)

Если государство позволяет голосовать всем поголовно, и производителям и паразитам, значит, скоро ему конец. (78)

Демократия предполагает, что свободный гражданин отдаёт свой голос во благо общества, ради безопасности и благосостояния своих сограждан. На самом же деле он голосует за свои интересы, как он их разумеет. (79)

Ответственность перед обществом, а не перед семьёй или какой-то группой, требует воображения, без которого просто не понять идей долга и других высоких ценностей. Если всё это впихивать в человека силком, он как был пустым, так и останется. (80)

Даже самые убеждённые демократы ощущают благоговейный трепет, когда впервые повстречают коронованную особу. (81)

Во времена оны цари назначались от бога, и проблема была в том, чтобы бог не промахнулся насчёт кандидата. Сейчас в ходу миф о «воле народа»... но проблема от этого нимало не изменилась. (82)

Только король защищает народ от самой страшной тирании – тирании самого народа. (83)

Демократия выдержит всё, кроме демократов. (84)

Приятно, конечно, обсуждать проблему коллективно и решать голосованием. Но разве капитан корабля во время бури дискутирует с пассажирами? (85)

Можно ли найти в истории хоть один случай, когда большинство оказывалось право? (86)

Если парламенты чего-то и достигали, они были обязаны этим нескольким сильным личностям, которым удалось возвыситься над большинством. (87)

Кричать о том, будто уважаешь и любишь огромную аморфную массу с хайлом на одном конце и вонючими ногами на другом – на такое способен только слепой сахариновый слюнтяй, да ещё и глупый к тому же. Такой симптом – называется он «демократ в душе» – встречается у некоторых воспитательниц, у большинства спаниэлей и всех миссионеров. (88)

Большинство никогда не может быть право. (89)

Демократия предполагает, будто от сложения нулей рано или поздно получится какая-то сумма. (90)

Мудрость общества не увеличивается от простого сложения, её максимум – это уровень самого мудрого его члена. (91)

Хорошо организованная тирания встречается ещё реже, чем эффективная демократия. (92)

Никто и никогда не сможет разрешить проблемы всех людей, что населяют земной шар – они сами не позволят. (93)

Между нациями благодарности нет и быть не может. (94)

Если бы американцы строили автомобили так же, как они строят дома, у них бы и телеги не получилось. (95)

Очень плохо, если люди перестают отождествлять себя со своей страной и начинают – с различными группами: расовыми, религиозными, языковыми; с какими угодно, если это не все соотечественники. (96)

Два наивысших достижения человеческого разума – это неразделимые понятия: «верность» и «долг». Если где-то эти понятия не пользуются уважением, бегите оттуда сломя голову. Сами вы, может, ещё и спасётесь, но спасать такое общество уже поздно. Оно обречено. (97)

Угасающая культура неизменно отмечена грубостью, дурными манерами, отсутствием любви и нежеланием оказать ближнему даже небольшую помощь; утратой женственности и джентльменства. А это куда хуже любой революции. (98)

Постоянные уступки – порочнейший метод в дипломатии. (99)

Дипломат должен действовать уверенно, поскольку зачастую уверенность – единственное его оружие. (100)

Война появилась задолго до людей, но только люди изобрели политику. Хорошая политика – и всё идёт прекрасно, плохая – тоже хорошо. (101)

Пацифизм – хилая доктрина, при которой человек с готовностью принимает все выгоды своего социального положения, но платить ни за что не хочет, да ещё и требует, чтобы его за это увенчали нимбом. (102)

Чтобы сохранить мир, нужны усилия всех народов, а развязать войну может и один. (103)

Мир – это такое время, когда штатскому плевать на состояние армии. (104)

Я возражаю против воинской повинности по той же причине, по какой рак не любит кипяток: может, это и главное событие в его жизни, но выбор-то не его. (105)

Наверное, надо пострелять в человека, чтобы он понял, насколько лучше путаться в политических дрязгах, чем подставлять лоб под пули. (106)

Оденьте человека в мундир, и никто не обратит внимания на его лицо. (107)

Опасного оружия нет. Есть только опасные люди. (108)

Маршал играет в шахматы с генштабом, не спрашивая у пешек, где им хотелось бы стоять. (109)

Во время войны не бывает Министерства обороны. (110)

Если всех людей, убитых из якобы незаряженного оружия, положить рядком, рядок получится довольно длинный. (111)

Негодяй убивает ради удовольствия. Дурак – из ненависти. (112)

Жалобы на командиров заменяют солдату все прочие развлечения, а иногда – и пищу. (113)

Когда начальство отвечает: «Не знаю», это означает: «Заткнись или смени тему». (114)

Если начальник бьёт подчинённых по головам гаечным ключом, он чаще всего неправ. (115)

Убийство бывает необходимо. Но тюремное заключение – вопиющее преступление против личности. (116)

Американский орёл питается падалью, никогда не нападает, если противник крупнее его самого, он вообще скоро вымрет, но при этом символизирует мужество, свободолюбие и прочие высокие идеалы. (117)

Налоги взымаются не ради тех, с кого они взымаются. (118)

Слон – это мышь, построенная по правительственной спецификации. (119)

Как бы аккуратно вы ни платили налоги, они всё равно растут. (120)

Налогообложение – худшая из тираний: человека принуждают платить за то, что он не заказывал, только потому, что кому-то втемяшилось, будто это пойдёт ему же во благо. (121)

Может быть когда-нибудь мы и победим смерть, но никогда не сможем одолеть налоги. (122)

В зрелом обществе «гражданский служащий» означает «гражданский господин». (123)

Чиновник может сам себя не уважать, но от вас ему нужно почтение. (124)

Теми, кому дают, взятки уже давно воспринимаются как должное. Дело тут вот в чём: даже если чиновнику переплачивают, он всё равно уверен, что чего-то недополучил. Такая уж у них воровская психология – ведь честный человек не станет кормиться за счёт общества. (125)

За каждой группой энтузиастов стоят чьи-то финансовые интересы. (126)

В любом месте найдутся свои созидатели, получатели и халтурщики. (127)

Бесконечные расходы на так называемые «социальные программы» ведут к национальному банкротству, а за ним, как свидетельствует история, неизменно следует диктатура. (128)

Комитет – единственная форма жизни, наделённая сотней желудков и совершенно лишённая мозга. (129)

Шпика, который не знает, что вы знаете, что он шпик, нельзя убивать ни в коем случае. (130)

Принцип осведомлённости масс, как и любой другой принцип, способен привести к катастрофе, если пользоваться им без оглядки. (131)

Способность людей поглощать чепуху, превращая её в насилие и репрессии, доселе не знала пределов. (132)

Мы привыкли думать, будто связь – это только радио и телевидение. А это любое движение информации, включая и тётушку Милли, которая отправилась к подругам посплетничать. (133)

Когда слухи доходят до вас в третий или четвёртый раз, вы и сами начинаете им верить. (134)

Федеральные чиновники и секс засекретят, если смогут. Причём безо всякой причины, просто им так привычно. (135)

В обществе всеобщего страха легко добиться своего, припугнув кого нужно. (136)

Возможно, палец, упёртый в спину, вызывает не такие ощущения, как дуло пистолета. Но кто захочет выяснять наверняка? (137)

Если бы в человеческом обществе не было табу на каннибализм, я устал бы перечислять тех, к кому не рискнул бы повернуться спиной, особенно, при нынешних ценах на мясо. (138)

Когда человека убивают, его гражданские права несколько ущемляются. (139)

Во всех культурах к ложке правопорядка неизменно добавлялась ложка насилия. (140)

Вешая человека медленно, мы вовсе не оказываем ему любезность. (141)

Откровенным насилием всегда решалось больше проблем, чем любым другим способом. Глупцы, которые забывают об этом, расплачиваются за недомыслие жизнью и свободой. (142)

Лишь одну слабость нельзя простить заговорщику – опрометчивость. (143)

Общество, избавившееся от своих бунтарей, непременно покатится под гору. Ведь остальные – просто овцы; в лучшем случае – покорные строители пирамид, в худшем – выродившиеся дикари. (144)

Чётко организованная революция, к тому же проведённая в нужный момент, оборачивается бескровным переворотом. А вот если она подготовлена топорно и произведена не вовремя, не миновать гражданской войны и террора. (145)

Революция – всегда самодеятельность, и все революционеры – самоучки. (146)

Незначительные, казалось бы, инциденты, связанные с насилием и жестокостью, которые случаются чуть ли не на каждом углу, вредят цивилизации даже больше, чем бунты и революции – те быстро вспыхивают и так же быстро гаснут. (147)

Преступный мир консервативнее всех прочих слоёв общества. (148)

Обряды, этикет, обыденная вежливость – всё это самая заурядная смазка для скрипучего механизма межчеловеческих отношений. (149)

Неписаные законы нельзя отменить, как писаные – большинство их них гнездится в подсознании. (150)

Лучше дикие обычаи, чем вообще никаких. Они подсказывают человеку, кто от таков, в каком мире живёт и что должен делать. С точки зрения этнографа, «справедливость» означает свод работоспособных принципов. (151)

Разумный человек не может уважать неправильный закон. Он не чувствует за собой вины, нарушая его. (152)

Изучать законы нужно как можно тщательнее, чтобы не попасться, когда будешь их нарушать. (153)

Человек, который неизменно подчиняется законам, ещё глупее, чем тот, кто нарушает их при каждом удобном случае. (154)

Совершенных законов просто не бывает, поэтому следует больше полагаться на собственный здравый смысл, чем на предписания. (155)

Чем больше препон на пути законотворчества, тем лучше. (156)

До какой же чёрной зависти надо дожить, чтобы мешать другим людям поступать так, как им нравится! Ведь все эти законы и указы пишутся не для себя, а именно для других. (157)

Если я считаю законы терпимыми, я их терплю, если несносными – нарушаю. Я свободен, ибо знаю, что один несу моральную ответственность за свои действия. (158)

Я немею перед законом, но временами приходится быть практичным. (159)

В тяжбах лучше всего ссылаться на те прецеденты, которые тебе выгодны. Именно поэтому адвокатские жёны форсят в норковых манто. (160)

Узнать, на чьей стороне будет суд, совсем просто: надо только возбудить дело. (161)

На свете есть два типа юристов; одни из кожи вон лезут, чтобы облегчить людям жизнь, а другие... эти просто паразиты. (162)

Если два свидетеля говорят в точности одно и то же, значит оба лгут. (163)

Всегда выслушивайте обе стороны. Всякий порой ошибается, но тот, кто не выслушивает обе стороны, ошибается всегда. (164)

Беспорядок плох и для хозяина, и для слуги. (165)

Народ должен идти и идти, даже если пока не ясно, куда именно. (166)

Власть – палка о двух концах: тот, у кого она есть, уже не может от неё избавиться. (167)

Корабль мог бы вести даже один человек, если бы всё и всегда было на нём в порядке. Но такого никогда не бывает. (168)

Люди, у которых есть врождённый талант руководителя, не имеют права на грубость. (169)

Свободы вырастают из конфликтов. Обычай, не уравновешиваемый своей противоположностью, становится непререкаемым, как закон природы. (170)

Нет другой власти, помимо власти над собой. А её нельзя ни дать, ни отнять. (171)

Ты можешь получить весь мир. Или свободу. Никогда не надейся получить и то и другое разом. (172)

Легко быть свободным, когда ты воспитан свободным. А если тебя воспитали рабом? (173)

Дурную привычку к свободе преодолеть трудно. (174)

Человек всегда делает то, что ему хочется... в пределах возможного. Если я меняю спустившее колесо, так потому, что это мне приятнее, чем загорать на обочине. (175)

Самые яркие страницы истории написали те люди, которым надоело, что ими помыкают. (176)

Свободные люди потому и свободны, что собственным путём приходят к собственным принципам, пусть даже и ошибочным. (177)

Если слово человека не заслуживает доверия, то и подпись его немного стоит. (178)

Иногда лучше быть живым шакалом, чем мёртвым львом. Но ещё лучше быть живым львом... да и проще. (179)

Будь самим собой и имей смелость творить пусть даже глупости, но свои собственные. Это лучше, чем подражать кому-то и повторять чужие глупости. (180)

Если ты вышел из потасовки с температурой тридцать семь, не считай себя побеждённым. (181)

Есть три пути наверх: или надо быть гением, причём трудолюбивым, или иметь папашу-начальника, или жениться на дочке начальника. (182)

Выиграть значит перехитрить систему и получить больше, чем тебе намерены дать. (183)

Ранг приносит с собой привилегии, но ответственность и обязанности, связанные с ним, чаще всего перевешивают удовольствия от льгот. (184)

Успех – это когда достигаешь вершины пищевой пирамиды. (185)

Если уж влез на тигра, первое правило – покрепче держаться за уши. (186)

Побеждать надо публично. (187)

Тот, кто похваляется, что всегда режет правду-матку, просто садист, а вовсе не святой. (188)

Если я не принял оскорбление на свой счёт, значит, его не было вовсе. (189)

Герой в отставке сперва становится занудой, а потом – лодырем. (190)

В битве с ветряной мельницей тебе достанется куда больше ран, чем мельнице. (191)

Вовремя бросить оружие – стариннейший трюк мерзавцев. (192)

Все имеют равные права... если смотреть с высоты. (193)

Возможно, Спаситель был прав, говоря, что кроткие унаследуют землю, но до сих пор им доставалось не так уж много – по шесть футов на три. (194)

Человек должен уметь поменять младенцу пелёнки, спланировать атаку, зарезать свинью, вести корабль, спроектировать дом, написать стихи, вести смету, вправить вывих, утешить умирающего, отдавать приказы, выполнять приказы, кооперироваться, действовать в одиночку, решить уравнение, приготовить вкусную еду, прилично драться, красиво умереть. Специализация – для насекомых. (195)

Удача – это награда за верную стратегию. (196)

«Повезло» – это ярлык, который посредственности рады навесить на достижения гениев. (197)

Каждый человек – свой собственный пленник. Он обречён до смерти томиться в одиночном заключении. (198)

Каждый из нас – коллекция миллионов мутаций. (199)

Человек – это слиток надежд и страхов, желаний и чаяний, более великих, чем он сам; он превыше праха, из которого сотворён, хотя и меньше Творца, что слепил его. (200)

Человек – не сосуд, в котором идут химические реакции; он – вместилище идей. (201)

Каждый человек сам себе гений. (202)

Самое странное в человеке то, что мозг взрослеет гораздо медленнее, чем тело. (203)

С колумбовых времён минуло пятьсот лет, а белый человек всё ещё пытается понять индейцев, хотя и тот и другие – люди. (204)

Раса с маленькими мозгами вовеки не покорит звёзды. Мышление должно быть таким же всеохватным, как и само пространство. (205)

Инстинкты надо развивать так же, как и разум. (206)

Паранойя – наиболее рациональный подход к злокозненному миру. (207)

Логика и дедукция – великое дело. Оне помогают понять, почему тебе раскроили череп... к сожалению, постфактум. (208)

История имеет к истине такое же отношение, как теология к вере, т.е. никакого. (209)

Почему мы должны быть скованы застывшими представлениями предков? (210)

Не будь невинной лжи, все люди давно бы перегрызлись. (211)

Только мерзкий садист или полный дурак говорит людям неприкрытую правду. (212)

Правда порой бывает лучше плохо продуманной лжи. (213)

Прослыть лгуном – всё равно что лишиться языка: люди не имеют привычки прислушиваться к шуму ветра в камышах. (214)

Истина не перестаёт быть истиной, если её часто повторять. (215)

Ложь исходящая из уст человека, характеризует его куда лучше, чем так называемая правда. (216)

Некоторые из профессиональных рекламщиков, наверное, думают, будто они одни умеют читать и писать; оттого и врут совершенно беззастенчиво. (217)

Самый омерзительный способ солгать – сказать пол-правды и заткнуться. (218)

Голый человек – существо беспомощное. Если ему не из чего изготовить инструменты, он мало что может. (219)

Ты вовеки не сделаешь работу хорошо, если рядом обретается женщина, которая тебя презирает. (220)

«Везенье» – результат готовности, а «невезенье» – разболтанности или лени. (221)

Свои таланты лучше держать до поры в рукаве, а то кто-нибудь непременно запретит тебе заниматься любимым делом. (222)

Вопрос не в том, смогу ли я, вопрос в том, захочу ли. (223)

У человека должно быть право делать то, что ему хочется, если он в состоянии сделать это. Его не следует ни принуждать, ни сдерживать. (224)

Счастье – это когда можно день напролёт заниматься тем, что считаешь важным. Каждому мужчине и каждой женщине следует найти для себя такое дело, за которым они будут счастливы целый день, не поднимая головы. Но если вам хочется как-то сократить рабочий день, продлить отпуск или пораньше отчалить на пенсию, значит, вы заняты не своим делом. (225)

Встав спозаранку, больше не наработаешь: верёвка не станет длиннее, если отрежешь кусок с одного конца и привяжешь к другому. (226)

Большинство людей – муравьи по натуре: они просто не могут не работать, даже если труд их бесполезен. Лишь немногим дан талант созидательной лени. (227)

Домашний труд составляет, по меньшей мере, половину всей работы в мире. Революция, заменившая карету самолётом, почти не затронула домашнего хозяйства. (228)

Как сделать великое открытие или эпохальное изобретение? Выясни, что, по общему мнению самых авторитетных специалистов, невозможно осуществить, и осуществи это. (229)

Если человек думает, будто держит Вселенную за хвост, с ним что угодно может случиться. (230)

Суть философии в том, чтобы принимать Вселенную такой, как она есть, а вовсе не в том, чтобы запихивать её в искусственные рамки. (231)

Мир не только удивительнее, чем мы предполагаем, он удивительнее, чем мы можем предположить. (232)

Вселенная – машина, а не ломберный столик. Тут не передёрнешь. (233)

Человек – не мыслящее животное; он – животное объясняющее. (234)

Тысяча мнений не стоит единственного опыта. (235)

Если чего-то нельзя выразить в цифрах, то это не наука, а лишь мнение. (236)

Век Науки ещё не начинался. (237)

Большинство учёных лишь моют склянки и сортируют пуговицы. (238)

Многое считается невозможным до тех пор, пока не случится. Можно написать целую историю «науки наизнанку», собрав мнения крупнейших специалистов о том, чего не может быть никогда. (239)

Математика – это игра вроде шахмат, только ещё интереснее. (240)

Техника – искусство практическое: она зависит не от таланта того или иного инженера, а от общего уровня развития общества. Железные дороги появились лишь тогда, когда пришло их время, и ни годом раньше. (241)

Патенты для того и существуют, чтобы их выдавали тем, кто расколупал «неразрешимую» проблему. (242)

Обычный человек пользуется чудесами науки и техники, созданными людьми более высокого интеллекта, ничуть им не удивляясь, как кошка принимает блюдечко молока. (243)

Инженер конструирует по теории, а воплощает, как придётся. (244)

Лучшие из учёных сознаются в невежестве, худшие – цепляются за догмы. (245)

Насколько я понимаю историю естествознания, учёным их теории куда дороже, чем честь офицеру. (246)

Никто ещё не доказал, что массовые галлюцинации существуют вообще, и списывать на них все неординарные факты значит уподобиться деревенскому простаку, который заявил, впервые увидев носорога: «Такой животной не бывает!» (247)

Знания и опыт в одной области не обязательно распространяются на другие. Но большинство специалистов думают иначе; причём чем уже специализация, тем более вероятность, что они думают именно так. (248)

Напечатайте миллиард долларов, наймите тысячу учёных и инженеров, позвольте им ставить любые эксперименты, и они выдадут вам всё что угодно, даже невозможное. (249)

Да избавят нас боги от мстительной машины! (250)

Компьютор надо стукнуть посильнее. Электрончики – твари хитрые, но пугливые, так что надо сразу показать, кто тут главный. (251)

Когда ошибается компьютор, он упорствует в своей ошибке почище самого упрямого из людей. (252)

Самая сложная машина, которую способен построить человек, обладает всеми ограничениями, присущими человеку. (253)

Надо учиться видеть искусство, но и художник должен пользоваться таким языком, чтобы его можно было понять. (254)

История, если подобрать книги, расскажет обо всём на свете. (255)

Творческие личности сами себя учат. Никто не учил писать ни Шекспира, ни Марка Твена, ни Эдгара По, ни Стенли Гарднера, ни Рекса Стаута. И вас никто не научит. (256)

Лучший метод для писателя, как и для любого другого работника, – делать всё правильно сразу. (257)

Единственный капитал писателя – его время. (258)

У научной фантастики есть одно преимущество перед другими жанрами: это единственная ветвь литературы, которая хотя бы пытается иметь дело с действительными проблемами нашего опасного мира. (259)

Писательская работа вполне оценивается тогда, когда автору её нельзя заплатить. (260)

Работа литератора состоит в том, чтобы гладить кошку до тех пор, пока она не замурлычет. (261)

Вот вам секрет литературного успеха: чуть-чуть переориентировать сюжетную линию, слегка изменить фон, парой-другой пинков взбодрить персонажей. И всё – читатель твой! (262)

Издатели говорят, будто им нужно что-нибудь новое, но это стопроцентное притворство. Они платят всё за ту же старую жвачку. Читатель же хочет не открытий, а развлечений, так и бог с ним. Если бы люди хотели новизны, бейсбол откинул бы копыта лет сто назад. А он и до сих пор хорош, особенно с пивом и сосисками. (263)

Логики в цензуре ни на грош, но пренебрегать ею опасно, как и раковой опухолью, раз уж она завелась. (264)

У поэта, который читает свои стихи публично, могут быть и другие мерзкие привычки. (265)

Критик – это человек, который сам ничего не создаёт и потому чувствует себя вправе судить творческих людей. Он беспристрастен... поскольку ненавидит всех творцов в равной степени. (266)

Актёр не может хорошо играть, если его всё время цукают. (267)

Будь уверен в себе, и тебе доверится самый закоренелый скептик. Апломб – половина успеха. (268)

Говорить – второе из трёх главных жизненных удовольствий. Только слово отделяет нас от обезьяны. (269)

Я всегда называю вещи своими именами. Это здорово экономит время. (270)

Молчание – лучший ответ на вопрос, заданный из праздного любопытства. (271)

Человек может сойти за чудесного собеседника, просто позволив своему визави выговориться. (272)

Скунс – куда более приятная компания, чем человек, любящий пооткровенничать. (273)

Не пытайся непременно оставить за собой последнее слово. Не то оно может оказаться и впрямь последним. (274)

Человек, который любит разыгрывать других, не должен оставаться без награды. Можно, например, протащить шутника под килем. Но сажать голышом на муравейник следует только самых остроумных. (275)

Самая трудная из жизненных проблем: когда говорить, а когда стрелять. (276)

Среди приличных людей кое-какие виды остроумия должны караться высшей мерой. (277)

Сплетники только и хотят, чтобы на них обратили внимание. Самая жестокая месть им – вести себя так, будто их не существует вовсе. (278)

Большинство людей в мире только и делают, что пренебрегают добрыми советами. (279)

Если денег больше, чем потребно для оплаты текущих счетов, оне становятся обузой. (280)

Сотня долларов, помещённая в банк под семь процентов ежеквартально, через двести лет превратится в сто миллионов. Вот только доллары к тому времени ничего не будут стоить. (281)

Деньги – это ещё не всё в жизни. Кроме них существуют акции, облигации и патентные права, не говоря уже о движимом и недвижимом имуществе. (282)

Деньги не обманывают. Если человек слишком громко кричит о своей честности, попроси его заплатить наличными. (283)

Если бы Колумб попросил у Изабеллы пятак, его бы вытолкали из дворца взашей. (284)

Очень просто проверить, честную ли сделку тебе предлагают: поменяй стороны местами и оцени, осталась ли она честной. (285)

Всё бесплатное стоит ровно столько, сколько за это платишь. (286)

Если «кока-кола» стала стоить два доллара, это не значит, что бутылка стала больше. Это доллар полегчал. (287)

«Нечто невещественное» – самый честный товар: он стоит ровно столько, сколько за него платят, и никогда не изнашивается. (288)

Компьюторы – аппараты удобные, но с их помощью не дашь взятку меньше ста тысяч. (289)

Бизнес – это как секс: его не узнаешь, пока не займёшься вплотную. (290)

Зачем портить дело, подводя под него законную основу? (291)

В отношениях с крупными корпорациями восьмая заповедь не обязательна. (292)

Тот, кто берёт деньги от двух хозяев, способен брать и у третьего. (293)

Хороший маклер или опытный крупье могут год за годом заколачивать хорошую денежку... но это способ выжить, а не сама жизнь. (294)

Во всей вселенной нет никого, кому человеку не мог бы натянуть нос. (295)

Как бы человек ни исхитрялся, другой всегда сможет его переловчить. (296)

Легче и приятнее выжуливать деньги у мошенника, чем выигрывать у честного человека. (297)

Закон Хеопса: ничто и никогда не строится по графику и в рамках предусмотренного бюджета. (298)

Цифры – оне упрямые, не стоит их подтасовывать, иначе жди неприятностей. (299)

Казначеи бывают двух сортов: одни показывают вам параграф инструкции, согласно которому вы не можете получить то, что вам причитается; другие же мусолят инструкцию до тех пор, пока не найдут параграф, по которому вам причитается даже больше, чем вы ожидали. (300)

Люди, не уважающие чужую собственность, способны на всё. (301)

Всегда есть такие люди, которые с большей охотой раздают подарки, чем платят налоги. (302)

Если обираешь человека, давай ему время обрасти новой шерстью, а то он начнёт нервничать. Соблюдай это простое правило – и будешь снова и снова стричь своего барана. Кстати, процедура эта поможет ему поддерживать надлежащий тонус. (303)

То, что люди считают бесполезным, стоит удивительно дёшево. Они будут даже рады всучить тебе это поскорее, пока ты не передумал. (304)

Можно продать даже снег в Гренландии. Вот только рекламная кампания влетит в денежку. (305)

Вас обслужат куда лучше, если вы дадите скромные чаевые и скажете при этом «спасибо», чем если вы молча отвалите солидную купюру. (306)

С точки зрения семантики понятия «справедливость» просто не существует. В континууме «пространство-время-материя» нет такого феномена, в который можно было бы ткнуть пальцем и сказать: «Вот она – справедливость!» Наука может иметь дело лишь с тем, что можно увидеть и измерить, а со справедливостью ни того ни другого не сделаешь, она для каждого своя. (307)

Единственный путь к справедливости – честно относиться к другим людям, как бы они ни поступали с тобой. (308)

Человек – это животное, которое смеётся. (309)

Когда обезьяны научатся смеяться, они станут людьми. (310)

Когда молодой, всегда можно съесть ещё немного. (311)

Еда – большое удовольствие.... если она съедобна. (312)

Я был бы только рад, если бы мне никогда не нужно было завтракать. (313)

А знаете ли вы, что в «Библии» нет ни слова против пива? (314)

Когда Христос заповедал нам любить ближних своих, он не имел в виду какие-то суррогаты. (315)

Уважительное отношение к жизни не должно простираться на явные ошибки природы. (316)

Любая секта, любой экстремистский культ возведёт свою веру в закон, если им достанет политической власти. (317)

* * *

Всё бесплатное стоит именно столько, сколько за него заплатишь. (286)

Когда обезьяна научится понастоящему смеяться, она станет человеком. Бедное животное! (310)

Ф. Х о й л

(1915 – 2001 гг.)

Любые широко используемые слова на деле не так уж много значат. (1)

Чертовски удачная мысль – всегда заставлять иностранцев изучать английский. (2)

Не к чему выпутываться из беды, в которую мы ещё не попали. (3)

При каких обстоятельствах человек пойдёт по пути, сопряжённому с громадным риском? Ответ таков: он пойдёт на опасные действия, если все другие возможности будут казаться ещё худшими. (4)

Любопытно, как сильно прогресс всего человечества зависит от отдельных личностей. Тысячи и миллионы людей кажутся организованными в некое подобие муравейника. Но это не так. Новые идеи – движущая сила всякого развития – исходят от отдельных людей, а не от корпораций или государств. Хрупкие, как весенние цветы, новые идеи гибнут под ногами толпы, но их может взлелеять какой-нибудь одинокий путник. (5)

Искренние люди обычно плохие адвокаты. Они могут иметь шанс на успех, но никогда не сумеют им воспользоваться. (6)

Там, где разум, там и воля. А где воля, там и честолюбивые стремления. (7)

Всегда, когда более высокий интеллект встречается с низшим, он уничтожает его. Люди железного века уничтожили каменный век; бледнолицые взяли верх над индейцами. Сильные всегда безжалостны к слабым. (8)

Как только человек добивается чего-то толкового, весь мир вступает против него в заговор, чтобы он уже больше ничего не мог сделать. Его приглашают читать доклады. Вводят в состав оргкомитетов. Вымучивают из него интервью. Вместе с комиком, руководителем поп-группы и эстрадной певичкой втягивают в телевизионную дискуссию на тему, есть ли жизнь на Марсе. (9)

Почему люди ведут себя так, а не иначе? Потому что они действуют по принуждению! Потому что связаны тем, что считают логической необходимостью, – привязаны к своей работе, или своим семьям, или своей стране. Вы думаете, эти связи определяются чувствами? Логика, которую не можешь опровергнуть, – вот крепчайшая связующая сила. (10)

Чтобы навязать человеку ненужную ему и неинтересную работу, администраторы удачнее всего используют эмоции собеседника, облекая однако свои доводы в форму, лишь кажущуюся логической, но никогда не обращаются к истинной логике. (11)

Нет хуже работы, чем показывать работу! (12)

Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что, несмотря на все изменения, которые внесла наука в жизнь общества, такие, скажем, как освоение новых видов энергии, древняя общественная структура остаётся неизменной? Наверху политики, затем – военные, а действительно умные люди – внизу. В этом отношении нет никакой разницы между нами, древним Римом и ранними цивилизациями Месопотамии. Мы живём в обществе с нелепыми противоречиями, современном в области техники, но архаичном по своей социальной организации. (13)

Наша социальная система архаична: люди знающие находятся внизу, а не вершине – толпа недоумков. (14)

Тупость и инертность – обычное состояние чиновной организации. Как обычно, ничего не делается, пока не наступает кризис. (15)

Склад ума чиновника таков, что стоит ему задуматься о существовании разумных существ на других планетах, как он непременно вообразит, что космос населён бойскаутами, сигналящими азбукой Морзе. (16)

Люди всегда враждебно относятся к тому, чего не понимают, а наименьшей способностью понимать происходящее наделены именно политики. (17)

Политикам никогда не придёт в голову, что кто-нибудь может обладать оружием невиданной силы и не применить его. (18)

Газеты приучили людей думать, будто политики – важные персоны, и теперь решительно никто никак не может отвыкнуть от этой чепухи. (19)

Общаться с политиками – это тратить время на разговоры с болтливыми идиотами. (20)

Почти все политики избирают политическую карьеру потому, что она их привлекает, потому, что они стремятся быть в центре внимания, потому, что им нужно чувствовать свою власть. (21)

Полная и окончательная потеря власти – это самая ужасная перспектива, которую политики могут себе вообразить. Всё другое перед этим меркнет. (22)

Для военных – всё война. (23)

Гибель людей от стихийного бедствия вызывает скорбь, даже глубочайшую скорбь, но она не вызывает гнева и возмущения. Совсем другое дело, если люди гибнут в результате преднамеренных действий человека. Слово «преднамеренных» здесь важно. Одно преднамеренное убийство может вызвать куда более бурную реакцию, чем десять тысяч смертей на дорогах. (24)

Для меня политики то же, что приборы на щитке моего автомобиля. Они мне говорят, в каком состоянии машина, но держать её в исправности не могут. (25)

Политики – это люди, не умеющие навести порядок в обществе даже в обычных условиях, когда всё идёт нормально. (26)

Учёные не должны идти к политикам и вилять перед ними хвостом, как собачонки: «Пожалуйста, сэр, вот наш доклад. Пожалуйста, похлопайте нас по спине, может быть, мы заслужили даже кусочек сахару?» (27)

Предоставлять свои мыслительные способности в распоряжение толпы ничтожеств, допускать, чтобы те вовлекали нас в свои нелепые сделки, может только дурак. (28)

Как только науку отнимают у учёных и передают политиканам, её обрекают на гибель. (29)

Если бы да кабы – это дело политиков. Учёный имеет дело только с фактами, а не с мотивами, подозрениями и прочей бессмыслицей. (30)

У учёного никогда нет причин придерживаться высокого мнения о журналистах, в особенности об их точности при изложении научных фактов. (31)

Учёным время от времени тошно становится. Они ведь во власти законов природы и не могут плутовать как политики. (32)

Учёные никогда не претендуют на непогрешимость, и только дилетанты могут считать их выводы непогрешимыми. (33)

Невероятное может случиться, но невозможное – никогда. (34)

Новые достижения никогда не противоречат старым теориям в пределах их точности. Напротив, новые теории, обладающие более широкой применимостью, включают в себя старые. (35)

В науке засчитывается только то, что позволяет делать правильные предсказания. (36)

Человек способен в полной мере наслаждаться прекрасным, только если у него спокойно на душе. (37)

Хотя с первого взгляда кажется, что наше восприятие музыки неотделимо от звуков, на самом деле это совсем разные вещи. Наш мозг воспринимает электрические сигналы, идущие от ушей. В данном случае звук используется просто как удобное средство для возбуждения в мозгу электрических импульсов определённого типа. Имеются достаточные основания полагать, что музыкальные ритмы отражают главные электрические ритмы нашего мозга. Таким образом, музыка является наиболее прямым выражением нашей мозговой деятельности. (38)

Литература – это искусство выражения идей и эмоций в виде слов. А изобразительные искусства очевидным образом связаны с нашим восприятием мира. (39)

Для учёного фантастика таит в себе особую привлекательность. В своей повседневной работе учёный по необходимости должен сосредоточивать внимание на ближайших задачах – на тех, которые он способен разрешить, но не на тех, которые он хотел бы решить. Только в форме научной фантастики он может представлять себе задачи отдалённого будущего. (40)

Писатель, художник, музыкант счастливее учёного: материал, над которым они работают, не в такой степени ограничивает свободу их творчества. Ведь учёный обязан строго следовать велениям природы, в то время как люди искусства вправе преобразовывать свой материал согласно собственным устремлениям и желаниям. (41)

Стремление дать простор свободной игре воображения – это нечто большее, чем просто попытка уйти от повседневности. Оно служит более значительной цели. (42)

Будущее показалось бы нам – если бы мы могли заглянуть в него – столь же, если не более странным, чем самые удивительные истории, которые создаёт наше воображение. (43)

Видеть слишком мало, остаться в плену современных представлений – это главная опасность, которой подвергается тот, кто желает предвидеть будущее. Будущее всегда замечательно именно тем, что оно открывает нечто совершенно непредвиденное. (44)

Чужие ошибки никогда не служат оправданием наших. (45)

Природа ничего не изготовляет в одном экземпляре. (46)

Вселенная построена в соответствии с некоторыми основными законами природы, которые постигает или пытается постичь наша наука. Мы склонны к некоторому зазнайству, когда, обозревая свои успехи в этой области, говорим, что вселенная построена логично с нашей точки зрения. Но это то же, что ставить телегу впереди лошади. Не вселенная построена логично с нашей точки зрения; это мы и наша логика развились в соответствии с логикой вселенной. Таким образом, можно сказать, что разумная жизнь есть нечто, отражающее самую суть строения вселенной. (47)

Космос не так уж далёк. До него всего час езды, если ваш автомобиль способен ехать вертикально вверх. (48)

Хотим ли мы остаться большими людьми в маленьком мире или стать маленькими людьми в куда более обширной вселенной? Вот в чём вопрос. (49)

К. Э. Циолковский

(1857 – 1935 гг.)

Я думаю, что людям всего дороже истина, а не прекрасное заблуждение. Заблуждение не имеет цены. (1)

Действительность почти всегда опережает воображение пророков. (2)

Человек, предлагающий обществу изобретение, встречается целой армией рутинёров. (3)

Мы должны быть мужественней и не прекращать своей деятельности от неудач. Надо искать их причины и устранять их. (4)

Всякое зло связано с несовершенством, с муками биологического и исторического развития и становления, с сумбуром страстей существ, не достигших мудрости. (5)

Для человечества гений должен быть нормой, а остальные состояния лишь отклонением от нормы. (6)

Наука есть знания, тысячелетиями накопленные даровитейшими людьми. (7)

Как ни сомнительны гипотезы, но если оне дают возможность объединить известные явления и предсказывают новые, то оне полезны. (8)

Новые идеи надо поддерживать. Немногие имеют такую смелость, но это очень драгоценное свойство людей. (9)

Невозможное сегодня станет возможным завтра. (10)

Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка; за ними шествуют научный расчёт, и уже в конце концов исполнение венчает мысль. (11)

Наука имеет чрезвычайно осязательную, так сказать, хлебную важность. (12)

Основной мотив моей жизни – не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хотя немного вперёд. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы, но я надеюсь, что мои работы, может быть скоро, а может быть в отдалённом будущем, дадут горы хлеба и бездну могущества. (13)

Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе всё околосолнечное пространство. (14)

Наша планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. (15)

Человек во что бы то ни стало должен одолеть земную тяжесть и иметь в запасе пространство хотя бы солнечной системы. (16)

Космос устроен гораздо сложнее, чем мы ожидаем. (17)

Проникни люди в Солнечную систему, распоряжайся в ней, как хозяйка в доме: раскроются ли тогда тайны мира? Нисколько! Как осмотр какого-нибудь камушка или раковины не раскроет ещё тайн океана. (18)

Явления телепатии не могут подлежать сомнению. Не только накопилось огромное количество соответствующего фактического материала, но чуть ли не каждый поживший семьянин не откажется сообщить о лично им испытанных телепатических явлениях. Почтенна попытка объяснить их с научной точки зрения. (19)

Хотя вы услышите многое, вам уже известное, но иным сочетанием слов изложенное поможет вам усвоить истину. (20)

Можно обмануться в друзьях, раз они неспособны к маленьким жертвам. (21)

Старому человеку ждать уже от жизни, кроме горечи, нечего. Значит, у него нет интереса быть пристрастным. (22)

Что прежде всего понимать под верой в бога? Тёмная, неразвитая крестьянка богом считает картину – икону. Другие под богом подразумевают бессмертного старца, восседающего на облацех. Третьи считают богом доброе начало в жизни, определяющее нравственные правила человека. Вообще каждый представляет бога по-своему и по-своему верит в него. Таким образом, бог есть порождение человека. Человек создал представление о боге, чтобы посредством его объяснять то, чего не может ещё объяснить разум, и чтобы иметь надежду на лучшую жизнь, которая-де зависит от божества. Но это средство несовместимо с наукой, которая основывается на достоверных знаниях. (23)

Если вы убили, вам мстят, сделали дурное, вас наказывают или частные лица отплачивают тем же. Жестоки к близким, к друзьям – они оставляют вас, умирают, болеют, и вы всю жизнь терзаетесь раскаянием о сделанном уже непоправимом зле. Всё это надо подробно объяснить людям. Картина предстоящих наказаний, как прямого неизбежного и естественного последствия ошибок, должна скорее устрашить их, чем сомнительные загробные муки. (24)

Мой разум не оставляет места для веры в необъяснимое, для веры в сверхъестественное существо. Тем более он враждебен всей религиозной мишуре – почитанию бога, обрядам, служителям культов. (25)

Я чувствую после прогулок и плавания, что молодею, а главное, что телесными движениями промассировал и освежил свой мозг. (26)

Жизнь не имеет определённого размера и может быть удлинена до тысячи лет. Неопределённого удлинения жизни наука рано или поздно достигнет. (27)

Страх естественной смерти уничтожится от глубокого познания природы. (28)

Мозг и душа бессмертны. (29)

* * *

Земля – колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. (15)

Г. Ц и р г и б е л ь

(1922 – 1988 гг.)

Нет ничего важнее, чем составить ясное представление о себе самом и о месте, где ты находишься (1)

Жизнь и правда могут быть для тебя только там, где ты есть. И не будет ли глупцом каждый из тех, кто не делает попыток остановить мгновение? (2)

Опередить своё время – всё равно, что умереть. Это так же пагубно, как и отстать от современности. (3)

Прошедшее видится тем отчётливее, чем расплывчатее становится настоящее. (4)

Оглянись назад в прошлое – и ты узнаешь самого себя и поймёшь своё будущее. (5)

Сколько, в самом деле, ужаса в мысли, что всё случается лишь единожды, и как мучительна уверенность в том, что ничто наличествующее сейчас уже никогда больше не вернётся. (6)

Музыка – единственное, что перенесётся из настоящего в далёкое будущее; возможно даже, что она уже часть той эпохи, которую мы своим умом не в состоянии даже представить. (7)

Музыка – вон он, язык природы! Всё в ней полёт, всё модуляция. Что такое жалкие законы нашего языка, грамматики и синтаксиса в сравнении с физическими законами колебаний окружающей среды? Этими колебаниями я могу сказать и выразить в миллион раз больше, чем словами. Можно ведь заставить звучать бесконечность, окружающую нас вечность, тишину и безграничную пустоту. (8)

Всё во вселенной – движение и вечное превращение. Постоянное, непрестанное изменение – главное условие жизни. И когда безрассудство пытается остановить изменение, происходит катастрофа и всему наступает конец. (9)

Всё течёт и изменяется – вот правильная мысль. Важно только знать, почему и куда всё течёт, зачем и во что изменяется. Лишь в этом случае природа откроет нам свои тайны. (10)

Лишь там, где разум побеждает инстинкт, начинается бесконечное развитие жизни. (11)

Единичное удовлетворение того или иного влечения ещё не создаёт счастья. И любопытство, стремящееся увидеть, что скрывается по наружностью вещей и явлений, приносит лишь новое беспокойство. (12)

Как труден был и мучителен путь человека из животного царства, сколько на него ушло времени, и сколько было на нём терний. Опасность в том, что путь назад гораздо легче и существенно короче. (13)

Иной раз складывается впечатление, что жизнь состоит из упущений и промахов. (14)

Устранив заблуждение, становишься мудрее, чем узнав ту или иную истину. (15)

Смысл жизни всегда зависит от глубины твоего мышления и широты твоих познаний. (16)

Ты можешь сказать: «Я есмь». Стало быть, у жизни будет тот смысл, который ты сам в неё вложишь. Ты можешь остаться стоять на ступени самосознания животного, но ты можешь и наполнить свою жизнь познанием и отречением, можешь считать себя общественным существом, понимать жизнь как нечто редкое и драгоценное. И всё время смысл твоей жизни будет зависеть от глубины твоего мышления и широты познаний. (17)

И всё-таки смысл жизни не смог бы зависеть единственно от глубины твоих мыслей и широты кругозора. Лишь последовательное действие, исходящее из правильного знания, активное и целеустремлённое усилие к участию в преображении мира сообщает жизни её подлинный смысл. (18)

Бывает, что великая радость рождается даже из отчаяния. (19)

Что такое жизнь? Бегущая волна поднимает тебя вверх, ты возвышаешься и считаешь себя всемогущим и бессмертным. Но прежде, чем ты успеешь обрести ясность о своём собственном «я», та же волна низвергает тебя в пропасть. (20)

Всё имеет свою цену, и во всём действует закон выравнивания и возмещения, подобно тому, как у всякой волны за возвышением на её гребень следует низвержение в её излом. После радости печаль, после смеха плач. (21)

На земле право на жизнь каждый день приходится заслуживать себе заново; преисподняя и небо здесь в невероятной близости друг с другом. В этом мире есть и зловонные отбросы, и мечты, устремлённые в звёздам. (22)

В часы одиночества в голову приходят самые разные мысли, и если ты взвинчен и раздражён, то, разумеется, станешь искать виноватого. (23)

Мы похожи на мотыльков: устремляемся к свету, пока не опалим себе крылья. (24)

Печальный опыт учит нас самообладанию. (25)

Ни одна цель не может быть столь возвышенна и велика, чтобы оправдать недостойные средства, которые могут понадобиться для её достижения. (26)

Принято считать, что противоположности взаимно притягиваются; а, по-моему, так это бывает только в физике. Люди с противоположными чувствами и понятиями неизбежно остаются друг другу чужды. (27)

В моде появляется смысл, когда есть предмет для сравнения. (28)

Привычка что угодно делает для нас само собой разумеющимся. (29)

Работа поддерживает и силы, и здоровье. (30)

Деньги, не заработанные собственным трудом, гораздо легче транжирятся. (31)

Когда живёшь для самого себя, можно кое-чего достичь. (32)

Любовь, в конце концов, – это обретение того, кого ты так долго искал. Другого мы любим ещё до того, как его увидим. Каждый человек носит в себе образ любимого или любимой и его ищет. (33)

Если любовь застыла на месте, если не идёт дальше чувственности, то такая любовь лишь унижает человека. (34)

Любовь – что это за бессмыслица, если только один не может чувствовать, как другой, и не хочет всю свою жизнь провести подле другого! (35)

Двое, мысли которых созвучны, превращаются в некую высшую сущность. (36)

Чистая, глубокая любовь неотделима от горького вкуса разлуки. (37)

Если двое любят друг друга, если они распахиваются навстречу друг другу, если каждый отказывается от своего «я» ради любимого, тогда из них обоих образуется некое новое, высшее существо. Их духовное богатство становится больше и глубже, их соединённые способности, силы и любовь выходят далеко за пределы каждого из них, взятого в отдельности. (38)

Разве у любящих не должна быть способность смотреть вдаль и видеть грядущее? (39)

Любое будущее обречено стать однажды настоящим, любое настоящее – сделаться прошлым. (40)

Мы должны справиться с проблемами нашей современности, если хотим жить в мире завтрашнего дня. (41)

В минуту опасности, когда неожиданно разверзается бездна, от человека легко отпадают все героические украшения, коими его так щедро снабдили имеющие нужду в героях современники. (42)

Правдивая история сегодняшнего времени пишется потомками, которые только и могут оценить его по достоинству и без прикрас. (43)

Любой поспешный вывод и всякое необдуманное заключение, без сомнения, вредоносны. (44)

Все пытки ум человеческий изобрёл того ради, дабы закрепить, зацементировать господство одного человека над другим, словно в этом и есть смысл вечного блаженства. (45)

Свобода основывается на разуме и усматривает необходимость в известном благоразумии. (46)

Тишина и одиночество ведут к размышлению. (47)

Кто не ослабляет усилий, достоин помощи и спасения. (48)

Всё, что человек однажды узнал и даже то, что бессознательно воспринял, сохраняется в нём, хотя бы сам он об этом не особенно помнил. (49)

Реконструирующее мышление о том, что было, всегда проще, чем конструктивное мышление о том, что будет. (50)

Ничто так не впечатляет человека и не выводит его из равновесия, как необычное, когда оно не поддаётся мгновенному объяснению. (51)

Необычное, когда оно не согласуется с нашим жизненным опытом, мы всегда склонны считать весьма подозрительным. (52)

Молча терпеть выходящее за рамки обычного, мы ещё в состоянии – это, так сказать, личное дело каждого. Но делать это выходящее за рамки общим достоянием – сие уже библейский грех, требующий сурового искупления. (53)

Достойно удивления, как всё то, что люди не в состоянии сразу же объяснить, побуждает их пускаться в самые бессмысленные рассуждения. (54)

Поначалу новые идеи повергают всё в хаос. (55)

Что может быть сегодня невозможным? Что завтра будет ещё фантастикой? Даже скептики смеют теперь произносить слово «невозможно» лишь шёпотом. Наука и фантазия пустились в последние годы наперегонки. И ещё неясно, кто из них окажется победительницей в этой гонке. (56)

Как бы глубоко ни проникали мы в тайны природы, любая решённая загадка, любое новое открытие тут же ставят новые знаки вопроса. (57)

Стоит кому-то сунуть пальцы ноги в воду, как он ту же берётся переплыть океан! (58)

«Покорение» космоса! Скажите, пожалуйста! Да имеешь ли ты какое понятие о расстояниях в космосе, о протяжённости Вселенной? (59)

Чуть более восьми минут требуется фотону, чтобы покрыть расстояние Земля – Солнце. Для путешествия к Альфе Центавра, нашему ближайшему солнечному соседу, этому фотону потребуется уже четыре года. Зато наши мысли преодолевают такие расстояния за доли секунды. Наша фантазия побеждает пространство и время, потому что зеркальное отражение бесконечности в нашем мозгу занимает лишь несколько квадратных сантиметров. Поэтому-то мы и можем с настойчивостью муравья пересекать в своей голове просторы вселенной и выходить победителями из всех приключений античных героев. (60)

Представь себе только каплю воды, в которой миллионы микробов. Это и будет весь наш так называемый Млечный Путь. Так вот: эта капля находится в океане, который и есть Вселенная. Желаю приятно провести время, покорители космоса! (61)

Старая истина: простые вещи и явления всегда труднее всего поддаются объяснению. (62)

Случай, в конце концов, математически немыслимая вещь. (63)

Осознание собственного невежества – самый первый шаг на пути к знанию.(64)

Мысль и знание – прекрасные вещи, если не устанавливать границ. Ведь ужасно же, если становится непозволительно говорить о новых истинах, открывшихся нам. (65)

Очень просто сказать «да» или «нет», но на самом деле уверенности это не прибавляет. (66)

Успех, достигнутый ценой усилий и труда, повышает у нас чувство собственного достоинства. (67)

Содержанием человеческой культуры является труд. «Colere», глагол от существительного «культура», значит не что иное, как «охранять», «действовать», «обрабатывать», «обустраивать», т.е. заниматься долгосрочной деятельностью. Не работать значит «погибать от бескультурья». (68)

Проигравший тот, кто предаёт самого себя. (69)

Для психиатра человечество, так или иначе, состоит из сплошных пациентов. (70)

В определённые годы жизни все люди бывают немного похожи друг на друга: младенцев трудно отличить одного от другого, и очень старые люди из-за множества морщин походят друг на друга. (71)

Боги! – вот оно, пугало для отчаявшихся, вечное прибежище невежд и лентяев мысли, а также самообман и стандартный инструментарий всех шарлатанов и власть имущих. (72)

Гораздо проще быть понастоящему мёртвым, чем уже не жить и не иметь при этом права умереть. (73)

Если мы не справимся с проблемами нашей современной жизни, то мир завтрашнего дня не наступит уже никогда. (74)

К. Ч а п е к

(1890 – 1938 гг.)

Велико море, а океан времени и вовсе не имеет границ. В море плюй не плюй – воды в нём не прибавится, и кляни не кляни свою долю – этим её не изменишь. (1)

Каждый, порывшись в своём прошлом, найдёт в нём немало материала ещё на несколько жизней, совершенно отличных от нынешней. Когда-то – то ли по ошибке, то ли по настоящей склонности – мы выбрали себе одну из этих возможных жизней и теперь доживаем её до конца. Но хуже всего то, что те другие, потенциальные жизни тоже не совсем мертвы. И иногда из-за них чувствуешь в себе боль, вроде того, как болит давно отрезанная нога. (2)

Искать и найти – это сильнейшее стремление и наибольшее удовлетворение, которое нам может дать жизнь. Каждому человеку следовало бы в своей жизни чего-то искать: если не марок, то правды, цветов папоротника, или хотя бы каменных стрел и погребальных урн. (3)

Не следует думать, будто та эволюция, благодаря которой возникла наша жизнь, была единственной возможной формой эволюции на этой планете. (4)

Всё, что есть вокруг, достойно внимания. (5)

Важнейшим источником познания исторической истины являются события местного значения, в которых, словно в капле воды, отражаются процессы, происходящие в целом мире. (6)

Автор хроники в историки не годится. Там, где историк ступой или прессом своей исторической эрудиции, звристики, дипломатики, отвлечённых понятий, синтеза, статистики и прочих исторических ухищрений превратит тысячи и сотни тысяч мелких, живых, интимных происшествий в некую плотную материю, легко поддающуюся обработке и именуемую «историческим фактом», «социальным явлением», «общественной жизнью», «эволюцией», «направлением» или даже вообще «исторической правдой», хроникёр видит лишь разрозненные эпизоды и находит удовольствие копаться в них. (7)

В порядке нет ни на грош загадочности. Наводить порядок – страшно грязная работа: кто хочет, чтобы было чисто, тому приходится лезть руками в разную грязь. (8)

Кто хочет помогать людям и спасать мир, обязательно наткнётся на чьи-то интересы. Всем не угодишь, как же иначе. (9)

Есть что-то варварское и катастрофическое в таком страшном скоплении людей как современный город. Первое впечатление от этой громадной толпы почти всегда трагично, и чувствуешь слепую, яростную ненависть к современной цивилизации. (10)

Век машин: заменить цель скоростью. (11)

Что в конце концов такое цивилизация, если не умение пользоваться тем, что изобрёл или придумал кто-то другой? (12)

В Священном Писании правильно сказано: иногда стены рушатся от одного крика. Но одним криком ничего не построишь. (13)

Юмор – это всегда немножко защита от судьбы. (14)

Если человек что-нибудь работает, так он должен делать это либо для собственного удовольствия, либо оттого, что умеет делать именно это дело, либо, наконец, ради куска хлеба; но шить сапоги из принципа, работать из принципа и из моральных соображений, значит попросту портить материал. (15)

Что я могу сделать, если я одинок? Что ни делай, в конце концов, выходит, что делаешь только для себя, словно живёшь среди зеркал, и куда ни глянь, всюду видишь лишь своё собственное лицо, свою тоску, своё одиночество. (16)

Всё верно: человек заводит собаку, чтобы не было чувства одиночества. Собака в самом деле не любит оставаться одна. (17)

Кто из нас знает, сколько человек он обидел? (18)

Если бы люди читали мысли друг друга, общение стало бы невозможным. Это бестактно – знать, что твоему собеседнику пришло в голову. (19)

Когда человек уже не молод и остепенился, он сдерживает первый порыв и следует второму. (20)

С годами человек движется не только вперёд, но и вспять. То, что двадцатилетнему кажется давно изжитым прошлым, в пятьдесят представляется удивительно близким, рукой подать. (21)

Поколение – это по большей части люди, которые довольны друг другом; поколение стариков – это скорее люди, которые недовольны другими. (22)

Договоры существуют для того, чтобы их выполнял более слабый. (23)

Никогда не знаешь, держится ли человек принципов из принципа или для собственного удовольствия. (24)

Во всяком деле есть свои правила. (25)

Капитализм – это когда я делаю это не для себя, а ради денег. (26)

Производство без торговли попросту бессмыслица. (27)

Если на земле наступит изобилие во всём, в чём нуждаются люди, тогда придёт новая беда. Потому что люди нуждаются в чём угодно, но только не в беспредельном изобилии. (28)

Перестать глядеть на мир глазами потребления, спроса и сбыта – весьма рискованная затея. Ведь где нет стоимости, там нет и рынка, а где нет рынка, нет и распределения; и где нет распределения, там нет и товара. А где нет товара, там вообще уже ничего нет. (29)

Ни торговля, ни общество невозможны без задних мыслей. И главное – без тайных мыслей невозможно супружество. (30)

Лёгкое надувательство – единственный безотказно действующий рычаг в общении между людьми. (31)

Мы предполагаем, что получится или так, или этак, а получается и не так и не этак, а совершенно иначе, как мы и представить себе не могли. Допустим, человек рассуждает: будут деньжата, куплю себе костюм. А что получается? Деньги были, но костюма он не купил, потому что пришлось чинить дымоходы или платить налог. Или, денег не было, но костюм он

всё-таки купил, к тому же дал себя надуть. И это неизбежно, это закон непредвиденного третьего. Исключений не бывает. (32)

Не кажется ли вам, что по отношению к бедным несколько несправедливо... что они бедные? (33)

Верую в обобществление средств производства, в организацию производства и потребления, в конец капитализма, в право каждого на жизнь, благосостояние и свободу духа, верую в мир, в соединённые штаты мира и равенство наций, верую в гуманизм, в демократию, в человека. (34)

Развитие человечества в последние тысячелетия совершенно явно идёт к тому, что не будет угнетения одного народа другим. Существует более чем достаточно признаков того, что этот процесс будет происходить во всех частях света. (35)

Известное дело, коллекционеры в состоянии воровать и убивать, коль дело идёт о том, чтоб добыть новый предмет для своей коллекции. (36)

Оставь всё, как есть. Ведь всегда бывает так: чем больше переделываешь, тем получается хуже. (37)

Напишите о карманнике, судившемся тридцать раз, что он известный карманник-рецидивист, – и он подаст на вас в суд за оскорбление личности, причём вы проиграете это дело. (38)

Хитрый дерётся, пока мудрый уступает. (39)

Есть несколько способов разбивать сады: лучший из них – поручить это дело садовнику. (40)

Необычайные случаи обычно повторяются. (41)

Неравный бой: если женщина не сдаётся, она побеждает, если сдаётся, диктует условия победителю. (42)

Мужчина может вынести всё, кроме слёз женщины, причина которых – он. (43)

Слёзы женщины – это струи Леты, дающие забвение; пьянящее вино; очищающая купель; ров, заполненный водой для защиты от врагов; родник, где тщеславная женщина, как в зеркале, ищет отражение своих добродетелей; наконец, просто вода. (44)

На свете нет ничего сильнее материнской любви. (45)

Легко сказать – отдать жизнь за что-нибудь великое: за науку, за родину, за веру или за благо человечества. Вот только если тебе самому доведётся отдавать её за что-то подобное, тогда всё выглядит совсем поиному. Будь люди в состоянии представить себе, что тогда чувствуешь, то, верно, меньше бы долдонили про то, как прекрасно за что-нибудь умереть. (46)

Никакая чужая жертва во имя мира не может считаться слишком большой. (47)

Если бы за отчизну не приходилось платить жизнью, если бы за честь, за правду, за свободу не платили жизнью, у них не было бы такой безмерной, такой страшной цены. (48)

Только кровь павших в бою делает клочок земли родиной. (49)

Законное правительство – то, у которого превосходство в артиллерии. (50)

Дипломатия – это когда, например, говорят: «Мы, конечно, осуждаем насилие, но готовы поставлять оружие». (51)

Не было ещё на моём веку торжества, на котором не совершилось бы какой-нибудь глупости. (52)

Когда верх берёт правый, он распинает левого, но прежде – того, кто посередине. Когда верх берёт левый, он распинает правого, но того, кто посередине, в первую голову. Бывает, конечно, что возникают смуты и кровавые схватки; тогда правый и левый сообща распинают того, кто посередине, – потому что он не решил, против которого их двух бороться. (53)

Надо смягчить догмы и истины, чтобы ощутить благосклонность к человеку. (54)

Быть небольшим, неустроенным и незаконченным – это хорошая мужественная миссия. (55)

Всё-таки прогресс существует: вместо военного насилия – насилие без войны. (56)

Я думаю, дьявол – и тот огорчился бы, если бы его фотокарточка выдала его безобразие и ту низкую роль, которую он играет во вселенной. (57)

По традиции, дьявола представляют покрытым шерстью, с рогами, хвостом и крыльями, как у нетопыря. Но под звериной маской скрывается человеческое тело. Это, стало быть, не зверь в обличии человека, а скорее человек в обличье зверя – иными словами, волк в овечьей шкуре. (58)

Когда животное бьют, глаза его приобретают человеческое выражение. Сколько же должен был выстрадать человек, прежде чем стал человеком! (59)

Кошка полна тайны, как зверь; собака проста и наивна, как человек. (60)

О воле народа обычно говорят те, кто ему приказывает. (61)

Волк сказал козе: «Договоримся на экономической основе: я не буду есть твоей травы, а ты за это будешь добровольно снабжать меня своим мясом». (62)

Милитарист понимает, что война – чисто внутреннее дело. Цель войны в том, чтобы народ осознал свою силу. (63)

Всякий муравей может сказать: «Не я воюю. Воюет муравейник». (64)

Правитель, который заставил триста тысяч человек принести себя в жертву, воображает, что он дал ослепительный пример любви к родине. (65)

Ничего не поделаешь – войнам обычно сопутствует падение нравов и крушение авторитетов. (66)

Флюгер на ветру радуется, что он наконец-то нашёл верное направление. (67)

«Пусть зарежут – лишь бы вели», – уповает овца. (68)

Правитель приказывает нам, чтобы мы ему платили, а мы ему платим, чтобы он нам приказывал. (69)

Раб воображает, что был бы на многое способен, если бы ему приказали. (70)

Есть в человеческой натуре нечто весьма странное: если человек видит какую-нибудь катастрофу, то ему уже хочется, чтоб она был не какая-то там, а удалась на славу. Великий пожар или великое наводнение как-то поособому впечатляют нас, нам тогда словно кажется, что мы, так сказать, в жизни не прозевали своего. А может, это что-то вроде восторга язычника перед божественною силою стихии. (71)

Для нас, людей, характерна такая черта: пережив то или иное несчастье, мы находим особенное удовольствие в том, чтобы убедиться, что пережитая неприятность была в своём роде «величайшей» и невиданной со времён сотворения мира. (72)

Любая превосходная степень доставляет нам гордое удовлетворение от сознания того, что на нашу долю выпало пережить нечто исключительное и редкостное. (73)

Вот то-то и оно: как часто смотрим мы, куда тянется дым, вместо того чтобы поинтересоваться, откуда дует ветер. (74)

Самые лучшие мысли приходят по глупости. (75)

Каждое чудо должно найти своё объяснение, иначе оно просто невыносимо. (76)

Люди никогда не считают таинственным того, что им служит и приносит пользу; таинственным кажется только то, что вредит или представляет угрозу. (77)

Много придумано для того, чтобы не думать. (78)

Одно из величайших бедствий цивилизации – учёный дурак. (79)

Сама по себе саранча ещё не наказанье Господне, она становится наказаньем Господним, когда её много. Так же и с дураками. (80)

Чужое только то, что нам безразлично, к чему мы себя принуждаем и к чему мы внутренне безучастны. С этой точки зрения многие национальные лозунги, отечественная продукция и доморощенные идеи представляются плодом «чужого влияния». (81)

Националисту плевать на народ. Ему важен только народный престиж. (82)

Я склонен считать все национальные особенности положительным вкладом в мировую сокровищницу, и мне кажется, для того чтобы сохранить требуемую толику самобытности, для этого, помимо национальной гордости, нужна также значительная доля юмора. (83)

«До чего тесен мир!» – вот они рассужденья козы на привязи. (84)

На путешественника за границей больше всего действует то, о чём он сотни раз читал или что столько же раз видел на картинках. (85)

Художник всегда немного похож на матроса с корабля Колумба; он видит далёкий берег и кричит: «Земля! Земля!» Этот матрос явно не предполагал, что сотворил Америку, но он был первый, кто увидел новую действительность. (86)

Будьте в своём творчестве подобны природе: создавайте прекрасные, удивительные вещи. Чем обильнее, чудеснее и чище вы будете творить, тем ближе будете вы к природе, или если хотите, к Богу. Нет ничего величественнее природы! (87)

Литература: каждое великое сочинение порождает в самой жизни соответствующие события. (88)

Книга должна создавать читателя. (89)

Люди разучились читать рассказы главным образом потому, что научились читать слишком быстро. (90)

Хороший любовно-авантюрный роман должен быть написан плохо. (91)

Слышать – это больше, чем понимать слова. (92)

Я давно замечал, что многие люди улыбаются просто от смущения, так как не знают, что им делать со своим ртом, как кто-то другой не знает, куда ему девать руки. Вот почему люди так нелепо улыбаются, когда говорят с какой-нибудь важной особою – с монархом или президентом: не столько от радости, сколько от смущения. (93)

В людях больше истины, чем в словах. (94)

Только очень деликатные люди никогда не говорят много. Они никогда много не говорят потому, что никогда не говорят о себе. (95)

Каждый вопрос подсказывает собой ответ. (96)

Представьте себе, какая была бы тишина, если бы люди говорили только то, что знают. (97)

Наш язык мудр: между выражениями «я убеждён» и «я убедился» – большая разница. (98)

Есть люди, которые до сих пор не поняли одну из основных тайн театра: там нельзя произносить слово «который». Слова «который», «между тем как» и тому подобные можно без затруднения произнести, но их нельзя сыграть. (99)

Я гораздо больше верю в законы театрального синтаксиса, чем в законы сценической композиции; я верю, что на сцене можно играть даже гражданский кодекс, только следовало бы написать его немного иначе. (100)

Чем сложнее действие, тем проще персонажи. (101)

По театральным понятиям, если пьеса быстро сошла со сцены, то это потому, что она провалилась и никуда не годится; если же выдержала много спектаклей, то потому, что это халтура, угождающая низменным вкусам. (102)

Последний акт никогда не удаётся на сцене. Можно только удивляться, что, невзирая на такой печальный опыт, драматурги продолжают упорно добиваться, чтобы у их пьес был последний акт. (103)

У театра великая будущность, как у всего, что имело великое прошлое. (104)

Критиковать – значит объяснять автору, что он делает не так, как делал бы я, критик, если бы умел. (105)

Высказать «принципиальную точку зрения» – значит что-либо отвергнуть либо что-то принять, не дав себе труда вникнуть в существо дела. Более того, принципиальная точка зрения тем полноценнее и категоричнее, чем меньше мы о предмете осведомлены. (106)

Искушённый полемист никогда не бывает побеждён. Этим-то и отличается полемика от любого другого вида спорта. Борец на ковре честно признаёт себя побеждённым, но, кажется, ещё ни одна полемика не кончалась словами: «Вашу руку, вы меня убедили». (107)

На премьеры ходят, как в Древнем Риме ходили в колизей смотреть на растерзание христиан и бои гладиаторов. (108)

Тайна массового успеха какого бы то ни было дела только в массовости, потому что народ хочет развлекаться, иными словами, народ хочет толкаться. (109)

Анекдот – это комедия, спрессованная в секунды. (110)

Порнография – это литературная проституция; она не просто удовлетворяет эротическое влечение, но ещё и обесценивает его. (111)

Если художественная литература – это выражение старых истин в вечно новых формах, то газеты – это выражение новых истин в формах вечных и неизменных. (112)

Мне известны причины революции в Мексике, но я ничего не знаю о причинах ссоры у ближайшего соседа. Это свойство современного человека называется космополитизмом и вырабатывается в результате чтения газет. (113)

Журналисты несколько схожи с Данаевыми дочерьми, которых боги приговорили наполнять водой бездонную бочку. (114)

Фраза – не устойчивое словосочетание, а устойчивое враньё. (115)

Газеты по большей части пишутся не газетчиками, а самими газетами. (116)

Вынужденные считаться с удобствами и небогатой фантазией читателя, газеты отклоняются от действительности гораздо меньше, чем это можно было бы предположить теоретически, а часто (хотя поверхностно и неточно) оне даже придерживаются её, ибо легче воспроизводить действительные факты, чем выдумывать правдоподобные. (117)

Аноним в газетах – это не человек в маске, это просто – человек без лица. (118)

Любой скандал живёт не больше недели, а если поднят очень уж сильный шум – дней десять. (119)

Опечатки бывают даже полезны тем, что веселят читателя. (120)

Хорошие определения – те, которые абсолютно точны и ровным счётом ничего не объясняют. (121)

Превращать лечение в коммерческую тайну недостойно врача. (122)

Когда против болезни не удаётся найти средства, для неё придумывают хотя бы теорию. (123)

В конце концов врачи существуют для того, чтобы облегчать страдания больных... по крайней мере платёжеспособных. (124)

«Знать бы только, есть ли червяки на других планетах, – и ничего больше мне не надо». Такие мысли вполне достойны только червяка. (125)

Увы, ни верующим, ни атеистам не нужен подлинный и деятельный бог. (126)

Если бы человечеству явилась сама абсолютная истина, сам Бог, то, не говоря уже о том, что не те, так другие сделали бы из Него предмет купли-продажи, не говоря о том, что Он разрушил бы наш общественный строй, основанный на принципах совершенно безбожных, тотчас и неизбежно люди наделали бы из Него идолов, релятивные полуистины, куцые и узкие лозунги, продиктованные сектантскими, национальными и частными интересами. Возник бы бог сапожников и бог портных, истина европейцев и истина монголов, а затем во имя бога, истины, расы или ещё чего-либо великого человек восстал бы против человека. (127)

Отпечаток перста Божия должен выглядеть как знак бесконечности – ∞. (128)

Вам, разумеется, нередко случалось смотреть на ночное небо, усыпанное звёздами, в немом восхищении сознавать их бесчисленность, невообразимую отдалённость и бесконечность вселенной и заставлять себя верить, что каждая точка – это огромный пылающий мир или целая, населённая разумными существами планетная система и что таких точек, наверное, биллионы. (129)

Когда смотришь с вершины на горизонт и видишь перед собою луга, леса, горы, а под ногами, совсем близко – густой лес и травы, буйные, полные ненасытной жизни, когда различаешь среди них пестроту цветов, круженье насекомых и бабочек, когда это щедрое разнообразие помножаешь про себя на просторы, уходящие в бесконечную даль, да к этим просторам прибавляешь ещё миллионы километров иных пространств, образующих поверхность нашей планеты, тоже процветающих и изобильных, – в такие моменты тебя посещает мысль о Творце, и ты говоришь себе: если всё это творенье чьих-то рук, то творец, прямо скажем, был ужасно расточительным. (130)

Если уж кому-то вздумалось стать творцом, создателем, то вовсе нет надобности творить столь бессмысленно. Изобилие – это хаос, а хаос – это что-то вроде невменяемости или запоя. (131)

Да, интеллект человека немеет перед расточительной щедростью Создателя. Проще говоря, всего *слишком* много, и беспредельность эта уму непостижима. Разумеется, рождённый для Вечного во всём привык к беспредельности и не имеет правильного представления о мере, ибо *любая* мера предполагает конечность, а Богу, скорее всего, вообще неизвестно это понятие. (132)

Пожалуйста, не расценивайте моё утверждение как хулу или поношение. Я пытаюсь лишь выразить словами несоответствие человеческого разума и космической беспредельности. (133)

Это бессмысленное, прямо-таки лихорадочное буйство и разнообразие сущего трезвому уму кажется скорее следствием распущенности, а не сознательного последовательного созидания. Только это позволил бы я себе заметить со всей присущей мне деликатностью. (134)

Что касается Страшного суда, думаю, Господь Бог не будет в состоянии судить грешников, потому что знает их чересчур хорошо. (135)

Чем крупнее дело, в которое ты веришь, тем яростнее ты отвергаешь неверующих. (136)

Всяк прекрасно мыслит про всё человечество, а вот когда нужно поладить с отдельным человеком – тут и загвоздка. Пусть лучше я тебя убью, зато спасу человечество. (137)

Никакая правда не даст себя одолеть. (138)

В каждой вере и в каждой правде что-нибудь доброе да найдётся, только бы это доброе каждый признал. (139)

Самой большой верой должна быть вера в человечество. (140)

Мир до тех пор нехорош будет, пока люди не научатся друг другу верить. (141)

Когда мне нечего делать, я работаю. (142)

А. И. Ш а л и м о в

(1917 – 1991 гг.)

Ничто так не разделяет людей, как время. (1)

Время быстротечно и, как мы пока считаем, необратимо. Значит, в прошлом мы бессильны, настоящее с каждой прожитой секундой превращается в прошлое, и лишь с будущим каждый из нас связывает свои планы, мечты, их осуществление... Конечно, разные люди в разной степени, каждый по-своему, но так есть, было и будет всегда. (2)

Нельзя без сожаления думать о том, как однобоки наши знания. Занимаясь одним кругом вопросов, становясь «специалистами», мы оказываемся полными профанами во всех прочих областях. (3)

Гуманный закон ничего не запрещает своим гражданам, за исключением того, что он не разрешает. (4)

А. Ш а р о в

(1909 – 1984 гг.)

В реальной действительности встречаются события почти фантастические. Серьёзный исследователь не вправе отворачиваться от них. (1)

Плоскость фантастического подчиняется своей логике, а плоскость реального – своей, действительно достойное изучения начинается там, где эти плоскости пересекаются. (2)

Важно не то, чем начинается новая глава жизни, а то, что новая эта глава всё же начинается. (3)

Доброе дело рассеет тоску. (4)

Мир изнемогает от отсутствия бескорыстной любви и нежности. (5)

Человек, который может сделать что-либо, стремится это сделать, как женщина стремится родить. (6)

За добро всё же следует платить добром, даже если это сопряжено с определёнными неудобствами. (7)

Политес – это забытое искусство деликатного обращения. (8)

Улыбающееся, заботливое выражение своему лицу следует придавать ещё минут за десять до критического момента: улыбке, для полной естественности, надо обжиться. (9)

С изменением характера меняется и служебное положение. А с изменением служебного положения меняется характер. (10)

Среди начальственных лиц издавна чётко обозначились два стиля руководящей деятельности. Один – «строго официальный», другой – «строго отеческий». Лица первого направления, учиняя выволочки и разносы подчинённым, пользуются местоимением «вы» и сильно цитируют соответствующие директивы. Лица второго направления при выволочках и разносах, напротив, предпочитают местоимение «ты» и вместо цитат уснащают речь пословицами. (11)

Человек, который бывает тягостно потрясён, узрев себя со стороны, не есть конченый человек. Но именно поэтому подобное потрясение приближает его конец. (12)

Мистификации часто стоят затраченных усилий. История человечества знала мистификации, которым верили не годы, а целые эпохи. (13)

Представить себе гигантский труд, совершённый бесцельно, нелегко. Но, вспоминая хотя бы египетские пирамиды, сведущие историки утверждают, что человека и человечество бессмысленное и бесполезное привлекает иной раз больше, чем жизненно необходимое. (14)

Слово «учёный» из синонима понятий «гений», «талант» превратилось в определение распространённой профессии; кроме праздничного, оно приобрело и будничный смысл. (15)

Научное исследование невозможно без известной безжалостности. (16)

Чутьё, или инстинкт, только и делает учёного учёным. (17)

В природе чем результаты опыта парадоксальнее, тем больше надежд открыть нечто новое, но в делах человеческих невероятное внушает подозрение. (18)

В науке «бесстрастие» – синоним научной объективности. (19)

Всё настоящее может запросто представится ненастоящим, и тогда уже представится, что всё действительно настоящее – безвозвратно потеряно. (20)

Забвение временное шагает рука об руку с забвением вечным. (21)

А. Л. Ш е й к и н

(1924 – 2015 гг.)

Поиски истины смолоду – вечное. За ясность всегда платишь полную цену. (1)

Одарённость всегда способна скрасить даже самое глубокое одиночество. (2)

Человек эмоционально бедный и в науке всегда пустоцвет. (3)

Эмоции – величайший стимулятор научного творчества. (4)

Отношение к женщине – пробный камень духовной сущности мужчины. (5)

Открыть человеку его собственную убогость – не значит ли это: заставить его задуматься над собой и сделаться лучше? (6)

Любовь приходит тогда, когда весь организм физиологически перестраивается для любви. (7)

Многие женщины относятся к мужу словно к большому ребёнку, с которым нужно всегда немножко хитрить: говорить, по возможности, только то, что ему в данную минуту хотелось бы слышать; делать вид, что ты всегда в восторге от его слов и поступков; представать перед ним только в самом выгодном свете – мужчины любят весёлых! (8)

Оправдывать эмоциональную глухоту более глубоким знанием квантовой механики едва ли возможно. (9)

Самое страшное, когда несчастье входит незаметно. Уж тогда-то оно наверняка неодолимо. (10)

В коллективе плюсы и минусы людей складываются по законам особой логики. (11)

Человеческий коллектив, сосредоточившийся на решении единой задачи, – самое жизнеспособное целое, что только может быть создано земной цивилизацией. (12)

Теоретики – странный народ. Только весьма молодые, житейски неопытные люди могут мыслить теоретически понастоящему нескованно. И уж их всегда приходится принимать такими, какие они есть. Очень сложно администрировать. Попытки воспитать их, конечно, удаются. Работать становится легче, они дисциплинируются, но – увы! – частенько при этом теряют и счастливую способность мыслить не по шаблонам. (13)

«Волга впадает в Каспийское море... Лошади едят овёс и сено...» Вот оно где – рутина. И понятно, откуда она: от незнания, от бесконечного откладывания «на потом» всякого самовоспитания, требующего повседневных усилий: завтра начну как следует всё изучать, с понедельника, с четверга, с пятницы перестану попусту терять время... Лишь бы не сегодня, а завтра! (14)

Истина конкретна. Учёный не имеет права мыслить расплывчатыми категориями. (15)

Для теории важно, чем явление вызвано, для практики – чем оно грозит. (16)

Шахматы: для игры – слишком серьёзно, для серьёзного дела – слишком игра. (17)

Любое произведение искусства – это знаковая система, предназначенная людям в качестве инструмента саморегулирования. Таков смысл искусства с точки зрения кибернетики. (18)

Писатель – это воронкообразный фильтр с высоким коэффициентом скважности. (19)

При знакомстве с произведением искусства разные детали его привлекают к себе различное внимание. Это зависит от жизненного опыта данного человека, его наклонностей, состояния здоровья, настроения. Двух людей, которые равно воспринимали бы одно и то же произведение искусства, нет. (20)

Искусство – один из главнейших способов эстетического освоения мира. Оно – особая форма общественного сознания и человеческой деятельности. (21)

Каждая профессия связана с риском. Профессия писателя – тоже. (22)

Критика – обратная связь в отношениях между людьми. Одно из элементарнейших положений кибернетики: система без обратных связей работает плохо. (23)

Чем дороже и ближе люди, тем труднее быть с ними до конца честным. (24)

Ответная откровенность возникает сама собой. Ещё чаще, пожалуй, откровенность возникает как плата за умение слушать того, кто говорит о себе. (25)

Профессионал всегда всё додумывает до конца. (26)

Чем талантливей человек, тем обострённей он чувствует веления эпохи. Тем сильней эпоха ранит или радует человека. (27)

Когда возможность выразить себя именно в той области знания, куда его влечёт, предоставляется человеку в полную меру, он по самой природе своей тянется к творчеству. (28)

Почаще глядеть на себя с позиции будущего – это прекрасное лекарство от самовлюблённости. (29)

Всё понимать – одно. Быть в состоянии делать что-либо – другое. (30)

Главное несчастье старости в том, что не хочется никого убеждать. И понятно: мыслишь зрело, позади опыт всей жизни. То, что для других ещё только будет, для тебя уже было. Любые возражения ты слышал, знаешь, что впоследствии наверняка получится именно так, как ты предсказывал. Зачем же зря расходовать свои и чужие силы?.. (31)

И потому-то в старости ты признаёшь только споры с самим собой. Внутреннюю борьбу. Недаром после пятидесяти лет уже почти не приобретаешь друзей: спор – это всегда сражение за единомышленников. А как их может завоёвывать тот, кто спорит лишь с собой? (32)

Чем моложе душой человек, тем настойчивей доказывает он свою правоту. И, значит, он работает с наибольшей отдачей, не отмалчивается, оберегая себя, свой покой. (33)

Истинное знание, подлинное равенство и человечность связаны неразрывно. Нет одного – нет и другого. (34)

Тайна всех тайн – не будущее, а мы сами, внутренний, духовный мир человека, его истинная мера в любви, дружбе, ненависти, следовании долгу. (35)

Тайна всех тайн – творческий процесс, его противоречиво-последовательная и потому так трудно постижимая логика. (36)

Так, как было с тобой, – никогда и ни с кем уж не будет. Но разве порою не хочется избавиться от воспоминаний? Но память – это ведь не белый лист. И как тогда ответить себе на вопрос: во имя чего вообще жить? Во имя чего жил именно ты? (37)

Временных состояний в жизни человека нет. Всё – постоянное, всё – жизнь. Любая из промелькнувших минут что-нибудь да принесла: новое знание, ощущение. И любая минута может оказаться минутой подведения итогов. (38)

В мире пока ещё часты горе, печаль, страдание. А ведь на самом деле для каждого человека норма – счастье. Счастье с первого и до последнего дня своей жизни, и не в одиночку, а вместе со всеми людьми на свете. В этом смысл бытия. И каждое истинное дитя человеческое обязано помнить об этом и не щадить себя в малых и больших битвах с теми, кто жаждет счастья лишь для себя, для какой-то одной своей нации или расы, кто обкрадывает других – обогащается за их счёт, растлевает их души. (39)

Мой приказ самому себе: путь, каким я должен идти, – щедро жить для людей. (40)

Человечество будущего должно быть человечным, или вообще не надо будущего. В этом его долг перед нами, живущими сегодня. (41)

Р. Ш е к л и

(1928 – 2005 гг.)

Наслаждаться привычным не так-то просто, но это вершина человеческой мудрости. (1)

Люди, поглощённые собственными неурядицами, склонны рассчитывать на то, что со временем всё как-то само собой уладится. (2)

Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. (3)

Одни коллекционируют картины, другие – книги, третьи – женщин, а есть и такие, кто стремится охватить сущность всех увлечений, путешествуя. (4)

Каждый понимает в меру своей испорченности. (5)

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно всё можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. (6)

Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум. (7)

Трудно встретить француза, который бы действовал без расчёта и логики. (8)

Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам. (9)

Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? (10)

Все желания зауряда нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. (11)

Плоские и мелкие, глубиной в сантиметр, личности как правило высокого мнения о себе и остаются самодовольными и чопорными в своей косности. (12)

Упрощение мило моей сложной натуре. (13)

Есть люди, которым для того, чтобы оказаться на высоте положения, необходимо попасть в хорошую переделку. (14)

Облегчённость нашего бытия ослабила натуру человека, и противодействовать этому может только одно: встреча с опасностью. (15)

Сама природа предназначила нас для того, чтобы стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход всё своё уменье и выносливость. (16)

Человек во всей сложности своего противоречивого характера восстаёт против тех банальностей, которые ему пытается навязать общество. (17)

Вам хочется, чтобы было как лучше? Но ведь во всём нужно знать меру. (18)

Когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. (19)

Стандартный костюм превращает человека в невидимку. (20)

За очаровательной внешностью может скрываться всякое. (21)

Любовь с первого взгляда – реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. (22)

Рядом с непосредственным самовыражением пробудившейся женской натуры наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками. (23)

Страсть лишает человека способности умерять свои желания. (24)

Вселяясь в дом, вы автоматически получаете право пользования мебелью. (25)

Во всём на свете есть та или иная система. Если её вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя. (26)

Форма вытекает из функции. (27)

Порядок – самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. (28)

Вся жизнь на земле опирается на строго уравновешенную систему убийств. (29)

Убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. (30)

Сластолюбец – это тот, кто живёт только ради своих удовольствий и неги. (31)

Конечно, сластолюбец всегда живёт только сегодняшним днём, не предаваясь мыслям о далёком и неопределённом будущем. (32)

Роскошь позволяет мириться со многим. (33)

Сегодня всё делается во имя бедных, будто непредусмотрительность – это какая-то особая добродетель! (34)

Но ведь и у богатых есть свои нужды. Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого оне не менее настоятельны. (35)

Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Всё это – забота правительства. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. (36)

Но разве от того, что у человека есть деньги, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведёт к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат. (37)

Вы скажете, а почему бы ему тогда не отказаться от богатства? А я скажу так: а почему бедняк не отказывается от своей нищеты? Просто потому, что этого нельзя делать: мы должны принимать жизнь такой, какая она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им её оказать. (38)

В конце концов, есть какая-то радость и в напряжённом труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надёжности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные достоинства. (39)

Задачи, которые терзают человечество, не решаются легко и просто. И если предлагаются простые и лёгкие решения, значит, где-то тут таится подвох. (40)

Человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам. (41)

Нельзя механизмами лечить недуги человечества. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся. (42)

Кажущаяся открытость – всего лишь форма самозащиты. Так защищена прозрачностью актиния, морской анемон. Я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь всё утаить. (43)

Если человек держится особняком, значит, ему есть что скрывать. Вывод далеко не новый, но почти безошибочный. (44)

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. (45)

Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль, и она становится твоим мученьем и карой. (46)

Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. (47)

Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих. Поэтому физика, химия и биология легко берут верх над юриспруденцией. (48)

Справедливость составляет основу человеческого достоинства и человеческого желания. (49)

Люди считают себя непогрешимыми судьями и знатоками истины, а на самом деле они судят обо всём, основываясь только на правдоподобии. (50)

Юристы имеют обыкновение придерживаться той точки зрения, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной. (51)

Всевозможные правила – великое подспорье для ловкого дельца, такое же, как обилие законов для адвоката. (52)

Такова жизнь: хочешь получить прибыль – надейся только на собственную сообразительность. И не слишком переживай за последствия. (53)

Полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. (54)

По всей цивилизованной галактике считается избитой истиной, что, когда идёшь в полицию, неприятности у тебя только начинаются. (55)

Разве что-нибудь может остановить борца за идею? (56)

Отсутствие убеждений – не самая надёжная защита. (57)

Гнев – эмоция гораздо более оправданная, чем отчаяние, хотя столь же безрезультатная. (58)

Волноваться никогда не стоит, ведь тревога никому ещё не помогла разрешить ни одной проблемы. (59)

Как правило, человек, знающий себе цену, отличается хамоватыми манерами. (60)

Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление – пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное. (61)

Пытаться о чём-то не думать – всё равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Человеческий ум не так-то просто поддаётся бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика. (62)

Пассивное сопротивление есть форма нападения. (63)

Наличие противоречий – один из основных законов вселенной. Противоречия порождают борьбу, отсутствие которой привело бы ко всеобщей энтропии. (64)

Возьмём какую-нибудь одну изолированную тенденцию. Что получится, если её развить до конца? Получится то, что эта тенденция превратится в свою противоположность. (65)

За всеми столкновениями и неупорядоченностью мира, доступного чувственному восприятию, стоит высший разум. Этот разум проникает сквозь иллюзорность реальных предметов в более глубокие процессы вселенной, которые пребывают в состоянии неописуемо прекрасной и величественной гармонии. (66)

Хотя законы природы и впрямь могут казаться необыкновенно сложными, однако не исключено, что в оснвое этого лежит какой-нибудь простой, изящный и единый для всего сущего принцип. (67)

Тайна требует раскрытия, а из страха рождаются знание и печаль. (68)

Всякий мост – единство противоположностей. Горизонтальная его протяжённость свидетельствует о том, что всё на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах и неизбежности. (69)

Мы все пробиваемся вперёд, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор – смерть, и она создаёт вершины лишь за тем, чтобы существовали пропасти. (70)

Перед нами открыт путь, но он неминуемо ведёт к смерти. (71)

Несмотря на всю свою хитрость, люди никак не могут понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты – побочные. (72)

Ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой. (73)

Ни один вид творчества не предоставляет писателю такой свободы действий, как фантастика. Она может охватить – и охватывает – всё на свете, от безудержной романтики приключений до сатиры и социального анализа. (74)

* * *

Предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам. (9)

Т. Ш е р р е д

(1915 – 1985 гг.)

Когда веришь в будущее, легко устать от человечества, устать от алчных глаз и рук. (1)

В мире, поклоняющемся богатству, власти и силе, только естественно, что порядочность нередко родится лишь из страха перед этой жизнью или перед загробной. (2)

В кино нельзя говорить правду. Это вам с рук не сойдёт, если зал вмещает больше трёхсот человек. (3)

С самого начала надо обзаводиться врагами в кругах, которые способны дать сдачи. Ведь человек познаётся по своим врагам, а шумная известность льёт воду на мельницу успеха. (4)

Мы все в глубине души склонны к театральным эффектам. (5)

Когда живёшь и работаешь бок о бок с хорошим человеком, невольно начинаешь восхищаться качествами, которые и делают его хорошим. (6)

Невозмутимое чувство юмора обычно сопутствует глубочайшей уверенности в себе. (7)

Когда человеку живётся приятно, его начинают тревожить беды человечества. (8)

Прошлое надо не забывать, а понять и оценить беспристрастно и доброжелательно. (9)

На психологию нации слишком долго воздействовало извращение истины. (10)

Любая страна, если она по глупости сделает ставку на закоснелые формы милитаристского мышления, неизбежно должна отстать в развитии науки. (11)

Внутренней и внешней политикой любой державы руководят из-за кулис тайные группировки, которые в своекорыстных целях проводят губительную политику и не щадят человеческих жизней. (12)

Войны всех и всяческих родов свели почти всю историю человечества к одним только усилиям выжить. А теперь, получив в свои руки атом, оно располагает средством вовсе себя уничтожить. (13)

Б. Г. Ш т е р н

(1947 – 1998 гг.)

Характер – это свойство, присущее всякому настоящему разуму. (1)

В настоящем, подлинном богоискательстве что самое главное? Найти и сидеть тихо, а не тащить своего Бога на улицу и там его комментировать. (2)

Фундаментальные открытия смело делаются лишь без дела на досуге, под яблоней, одной левой, на кончике пера, но когда доходит до дела, неглупый человек всё-таки струхнёт и протрубит отбой, как в своё время Галилей: «А вдруг всё-таки она вертится?» Или Эйнштейн: «А вдруг всё-таки она взорвётся?» (3)

Любая экспертиза таит в себе возможность ошибки из-за того, что все специалисты подобны флюсу. (4)

Иной и не дурак, но умён в меру. (5)

Фантастика – не литература, а мироощущение; писателей-фантастов вообще не существует, а существуют хорошие и плохие писатели. (6)

В. И. Щ е р б а к о в

(1938 – 2004 гг.)

Реальность, особенно та её область, что связана с непознанным, интереснее фантастики. (1)

Мир вокруг нас совсем не такой простой, каким он кажется тем, кто привык к нему. (2)

Нам, людям, необходимо знать простой парадокс: над природой нельзя властвовать, если не подчиниться ей. (3)

О живом нужно уметь думать не так, как обо всём остальном. (4)

Не пора ли нам всем присмотреться к жизни, быть зорче к настоящему и внимательнее к прошлому? (5)

Все уверены, что правильно поступают, а что получается? (6)

Все люди похожи на детей, только взрослые часто забывают об этом. (7)

Любовь не исчезает, она лишь переходит в иные формы. (8)

Отрицательный результат ничуть не менее ценен, чем результат положительный. (9)

Бывают дни, когда не следует уединяться. (10)

Ты должен быть быстрым как мысль, собранным и неспешным как улитка – в разговоре со случайными людьми. (11)

Разговор об отдыхе сам по себе уже является формой отдыха. (12)

Мир намного сложнее, чем могут вообразить самые смелые физики. Он совсем не таков, как думают. (13)

Сказки не отменяются знанием. Наоборот, в них находят поразительные открытия. (14)

Сказки почти бессмертны, в отличие от научных теорий, например, которые быстро стареют. (15)

Миф – это лишь форма передачи знаний потомкам. (16)

Любой из нас, если только пожелает, может передать информацию или зрительные образы в прошлое, будущее, преодолев время и пространство. Для этого нужна не техника, а подготовка, способности, воля. (17)

Зрительные образы осязаемые: человек может обмануться, приняв их за реальность. (18)

Воспоминания становятся частью нас самих. (19)

Есть люди, устроенные таким образом, что воспоминания порой заменяют им действительность. (20)

Думаю так: чем выше уровень цивилизации, тем больше объём памяти. Я встречал и встречаю людей, которые не испытывают особой тоски ни по прошлому, ни по будущему. Память сдерживает развитие многих качеств, в том числе таких противоположных друг другу, как агрессивность и творческие возможности. От памяти удобней избавиться. Но что такое творчество без памяти? (21)

Не принесут радости встречи и намеченные на будущее поездки, если в прошлом осталась хоть малая вина. (22)

Давайте будем считать, что каждый из нас может задавать любые вопросы. И если мы ещё в силах припомнить через столько лет то, что было, давайте это сделаем не откладывая. Те несколько часов, которые мы отдадим прошлому, не пропадут бесследно. Останется горечь, когда мы приблизимся к далёкому-близкому, коснёмся его мысленно и снова окажемся в сегодняшнем дне с его быстропреходящими заботами. Останется как бы едва уловимый аромат, потом и он растворится, как запах кедрового стланика на сопках, когда выпадает первый снег. (23)

Происходящая внутри души беззвучная беседа её с самой собой и называется у нас мышлением. (24)

Трагическая черта последнего времени – предельная вульгаризация главных основ человеческого знания. (25)

Современный человек от природы лишён способности мыслить. Если человек учится десять лет отвечать на стандартные вопросы и решать стандартные задачи, а потом при поступлении в институт или университет оказывается, что он решает эти стандартные задачи на тройку или четвёрку, то при всём желании назвать это мышлением нельзя. (26)

В современном мире происходит девальвация ценностей. Эффект мышления всё более исключается из него как явление. Поиск (с позволения сказать) управляется уже не мыслью в точном значении этого слова, а утилитарными законами, имеющими почти биологический уровень. (27)

Не все знают, что добро вообще нужно стараться творить незаметно и если это дело доброе, то и награды за него не требовать. (28)

Если бы все человеческие желания обладали способностью мгновенно исполняться, мир охватило бы кровавое безумие. (29)

Можно никому не хотеть зла и невольно причинять его на каждом шагу. (30)

Земным властям нужно безусловное, лучше всего слепое подчинение, церковным властям подчас удобнее следовать их примеру. (31)

Не хочу революции, их было много, но оне ничего по существу не изменяли. (32)

Демократия может быть хуже диктатуры. И наоборот. (33)

Стая внушает мне неприязнь и отвращение. Поодиночке каждый их них отводит взгляд, но все вместе, в стае, они становятся смелыми, подчёркнуто смелыми, и такая смелость – оборотная сторона трусости. (34)

Революционеры сулили рай на земле, а создавали тюрьмы и лагеря и всегда – именем демократии и свободы. Они же дарили землю, но она в конце концов окончательно была

отобрана у тех, кто её обрабатывает. Они провозглашали идеалы, а дали догмы, нищету и голод. (35)

И почему это люди, увлечённые какой-то идеей, часто проходят мимо её воплощения, даже не узнавая родное детище? (36)

Дети – маленькие мудрецы, все чувства на лице, зато мыслей не прочтёшь. (37)

Письмо никогда не поздно написать при условии, что оно будет хорошим и искренним. (38)

Нет ничего легче, чем писать, намного труднее взять чистый лист бумаги. Особенно трудно это сделать, если ты хорошо отдохнул. (39)

Для творчества нужны не только убеждения и знания – ещё важнее настрой. (40)

Для литературы нет запретных тем, всё дело в чувстве меры. (41)

Нет гарантии, что критики уже не продали свою душу за неограниченное право ругать прежде всего шедевры. (42)

Можно ли смеяться долго, не боясь, что веселье сменится грустью? (43)

Мелочь иногда страшнее аварии с паровым котлом, разорванным на куски. (44)

Как разгадать эту многочисленную породу людей, которые знают точно, как следует и как не следует жить? И даже – какие книги читать? (45)

Истины, рождающиеся в спорах, обходятся слишком дорого. (46)

Самое простое приходит в голову последним. (47)

Вероятность чуда не совсем равна нулю, но зато описывается таким количеством нулей после запятой, что ни один нормальный человек никогда не станет принимать её в расчёт. (48)

Всё, что говорят о Боге, взято из некоторого сравнения с человеческими делами. (49)

Знание и вера отталкивают друг друга, но виноват в этом сам человек. (50)

Главный закон магии: чудес не бывает, всегда можно найти естественную причину. (51)

Высшее знание помогает увидеть, как внешне благовидные поступки ведут порой к тьме и нищете, к предательству и продажности, а благие пожелания и слова служат сонму дьяволов. Не верьте словам! Только дела нужны. (52)

Совсем не странно, что слова, изобретённые на все случаи жизни, забываются скорее всего остального. (53)

Спрашивайте совета у Бога – и вы получите ответ. Но вы сами в душе своей должны нести истину, чувствовать её, не отчуждаясь от немногих радостей жизни, ещё оставленных вам по недосмотру сильными мира сего, улыбающимися вам с плакатов по божественному попущению. (54)

Современный человек практичен даже в своей вере. Ему предложили стратегию выживания, вот он и уцепился зубами за воздух. (55)

Современный человек сам по себе незлобив, если только его не мучает голод или зависть. Более того, он достаточно объективен. Он поступал справедливо, иногда наделяя разумом животных или даже насекомых, ибо так называемый разум самого гомо сапиенс в типовых социальных проявлениях обычно не поднимается выше этого уровня. (56)

Грань, отделяющая бессмертие от смерти, почти неуловима. (57)

Никто не рождён для смерти. Никто не рождён и для неволи. (58)

Смерть в одном мире есть начало жизни в другом. Души являются нам, но мы не замечаем их. (59)

Имеющие уши, да услышат! Но как, каким образом сможете вы узнать или слышать, если у вас с детства привычка – затыкать уши и закрывать глаза? (60)

Среди людей читающих очень распространён обычай: читать и не понимать. И ещё одним качеством украшен образованный человек: он возражает тому, кто знает больше, чем он сам; он может стяжать славу тогда, когда опровергнет истину, и двойную славу тогда, когда научит других тому же. (61)

Будь снисходителен: этих людей довели до той грани, где исчезают и вера, и даже мысль о ней, а потом их же устно и письменно поругивают, сторонятся их – и прежде всего те, кто их обобрал до нитки. (62)

Рабский труд делает возможными любые нелепо грандиозные проекты при самой примитивной технологии. (63)

Терять малые деньги, если оне последние, огорчительнее, чем большие, если их много. (64)

Уметь легче, чем знать и объяснять. (65)

Можно многое уметь, не зная настоящих причин. Уметь интереснее, чем знать. (66)

Я думаю, что человек дважды открывает истину. Сначала в искусстве, потом в науке, в технике. (67)

Искусство есть не что иное, как умение вживаться, вчувствоваться во все и вся. (68)

Умение угадывать – совсем особый талант видеть истину, а не ползти к ней вслепую, нащупывая выступы легковесных парадоксов. (69)

Уверен, что в бесконечной Вселенной найдутся и обитаемые миры. Об этом говорил ещё Джордано Бруно, за что осуждён святой инквизицией и сожжён на костре. «Зелёные человечки» – иронические имя пришельцев, оно в ходу у скептиков. Не знаю, как вели бы себя последние, окажись они вдруг в прошлом, во времена Бруно. Не исключено, что они помогли бы инквизиторам подкладывать дрова в костёр. (70)

Наш мозг спит. Он занят косной работой. Наши сердца спят. (71)

Люди почти лишены способности мыслить. Именно поэтому есть те, кого утешает изречение о птицах, имеющих пропитание. (72)

Оптимисты – это те, кто с надеждой ждёт конца света. (73)

Консенсус – это модное и умное слово, которое позволяет без труда маскировать даже исчезновение приличий в государственной политике. (74)

Не лучшие силы человечества управляют им, не лучшие умы. Я вижу скорее признаки умственной немощи, которая рядится в тогу высокомерия и правдолюбия. (75)

Нет смысла разговаривать на языке для слепых, которые воспринимают лишь цифры, потому что в таком языке всё упрощено до предела, и из-за этого любые разговоры на нём ровно ни к чему не приводят. (76)

Учёных, судя по всему, можно убедить лишь в том, в чём они сами давно убеждены. Поэтому факты им не указ. (77)

Жаль, что материалистическая диалектика в исполнении чиновников от науки с набитыми дипломами карманами, полученными при содействии таких же «диалектиков», открыв наподобие Колумба новый и бесконечный мир познания, тут же и закрыла его с помощью обычного вульгарного материализма. (78)

Всё очевидней становится, что человек, тратящий и жизнь и средства на ненужные, а то и вредные вещи (уж не буду вспоминать об оружии и губительных для природы технологиях), не удосужился задуматься о причинах своей эволюции и об этапах культуры. Единственный памятник далёкому прошлому, который он сейчас может соорудить, – это памятник обезьяне, от которой он якобы произошёл. (79)

Вы знаете, что душа бессмертна. Завтра вы поверите в новый мир. Но не сегодня. Хотя он был реальностью ещё вчера. И раньше. (80)

Почему же вы поверите? Скорее всего потому, что старый, обросший седой шерстью гуманоид сделает под аплодисменты таких же гуманоидов длинный доклад, в котором от слова до слова будут повторены известные и сегодня аргументы. Что делать, это обычный метод так называемой науки. Вчера, сегодня и завтра. (81)

Душе даётся новое тело. Душа проявляет себя. Она свободна. Свобода воли священна. Водоворот жизни увлекает её. То взлетая и радуясь, то падая вниз, то медленно карабкаясь, то борясь с течениями, то следуя прихоти, она сама выбирает путь. Иногда этот путь напоминает полёт. Сама же душа напоминает волшебного вестника. (82)

Просветлённая душа мечется порой, как пчела над отравленными цветами. Никто и ничто ей не помогает. Она несёт божественную весть, божественное знание. Оно же оказывается ни к чему. (83)

Сильные, яркие, чистые души, обогащённые и знаниями и мудростью, – это главное богатство метаэволюции. Это, образно говоря, её генофонд, ничем не заменимая субстанция. (84)

Душа как летучий голландец – то появляется в этом мире, то исчезает. Учится здесь многому, но и с собой иногда приносит удивительные богатства, намного превосходящие сокровища заморских стран. И странствия её сложнее и дольше, чем морские пути-дороги парусников старых времён или даже космических кораблей. (85)

Самые поразительные её путешествия завершаются открытиями для всех. В тайниках просветлённой души – бриллианты, которые человечество гранило тысячелетиями благодаря помощи и защите высших сил. Она одаривает ими нас, вспыхивая подобно метеору под куполом нашего неба. (86)

Когда приходишь к истине, она для тебя становится единственной. (87)

* * *

Люди, увлечённые какой-то идеей, почему-то часто проходят мимо её воплощения, даже не узнавая родное детище. (36)

Л. Г. Э д ж у б о в

(1926 – 2015 гг.)

Для того чтобы понять великое, нужны многие годы. (1)

Мы привыкли к кратколетию. Весь уклад нашей жизни, вся философия, обычаи – всё подогнано под привычный срок жизни. (2)

Человек – нестабильное устройство. От рождения до старости он меняется быстро и непрерывно. Ребёнок растёт на глазах. А взрослые? Каждые десять лет приносят резкие и необратимые изменения. Десятилетний мальчик, двадцатилетний юноша, тридцатилетний молодой мужчина, сорокалетний зрелый мужчина, пятидесятилетний пожилой мужчина и шестидесятилетний старик! Каждый проживший на этой грешной земле достаточно долго на своей шкуре испытал, сколько неудобств и горя несёт такая быстрая смена состояний. (3)

Человек не успевает привыкнуть к одному состоянию, освоиться с ним, как переходит в другое, хотя психологически он к нему не подготовлен. (4)

Если посчитать, сколько лет живёт человек в состоянии, когда ему всё можно, потому что он уже не ребёнок и ещё не начал стареть, получится смехотворно мало. Каких-нибудь двадцать лет, не больше. (5)

Но наконец человеку стукнуло шестьдесят. Тут и наступает та самая стабильность, которой ему не хватало в молодости. (6)

Старики бывают разные: бодрые и хилые, весёлые и флегматичные, умные и разбитные, здоровые и хитрые. Есть даже такие, которые благополучно женятся на молоденьких. Но это всё равно старики. (7)

И любой человек, как бы долго он ни жил, стариком становится в шестьдесят – шестьдесят пять лет. Смерть не всегда приходит вовремя, она часто запаздывает. Но старость никогда не задерживается, она пунктуальна и работает по точному графику. (8)

Создаётся впечатление, что все возрастные изменения, включая и старость, жёстко запрограммированы природой. Как будто в человеке идут неумолимые биологические часы с заводом на шестьдесят лет. Они строго отмеряет время от детства до старости, и ничто не может их остановить. (9)

А потом, в шестьдесят лет, они выходят из строя, и дальше всё зависит от организма человека. Протянет пяток лет – хорошо, пятьдесят – ещё лучше, а можно ещё сто, пока наконец не износится. Природу будто и не интересует постаревший человек. Он был нужен для продления рода, своё дело сделал и может жить или умереть. (10)

Так вот, надо найти эти проклятые часы и научиться останавливать их на том времени, когда человек может всё. Наверное, где-нибудь на двадцати-пяти – тридцати годах. И такой человек, именно такой, должен жить тысячелетия полнокровной жизнью! (11)

Люди должны бороться, но только за те идеи, срок жизни которых больше срока жизни борца. Когда мы жили тридцать-сорок лет, можно было сложить голову за чужую землю, за чужое счастье. Но живущие тысячи лет рано или поздно поймут, что умирать надо только за то, что живёт вечно. (12)

З. Ю. Ю р ь е в

(1925 г.р.)

Человек, у которого слишком мало времени и слишком много денег, меньше всего расположен к философскому восприятию жизни. (1)

В современном мире люди – это как бы запрограммированные устройства: с тупым упорством жёстко запрограммированных роботов они реагируют лишь на деньги. (2)

Богач никогда не задумывается над тем, для чего он делает деньги. Процесс накопления становится для него таким же естественным и необходимым, как процесс изготовления нити шелкопрядом, как строительство сот пчёлами. (3)

По мнению людей с деньгами, деньги заменяют ум, красоту, благородство. В этом, для них, весь смысл цивилизации. (4)

Весь духовный мир и опыт пожилого миллионера свободно уместится в маленький собачий мозг. (5)

Тяжесть преступления обратно пропорциональна финансовому успеху. (6)

Уметь ждать, напружинившись для точно рассчитанного прыжка, – главное качество хищника. (7)

Творцы рекламы давно усвоили, что в мозг потребителя надо проникать так же, как взломщик проникает в люксовый номер отеля – незаметно, не привлекая внимания. (8)

Хороший коммивояжёр не должен философствовать. (9)

Дело не в деньгах, дело в том ощущении свободы и независимости, которые оне дают. (10)

В так называемой «свободной стране» каждый имеет право выбирать то, что ему нравится, или, чтобы быть точным, то, что ему по карману. (11)

Сумма любого выигрыша уменьшается прямо пропорционально количеству выигравших. (12)

Коллектив хорош, пока не запахнет большими деньгами. Деньги действуют на коллектив, как мощный растворитель: он моментально растворяется и распадается на составные части – столько-то индивидуальных карманов. (13)

Когда император узнаёт, что вассал бросает вызов центральной власти, он должен либо отречься от престола, либо убрать вассала. (14)

Отец не должен думать только о себе. (15)

Партнёрам с общими интересами незачем бояться друг друга. Доверие – основа сделки. (16)

Если одно разумное существо не подаст руку другому, на чём ещё может стоять мир? (17)

Кто знает толк в рукопожатиях, тот понимает, что вытянутая для пожатия рука всегда красноречивее лица. Лицу можно придать любое выражение, но рука говорит только правду. (18)

Для тех, кто ищет общества, одиночество – синоним скуки. Скука – это незанятый ум. Но тот, чей ум всегда занят, не тяготится своим одиночеством. (19)

Почему мы так любим смешивать с грязью тех, кто не согласен с нами? (20)

Это мещанская страсть – думать о людях хуже, чем они того заслуживают. (21)

Если трус переступает через свой страх, он не боится ничего. (22)

Хладнокровие – понятие относительное. Люди, как правило, склонны сохранять присутствие духа в ситуациях привычных, сколь бы опасными оне ни были, но теряются в ситуациях непривычных. Парашютист, главный парашют которого не раскрылся во время прыжка, успевает раскрыть запасной парашют (если он у него есть, разумеется) и ещё подумать о том, чтобы немножко оттолкнуть его от себя. Иначе он может запутаться в стропах нераскрывшегося парашюта. И тот же парашютист может растеряться, увидев, что его место в театре занято кем-то другим. (23)

Человек, оттолкнувшийся от трамплина над бассейном, не может прервать падения раньше, чем врежется в воду. (24)

Иждивенцы нежизнеспособны. (25)

Есть страшный закон масштаба. Пока ты, маленький человек, занимаешься маленьким делом, ты кажешься окружающим вполне нормальным человеком. Но стоит тебе, маленькому, заняться большим делом, как твой росточек сразу бросается всем в глаза. (26)

Большинство людей боятся отличаться друг от друга. Они боятся, что на них будут указывать пальцем и шептать: вон, смотрите, он не похож на нас. Наверное, в очень древние времена это было нужно. Племени нужно было защищать себя от чужаков, которые несли угрозу. Всё, что не похоже на тебя, опасно. (27)

Многие присоединяются к хору. В хоре ведь спокойно, все вместе. Аплодировать, как солисту, верно, не будут, но зато ведь и не освищут. (28)

Всегда находятся такие, которые не боятся протянутого осуждающего пальца. Они хотят думать и поступать по-своему, и даже гордятся своей непохожестью. (29)

Личность, наверное, не может быть действительно личностью, если в неё заранее вложены ограничения. (30)

Разум, выбирающий путь добровольного рабства, не имеет права считать себя разумом. (31)

Ах, эти двойственные натуры, ах, эти «с одной и с другой стороны», нелегко живётся им на этом свете! (32)

Ожидание мучительно для человека с фантазией. Пока он ждёт, его воображение сотни раз проделывает то, что ему предстоит сделать, и время тянется мучительно медленно, спотыкаясь на секундах и минутах. Но если у человека фантазии нет, то течение времени он ощущает не больше, чем корова, для которой каждое неторопливое движение челюстями – вечность. (33)

Для того, чтобы хотеть или не хотеть чего-то, нужна собственная воля, а чтобы уметь дать понять об этом другим, нужен интеллект. (34)

Важно понимать, какой бесценный дар – дар разума – дала нам матушка-природа и как бережно должны мы к нему относиться. И тогда многие наши страхи сразу оказываются детскими, и табу – дикарскими, и преграды – искусственными. (35)

Старая, как мысль, дилемма: что лучше – удобное незнание или жестокая правда? Большинство всегда предпочитало первый вариант, и только мазохистическое меньшинство искало правду и волокло за собой скулящее от негодования большинство. (36)

Правда, наверное, быстрее открывается тем, кому ничего не надо. (37)

Откровенность и прямота – не так уж плохо, когда больше ничего не остаётся делать. (38)

Пока ты не знаешь правды, можно надеяться. Факты для надежды, что святая вода для нечистой силы. (39)

До сих пор не могу привыкнуть к слову «нет». Это же страшная ответственность, когда говоришь кому-то «нет». А вдруг всё-таки что-то могло явиться на свет божий и не явилось только из-за того, что мы сказали «нет»? Ужасное слово, ужасное своей окончательностью... (40)

Не верьте, что учёные обладают холодными и бесстрастными мозгами. Я не знаю людей более склонных к детским фантазиям, людей более увлекающихся и доверчивых. Строгие умы дают в лучшем случае великих классификаторов. Двигают науку только несолидные фантазёры. (41)

Как должен действовать маленький учёный, волею судеб оказавшийся возле большого дела? Расти? Но расти хорошо в молодости, когда ты ещё эластичен. В определённом возрасте это почти невозможно. (42)

К сожалению, большинство из нас не такие, какими мы бы хотели быть. И изменить себя не так-то просто. Поэтому часто наши поступки – это не то, чем мы могли бы гордиться. И, естественно, мы стараемся скрыть их. (43)

Сила каждой машины кроется в её специализации. (44)

Конечно, когда чего-то очень хочется, можно убедить себя в чём угодно. Мы гибки и находчивы. (45)

Что делать? Надо просто перестать лукавить, надо меньше думать об обстоятельствах, а больше – о старой, доброй, полузабытой совести. (46)

Всё, оказывается, очень просто. Надо лишь регулярно тренировать старую, добрую, полузабытую совесть. Хотя бы по пятнадцать минут в день. И она станет крепкой, перестанет гнуться и охотно будет подсказывать, что делать даже в самых сложных ситуациях. (47)

В семьдесят лет своё тело напоминает старый, много раз ремонтированный автомобиль – ещё передвигается, но удовольствия от езды не получаешь. (48)

Божество или всемогуще, или оно перестаёт быть божеством. (49)

Трудно стать философом за два месяца до смерти. Всё равно, что влюбиться под дулом пистолета. (50)

Смертельно больные люди готовы поверить во что угодно, вцепиться в любую соломинку. (51)

Только ослы могут тянуться за клоком сена, привязанным к оглобле. Нельзя разрешать себе надежду. Неоправдавшаяся надежда для приговорённого означает ещё одну смерть. (52)

Для эгоиста страшна не смерть. Страшно сознание, что останутся другие. О, если б он мог всех заставить умереть вместе с собой!.. (53)

Р. Ф. Я н г

(1915 – 1986 гг.)

Никто из будущего не должен принимать участие в событиях прошлого, потому что уже одно его присутствие явилось бы парадоксом, и событиям будущего пришлось бы протекать подругому, чтобы прийти в соответствие с парадоксом. (1)

Прозаическая натура всегда готова без жалости разрушить красивую выдумку. (2)

Физический труд ставит всё на свои места и излечивает рассудок. (3)

Для того чтобы получать, нужно и давать: это закон, который никому не дано нарушать безнаказанно. (4)

СЕНТЕНЦИИ РАЗНЫХ АВТОРОВ

Кто хоть сколько-нибудь склонен к самоанализу, тот, конечно, всё острей ощущает, что становится день ото дня более одиноким в этом мире. И кто душевно не слишком богат, того, пожалуй, ещё сильней станет пугать собственная смерть.

Дж. Блиш

Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления.

В.А. Гаевский

Никогда не унижай других и сам не унижайся.

Н.Л. Гайдамака

Человек будет человеком до той поры, пока находится в труде, в движении. Отними у него эту необходимость, он превратится в амёбу, в скота.

М.Н. Грешнов

Люди для того и живут на свете, чтобы оставлять по себе добрую память.

М.Н. Грешнов

Один человек – весть, два – уже вторжение.

У. ле Гуин

Чего стоит твоя жизнь, прожитая в нищете и одиночестве, если ты так ничего и не узнал, а только путался в догадках и теориях?

У. Ле Гуин

Красота и есть высшая реальность.

А.Г. Зарубин

Акробат, который импровизирует, долго не протянет.

О.С. Кард

Вряд ли можно упрекнуть мизантропа, ведь большинство людей – из породы баранов.

Ф. Лейбер

Система поведения, идеальная для одного человека, для другого оказывается далеко не лучшей. К примеру, – и это вполне естественно – у политического деятеля понятия о чести совсем иные, чем у того, кто работает в дорожном патруле.

М. Лейнстер

Вероятность и этика нераздельны, и если, приступая к любому делу, нарушить законы порядочности и чести, бессмысленно ждать, чтобы оно принесло плоды, достойные восхищения.

М. Лейнстер

Теория всегда полезна впоследствии.

Д. Лэнгфорд

Неконтролируемые эмоции всегда приводят к ненужным осложнениям.

У.Ф. Нолан

Понятие «удача» тесно связано с успехами и поражениями. Мы никогда не можем с уверенностью предсказать, какой план действий окажется удачным. Всегда кое-что остаётся неучтённым, всегда имеются факторы, которые нам неподвластны.

Э. Нортон

Люди имеют привычку по многому относиться, как к само собой разумеющемуся.

Боб Шоу

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов, Александр Иванович (1900 – 1985 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Абрамов, Сергей Александрович (1944 г.р.) – русский советский писатель-фантаст, журналист и общественный деятель.

Абэ, Кобо /Кимифуса/ (1924 – 1993 гг.) – японский писатель, драматург и режиссёр, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Азимов, Айзек (1920 – 1992 гг.) – американский писатель-фантаст, учёный-биохимик и популяризатор науки.

Альтов, Генрих /Альтшуллер, Генрих Саулович/ (1926 – 1998 гг.) – русский советский писатель-фантаст и учёный.

Амнуэль, Павел Рафаэлович (1944 г.р.) – советский и израильский физик, советский писатель-фантаст

Андерсон, Пол Уильям (1926 – 2001 гг.) – американский писатель-фантаст.

Багряк, Павел (60 – 80гг. XX века) – коллективный псевдоним, под которым выступали писатели и журналисты Д.Биленкин, В.Губарев, В.Аграновский, Я.Голованов, В.Комаров и художник П.Бунин. Процесс творчества П.Багряка был описан Д.Биленкиным в рассказе «Человек, который присутствовал». П.Багряк был яркой творческой индивидуальностью и сыграл заметную роль в развитии русской научной фантастики.

Балабуха, Андрей Дмитриевич (1947 г.р.) – украинский советский писатель-фантаст и критик.

Бахнов, Владлен Ефимович (1924 – 1994 гг.) – русский советский писатель-фантаст, поэт-сатирик, драматург, сценарист, журналист.

Беляев, Александр Романович (1884 – 1942 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Бережной, Василий Павлович (1918 – 1988 гг.) – украинский советский писатель-фантаст.

Бертрам-Чандлер, Артур (1912 – 1984 гг.) – австралийский писатель-фантаст.

Бестер, Альфред (1913 – 1987 гг.) – американский писатель-фантаст, журналист и редактор.

Биленкин, Дмитрий Андреевич (1933 – 1987 гг.) – русский советский писатель-фантаст, журналист, популяризатор науки, геохимик.

Блох, Роберт Альберт (1917 – 1994 гг.) – американский писатель-фантаст.

Бородыня, Александр Сергеевич (1957 г.р.) – русский писатель-фантаст.

Брэдбери, Рэй Дуглас (1920 – 2012 гг.) – американский писатель-фантаст.

Булычёв, Кир /Можейко; Игорь Всеволодович / (1934 – 2003 гг.) – русский советский писатель-фантаст, драматург, сценарист и литературовед; историк и востоковед.

Буль, Пьер (1912 – 1994 гг.) – французский писатель, в том числе автор фантастического жанра.

Варшавский, Илья Иосифович (1908 – 1974 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Вежинов, Павел /Гугов, Никола/ (1914 – 1983 гг.) – крупнейший болгарский прозаик; автор нескольких десятков книг, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Верн, Жюль Габриэль /Жюль Верн/ (1828 – 1905 гг.) – французский писатель, родоначальник жанра научной фантастики, автор множества приключенческих романов.

Войскунский, Евгений Львович (1922 – 2020 гг.) – русский советский и прозаик, писатель-фантаст; как фантаст писал в соавторстве с Лукодьяновым И.Б.

Воннегут, Курт (1923 – 2007 гг.) – американский писатель, фантаст и сатирик.

Гаевский, Валерий Анатольевич (1960 г.р.) – русский писатель-фантаст.

Гайдамака, Наталья Лукьяновна (1952 г.р.) – украинская писательница-фантастка.

Ганн, Джеймс Эдвин (1923 г.р) – американский писатель-фантаст.

Гансовский, Север Феликсович (1918 – 1990 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Гаррисон, Гарри /Демпси, Генри Максвелл/ (1925 – 2012 гг.) – американский писатель-фантаст и лингвист.

Гернсбек, Хьюго (1884 – 1967 гг.) – американский писатель, родоначальник американской научной фантастики.

Головачёв, Василий Васильевич (1948 г.р.) – русский писатель-фантаст, сценарист и продюсер.

Гор, Геннадий Самойлович (1907 – 1981 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Горбовский, Александр Альфредович (1930 – 2003 гг.) – русский советский фантаст и публицист, учёный-историк, индолог и переводчик.

Грешнов, Михаил Николаевич (1916 – 1991 гг.) - русский советск ий писатель-фантаст.

Григорьев, Владимир Васильевич (1934 – 1999 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Громова, Ариадна Григорьевна (1916 – 1981 гг.) – русская советская писательница-фантаст, критик и переводчик.

Грушко, Елена Арсеньевна (1952 г.р.) – советская и российская писательница, филолог, сценарист.

Гуревич, Георгий Иосифович (1917 – 1998 гг.) – русский советский писатель, критик и литературовед.

Дашкиев, Николай Александрович (1921 – 1976 гг.) – украинский и русский писатель-фантаст, поэт и переводчик.

Дель Рей, Лестер (1915 – 1993 гг.) – американский писатель-фантаст.

Джоунс, Реймонд Ф. /Фишер-Джоунс, Реймонд/ (1915 – 1994 гг.) – американский писатель-фантаст.

Дик, Филип Кендред (1928 – 1982 гг.) – американский писатель-фантаст.

Дмитрук, Андрей Всеволодович (1947 г.р.) – украинский писатель-фантаст.

Днепров, Анатолий /Мицкевич, Анатолий Петрович/ (1919 – 1975 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Дрозд, Евгений Ануфриевич (1947 г.р.) – белорусский фантаст, критик и переводчик.

Дымов /Суркис/**, Феликс Яковлевич** (1937 – 2016 гг.) – русский советский писатель, поэт, публицист и переводчик.

Емцев, Михаил Тихонович (1930 – 2003 гг.) – русский советский писатель-фантаст, прозаик.

Ефремов, Иван Антонович (1907 – 1972 гг.) – русский советский писатель-фантаст, учёный-геолог, палеонтолог, эстет и гуманист.

Желязны, Роджер (1937 – 1995 гг.) – американский писатель-фантаст.

Жемайтис, Сергей Георгиевич (1908 – 1987 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Журавлёва, Валентина Николаевна (1933 – 2004 гг.) – русская писательница-фантаст.

Зарубин, Александр Георгиевич (1951 – 2003 гг.) – русский писатель, поэт, публицист, эссеист и музыкальный критик, автор фантастических рассказов.

Зубков, Борис Васильевич (1923 – 1986 гг.) – русский советский писатель-фантаст; писал в соавторстве с Е.В. Муслиным

Казанцев, Александр Петрович (1906 – 2002 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Кард, Орсон Скотт (1951 г.р.) – американский писатель-фантаст.

Карсак, Франсис /Борд, Франсуа/ (1919 – 1981 гг.) – французский писатель-фантаст и учёный.

Каттнер, Генри (1915 – 1958 гг.) – американский писатель-фантаст.

Кернбах, Виктор (1923 – 1995 гг.) – румынский писатель-фантаст, поэт и переводчик художественной литературы; переводил произведения русских и грузинских авторов на румынский язык.

Киз, Дэниел (1927 – 2014 гг.) – американский писатель-фантаст и филолог.

Килуорт, Гарри Дуглас (1941 г.р.) – английский писатель в жанре научной фантастики и фэнтези, а также автор исторических романов.

Кларк, Артур Чарльз (1917 – 2008 гг.) – английский писатель-фантаст, футуролог и популяризатор науки.

Клейн, Жерар (1937 г.р.) – французский писатель-фантаст.

Колпаков, Александр Лаврентьевич (1922– 1995 гг.) – русский советский писатель-фантаст и публицист.

Колупаев, Виктор Дмитриевич (1936 – 2001 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Комацу, Сакё (1931- 2011 гг.) – японский писатель-фантаст.

Конан-Дойль, Артур (1859 – 1930 гг.) – английский писатель, автор исторических, приключенческих и фантастических романов, повестей и рассказов; один из родоначальников детективного жанра, автор всемирно известного цикла произведений о Шерлоке Холмсе; в том числе автор научно-фантастического жанра; общественный деятель, публицист, философ-спиритуалист, один из столпов философии спиритизма; доктор медицины и доктор права.

Крон, Рольф (1949 г.р.) – немецкий писатель- фантаст.

Кросс, Эрик (1905 – 1980 гг.) – ирландский писатель-фантаст.

Лао Шэ (1899 – 1966 гг.) – крупнейший китайский прозаик XX века, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Ларионова, Ольга Николаевна (1935 г.р.) – русская писательница-фантаст.

Ле Гуин, Урсула (1929 – 2018 гг.) – американская писательница-фантастка.

Лейбер, Фриц (1910 – 1992 гг.) – американский писатель-фантаст.

Лем, Станислав (1921 – 2006 гг.) – польский писатель, классик научно-фантастического жанра, мыслитель, юморист, эссеист, критик и литературовед.

Лукодьянов, Исай Борисович (1913 – 1984 гг.) – русский советский писатель-фантаст, писал в соавторстве с Е.Л. Войскунским; по образованию инженер-механик.

Львов, Аркадий Львович (1927 г.р.) – руский совесткий писатель-фантаст.

Лэнгфорд, Дэвид Роуленд (1953 г.р.) – английский критик, редактор и писатель научной фантастики.

Максимов, Герман Адольфович – российский писатель-фантаст и учёный.

Малов, Владимир Игоревич (1947 г.р.) – русский советский писатель-фантаст

Манов, Эмил (1919 – 1982 гг.) – болгарский писатель, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Мартынов, Георгий Сергеевич (1906 – 1983 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Мерль, Робер Жан Жорж (1908 – 2004 гг.) – французский писатель, прозванный «Дюма XX века»; автор в том числе и научно-фантастического жанра.

Михайлов, Владимир Дмитриевич (1929 г.р.) – русский советский писатель-фантаст.

Михановский, Владимир Наумович (1931 г.р.) – русский советский писатель-фантаст; а также прозаик, поэт, драматург и переводчик.

Моррисон, Уильям /Сэмачсон, Джозеф/ (1906 – 1980 гг.) – американский писатель-фантаст.

Муслин, Евгений Салимович (1930 г.р.) – русский советский писатель-фантаст; писал в соавторстве с Б.В. Зубковым.

Мюллер, Хорст (1923 – 2055 гг.) – немецкий писатель научно-фантастического жанра и библиотекарь.

Мюррей Лейнстер /Дженкинс, Уильям Фицджеральд/ (1896 – 1975 гг.) – американский писатель-фантаст.

Назаров, Вячеслав Алексеевич (1935 – 1977 гг.) – русский советский поэт и писатель-фантаст.

Несвадба, Йозеф (1926 – 2005 гг.) – чешский писатель, переводчик и врач; автор научно-фантастического и детективного жанров.

Нильсен, Нильс (1924 – 1993 гг.) – ведущий датский писатель-фантаст.

Нолан, Уильям Френсис (1928 г.р.) – американский писатель-фантаст.

Обручев, Владимир Афанасьевич (1863 – 1956 гг.) – русский учёный-геолог, географ и писатель-фантаст; исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии.

Обухова, Лидия Алексеевна (1924 – 1991 гг.) – русская писательница, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Олдисс, Брайан Уилсон (1925 г.р.) – английский прозаик и критик; один из ведущих английских фантастов.

Павлов, Сергей Иванович (1935 – 2019 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Панасенко, Леонид Николаевич (1949 – 2011 гг.) – советский украинский писатель-фантаст.

Парнов, Еремей Иудович (1935 – 2009 гг.) – русский советский писатель-фантаст, публицист и популяризатор науки.

Пирс, Джон Робинсон (1910 – 2002 гг.) – американский физик, писатель-фантаст и музыкант.

Подольный, Роман Григорьевич (1933 – 1990 гг.) – советский журналист, популяризатор науки, писатель-фантаст.

Пол, Фредерик (1919 – 2013 гг.) – американский писатель-фантаст.

Полещук, Александр Лазаревич (1923 – 1979 гг.) – русский советский писатель-фантаст

Пристли, Джон Бойнтон (1894 – 1984 гг.) – английский писатель и драматург; автор социальных романов, новелл и остросюжетных пьес, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Пухов, Михаил Георгиевич (1944 – 1995 гг.) – русский советский писатель-фантаст.

Разговоров, Никита Владимирович (1920 – 1983 гг.) – поэт-переводчик, литературный критик, журналист.

Рассел, Эрик Фрэнк (1905 – 1978 гг.) – английский писатель-фантаст.

Раш, Карлос (1932 г.р.) – немецкий писатель-фантаст.

Ревич, Всеволод Александрович (1929 – 1997 гг.) – один из ведущих советских критиков фантастики, детектива и приключенческой литературы.

Росоховатский, Игорь Маркович (1929 г.р.) – украинский советский писатель-фантаст, писал по-русски.

Рыбаков, Вячеслав Михайлович (1954 г.р.) – русский писатель-фантаст и учёный-востоковед.

Савченко, Владимир Иванович (1933 – 2005 гг.) –украинский советский писатель-фантаст, писал по-русски.

Саймак, Клиффорд Дональд (1904 – 1988 гг.) – американский писатель-фантаст.

Самнер-Элби, Джордж (1905 – 1964 гг.) – американский прозаик и писатель-фантаст.

Селлингс, Артур /Ли, Роберт Артур Гордон/ (1921- 1968 гг.) – английский писатель-фантаст.

Сильверберг, Роберт (1935 г.р.) – американский писатель-фантаст.

Симонян, Карэн Арамович (1936 г.р.) – армянский писатель-фантаст, прозаик и сценарист.

Снегов, Сергей Александрович /Штейн, Сергей Иосифович/ (1910 – 1994 гг.) – русский советский писатель-фантаст и популяризатор науки.

Соколова, Наталья Викторовна (1916 – 2002 гг.) – русский публицист, очеркист, прозаик, писательница-фантастка.

Старджон, Теодор (1918 – 1985 гг.) – американский писатель-фантаст.

Стругацкий, Аркадий Натанович (1925 – 1991 гг.) – русский советский писатель-фантаст; писал в соавторстве с братом Б.Н. Стругацким.

Стругацкий, Борис Натанович (1933 – 2012 гг.) – русский советский писатель-фантаст; писал главным образом в соавторстве с братом А.Н. Стругацким.

Тенн, Уильям (1920 – 2010 гг.) – американский писатель-фантаст.

Тесленко, Александр Константинович (1949 – 1989 гг.) – украинский советский писатель-фантаст.

Тушель, Карл-Хайнц (1928 – 2005 гг.) – немецкий писатель-фантаст.

Уильямсон, Джек /Уильямсон, Джон Стюарт/ (1908 – 2006 гг.) – американский писатель-фантаст и литературовед.

Уиндэм, Джордж (1863 – 1913 гг.) – английский писатель-фантаст и общественный деятель.

Ульрих, Бернд (1943 г.р.) – немецкий писатель-фантаст.

Уэллс, Герберт Джордж (1866 – 1946 гг.) – английский писатель, драматург, публицист и общественный деятель; один из основоположников современной научной фантастики.

Фалеев, Владимир Михайлович (1934 г.р.) – русский советский писатель, поэт и журналист, в том числе автор научно-фантастического жанра.

Филановский, Григорий Юрьевич (1927 г.р.) – русский советский писатель-фантаст, журналист.

Форсчен, Уильям (1950 г.р.) – американский писатель-фантаст.

Хачатурьянц, Левон Суренович (1927 г.р.) – русский советский писатель-фантаст, соавтор Е.В. Хрунова; доктор медицинских наук, профессор.

Хейнлейн, Роберт Энсон (1907 – 1988 гг.) – американский писатель-фантаст.

Хойл, Фредерик (1915 – 2001 гг.) – английский писатель-фантаст, астрофизик и популяризатор науки.

Циолковский, Константин Эдуардович (1857 – 1935 гг.) – русский учёный и писатель, изобретатель в области аэродинамики и ракетной техники, основоположник современной космонавтики; в своих философско-художественных эссе предсказывал расселение человечества в солнечной системе и других звёздных мирах, а затем – полную биологическую перестройку человека; в своих сочинениях философского характера развивал учение «панпсихизма» («монизма»), согласно которому космос представляет собой живое и одушевлённое существо.

Циргибель, Герберт (1922 – 1988 гг.) – немецкий писатель-фантаст.

Чапек, Карел (1890 – 1938 гг.) – чешский писатель и драматург; мастер юмористической и сатирической прозы; в своём творчестве предупреждал о катастрофической опасности дегуманизирующих тенденций цивилизации, сатирически обличал милитаризм.

Шалимов, Александр Иванович (1917 – 1991 гг.) – советский ученый-геолог и писатель-фантаст

Шаров, Александр /Нюренберг, Шер Израилевич/ (1909 – 1984 гг.) – русский советский писатель-фантаст и детский писатель.

Шейкин, Аскольд Львович (1924 – 2015 гг.) – советский писатель-фантаст, сценарист.

Шекли, Роберт (1928 – 2005 гг.) – американский писатель-фантаст.

Шерред, Томас (1915 – 1985 гг.) – американский писатель-фантаст.

Шоу, Боб /Роберт/ (1931 г.р.) – английский писатель-фантаст.

Штерн, Борис Гедальевич (1947 – 1998 гг.) – советский русский писатель-фантаст.

Щербаков, Владимир Иванович (1938 – 2004 гг.) – русский советский писатель-фантаст, журналист, редактор.

Эджубов, Лев Георгиевич (1926 – 2015 гг.) – советский учёный-юрист и писатель-фантаст.

Юрьев, Зиновий Юрьевич /Гринман, Зяма Юдович/ (1925 г.р.) – русский советский писатель-фантаст.

Янг, Роберт Франклин (1915 – 1986 гг.) – американский писатель-фантаст.

(текст на задней стороне обложки белым курсивом на светло-фиолетовом фоне)

Данная книга представляет научную фантастику и авторов НФ-жанра под очень необычным углом зрения. Это не романы, не повести, не рассказы, а максимы и рефлексии, отобранные автором- составителем из этих романов, рассказов, повестей и пьес.

Материал сборника представлен в виде авторских рубрик, размещённых в алфавитном порядке. Эта книга – парад великих имён: Жюль Верн, Герберт Уэллс, Артур Конан-Дойль, Карел Чапек, Станислав Лем, Иван Ефремов, братья Стругацкие, Артур Кларк, Айзек Азимов, Рэй Брэдбери, Дмитрий Биленкин, Север Гансовский, Владимир Михайлов, Гарри Гаррисон, Кобо Абэ, Лао Шэ, Курт Воннегут, Фредерик Хойл, Роберт Хейнлейн, Клиффорд Саймак, Сергей Жемайтис, Павел Багряк, Илья Варшавский, Владимир Савченко, Павел Вежинов, Николай Дашкиев, Франсис Карсак, Герберт Циргибель, Анатолий Днепров и многие-многие другие. И это не только великие имена, но и великие мысли.

О достоинствах и преимуществах афоризма как литературного жанра в последние годы, да и прежде, написано и сказано более чем достаточно. Всевозможные сборники афоризмов издавались во всех странах и на всех существующих языках. Более того, они вполне успешно распродавались, так что даже издателям – этой наиболее отсталой и невежественной части культурного населения – стало ясно, что книги эти стоило и стоит печатать и распространять.

Издание адресовано всем ценителям афористического жанра. Большинство вещей публикуется впервые. Читатели, несомненно, найдут для себя здесь много поучительного и интересного.